ЮРИЙ ФЕЛЬШТИНСКИЙ
ГЕОРГИЙ ЧЕРНЯВСКИЙ

ЛЕВ ТРОЦКИЙ

ВРАГ №1

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Издание рассматривает жизнь и деятельность Л.Д. Троцкого в эмиграции, где он со временем стал признанным и единоличным руководителем мирового оппозиционного коммунистического движения «большевиков-ленинцев». Книга создана на основе документальных фондов Троцкого в архивах Гарвардского университета и Гуверовского института войны, революции и мира (США) и на материалах архивов других стран, где существовали и действовали группы последователей Троцкого. Особое внимание уделено пребыванию Троцкого в Турции, Франции, Норвегии и, наконец, в Мексике, где Троцкий жил с 1937 г.

Авторы исследуют историю связей Троцкого с альтернативным коммунистическим движением в Европе, Азии и Америке, взаимодействие с левыми оппозиционерами различных политических группировок. Наибольшее внимание уделено переходу Троцкого от оппозиции в рамках существовавших компартий к курсу на создание независимых оппозиционных коммунистических партий «большевиков-ленинцев» и их объединение в новый 4-й Интернационал. Рассмотрены также роль Троцкого в разоблачении сталинского «большого террора» 1936–1939 гг., описание Троцким истории становления и упрочения тоталитарной системы в СССР и жизненного пути Сталина от провинциального революционера до кровавого советского диктатора. Подробно освещены эпизоды личной жизни Троцкого в эмиграции, его связь с мексиканской художницей Фридой Кало и сложные отношения с мужем Фриды, известным мексиканским художником Диего Риверой. В последней главе повествуется о многочисленных планах НКВД, направленных на устранение главного сталинского соперника и завершившихся убийством Троцкого в августе 1940 г.

Прилагается альбом архивных фотографий.

- Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И
  -
  - Глава 1. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОППОЗИЦИОНЕР
    - 1. Начало литературной деятельности в эмиграции
    - 2. Политические контакты с соотечественниками
    - 3. «Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)»
    - 4. Блюмкин и другие
    - 5. Троцкизм в Европе

- 6. Троцкизм в Америке
- 7. Троцкизм в Азии

○ Глава 2. ГЛАВНЫЙ ВРАГ СТАЛИНА
- 1. Исторические труды и статьи о Сталине
- 2. Лишение гражданства и новая семейная трагедия
- 3. Переоценка международной ситуации
- 4. Интернациональный секретариат

○ Глава 3. ДАНИЯ И ФРАНЦИЯ
- 1. Копенгаген
- 2. Новый стратегический курс
- 3. Скитания по Франции
- 4. Арест Сергея Седова

○ Глава 4. НОРВЕГИЯ
- 1. Норвежское затворничество
- 2. «Преданная революция»
- 3. На пути к 4-му Интернационалу
- 4. Троцкисты и гражданская война в Испании
- 5. Изгнание из Норвегии

○ Глава 5. ПРОДЕЛКИ «СВОЛОЧИ ИЗ ГОРИ»[529]
- 1. Зборовский и другие
- 2. Похищение архива Троцкого
- 3. Первый «открытый» процесс

○ Глава 6. МЕКСИКАНСКИЙ ЭТАП
- 1. Последний переезд
- 2. Диего Ривера и Фрида Кало
- 3. Создание 4-го Интернационала

○ Глава 7. НОВЫЕ ПОДЛОСТИ «СВОЛОЧИ ИЗ ГОРИ»
- 1. Перебежчики из НКВД
- 2. Истребление
- 3. Разоблачения Александра Орлова
- 4. Продолжение следует…
- 5. «Дело Льва Троцкого»[770]

○ Глава 8. МЕСТЬ ТРОЦКОГО
- 1. Книга о Сталине
- 2. Неоконченный двухтомник
- 3. Последние тексты и начало Второй мировой войны

○ Глава 9 МЕСТЬ СТАЛИНА
- 1. «Утка» и «Конь»
- 2. Покушение 24 мая
- 3. Убийство

○ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

○ СПИСОК АББРЕВИАТУР

- ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ
- ФОТОАЛЬБОМ
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Л.Д. ТРОЦКОГО
- БИБЛИОГРАФИЯ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38

- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82

- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126

- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170

- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214

- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258

- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302

- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346

- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390

- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434

- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478

- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522

- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566

- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610

- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654

- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670
- ○ 671
- ○ 672
- ○ 673
- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677
- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680
- ○ 681
- ○ 682
- ○ 683
- ○ 684
- ○ 685
- ○ 686
- ○ 687
- ○ 688
- ○ 689
- ○ 690
- ○ 691
- ○ 692
- ○ 693
- ○ 694
- ○ 695
- ○ 696
- ○ 697
- ○ 698

- ○ 699
- ○ 700
- ○ 701
- ○ 702
- ○ 703
- ○ 704
- ○ 705
- ○ 706
- ○ 707
- ○ 708
- ○ 709
- ○ 710
- ○ 711
- ○ 712
- ○ 713
- ○ 714
- ○ 715
- ○ 716
- ○ 717
- ○ 718
- ○ 719
- ○ 720
- ○ 721
- ○ 722
- ○ 723
- ○ 724
- ○ 725
- ○ 726
- ○ 727
- ○ 728
- ○ 729
- ○ 730
- ○ 731
- ○ 732
- ○ 733
- ○ 734
- ○ 735
- ○ 736
- ○ 737
- ○ 738
- ○ 739
- ○ 740
- ○ 741
- ○ 742

- ○ 743
- ○ 744
- ○ 745
- ○ 746
- ○ 747
- ○ 748
- ○ 749
- ○ 750
- ○ 751
- ○ 752
- ○ 753
- ○ 754
- ○ 755
- ○ 756
- ○ 757
- ○ 758
- ○ 759
- ○ 760
- ○ 761
- ○ 762
- ○ 763
- ○ 764
- ○ 765
- ○ 766
- ○ 767
- ○ 768
- ○ 769
- ○ 770
- ○ 771
- ○ 772
- ○ 773
- ○ 774
- ○ 775
- ○ 776
- ○ 777
- ○ 778
- ○ 779
- ○ 780
- ○ 781
- ○ 782
- ○ 783
- ○ 784
- ○ 785
- ○ 786

- ○ 787
- ○ 788
- ○ 789
- ○ 790
- ○ 791
- ○ 792
- ○ 793
- ○ 794
- ○ 795
- ○ 796
- ○ 797
- ○ 798
- ○ 799
- ○ 800
- ○ 801
- ○ 802
- ○ 803
- ○ 804
- ○ 805
- ○ 806
- ○ 807
- ○ 808
- ○ 809
- ○ 810
- ○ 811
- ○ 812
- ○ 813
- ○ 814
- ○ 815
- ○ 816
- ○ 817
- ○ 818
- ○ 819
- ○ 820
- ○ 821
- ○ 822
- ○ 823
- ○ 824
- ○ 825
- ○ 826
- ○ 827
- ○ 828
- ○ 829
- ○ 830

- ○ 831
- ○ 832
- ○ 833
- ○ 834
- ○ 835
- ○ 836
- ○ 837
- ○ 838
- ○ 839
- ○ 840
- ○ 841
- ○ 842
- ○ 843
- ○ 844
- ○ 845
- ○ 846
- ○ 847
- ○ 848
- ○ 849
- ○ 850
- ○ 851
- ○ 852
- ○ 853
- ○ 854
- ○ 855
- ○ 856
- ○ 857
- ○ 858
- ○ 859
- ○ 860
- ○ 861
- ○ 862
- ○ 863
- ○ 864
- ○ 865
- ○ 866
- ○ 867
- ○ 868
- ○ 869
- ○ 870
- ○ 871
- ○ 872
- ○ 873
- ○ 874

- ○ 875
- ○ 876
- ○ 877
- ○ 878
- ○ 879
- ○ 880
- ○ 881
- ○ 882
- ○ 883
- ○ 884
- ○ 885
- ○ 886
- ○ 887
- ○ 888
- ○ 889
- ○ 890
- ○ 891
- ○ 892
- ○ 893
- ○ 894
- ○ 895
- ○ 896
- ○ 897
- ○ 898
- ○ 899
- ○ 900
- ○ 901
- ○ 902
- ○ 903
- ○ 904
- ○ 905
- ○ 906
- ○ 907
- ○ 908
- ○ 909
- ○ 910
- ○ 911
- ○ 912
- ○ 913
- ○ 914
- ○ 915
- ○ 916
- ○ 917
- ○ 918

- ○ 919
- ○ 920
- ○ 921
- ○ 922
- ○ 923
- ○ 924
- ○ 925
- ○ 926
- ○ 927
- ○ 928
- ○ 929
- ○ 930
- ○ 931
- ○ 932
- ○ 933
- ○ 934
- ○ 935
- ○ 936
- ○ 937
- ○ 938
- ○ 939
- ○ 940
- ○ 941
- ○ 942
- ○ 943
- ○ 944
- ○ 945
- ○ 946
- ○ 947
- ○ 948
- ○ 949
- ○ 950
- ○ 951
- ○ 952
- ○ 953
- ○ 954
- ○ 955
- ○ 956
- ○ 957
- ○ 958
- ○ 959
- ○ 960
- ○ 961
- ○ 962

- ○ 963
- ○ 964
- ○ 965
- ○ 966
- ○ 967
- ○ 968
- ○ 969
- ○ 970
- ○ 971
- ○ 972
- ○ 973
- ○ 974
- ○ 975
- ○ 976
- ○ 977
- ○ 978
- ○ 979
- ○ 980
- ○ 981
- ○ 982
- ○ 983
- ○ 984
- ○ 985
- ○ 986
- ○ 987
- ○ 988
- ○ 989
- ○ 990
- ○ 991
- ○ 992
- ○ 993
- ○ 994

Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И Лев Троцкий. Книга четвертая. Враг № 1. 1929–1940 гг

ЮРИЙ ФЕЛЬШТИНСКИЙ
ГЕОРГИЙ ЧЕРНЯВСКИЙ

ЛЕВ ТРОЦКИЙ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ВРАГ №1

1929
1940

МОСКВА
ЦЕНТРПОЛИГРАФ

Глава 1. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОППОЗИЦИОНЕР

1. Начало литературной деятельности в эмиграции

Находясь в советском консульстве в Константинополе, Троцкий набросал проект своей издательской программы на ближайшие месяцы[1]. Первое, что задумал сделать Троцкий, — это выхватить из рук Сталина и использовать в своей борьбе против него знамя и авторитет Ленина. Для этого он решил учредить Фонд издания работ Ленина и важных документов партии, «опубликование которых в Советской республике запрещено сталинским аппаратом и карается как «контрреволюционное» преступление».

Начать он хотел с публикации протоколов Мартовского совещания руководящих деятелей партии большевиков 1917 г. (они должны были дать представление о «соглашательской» позиции Сталина, Молотова, Рыкова и других нынешних руководителей партии накануне приезда в Россию Ленина). Кроме того, Троцкий планировал опубликовать протокол заседания Петроградского комитета партии от 1 ноября 1917 г., на котором Ленин назвал Троцкого «лучшим большевиком»; протокол заседания военной секции VIII съезда партии, где Сталин брал под защиту так называемую «военную оппозицию», а Ленин полностью поддержал Троцкого в вопросе строительства регулярной армии; переписку Ленина с Троцким периода Гражданской войны и, наконец, последние письма Ленина, в частности записку «К вопросу о национальностях…», и послеоктябрьские документы Сталина, которые тот, по различным причинам, считал теперь для себя неудобными, а потому не подлежащими преданию гласности. «Таковы намеченные первые выпуски этого издания. Они составят многие сотни страниц, — писал Троцкий. — Между тем это только начало. Мы надеемся получить от наших друзей из СССР дополнительные материалы, о которых в свое время сообщим. Издание будет выходить на русском и на главных мировых языках».

Действительно, появившаяся через несколько лет книга Троцкого «Сталинская школа фальсификаций»[2] содержала несколько важных документов, обозначенных в этой издательской программе, позволявших получить более сбалансированное представление по важнейшим вопросам недавнего прошлого, в основном о политике большевистского руководства в 1917 г., о разногласиях Ленина с Каменевым, Сталиным и другими

«внутренними» руководителями большевистской организации после возвращения Ленина из эмиграции, о высокой оценке Лениным Троцкого и т. д. Однако в полном виде намеченная обширная издательская программа выполнена Троцким не была как из-за недостатка средств, так и вследствие того, что Троцкий занялся другими, значительно более актуальными, с его точки зрения, делами.

По прибытии в Турцию Троцкий возобновил работу, которую начал в Алма-Ате и которая, по его мнению, должна была представить сторонникам, противникам и всей читающей публике его жизненный путь, от рассказа о родителях и первых детских воспоминаний до событий самых последних месяцев: Троцкий засел за подробные мемуары. В ссылке писались только отдельные фрагменты книги, эпизоды, которые приходили в голову, почти исключительно из детства и юношеских лет. Лев Давидович не мог и не хотел полностью отдаться воспоминаниям, так как продолжал еще чувствовать себя действующим вождем огромной страны, руководителем важного, по его мнению, политического течения, уделял много времени переписке с другими ссыльными, изучению, анализу текущих событий в политической жизни страны, действиям властей, выработке курса «большевиков-ленинцев». Теперь же, особенно в первые месяцы после переселения на Принкипо, свободного от непосредственных политических дел времени оказалось много больше. Даже позже, когда Троцкий возобновил свою политическую деятельность, он ввел жесткое для себя правило: ежедневно уделять по несколько часов чисто кабинетной работе над историческими, экономическими, философскими, социологическими и даже литературно-критическими текстами (не имевшими непосредственного отношения к злободневной политике).

«Моя жизнь» была написана в один присест и завершена в течение нескольких месяцев», — писала Наталья Ивановна[3]. Сам же Троцкий был убежден, что затворничество в турецкой глуши — только временный эпизод в его бурной жизни, и торопился воспользоваться им, чтобы довести до современников и потомков свою трактовку минувших событий. Он писал в предисловии к автобиографии: «Самая возможность появления ее в свет создана паузой в активной политической деятельности автора. Одним из непредвиденных, хотя и не случайных этапов моей жизни оказался Константинополь. Здесь я нахожусь на бивуаке, — не в первый раз, — терпеливо дожидаясь, что будет дальше. Без некоторой доли «фатализма» жизнь революционера была бы вообще невозможна. Так или иначе, константинопольский антракт явился как нельзя больше подходящим моментом, чтобы

оглянуться назад, прежде чем обстоятельства позволят двинуться вперед»[4].

Об интенсивной работе отца тем, кого он считал своими единомышленниками в СССР, писал Лев Седов. 9 июля он отправил письмо И.Я. Врачеву, который как раз перед этим заявил о своем примирении со сталинским режимом (Лев об этом заявлении еще не знал): «У нас без перемен. Старик много работает — подготовляет книги для печати. Со здоровьем так себе — малярия, переутомление и пр[очее]. Да и здесь очень неважно, а единый фронт от сэра Остина — до Сосо — не дает никуда продвинуться»[5]. «Старик» — это Троцкий. «Сэр Остин» — министр иностранных дел Великобритании О. Чемберлен. «Сосо» — Сталин.

Рукописью сразу заинтересовались американские и английские издатели. Уже в 1930 г. книга была выпущена в США издательством «Скрибнер и сыновья» и в Великобритании издательством Торнтона Баттерворса. Через год американское издательство опубликовало дополнительный тираж книги. В том же 1930 г. мемуары были изданы во Франции, Испании и Чехословакии. В Варшаве они появились не только на польском языке, но и на идиш. Так началось победоносное шествие мемуаров Троцкого по всему миру — от Китая, где они были впервые опубликованы уже в 1932 г., до всех латиноамериканских и даже нескольких африканских стран[6].

Русскоязычное издательство «Гранит», находившееся в Берлине, подписало договор с Троцким об издании книги на русском. Мемуары вышли в двух томах в 1930 г., хотя в выходных данных значится следующий год, 1931-й. Издательство «Гранит», принадлежавшее А.С. Кагану (он владел еще двумя берлинскими издательствами — «Обелиск» и «Парабола»), и позже публиковало книги Троцкого, интерес к которым проявляла эмигрантская публика разных политических лагерей. Книгоиздатель получал неплохую прибыль, хотя не чувствовал себя в безопасности, имея в виду все более нагнетавшуюся советскими властями кампанию ненависти в отношении Троцкого и столь же бешеные выпады по отношению к коммунисту-еврею со стороны национал-социалистов. Именно приход к власти в Германии нацистов в начале 1933 г. положил конец существованию «Гранита» (хозяин которого был евреем), как и вообще всех издательских домов, принадлежавших не только евреям-иммигрантам, но и немецким евреям.

Мемуарная книга Троцкого обладала всеми достоинствами и недостатками, которые присущи воспоминаниям как жанру литературы и как историческому источнику. Она была насквозь

субъективна и пристрастна, что, собственно, автор не отрицал, заявляя, что эта книга — не бесстрастная фотография его жизни, а ее составная часть, что на страницах книги он продолжает ту борьбу, которой была посвящена вся его жизнь. Правда, Троцкий тут же начинал играть словами, утверждая, что именно в этом субъективизме и состоит возможность «сделать биографию объективной в некотором более высоком смысле, т. е. сделать ее наиболее адекватным выражением лица, условий и эпохи»[7].

Захватывающие мемуары Троцкого, увлекающие читателя с первых страниц, написанные живым, свободным языком с привлечением всех возможных литературных приемов, были точны в фактологическом отношении. В них почти невозможно обнаружить ошибок в датах, именах, наконец, в канве событий. В то же время они были сугубо полемичными и, как таковые, нередко заостряли внимание на одних событиях, игнорируя или лишь мельком упоминая другие, не заслуживавшие, с точки зрения автора, внимания. Учитывая же место автора в истории социал-демократического движения России, в организации Октябрьского переворота, в Гражданской войне, во внутрипартийных битвах 20-х гг., можно сказать, что двухтомник представлял собой персонифицированную историю российского революционного движения.

Что касается советского периода, то здесь особенно ярко и детально описывалась внутрипартийная борьба 1923–1927 гг. Знакомство с позицией Троцкого, при всех ее вполне объяснимых предвзятостях, было исключительно важно для понимания того, как зародившаяся в 1917 г. и не знавшая аналогов в истории человечества диктаторская система постепенно переросла в зрелый, всесторонне оформленный тоталитаризм, в сталинскую репрессивную машину, охватившую все сферы жизнедеятельности общества. Важнейшими недостатками работы были концентрация внимания автора на собственной личности (что естественно для жанра автобиографии) и не вполне искренняя идеализация Ленина и ленинского периода в истории Советской России и развитии большевистской власти. Но так или иначе на протяжении последовавших почти 80 лет ни один сколько-нибудь добросовестный исследователь истории революционного движения России в конце XIX — начале XX в. и истории становления советского общества и тоталитарного режима не проходил мимо этой работы. Одни читатели и исследователи, разделявшие взгляды Троцкого, относились к книге восторженно. Другие, настроенные критически или антисоветски, стремились выискать в ней максимум противоречивых и неверных оценок (которых в книге было предостаточно). Но с 1930 г. написанные

Троцким мемуары стали жить своей жизнью. Пропутешествовав по языкам, странам и континентам, они смогли, наконец, дойти и до России, где были впервые опубликованы в 1990 г., за год до формального падения коммунистической диктатуры.

На английский язык мемуары переводили старые знакомые Троцкого М. Истмен и его супруга Е.В. Истмен-Крыленко. Конечно, Истмен затаил глубокую обиду на Троцкого за то весьма неджентльменское поведение в отношении книги «После смерти Ленина» и ее автора. Тем не менее, возвратившись в США в 1927 г., после пятилетнего пребывания в Европе, Истмен стал выступать устно и в печати с заявлениями, в которых сочетались высокая оценка традиционного ленинского большевизма и поддержка позиций Троцкого. В журнале «Нейшен» Истмен опубликовал текст предсмертного письма А.А. Иоффе, адресованного Троцкому, причем редакция журнала в сопроводительной статье высказалась в том духе, что большевистское руководство находится теперь в стадии вырождения, напоминающей французский Термидор второй половины 90-х гг. XVIII в.[8] Понятно, что редакционная статья заговорила языком Троцкого с подачи Истмена, причем эта публикация сделала его «коммунистом в глазах большинства людей, но ренегатом с точки зрения воинствующих» просоветски настроенных левых[9].

Летом 1930 г. Истмен побывал на Принкипо, договорился с Троцким о переводе его работ на английский язык. Он был восхищен тем спокойствием и творческой атмосферой, в которой нежданно-негаданно оказался вечный возмутитель спокойствия наркоминдел и наркомвоенмор Троцкий. Вернувшись домой, Истмен рассказывал супруге о жизни Троцкого, о совместной рыбной ловле в Мраморном море, о том, что в свою очередь передавал Троцкому впечатления об американской жизни в условиях начавшегося в 1929 г. тяжелейшего экономического кризиса и о предполагаемых перспективах развития этой страны.

Елена Крыленко сразу же включилась в работу по переводу. 24 июня 1930 г. она писала Троцкому: «То, что мне пришлось над переводом Вашей книжки работать, ничего, кроме гордости и радости, мне не доставило… И было чему радоваться. Все американцы в голос кричат, что за чудесная книжка. Бедного Сталина, наверное, завидки берут, что не о нем, а о Вас кричат». К Америке и американскому образу жизни Е. Крыленко так и не привыкла: «Несуразная и удивительная, и идиотская и поразительная страна. Очень жаль, что Вы не можете приехать сюда»[10], — писала она. Троцкий действительно в эту «идиотскую страну» после высылки из СССР так никогда и не

приехал, хотя в последние годы жил в Мексике, по соседству с великой заокеанской державой.

Старая знакомая Троцких еще по жизни в Вене — Александра Константиновна Клячко, — прочитав присланный ей экземпляр воспоминаний, отвечала на несколько кокетливое письмо Троцкого, не искренне ругавшего свою книгу и не скромно искавшего аналогию со вторым томом «Мертвых душ»: «Как хорошо, что Вы не бросили Вашу автобиографию в несуществующие камины. Помимо того огромного значения, которое имеют все Ваши произведения, связанные со всеми громадными событиями последних лет, Ваша личность, Лев Давидович, интересует и занимает всех, и вот Вы ярко, живо, пластично выступаете из своей книги, и всем ясно, что за человек, как работал, к чему стремился, и все то личное, что так занимает людей. Книга читается с увлечением — у Вас особенность: несколькими штрихами создается живой местный колорит, новая обстановка»[11].

Еще более важным и авторитетным для Троцкого стало суждение профессора Кауна[12], который работал над книгой о Горьком[13] и просил Троцкого рассказать о его контактах с писателем, о позиции Троцкого по отношению к горьковской газете «Новая жизнь» и о том, что Троцкого просили выступить на заседании Петросовета с докладом о Горьком. Троцкий ответил Кану подробнейшим письмом, и исследователь назвал его письмо «исторически ценным», пообещав включить в свою книгу о Горьком[14].

Каун писал, что он окончил читать американское издание воспоминаний Троцкого с сожалением; хотелось слушать автора еще и еще: «Я не знаю более ценного вклада в историю русской революции, чем Ваши записки. С большим нетерпением буду ожидать дальнейших работ Ваших. Удивляюсь Вашей силе вмещать столько идей в коротеньком параграфе. Как хорошо было бы заманить вас в нашу страну на серию лекций!.. Как хотелось бы послушать ваш доклад, скажем, об общем положении современной Европы»[15]. Он планировал написать рецензию на «Мою жизнь» для журнала «Кроникл» («Хроника»), выпускаемого его университетом[16]. Сообщая, что собирается начать работу над книгой, посвященной Чехословацкому корпусу в России, Каун спрашивал Троцкого, соответствуют ли истине сведения, что именно Троцкий отдал в 1918 г. приказ разоружить чехословаков[17]. На этот очень неудобный вопрос Троцкий не ответил. Бессмысленный и по существу провокационный приказ разоружить Чехословацкий корпус отдал действительно он, причем этот неумный приказ о разоружении чехословаков и о

расстреле всех тех, кто откажется сдать оружие, толкнул их на антибольшевистское выступление, ставшее главным фронтом Гражданской войны в России. Возможно, впрочем, что устный ответ был дан во время встречи Кауна с Троцким в Стамбуле во второй половине августа или начале сентября 1932 г. во время европейской поездки американского ученого, после которой продолжалась его интенсивная дружеская и деловая переписка с Троцким[18]. Но в письменной форме ответ Троцкого до нас не дошел.

Воспоминаниями Троцкого заинтересовалось и высшие руководство СССР. Сразу же после ее выхода книга была приобретена для личной библиотеки Сталина. С ней было решено познакомить не только членов Политбюро, но и бывших оппозиционеров, которые капитулировали перед Сталиным и теперь восхваляли нового вождя, посылая проклятия по адресу старого. Естественно, от раскаявшихся ожидалась очередная порция негодующих эмоций, что и произошло. Зиновьев, начав знакомство с воспоминаниями со второго тома, почувствовал себя крайне уязвленным презрительными ремарками по собственному адресу и теперь спешил лишний раз расписаться в верности генсеку. 4 марта 1930 г. он писал с очевидной надеждой на то, что записка эта окажется в руках Сталина: «Думаю, что оставить эту книгу без ответа нельзя. В ней неимоверное количество мерзостей про всех нас, но прежде всего про В[ладимира][19] И[льича]. Книга во многих ее частях написана для «наших за границей» и поэтому «легко» читается и легко обходит ряд тем, невыгодных для автора… Я уверен, что С[талин] не оставит без ответа книгу Т[роцкого]. Но думаю, что я, во всяком случае, обязан со своей стороны ответить Т[роцкому]. Надежды на напечатание ответа сейчас не имею. Но все же напишу»[20].

Трусливый Зиновьев унюхал в этой книге шанс снова выбраться на поверхность, заручиться от Сталина заказом на написание ответа Троцкому, получить возможность снова публиковаться в партийной прессе. Но Сталин дал указание проигнорировать мемуары своего врага. Ни сам он по поводу этой книги ни слова не сказал, ни другим не позволил. Статья Зиновьева «Десятилетие спустя», написанная в 1933 г., где «Заявление 46-ти» (1923 г.) было названо «обвинительным актом против партии», а вся тяжесть борьбы с «троцкизмом» приписана Сталину, «с поразительной дальновидностью» выдвинувшему концепцию о победе социализма в одной стране, как и не написанный Зиновьевым ответ Троцкому, так никогда и не увидела света[21]. Сталин стал готовить совсем другой ответ Троцкому.

За границей высланный из Советского Союза политэмигрант достаточно быстро стал популярным автором, пополняя копилку ненависти Сталина все новыми и новыми высказываниями. Троцкий публиковался в большой западной прессе, в том числе во всемирно известных газетах: американских, таких как «Нью-Йорк тайме», «Нью-Йорк геральд трибьюн», британских, таких как «Дейли экспресс», социал-демократических изданиях Европейского континента. Некоторые статьи выходили затем на русском во Франции. В них шла речь об обстоятельствах выдворения Троцкого из СССР, давалась оценка социально-политической обстановки на родине и, главное, воспроизводился облик Сталина, каким он теперь представлялся автору. В статье «Как могло это случиться?» о кремлевском хозяине говорилось так: «Если искать краткой характеристики, то пришлось бы сказать: это *наиболее выдающаяся посредственность нашей партии.* Он одарен практическим смыслом, выдержкой и настойчивостью в преследовании поставленных целей. Политический его кругозор крайне узок. Теоретический уровень столь же примитивен… По складу ума это упорный эмпирик, лишенный творческого воображения»[22].

Наверное, Троцкий недооценивал многие поистине выдающиеся качества Сталина, которые и перечислить-то трудно, настолько уникален был этот человек: его расчетливость, предусмотрительность, умение не забегать вперед, не торопиться, хитрить, тихо планировать расправу, выжидать, его предельное лицемерие, жестокость, беспринципность, готовность использовать любые самые отвратительные и кровавые средства для достижения поставленной цели; его умение сохранять свой замысел в только ему известной тайне и упорно двигаться в сторону реализации своего тайного плана. Но важно другое: Троцкий объявлял Сталину войну теперь уже не в масштабах одной страны, а на мировой арене, причем перешел от дискуссий по поводу политики советского руководства к критике лично Сталина.

На этот раз в «Большевике» появились две статьи Ярославского, косноязычного и льстивого сталинского лакея, к которому Троцкий всегда относился с презрением. Статьи имели безвкусные длинные названия: «Мистер Троцкий на службе у буржуазии, или первые шаги Л. Троцкого за границей» и «Как «отвечает» Троцкий и как рабочие отвечают Троцкому». Они содержали в основном направленную против Троцкого ругань: «рекорд глупости», «живой политический покойник»[23], пользующийся услугами буржуазии «для публикации своих инсинуаций» Троцкий…[24] Теперь уже повод для ответа был

предоставлен Троцкому, и он им, разумеется, воспользовался, хотя до советского читателя, которому были адресованы статьи Ярославского, ответы Троцкого, разумеется, не дошли.

2. Политические контакты с соотечественниками

Правильно или нет прочитали мысли Троцкого вездесущие журналисты, приписавшие ему намерение организовать в СССР новую революцию, но фактом остается то, что Троцкий, высланный за рубеж, стремился по мере возможности поддерживать контакты с оставшимися ему верными сторонниками, находившимися в ссылке и в тюрьмах в пределах Советского Союза. Русский эмигрант С. Дмитриевский, раньше других увидевший, что Сталин становится на путь «национально-патриотического социализма», в своей книге противопоставлял возвеличиваемого им националиста Сталина ненавидимому интернационалисту

Троцкому, продолжающему свою борьбу даже за границей: «В борьбе Троцкого всегда был известный героизм. Он был готов на жертвы, на какие способен не всякий человек. Ставил все на карту огромной политической игры. Не шел на компромиссы, которые бы его унижали, всегда оставался самим собой. Есть своеобразное величие и в его поражении. Оказавшись побежденным, он не предал ни идей своих, ни людей, которые за ним шли — людей, которые, надо сказать, в большинстве его предали. Мало того. И сейчас, поверженный и разбитый, выброшенный за границу, лишенный русской почвы, которая ему так болезненно нужна… он все еще не сдается, он все еще лелеет горделивые планы и мечты»[25].

Разными путями левым оппозиционерам, остававшимся пока на свободе, удавалось передавать за границу письма для Троцкого. Они пользовались для этого своими связями в Москве, особенно с номенклатурными работниками, служащими советских полпредств в Европе, прежде всего Берлине и Париже, использовали командировки советских чиновников за рубеж. Уже весной 1929 г. с Троцким установил связь, разумеется тайную, шифровальщик полпредства СССР в Норвегии Петр Сергеевич Куроедов, которому удавалось посылать на Принкипо материалы из советской прессы, а также некоторые документы и фотографии, разными путями оказавшиеся в его руках. В переписке с Куроедовым Троцкий ставил перед ним все новые и новые задачи. Не исключалось даже, что этот человек станет невозвращенцем и присоединится к Троцкому в Турции в качестве секретаря-стенографа. План этот осуществлен не был, так как Куроедов в 1932 г. скончался от туберкулеза[26].

Ссыльным и заключенным передавать письма Троцкому за рубеж было куда сложнее. Тем не менее иногда это удавалось. Н.И. Седова вспоминала, что однажды Троцкий получил послание от узников из Верхнеуральского политизолятора, написанное микроскопическими буквами на крохотных клочках бумаги размером с почтовую марку[27]. В архивном фонде Троцкого сохранились письма, полученные им в Турции от ссыльных Н. Мура-лова, Ф. Дингельштедта, К. Цинцадзе и некоторых других оппозиционеров. Но особенно важным Троцкий считал продолжение хотя бы редких, спорадических контактов с Раковским, который за неуступчивость был переведен из Астрахани в Саратов, а затем в далекий Барнаул. Из дальней ссылки Раковскому удалось переправить Троцкому несколько статей и писем. Вряд ли можно предположить, что они посылались по международной почте. Контроль ОГПУ за ссыльными и их корреспонденцией после изгнания Троцкого стал очень жестким. Так, в справке Комитета партийного контроля при ЦК КПСС «О деле так называемого «Московского центра» приведены данные о режиме сосланных в 1932 г. Каменева (в Минусинск) и Зиновьева (в Кустанай): «За ними велось активное агентурное наблюдение, сопровождавшееся перлюстрацией переписки и подслушиванием телефонных разговоров»[28]. Можно не сомневаться, что такой режим был к 1932 г. распространен на всех ссыльных руководителей партии. Тем не менее примерно до конца 1932 г. существовала двусторонняя нелегальная связь между Троцким и ссыльными оппозиционерами, что подтверждается материалами архива Троцкого, где хранятся поступавшие к нему материалы[29].

В то же время ряды сторонников Троцкого в СССР все более редели. Согласно данным ОГПУ, «массовый отход от троцкизма начался во второй половине 1929 г.». Для достижения этой цели применялись своеобразные психические атаки. Бывших членов оппозиции вызывали в ОГПУ, где им угрожали, запугивали, а иногда просто заставляли стоять в коридоре по много часов, после чего отправляли назад без каких-либо объяснений. Затем история повторялась. В конце концов многие до предела запуганные люди давали подписку о сотрудничестве[30]. Некоторые в прошлом активные участники оппозиции сочли для себя возможным выступить с новыми покаянными заявлениями. Особенно усердствовал в этом Радек. Возвратившись из ссылки в Москву, он старался любой ценой заслужить похвалу Сталина, всякий раз подчеркивая в публикуемых им с разрешения советского руководства в центральной партийной прессе письмах, что со Сталиным у него больше нет расхождений, и обвиняя при

этом Троцкого то в левом уклоне, то в переходе на позиции децистов.

Первое время Троцкий необычно мягко критиковал новые выступления Радека. Он опубликовал несколько материалов, в том числе статью «Радек и оппозиция»[31] и свое заявление периода ссылки «По поводу тезисов т. Радека», в которых пытался оправдать своего бывшего единомышленника тем, что тот, будучи одним из лучших марксистских журналистов, в то же время слишком импульсивен, многое преувеличивает и забегает вперед, «измеряет метром там, где дело идет только о сантиметрах». В другой статье — «Выдержка, выдержка, выдержка!» — поведение Радека характеризовалось противоречиво. В начале публикации оно оценивалось как «шатания»; в конце статьи — как явная капитуляция, из-за которой Радек «просто вычеркнет себя из состава живых» и «попадет в возглавляемую Зиновьевым категорию полуповешенных, полупрощенных. Эти люди боятся сказать вслух свое слово, боятся иметь свое мнение и живут тем, что озираются на свою тень. Им не позволяют даже поддерживать вслух правящую фракцию»[32].

Радек был далеко не одинок. В июне 1929 г. историк-экономист Солнцев, годом ранее исключенный из партии за оппозиционную деятельность и сосланный, обратился с письмом к Раковскому, как к наиболее авторитетному ссыльному оппозиционеру, с предложением о коллективном возвращении в партию как средстве сдержать распад оппозиции (хотя возвращение в партию означало фактическое самоуничтожение оппозиции). В письме говорилось: «То, о чем я писал вам месяца два назад, как о возможной перспективе, стало фактом. Катастрофа разразилась. Господствующее настроение — паника и растерянность, поиски индивидуальных выходов из положения… Полное идейное и моральное разложение, никто больше никому и ни во что не верит. Создалась обстановка взаимного недоверия, групповых отчуждений, взаимной отчужденности и изолированности. Каждый боится, что его предадут, что другой забежит вперед, чтобы не запоздать, чтобы самому по спинам других проскочить в партию. Прорваны все плотины»[33].

Это письмо оказалось в руках ОГПУ и частично было приведено в статье Ярославского под выразительным названием «Об одном похабном документе», опубликованной в сокращенном варианте в «Правде» и в полном — в журнале «Большевик». Можно предположить, что инициатива написания «письма Солнцева» тоже родилась в стенах ОГПУ, а не в голове несчастного ссыльного[34], переставшего видеть смысл в неравной борьбе с могущественной системой.

Какими методами пользовалось при этом карательное ведомство, видно из происходившего с Врачевым, Б.А. Карнаухом и Г.П. Штыкгольдом, находившимися в ссылке в Вологде. 30 июня они были арестованы и им было объявлено постановление Особого совещания ОГПУ о заключении на три года в Тобольском политизоляторе. 1 июля после разговоров по телефону с Радеком и Смилгой Врачев и Карнаух отправили телеграмму в ЦКК ВКП(б) о признании правильной «генеральной линии партии» и об отказе от фракционной борьбы. Этой телеграмме предшествовал торг с ЦКК по поводу отдельных формулировок. Оппозиционерам приходилось идти на уступки. Штыкгольд уклонился от оценки курса партии, но тоже заявил о прекращении фракционных выступлений. 3 июля все трое были освобождены из-под стражи. Еще через пять дней Врачев отправил Троцкому телеграмму, прохождению которой не чинилось препятствий со стороны советских властей в связи с ее содержанием: «[При] нынешней линии партии дальнейшая фракционная работа бессмысленна. Призываю вместе [с] основными кадрами стать на путь возвращения [в] партию»[35].

10 июля 1929 г. было датировано совместное заявление Преображенского, Радека и Смилги, которое появилось в «Правде» 13 июля. Авторы писали об отказе от своих подписей под оппозиционными документами, отказе от оппозиционной деятельности и просили восстановить их в партии. Они высказывались за экономическую политику руководства, подтверждали, что план пятилетки является частью обшей программы социалистического строительства, признавали правильными решения XV партсъезда, осудившего оппозиционную платформу, отвергали «отвлеченную» свободу критики и требование легализации фракций.

Троцкий ответил статьей «Жалкий документ»[36], в которой стремился по пунктам опровергнуть доводы «тройки» и завершал анализ принципиальной установкой: «Мы поддержим всякий шаг центристов влево, не смягчая ни на йоту борьбу с центризмом, как главной опасностью в партии. Наша верность октябрьской революции остается незыблемой. Но это верность борцов, а не прихлебателей».

На все новые и новые капитуляции своих сторонников в СССР Троцкий стал реагировать весьма болезненно, пытался убедить их в беспринципности занятой ими позиции, призывал к выдержке, не отдавая себе полностью отчета в том, что сдача позиций носила не политический характер, а диктовалась элементарным инстинктом самосохранения. Настроение Троцкого отчетливо видно по его статье «Выдержка, выдержка, выдержка!» от 14 июня

1929 г., которая была послана в СССР, но перехвачена ОГПУ[37]. «Зиновьев и Каменев тщетно стучатся к Молотову, Орджоникидзе, Ворошилову, принимая двери партийных канцелярий за двери партии», — пытался втолковать Лев Давидович. Он убеждал, что левый поворот Сталина, его расправа с «правыми» являются лишь побочным продуктом политики оппозиции, ибо генсек пользуется только «осколками оппозиционной платформы», что, по сути, у него происходит не левый поворот, а «левая судорога», что он укрывается «перьями, вырванными у оппозиции», что оппозиция совершила бы «постыдное самоубийство, если бы стала равняться по настроениям уставших и скептиков». Это были весьма звучные тирады, к которым оставались глухими бывшие оппозиционеры, даже тогда, когда сами письма или их содержание до них доходили. Люди стремились вырваться из ссылки, возобновить активную деятельность, возвратиться в житейское благополучие, в котором, по их убеждению, пребывал руководитель оппозиции за рубежом.

ОГПУ, как обычно, преувеличивало опасность режиму, исходившую от Троцкого и остатков оппозиции. 21 февраля 1929 г. за подписью заместителя председателя ОГПУ Ягоды, заместителей начальника секретно-оперативного управления Дерибаса и Агранова[38] было разослано письмо всем полномочным представительствам на местах, губернским и областным отделам. Письмо имело грифы «Циркулярно», «Строго секретно», «Хранить наравне с шифром». Сторонники Троцкого представлялись теперь не просто политическими противниками, но и «контрреволюционерами», ведшими борьбу за свержение советской власти. В этом смысле характерны первые строки документа: «Борьба с троцкистской оппозицией в настоящее время вступила в новую полосу. Новый этап деятельности нелегальной троцкистской фракции характеризуется решительным подъемом ее политической активности, ее крайней агрессивностью и вступлением на путь подготовки оппозиционных кадров к Гражданской войне»[39].

Естественно, что со столь страшным врагом достойно было бороться любыми средствами, вплоть до применения «высшей меры социальной защиты» (как тогда официально назывался расстрел) в отношении нераскаявшихся и не «капитулировавших». Хотя в тот период к этой крайней мере еще не прибегали, секретное письмо ОГПУ 1929 г. явилось первым псевдоюридическим основанием, на базе которого через семь-восемь лет «троцкистов», наряду с теми, кого обвиняли в «троцкизме» без каких-либо к тому причин, стали в массовом порядке расстреливать по приговорам внесудебных инстанций.

Ягода и его подчиненные ставили задачу «полной и скорейшей ликвидации троцкистской оппозиции, разрушения ее организационных центров, ее техники, связи и активных кадров». Выдвигались требования «бить противника по частям», уничтожать отдельные его группы, засылать в ряды «троцкистов» аген-тов-провокаторов, которые убеждали бы в необходимости немедленного прекращения фракционной работы и возвращения в ряды ВКП(б) «ввиду беспочвенности оппозиции и ее превращения в центр притяжения для всех элементов, недовольных коммунистическим режимом». Согласно директивам, изложенным в письме, эту идею следовало распространить среди членов нелегальных «троцкистских» организаций, которые должны были бы «повести борьбу внутри самой организации с целью ее ослабления, расщепления и в конечном итоге разрушения». При этом рекомендовалось, чтобы провокаторы не порывали с организацией, а и далее оставались в ее рядах, стремясь к углублению ее раскола. «Надо принять меры к неуклонному и настойчивому продвижению нашей агентуры в местные и вышестоящие иногородние троцкистские центры. Особое внимание должно быть обращено на продвижение нашей агентуры в Москву»[40], — приказывали руководители ОГПУ.

Руководители подразделений ГПУ на местах действовали далее в соответствии с их пониманием приказаний вышестоящего начальства. Председатель ГПУ Украины Балицкий патетически восклицал на конференции КП(б)У в апреле 1929 г.: «Если сам Троцкий докатился до того, что сейчас поносит партию и советскую власть на страницах буржуазной и белогвардейской прессы, то здесь, внутри страны, его приспешники не останавливаются ни перед чем и идут на самые крайние контрреволюционные действия»[41]. Не приходится удивляться, что на мнимых и настоящих «троцкистов» обрушилась вся сила советской карательной системы. При очевидной переоценке разветвленности, масштабов деятельности и численности сторонников Троцкого реализация директив ОГПУ привела к полному и окончательному уничтожению левой оппозиции, открытой и замаскированной, реальной и выдуманной, в ссылках, на местах и в столице.

3. «Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)»

Полученные Троцким статьи Раковского и некоторые другие материалы ссыльных оппозиционеров, которые пока еше не «капитулировали», публиковались прежде всего в русскоязычном журнале «Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)», который оказался наиболее стабильным из всех периодических изданий сторонников Троцкого, хотя так и не смог стать органом с четкой периодичностью и появлялся в свет от года к году все реже и реже. «Бюллетень» начал выходить в Париже в июле 1929 г. В марте 1931 г. издание журнала было перенесено в Берлин, куда для руководства им в следующем месяце приехал из Турции сын Троцкого Лев Седов, поступивший в столичный политехнический институт и старавшийся добросовестно в нем учиться, уделяя основное внимание журналу и политической деятельности своего отца, прежде всего работе по сплочению левых оппозиционеров за границей. Лев проявил великолепные организаторские качества. В начале 1933 г. в связи с приходом к власти в Германии нацистов он смог почти безболезненно перенести издание журнала снова в Париж. В 1934–1935 гг. журнал издавался в Цюрихе, однако там задержаться не смог, в основном из-за недобросовестности помощников Седова, и опять вернулся в Париж. После начала Второй мировой войны «Бюллетень» перевели в Нью-Йорк, где в августе 1941 г. вышел его последний номер.

Подавляющее большинство материалов журнала составляли статьи, тезисы, обращения, письма, заметки и документы самого Троцкого. Можно даже сказать, что «Бюллетень оппозиции» был журналом одного автора, как удачно определил Д.А. Волкогонов[42], слишком уж разительно отличались интеллектом, слогом и динамикой его материалы от всего того, что писалось остальными. Публикации Троцкого занимали обычно 80–90 % всей журнальной площади. Некоторые же номера «Бюллетеня» были, по существу дела, брошюрами главного международного оппозиционера. Например, № 8 за декабрь 1929 — январь 1930 г. содержал только работу Троцкого «Третий период» ошибок Коминтерна». Л. Седов не уставал повторять, что «Бюллетень» — это персональный орган Троцкого и только он может решать все принципиальные вопросы[43].

Троцкий печатался под собственным именем, без подписи помещал редакционные материалы, авторство которых легко

узнавалось по стилю, использовал различные псевдонимы (Г. Гуров, Альфа, Онкен и другие). Вторым постоянным автором и сотрудником журнала был сын Троцкого Лев. Он печатал в «Бюллетене» свои сообщения обычно под псевдонимом Н. Маркин. Публиковались в журнале, правда все реже, и реже авторы из Советского Союза, передававшие статьи и письма. В частности, приходили материалы от Раковского. Подчас трибуна предоставлялась совсем случайным корреспондентам.

Благодаря энергичной деятельности Седова «Бюллетень оппозиции» установил связь со многими странами: с библиотеками, книжными магазинами, книжными фирмами, политическими организациями различных направлений, частными гражданами.

Интерес к журналу, подписка на него были довольно значительными, что позволяло выпускать его регулярно, хотя и небольшим тиражом, свыше двенадцати лет[44]. В СССР журнал иногда ввозили советские граждане, возвращавшиеся из заграничных командировок. Пытался передавать журнал и шифровальщик советского полпредства в Осло Куроедов. Об этом свидетельствует письмо Седова Куроедову от 27 апреля 1931 г.: «Посылаю вам 15 экземпляров] Бюллет[еня] (платформы) (на тонкой бумаге) для пересылки в Союз. Пересылка платформы имеет совершенно особое значение; надо попытаться сделать все возможное для «пропихивания» ее на родину»[45].

Однажды, не разобравшись, что именно покупают, «Бюллетень» приобрели официальные закупщики для магазина международной книги в Москве. Туда же каким-то образом попало несколько экземпляров автобиографии Троцкого «Моя жизнь». Вскоре, разумеется, перепугавшиеся чиновники эти издания списали и уничтожили[46]. Из числа заинтересованной публики и тех, кто стремился получить информацию не только из советской официальной прессы, журнал даже в первые годы издания, когда железный занавес не был еще опущен полностью, достигал лишь единиц. То же касалось и мемуаров Троцкого «Моя жизнь». Иногда, очень редко, книгу, как и номера журнала, привозили с собой приезжавшие в СССР иностранцы. Так, по сведениям советской разведки, в 1933 г. приехавший в СССР по приглашению Всесоюзного радио немецкий дирижер Георг Себастьян привез книгу Троцкого «Моя жизнь», которую «давал для прочтения своим знакомым советским гражданам». В связи с этим НКВД дал указание в будущем Себастьяна в СССР не пускать[47].

С 1935 г. одно только прикосновение к обложке «Бюллетеня оппозиции» или «Моей жизни» грозило арестом, лагерем и даже

расстрелом по обвинению в троцкизме. Сам Троцкий неоднократно признавал, что с распространением «Бюллетеня оппозиции» в СССР дело обстояло плачевно. Зато высшие советские коммунистические иерархи имели возможность знакомиться с «Бюллетенем оппозиции» самым обстоятельным образом. Через тщательно отобранных подставных лиц журнал закупали для Сталина и его ближайшего окружения, для библиотек ЦК ВКП(б) и его учебных заведений. Даже в отделе специального хранения Библиотеки имени Ленина (ныне Государственная библиотека Российской Федерации) имелся его полный комплект. Поэтому совершенно не соответствует действительности утверждение Роя и Жореса Медведевых, будто «Бюллетень» присылался Сталину через резидентуры НКВД в посольствах только в одном экземпляре и «никто даже из членов Политбюро не имел права и не решался бы читать Троцкого»[48]. Указание Медведевых тем более не точно, что НКВД сменил ОГПУ только в только в 1934 г., а журнал выходил с 1929-го, что посольств тогда не было, а советские представительства за рубежом назывались полпредствами.

Сталин и другие советские руководители неоднократно упоминали «Бюллетень оппозиции» в своих публичных выступлениях для разоблачения «троцкизма», трактуя его статьи, например, как указание на союз Троцкого с Гитлером, как призыв к войне против СССР. Сталин приводил цитаты из «Бюллетеня оппозиции» на XVII съезде ВКП(б) в 1934 г.[49] В 1935 г. секретарь ЦК ВКП(б) и будущий нарком внутренних дел Н.И. Ежов[50] широко цитировал журнал на закрытом совещании в ЦК партии, а на пленуме ЦК в июне того же года утверждал, что террористическая деятельность против советских руководителей проводилась якобы под непосредственным руководством Троцкого, причем использовал «Бюллетень» в качестве улики, сокращая название издания, чтобы не произнести слова «оппозиция» и «большеви-ков-ленинцев». Особо останавливался Ежов на статье Троцкого «Рабочее государство, термидор и бонапартизм»[51], в которой будто бы предлагалась программа террора против руководителей ВКП(б)[52].

В ОГПУ—НКВД особенно важные статьи из «Бюллетеня оппозиции» перепечатывались на машинке (например, публикации о Сталине, убийстве Кирова и московских «открытых»[53] судебных процессах) и хранились затем в особой, ставшей со временем очень толстой папке. Через много лет эта папка была передана Федеральной службой безопасности России (наследницей НКВД) в фонды РГАСПИ[54].

Для Сталина и его приближенных «Бюллетень оппозиции»

казался грозным оружием для обличения режима в целом и нарушений традиционных большевистско-ленинских норм в частности, причем, поскольку Троцкий писал на очень знакомом советскому руководству «марксистско-ленинском» языке и с «марксистско-ленинских» позиций, противостоять аргументации Троцкого было сложно. Просматривая «Бюллетень», Сталин, естественно, особое внимание уделял статьям о себе, которые были почти в каждом номере. Через свой журнал Троцкий вел непрерывную словесную дуэль с советским диктатором, хорошо понимая, что, хоть круг читателей и «почитателей» «Бюллетеня» в СССР ограничен, Сталин и другие высшие советские руководители, безусловно, в этот круг входят. «Бюллетень» стал единственным русскоязычным изданием, в котором со знанием дела изнутри, с использованием марксистских догм, коммунистического лексикона и большевистской терминологии разоблачалась диктатура «кремлевского горца». Не случайно комплект номеров журнала личной библиотеки Сталина был испещрен пометками красным карандашом. Особенно много пометок было в статьях, посвященных самому генсеку.

4. Блюмкин и другие

Убийца германского посла графа Мирбаха левый эсер и сотрудник ведомства Дзержинского Я. Г. Блюмкин был прирожденным, а затем уже и профессиональным провокатором. В апреле 1919 г. после бегства из Москвы в июле 1918 г. он явился «с повинной» в киевскую ЧК. Амнистированный советской властью в апреле 1919 г., несмотря на то что в июле 1918 г. был объявлен одним из организаторов левоэсеровского мятежа, Блюмкин был заслан большевиками в отряд левой эсерки И.К. Каховской[55], которая подготовила и провела в конце июля 1918 г. убийство немецкого главнокомандующего на Украине генерала Г. Эйхгорна[56]. Однако в отряде Каховской вскоре узнали, что Блюмкин сотрудничает с ЧК и доносит на своих сопартийцев. Левоэсеровский товарищеский суд, разбиравший обвинение Блюмкина в предательстве и его связях с ЧК, «не установил, что Блюмкин не предатель», и приговорил его к смертной казни. По постановлению суда в первой декаде июля 1919 г. на Блюмкина было произведено покушение, но Блюмкин отделался ранением[57]. После выздоровления Блюмкина приняли в союз эсеров-максима-листов, организацию, фактически стоявшую на большевистских позициях, где он продолжал работать провокатором. Вскоре этот «отъявленный авантюрист» и «террорист», как писала о нем К.Т. Свердлова[58], открыто поступил на службу в Киевскую ЧК, где руководил отделом контрразведки, как ранее в Москве у Дзержинского.

В 1920 году, вероятно летом, Блюмкин вернулся в Москву, чтобы начать учебу в Военной академии Красной армии. Его возвращение не осталось незамеченным для германской дипломатической миссии[59], и из Берлина потребовали объяснений. Теперь уже большевикам нельзя было сослаться на то, что они не могут «поймать» Блюмкина (как утверждало советское правительство со дня убийства германского посла). Советское правительство оказалось в затруднительном положении. Забытое всеми дело об убийстве Мирбаха вновь всплыло со всеми неприятными для большевиков последствиями. Им было что скрывать. И Троцкий в послании Ленину, Чичерину, Крестинскому и Бухарину первым забил тревогу: «Необходимо принять предупредительные меры в отношении дурацкого немецкого требования удовлетворения за графа Мирбаха. Если это требование будет официально выдвинуто и нам придется войти в объяснения, то всплывут довольно неприятные воспоминания (Александровича[60], Спиридоновой[61] и проч.). Я

думаю, что, поскольку вопрос уже всплыл в печати, необходимо, чтобы откликнулась наша печать и чтобы тов. Чичерин в интервью или другим порядком дал понять немецкому правительству… что, выдвинув это требование, они впадают в самое дурацкое положение. Газеты могли бы высмеять это требование в прозе и стихах, а по радио отзвуки дошли бы до Берлина. Это гораздо выгоднее, чем официально объясняться на переговорах по существу вопроса»[62].

Немцы, не желавшие идти на ухудшение советско-германских отношений, отступили[63]. Блюмкин остался в Москве, уже на следующий год официально и формально вступил в партию большевиков[64] и время от времени представлялся еще не знавшим его германским дипломатам не иначе, как «убийца Мирбаха»[65]. После окончания Академии Блюмкин «прославился участием в жестоком подавлении грузинского восстания», затем работал в Монголии, где «так злоупотреблял расстрелами, что даже ГПУ нашло нужным его отозвать»[66]. В самом начале 20-х Блюмкин служил в военном секретариате Троцкого, организовал несколько провокаций[67]. Одновременно с 1922 г. он работал и в ВЧК— ГПУ, со временем стал там первым руководителем отдела контрразведки.

Круг интересов Блюмкина «расширился». В 1923 г. началось издание трехтомного труда Троцкого «Как вооружалась революция». Могло ли быть большей иронией то обстоятельство, что «подбор, критическая проверка, группировка и правка материала» первого тома этого издания производилась Блюмкиным?[68] Как писал Троцкий, «судьбе было угодно, чтобы тов. Блюмкин, бывший левый эсер, ставивший в июле 1918 г. свою жизнь на карту в бою против нас, а ныне член нашей партии, оказался моим сотрудником по составлению этого тома, отражающего в одной своей части нашу смертельную схватку с партией левых эсеров»[69].

Во второй половине 20-х годов Блюмкин работал резидентом ОГПУ в странах Азии и Ближнего Востока, вербовал агентов в Индии, Монголии, Сирии, Палестине, Хиджазе и Египте. Как агент с особой миссией, он обладал неограниченными полномочиями в Турции. Он въехал в Палестину с паспортом на имя Якоб Султан-Заде и странствовал по Востоку до июня 1929 г. Его шефы, Менжинский и Трилиссер[70], считали его незаменимым работником. Но так было лишь до тех пор, пока он не попал в опалу.

Сведения о последних месяцах жизни Блюмкина весьма противоречивы. Возможно, перед своей последней поездкой в Турцию Блюмкин связался с только что вернувшимся из

сибирской ссылки Радеком и сообщил ему о своем намерении посетить высланного в Константинополе Троцкого. А.М. Орлов[71], один из руководителей советской внешней разведки, пишет, что Радек тут же донес Сталину о беседе с Блюмкиным и Сталин поручил Ягоде выследить, с кем будет встречаться в Турции Блюмкин. С этой целью к Блюмкину, не отличавшемуся особым аскетизмом, прикрепили секретаршей Елизавету Юльевну Горскую[72], помощника уполномоченного Иностранного отдела (ИНО) ОГПУ[73].

В Константинополе Блюмкин действительно встретился с Троцкими. Он подстроил свою «случайную» встречу с Седовым, что было не сложно, так как адреса, по которым жили Троцкие, советскому представительству в Турции были известны, и договорился о свидании со Стариком. Седова так описывала встречу Блюмкина с сыном Троцкого: «Кто-то забросил сзади на его шею рукоятку тросточки, а затем с хохотом стал его обнимать. Это был Яков Блюмкин, один из известнейших бойцов Красной армии и один из самых заметных советских контрразведчиков на Востоке… Он был авантюристом и умным человеком, кем-то вроде поэта, и написал несколько работ о великих французских стратегах»[74].

Сам Блюмкин настаивал на том, что встреча была случайной: «Высылка Троцкого меня потрясла. В продолжение двух дней я находился прямо в болезненном состоянии… 12 апреля, проходя по улицам Пера[75], у туннеля я случайно встретил сына Троцкого Льва, с которым я был хорошо знаком и раньше. Поздоровавшись с ним, я уверил его в моей лояльности и попросил информацию»[76].

Троцкий подтвердил, что встречался с Блюмкиным: «В Константинополе он… встретился на улице с моим сыном… пригласил его в свою комнату в гостиницу… Блюмкин сказал: «Я хочу повидать Старика». Мой сын пришел ко мне и сказал: «Он хочет с тобой встретиться». Я сказал: «Абсолютно невозможно. Слишком рискованно». Он настаивал, и поэтому я согласился [встретиться], тайно»[77]. Седов отвез Блюмкина к отцу. «16 апреля, разумеется, с соблюдением строжайшей конспирации, чтобы не провалить себя, я имел продолжительное свидание с Троцким. Его личное обаяние, драматическая обстановка его жизни в Константинополе, информация, которую он мне дал при беседе, — все это подавило во мне дисциплинарные соображения, и я предоставил себя в его распоряжение»[78].

Через несколько дней Блюмкин вновь посетил Троцкого, порекомендовал ему значительно усилить внешнюю и внутреннюю охрану, имея в виду, что на его виллу готовится

нападение, но, как это было ему свойственно, говорил намеками (например, не сказал, кто именно готовит покушение). Блюмкин поведал, что разделяет и всегда разделял взгляды оппозиции, просто не мог открыто присоединиться к ней, так как работал в разведке, и согласился передать в Москву письмо Троцкого его сторонникам. Письмо было тут же написано, причем писалось в спешке, носило конспективный характер; многое было обозначено тезисами. Но из письма следовало, что автор по-прежнему считал себя руководителем мошной политической силы. На копии письма, оставшейся в архиве Троцкого, автор сделал пометку: «Через Блюмкина». Вот это письмо:

«1. По поводу ренегатства Радека и Ко написана Т[роцким] статья «Жалкий документ», которая выходит на трех языках.

2. Ближайшая осень будет по всем признакам кризисной. Подготовка к ней предполагает беспощадное разоблачение и отсечение капитулянтов.

3. Важной частной задачей является создание правильных и устойчивых связей с нами.

4. Необходимо направить одного-двух человек для организационной работы в Берлине и Париже. Самое лучшее — кого-нибудь из ссыльных.

5. Парижский Харин[79] сыграл роль провокатора: взял для печатания документ и выдал посольству. Копии у нас имелись.

Работа в области иностранной оппозиции подвигается пока медленно. 1-го сентября выходит в Париже еженедельник «Веритэ» под редакцией Росмера с участием… активной молодежи вполне нашего направления.

1-го октября начинает в Париже выходить международный орган «Оппозиция» (ежемесячник), пока только на французском языке. Только с выходом этих изданий работа получит вполне систематический характер, причем политический], а не только пропагандистский. Многочисленные группировки стали прямой помехой движению (в том числе безжизненные группы Трэна и Паза). Издания ставили без них. Все живое из их групп примкнет. Пусть вас поэтому не удивляют и не пугают возможные верхушечные передвижки и дезертирства. Радеки и полурадеки есть и здесь. Самое важное сейчас — иметь еженедельное издание, которое будет давать наше освещение всем мировым событиям.

Урбанс[80] не наш человек. Это путаник и нелояльный человек, т. е. испорченный зиновьевской школой. Он колеблется между Брандлером и Коршем, а в практической работе гоняется за дешевой сенсацией. В Ленинбунде — борьба течений. Нам необходим серьезный еженедельник на немецком языке. Мы его

поставим вслед за французским изданием. И в Германии не надо пугаться неизбежных верхушечных перетасовок.

Живые и активные группы — в Бельгии и Америке.

Почти все иностранные группы заняли правильную позицию по поводу русско-кит[айского] конфликта. Критиковать их будем открыто и решительно.

В Австрии три группы, две из них сближаются, группа Фрея[81]остается в стороне.

В Чехословакии наша группа приступает к изданию документов. Завязываются связи с Ю[жной] Америкой.

ПС. Документов через Урбанса не посылайте. Он нелоялен в отношении воспроизведения в печати. Посылайте нам непосредственно по другим адресам. Что нужно, мы перешлем и Урбансу»[82].

Позже Троцкий несколько иначе передавал содержание своего письма, которое он вручил Блюмкину, причем стал придавать этому тексту значительно больший смысл: «Через Блюмкина было передано в Москву информационное письмо к единомышленникам, в основе которого лежали те же взгляды, которые излагались в ряде напечатанных статей т. Троцкого: репрессии сталинцев против нас не означают еще изменения классовой природы государства, а только подготавливают и облегчают такое изменение; наш путь по-прежнему остается путем реформы, а не революции; непримиримая борьба за свои взгляды должна быть рассчитана на долгий срок»[83].

Ничего подобного в письме, приведенном выше, не было. И это наводит на мысль, что могло быть еще одно письмо, переданное Троцким через Блюмкина. Но копии этого второго письма в архиве нет. Нет на него указаний и в другой документации.

Троцкий был уверен, что верный Блюмкин по возвращении в Москву передаст его устные и письменные указания оставшимся в живых левым оппозиционерам. Но всё произошло иначе. Блюмкин, видимо, стал колебаться, следует ли ему вообще возвращаться в Москву и не целесообразнее ли стать невозвращенцем и сотрудником Троцкого в Турции. Полтора месяца Блюмкин провел в Константинополе, встречался с Седовым, читал оппозиционную литературу, строил всевозможные планы. В конце мая он уехал в Индию, в начале августа вновь появился в Стамбуле. Есть сведения, что в Турции с паспортом на имя Султан-Заде и по поручению советского правительства Блюмкин продавал полученные из фондов Библиотеки имени Ленина древнееврейские хасидские рукописи.

Вырученные немалые деньги предназначались для организации диверсионно-террористического отряда для вооруженной борьбы против англичан на Ближнем Востоке. Но Блюмкин якобы утаил часть из этих средств и передал их в распоряжение Троцкого.

Советское руководство, разумеется, знало о привязанности Блюмкина к Троцкому, как и о том, что Блюмкин находился в Константинополе слишком долго, чтобы удержаться от искушения не встретиться с Троцким и не пообщаться с ним (даже если не верны сведения о том, что за Блюмкиным в Константинополе следили и знали о его встрече с Троцким). В какой-то момент Блюмкин получил нежное письмо своей возлюбленной Горской, вернувшейся к тому времени в Москву. Письмо, разумеется, было продиктовано начальством. Горская просила Блюмкина приехать, и 14 августа тот вернулся, привезя с собой письмо Троцкого, которое протаскал с апреля, не передав и не отправив. Попало ли это письмо в конце концов в руки оппозиционеров, тоже неясно. В деле Блюмкина в архиве ФСБ сохранилось заявление сотрудника журнала «Чудак» Б. Левина о том, что 14 октября Блюмкин пришел в квартиру художника Роберта Рафаиловича Фалька и рассказал ему, что является «представителем оппозиции в ГПУ», что его преследуют и ему необходимо спрятаться[84]. Затем он связался с Горской, в надежде, что она поможет ему выкрутиться из сложившейся сложной ситуации. Горская же посоветовала Блюмкину немедленно сообщить обо всем начальству и пока что сама донесла на Блюмкина. По словам сбежавшего на Запад ответственного сотрудника ОГПУ, начальника Восточного отдела и резидента ОГПУ в Константинополе Г. Агабекова[85], Блюмкина арестовали в Москве при Горской: «Агенты… прибыли на автомобиле к квартире Блюмкина примерно в час ночи, когда Блюмкин в сопровождении Горской входил в свой автомобиль. Почувствовав неладное, Блюмкин приказал шоферу ехать как можно быстрее. Автомобиль последовал за ним и его пассажиры произвели несколько выстрелов. Тогда Блюмкин неожиданно приказал шоферу остановиться, повернулся к своей компаньонше и сказал: «Лиза, ты предала меня». Затем он вышел наружу и, обратившись к сидящим в машине агентам, сказал: «Не стреляйте, я сдаюсь»[86].

В показаниях, данных в Америке после бегства, Орлов также указывает на решающую роль Горской в устранении Блюмкина: «С ее помощью был ликвидирован другой оперативник НКВД по фамилии Блюмкин. Блюмкин во время одной из своих поездок за границу отправился в Турцию… и имел беседу с Троцким, чьим главным телохранителем он служил в годы Гражданской войны.

Об этом стало известно в Москве», и Горской «было приказано шпионить за Блюмкиным и выведать о нем все, что можно».

Блюмкина судили закрытым судом. Его дело передали на усмотрение Коллегии ОГПУ. Он был обвинен в несанкционированном визите к Троцкому, в доставке в СССР нелегальным путем писем Троцкого, в попытке вербовки Горской в качестве связной, в нелегальном провозе оружия. В Коллегии мнения разделились. Ягода настаивал на смертной казни. Трилиссер был против. Менжинский воздержался. Дело передали в Политбюро, и Сталин утвердил смертный приговор[87], проведя через Политбюро соответствующее решение. По постановлению Коллегии ОГПУ 3 ноября 1929 г. Блюмкин был расстрелян[88]. Рассказывают, что перед смертью он поинтересовался, в какой газете опубликуют сообщение о его расстреле — в «Правде» или «Известиях», а расстрельной команде прокричал: «Стреляйте, ребята, в мировую революцию! Да здравствует Троцкий! Да здравствует мировая революция!»[89]

Троцкий считал, что Блюмкина выдал Радек: «Радек вернулся из Сибири капитулянтом. Он [Блюмкин] полностью доверял Радеку… Блюмкин… посетил Радека… сообщил ему по своей собственной инициативе, что встречался со мною… Радек немедленно донес на Блюмкина в ГПУ»[90]. В это трудно поверить, так как из письма Троцкого и встречи с Троцким Блюмкин должен был понимать, что Радек предатель. Но Троцкий основывался на письме, которое получил от своего тайного сторонника 25 декабря 1929 г., опубликовав затем текст этого документа в «Бюллетене оппозиции» за подписью «Н»[91]. Разумеется, никаких подробностей автор письма не знал. Он лишь пересказывал московские слухи о том, что Блюмкин передал письмо Троцкого Радеку, выслушал от последнего совет «покаяться» и вскоре был арестован. Этот слух с разными вариациями перекочевал в многочисленные книги и статьи, посвященные «делу Блюмкина». Но именно потому, что Блюмкин не мог передать конспиративное письмо Радеку, приходится сделать вывод, что распространенный в Москве слух мог быть дезинформацией ОГПУ, операцией прикрытия ценного сотрудника советской разведки — Горской.

Расстрел Блюмкина стал потрясением для Троцкого. Он долго еще не мог успокоиться и посвятил Блюмкину не одну статью[92]. Это был первый расстрел оппозиционера за связь с Троцким, но и первое указание на грядущие казни. Троцкий в привычном ему фанфарно-торжественном стиле, не забыв упомянуть о своих «успехах… на мировой арене», сделал правильный вывод о том, что Сталин стал прибегать к последнему оставшемуся в его

распоряжении средству борьбы с оппозицией — отнятию жизни: «Расстрелом Блюмкина Сталин хочет сказать международной оппозиции большевиков-ленинцев, что внутри страны у него есть сотни и тысячи заложников, которые будут расплачиваться собственными головами за успехи подлинного большевизма на мировой арене. Другими словами, после исключений из партии, лишения работы, обречения семей на голод, заключения в тюрьму, высылок и ссылок, Сталин пытается запугать оппозицию последним оставшимся в его руках средством: расстрелами»[93].

Сообщая, что во Франции и Германии выпущены листовки, посвященные памяти Блюмкина, что подобные воззвания готовятся в Бельгии, Австрии, США и других странах, Троцкий рассчитывал на крови Блюмкина развернуть широкую международной кампании в поддержку левой оппозиции. Но сколько-нибудь существенного отклика на расстрел Блюмкина не последовало. Через несколько лет за Блюмкиным в могилу последовали сотни, тысячи советских партийных работников, только незначительная часть которых принадлежала клевой оппозиции или была знакома с Троцким. Подавляющему же большинству кличка «троцкист» присваивалась для удобства вынесения смертного приговора или же для расстрела без суда, постановлением «тройки». «Троцкий» и «троцкизм» действительно стали очень популярны в Советском Союзе, но эта популярность годилась лишь для ускорения смертной казни. Расстрел Блюмкина, которому в свое время великодушно «простили» убийство германского посла, стал зловещим сигналом для всех непокорных.

В течение ряда лет в международной организации троцкистов числилась русская секция. Но фактически в ней было всего два активных члена: Троцкий и его сын Лев[94]. Разумеется, сохранялись тайные сторонники Троцкого, но никакого подобия организационной структуры или движения им создать не удалось. Во время Большого террора почти всех тех, кто подпадал под категорию бывших оппозиционеров и сторонников Троцкого, в СССР истребили. Из известных участников оппозиции в живых остались буквально двое: И.Я. Врачев и С.И. Кавтарадзе. Первый то арестовывался, то освобождался, Отечественную войну провоевал рядовым, в 1949-м был снова арестован, приговорен к 25 годам и вышел на свободу в последний раз в общем потоке реабилитированных в 1956 г.

Кавтарадзе, являвшийся в 1922–1924 гг. председателем Совнаркома Грузии и в этом качестве выступавший против сталинского плана «автономизации», в 1924 г. был отправлен в «почетную ссылку» за рубеж и стал советским торгпредом во

Франции. Он присоединился к левой оппозиции, подписал ряд ее документов, в 1927 г. был исключен из ВКП(б) и сослан в Сибирь. В 1932 г., после покаянного заявления, Кавтарадзе был освобожден и восстановлен в партии. Некоторые оппозиционеры считали, что его выпустили после согласия сотрудничать с органами, в частности стать провокатором в группе М.Н. Рютина (критиковав в это время Сталина) и спровоцировать ее на открытое выступление[95]. Однако эти подозрения остались догадками. Вскоре Кавтарадзе снова арестовали. В 1940 г. он был не просто освобожден, а приведен в благопристойный вид, накормлен, одет и доставлен к Сталину для аудиенции. Вскоре бывший узник был назначен на работу в НКИД, в 1943–1945 гг. занимал пост заместителя наркома, несколько лет был послом СССР в Румынии, а позже находился на различных постах в МИДе. «Казус Кавтарадзе» — единственный случай (кроме нескольких случаев с военными высокого ранга, выпущенных после нападения Германии на СССР в июне 1941 г.), когда бывший оппозиционер и политзаключенный вернулся на номенклатурную должность.

5. Троцкизм в Европе

Ко времени высылки Троцкого из СССР процесс «большевизации» коммунистических партий фактически завершился. «Ленинское перевооружение» зарубежных коммунистов состояло в том, что они научились послушно исполнять директивы, получаемые из Москвы. «Хозяином» был Сталин, а передаточными инстанциями — органы Коминтерна. В первом номере «Бюллетеня оппозиции» живущий в Турции Троцкий отмечал, что «братскими партиями» Сталин управляет, как старый турецкий паша управлял своей провинцией. Для Тельмана и Семара[96] даже окрика не нужно: достаточно движения пальцем»[97].

Такое положение нравилось далеко не всем коммунистам. Многие из них полагали, что компартии должны иметь определенную степень независимости, что Коминтерн призван представлять собой союз «братских партий», в котором советская компартия является в лучшем случае первой среди равных. В компартиях возникали многочисленные оппозиционные группы, часть которых склонялась к поддержке Троцкого. В некоторых случаях ослушников пытались переубедить, принудить их к покаянию, но в подавляющем большинстве случаев эти попытки оставались втуне и оппозиционеров немедленно исключали из компартии. В результате в конце 20-х годов во многих странах возникли коммунистические группы, стремившиеся установить контакт с высланным Троцким, объявлявшие себя его сторонниками, вырабатывавшие программные документы, которые, как они полагали, соответствовали «троцкистским» установкам. О взаимоотношениях этих организаций с Троцким через много лет вспоминал американец Макс Шахтман, один из наиболее видных последователей своего учителя: «Я не думаю, что когда-либо существовало движение, в котором авторитет лидера не был навязан остальным членам… как это было в троцкистском движении. Между Троцким на самой вершине и наиболее видными его последователями существовала огромная пропасть. Троцкий знал, что он является последним живым представителем марксистского интернационализма, большевизма, как он его называл. В результате истощения сил или уничтожения всех его современников, он действительно стал таковым, и это не ставилось под сомнение»[98].

Возникновение подобных коммунистических групп проходило на фоне тяжелейшего экономического кризиса 1929 г., распространившегося на США, Европу и другие континенты.

Разорялись и закрывались банки, останавливалась промышленность, резко падало производство, была нарушена внутренняя и международная торговля, катастрофические масштабы принимала безработица, возникали волнения безработных и рабочих, иногда перераставшие в кровопролитные столкновения. Компартии стали призывать к социалистическим революциям. Особые надежды Троцкий возлагал на своих французских сторонников. Это было связано с тем, что с коммунистическими лидерами Франции Троцкий ранее поддерживал очень тесные связи, встречался с ними на конгрессах Коминтерна и пленумах ИККИ, а после высылки — именно с французами установил первые зарубежные политические контакты. Он пытался опереться на А. Росмера, Альберта Трэна, Пьера Навилля[99], коммунистов, исключенных из партии за сочувствие к левой оппозиции и пытавшихся создать свою организацию и начать издание собственных газет и журналов[100]. Так, писатель-сюрреалист Навилль еще в 1928 г. начал издание журнала «Кларте» («Ясность»), который он вскоре переименовал «для большей ясности» в «Ла лютдэ класс» («Классовая борьба»). Одновременно возникла еще одна группа — «Против течения» — во главе с Морисом Пазом и его супругой Мадлен (их группа стала издавать журнал под тем же названием «Контр лё куран» («Против течения»).

Вскоре после прибытия Троцкого в Турцию Росмер и Паз с супругами посетили Троцкого на Принкипо. Вели они себя независимо, вступали в споры с гостеприимным хозяином. С Пазом Троцкий вскоре рассорился, поторопившись выплатить ему деньги, которые были предоставлены в качестве займа. Секретарь Троцкого Ян (Жан) Хейженоорт[101], который, подобно своему шефу, недолюбливал Паза, писал, будто тот никак не мог забыть, что был адвокатом: «Очевидно, он даже попросил Троцкого возместить ему дорожные расходы. Троцкий стремился найти человека другого рода. Однажды Паз рекомендовал определенный сорт чернил, которые Троцкий, всегда поглощенный своими писаниями и всем, что было с этим связано, нашел достойными и одобрил. «Это была единственная хорошая вещь, которую он сделал», — говорил позже Троцкий о рекомендации Паза»[102].

С Росмерами отношения развивались иначе. С ними установились политическое единство и деловое сотрудничество. Супруги выполняли многие ответственные задания Троцкого не только во Франции, но и в других европейских странах. Позже, однако, и с ними наметились разногласия, приведшие в конце концов к полному политическому разрыву, хотя дружеские

отношения сохранились. Это, кажется, был второй после Макса Истмена случай, когда политическое отдаление не привело к взаимным политическим обвинениям и полному прекращению отношений.

Уже в первые дни жизни Троцких в особняке Иззет-паши там появился еще один француз: 25-летний Раймон Молинье[103]. Он тоже приехал на Принкипо не один, а с юной женой — Жанной Мартен де Паллиер. Молинье произвел на Троцкого великолепное впечатление, прежде всего своей практичностью, тем, что оказал им серьезную помощь в устройстве на Принкипо[104]. После его отъезда Лев Давидович писал Пазу: «Лично Раймон Молинье — один из наиболее обязательных, практичных и энергичных людей, которых только можно себе представить». Уехал Молинье с Принкипо один. Его супруга осталась на вилле Иззет-паши, чтобы помочь семье Троцкого по хозяйству, а самому Льву Давидовичу — исполняя секретарские обязанности. Через много лет, в феврале 1959 г., Жанна по просьбе Хейженоорта написала о тех днях воспоминания: «Когда я приехала на виллу, Раймон попросил меня в дополнение к некоторым секретарским обязанностям (чтение иностранных газет и вырезки из них — я занималась английскими газетами) готовить для всех при помощи Натальи пишу. Он объяснил мне, что, по соображениям безопасности, платную домработницу нанять нереально, особенно для приготовления пищи, что было понятно. Я согласилась. Моя роль была довольно деликатной, нелегкой и скучной, так как Лев Давидович требовал, чтобы вырезки он получал как можно быстрее (мы просматривали все газеты, как ты помнишь, которые поступали из Европы); с другой стороны, мне пришлось взять на себя почти всю работу по закупке продуктов на рынке и приготовлению пищи, и в связи с тем, что медики предписали Льву Давидовичу строгую диету, приготовлялись два сорта пищи; и все это при примитивных удобствах, и пищу полагалось подавать в точно определенное время, так как расписание Льва Давидовича было очень строгим, как ты помнишь. Однажды я была свидетелем того, как он ушел в свой кабинет и затем отказался спуститься вновь, потому что обед не был приготовлен в определенное время. Он не ждал, пока его позовут; он спускался, и все должно было быть к этому моменту готово. Он не произносил ни слова, потому что он никогда не жаловался. Но Наталья и я были в отчаянии»[105].

В конце концов пришлось все-таки нанять кухарку[106].

В те дни в жизни Жанны произошло еще одно осложнение: у нее начался роман с сыном Троцкого, и одну из ночей они провели вместе. Через некоторое время Жанна возвратилась в

Париж; вскоре (вновь вместе с мужем) приехала на Принкипо.

Из этой поездки Раймон возвратился во Францию снова один, но теперь уже навсегда; Седов сообщил в Москву своей жене Анне, что встретил другую женщину; Жанна стала жить со Львом и оставалась с ним до самой его смерти; а Раймон спокойно отнесся к уходу своей жены к сыну великого революционера Троцкого и продолжал активные усилия по созданию оппозиционной коммунистической организации во Франции. Больше всех расстроен происходившим был Троцкий, который, позабыв о том, что и он завел роман с Натальей, когда был женат на другой женщине, злился на своего сына за связь с Жанной[107]. Но и ему ничего не оставалось, кроме как примириться со сложившимся положением.

Хотя в Молинье Троцкий видел «подрастающую смену», основные свои надежды в деле создания французской оппозиционной компартии он возлагал на опытных политических деятелей, прежде всего на Бориса Суварина, являвшегося ранее членом Исполкома Коминтерна. Однако, к глубокому разочарованию Троцкого, считавшего себя вождем международной оппозиции, Суварин попросил его не выступать публично с какими-либо заявлениями, предварительно не согласовав их с «французской оппозицией». Троцкий ответил Суварину, что готов согласовывать с ним позиции по вопросам, касающимся Франции, но никак не может просить его благословения на высказывания по мировым проблемам и по вопросам, касавшимся СССР. На это письмо Суварин ответил трактатом объемом в почти 150 страниц, где, как полагал Троцкий, наряду с верными наблюдениями и анализом было немало противоречий. Но главное, тон ответа Суварина был столь же самоуверенным и высокомерным, как и тон самого Троцкого. Разрыв стал неизбежен. Уже в апреле 1929 г. Троцкий писал в Вену Р.Т. Адлер: «О сотрудничестве с группой Суварина в теперешнем ее виде не может быть и речи. Здесь необходимо ясное идейное размежевание и спокойная, но твердая полемика. Вернется ли в результате такой политики и новых политических уроков Суварин на нашу позицию, этого я не знаю. Мы должны ему всячески это облегчить. Если бы этого не случилось (а этого было бы жаль, потому что он человек очень ценный), тогда нам оставалось бы отвоевать у него лучших из его сторонников»[108].

Как и следовало ожидать, примирения с Сувариным не произошло. Все более обострявшиеся конфликты и полемика с ним продолжались до последних лет жизни Троцкого. Вслед за этим произошел разрыв с Пьером Монаттом и Морисом Пазом. В связи с попытками последнего согласовать какое-то подобие

единства действий между различными профсоюзными объединениями — Синдикалистской лигой, руководимой Монаттом, Комитетом синдикальной независимости, руководимым Жоржем Дюмуле-ном и Альфонсом Мергеймом, и даже профсоюзами Всеобщей конфедерации труда, возглавляемыми социал-реформистами во главе с Леоном Жуо, — Троцкий писал: «Задача честного революционера, особенно во Франции, где безнаказанным изменам нет счета, напоминать рабочим опыт прошлого, закалять молодежь в непримиримости, повторять и повторять ей историю измены Второго Интернационала и французского синдикализма, раскрывать позорную роль, выполненную не только Жуо и Ко, но особенно такими «левыми» французскими синдикалистами, как Мергейм и Дюмулен»[109].

В конце концов, учитывая, что лидеры старшего и среднего поколений не склонны были беспрекословно за ним следовать, Троцкий повернулся к молодому поколению, во главе которого стояли Раймон Молинье, Пьер Навилль и более старший и опытный А. Росмер. Именно Росмер и Молинье выступили с подачи Троцкого инициаторами создания еженедельника «Ла верите», первый номер которого вышел 15 августа 1929 г. Это был второй печатный орган сторонников Троцкого на Западе — первым являлся американский журнал «Милитант», который начал выходить в 1928 г. В своем обращении к редакционному совету французского еженедельника, написанном 6 августа 1929 г., Троцкий подчеркивал, что влияние «левой оппозиции» в стране крайне слабо, что это движение расколото на множество групп, которые пытаются издавать свои газеты, но наладить их регулярный выпуск они не в состоянии. «Необходимо дать массам правильную и систематическую марксистскую оценку всех событий общественной жизни». Троцкий надеялся, что со временем его сторонники смогут перейти к изданию ежедневной газеты, на страницах которой будет разрабатываться платформа не только национальной организации международной оппозиции, но и всего интернационального движения. Изгнанник обещал свое сотрудничество в издании путем подготовки статей о положении в России, о мировых событиях и по проблемам международного рабочего движения. Весьма осторожно оценивая появившиеся слухи о предполагаемом издании еще одного печатного органа оппозиции, Троцкий завершал свое письмо словами о том, что его сочувствие и поддержка принадлежат только «Правде» (то есть «Ла верите»)[110].

С самого начала, однако, оказалось, что в среде его французских сторонников возникла совершенно откровенная

конкуренция. Пьер Навилль решил, что именно ему должна принадлежать пальма первенства в пропаганде идей Троцкого во Франции. После возвращения с Принкипо летом 1929 г., где он побывал вместе со своим единомышленником адвокатом Жераром Розенталем, Навилль прекратил издание журнала «Кларте» и начал издавать новый журнал «Ла лют дэ класс». Формально журнал провозгласил поддержку группы Молинье, считая, что между обоими печатными органами должно быть разделение труда — еженедельник должен заниматься текущими вопросами и разработкой тактической линии, а журналу следовало уделить основное внимание программно-теоретическим проблемам. В ответ на письмо Навилля, в котором тот оправдывал создание своего журнала и ставил Троцкому ряд вопросов, Лев Давидович 11 августа послал редакции (именно редакции, а не лично Навиллю) подробное письмо, в котором пытался проанализировать положение во французском рабочем движении и осторожно критиковал Навилля и Розенталя, убеждая их, что французской оппозиции необходима еженедельная газета, и притом немедленно. «Дело идет пока лишь о том, чтобы *начать*. Поправлять, дополнять, улучшать можно и должно на ходу, привлекая все новые и новые силы и, конечно, отбрасывая элементы, оказавшиеся при проверке негодными. Только так и строится живое дело»[111], — писал Троцкий.

Поначалу Навилль и его соратники, подчиняясь авторитету своего кумира, дали согласие на участие в новом еженедельнике, хотя не прекратили издания своего журнала, на чем, впрочем, Троцкий не настаивал. В первом номере «Ла верите» была опубликована написанная Троцким «Декларация»[112], в которой давались оценки мировой и внутрифранцузской ситуации и формулировались задачи сторонников левой оппозиции, как они виделись Троцкому. Автор документа полагал, что официальная французская компартия не способна использовать те преимущества, которые предоставил ей экономический кризис. Ситуация, благоприятная для решительного наступления и прихода к власти, может ускользнуть, если ею не воспользоваться правильно. Между тем левая оппозиция расколота, она занята внутренними спорами, а не деятельностью в пролетарской среде. Именно установление внутреннего единства и сосредоточение усилий на работе в массах были теми главными проблемами, на которых должны были, по мнению Троцкого, сконцентрировать внимание французские коммунисты-оппозиционеры.

Троцкий высказывал удовлетворение тем, как издается французский еженедельник, и в ряде писем ставил его в пример организациям своих сторонников в других странах. По его

указанию Молинье, Навилль и другие, менее известные деятели французской оппозиции, в апреле 1930 г. провозгласили создание Коммунистической лиги Франции. Однако добиться сколько-нибудь существенного увеличения ее численности не удавалось, хотя организаторы прилагали для этого самые энергичные усилия. Хейженоорт писал, что через два года после провозглашения Лига насчитывала «не более чем примерно двадцать действительных активистов». В рабочие дни по вечерам они продавали газету на станциях метро; по воскресеньям — в рабочих кварталах Парижа. Но ночам — расклеивали листовки на афишных тумбах, хотя их часто задерживала полиция — не потому, что распространялись «подрывные издания», а по той причине, что на листовки не были приклеены соответствующие марки, без которых их не разрешалось распространять. А на марки не было денег[113]. В общем, с «работой в массах» обстояло не очень хорошо.

Несмотря на свою малочисленность, Коммунистическая лига вскоре после создания стала ареной ожесточенных внутренних ссор и дрязг, которые, как оказалось позже, являлись характерной чертой всего троцкистского движения, незначительного количественно, по-сектантски замкнутого, не удовлетворенного результатами своей деятельности, склонного обвинять в этих неудачах других и друг друга. Троцкий был раздражен и расстроен внутренними конфликтами в той организации, которую он считал своим первым политическим детищем. Он пытался сохранить позицию независимого судьи, посредника, заботливого отца, но эта роль ему не очень удавалась. Главными соперничавшими руководителями были Молинье и Навилль. Принципиальных расхождений между ними не было, но оба стали распространять друг о друге всевозможные слухи и гадости. Имея в виду весьма благоприятное впечатление, которое Молинье произвел на Троцкого во время посещения Принкипо, нежелание Троцкого расставаться с собственными иллюзиями, его политическое упрямство, да и, вероятно, чувство вины перед Раймоном за сына, уведшего у Рай-мона жену, симпатии Троцкого оказались на стороне Молинье, хотя Троцкий пытался это скрыть и призывал обоих соперников к примирению. Между тем Раймон вместе со своим братом Анри, тоже троцкистом, наряду с политической деятельностью занимался коммерцией. Братья владели так называемым Французским институтом сборов, бизнесом, скупавшим просроченные счета и вышибавшим из должников деньги путем угроз и шантажа[114]. Если к этому добавить, что Молинье был вспыльчив и однажды во время дискуссии опрокинул на Навилля стол, за которым сидели

спорщики[115], картина становилась совсем живописной.

Молинье, однако, удивительным образом сочетал свои предпринимательско-преступные авантюры с личной преданностью Троцкому. Обладая организаторскими способностями, имея широкие связи и знакомства в самых различных социальных кругах, он нередко приходил на помощь Троцкому, когда это становилось необходимо, например, сыграл главную роль в материальном и техническом обеспечении поездки Троцкого в Копенгаген в конце 1932 г. для чтения лекции о годовщине Октябрьского переворота[116]. Тем не менее, вопреки усилиям Молинье и поддержке Троцкого, в Национальном комитете Коммунистической лиги положением овладел Навилль, который еше в начале лета 1930 г. попытался исключить Молинье из организации. Троцкий решительно воспротивился этому, ссылаясь на принципы «внутрипартийной демократии». 26 июня 1930 г. он писал Навиллю, что тот, исключая Молинье, пытается организовать в Лиге переворот[117]. В конце концов оба француза были приглашены в гости к Троцкому и в результате переговоров заключили соглашение, которое Троцкий шутливо назвал «принкипским миром». Важнейшим его положением был пункт о создании Контрольной комиссии с задачей расследовать обвинения личного характера и принять справедливые решения.

Национальная конференция Лиги, состоявшаяся в октябре 1931 г., одобрила заключенный мир, но сразу после конференции споры вспыхнули с новой силой. Группа Молинье опять оказалась в меньшинстве, и Раймон заявил, что уходит из политики и будет заниматься только бизнесом. Троцкий пригласил его отдохнуть и провести время на Принкипо (благо Лев Седов с Жанной уже переехали в Берлин)[118]. Но Молинье к Троцкому не приехал, от политической деятельности не отошел и продолжал выступать в качестве лидера оппозиции в Лиге (насчитывавшей пару десятков человек). «Текучесть» кадров в Лиге была страшная. «Из нее выходят и возвращаются», — писал в одном из писем Лев Седов. Настроены эти люди были в том смысле, что «они всегда смогут вернуться к нам, как только захотят. В случае неуспеха с поникшей головой, в случае успеха с поднятой головой, но в обоих случаях безо всяких затруднений»[119].

Еще одной страной, на которую рассчитывал Троцкий в смысле организации там партии своих сторонников, была Германия. Как и во Франции, в первые годы советской власти Троцкий пользовался среди коммунистов этой страны большим авторитетом и влиянием. В 1923 г. руководители германской компартии Генрих Брандлер и Август Тальгеймер выражали даже пожелание, чтобы Троцкий приехал в Германию для организации

революции. Однако после поражения революции 1923 г. сторонники Троцкого были от руководства КП Г отстранены. Во главе партии были поставлены Рут Фишер и Аркадий Маслов. Они считались ставленниками Зиновьева, но после поражения «новой оппозиции» в конце 1925 г. были объявлены фракционерами и постепенно вместе со своими нераскаявшимися сторонниками исключены из КПГ[120].

В марте 1928 г. наиболее видные германские коммунисты-оппозиционеры собрались в Берлине и провозгласили создание Ле-нинбунда (Ленинский союз). Лидерами союза стали Фишер, Маслов и Гуго Урбане, занимавший в КП Г второстепенные позиции и ставший известным именно благодаря исключению из партии. Вскоре Урбане выдвинулся в Ленинбунде на первый план, так как Фишер и Маслов в том же году порвали с этой организацией. Они надеялись, что будут вновь приняты в компартию, ибо на этот счет руководством КПГ им были даны определенные обещания. В партии, однако, Фишер и Маслов восстановлены не были и в Ленинбунд уже не вернулись[121].

Согласно данным руководства Ленинбунда, в нем в первый год деятельности состояло 5–6 тысяч членов, однако советская разведка полагала, что эти цифры значительно преувеличены[122]. Под руководством Урбанса началось издание двух периодических органов союза: газеты «Вольксвиле» («Воля народа») и журнала «Ди фане дес коммунизмус» («Знамя коммунизма»). Оба издания с самого начала ориентировались на Троцкого. Почти в каждом номере печатались его статьи, сообщения о его ссылке и другие материалы, касающиеся левой оппозиции. Тираж «Знамени коммунизма» доходил до 5 тысяч экземпляров.

Амбиции Ленинбунда были серьезны. Съезд союза решил выдвинуть своих кандидатов в рейхстаг, ландтаги и местные представительные органы. Троцкий из ссылки в целом поддерживал позиции Ленинбунда и критику Урбансом официального руководства КПГ. Он посвятил этому вопросу специальную статью «На злобы дня», написанную в октябре 1928 г.[123] Позже, впрочем, в самом Ленинбунде, а также между Урбансом и Троцким возникли серьезные тактико-политические разногласия, переросшие затем в конфликт. Они касались оценки положения в СССР, статуса оппозиции и некоторых частных вопросов. Маслов, Фишер и их сторонники полагали, что оппозиционная организация коммунистов должна быть группой, не порывающей с компартией, а не независимой организацией. По этой причине они предлагали переименовать Ленинбунд и называться «Левые коммунисты. (Ленинский союз)». Урбане же настаивал на самостоятельном характере новой партии. Обе

группы, правда, были едины в вопросе о необходимости созыва международной конференции оппозиционных группировок для создания «левой фракции» Коминтерна. В этой связи платформа Ленинбунда обращалась к «русской оппозиции» с призывом вести более энергичную борьбу за свою легализацию, не ставить вопрос о единстве партии «схематически и фетишистски» и быть готовыми к тому, чтобы создать параллельную компартию (против чего категорически выступал Троцкий).

Заинтересованное в расколе германской компартии, немецкое правительство не препятствовало деятельности Ленинбунда. Берлинские власти, в частности полиция, были весьма учтивы во время учредительного съезда союза, который проходил в здании прусского ландтага; входы в помещение охраняли берлинские полицейские[124]. В каком-то плане Ленинбунд оказался в положении более выгодном, чем КПГ. Высланный в Турцию Троцкий, надеясь сгладить расхождения и добиться превращения Урбанса в своего безоговорочного сторонника, несколько раз приглашал его посетить виллу Иззет-паши для дружеских бесед. Урбане, ясно представляя себе, что такой визит приведет к сдаче позиций Троцкому и полному подчинению могучей воле международного коммунистического вождя, от визита уклонялся. Постепенно отношения стали ухудшаться. Личная переписка сменилась «открытыми письмами», полными полемики. Затем начались разоблачительные статьи в прессе. По мере нарастания расхождений с Урбансом Троцкий стал предпринимать усилия, чтобы найти в Ленинбунде более подходящего для него руководителя, точнее говоря, лидера, более склонного к подчинению, и уговорить членов руководства этой организации заменить Урбанса «более достойной личностью». В случае неудачи Троцкий готов был полностью порвать с Ленинбундом и создать в Германии новую троцкистскую организацию.

С этой целью в «разведывательную» поездку в Германию отправился летом 1929 г. Альфред Росмер, в то время еще горячий сторонник Троцкого. Впечатления Альфреда в смысле Урбанса были весьма неблагоприятными. 4 августа Росмер писал Троцкому, что «долгая беседа с Урбансом и несколькими членами Центрального комитета была болезненной и неприятной», что Урбане вел себя как «подлинный автократ, решая всё собственной волей», что «ни у кого нет смелости оказать ему сопротивление». Росмер полагал, что Урбане «очень опасен» и вряд ли может измениться, а потому следует сплотить тех членов Ленинбунда, которые находятся в оппозиции Урбансу, начать издание независимого германского оппозиционного печатного органа,

однако открыто с Урбансом пока не порывать[125].

В этих условиях Троцкий обратил внимание на своего молодого австрийского сторонника Курта Ландау[126], который обращался к принкипскому изгнаннику со страстными письмами, предлагая ему свою помощь и поддержку. Троцкий планировал использовать Курта как своего немецкого секретаря, но тот счел, что может добиться большего, и Троцкий в конце концов с ним согласился. В сентябре 1929 г. Ландау был направлен в Берлин, чтобы создать новую оппозиционную коммунистическую организацию, в центре внимания которой была бы борьба против национал-социалистов, чем явно пренебрегали и Ленинбунд, и КПГ во главе с Тельманом[127]. Конфликт между Урбансом и Троцким достиг крайней остроты. Из Ленинбунда были исключены два члена правления — Антон Грилевич и Йокко, — являвшиеся сторонниками Троцкого и выступившие с критикой Урбанса. На 23 февраля 1930 г. была назначена конференция Ленинбунда, которая должна была окончательно «очистить ряды» союза от всех троцкистов.

Не дожидаясь конференции, 6 февраля 1930 г. Троцкий написал открытое письмо всем членам Ленинбунда, которое не было опубликовано Урбансом, но появилось в «Бюллетене оппозиции» и американском издании троцкистов[128]. Заявляя, что раскол необходим, Троцкий пытался придать ему характер принципиальный. Урбане же, по его мнению, идя на раскол, делал это «в наиболее опасной и вредной форме», выдвигая на первый план не принципы, а склоку: «Кто не разделяет мнения тов. Троцкого, тот не принадлежит к ленинской оппозиции». Возражения Троцкого были ожидаемы: в выработке платформы русской оппозиции принимали участие сотни людей, в борьбе за нее тысячи подверглись преследованиям, вплоть до расстрелов (пока, впрочем, в качестве примера можно было привести только Блюмкина). Говорить о личных взглядах Троцкого — «значит обнаруживать возмутительное невнимание и неуважение к борьбе русской оппозиции». Бичуя сепаратистские взгляды Урбанса, его курс на создание в Германии второй компартии, его отказ от совместной работы с интернациональной оппозицией, Троцкий видел панацею от всех зол в интернациональном оппозиционном сплочении, в создании международной организации. Именно в этом открытом письме впервые была озвучена внутренне противоречивая идея Троцкого, фигурировавшая затем во многих его документах 1930–1932 гг.: курс на создание интернациональной организации, которая объединяла бы не партии, а движения; которая сама была бы и организацией, и вроде бы не организацией, ибо Троцкий продолжал выступать за

сохранение Коминтерна, но избавившегося от ошибок, за сохранение компартий, но с пониманием, что идеологически и политически эти компартии перешли бы на его сторону.

В результате на конференции Ленинбунда произошел раскол. Примерно половина его активных членов вышла из союза и провозгласила образование так называемой Германской объединенной левой оппозиции. Сам же Ленинбунд после этого стал быстро терять влияние и вскоре превратился в незначительную сектантскую организацию, прекратившую существование после прихода нацистов к власти в 1933 г.

Объединенная оппозиция сформировалась из двух групп: бывших ленинбундовцев, исключенных из союза или покинувших его добровольно, и так называемой Веддингской оппозиции, образованной в 1927 г. в Веддинге (рабочем районе Берлина) Александром Мюллером и Гансом Вебером. Последние пытались установить контакт с Троцким еще в то время, когда тот находился в ссылке. Мюллер и Вебер утверждали, что пользовались поддержкой рабочих нескольких городов[129].

С благословения Троцкого 30 марта 1930 г. состоялась объединительная конференция бывших членов Ленинбунда и Веддингской группы, на которой была провозглашена Объединенная левая оппозиция Германии. Троцкий придавал конференции такое большое значение, что делегировал туда двух своих представителей: француза Пьера Навилля и американца Макса Шахтмана, приехавшего в Берлин после встречи с Троцким в Принкипо. Впрочем, Троцкий не возлагал особых надежд на новое объединение и не верил в его прочность. Он знал, что объединительная конференция задержалась на несколько недель не только по вине бывших членов Ленинбунда, но и потому, что против объединения высказывались «очень ответственные члены Веддингской группы»[130].

Троцкий отлично понимал, что в его распоряжении в Германии и других странах нет подготовленных, опытных, закаленных в политических боях людей. «Наиболее трудная задача сейчас, — писал он, — это отбор и подготовка руководящей группы. В нынешних обстоятельствах руководство еще менее, чем когда-либо, может быть индивидуальным. Оно должно быть коллективным»[131]. Конечно, рассуждения по поводу «коллективного руководства» были вызваны отсутствием лидеров. Троцкий напряженно искал, в основном путем переписки и через доверенных лиц, тех немецких деятелей, на которых он мог опереться. Одним из таких «людей Троцкого»[132] был Ландау, избранный во временное руководство Объединенной оппозиции и взявший на себя создание и редактирование ее

печатного органа «Коммунист». Вскоре он был также избран представителем Германии в Интернациональный секретариат Международной левой оппозиции.

Вскоре, однако, в германской оппозиционной группе разгорелся конфликт, спровоцированный, как позже стало известно, советским агентом Р. Соболевичусом[133], обвинившим Ландау в переоценке нацистской опасности и в паникерстве. Деятельность Р. Соболевичуса стала частью обшей советской политики, направленной на совместную с нацистами борьбу коммунистов против немецких социал-демократов. В этом достаточно принципиальном вопросе Троцкий принял сторону Сталина и в «Письме всем секциям Интернациональной левой» от 17 февраля 1931 г. поддержал Р. Соболевичуса против Ландау[134], посланного Троцким в Германию в том числе и для усиления работы по разоблачению нацизма. В конце мая 1931 г. в германской левой оппозиции произошел окончательный раскол. Группа Ландау, насчитывавшая примерно 300 человек, продолжала издавать свой журнал, но Троцкий порвал с Ландау, а Ландау — с организациями, ориентировавшимися на Троцкого. Несколько лет он пытался самостоятельно заниматься коммунистической агитацией в Париже, а после начала Гражданской войны в Испании отправился туда добровольцем и погиб при странных обстоятельствах. Не исключено, что в Испании он был убит советскими агентами.

Троцкий же пытался опереться теперь на известных коммунистов Антона Грилевича и Оскара Зайпольда, которые совместно с Р. Соболевичусом издавали газету под близким сердцу Троцкого названием «Ди перманенте революцион». Распространение газеты было сравнительно широким: 5 тысяч экземпляров, из которых 3 тысячи рассылались по подписке. Общая численность организации составляла, правда, всего 700 человек[135]. Продавалась газета исключительно благодаря тому, что значительную ее часть занимали статьи и памфлеты Троцкого, посвященные ситуации в Германии. Произведения Троцкого были «несомненным бестселлером», — пишет один из исследователей[136], тем более что в 1932 г. в Германии разразился тяжелейший политический кризис, приведший в конце января 1933 г. к власти нацистов и Гитлера.

В 1931 г. началась демократическая революция в Испании, завершившаяся свержением монархии. В стране развернулась ожесточенная политическая борьба, в ходе которой возникло множество политических партий различной направленности, от правоэкстремистских до леворадикальных. Еще до начала революции в парижской эмиграции под влиянием французских

поклонников Троцкого возникли первые небольшие группы испанских троцкистов. Наиболее значительные из них возглавляли Анри Лакруа (Франсиско Гарсиа Лавид) и Хулиан Горкин (Хулиан Гомес)[137]. В феврале 1930 г. в Льеже (Бельгия) они провели конференцию эмигрантов, на которой образовали пропагандистскую комиссию, ставшую вскоре издавать журнал «Контра ла корьенте» («Против течения»).

Группа испанских троцкистов была слабой до тех пор, пока ее не поддержал известный коммунистический деятель Андрес Нин[138], имевший за спиной немалый опыт политической борьбы. Еще во время алма-атинской ссылки Троцкого сочувствовавший левой оппозиции Нин через посредников обменялся с Троцким несколькими письмами, в которых выразил полную с ним солидарность и рассказал Троцкому о событиях в Москве и о настроениях в руководстве Коминтерна[139]. В том же 1928 г. во время VI конгресса Коминтерна Нин открыто выступил в поддержку Троцкого, был исключен из партии, а в 1930 г. депортирован из СССР.

Троцкий анализировал ход событий в Испании в многочисленных статьях, начиная отсчет от времени свержения монархии в 1931 г. Он предрекал, что цепь капитализма грозит разорваться в именно в Испании — слабейшем звене [140]. Впрочем, ранее он предрекал революции в других «слабейших звеньях» — в Германии, Франции, Англии. Так что к предсказаниям Троцкого о революциях следовало относиться спокойно и осторожно. По крайней мере одна статья была посвящена оппортунистической опасности, угрожавшей испанской революции[141]. Кроме того, Троцкий опубликовал в майско-июньском номере «Бюллетеня оппозиции» очередное секретное письмо в ЦК ВКП(б), посланное туда в конце апреля и оставшееся безответным[142]. В этом письме, которое изначально рассматривалось автором как пропагандистский документ, содержался призыв к проведению в Испании объединительного съезда коммунистов, включая тех, кто шел за «левой оппозицией». Иными словами, Троцкий пытался договориться со Сталиным о том, чтобы по крайней мере на испанской земле левым оппозиционерам разрешили работать вместе с коммунистами в рамках единой партии. «Ответственность за раскол явится в данном случае грандиозной исторической ответственностью», — угрожал Троцкий, намекая на очередное поражение революции в очередной европейской стране. Сталину, разумеется, важнее было ослабить Троцкого, пусть даже ценою поражения революции в Испании.

В письме Троцкого упоминалось имя Нина, которого в СССР

считали «контрреволюционером», а испанские правые — коммунистом (за что некоторое время продержали его в тюрьме). Именно на Нина Троцкий рассчитывал как на своего надежного представителя на Пиренейском полуострове. Возвратившись в родную Каталонию, Нин действительно возобновил переписку с Троцким, но очень скоро вышел из-под его контроля. Без согласия Троцкого (он только проинформировал его о своих действиях) Нин установил связь с Каталонской коммунистической федерацией, руководимой Хоакином Маурином[143], считая именно эту организацию базой будущей подлинной компартии и в Каталонии, и в Испании в целом[144]. Федерация незадолго перед этим была изгнана со скандалом из официальной испанской компартии за отказ осудить Троцкого и троцкизм и стала одной из многочисленных разрозненных групп испанских троцкистов — крайне малочисленных, разобщенных, а подчас враждебных друг другу.

Троцкий был недоволен тем, что Нин стал членом руководства этой федерации[145]. Он считал, что Маурин и его группа крайне ненадежны, занимаются в основном разговорами, а не практическими делами. Уже в феврале 1932 г. Троцкий писал в Испанию, что «между испанскими товарищами и большинством Интернациональной левой оппозиции накапливаются недоразумения». Нин не внял предупреждению, и критические высказывания Троцкого, а затем и обвинения начали нагнетаться[146].

В мае 1931 г. возвратившиеся на родину испанские сторонники Троцкого вместе с Нином объявили о начале издания журнала «Комунизмо», который выходил в северном городе Овьедо. Через месяц было провозглашено создание Коммунистической оппозиции Испании, которая образовала свой Исполнительный комитет во главе с Анри Лакруа. Хотя испанцы вроде бы предприняли именно те действия, на которых настаивал Троцкий, отношения между ним и испанской группой стали напряженными. Троцкий и Нин, все более игравший роль реального руководителя испанских оппозиционеров-коммунистов, расходились в оценке внутрииспанской и международной ситуации. Нин полагал, что рекомендации, которые содержались в письмах Троцкого (а в период между 13 марта 1931 г. и 20 сентября 1932 г. Троцкий написал Нину 23 письма), носили абстрактный характер, исходили из схематичных понятий «ленинизма», «сталинизма», «анархизма» и не учитывали исторических, социальных и культурных особенностей Испании.

Такой подход Троцкого все более отчуждал испанцев, тяготевших к собственным оценкам и искренне считавших, что в

испанских делах они разбираются лучше Троцкого. Троцкий попытался поправить положение, послав в Испанию своих эмиссаров — Раймона Молинье и Пьера Франка. Они многое наобещали испанцам, особенно касательно финансовой помощи испанской группе, однако своих обещаний не сдержали. 7 ноября 1931 г. Нин, едва сдерживая негодование, писал Троцкому, что Молинье вел себя с «неоправданной безответственностью»[147]. Так что визит Молинье и Франка не улучшил ситуации. В организации Нина, столкнувшейся с финансовыми и организационными сложностями, начались разногласия, возникли взаимные претензии и недовольство. Временами полемика с Троцким сглаживалась, временами — острые споры возникали вновь. В конце концов дело дошло до открытого разрыва, но случилось это чуть позже, в 1935 г., когда в Испании была образована Рабочая партия марксистского объединения (ПОУМ).

Из малых стран Европы наиболее значительная группа коммунистов-оппозиционеров была образована в Бельгии. Здесь еще в марте 1928 г. произошел раскол компартии, в результате которого появилась Группа оппозиции в Коммунистической партии (хотя участники группы на момент ее рождения в компартии уже не состояли, так как были из компартии Бельгии исключены). Группу возглавил Эдуард (Вар) ван Оверстратен[148]. Первоначально к ней примкнула небольшая группа — Федерация Шарлеруа — созданная в шахтерском городке Шарлеруа Леоном Лезуалем. Но в декабре 1930 г. между группами Оверстратена и Лезуаля произошел раскол. Оверстратен и его сторонники убедили Троцкого в том, что у них в «пролетарской среде» Бельгии более серьезные связи, и Троцкий, несмотря на свою общую принципиальную позицию, согласно которой группы его сторонников являлись лишь «фракциями» национальных компартий, дал согласие на провозглашение в Бельгии самостоятельной партии своих приверженцев[149].

Результаты парламентских выборов 1929 г., в которых бельгийские оппозиционеры участвовали как самостоятельная политическая сила, принесли разочарование. Даже в рабочих округах они не получили ни одного мандата, и Троцкий пришел к выводу, что он допустил ошибку, согласившись, «вследствие ошибочной информации, которая была ему предоставлена, признать бельгийскую ситуацию «исключительной»[150]. Группа Оверстратена существовала еще какое-то время под названием Лига коммунистов-интернационалистов, но вскоре перестала подавать признаки жизни.

Небольшие группы приверженцев Троцкого возникли в конце

20-х — начале 30-х гг. и в других европейских странах: в Австрии, Чехословакии, Болгарии. Болгарская группа первое время была особенно активной, и Троцкий регулярно переписывался с ее руководителями Стефаном Мановым и Димитром Гачевым[151]. Но никакой значительной силы эти мелкие группы троцкистов не представляли ни тогда, ни в будущем.

6. Троцкизм в Америке

Организация сторонников Троцкого в Соединенных Штатах по времени возникновения была первой и образовалась еше тогда, когда Троцкий находился в ссылке в Алма-Ате. До этого в США не было не только организации, но даже группы сторонников Троцкого. Единственным американцем, который, не разделяя политических взглядов Троцкого, был ему близок, стал биограф Троцкого журналист Макс Истмен. Истмен многократно выступал в печати в поддержку своего персонажа, а затем и оппозиции. Он, однако, предусмотрительно воздерживался от оценки взглядов оппозиционеров по существу. Биограф Истмена Уильям О'Нейл прав, полагая, что тот «никогда не присоединялся к движению Троцкого. Макс был одиноким волком и не мог бегать в стае, независимо от того, большой или малой эта стая была»[152].

Вернувшись в США после участия в VI конгрессе Коминтерна, американский коммунист Джеймс Кэннон вместе со своими ближайшими приверженцами Максом Шахтманом и Мартином Аберном выступили с поддержкой Троцкого и левой оппозиции. За это в октябре 1928 г. все трое предстали перед судом ЦК американской компартии и после бурных дебатов были из нее исключены[153]. Тотчас после этого они приступили к формированию оппозиционной коммунистической организации, которая и явилась первой троцкистской организацией в мире. В ноябре 1928 г. американские троцкисты смогли наладить издание газеты «Ми-литант», выход которой приветствовал Троцкий[154], с тех пор внимательно за нею следивший[155]. Средства на издание этой малотиражной газеты удалось собрать с большим трудом, причем группа Кэннона получила неожиданную финансовую помощь от людей, которые идеологически не были с ней связаны, но испытывали дружеские чувства к Троцкому. 200 долларов поступили от Истмена (это было второе его пожертвование), небольшую сумму пожертвовала врач Антуанетта Конникова, проживавшая в Бостоне, — русская эмигрантка, старая знакомая Троцкого по европейской эмиграции начала века, состоявшая некоторое время членом компартии США, но из нее исключенная[156].

В мае 1929 г. американские троцкисты созвали в Чикаго национальную конференцию, провозгласившую создание организации под длинным названием: Коммунистическая лига Америки (КЛА), Левая оппозиция коммунистической партии, которая охватила США и Канаду. Был избран Национальный

комитет Лиги. В него вошли Кэннон, Спектор, Аберн, Шахтман, Арне Свабек[157], Карл Скокглунд[158] и Альберт Глоцер[159]. «Так, — заключает свой рассказ об этой истории Глоцер, — из назначения Кэннона в состав малозначимой программной комиссии во время его нежеланной поездки на Шестой конгресс выросло нечто совершенно неожиданное: появление в США и Канаде троцкистского движения, которому было суждено стать наиболее крупным и важным из всех организаций, поддерживавших Троцкого… Для Троцкого это стало весьма знаменательным событием, поскольку оно дало новую жизнь небольшому, изолированному, но боевому международному движению»[160].

Кэннон с явным увлечением, но без должных к тому оснований позже утверждал: «Мы покинули конференцию с твердой уверенностью, что все будущее развитие коммунистического движения в Америке, находившегося в состоянии регресса, вплоть до того времени, когда пролетариат возьмет власть и начнет организацию социалистического общества, будет видеть свои истоки в этой первой национальной конференции»[161]. Подобные иллюзии разделялись и поощрялись самим Троцким, который писал, что американской оппозиции предстоит работа «всемирно-исторического значения», ибо в конечном счете «все вопросы нашей планеты будут решаться на почве Америки». При этом Троцкий отдавал себе отчет в том, что Америка «может быть потрясена в последнюю очередь». Однако он не исключал такого внезапного поворота событий, при котором социальный кризис в этой стране может наступить раньше, чем в европейских государствах. В чем-то он оказался прав: всемирный кризис, разразившийся в конце 1929 г., первым потряс именно США.

В начале своего существования американская организация сторонников Троцкого во всем придерживалась его взглядов. Кэннон выступил с рядом заявлений против тех, кто утверждал, что пора прекратить поддержку СССР, где рабочий класс подвергается эксплуатации жестче, чем в капиталистическом мире. Несмотря на то что власть в СССР находится в руках консервативной бюрократической касты, заявляли Кэннон и его сторонники, «мы стоим на позиции поддержки Советского Союза, а не переворота в нем, но стремимся реформировать его при помощи партии и Коминтерна»[162]. Руководители КЛА полностью разделяли и другие установки Троцкого: не организовывать параллельные профсоюзы, а продолжать работу в реформистских организациях, провозглашать верность компартиям и Коминтерну, а значит — не создавать независимых

компартий и не призывать к формированию нового Интернационала (что в тот период укладывалось в концепцию Троцкого).

Однако безоговорочная поддержка Троцкого продолжалась недолго. Вскоре в КЛА наступили «собачьи дни»[163], выражавшиеся в том, что изначально имевшиеся средства были исчерпаны и начался отлив членов из организации, прежде всего интеллигенции и студентов. Наметившийся в начале 30-х гг. ультралевый «поворот» Сталина тоже оказал влияние на американских коммунистов, особенно коммунистическую молодежь, на которую уповал Троцкий. С другой стороны, в 1933 г. США начали выходить из кризиса, что в свою очередь повлияло на настроения членов КЛА. Посетивший Принкипо осенью 1931 г. Глоцер рассказывал Троцкому, что Лига насчитывала теперь всего лишь 200 членов, из которых регулярно уплачивали членские взносы 165 человек, а любимая Троцким газета перестала выходить еженедельно и распространяется примерно в 3 тысячах экземпляров[164]. Для такой громадной и динамичной страны, как США, это были весьма неутешительные, по мнению Троцкого, если не сказать катастрофические, данные.

Между тем в начале 30-х гг. в США возникла вторая, конкурировавшая с КЛА группа, объявившая себя «троцкистской». Она называлась Коммунистической лигой борьбы. Во главе нее стоял Альберт Вейсборд, получивший хорошее университетское образование (он окончил Гарвардский университет) и занявшийся организацией труда рабочих-текстильщиков. Некоторое время он был членом компартии, но в 1929 г. был из нее исключен за открытую поддержку Троцкого и левой оппозиции в СССР. Вейсборд не вступил в КЛА, а образовал свою собственную группу и решил убедить Троцкого, что настоящими троцкистами являются именно его последователи.

Осенью 1930 г. между Вейсбордом и Троцким произошел первый обмен письмами. В ответ на обращение Вейсборда, обвинившего КЛА во всех смертных грехах, Троцкий послал ему копию своего письма этой организации, а в комментариях высказывал мысль, что обвинения носят односторонний, искусственный и даже преувеличенный характер. Троцкий не забыл упомянуть и о том, что сторонники Вейсборда немногочисленны (не подозревая, что столь же малочисленны и члены конкурирующей с ним партии, пользовавшейся покровительством Троцкого)[165].

Вейсборд настаивал на личной встрече, и в мае 1932 г. эти встречи состоялись. Воспоминаний о них не оставил ни один из участников, но уже после отъезда Вейсборд написал Троцкому

большое письмо, в котором настаивал на необходимости созыва международной конференции всех левых партий и организаций, противостоявших Коминтерну. Троцкий ответил резко: «Интернациональная левая существует не первый день. В борьбе за свои идеи и методы она очищала свои ряды от чужеродных элементов. Интернациональная конференция может и должна исходить из уже проделанной идеологической работы, закрепить ее результаты, систематизировать их. Встать на тот путь, который предлагала ваша группа, значило бы поставить крест на прошлом и вернуться в состояние первобытного хаоса. Об этом не может быть и речи. Международная левая оппозиция не есть механическая сумма шатающихся групп, а интернациональная фракция, воздвигаемая на гранитной основе принципов марксизма».

Необходимо раз и навсегда отказаться от мысли превратить Интернациональную левую в Ноев ковчег. Надо выбрать другой путь, менее скоропалительный, но более серьезный и надежный, писал Троцкий[167].

По возвращении Вейсборда в США продолжились его переговоры с Кэнноном. Они длились несколько месяцев, но в ноябре 1932 г. были прерваны. Вейсборд заявил, что его увлечение идеями Троцкого вообще было ошибкой, и перешел в реформистскую Американскую федерацию труда и даже занял в ней оплачиваемую должность управляющего[168]. В то же время вокруг Макса Шахт-мана, блестящего полемиста, обладавшего, подобно Троцкому, способностью к весьма острому и едкому саркастическому критицизму, стала сосредотачиваться группа единомышленников[169]. Будучи четырнадцатью годами младше Кэннона, он считал себя человеком нового поколения и противопоставлял свое приличное нью-йоркское образование грубым пролетарским манерам руководителя КЛА. В начале 1930 г. Шахтман посетил Троцкого на Принкипо, передал ему письмо Кэннона, продемонстрировал, по крайней мере внешне, единство взглядов. Но расхождения между Шахтманом и Кэнноном прорывались наружу и в конце концов привели к решительному расколу.

Однако самое серьезное противодействие планам Троцкого в США оказывала советская агентура. Широкую агентурную сеть в Америке в те годы создать еще не удалось, но почти все находившиеся в Северной и Южной Америке резиденты получали задания «работать по троцкистам», или «хорькам». Конкретные поручения заключались в установлении связей с «троцкистами», посещении их собраний, выведывании позиций отдельных лиц и групп. Советская агентура включала в себя Фрэнка Палмера

(Либерал)[170]; вдову члена американской компартии Тарнопольского (Тарра) Шифру Тарр (она так и шла под собственной фамилией — Тарр); Роберта Менакера (Боб), журналиста Джона Спивака (Грин). Ряд агентов даже сегодня остаются невыявленными и известны только по псевдонимам: Чарли, Тарас, Актер (последнему удалось посетить Троцкого в 1937 г. и частично определить окружение Троцкого того времени и связи)[171].

Тарр присутствовала, например, на открытом собрании «троцкистской» организации в Бостоне, на котором выступал Кэннон. В своем рапорте она повторяла весьма оптимистические утверждения лидера КЛА, что «троцкистское движение», недостаточно сильное, растет и укрепляется; троцкистская организация имеет свои группы во многих странах мира, «в частности, в Советском Союзе имеется подпольная троцкистская организация, связанная с зарубежными троцкистами»[172]. Неизвестно, в какой степени поверили этой информации в Центре, но то, что данный рапорт пришелся кстати при подготовке расправ над «троцкистами», очевидно.

Более умеренными и сдержанными были оценки Либерала, который сообщал, что «интересной для нас информацией» обладают лишь три-четыре человека, близкие к Кэннону, остальные же в курсе только того, что «знает широкая публика». На Либерала возлагали особые надежды в смысле внедрения в руководящие круги Коммунистической лиги. Эти усилия, однако, не увенчались успехом. В результате резидентуре пришлось даже отказаться от услуг своего агента. Позже, в 1937 г., нью-йоркская резидентура вынуждена была покаяться перед Центром, что она больше не имеет «хорошо проверенной агентуры внутри троцкистской организации», хотя и заверяла, что «разработка троцкистов продвигается вперед»[173].

Родоначальником канадских троцкистов был один из основателей компартии, член Исполкома Коминтерна и делегат его VI конгресса Морис Спектор. В ноябре 1928 г. он был исключен из компартии за поддержку платформы Троцкого[174]. Вслед за этим совместно с небольшой группой сторонников Спектор образовал Канадскую левую оппозицию, объявившую себя ответвлением КЛА. В таковом качестве группа Спектора просуществовала до 1934 г., когда она объявила об отделении от американской организации и превращении в самостоятельную секцию «троцкистского Интернационала» под названием Рабочая партия Канады, но активной деятельности так и не развернула.

В Канаде возникло и несколько других небольших групп сторонников Троцкого. Ими руководили Джек Макдональд (тоже

являвшийся канадским делегатом VI конгресса Коминтерна) и Ерли Верни. Первый занимался агитацией в районе Торонто, второй — в Ванкувере. До 1936 г., когда Спектор приехал к Троцкому в Норвегию, где короткое время проживал Троцкий, канадские троцкисты с Львом Давидовичем не встречались.

Первой страной Латинской Америки, в которой возникло организованное движение сторонников Троцкого, была Аргентина. Здесь в 1927 г. группа коммунистов, возглавляемая Р. Гвиннеем и К. Лопесом, объявила о поддержке Троцкого и разрыве с компартией. В 1929 г. они образовали Коммунистический комитет оппозиции и вскоре разругались. В 1932 г. два участника Комитета, совсем еще юноши — Р. Раурих и А. Галло, — возвратившись домой из Испании, где они познакомились с Нином, заявили об ошибочности курса Коммунистического комитета оппозиции и о создании своей собственной организации под названием Коммунистическая интернационалистская лига, которая смогла недолгое время издавать собственный журнал: «Нуэва этапа» («Новый этап»),

В том же году возникла третья похожая группа, руководимая Педро Милези. Хотя она присвоила себе почти такое же название: Лига Коммунистического интернационала, между обеими группами развернулась ожесточенная дискуссия, в первую очередь по вопросу, следует ли поддерживать отношения с основной оппозиционной партией страны — радикалами, ведшими борьбу против полудиктаторского режима генерала А. Джусто. В 1935 г. обе группы смогли на очень недолгое время объединиться[175].

Сравнительно рано возникло сочувственное Троцкому движение в Бразилии. Его основателем был молодой коммунист Марио Пердоса, который в 1929 г. сделал остановку в Берлине по дороге в Москву, где он должен был учиться в Международной Ленинской школе, готовившей руководящие кадры для компартий в духе Коминтерна. Познакомившись в Берлине с идеями Троцкого, Марио отказался от своих первоначальных планов и отправился в Париж, где связался с группой Молинье и редакцией «Ла верите», написал ряд писем на родину, использовал незаурядные агитационные способности и привлек на сторону Троцкого нескольких юных коммунистов. В это время бразильский делегат VI конгресса Коминтерна Родольфо Коутиньо, возвратившись в Бразилию, тоже заявил о поддержке Троцкого. В результате в январе 1931 г. образовалась Коммунистическая лига Бразилии, объявившая о своем членстве в Интернациональной левой оппозиции. Ее руководители, в частности Аристидес Лобо, попытались привлечь на свою сторону

ставшего уже знаменитым Луиса Карлоса Престеса, мятежного офицера, который в 1924–1927 гг. возглавлял крестьянское восстание, продолжавшееся более двух лет в центральной части Бразилии, а затем находился в эмиграции. Престес, однако, после некоторых колебаний предпочел присоединиться к просоветской компартии, а позже даже стал ее генеральным секретарем[176].

В начале 1937 г. Троцкий был принят в Мексике как почетный беженец. Произошло это в значительной степени благодаря усилиям его тогдашних сторонников — художников Диего Риверы и его жены Фриды Кало. Однако в то время, когда Троцкий пребывал в Турции, Ривера и Кало не были приверженцами идей организатора Октябрьского переворота. Первым коммунистом-оппозиционером в Мексике был выходец из США Рассел Блэквелл, который по поручению американских троцкистов стал заниматься агитацией в Мексике и сумел привлечь на свою сторону нескольких местных коммунистов. В результате в 1933 г. была образована Коммунистическая левая оппозиция Мексики, которая позже переименовала себя в Лигу коммунистов-интернационалистов. С некоторыми деятелями латиноамериканских организаций Троцкий позже установил еще и личный контакт, но в начале 30-х гг. его связи с Западным континентом ограничивались перепиской с единомышленниками из США.

7. Троцкизм в Азии

По понятным причинам Троцкий придавал огромное значение разгоревшемуся национально-освободительному движению в Китае. Он внимательно следил не только за ходом китайской революции и военными операциями, но и за тем, как в этой огромной стране претворялась в жизнь, как ему казалось, теория перманентной революции. В кругах китайских коммунистов влияние левой оппозиции было достаточно сильным. Прежде всего, ему были подвержены китайские студенты, обучавшиеся в СССР. Значительная часть этой китайской молодежи становилась воинственными левыми оппозиционерами[177].

Китайская просоветская молодежь приезжала из Китая для того, чтобы получить политическое образование в Коммунистическом университете трудящихся Востока, созданном в 1921 г.; в Университете трудящихся Китая, образованном в 1925 г.; наконец, в Международной Ленинской школе и Центральной комсомольской школе в Москве. Небольшие группы китайцев учились также в периферийных коммунистических вузах и в военных учебных заведениях. К обучению китайских студентов привлекались наиболее известные и авторитетные советские гуманитарные кадры. В комвузах с ними работали квалифицированные китаеведы, перед студентами выступали руководители Коминтерна и других международных организаций, советские партийные лидеры, в том числе Сталин и Троцкий. Студенты встречались и с появлявшимися в Москве руководителями компартии Китая. На китайский язык были переведены работы Маркса, Энгельса, Ленина, документы Коминтерна. Во второй половине 20-х гг. появлялись в китайском переводе статьи и брошюры некоторых оппозиционеров, в том числе работа Троцкого «Годовщина смерти Сунь Ятсена»[178].

Китайские студенты стали втягиваться во внутрипартийную борьбу в ВКП(б) с конца 1926 г., когда сталинское большинство пыталось перетянуть их на свою сторону в дискуссиях против троцкистско-зиновьевского блока[179]. Если вначале подавляющее большинство учившихся в Москве китайцев оставалось пассивным, а их интерес к установкам Троцкого носил преимущественно академический характер, после переворота Чан Кайши в апреле 1927 г. положение резко изменилось. У многих студентов сомнения стали перерастать в уверенное осуждение сталинского курса по отношению к китайской революции. В результате в Университете трудящихся Китая образовалась

небольшая группа студентов, которые стали поддерживать левую оппозицию. В числе прочих в эту группу входил комсомолец Елизаров. Под этой русской фамилией в Москве проживал и учился в Военно-политической академии Цзян Цзиго[180] — сын Чан Кайши, особенно нервно переживавший трагические события на родине и «измену» своего отца делу коммунистической революции. Оппозиционные группы китайцев появились также в некоторых других учебных заведениях[181].

Вначале деятельность этих небольших групп носила чисто идеологический и лишь отчасти пропагандистский характер. Они переводили и распространяли программные документы и тезисы объединенной оппозиции, письма Троцкого и Зиновьева в ЦК ВКП(б) и в Исполком Коминтерна, их статьи по вопросам, связанным с положением в Китае. Предпринимались и попытки переслать эти материалы в ЦК компартии Китая (КПК). Эти люди были молодыми активистами, «не имевшими реального опыта революционной борьбы внутри Китая»[182]. Вслед за этим, однако, начиналась агитация в среде самих учащихся. Использовались стенгазеты, выступления на собраниях и митингах. Сын Чан Кайши (можно только представить, сколько внимательных глаз советских пропагандистов и сотрудников ОГПУ следило за ним) — Цзян Цзинго написал статью «Я никогда не говорил «да»!», в которой призывал своих товарищей не бояться высказывать оппозиционные настроения и активно бороться против сталинской линии.

Те, кого позже стали называть китайскими оппозиционерами, встречались с оппозиционерами и даже с Троцким. Так, Ци Шугун посетил Троцкого в здании Главконцесскома и обсудил с ним перспективы китайской революции[183]. Примерно десять китайских студентов участвовали в параллельной демонстрации оппозиционеров 7 ноября 1927 г. Рассказывали, что группа китайцев пришла на Красную площадь с «ортодоксальными лозунгами», но, проходя мимо трибун, вдруг развернула плакат с лозунгом «Да здравствует Троцкий!»[184]. Тотчас после этого китайских оппозиционеров исключили из партии и комсомола, отчислили из учебных заведений и отправили на родину. Перед отъездом группа встретилась с Троцким. Лян Ганьцяо пытался «ободрить Троцкого»: «Не беспокойтесь, когда мы вернемся в Китай, мы сразу же создадим массовую партию — по крайней мере в полмиллиона человек». Троцкий был настроен более консервативно: «Революция потерпела поражение. Сейчас важна кропотливая работа. И если каждый из вас, — он указал на присутствовавших китайцев, — соберет вокруг себя пять-шесть рабочих и обучит их, это уже будет большим достижением»[185].

Значительное влияние на поведение китайских оппозиционеров, находившихся в Москве, оказали нелегально распространявшиеся работы Троцкого, связанные с VI конгрессом Коминтерна и предостерегавшие против авантюристической тактики в Китае, которая проявилась, в частности, в Кантонском восстании. На китайцев произвело впечатление осторожное отношение Троцкого к лозунгу Советов в Китае, который, как ожидалось, мог бы стать лозунгом «третьей китайской революции». Вместо этого Троцкий выдвинул на ближайшую перспективу лозунг созыва Национального собрания Китая (которое планировал впоследствии разогнать точно так же, как большевики разогнали Учредительное собрание в России).

Весной 1929 г. в общежитии Московской артиллерийской школы, где обучалось несколько китайцев, было проведено нелегальное собрание представителей оппозиционных групп, на котором обсуждался вопрос об их деятельности по возвращении на родину, что было особенно актуально в связи с предстоявшим в ближайшее время очередным выпуском студентов. Судя по воспоминаниям одною из участников — Ван Фаньси, решено было по возвращении не предпринимать никаких шагов к созданию независимой политической партии, действовать в рамках тайной фракции внутри КПК, но в то же время продолжать революционную деятельность в составе группы, объединившейся вокруг журнала «Вомэньдэ» («Наше слово»), основанной бывшими студентами, отправленными на родину после демонстрации 7 ноября 1927 г.[186]

Несмотря на отъезд в 1929 г. группы студентов в Китай, численность подпольной организации в следующем году увеличилась до 80 человек. К этому времени под влиянием идей Троцкого находилось более 20 % общего числа китайцев, обучавшихся в Москве[187]. Говорить о какой-либо конспирации было теперь достаточно сложно. Подпольная организация не могла быть массовой. Элементарная неосторожность или доверчивость участников могла привести к провалу. Советское правительство и органы ОГПУ не брезговали агентурно-шпионской деятельностью и вербовкой в среде китайских студентов. В администрации учебных заведений все чаще и чаще поступали доносы на китайских студентов, особенно участившиеся во время партийной чистки конца 1929 — начала 1930 г.

В феврале 1930 г. ОГПУ произвело аресты среди китайских студентов. Схвачены были 25 человек, в том числе все руководители подпольной организации. В следующие месяцы в подвалы Лубянки были отправлены еще 11 активных участников

китайской оппозиции. Арестованные дали показания не только о своих группах, но и о единомышленниках в Китае, назвав около 70 имен и раскрыв много адресов и явок. 20 июля 1930 г. специальная комиссия ЦКК ВКП(б) рассмотрела дела 36 арестованных китайских «троцкистов» и постановила 25 из них отправить в тюрьмы и ссылку, троих послать на производство, а остальных изгнать из СССР. Вслед за этим Коллегия ОГПУ «конкретизировала» фактически уже вынесенные приговоры[188]. История оппозиционной деятельности китайских коммунистов в СССР на этом закончилась.

Второе направление, по которому развивалось влияние идей и деятельности Троцкого в Китае, было связано с самим ходом китайских событий и положением в КПК. Руководству партии остро необходимо было найти козла отпущения за все те беды и поражения, которые обрушились на партию в ходе революции, переворота Чан Кайши и начавшихся преследований коммунистов. На V партийном съезде КПК в апреле 1927 г., состоявшемся в городе Учань, некоторые делегаты, в том числе набиравший силу Мао Цзэдун[189], попытались отстранить от руководства основателя партии и ее руководителя Чэнь Дусю, выступавшего за умеренность и уступки по отношению к левому Гоминьдану. Формально Чэнь устоял, но от практических дел отошел, а в августе 1927 г. на пленуме ЦК КПК был смещен с поста генерального секретаря партии. «Старик», как его называли, жил в Шанхае, и лидеры партии иногда его навещали.

С лета 1929 г. началось наступление на тех, кого в Китае считали сторонниками Троцкого. Пленум ЦК КПК в июне 1929 г. в резолюциях по докладу о работе Политбюро и по организационному вопросу поставил задачи идеологического «разоблачения» оппозиции как «орудия всех контрреволюционных сил, направленных против китайской революции» и «строгой чистки руководящих деятелей оппозиции внутри партии». За этим последовал специальный циркуляр ЦК, требовавший беспощадного изгнания оппозиционеров из партийных рядов[190]. В августе 1929 г. Чэнь направил ЦК обширное письмо с решительными возражениями против политики сотрудничества КПК с Гоминьданом и требованием пересмотра всего партийного курса[191]. Союз китайской компартии с Гоминьданом для Сталина был очередным «брестским миром» ради объединения Китая под руководством Чан Кайши, ради создания сильного национального государства, способного противостоять Японии — главному внешнеполитическому противнику Советского Союза. Сталин готов был упустить шанс на коммунистическую революцию в Китае, точно так же, как Ленин был готов упустить

шанс на революцию в Германии. В начале осени 1929 г. Чэнь Дусю образовал в компартии свою фракцию, а в ноябре 1929 г. был из партии исключен. Именно в это время он познакомился с несколькими работами по китайскому вопросу своего коллеги по несчастью Троцкого, в которых бичевался сталинский курс. Эти работы были привезены китайскими студентами из Москвы специально для уважаемого ими старого партийного лидера[192]. Чэня особенно порадовало, что во время революции 1925–1927 гг. Троцкий выступил за политическую и организационную независимость КПК от Гоминьдана. 10 декабря 1929 г. Чэнь Дусю опубликовал открытое письмо к членам китайской компартии, в котором возложил ответственность за все ошибки и неудачи, допущенные в ходе революции, на руководство Коминтерна. В начале следующего года Чэнь провозгласил образование Коммунистической левой оппозиции, которая в марте стала издавать журнал «Учаньчжэ» («Пролетарий»). Так основатель китайской компартии стал через десять лет основателем организованного движения китайских сторонников Троцкого.

Правда, наряду с Коммунистической левой оппозицией вскоре возникли еще три китайские группы, объявившие себя сторонниками Троцкого, но группа вокруг Чэня была наиболее значительной, и острой конкурентной борьбы между группами, в отличие от многих других стран, не было. 15 декабря 1929 г. Чэнь Дусю вместе с несколькими своими сторонниками послал Троцкому письмо, в котором формулировал свое видение перспектив китайской революции. Он полагал, что «завершения и победы буржуазно-демократической революции» в Китае можно достигнуть только в том случае, если идти «по русскому пути, т. е. по пути китайского Октября»[193], понимая под этим непрерывность революционного процесса, то есть перманентную революцию. В течение 1930 г. Коммунистическая левая оппозиция и другие группы Китая неоднократно обращались к Троцкому с письмами, официальными заявлениями и тезисами, анализировавшими положение в стране и в мире. Большинство материалов были написаны на английском, но попадались и китайские тексты, с которыми никто из сотрудников Троцкого ничего поделать не мог. Знатоков китайского языка среди них не было.

Только в январе 1931 г. Троцкий написал ответ, коллективно адресованный всем группам[194]. Он выражал удовлетворение отсутствием принципиальных разногласий между ними и разбирал «спорные и полуспорные» вопросы. Троцкий утверждал, что вступление компартии в Гоминьдан с самого начала было ошибкой, но признавал, что русская оппозиция «занимала по

этому кардинальному вопросу двусмысленную позицию». Троцкий соглашался с тем, что лозунг диктатуры пролетариата и бедноты не противоречит лозунгу диктатуры пролетариата. Он рассуждал о соотношении сил Советов и Национального собрания, не исключал получения коммунистами большинства в Национальном собрании и передачи им (в таком случае) власти Советам. А в случае отсутствия такого большинства Троцкий, не высказывая до поры до времени этой «недемократической» мысли вслух, планировал предложить разогнать Собрание (как это было сделано в Советской России в январе 1918 г.).

Вскоре Троцкий получил от Чэнь Дусю его труд о китайской экономике. Работа была издана на китайском языке, но на статистических таблицах автор сделал пояснительные надписи на английском языке, что дало возможность их тщательно изучить. 7 апреля 1931 г. Троцкий в ответном письме[195] выразил удовлетворение, что «марксистская мысль живет и работает, несмотря на разгром китайской революции», и просил подробно его информировать о состоянии китайской оппозиции. 1–3 мая того же года состоялась конференция китайских последователей Троцкого, которая объявила о создании Коммунистической лиги Китая, включавшей, согласно ее официальным данным, 483 члена. Конференция утвердила в качестве своей «программной базы» статью Троцкого «Политическая ситуация в Китае и задачи большевистско-ленинской оппозиции». Исходя из «демократического централизма» был избран 10-членный Национальный исполнительный комитет (в самой конференции участвовали 17 человек), секретарем которого избрали Чэнь Дусю. В числе других в состав ЦК вошел близкий к Чэню бывший студент московского Коммунистического университета трудящихся Востока Пэн Шучжи[196].

Через три недели после конференции произошли аресты, в результате которых две трети состава ЦК Коммунистической лиги было арестовано. Лига была почти полностью дезорганизована, и только после нападения Японии на Китай, в сентябре 1931 г., после фактической аннексии северо-восточной части страны (Маньчжурии), остатки оппозиционных коммунистических групп попытались постепенно возобновить свою деятельность. Им удалось создать несколько полулегальных периодических изданий, в которых содержались призывы к СССР и международному коммунистическому движению оказать немедленную помощь Китаю в его национально-освободительной борьбе. Коммунистическая лига Китая тоже стала на позиции антияпонского сопротивления и всячески пропагандировала программу создания широкого общедемократического движения,

которое охватило бы весь Китай[197].

Несмотря на это, правительство Чан Кайши жестоко преследовало крохотные организации Коммунистической лиги, считая их существование опасным прецедентом. Продолжались аресты. В середине октября 1932 г. был арестован Чэнь Дусю. Вслед за ним в застенки отправились почти все остававшиеся еще на воле активные деятели Лиги в Нанкине, Шанхае и других городах. Их обвинили в подрывной деятельности и образовании организаций, угрожающих безопасности Китайской республики. В апреле 1933 г. состоялся закрытый судебный процесс в Верховном провинциальном суде провинции Цзянсу, на котором Чэня приговорили к 13 годам тюремного заключения и 15 годам лишения политических прав. Пэн Шучжи получил тот же срок. Остальные члены ЦК отделались более мягкими приговорами. Все они находились в тюрьме до 1937 г., когда в изменившихся политических условиях, после нового нападения Японии на Китай, были амнистированы[198].

В 1933–1934 гг. предпринимались незначительные попытки продолжать агитацию с позиций, исповедуемых Троцким. Правда, именно в этот период к китайским деятелям присоединились два иностранца. Один из них — южноафриканец Френк Глэсс, приехавший в Китай как журналист, считал себя убежденным сторонником Троцкого. Он помогал изданию подпольной литературы, внося ежемесячно на это дело по 100 долларов (четверть своих доходов). Вторым был журналист-американец Гаролд Айзекс, установивший контакт с китайскими коммунистами в 1932 г. и издававший на английском языке журнал «Чайна форум» («Китайский форум»). Вскоре Айзекс, и ранее поддерживавший связь с оппозиционными коммунистами у себя на родине, окончательно разочаровался в Коминтерне, поддерживаемом китайской компартией. Он закрыл свой журнал, а всю типографскую базу передал сторонникам Троцкого. Несколько позже Айзекс опубликовал книгу о китайской революции, в основном написанную с троцкистских позиций[199].

Считая своим наиболее авторитетным китайским сторонником Чэнь Дусю, Троцкий не отказывался от контактов с представителями других групп китайских оппозиционеров-коммуни-стов, подчас соперничавших с Чэнем и даже враждовавших с ним. Троцкий переписывался и с членами коммунистической группы «Наше слово», и с группами китайских эмигрантов, убеждая их как можно скорее изжить разногласия и создать единую организацию. «Великая историческая миссия налагает на китайскую оппозицию исключительные обязательства. Мы все здесь надеемся, что китайская оппозиция

очистится от духа кружковщины и поднимется во весь рост, чтобы оказаться на уровне стоящих перед нею задач», — писал Троцкий. Несколько раз к Троцкому обращался Нель Си (настоящая фамилия Лю Лосань) — член компартии Китая с 1921 г., являвшийся одно время генеральным секретарем Коммунистического союза молодежи Китая. В 1923–1926 гг. Лю Лосань был слушателем Международной Ленинской школы в Москве. Он поддержал объединенную оппозицию, а в 1929 г. встречался с Троцким в Турции, на Принкипо. По возвращении в Китай он основал общество «Октябрь», которое в 1931 г. объединилось с другими китайскими оппозиционерами-коммунистами. Нель Си убеждал Троцкого, что подлинные его сторонники не могут объединяться с Чэнь Дусю, так как последний стоит на позиции «демократической диктатуры».

Чэнь, действительно, заявил в какой-то момент, что Гоминьдан завоевал поддержку большинства населения, что коммунисты должны признать временное поражение и отказаться от партизанской войны в деревне, во что активно был вовлечен тогда стоявший на левом фланге борьбы Мао Цзэдун[200]. В официальной коммунистической прессе Чэня стали даже называть «правым оппортунистом». 22 августа 1930 г. Троцкий отвечал Нель Си, что на самом деле Чэнь занял «безупречную позицию» — он выступает за установление диктатуры пролетариата, ведущего за собой крестьянскую бедноту. Отдельное существование группы «Октябрь» Троцкий считал неразумным, «оттенки же касаются отчасти академических вопросов, отчасти тактических, которые будут уточняться по мере развития событий… Если такой выдающийся революционер, как Чэнь Дусю, порывает с официальной партией, т. е. подвергает себя исключению, и заявляет о своей солидарности с Интернациональной оппозицией «на 100 процентов», неужели же мы можем повернуться к нему спиной? Может быть, у вас много коммунистов такого роста, как Чэнь Дусю?».

В других странах Востока попытки создания групп сторонников Троцкого не привели к заметным результатам. В первой половине 30-х гг. троцкистское движение зародилось только во французской колонии Индокитай — в Аннаме, Тонкине и особенно Кохинхине (нынешний Вьетнам). Возникло оно не в результате раскола компартии или исключения из нее отступников, как это имело место в других странах, а в рамках Национальной партии независимости, сформированной индокитайскими студентами, учившимися во Франции, и имевшей скорее национальную, а не классовую основу. Перед отъездом в Париж два активиста этой партии — Та Тцу Тцай и

Хуанг Ван Фуонг — сформировали в начале 1928 г. в Сайгоне революционную группу, а затем, уже во Франции, установили связь с Росмером. При его поддержке они организовали 22 мая 1930 г. демонстрацию перед резиденцией президента Франции, Елисейским дворцом, требуя независимости и объединения трех французских колоний Индокитая. Непосредственным поводом для демонстрации послужили репрессии французских колониальных властей после восстания местных солдат в индокитайском военном форте Йен-Бай. Восстание было жестоко подавлено. Военный суд вынес свыше 50 смертных приговоров. Полиция в Париже действовала не столь жестоко, тем не менее организаторы демонстрации были арестованы и признаны нежелательными для Франции лицами. Депортированные после этого выступления в Индокитай, студенты в январе — мае 1931 г. сформировали здесь группу под названием Ассоциация революционной молодежи, которая познакомилась с документами Интернациональной левой оппозиции, одобрила их и объявила себя составной частью этого течения.

Вскоре возникли и другие группы со своими малотиражными журналами. Различались они главным образом по вопросу о сотрудничестве с ВКП(б), но в принципе соглашались с точкой зрения Троцкого[201]. В апреле 1932 г. состоялась совместная конференция троцкистских групп, но усилия по объединению не увенчались успехом. Группы «Борьба» и «Октябрь» продолжали остро критиковать друг друга, обвиняли противников в оппортунизме и сталинизме, и единую организацию создать так и не удалось.

В конце 20-х — начале 30-х гг. мелкие и крохотные организации, течения и группы троцкистов возникли и во многих других странах. С рядом из этих течений и групп Троцкий вступал в переписку, пытался учить их уму-разуму в духе революционного большевизма, окрашенного собственными идеями перманентной революции. Все эти труппы и их деятели оставались незначительными по численности, были оторваны от массового рабочего движения, тяготели к расколам, потом к объединениям с вроде бы себе подобными, затем к новым расколам. Ни одно из этих течений не смогло перерасти рамок замкнутой сектантской группы, превратиться в полноценную политическую партию, которая обладала бы определенными, тем более существенными социальными связями, могла бы участвовать в парламентских или хотя бы местных выборах с надеждой на достижение минимального успеха, который выразился бы в получении мандатов.

С самого начала, как это обычно бывает с мелкими

отколовшимися политическими единицами, внутри оппозиционных групп и между ними происходили острые столкновения по вопросам теории, догматики, организационных принципов и особенно личного руководства. Вокруг оппозиционных коммунистических групп терлось немало авантюристов, мошенников и даже агентов советских спецслужб. Соперничавшие маленькие политики стремились привлечь Троцкого в качестве своего защитника и арбитра, и он обычно охотно, хотя весьма осторожно, ввязывался во всевозможные конфликты и дрязги, пытаясь при этом сохранить позицию отца-примирителя. Эта роль, однако, редко ему удавалась, хотя окружавшие и смотрели на него снизу вверх, и он сам всячески поощрял такую иерархию, сочетая ее с внешним демократизмом, правда только до тех пор, пока дело не доходило до вопросов, которые представлялись ему принципиальными. В этих случаях демократизм внезапно исчезал и прилагались все усилия для того, чтобы во что бы то ни стало навязать свою волю.

В некоторых случаях Троцкий мешал своим сторонникам выйти на более широкое поле политической борьбы. Это происходило тогда, когда они пытались во имя расширения социальной базы использовать не столь одиозные лозунги и шаблоны, не провозглашать себя прямыми последователями Троцкого, иными словами, когда они пытались стать на путь менее радикальный. В начале июля 1929 г. он отчитывал одного из своих последователей, который считал целесообразным «отмежеваться от троцкизма» не по принципиальным мотивам, а по практическим соображениям, ибо коммунистические массы терроризированы жупелом «троцкизма». «Этот метод противоречит всему моему политическому опыту», — писал Троцкий в ответном письме и требовал немедленного издания важнейших документов интернациональной левой оппозиции, то есть открытое заявление о солидарности с Троцким[202].

Продолжая уделять внимание национальным организациям, Троцкий уже в начале 30-х гг. всерьез занялся подготовкой к созданию международного объединения своих сторонников. Но для образования такового, да и для укрепления групп своих приверженцев в отдельных странах необходимо было, по его мнению, разносторонне разработать на базе конкретного историкополитического анализа основные проблемы революции 1917 г., советской и международной действительности.

Глава 2. ГЛАВНЫЙ ВРАГ СТАЛИНА

1. Исторические труды и статьи о Сталине

После депортации Троцкого Сталин развернул новую массированную кампанию против «троцкизма». Немаловажным ее проявлением был доклад Ярославского на совещании преподавателей-обществоведов 9 февраля 1930 г., в котором впервые было заявлено о полной идейной, теоретической и практической несовместимости большевистской и троцкистской точек зрения по вопросам о методах внутрипартийной борьбы. Большевистскую точку зрения Ярославский формулировал как историю расколов и отколов различных групп от революционной партии пролетариата, а «троцкистскую» — как историю «объединительных попыток беспринципного склеивания различных групп и группочек»[203].

Троцкий не мог и не желал оставлять без ответа всевозможные наветы и измышления по поводу его взглядов и роли в истории социал-демократического движения в России и мире. Но важнейшую свою задачу он видел в том, чтобы на базе доступного ему материала, собственных воспоминаний и впечатлений и своей концепции воссоздать предпосылки и ход революции 1917 г. Выполнение этой задачи он считал необходимым для разработки программно-политических установок российской и международной коммунистической оппозиции. Именно в эмиграции развернулась масштабная историко-аналитическая деятельность Троцкого.

Формально говоря, Троцкий не был профессиональным историком, но его знания и аналитическая хватка были велики, а сферы интересов в области истории разнообразными, хотя в этом разнообразии было своеобразное единство. Оно состояло в том, что он стремился использовать историю в политических целях, обычно не прибегая к прямой фальсификации и тем более подлогу, но преломляя историю в призме собственных идеологических и политических концепций, что при определенном взгляде на написанное можно было классифицировать и как фальсификацию.

В круг интересов Льва Давидовича входили: история России, особенно конца XIX — начала XX в.; частично всемирная история, рассматриваемая как источник уроков для настоящего и будущего; биографистика и воссоздание политических портретов Ленина и Сталина; документоведение и архивистика, прежде всего та их часть, которая позволила бы оправдать и укрепить политический курс самого Троцкого и дискредитировать его врагов и соперников, в первую очередь Сталина; мемуаристика,

позволявшая добиться тех же целей. Все эти области были теснейшим образом переплетены между собой, частично перекрывали друг друга, ибо мемуарные произведения содержали анализ общеисторических явлений, а в исторических трудах нередко встречались автобиографические эпизоды. Вычленить каждое из этих направлений можно только условно.

Своего рода пробой в разработке революционной истории России явились воспоминания «Моя жизнь», которые сквозь призму личных впечатлений и собственного нравственно-политического пути воссоздавали канву российской истории первой четверти XX в. Троцкий вспомнил и то, что именно он был первым автором брошюры о революции 1917 г., которую диктовал в Бресте по ночам и в перерывах между заседаниями на мирных переговорах 1918 г.[204]Этот текст также служил ему в какой-то мере путевой вехой для написания нового фундаментального труда: «История русской революции».

Поразительно, но написанная примерно за два года работа объемом почти в полторы тысячи страниц создавалась одновременно с огромным количеством теоретических и политических статей, тезисов, директивных писем и прочих документов, на фоне множества встреч со сторонниками и поклонниками, которые один за другим приезжали в Турцию специально для того, чтобы повидаться с Троцким. Разумеется, помощники и секретари оказывали ему немалую помощь. Особенно большую работу проводил вначале на Принкипо, а затем в Берлине сын Лев, посылавший отцу книги, статьи, собственные выписки, библиографические списки. Если силы других помощников Троцкий как-то еще берег, то Льва он эксплуатировал нещадно. Многочисленные письма в Берлин содержали все новые и новые требования, упреки в недостаточно тщательной работе и даже пренебрежительном отношении к его просьбам.

О том, какие источники лежали в основе работы и как проходил сам творческий процесс, дает представление письмо Троцкого американским издателям Саймону и Шустеру, которые первыми выпустили эту работу на английском языке. В ответ на их просьбу сообщить, как и при каких условиях писалась книга (это было необходимо, очевидно, для рекламы), Троцкий ответил письмом от 10 февраля 1932 г., вскоре появившимся в нескольких американских газетах:

«Вы спрашиваете, не могу ли я сообщить Вам какие-либо дополнительные данные о том, как и при каких условиях писалась и пишется «История русской революции». Попытаюсь набросать здесь наспех кое-какие обстоятельства, которые могут

представить для Вас интерес. В Константинополе нет никаких библиотек, если не считать книгохранилищ со связанными книгами Ислама и пр. Каждую справку мне приходилось наводить за границей, путем писем или телеграмм. Нужные мне газеты посылались мне моими сотрудниками из Берлина. Я отмечал здесь то, что представляло для меня интерес, и возвращал в Берлин для переписки, так как постоянная моя сотрудница занята была текущей работой. Если в выписках оказывались сомнительные места, то проверку приходилось проводить по авиационной почте (к сожалению, она функционирует далеко не круглый год).

Если, таким образом, принять во внимание, что главная часть моего «штаба» (розыск необходимых материалов, выписка и покупка книг, наведение справок и пр.) находится в Берлине, отделенном от Константинополя четырьмя днями почтового сообщения, то не трудно себе представить, какие технические затруднения проходилось и приходится преодолевать в процессе работы. Я надеюсь, однако, что эти препятствия и затруднения, вызываемые условиями моей высылки, не отразились неблагоприятно на точности работы. Мои сотрудники в Берлине и здесь относились к делу с исключительным вниманием и помогли мне в течение этих двух лет преодолеть невыгодные условия работы.

Большим подспорьем служили мне мои собственные старые работы, писавшиеся в разгаре событий и отражавшие разные этапы русской революции. Все эти работы, а также речи, написанные мною документы и пр. вошли в полное собрание моих сочинений, выпускавшееся в свет Государственным издательством в Москве в течение нескольких лет. Группа молодых историков, социологов и экономистов снабжала каждый том тщательно разработанными примечаниями исторического, критического и теоретического характера. Вся эта работа велась в свое время под общим моим руководством и чрезвычайно облегчила мне сейчас обработку исторического материала. Замечу здесь же, что из общего плана издания, рассчитанного на 30 с лишним томов, вышло только 13 книг…

Изданная Вами «Февральская революция»[205] на русском языке вышла. Ко ввозу в СССР она, разумеется, строжайше запрещена. Причина запрета не в том, разумеется, что книга может принести ущерб интересам Советского Союза (об этом не может быть и речи), а в том, что книга написана мною. Надо, впрочем, прибавить, что «История» на основании аутентичных материалов беспощадно разрушает целый ряд легенд, создаваемых историками сталинской фракции. Так, например, я

доказываю — и смею думать, совершенно неоспоримо, — что Сталин в начале Февральской революции, до приезда Ленина из-за границы в так называемом «пломбированном» вагоне, занимал политическую позицию, гораздо более близкую к меньшевикам, чем к Ленину. Этого одного достаточно, чтобы сделать мою работу невозможной в СССР.

Второй том, посвященный Октябрьской революции, близок к концу. Он занял у меня значительно больше времени, чем первый том. Не только потому, что он значительно превосходит первый том по размерам, но, главным образом, потому, что в области Октябрьской революции официальная сталинская историческая школа успела совершить поистине грандиозную работу… и работа по сборке фактов и документов требовала особой тщательности. Последние два года у меня ушли почти целиком на обработку двух томов «Истории».

Если, как сказано выше, здешние условия создают чрезвычайные затруднения в отношении научного аппарата, то зато они чрезвычайно благоприятны для сосредоточенной и тщательной работы над материалами. Остров Принкипо зимой почти необитаем, летом здесь запрещена езда на автомобилях, вместо городских шумов — только шум моря. В климатическом и эстетическом отношении Принкипо имеет несомненные преимущества перед всеми теми местами ссылки, с которыми мне приходилось знакомиться. В 1919 году Ллойд Джордж предлагал созвать на Принкипо международную конференцию с участием Советов. Ленин настаивал на том, чтобы я на этой конференции представлял Советский Союз. Конференция, однако, не состоялась из-за внутренних противоречий в Антанте. Но на Принкипо мне все же пришлось побывать: не для переговоров с европейской дипломатией, а для работы над «Историей русской революции». Должен признаться, что эта вторая работа мне гораздо симпатичнее первой. Вот то, что я могу пока наспех сообщить. Вы сделаете из этих строк то употребление, какое найдете нужным»[206].

Первый том «Истории русской революции» был опубликован на русском языке издательством «Гранит» в Берлине в 1931 г.; второй — тем же издательством в 1933 г., буквально накануне разгрома «Гранита» гитлеровцами. Вслед за этим началась публикация двухтомника на многих языках мира. На английский язык книгу переводил Макс Истмен, который для совместной работы вновь приехал на Принкипо в начале 1932 г. вместе с женой и провел здесь двенадцать напряженных рабочих дней. Правда, уже в это время между Истменом и Троцким возникли взаимное недовольство и политические разногласия —

американец стал все дальше отходить от марксизма, хотя исходно, в первые дни на Принкипо, Истмен писал о Троцком восторженно: «Троцкий кажется самым скромным и самоотверженным из всех замечательных людей, которых я знал. Он никогда не хвастает; он никогда не монополизирует беседу». Когда во время работы Истмен делал Троцкому комплимент по поводу текста, тот отвечал «Я рад» — и немедленно переходил к другой теме. Истмен утверждал, что у Троцкого не было ни капли тщеславия, хотя он казался сверхуверенным во всем, во что верил, не понимал, что такое сомнение. Во время завязавшегося спора о диалектике его шея дрожала, лицо было красным, он был в негодовании. Но у Троцкого, по мнению Истмена, отсутствовал эгоцентризм и мания величия, присущие обычно людям, отягощенным своей собственной силой.

Но через десять дней после приезда мнение Истмена о Троцком решительно изменилось. Теперь его раздражала манера Троцкого про любое свое высказывание или мысль, которую он считал важной, говорить «неопровержимо доказано». Эта формула почти ничем не отличалась от сталинского выражения «как хорошо известно», и Истмен страдал буквально физически: «Мне больно от его полного внутреннего безразличия к моему мнению, интересам, моему существованию как личности… Он никогда не задает мне вопросов. Он отвечает на все мои вопросы, как ответила бы на них книга, без взаимодействия, без понимания возможности взаимного роста». Замечания он встречал высокомерным отрицанием. «Я был любителем, нуждающимся в информации по техническим вопросам, которые волновали его ум… — писал Истмен. — Люди поэтому уходят от Троцкого, чувствуя себя приниженными. Или же он уходит в негодовании… Он лишен чувства взаимности. Он может оценить эмоциональные потоки у других людей, подчас дискутировать с острой проникновенностью, но он не в состоянии плыть вместе с ними в одном потоке»[207].

Обычно совместная работа состояла в том, что Макс читал английский текст, а Троцкий следил по русскому оригиналу, в необходимых случаях, которых было немного, внося уточнения. Однажды, отложив рукопись, Лев Давидович заявил Истмену: «У меня появилась мысль: давайте вместе напишем драму об английской Гражданской войне». — «Прекрасно», — ответил переводчик. Троцкий продолжал: «У Вас литературный талант, которого нет у меня, а я могу дать фактические сведения о том, что такое гражданская война»[208]. Эти комплименты, однако, касались только историко-литературной деятельности, но отнюдь не политических взглядов. Отступления Истмена от марксизма,

которые действительно все более превращались в принципиальный его отказ от доктрин основоположников, Троцкий без устали публично критиковал. 3 января 1933 г. он послал в «Милитант» письмо по этому поводу под заголовком «Макс Истмен и марксизм»: «За последнее время я имел случай несколько раз убедиться, что Макс Истмен ведет систематическую работу против материалистической диалектики, этой философской основы марксизма и научного коммунизма. По содержанию и теоретическим тенденциям эта борьба нисколько не отличается от других разновидностей мелкобуржуазного ревизионизма, начиная с берштейнианства (в его философско-теоретической части). Если Истмен сохраняет при этом свое горячее сочувствие Октябрьской революции и даже левой оппозиции, то субъективно эта вопиющая непоследовательность делает ему честь, ни на йоту, однако, не повышая теоретической ценности его критики марксизма»[209].

Истмен не затаил против своего бывшего кумира ни капли личной злобы. Вступив с ним в острую полемику на страницах прессы, он в то же время упрямо, хотя и тщетно добивался, чтобы власти США предоставили Троцкому визу на въезд в страну[210]. Не вдаваясь в детали взаимоотношений Троцкого с Истменом, советская резидентура в США установила за ним пристальное наблюдение, благо тот ни от кого не прятался. 25 марта 1932 г. агент Свен, родственник жены Истмена, служивший в Амторге[211], послал в Центр донесение «О троцкистах, Максе Истмене и его работе и связях с Троцким». Он сообщал, что Истмен выпускает на английском языке «Историю революции» Троцкого тиражом 30 тысяч экземпляров, что финансирование издания и собирание денег проводит Д. Хаммер, «бывший концессионер карандашной фабрики в Москве», что Истмен «получает еженедельно массу корреспонденции от Троцкого», что он ведет организационную работу среди американских троцкистов, что в Амторге имеется по крайней мере два сторонника Троцкого (назывались фамилии), а с Москвой связь троцкистов поддерживается через бывшего управляющего карандашной фабрики Хаммера Эйтингера (сообщался адрес)[212]. Легко представить, что произошло с этими названными по фамилиям советскими людьми…

Обладая способностью оценить английский текст, Троцкий считал, что перевод на английский сделан блестяще. 13 марта 1932 г. он писал Истмену: «Сейчас я вместе со своим французским переводчиком (Парижанин[213]) проверяю французский перевод. Во всех тех случаях, где Парижанин упирается, уверяя, что на иностранный язык «этого» нельзя

перевести, я возражаю: «Посмотрим, что из этой фразы сделал Истмен», — и до сих пор каждый раз я находил максимальную точность в передаче всех оттенков оригинала. Насчет того, что вы не причиняете при этом обид английскому языку, нет сомнений и у Парижанина. Как хорошо, что дело попало в ваши руки»[214].

Французским текстом, выполненным Парижанином, Троцкий остался недоволен: «Это не перевод, а вариации переводчика на тему автора. Переводчик систематически исправляет автора, заменяет образы, которые ему не нравятся, своими собственными, вставляет длиннейшие фразы для «популярности» и, наоборот, выбрасывает фразы или части фраз, если они ему не по вкусу»[215].

Издание на английском языке появилось вначале в Лондоне, причем второй том вышел даже раньше русского издания[216]. Почти сразу же появилось первое американское издание[217]. Одновременно или вслед за этим двухтомник (в некоторых случаях значительно больший по объему второй том выпускался двумя частями) «История русской революции» вышел на немецком, французском, испанском, польском и других языках и затем многократно переиздавался. В США до 1980 г. появилось девять его изданий[218].

«История русской революции» оказалась самым весомым произведением Троцкого по исторической проблематике и не утратила своего историографического звучания до наших дней, несмотря на свою политическую окрашенность. Только в 1997 г. эта работа была впервые опубликована в Москве[219] с тенденциозным предисловием Н. Васецкого «Пророк, который ошибся на полвека», автором многочисленных книг и статей, ранее критиковавшим «троцкизм» как антиленинское и антисоветское течение.

Как в предыдущих, да и последующих работах по истории СССР, большевистской партии и истории других стран, Троцкий останавливался перед непреодолимым для него рубежом: стеной марксистско-ленинско-большевистских догм. Отказаться от марксизма, от «большевизма-ленинизма» он не был в состоянии ни в практической деятельности, ни в истории и социологии. Такой отказ означал бы перечеркивание всей предшествующей жизни, революционной и политической деятельности, всего предыдущего творчества. В предисловии к первому тому Троцкий писал, разъясняя использование дат по старому и новому стилю: «Сам календарь, как видим, окрашен событиями, и историк не может расправиться с революционным летоисчислением при помощи простых арифметических действий. Читатель благоволит лишь помнить, что, прежде чем опрокинуть византийский

календарь, революция должна была опрокинуть державшиеся за него учреждения»[220].

Том открывался анализом особенностей развития России, из которых автор выделял прежде всего замедленность и вытекавшие отсюда экономическую отсталость, примитивность общественных форм, низкий уровень культуры. Как раз этот анализ и дал автору возможность более или менее аргументированно и логически последовательно развить свою установку на возможность неравномерного и комбинированного развития отсталых стран, которая являлась новой опорой для концепции перманентной революции. Из универсального закона неравномерности исторического развития Троцкий выводил закон комбинированного развития, означающий возможность сближения различных исторических этапов, сочетания архаических форм с современными. Это абстрактное положение не оставлялось без конкретных — фактических и статистических — иллюстраций. Троцкий показывал, в частности, что по своей технике и промышленной структуре Россия начала XX в. стояла на уровне передовых стран, а в некоторых отношениях даже их опережала. Предприятия-гиганты с числом рабочих более тысячи человек в 1914 г. занимали в США 17,8 %, а в России 41,4 %. Выдвигая закономерности неравномерного и комбинированного развития применительно к отсталым странам и относя к ним Россию, Троцкий допускал известное упрощение реальной ситуации, ибо Россия могла рассматриваться в качестве отсталой лишь по отношению к наиболее передовым европейским странам и США, а в целом принадлежала к странам среднеразвитым, что признавалось и обосновывалось огромным числом российских и зарубежных исследований.

Весь анализ вел к тому основному положению, что, будучи по «отправным своим задачам» демократической, русская революция неизбежно ставила проблему политической демократии по-новому и в конце концов привела к тому, что в течение нескольких месяцев у власти оказались Советы, которые Троцкий считал властью пролетариата. Именно здесь и начиналась, однако, игра в понятия, ибо власть Советов, в которых в конце концов возобладали большевики, приравнивалась автором к власти пролетариата, а не к власти над пролетариатом и другими слоями населения России, как это оказалось в действительности вскоре после Октябрьского переворота. Такой поворот событий Троцкий признавал, однако только применительно к значительно более позднему этапу развития советской истории, когда после смерти Ленина у руля правления утвердился Сталин.

В первом томе «Истории русской революции», несколько

искусственно доведенном до июньской демонстрации 1917 г., рабочим, особенно петроградским, подчас приписывались качества сознательности и организованности, которыми они в действительности не обладали, тем более в той высокой степени, которая декларативно воспевалась автором. Поэтому в вопросе о силах революции порой возникали серьезные оценочные противоречия. В качестве решающих сил выступали то рабочий класс, то руководившие им большевики, а подчас — особенно при описании событий первых месяцев революции — даже представители других социалистических партий. В конечном итоге все же возникал некий оценочный компромисс, состоявший в том, что решающую роль играли массовые выступления, но массами руководила большевистская партия.

Второй том автор открывал «июльскими днями» и завершал II съездом Советов. Первая часть второго тома была посвящена политическому противостоянию в июле — сентябре 1917 г. Ставя вопрос о том, могли ли большевики взять власть в июле, автор, основываясь на фактах, показывал нереальность задачи, но придавал огромное значение июльскому кризису. Он полагал, что именно в эти дни большевики смогли обеспечить «будущее революции и свое собственное»[221]. Во второй части тома речь шла о последних неделях перед Октябрьским переворотом, о самих октябрьских событиях в Петрограде, о роли столичного Совета и личной роли автора в осуществлении государственного переворота.

На протяжении всего труда встречались яркие, порой блестяще выписанные портреты деятелей 1917 г. и описания отдельных, наиболее значительных событий. Вот как, например, характеризовался известный политик и писатель эсер Борис Савинков: «человек даровитый и волевой», который «в течение ряда лет был орудием в руках провокатора Азефа; скептик и циник, считавший себя вправе, и не без основания, глядеть на Керенского сверху вниз и, держа правую руку у козырька, почтительно водить его левой рукой за нос». Вот мазок, дающий не очень точное, но яркое представление о I Всероссийском съезде Советов: «Громадное и рыхлое собрание», работа которого отличалась «размашистостью в области деклараций и консервативной скаредностью практических задач. Это налагало на все решения печать безнадежности и лицемерия».

Цель подготовки работы, ее политический смысл еще более подчеркивались приложениями к обоим томам, особенно весьма любопытной «исторической справкой» о перманентной революции. Она была представлена в форме диалога между представителем «троцкистской» концепции, обозначенным

инициалом «Т.», и одним из тех, которые «возглавляют сейчас советскую бюрократию». Неудивительно, что последнему был дан инициал «С.»[222]. Таким образом, это был воображаемый несостоявшийся диалог между Троцким и Сталиным. Свою концепцию Троцкий делил на три этапа: 1905–1917, 1917–1923 и 1924–1932 гг., то есть до того момента, когда был завершен второй том. Это было своеобразное теоретическое эссе, опиравшееся на всю работу. Главный вывод состоял в том, что самостоятельно СССР не сможет прийти к социализму, «но, открыв эру социалистических преобразований, он может дать толчок социалистическому развитию Европы и таким образом прийти к социализму на буксире передовых стран». Бедному «С.» отводилась незавидная роль задавать вопросы, что, как известно, Сталину было не свойственно. Но вопросы «С.» ставились в риторической форме, чтобы тут же можно было дать на них привычный для Троцкого категорический ответ из серии «как хорошо известно». Это приложение было краткой выжимкой другой книги Троцкого — «Перманентная революция», в которой он стремился подтвердить правильность концепции перманентной революции опытом российского 1917 г., китайской революцией и всем комплексом мировых событий 20-х гг.[223]

Еще одной книгой на историческую тему, выпущенной на русском все тем же издательством «Гранит» (и на иностранных языках многими издательствами в различных странах мира), была работа, содержавшая документы 1917 г. и некоторые не опубликованные до того времени выступления Троцкого 1927 г.: «Сталинская школа фальсификаций: Поправки и дополнения к литературе эпигонов»[224]. Автор следующим образом представлял читателям эту книгу: «Расшифровка последовательных наслоений фальсификации партийного прошлого могла бы представить в своем роде поучительную работу. Наша задача скромнее. Мы восстанавливаем самые основные факты и документы, легшие в основу противопоставления троцкизма и ленинизма: не забудем, что при всех своих превращениях и изменениях идеология эпигонства пытается все же держаться на этой основной антитезе»[225].

Среди тем, которым Троцкий уделял наибольшее внимание, следует отметить Сталина и его место в формировании и развитии советской политики в отношении международного коммунистического движения со второй половины 20-х гг.; внешнеполитический курс Сталина и взаимоотношения СССР с западными державами и другими странами; роль Сталина в построении советского административно-бюрократического аппарата, в тенденциях, характерных для бюрократического слоя

и, наоборот, пути и средства воздействия самого этого слоя на политику диктатора; взаимоотношения Сталина с его административным аппаратом, место аппарата в извращении истории в угоду сталинскому культу; ведущая роль Сталина в преследовании старых большевистских кадров. Статьи Троцкого о Сталине были, как правило, более заострены, чем прочие его публикации, носили в большей степени разоблачительный характер. Связано это было прежде всего с тем, что они были предназначены для русскоязычного читателя, в первую очередь для последователей Троцкого и тех, на поддержку кого он рассчитывал. Большинство из статей являлись непосредственными откликами на текущие события, на те или иные внешнеполитические шаги и внутреннюю политику диктатора.

При подготовке работ о Сталине Троцкий использовал не только информацию в прессе, советские издания и другие доступные ему открытые источники, но и архивную документацию, которую ему удалось вывезти из СССР. Обобщающий характер носила статья «К политической биографии Сталина»[226], в которой автор еще в 1930 г. пытался подвести первые итоги политического возвышения Сталина и наметить ближайшие перспективы развития СССР и международного коммунистического движения с точки зрения того «критического пункта» отката революционного движения, который, по мнению Троцкого, был характерен для данного момента. При этом текущие наблюдения и прогнозы сочетались с категорическими ретроспективными оценками и собственными воспоминаниями.

Верный своему «диалектическому» подходу, Троцкий чрезмерно оптимистично полагал (радужные перспективы были характерны для его анализа и во многих других случаях), что «кульминация бюрократизма предрекает его кризис». Именно с точки зрения этого предполагавшегося, но не состоявшегося заката сталинской диктатуры автор пытается проследить основные этапы политического развития Сталина как революционера и будущего советского диктатора. В этом смысле выделялись характерные для советских публикаций лакуны или же фальшиво трактуемые в СССР этапы и события жизненного пути социал-демократа Иосифа Джугашвили, которым Сталин и его приближенные стремились придать «героический» смысл. Речь идет о поддержке меньшевиков до перехода на сторону большевиков, об обстоятельствах ограбления Тифлисского банка в 1907 г., о стратегической недальновидности и неучастии в теоретических дискуссиях, об условной поддержке Временного правительства в 1917 г. до возвращения в Россию Ленина (на

этом вопросе Троцкий останавливается особенно подробно), об отсутствии какой-либо самостоятельности и инициативности непосредственно после Октябрьского переворота, о бюрократических и шовинистических тенденциях, свойственных Сталину на правительственных и военных постах, которые он занимал. Последние вопросы (начиная с 1917 г.) освещались не только при помощи документов и их анализа, но и на основании собственных политических впечатлений и контактов.

Прямым продолжением биографического очерка стала написанная в 1930 г. статья «Сталин как теоретик»[227], в основном посвященная позиции Сталина в аграрно-крестьянском вопросе в 20-х гг. — во время новой экономической политики и после ее завершения. Теоретическое невежество Сталина (в пределах марксистской парадигмы) Троцкий показывал не просто весьма убедительно, но едко и остроумно. Он находил у Сталина прямое противопоставление «аграрно-демократической и индустриально-социалистической революций». Из этого делался вывод о неспособности советского лидера к абстрактному мышлению. Рассуждая по поводу фактических противоречий между городом и деревней, «ножниц цен» на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, лидер оппозиции приходил к заключению, что у Сталина произошла в отношении НЭПа и рынка характерная эволюция, обычно случающаяся с эмпириками: «Эмпиризм вел к субъективизму». В результате с «ножницами» Сталин поступил весьма просто: ликвидировал их при помощи социальнополитических «перегибов».

Показательно, что Троцкий не бичевал Сталина за насильственную коллективизацию, первые проявления и результаты которой постепенно становились известны на Западе. Сам факт насилия и кровопролитий во время аграрных преобразований оставлялся в стороне, за рамками теоретической дискуссии. То, что творилось в сельской местности в 1928–1930 гг., автор сводил в основном к теоретической некомпетентности Сталина, его неспособности к абстрактному мышлению. Между тем насильственная коллективизация, проведенная как «революция сверху», обернулась тягчайшими страданиями, голодом, массовой смертностью, каннибализмом, подрывом сельскохозяйственного производства (от которого страна не оправилась по сей день). В 1930 г. было конечно же трудно дать этим событиям всестороннюю оценку. Но осторожность, с которой Троцкий оценивал результаты сталинской аграрной политики к началу 30-х гг.[228], была вызвана неспособностью Троцкого изменить собственным

взглядам. Левый оппозиционер Троцкий очень хорошо понимал, что Сталин взял на вооружение его и Преображенского программу, что насильственная коллективизация в деревне является тем необходимым первым шагом по борьбе с крестьянством, без которого с крестьянина нельзя собрать «дань» для индустриализации страны. Разумеется, теоретические выкладки Преображенского оставляли поле для разных трактовок прочитанного и уж тем более для разных вариантов практической реализации поставленных теоретических задач. Троцкий искренне мог верить в то, что Сталин проводил коллективизацию не так, как проводил бы ее Троцкий. Но в целом создатель трудовых армий стоял в этом вопросе на стороне Сталина, а не на стороне крестьянина.

Среди проблем международного революционного движения второй половины 20-х гг., к которым имел отношение Сталин как фактический руководитель Коминтерна и входящих в него партий, Троцкий ставил на первое место развитие революции в Китае, чему была посвящена специальная статья[229]. В ней автор полагал, что китайская революция 1925–1927 гг. являлась самым крупным событием всемирной новейшей истории после революции 1917 г. в России. Какую же позицию, по мнению автора, занимал Сталин в ходе китайской революции? Троцкий с негодованием отвергал сталинскую установку на блок коммунистов с лидером Гоминьдана Чан Кайши, на вхождение компартии в состав Гоминьдана, на принятие Гоминьдана в состав Коминтерна в качестве «сочувствующей» партии. Троцкий всячески противопоставлял сталинский курс в Китае установкам Ленина на временный союз с буржуазно-демократическими движениями в колониях. При этом особое внимание он обращал на требование Ленина сохранить самостоятельность пролетарского движения, считая, что Сталин это ленинское указание грубо нарушил. Разумеется, Троцкий не упоминал о том, что и сам он поначалу был за вхождение компартии в состав Гоминьдана; что постоянная угроза японского нападения на Дальний Восток и японской агрессии в отношении Монголии и Китая требовала создания сильного национального Китая, руководимого жесткой рукой правителя; что Чан Кайши, сын которого находился в СССР в качестве студента (а на самом деле — в качестве заложника), советское правительство считало удачной кандидатурой на роль диктатора Китая; что коммунисты Китая, в случае победы, ввергли бы страну в многолетнюю кровавую гражданскую войну (точно так же, как в долгую гражданскую войну ввергли Россию большевики) и этим ослабили бы Китай настолько, что сделали бы его легкой добычей Японии.

Троцкий занимался теорией. Сталин решал практические проблемы. Сталин, действительно, не был теоретиком. Сталин был практиком.

Исключительно с позиции теоретической порочности сталинского курса Троцкий оценивал конкретные поражения коммунистов в ходе китайской революции в Шанхае, Кантоне и ряде других мест. Он не ставит под сомнение, что при принципиально ином руководстве (имея в виду свою собственную политическую программу) китайская революция могла бы увенчаться успехом: победой коммунистов или, по крайней мере, ростом численности партии, превращением ее в значительно большую политическую силу, чем это имело место в реально сложившейся ситуации. «Могильщик второй китайской революции готовится погубить третью китайскую революцию в зародыше», — заключал Троцкий, не указывая, что по такой логике Ленин конечно же был не кем иным, как «могильщиком» немецкой и европейской революции 1918–1919 гг.

Вопросы, связанные с пагубной, по мнению Троцкого, ролью Сталина в международном коммунистическом движении, затрагивались и в ряде других статей. Эта роль оценивалась как деморализующая, дезорганизаторская, разрушительная. Автор считал ее одной из главных причин провалов компартий в Германии, Великобритании, ряде азиатских стран, не только в Китае. Естественно, сталинскому прагматическому курсу и веренице поражений противопоставлялась «теория» перманентной революции, для оправдания которой Троцкий стремился найти факты, которые подтвердили бы зрелость революционной обстановки в той или иной стране и высокую вероятность успеха коммунистов, если бы они порвали с Коминтерном и присоединились к руководимому им течению, тем более что на основе личного опыта и наблюдений Троцкий воспроизводил отрицательные психологические черты Сталина, в частности его замкнутость, недружелюбие, грубость, угрюмую сосредоточенность, развязность и вульгарность. Фактически сквозь ткань всех работ о Сталине просвечивало то, что в одной из статей было определено как «противоречие между крайней властностью натуры и недостатком интеллектуальных ресурсов».

Вполне естественно, что советский диктатор со все большим вниманием, раздражением и озлоблением следил за печатной продукцией Троцкого, которая, как он понимал, при всех заслонах неизбежно окажется доступной хотя бы небольшому кругу его высокопоставленных подданных. Стремление Троцкого проанализировать характер социально-политических отношений в СССР, подвергнуть разоблачению формировавшийся сталинский

культ и единовластие вызывали все большее негодование Сталина. Он стремился всячески скомпрометировать Троцкого в глазах партийной верхушки, которая сохраняла еще остатки пиетета по отношению к бывшему вождю.

Важным публичным сигналом в этом смысле было появление в журнале «Пролетарская революция» письма Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма»[230].

Основной смысл этого письма состоял в том, что все дискуссии по проблемам истории партии должны быть прекращены, что в этой области может существовать только одно мнение — самого Сталина, растиражированное в формате выступлений и комментариев людей, получивших на это его высочайшее разрешение[231]. Какие бы то ни было возможности для полемики с Троцким, для новой «литературной дискуссии» Сталин раз и навсегда пресекал, дав новое определение троцкизма: «Некоторые большевики думают, что троцкизм есть фракция коммунизма, правда, ошибающаяся, делающая немало глупостей, иногда даже антисоветская, но все же фракция коммунизма. Отсюда — некоторый либерализм в отношении троцкистов и троцкистски мыслящих людей. Едва ли нужно доказывать, что такой взгляд на троцкизм является глубоко ошибочным и вредным. На самом деле троцкизм давно уже перестал быть фракцией коммунизма. На самом деле троцкизм есть передовой отряд контрреволюционной буржуазии, ведущей борьбу против коммунизма, против Советской власти, против строительства социализма в СССР. Вот почему либерализм в отношении троцкизма, хотя бы и разбитого и замаскированного, есть головотяпство, граничащее с преступлением, изменой рабочему классу… Вот почему нельзя допускать литературную дискуссию с троцкистскими контрабандистами».

Сталин выразил даже недовольство «Историей ВКП(б)», выпущенной под редакцией его историко-литературного подхалима и ортодокса Ярославского. В плане своего предполагаемого ответа Ярославскому при «характеристике троцкизма» и его «своеобразии» он подчеркнуто указывал на принципиальное разногласие между взглядами Ленина и «троцкистской» теорией «перманентной революции»[232]. В «ответе слушателю Военно-технической академии в Ленинграде», помещенном в журнале «Большевик», Сталин объявлял, что, «свернув свои антибольшевистские взгляды и войдя таким образом в партию, троцкисты не отказались все же от этих взглядов, ввиду чего они, эти самые взгляды, давали о себе знать с особой силой при каждом повороте партии и Коминтерна», что троцкизм «стал вновь фракцией меньшевизма после изгнания

троцкистов из нашей партии. «Собака вернулась к своей блевотине»[233].

В каком-то плане эту грубую фразу можно было отнести к самому Сталину. На какое-то время Троцкий и Сталин обречены были лаять друг на друга, как две собаки, находившиеся в разных клетках. Троцкий был лишен возможности оказаться в СССР. Сталин не покидал пределов своего царства. «Реальные Сталин и Троцкий обитали теперь… в созданном ими самими мире, в котором каждый питался фантазиями другого, — пишут в своей книге британский исследователь К. Эндрю и перевербованный английской разведкой, а затем нелегально вывезенный в Великобританию сотрудник КГБ О. Гордиевский. — Вера Сталина в почти не существовавший российский троцкизм заражала Троцкого, бурный энтузиазм которого (при открытии этих воображаемых последователей) в свою очередь убеждала Сталина, что троцкистская угроза была даже страшнее, чем он предполагал»[234]. Именно в этих условиях Сталин усилил в СССР репрессии, при помощи которых надеялся еще прочнее «обезопасить» свою власть от внутренних врагов, подстрекаемых главным внешним врагом — Троцким, которого он непредусмотрительно выпустил за пределы СССР, о чем теперь горько сожалел.

2. Лишение гражданства и новая семейная трагедия

20 февраля 1932 г. в газете «Правда» было опубликовано постановление Президиума ЦИКа СССР за подписью Калинина о лишении гражданства «за контрреволюционную деятельность» группы из 37 человек, находившихся за границей «в качестве эмигрантов и сохранивших еще советские паспорта»[235]. Постановление было затем переопубликовано в других центральных газетах СССР и в зарубежной прессе. Следует отметить, что за пределами Советского Союза находились сотни тысяч бывших российских граждан, многие из которых занимались той или иной политической деятельностью. Часть этих людей имела российские паспорта, оформленные после октября 1917 г., другая — не имела их и обходилась беженскими, так называемыми «нансеновскими» документами. Некоторые бывшие российские и советские граждане имели на руках иностранные паспорта стран, в которых поселились. По каким именно причинам советскому правительству понадобилось объявлять о лишении гражданства маленькую группку из 37 человек, включающую, например, некоторых меньшевиков, давно игравших в политике второстепенную роль (Ф.И. Дана, Р.А. Абрамовича и Б.И. Николаевского), и почему эту акцию нельзя было провести тихо, без публикации, и тогда уже в более широком масштабе, становилось понятно, когда глаза читателей постановления доходили до самой известной фамилии списка…

Интересно, что февральское постановление Президиума, подписанное Калининым, не было датировано определенным числом. Его датировали месяцем, с прописной буквы: февраль 1932 г. Сталин, видимо, долго не мог решить, когда именно публиковать это странное постановление и публиковать ли его вообще. Так и отдали постановление в «Правду», забыв поставить число. В собрании законов СССР этот документ был опубликован как «статья 70», и тоже без даты. Поскольку февральское постановление 1932 г. следует назвать беспрецедентным (ни до, ни после советское руководство подобных постановлений не публиковало), приведем этот знаменательный список:

«1. Абрамович-Рейн Рафаил Абрамович,
2. Аронсон Григорий Яковлевич,
3. Аронсон-Каплан-Рубинштейн Анна Яковлевна,
4. Айзенштадт-Юдин Исай Львович,
5. Бинштok Григорий Осипович,

6. Бронштейн-Гарви Петр Абрамович,
7. Бронштейн-Гарви Софья Самойловна,
8. Бронштейн Зинаида Львовна,
9. Бронштейн Або Аронович,
10. Верещагин Иван Павлович,
11. Волин Всеволод Михайлович,
12. Волосов Борис Исаевич,
13. Гоффенберг Иосиф Соломонович,
14. Гуревич Борис Львович,
15. Гурвич-Дан Федор Ильич,
16. Грюнвальд Евгения Ивановна,
17. Гурвич-Цедербаум-Канцель Лидия Осиповна,
18. Доманевская Ольга Осиповна,
19. Дюбуа Анатолий Эдуардович,
20. Израиль Ефим Львович,
21. Ладыженский Иван Иванович,
22. Моносзон-Шварц Соломон Меерович,
23. Наваковский Яков Соломонович,
24. Николаевский Борис Иванович,
25. Носков-Ардонев Петр Васильевич,
26. Пескин Матвей (Мордух) Абрамов,
27. Порш Николай,
28. Потресов Александр Иванович,
29. Потресова Екатерина Александровна,
30. Рейн-Абрамович Роза Павловна,
31. Рейн-Абрамович Марк Рафаилович,
32. Седов Лев Львович,
33. Седова Наталья Ивановна,
34. Троцкий (Бронштейн) Лев Давыдович,
35. Шифрин Александр Михайлович,
36. Шишкин Матвей Дмитриевич,
37. Югов-Фрумсон Арон Абрамович».

Разумеется, весь этот длинный список, как и все постановление, публиковались ради номера 34 — Троцкого. Количество Бронштейнов, лишенных гражданства, резало глаз (видимо, Сталин дал указание лишить советского гражданства всех живших за границей Бронштейнов). Дочь Троцкого Зинаида давно уже носила фамилию мужа и по документам была Зинаидой Волковой, но в список тоже попала как Бронштейн. Ну и конечно же, стыдливо потупив глаза, читатели не могли не обратить внимание, что большинство «контрреволюционеров», лишенных гражданства, были евреями, хотя вслух эта тема не обсуждалась, все делали вид, что не замечают этого нездорового и статистически невозможного соотношения русских и еврейских

имен.

Больше всего Троцкого возмутил не сам факт лишения его гражданства и даже не лишение гражданства членов его семьи, а то, что его поставили в один ряд с… «контрреволюционерами» меньшевиками. 1 марта Троцкий направил ЦИК СССР открытое письмо с протестом против неслыханного коварства: «Связать левую оппозицию с меньшевиками вы можете только в порядке полицейского алфавита». Наступательный по форме жест Сталина — это «бессильная, даже жалкая» самооборона, писал Троцкий и в очередной раз конспективно перечислял свои расхождения со сталинским руководством и все провалы советской политики, вновь и вновь связывая поражения с именем Сталина. Троцкий в очередной раз выдвигал требование выполнить, наконец, завещание Ленина и убрать Сталина с поста генсека. «Когда нужны меры большой политики, — писал в заключение Троцкий, — Сталин изощряется в жалких мерах полиции. Через постановление 20 февраля оппозиция перешагнет, как рабочий переступает через лужу на пути к месту труда. Большевики-ленинцы, вперед!»[236]

Письмо Троцкого о переступающем лужу рабочем сопровождалось коллективным заявлением «большевиков-ленинцев» о том, что лишение Троцкого советского гражданства облегчает планируемое белогвардейцами покушение на него. В этом смысле, говорилось в заявлении, существует единый фронт Сталина с белым генералом А.В. Туркулом[237], который якобы руководил операцией по убийству Троцкого[238]. Выбор авторов заявления пал именно на генерала Туркула, поскольку в конце октября 1931 г. в германской коммунистической газете «Ди роте фане» появилось сенсационное сообщение о том, что бывший белый генерал эмигрант Туркул готовит покушение на Троцкого, Горького и Литвинова[239]. Сообщение это сильно смахивало на оперативную разработку ОГПУ, провокацию. Имена Горького и Литвинова названы были для маскировки. Реальную роль Туркула во всей этой истории в тот период понять было сложно. Последний несколько раз весьма резко высказывался против Троцкого — большевика и предателя родины (имея в виду, наверное, дореволюционную Россию). Но если бы Туркул действительно собирался организовывать убийство Троцкого, он воздержался бы от проклятий по его адресу.

Разгадка этого ребуса появилась много позже. В 1973 г. в биографической справке, составленной Юридической комиссией Сената Соединенных Штатов, касающейся советского разведчика Орлова, бежавшего в США и давшего этой комиссии показания, было указано (видимо, со слова самого Орлова), что Антон

Туркул являлся агентом НКВД[240].

К февралю 1932 г. почти никто из списка лишенных гражданства не планировал возвращаться в Советский Союз, пока там правит Сталин. Это относилось и к Троцкому, и к его жене, и к сыну. С бюрократической точки зрения лишение национального (в данном случае советского) паспорта создавало для лишенцев определенные трудности в смысле прав на жительство в тех странах, где они находились. 22 марта у Льва Седова в Берлине немецкой полицией (и так за ним пристально следившей, как за революционером, с одной стороны, и врагом советского правительства — с другой) был произведен обыск. Полицейские держали себя грубо и, как показалось Седову, готовились к его депортации из Германии, забирали то, что представляло для них интерес на случай высылки Седова, например его адресные книги[241]. К этому времени Седов окончательно расстался с оставленной в Москве женой и постановление от 20 февраля воспринял скорее с облегчением, как если бы получил документ об официальном разводе.

Психически неуравновешенная Зинаида, в октябре 1931 г. отправленная на лечение в Германию, в феврале 1932 г. находилась вместе с братом в Берлине. Для нее лишение гражданства означало, что она больше никогда не сможет вернуться в Ленинград и увидеть свою мать (А.Л. Соколовскую) и дочку Александру. Постигший Зину удар обострил душевную болезнь, которой она страдала уже в течение нескольких лет и симптомы которой то почти полностью исчезали, то возвращались с новой силой. Она проходила по рекомендации отца, уверовавшего в силу психоанализа, курсы психотерапии у известного германского психиатра Артура Кронфельда, являвшегося в это время профессором Берлинского университета, но занимавшегося также частной практикой. Придерживавшийся социалистических убеждений ученый не очень хорошо разбирался в действительной ситуации в СССР и в статусе и репутации Троцкого и рекомендовал Зинаиде скорейшее возвращение на родину и возобновление трудовой деятельности в стране социализма. Сам Кронфельд, как еврей, после прихода в Германии к власти нацистов был лишен права преподавать в университете и эмигрировал в Швейцарию, где попытался получить убежище. Но швейцарцы ему отказали, как левому социатисту. Тогда Кронфельд эмигрировал в СССР, запросил там политическое убежище, стал преподавать. В 1941 г., как эмигранта из Германии, его стали преследовать; он был лишен работы и в состоянии депрессии, опасаясь ареста, покончил жизнь самоубийством.

Письма Зины Льву Давидовичу и Наталье Ивановне — яркое свидетельство не только болезненного состояния, но и душевных терзаний — горючей смеси любви к отцу, стремления оказать ему помощь, беспокойства за сына Севу, который оставался в Турции, тоски по дочери, остающейся в Москве, опасений из-за неясности общей ситуации в Германии, где к власти рвались национал-социалисты, осознания собственной душевной болезни… Зинаида собиралась отправиться в СССР через Турцию, чтобы забрать Севу[242], о чем сообщала отцу. Ее трезвые письма сменялись истеричными посланиями. 8 декабря 1931 г. она писала отцу: «Милый, родненький, то есть самый что ни есть любименький мой крокольдиченочек! Хотя я знаю, как ты сильно, как ты ужасно, как ты чудовищно, как ты непроходимо [занят] писанием своего проклятого тома (наверное, даже по ночам над ним корпишь!), но все же… снизойди к моему болезненному, а главное истерически-нервному состоянию: выслушай ты меня один раз за тридцать лет внимательно и терпеливо… до конца. Предупреждаю: стала страшно болтлива».

И тут же следовала масса политических вопросов: придут ли «фашисты» к власти, и как ведут себя социал-демократы, и что представляет собой Тельман. И наконец: «Караул! Что все это означает и откуда все это взялось?» Зина осознавала, что у нее случались галлюцинации, она их запоминала и довольно подробно анализировала прямо в письме[243].

Зинаиду очень расстраивали встречи с братом Львом. Он относился к сестре по-родственному, терпеливо и сдержанно-тепло, стремился по возможности облегчить ей условия существования, но занят он был до крайности, что отмечала сама Зинаида: «Лева много работает. Три ночи вовсе не ложился». Но тут же она давала выход своему чувству раздражения (видимо, взаимное чувство раздражения развивалось и у Льва, так как Зина не понимала, что она «крадет» у него драгоценное время). Она писала отцу, что лучше ей Леву не видеть, что они очень разные люди, что после каждой их встречи у нее припадок нервного расстройства; и тут же высказывала ни на чем не основанное предположение, перенося на брата собственный опыт самоанализа, что у него какое-то нервное заболевание[244].

Во второй половине декабря 1931 г. Зине стало лучше. Она осознала, что перенесла тяжелую душевную болезнь, из которой «благополучно вылезла». «Но выбраться из этих дебрей было нелегко, — писала она, — и сейчас я чувствую себя неск|олько] побитой. Трудней всего было найти достойную формулу перехода к очередным делам». Она просила отца проявить снисхождение к ее болезни, помочь ей встать на ноги. Она опять писала о своем

намерении возвратиться в СССР[245].

После февраля 1932 г., в связи с лишением гражданства и под впечатлением катастрофического развития событий в Германии, состояние Зинаиды вновь резко ухудшилось. Она пыталась выполнять указания отца по сбору материала из германских газет и других источников, но из писем чувствуется, что эти задания ей давали, чтобы «отвязаться», в качестве своего рода «трудотерапии». Да она и сама это отлично понимала. «Как ясно для меня из полученного мною письма, — сообщала она в ответе от 26 июля 1932 г., — список глав книги [Бернарда] Шоу, посланный мною, не нужен. Ну и ладно». В другой раз Зина забыла, какие материалы она уже послала отцу, и боялась, что будет делать повторные записи, почему просила прислать ей перечень полученных материалов. «Опять проклятая рассеянность!» — писала она, но страстно желала быть максимально полезной и считала, что выполняет исключительно ответственную работу. «Какие это сладкие слова: «Много дела!» Самые сладкие на свете», — с гордостью писала она отцу 22 октября, информируя об отправке ему очередной крупной партии выписок. Но отношения с отцом и братом оставались крайне неровными и чреватыми неприятностями. 1 февраля 1932 г. она обращалась к отцу с покаянием по поводу «чудовищных писем», которые писала в состоянии «помраченного рассудка», причем видно было, что это — реакция на письмо Льва Давидовича сыну, в котором высказывалось явное раздражение поступками Зины[246].

В первые дни после лишения гражданства Зинаида вела себя более или менее адекватно. 26 февраля 1932 г. она писала Н.И. Седовой, которой всячески пыталась продемонстрировать свое доброе отношение, зная, что та относится к ней с подозрением: «Вчерашняя «Правда» принесла страшный удар: не впускают в СССР!» Она, однако, полностью не осознавала еще своего нового положения и собиралась обратиться с каким-то ходатайством в советское консульство. 11 апреля Зинаида действительно побывала в консульском отделе полпредства СССР. Путем элементарного обмана у нее отобрали советский заграничный паспорт: сначала попросили дать паспорт для совершения какой-то мелкой формальной операции, но затем вручили бумагу, что на основании постановления от 20 февраля 1932 г. паспорт у нее конфискован[247]. При наличии постановления за подписью Калинина о лишении гражданства бюрократы из советского полпредства все еще верили к силу паспорта и стремились его отобрать, будто по нему действительно можно было беспрепятственно въехать в страну, называемую Советским

Союзом.

В очень тяжелом состоянии Зинаида была уже несколько месяцев. Седов писал в Стамбул еще в конце ноября, что сестре значительно хуже, что она странно себя ведет, с нервным возбуждением утверждает, что Германия идет к революции. Брата особенно насторожили ее заявления, будто она установила связь с германской компартией и даже работает в ней. «Несомненны полицейские результаты, и не для нее одной», — писал Седов, делая немецкую полицию ответственной за нервную болезнь Зины. Он полагал, что Зинаиду необходимо как можно скорее вывезти из Германии. В конце октября она писала отцу: «Сейчас очнулась и поняла, что я опять перенесла приступ бреда. Невесело. А было все уже так хорошо и в порядке». Но тут же она обвиняла в своем состоянии отца, который, не сдержавшись и, очевидно, не вполне понимая, насколько серьезна болезнь дочери, написал ей больно поразившее ее письмо. А вслед за этим в Стамбул отправилось еще одно длинное и путаное письмо, в котором каждая следующая строка противоречила предыдущей. Зина невразумительно рассуждала об инстинктах, о семейных отношениях и всевозможных других абстрактных материях. «Если я опять делаю большой промах, скажи мне об этом резко, беспощадно, правдиво… Но не кричи, не кричи на меня, папа. Я этого совершенно не переношу». А затем вполне трезво и благоразумно звучали слова признательности и вины перед Натальей Ивановной: «Ведь то, что при всех этих адских условиях она сделала для моего ребенка — это может носить только одно название — героический подвиг!»[248]

Наталья, действительно, была более внимательна к ребенку, чем его родной дед. Троцкий тяготился Севой, который усложнял быт, мешал работать. Он писал сыну в Берлин в июне 1932 г., что вопрос об отправке Севы к Зинаиде надо решать срочно: «Мама совершенно связана Севой по рукам и ногам. Вопрос о лечении здесь целиком зависит от этого — здоровье мамы за последние месяцы значительно ухудшилось»[249]. О Севе в этом письме говорилось как о каком-то совершенно чужом существе, осложняющем существование Льва Давидовича и его супруги.

Немецкие власти под различными предлогами затягивали решение вопроса о приезде шестилетнего Севы в Берлин для воссоединения с матерью. Только в самом конце декабря ему наконец разрешили въехать в Германию. До Парижа Севу сопровождал Хейженоорт. Затем другие взрослые знакомые Троцких. 14 декабря Севу доставили к матери, но это было тогда, когда Зинаиде было совсем плохо. Лев Давидович, видимо понимая, что обошелся с ребенком не как родной человек, писал

Льву: «Я очень сомневаюсь, чтобы Зина при ее рассеянности и непрактичности хорошо вела собственное хозяйство, и боюсь, не пострадает ли от этого Сева, да и она сама. Было бы очень хорошо, если бы Ж[анна] могла взять эту сторону дела на себя», одновременно предостерегая от перерасходов, которые могут привести к финансовой катастрофе. (Нервная, ревнивая и весьма требовательная к людям Зинаида Жанну очень любила, говорила, что новая жена Сергея «в своем роде замечательный человек… А чем она для Левы является, этого никак невозможно переоценить»[250].) В другом письме Троцкий просил сына не только сообщить, как довезли Севу, но особенно «как сложились отношения на месте»[251], то есть установились ли нормальные взаимоотношения ребенка с матерью.

Троцкие искренне не понимали, что делать с Зинаидой. В декабре 1932 г. Троцкий писал сыну, что вообще больше не собирается писать дочери, потому что каждый раз пишет невпопад и лишь является причиной для новых приступов: «Жестче — она вновь сочтет, что все [дело] — в моих письмах, написать мягче — решит, что я почувствоват себя виноватым, и усилит наступление»[252]. Последним ударом было решение полицейского управления Берлина о высылке Зинаиды из Берлина. Куда намеревались отправить власти больную, неуравновешенную женщину с малолетним ребенком, оставалось непонятным. Не ясно было, идет ли речь о принудительной отправке в провинцию или же о высылке за пределы Германии[253]. Происходи все это несколькими месяцами раньше, можно было бы разобраться в ситуации и, может быть, договориться с властями о пересмотре решения. Но в январе 1933 г. Берлину было не до пересмотра решения о высылке дочери Троцкого, да и сама Зинаида была в таком отчаянном состоянии, что не могла мыслить разумно, хладнокровно, рационально.

Последнее письмо Зинаиды из Берлина было датировано 3 января 1933 г. и адресовано Н. Седовой. В те дни нацистские штурмовики маршировали с факелами по германской столице, требуя передачи власти их партии; Гитлер вел закулисные переговоры о назначении его главой правительства, и вокруг него образовался блок правых партий и военизированных организаций, полностью поддержавший назначение бывшего ефрейтора на пост канцлера Германской республики. О состоянии Зины свидетельствовало уже то, что письмо было ошибочно датировано предыдущим годом (3 января 1932 г.), хотя такие описки в первые дни нового года случаются и со здоровыми людьми. В самом письме Зина отдавала себе отчет о том, что с

ней происходило, но не вполне понимала серьезность и фазу заболевания. Она писала, что Сева приехал в очень неблагоприятный момент ее перехода от полубредового состояния к физическому и психическому бессилию, а «жить в наше время психически ненормальному слишком большая роскошь».

Шестилетний Сева то и дело спрашивал у мамы, почему у нее такой голос, почему у нее такое лицо, почему она ничего не говорит, почему она ему не отвечает и даже: «Тебе кого-нибудь жалко?»[254] 5 января, почувствовав, что у нее начинается новый приступ умопомешательства, Зинаида отвела ребенка к соседям[255], написала прощальную записку, заперлась в своей комнате, на всякий случай соорудив у двери настоящую баррикаду, и открыла все газовые горелки (дочь Троцкого арендовала настолько дешевое жилье, что отдельной кухни не было; жилая комната и кухня составляли одно целое). Только через несколько часов соседи, почувствовав удушающий запах газа, позвонили в полицию. Когда с трудом вскрыли дверь, Зина была мертва. Ей было 30 лет[256].

Первым из родных о трагедии узнал Лев Седов, который тут же позвонил в Стамбул, взяв на себя тяжелую миссию сообщить о происшедшем отцу. Лев Давидович тяжко переживал смерть еще одного своего ребенка. Несколько дней он вместе с Натальей Ивановной сидел взаперти. Когда он наконец появился на людях, секретари сразу же обратили внимание, как сильно он поседел. Именно Троцкому пришлось написать о смерти дочери ее матери, А.Л. Соколовской. Перед этим Льву Седову удалось дозвониться до брата Сергея в Москву и сообщить, что произошло. Сергей тотчас послал брату телеграмму, в которой просил сначала написать подготовительное письмо Александре Львовне «о ухудшении] состояния] Зинуши». 9 января Сергей писал брату: «О дальнейшем сообщи мне: будет ли папа писать ей о случившемся или ты напишешь ей, может быть, вы сочтете целесообразным, чтобы я действовал через Мар[ию] Льв[овну Соколовскую][257], можно найти и какой-нибудь другой путь. Просьба вообще, чтобы ты написал подробнейшее письмо мне, т. к. Александра] Льв[овна] будет интересоваться, конечно, всеми подробностями (оставила ли Зина какое-нибудь письмо, когда ее видели последний раз и проч.), это нужно будет родным и нам, всем друзьям бедной Зинуши»[258].

Конечно, родные, остававшиеся в СССР, были первыми, кто сообщил Александре Львовне о постигшем горе. Но и Лев Давидович счел своим мучительным долгом написать обо всем своей бывшей жене. И опять звучали в письме слова, что Зина

была верной революционеркой-большевичкой, что она пала в результате своей принципиальной партийной позиции. Хотя что партийного было в самоубийстве через отравление газом? В письме от 8 января было, впрочем, и обычное человеческое отчаяние: «Я совсем одеревенел и с трудом пишу — тоже как в тумане… Милая, милая моя Шура, что сказать, что сказать тебе еще. Нечего больше сказать, увы, все сказано, все сказано, все сказано…

Крепко, крепко обнимаю твою седую голову и смешиваю свои слезы с твоими»[259].

Александра Львовна ответила письмом, в котором сквозь боль и горе впервые за все время с момента их женитьбы слышался явный и жесткий упрек бывшему мужу, оставившему в свое время двоих крохотных детей в сибирской ссылке, а теперь, во многом в результате его же политических битв, скончавшихся. «Все же ты учитывал лишь ее физическое состояние, но ведь она была взрослым человеком и полностью развитым существом, нуждавшимся в интеллектуальном общении… Ты, отец, мог бы спасти ее» — в устах Соколовской эти слова были хуже самого сурового приговора[260].

Только 11 января Троцкий смог по-настоящему взяться за перо (7 и 9 января он лишь поставил подпись под двумя краткими заявлениями[261]). Он обратился с жестким текстом к членам ЦК и ЦКК ВКП(б) и Президиуму ЦИК СССР «По поводу смерти З.Л. Волковой». Точно и правдиво изложив обстоятельства, при которых покончила жизнь самоубийством его дочь, Троцкий возлагал ответственность за ее смерть на советские власти. Признавая, что травля его за рубежом носила политический характер и проводилась в угоду Сталину, Троцкий писал:

«Преследование же дочери моей лишено было и тени политического смысла. Лишение ее гражданства, отнятие у нее единственной оставшейся надежды: вернуться в нормальную обстановку и поправиться, наконец, высылка ее из Берлина (несомненная услуга немецкой полиции Сталину) представляют политически бесцельные акты обнаженной мести — и только. Дочь отдавала себе ясный отчет в своем состоянии. Она понимала, что в руках европейской полиции, травящей ее в угоду Сталина, ей спасения нет. Результатом этого сознания и явилась ее смерть 5-го января 1933 года. Такую смерть называют «добровольной». Нет, она не была добровольной. Сталин ей навязал эту смерть.

Я ограничиваюсь этим сообщением без дальнейших выводов. Для выводов время наступит. Их сделает возрожденная партия»[262].

Как мы знаем, партия не возродилась и выводов не сделала. Но даже трагическая смерть дочери Троцкого послужила базой для нового витка острой политической конфронтации. Троцкий, однако, ошибался в том, что действия против его семьи не были «актами бесцельной мести». Цель Сталина была очевидной: вывести Троцкого из состояния душевного равновесия, лишить работоспособности, выбить из политического противоборства, наконец — отомстить. Трудно со всей уверенностью сказать, насколько успешен был Сталин в достижении этих целей.

После гибели матери Севу отвезли в Вену, где о нем заботилась Анна Константиновна Клячко, старый друг семьи Троцких еще по венскому периоду жизни в начале века. Она продолжала переписываться с Троцким в 30-х гг. и выполняла некоторые его организационно-технические поручения. «Он здоров, забрасывает вопросами», — писала Клячко Троцкому о Севе в феврале 1934 г.[263] Позже, в 1935 г., после долгих мытарств с визой, Севу перевезли в Париж, где он жил вместе со своим дядей Львом Седовым и Жанной[264]. Изредка, видимо по настоянию взрослых, Сева писал письма деду, стараясь приспособиться к языку взрослых, задавал серьезные вопросы, например, как идет работа, рассказывал о своих школьных делах, маленьких радостях и прогулках в лесу[265].

3. Переоценка международной ситуации

На страницах «Бюллетеня оппозиции», в печатных органах своих сторонников в разных странах, прежде всего в газетах французских и американских троцкистов, иногда в большой «буржуазной» прессе Троцкий стремился анализировать хозяйственное и политическое положение СССР, его внешнюю политику, крутые повороты, которые в конце 20-х — начале 30-х гг. совершал Сталин. Наибольшее его внимание в это время привлекали меры по индустриализации и сплошной коллективизации сельского хозяйства. Любопытно, что первая крупная статья по этим вопросам, опубликованная в качестве передовой, была по-разному названа в «Содержании» журнала и в тексте. Спокойный заголовок в «Содержании»: «Новый хозяйственный курс в СССР» был заменен агрессивным: «Экономический авантюризм и его опасности»[266]. Скорее всего, на исправлении в последний момент настоял Троцкий, и редакция, в которой в это время заправляли в основном братья Рувелис и Абрахам Соболевичусы[267] (дело было еще до приезда Седова в Берлин), исправив заголовок, не обратила внимания на уже набранное «Содержание» журнала.

В статье Троцкий обращал внимание читателей на свою книгу «К капитализму или к социализму?», 1925 года издания, в которой он указывал на перспективы роста промышленности в 15–20 % в год. Сторонники Сталина называли эти левые планы Троцкого «сверхиндустриализацией» и подвергали его за них резкой критике. Теперь же Сталин вступил на путь «ультралевого курса», который Троцкий расценивал как опасность не меньшую, чем прежний «центризм» Сталина. Все расчеты были пересмотрены в сторону увеличения. Разгон «взят не по силам», индустриализация «держится на административном кнуте». Накопляется и усиливается несоответствие между разными отраслями. Прорехи заполняются бюджетно-кредитными ассигнованиями, что ведет к инфляции. Последняя повышает товарный спрос и толкает отрасли промышленности еще дальше на путь превышения процента роста и усиления диспропорций.

Троцкий стремился выяснить характер зависимости советской экономики от мирового рынка. Он полагал, что разразившийся мировой экономический кризис приведет к сокращению зарубежного спроса на советские товары и одновременно ударит по импорту машин и технического сырья. Но, как он признавался, о последствиях кризиса речь шла пока только гипотетически: «Неизмеримо непосредственнее и глубже

те опасности, которые сосредоточиваются по важнейшей линии советского режима: по линии взаимоотношений города и деревни». В связи с этим Троцкий вступал на весьма опасное для его рассуждений поле: о коллективизации сельского хозяйства. Он признавал, что в течение ряда лет оппозиция требовала большего обложения верхних слоев деревни в интересах промышленного развития. Кулак тем временем вырос в серьезную величину. Бюрократии пришлось круто менять политику, начав массовую коллективизацию и наступление на кулака. По плану к концу пятилетки колхозы должны были охватить около 20 % крестьянских хозяйств. Но к моменту создания статьи, констатировал автор, они охватили уже 40 %, а в течение ближайших года или двух все крестьянство потеряет свою относительную хозяйственную самостоятельность и окажется в составе созданных по бюрократической инициативе коллективных хозяйств.

Троцкий высказывал уверенность, что в таком развитии событий таится гигантская опасность, ибо коллективизация земледелия предполагает определенную техническую основу, которая в СССР все еще отсутствует. Механизация и электрификация сельского хозяйства могут быть осуществлены только в перспективе ряда пятилетних планов, а до этого колхозы обречены на крайне жалкое существование с непредсказуемыми последствиями. Поразительно, но Троцкий считал, что коллективизация в СССР протекает сравнительно добровольно. Он, правда, оговаривался, что для крестьянина «ворота рынка оказались на замке» и ему пришлось «шарахнуться в единственно открытые ворота — коллективизации». Но тот факт, что крестьян загоняли в колхозы, что проводившееся «раскулачивание» сопровождалось террором и насилиями, убийствами и ограблением зажиточных крестьян, середняков и даже бедняков, предпочитавших не вступать в колхозы, Троцким оставался не замеченным и не упомянутым. Темы сталинских репрессий в отношении крестьянства Троцкий предпочитал не касаться.

Впрочем, «массовые истребления» очень беспокоили Троцкого и он обратил на них внимание и резко, можно даже сказать безапелляционно, против этих истреблений протестовал: «Официальная пресса, — писал он, — полна тревожных сообщений относительно массового истребления рабочего скота и продажи его на убой. Руководство реагирует на это циркулярами, телеграммами и угрозами». Скотина классовым врагом не являлась, и ее Троцкому было искренне жалко, поскольку без рабочего скота существовала неизбежность для колхозов «исключительно острых затруднений уже на первых шагах их

деятельности». Понятно, однако, что колхозы не могли нормально функционировать не только без животных, но и без крестьян, но про последних Троцкий так и не вспомнил. Свой пессимистический анализ он завершал выражением убежденности в невозможности построить национальное социалистическое общество. Предотвращение «неисчислимых бедствий» для СССР он видел только на пути отказа от теории национал-социализма. Троцкий не проводил какого бы то ни было сравнения с национал-социализмом в Германии. Советский «национал-социализм» для него означал попытку реализации сталинского курса на построение социализма в одной стране. Но именно для того, чтобы еще больше уязвить официальное советское руководство, Троцкий употреблял термин, который звучал так же, как и название новой политической силы, рвущейся к власти в Германии.

В этой статье, как и в последовавших за ней публикациях, было немало рассуждений на темы, связанные с советским «термидором». И во время открытых дискуссий, и в ссылках, и даже в тюрьмах оппозиционеры вели жаркие дебаты о том, произошел ли уже «термидор» в Советском Союзе, или только начинается, или только может произойти в будущем. В турецкой эмиграции Троцкий придерживался твердого мнения, что государственная экономика СССР носит социалистический характер, что «термидор» представляет только потенциальную опасность, но не стал еще свершившимся фактом[273], что «термидорианская опасность» может превратится в реальность лишь в одном случае: если сохранится власть Сталина. Тогда в СССР начнется реставрация капитализма. Пока же при всех извращениях в СССР сохранялось, по мнению Троцкого, рабочее государство.

Многие последователи Троцкого полагали, что в СССР уже совершился «контрреволюционный» «термидорианский переворот» и что в стране восстановлены буржуазные отношения в форме государственного капитализма. Такого взгляда придерживался, например, рассорившийся затем с Троцким немецкий руководитель Ленинбунда Урбане. Именно в ходе дискуссий с Урбансом впервые и возник вопрос, обсуждавшийся затем троцкистами еще много десятков лет: что такое советский «термидор» и произошел ли он уже или только еще может начаться, причем во всех этих дискуссиях как-то забывалось, что изначальные события месяца термидора во Франции почти за полтора века до спора Троцкого с Урбансом, никакого отношения к дискутируемым событиям не имели, что сопоставления были совершенно искусственными[274].

Позиция Троцкого по поводу «советского термидора» была неотделима от сущности его политических взглядов, от самой его судьбы. Если считать, что «термидор» уже произошел, значит, надо смириться и политически и психологически с судьбой вечного эмигранта, оставить надежду вернуться в Москву на белом коне после падения Сталина; войти в историю опальным политиком и острым критиком сталинского режима. В турецком изгнании Троцкий мечтал о значительно большем и поэтому оставлял себе полуоткрытую дверь для возможного, как он надеялся, триумфального возвращения. Правда, с годами все более четко он понимал иллюзорность таких расчетов. Тем не менее, признавая, что в Советском Союзе существует антинародная диктатура (постепенно в его политический лексикон входила категория «тоталитарная власть» для обозначения сталинской политической системы [275]), Троцкий продолжал утверждать, что в СССР сохраняется коллективная собственность на средства производства и что Советское государство продолжает в своей основе оставаться рабочим. Для обоснования этого тезиса он широчайшим образом применял марксистские догмы, прежде всего диалектику — в руках ухищренного публициста весьма удобное оружие, с помощью которого можно было доказать все, что угодно.

Наибольшей заслугой в анализе внутреннего положения, который проводился Троцким, было понимание места и роли номенклатуры, все более превращавшейся в правивший слой. Троцкий продолжал вести речь именно о привилегированном слое, а не о новом господствующем классе, ибо, признав превращение этого слоя в господствующий класс, он должен был бы, в соответствии с марксистскими догмами, сделать и следующий шаг, на который ни в коем случае идти не желал: признать превращение коллективной собственности в собственность этого класса, признать перерождение социально-экономического устройства СССР из социалистического в государственный капитализм.

Троцкий придерживался мнения, что бюрократия (номенклатура), представляя собой «новый паразитический слой», связана общими интересами со сталинской диктатурой (бюрократия, по мнению Троцкого, поддерживала Сталина, потому что он надежно защищал ее привилегированное положение). Она стремилась превратиться в господствующий класс, но не являлась таковым и не могла этого добиться в условиях тоталитарной системы. При ней государство вместе с диктатором (коллективным или единоличным) возвышалось над обществом, где в принципе не могло быть господствующего

класса, а существовала небольшая господствующая клика. До Большого террора оставалось еще несколько лет. Когда же он наступит, правильность суждений Троцкого будет полностью подтверждена самим фактом беспощадной расправы над советской номенклатурой, которую осуществит Сталин над самыми разными группами высшей, средней и низшей бюрократии, чьих представителей произвольно будут расстреливать по приговорам и без приговоров судов, или же превращать в лагерных зэков, причем вчерашние и сегодняшние палачи завтра повторят судьбу своих жертв и тоже окажутся расстрелянными или заключенными.

Пожалуй, наибольшую морально-политическую беспринципность, сугубую предвзятость, вытекавшую из его понимания сущности СССР, Троцкий проявил в характеристике советской внешней политики. Уже в 1929 г. такое отношение четко выявилось в оценке советско-китайского конфликта на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД). Ряд оппозиционных коммунистических групп на Западе (германский Ленинбунд, французские синдикалисты, группировавшиеся вокруг Пьера Монатта, и другие) заняли позицию осуждения советской «имперской» политики в этом конфликте, исходя из элементарного силлогизма: Маньчжурия принадлежит Китаю; Китай имеет право на самостоятельность; следовательно, стремление СССР сохранить собственность на КВЖД есть проявление империалистического насилия. Конечно, оперировать таким силлогизмом, который, кстати, был открыто высмеян Троцким[276], было не совсем верно: можно было бы вспомнить историю, поставить вопрос о компенсациях и прочее. Но очевидно, что втягиваться в вооруженный конфликт с Китаем на китайской территории за имущество, находившееся там, в корне противоречило советским декларациям по поводу поддержки Китая в борьбе за национальное самоопределение. Троцкий же в своих статьях и письмах (этого вопроса он касался в массе своей корреспонденции с зарубежными сторонниками и теми, кто вступал с ним в спор) пускался во все тяжкие, пытаясь доказать, что передать железную дорогу Китаю означало бы помешать китайской революции.

В анализе международной обстановки, ситуации в отдельных странах и военных конфликтов в первой половине 30-х гг. у Троцкого было немало точных и тонких наблюдений. В ряде случаев ему были присущи оригинальные, подчас глубокие оценки явлений мировой экономической ситуации, в частности связанных с текущим развитием, а также перспективами конъюнктурного цикла под влиянием Великой депрессии 1929–

1933 гг. Он продолжал прозорливый анализ роста влияния США, новых тенденций англо-американского сотрудничества и соперничества. Но особенно привлекало Троцкого положение в Германии в связи с приходом к власти нацистов.

В это время в документах Коминтерна, в заявлениях советских лидеров и покорно следовавших их указаниям немецких коммунистов во главе с Тельманом нацистская опасность не просто недооценивалась, а сводилась на нет. В качестве главного врага советское руководство и Коминтерн даже теперь называли социал-демократию, прежде всего ее левое крыло. Концепция Сталина, растиражированная в многочисленных заявлениях коммунистических лидеров всего мира, заключалась в том, что приход Гитлера к власти окажется прологом социалистической революции в Германии. Сталин считал Гитлера «ледоколом революции». С точки зрения интересов мировой революции Сталину Гитлер был абсолютно необходим.

В противовес этому Троцкий в массе статей и писем предупреждал, что опасность нацизма в Германии налицо, что приход Гитлера к власти означает резкий откат назад в развитии не только Германии, но и всей Европы; что власть национал-социалистов чревата опасностью новой мировой войны. В ноябре 1931 г. Троцкий дал определение «фашизма» (понимаемого в широком смысле) как «особой специфической диктатуры финансового капитала, которая вовсе не тождественна с империалистической диктатурой как таковой»[277]. Через два года такой подход ляжет в основу нового советско-коминтерновского определения фашизма, утвержденного вначале пленумом Исполкома Коминтерна, а затем его VII конгрессом, хотя, разумеется, его творцы не станут ссылаться на первоисточник, предпочтя пойти на примитивный плагиат.

Троцкий бил все ббльшую тревогу. Ноябрьско-декабрьский номер «Бюллетеня оппозиции» 1931 г. открывался его обширной передовой статьей «Ключ к международному положению — в Германии»[278]. Многие оценки этой статьи звучали пророчески: «Оттого, в каком направлении пойдет развитие германского кризиса, будет зависеть на много-много лет не только судьба самой Германии (что уже само по себе очень много), но и судьба Европы, судьба всего мира», — писал Троцкий. Он утверждал, что приход национал-социалистов к власти означал тягчайшую катастрофу прежде всего для Германии: «В соответствии с гораздо большей зрелостью и остротой социальных противоречий в Германии адская работа итальянского фашизма показалась бы, вероятно, бледным и почти гуманным опытом по сравнению с

работой германского национал-социализма». Троцкий считал, что на риск войны против СССР может пойти только нацистская Германия: «Ни одно из «нормальных», парламентских буржуазных правительств не может рискнуть сейчас войной против СССР: это грозило бы необозримыми внутренними осложнениями. Но если Гитлер придет к власти, если он разгромит затем авангард немецких рабочих, распылит и деморализует на годы пролетариат в целом, фашистское правительство окажется единственным правительством, способным на войну с СССР». В связи с этим Троцкий призывал отказаться от недооценки национал-социалистов и их массовой базы. Не отвергая их связей с крупным капиталом, он подчеркивал, что сила их состоит в опоре на «человеческую пыль», то есть на толпу, прежде всего на «мелкую буржуазию» и «новое среднее сословие». Поэтому, отвергая сталинско-коминтерновскую оценку социал-демократии как «социал-фашизма», Троцкий провозглашал теперь установку на союз с социал-демократическими рабочими на основе единого фронта для совместной борьбы против нацистской опасности.

Здесь Троцкий довольно тонко, завуалированно обходил принципиальный для него и Коминтерна острый угол. Троцкий не призывал создавать единый фронт с германскими социал-демократическими партиями, тем более с социал-демократическими партиями Европы и США. Троцкий призывал объединяться с социал-демократически мыслящими рабочими, с отдельно взятыми людьми. Социал-демократические партии по-прежнему оставались для Троцкого вражескими. Не настолько, чтобы Троцкий считал их «социал-фашистами», как Сталин, советское руководство и Коминтерн. Не настолько, чтобы видеть в них абсолютное зло по сравнению с полезным «ледоколом революции» Гитлером. Но все-таки — вражескими.

Тем не менее приход нацистов к власти в конце января 1933 г. и установление тоталитарной системы в Германии на протяжении 1933 — первой половины 1934 г. являлись исключительно важным стимулом, заставившим Троцкого кардинальным образом изменить основные организационно-политические установки «международной левой оппозиции», пойдя на прямой разрыв с официальными компартиями и Коминтерном, взяв курс на создание новых коммунистических партий и международной организации, их объединяющей. Троцкий понимал, что сталинский режим в СССР с приходом к власти Гитлера мог только крепнуть, что последние остатки оппозиции, точнее, последние оставшиеся оппозиционеры будут теперь уничтожены. Разумеется, сталинский режим он по-прежнему называл всего лишь «бюрократическим», считая, что

этим словом объясняется вся суть сталинизма. Однако национал-социализм в Германии он все чаше сравнивал с национальным социализмом в СССР. В начале 1934 г. в письме Льву Седову он писал: «Уже в момент победы Гитлера в Германии мы писали — и после этого не раз повторяли, что без успехов революции на Западе бюрократический режим на почве национального социализма будет в СССР только крепнуть. Истекшие 15 месяцев подтвердили это предвидение. Сдача Раковского и Сосновского[279] представляет одно из проявлений этой национальной реакции, вернее, интернациональной безнадежности. Держаться сейчас на позиции коммунистов-интернационалистов можно только, имея перед собой мировую перспективу… От этих перспектив оппозиционеры в СССР… отрезаны. Разумеется, их сдача есть известный моральный удар для нас, но если вдуматься во всю обстановку и в индивидуальное положение каждого из них, буквально живущих в закупоренной бутылке… то приходится скорее удивляться, как они удерживались на своей позиции до сих пор»[280].

Только после прихода нацистов к власти в Германии, только после понимания того, что в СССР у власти стоят «национальные социалисты», Троцкий очень медленно стал двигаться в сторону признания правильности позиций своих многочисленных сторонников и в СССР, и за границей, оказавшихся более радикальными, более бескомпромиссными, более принципиальными. Они давно предлагали и даже требовали создания в СССР новой параллельной коммунистической партии и нового объединения левых оппозиционных партий за границей. Вместе с небольшой еще не растерянной группой последователей (потому что многих он потерял именно из-за своего догматического упрямства — отказа создавать вторую партию и новый Интернационал) Троцкий, еще не готовый заявить о формировании новой партии, начал подумывать об образовании нового интернационального объединения, объявляя его всего лишь фракцией сталинского Коминтерна.

4. Интернациональный секретариат

Первоначально не только применительно к СССР, но и в общемировом масштабе левая оппозиция рассматривались как «внутренняя» оппозиция национальных компартий, хотя в этом было известное нарушение логики: оппозиционные группы оказались вне международной коммунистической организации, так как были вышиблены из партий, руководимых Москвой. Троцкий придерживался курса объединенной оппозиции 1926–1928 гг., предусматривавшего острую критику Сталина и его сторонников, которых он по старинке именовал «центристами», и «правых» (Бухарина и его последователей), хотя эти оценки Троцкого в начале 30-х гг., особенно с началом коллективизации, явно устарели, были слишком формальны и не отвечали положению дел в действительности.

От «правых» к концу 1929 г. уже почти ничего не осталось, ибо Бухарин и близкие к нему Рыков и Томский покаялись, были сняты с ответственных постов. Рыков еще год формально оставался главой правительства, но реальной власти уже не имел; устранение Рыкова было предрешенным и произошло в 1930 г., когда его заменил Молотов. Приверженцы «правых» в зарубежных компартиях либо последовали примеру старших советских товарищей, либо были исключены. Троцкий добивался изменения политического курса ВКП(б) и Коминтерна путем фактического принятия его собственной левой платформы. Это, естественно, могло произойти только при отстранении Сталина от руководства, что в конце 20-х — начале 30-х гг. было невозможно, нереально, утопично. К организациям своих сторонников Троцкий относился двойственно. Он отказывался считать их параллельными компартиями и называл оппозиционными группами, течениями, лигами, но в то же время требовал от них структуризации, строгой дисциплины, единой идеологии, то есть смотрел на них как на партии. Лишь в исключительных случаях Троцкий давал согласие и на образование партий своих приверженцев.

К концу 20-х гг. существовало немало лиц, течений и групп, исключенных из официального коммунистического движения, слабо связанных между собой или вообще не имевших связей. Все они, чувствуя себя разобщенными, по-разному оценивали политическую ситуацию в своих странах и в мире, собственные задачи и пути их осуществления; и в то же время, будучи, как правило, приверженцами «демократического централизма» и коммунистической дисциплины, считали, что им необходимо

согласовывать свои действия и политические установки с единой международной организацией или руководством интернационального движения, которое обладало бы общей политической идеологией и имело бы единого авторитетного руководителя. В то же время существовали серьезные разногласия касательно стоящих перед левыми организациями приоритетов: создавать ли прочные национальные организации и лишь затем приступать к оформлению их международного объединения или же проводить эту работу параллельно.

Что касается руководителя такой организации, то здесь расхождений не было, так как бесспорным лидером потенциальной новой международной структуры считался Троцкий. Идеологической основой международного движения становилась концепция перманентной революции, обогащенная и дополненная ее создателем применительно к условиям сегодняшнего дня. В результате два потока устремились друг другу. С одной стороны, Троцкий с первых дней пребывания за рубежом стал прилагать усилия по интернациональному объединению левых оппозицио-неров-коммунистов. С другой — эти деятели и группы (добровольно покинувшие компартии, исключенные из них, а иногда все еще состоявшие в них, но критиковавшие официальных лидеров) видели в Троцком своего естественного руководителя, тянулись к нему, просили совета, а подчас и требовали руководящих указаний.

Основными помощниками Троцкого в деле интернационального объединения его сторонников были Альфред и Маргарита Росмер. Альфред писал Троцкому вскоре после его приезда в Турцию, что его «изгнание позволило всем оппозиционным группам выйти из состояния летаргии, которая была более или менее характерна для них всех, и все, или почти все» видели теперь в Троцком своего лидера. Росмер полагал, что только путем выработки обшей платформы можно будет преодолеть существовавшие трудности и «дать оппозиции единство, необходимое для ее развития и деятельности»[281]. Именно Росмеры были первыми советчиками Троцкого не только по вопросам, связанным с характером и деятельностью различных французских организаций и групп, но также относительно ситуации в некоторых других европейских странах и их социалистических движений. Они помогли Троцкому связаться с коммунистическими оппозиционерами в Бельгии и Люксембурге. В июле 1929 г. Росмер поехал по поручению Троцкого в Германию и Австрию. Он встретился почти со всеми руководителями оппозиционных коммунистических организаций и в обширных письмах сообщал Троцкому свои впечатления об австрийских

группах Ландау и Фрея. Одна из главных задач, которую Троцкий поставил перед Росмером, состояла в том, чтобы тот договорился о печатании во Франции периодического органа, который, будучи преимущественно изданием сторонников французской оппозиции, в то же время являлся бы средством формирования международного движения. В качестве важнейшей задачи публикации такого журнала или газеты считалось разъяснение и пропаганда идей Троцкого с тем, чтобы привести взгляды различных групп и лиц к единому знаменателю.

Этим органом на некоторое время стала газета «Ла верите». Вначале предполагалось, что она будет выходить не только на французском, но и на немецком языке[282], однако немецкое издание так и не удалось наладить. Сам же Троцкий лишь в минимальной степени был озабочен теоретико-принципиальными проблемами. Его несравненно более интересовала выработка единой позиции его последователей в разных странах. Уже в первом номере «Бюллетеня оппозиции» он отдал под внушительный раздел «Проблемы международной левой оппозиции» больше половины всей площади журнала. Здесь были помещены тексты самого Троцкого (один из них, причем особенно важный, подписанный псевдонимом Г. Гуров, был обозначен как письмо из Москвы)[283].

Троцкий разъяснял своим сторонникам, что под именем оппозиции объединяют обычно два по существу дела непримиримых течения — революционное и оппортунистическое, которые связаны между собой только враждебным отношением к «центризму» и к существующему в СССР режиму. По именам Троцкий «оппортунистов» не называл, хотя с оттенком немалого недовольства упомянул, что Суварин вообще отрицает наличие каких-либо принципиальных расхождений внутри коммунизма. «Нет, существование правой, центра и левой является непреложным фактом, который доказан величайшими событиями всемирно-исторического масштаба», — писал Троцкий. Более того, Троцкий предостерегал, что и левая оппозиция далеко не единодушна, почти в каждой стране имеются две или даже три группы, заявляющие о своей солидарности с левой оппозицией в ВКП(б). Поэтому в качестве важнейшей задачи, наряду с разработкой национальных платформ, выдвигалась выработка международной платформы оппозиции, которая «будет мостом к будущей программе Коминтерна».

Тремя основными критериями такой платформы были названы внутренняя политика ВКП(б), китайская революция и Англорусский комитет. «Гигантские уроки этих событий необходимо усвоить именно для того, чтобы занимать

правильную позицию по всем вопросам жизни и борьбы пролетариата», — заключал Троцкий, ставя задачу создания интернационального печатного органа оппозиции (идея превратить в таковой французскую газету «Ла верите» как бы забылась), ежемесячного или выходящего дважды в месяц. Троцкий предполагал открыть доступ в эту газету для всех групп оппозиции, а также тех, кто стремился с ней сблизиться. Журнал должен был иметь и «свободную трибуну» для дискуссий. Впрочем, Гуров тут же объявлял, что редакция органа должна иметь «ясную и отчетливую линию», что она должна осуществлять «интернациональный контроль над разногласиями отдельных национальных групп левой оппозиции». Этот контроль позволил бы «собрать воедино революционных марксистов, отсеяв чуждые элементы». Иначе говоря, идеологический контроль и политическое единомыслие оставались для Гурова непременными условиями функционирования коммунистической печати и всей организации.

Имея в виду, что издание журнала на нескольких языках представлялось пока делом несбыточным, предполагалась следующая компромиссная комбинация: печатать статьи на языке той страны, которой они посвящены, или же на языке оригинала с резюме наиболее важных статей на других языках. Имелось в виду также, что национальные печатные органы будут систематически перепечатывать важнейшие материалы, особенно касающиеся данной страны, в переводе. В другой статье, помещенной в этом же номере («О группировках в коммунистической оппозиции»), Троцкий давал понять, что он сознает кризис оппозиции не только в СССР, но и в других странах, отход от нее уставших и скептиков, у которых «не хватило нервов». «Выдержка, выдержка, выдержка! — вот лозунг текущего периода. А мертвые пусть хоронят своих мертвецов», — жестко и цинично указывал Троцкий. В следующих номерах «Бюллетеня оппозиции» раздел «Проблемы международной левой оппозиции» был более лапидарным. В нем в основном публиковались письма Троцкого национальным организациям его сторонников с ответами на их вопросы или указаниями на ошибки.

После создания газеты «Ла верите», в отношении которой существовала известная степень непонимания между Троцким и его французскими сторонниками, так как последние считали ее своей газетой, а Троцкий — международным изданием, принкипский изгнанник стал проявлять все большее нетерпение в отношении дальнейших действий, направленных на создание международного объединения, координировавшего деятельность

национальных групп. Иначе говоря, уже во второй половине 1929 г. стала выдвигаться идея образования нового Интернационала, хотя речь шла вроде об информационно-координационном органе, не уполномоченном принимать обязующие решения. Но сам дух статей, писем и других документов Троцкого свидетельствовал, что в качестве прообраза новой организации он видел Коминтерн в первые годы его существования, до IV конгресса, состоявшегося в 1922 г., когда этим органом руководили Троцкий и Ленин.

Многие западные оппозиционеры указывали, что для создания международной организации необходимо предварительно образовать национальные партии. Троцкий отвечал, что такая позиция является «национальным оппортунизмом»: «Каждая страна имеет бесспорно свои величайшие особенности, но эти особенности могут быть в нашу эпоху оценены и революционно использованы только с интернациональной точки зрения. Носительницей же интернациональной идеологии может быть только интернациональная организация». Троцкий торопился. Он стремился как можно скорее создать под своим руководством некое международное объединение, которое не было бы еще «новым», или 4-м, Интернационалом, но обладало бы некоторыми характерными чертами самостоятельной интернациональной организации, то есть фактически являлось бы зародышем нового Интернационала.

Осенью 1929 г. Троцкий обратился с письмом «Ко всем секциям Интернациональной левой оппозиции»[284], самим названием подчеркивая, что объединившаяся оппозиция уже существует. Действительно, формально можно было бы считать ее создание свершившимся фактом, ибо как разлетом 1929 г. в Париже явочным порядком был образован Интернациональный секретариат Международной левой оппозиции (которой пока еще не существовало). Весьма оптимистично оценивая положение дел, Троцкий от имени этого органа призывал к сплочению рядов оппозиции: «Подготовку мировой конференции международный секретариат считает поэтому важнейшей из своих обязанностей. Мы думаем, однако, что в качестве подготовительной меры необходимо в возможно более короткий срок созвать конференции по континентам (Европа, обе Америки, Азия). Особенно настоятельной представляется нам созыв европейской конференции. В рамках мирового целого Европа представляет собою не только географическое, но и некоторое экономическое и политическое целое. Незачем на-поминать, что на этот факт опирается лозунг Соединенных Штатов Европы».

На предстоявшей конференции намечалось дать единую оценку обстановки в Европе и во всем мире. Провести «подготовительную европейскую конференцию» предлагалось в самом начале 1930 г. Проекты резолюций намечалось подготовить заранее и разослать секциям. В качестве одного из документов будущей конференции рассматривались тезисы «Поворот Коминтерна и положение в Германии»[285], разосланные по секциям редакцией «Бюллетеня оппозиции». Кроме того, специальный номер «Бюллетеня» планировалось посвятить вопросам подготовки конференции. Имея в виду опасность раскола по непринципиальным вопросам, Троцкий строго предупреждал, что планируемая им международная организация левых партий будет сосредоточена на поиске общих начал, а не трещин для расхождений: «Мы настойчиво приглашаем все секции, с одной стороны, прислать нам документы и материалы, освещающие их позицию и работу в области актуальных задач, с другой стороны, высказаться по поводу разосланных и подлежащих в ближайшее время рассылке документов, внося свои поправки, дополнения или контрпредложения. Само собой разумеется, что речь идет о конференции организаций, стоящих на общей принципиальной основе, проверенной опытом борьбы и международной дискуссии. Было бы совершенной бессмыслицей возвращаться на конференции к решению вопросов (одна или две партии, классовый характер СССР, классовая природа китайской революции и пр.), по линии которых уже произошло непримиримое размежевание внутри оппозиции. Крепко и надежно только то, что завоевано в борьбе. Задача конференции не в том, чтобы снова ставить завоеванные позиции под знак вопроса, а, наоборот, в том, чтобы ясно и точно формулировать общие нам идеи и методы и превратить их в краеугольный камень платформы международной оппозиции».

13 октября 1929 г. Троцкий напоминал Росмеру, давя на него своим авторитетом и требуя немедленного создания организационного комитета по созыву конференции: «Я уже писал Вам свое мнение о необходимости временному комитету (или лучше информационному бюро — более скромное и поэтому более умное название) представиться различным группам и начать свою работу»[286]. В качестве членов такового комитета или бюро предлагались Гуров (то есть сам Троцкий), Росмер и Оверстратен. Троцкого весьма волновали слухи, что Урбане и Паз, прослышав о его инициативе, предпринимают шаги по созыву международной конференции под своим началом. И хотя эти слухи не имели оснований, Троцкий очень нервничал и торопил своих сторонников, считая, что «создание

международного центра, каким бы скромным он ни был, это дело большой срочности как для Франции, так и для других стран»[287].

В результате настойчивых усилий Троцкого 6 апреля 1930 г. была наконец созвана первая предварительная конференция международной левой оппозиции. До последнего момента, вопреки критике Троцкого, против созыва конференции возражали некоторые группы его сторонников, в частности австрийцы и итальянские эмигранты во Франции. Хотя вначале намечался созыв европейской конференции, организаторы не удержались от соблазна превратить ее чуть ли не во всемирную — путем участия находившегося в это время в Европе одного американского троцкиста.

Согласно официальному отчету, на конференции присутствовали представители восьми организаций: Французской коммунистической лиги, Коммунистической лиги Америки, Объединенной оппозиции в Германской коммунистической партии, Испанской оппозиции, Бельгийской оппозиции, Чехословацкой левой оппозиции, Венгерской коммунистической оппозиции и Еврейской оппозиционной группы в Париже. Эти группы соответственно представляли Макс Шахтман (США), Альфред Росмер и Пьер Навилль (Франция), Хулиан Горкин (Испания), Оскар Зайпольд (Германия), Леон Лезуаль и Адемар Энно (Бельгия), Ян Франкель (Чехословакия), Шилваци (Венгрия) и Павел Милль (настоящая фамилия — Окунь, он же — Обин) от Еврейской группы[288].

Самостоятельное представительство Еврейской группы было связано исключительно с намерением Троцкого послать на международную встречу Милля, который Троцкого абсолютно обаял. На несколько недель Милль по его приглашению приехал на Принкипо. Оказалось, что Милль происходил из южной части Украины и в детстве жил сравнительно недалеко от родной Троцкому Яновки. Оба они с удовольствием вспоминали родные места, что также способствовало сближению. Милль произвел на Троцкого весьма благоприятное впечатление. Предполагалось, что он переберется на Принкипо и будет исполнять функции политического помощника Троцкого. Но затем Лев Давидович передумал, и Миллю было предложено после окончания работы конференции переехать в Париж и начать там создание Интернационального секретариата Международной левой оппозиции.

Советская левая оппозиция, как указывалось в статье, посвященной конференции, опубликованной в «Бюллетене оппозиции», «не могла быть представлена по полицейским

причинам», но заявила письмом о присоединении к конференции[289]. Разумеется, это письмо было написано самим Троцким, а не находившимися в СССР левыми оппозиционерами. При этом Троцкий, оценивший созыв конференции как «крупный шаг вперед», подчеркивал, что этот «шаг» ни в коем случае не означает курса на создание 4-го Интернационала: «Левая оппозиция считает себя фракцией международного коммунизма и действует в качестве таковой. Нынешнего раскола не было бы, если бы аппарат Коминтерна не находился в полной зависимости от сталинской верхушки, которая руководствуется прежде всего интересами самосохранения теоретически и политически скомпрометированной центристской бюрократии. Преступной работой аппарата оппозиция поставлена вне формальных рамок Коммунистического Интернационала. Но оппозиция чувствует свою нерасторжимую связь с теми, которые остаются в формальных рамках Коминтерна. Цель оппозиции — возрождение Коммунистического Интернационала на ленинских основах»[290].

Конференция приняла решение о создании Международного секретариата, которому было поручено ведение текущих дел, издание «Международного бюллетеня» и подготовка созыва «полномочной конференции». Технически секретариат, размещаясь в Париже, должен был опираться на Коммунистическую лигу Франции. Решение это было лишь формальным, ибо фактически Секретариат уже действовал в Париже в течение нескольких месяцев. Предполагалось, что «Международный бюллетень» будет выходить два раза в месяц в основном на французском языке. Важнейшие материалы предполагалось публиковать также на немецком, а статьи, непосредственно затрагивающие англосаксонские страны, еще и на английском. Конференция послала приветствие отсутствовавшему Троцкому, передавая «горячий привет и свидетельство своей тесной солидарности товарищам большевикам, арестованным и ссыльным, и их изгнанному вождю»[291]. Так что Троцкий рассматривался конференцией еще и как руководитель русской (советской) секции.

Помимо этого приветствия, конференция приняла «Воззвание к пролетариям всего мира», которое можно рассматривать как первый официальный программный документ международного троцкистского движения. Констатируя глубокий кризис мировой экономики и политики, документ указывал, что причиной кризиса в мировом коммунистическом движении является ситуация, сложившаяся в СССР, поскольку любые попытки установить диктатуру пролетариата и ликвидировать класс капиталистов на базе теории социализма в одной стране

обречены на поражение. В результате практического проведения этой теории СССР, по мнению авторов документа, шел к катастрофе: «Все революционные борцы коммунизма должны присоединиться к левой оппозиции, чтобы поддержать флаг большевизма»[292], — указывали авторы декларации.

Троцкого, однако, это обращение совершенно не удовлетворило. Он вскоре написал в своем директивном письме, что отказ от принятия специального программного документа был большой ошибкой предварительной конференции, что даже ни одна национальная организация не позволила бы себе провести свой съезд или конференцию, не приняв установочного документа[293]. Тем не менее, формально говоря, конференция прошла в обстановке полного единодушия, и это было огромным достижением участников конференции, ее устроителей и прежде всего Троцкого, весьма оптимистично, хотя и не вполне обоснованно полагавшего, что «ближайшее время обнаружит явные и бесспорные результаты большой подготовительной работы, совершенной за последний год».

Казалось, что этот прогноз подтверждается. Вслед за конференцией еще девять групп объявили о своей поддержке Международной левой оппозиции, как стала называться эта организация. Новыми участниками, наряду с фиктивной «русской оппозицией», были две оппозиционные группы из Австрии, две итальянские группы, находившиеся в эмиграции, греческая группа «ар-хеомарксистов», Коммунистический оппозиционный комитет Аргентины, Бразильский ленинский коммунистический комитет в изгнании и Коммунистическая оппозиция Мексики[294]. Однако позитивные новости на этом закончились. Не прошло и месяца после окончания конференции, как возник первый серьезный конфликт в одной из наиболее значительных национальных организаций — в Объединенной оппозиции Германской компартии. В начале мая Троцкий получил сообщение о том, что пять членов правления этой организации (бывшие члены Ленинбун-да) подали в отставку из-за возникших острых разногласий. 4 мая он писал Временному секретариату в Париж, что, по его мнению, правление должно сохранить свои полномочия и продолжать работу, что в том случае, если ушедшие не одумаются, в чем он их пытался убедить особым письмом[295], в правление надо включить пять новых членов из числа бывших участников Ле-нинбунда, чтобы сохранить подобие равновесия[296].

21 июня 1930 г. Троцкий, как лидер международной оппозиции, обратился с первым директивным письмом ко всем секциям «интернациональной коммунистической

организации»[297]. Он высказывал недовольство тем, что принятые на конференции в Париже решения практически не исполняются. Рушились недавние оптимистические надежды на появление «коллективного организатора» в лице «Интернационального бюллетеня». Начать его издание все еще не удавалось. Не была образована редколлегия этого издания. Национальные группы не выделили для работы в ней своих представителей. «Между тем накопляются важные и неотложные вопросы тактики, — писал Троцкий. — Переписка с отдельными товарищами все менее и менее может отвечать своим задачам. Я не вижу в настоящий момент другого пути, как обратиться ко всем национальным секциям с этим письмом, в котором я хочу ответить на некоторые вопросы, заслуживающие, как мне кажется, коллективного обсуждения».

Троцкий писал, что он не обвиняет никого лично, понимает крайний недостаток сил и средств. Но все же главной причиной неактивности, а попросту говоря, бездеятельности международной организации он считал неправильное понимание взаимоотношений между национальными секциями и их международным объединением. Он напоминал, с какой неохотой отнеслись к его предложению о создании международной организации некоторые национальные «секции». «Борьба против бюрократического централизма Коминтерна возродила у некоторых элементов оппозиции немарксистское понимание взаимоотношения национальных секций, как фундамента или стен, и интернациональной организации, как крыши, которая возводится под конец».

Троцкий подсознательно пытался моделировать новое международное объединение по образцу Коминтерна, хотя и продолжал упрекать и поносить эту организацию как оппортунистическую, упустившую возникшие революционные ситуации. Троцкий, несмотря на очевидную двусмысленность и даже абсурдность происходящего, продолжал считать новое объединение фракцией сталинского Коминтерна, из которого и он сам, и его соратники давно были выгнаны. То же относилось и к пункту о второй партии: «В рядах объединенной левой оппозиции никто сейчас не защищает курса на вторую партию. Но одного отказа от неправильной позиции мало. Нужна активная борьба за правильную позицию, т. е. ясный, отчетливый курс на возрождение официальной партии», — писал Троцкий. И Сталина такая половинчатая линия Троцкого конечно же устраивала. Троцкий не только сам не пытался создавать вторую компартию и новый Интерна-ционат, но и успешно блокировал попытки остальных более радикальных оппозиционеров-коммунистов

действовать в этом направлении.

29 июня последовало второе письмо Троцкого «всем секциям интернациональной левой коммунистической оппозиции», на этот раз значительно более краткое, являвшееся сопроводительным к обзору Седова о положении российской оппозиции[298]. Отмечая, что в основе обзора лежат данные, полученные из первых рук (это соответствовало действительности, так как контакты Троцкого с советскими гражданами, выезжавшими за границу, и остаточная переписка со сторонниками, в том числе пребывавшими в ссылке, сохранялись), а «картина, нарисованная на основании этих данных, имеет поистине ужасный характер», Троцкий подчеркивал, что русская оппозиция все еще жива и «борется за Октябрьскую революцию». Соответственно, он писал о необходимости развернуть борьбу за спасение русских оппозиционеров. Эта борьба, по его мнению, должна была слиться с борьбой за освобождение компартий от их «деморализованного руководства». Троцкий, таким образом, пытался показать, что является лидером не только международной организации, но и национальной оппозиционной группы.

Хотя на апрельской конференции было принято решение об организации Интернационального секретариата, практически этот орган в качестве коллективного и постоянно действовавшего сформировать не удалось. Тогда Троцкий попытался образовать другой орган: Интернациональное бюро — состоящий из наиболее доверенных и ответственных политических фигур, которые взяли бы на себя основной груз практической работы. В состав этого органа вошли А. Росмер (его заместителем был назван Навилль), Шахтман, Ландау, Нин и Седов (под псевдонимом Маркин). Трудно определить, какие соображения лежали в основе такого подбора, но с самого начала было ясно, что в таком составе Интернациональное бюро никак не сможет стать эффективно работающим инструментом, так как оно состояло из людей, в основном занятых другими политическими делами или просто не имевших возможности включиться в работу. Шахтман вскоре возвратился в США и полностью сосредоточился на работе американской Лиги. Седов находился в Стамбуле и целиком был занят делами своего отца (в феврале 1931 г. он отправится в Берлин), Нин вскоре был арестован и находился в испанской тюрьме. Что же касается Росмера и Ландау, которые вначале проявили немалую активность, то у них довольно скоро возникли сомнения в правильности политической линии и стратегического курса Троцкого, и они отошли от его движения, тем паче что после посещения Троцкого летом 1930 г.

на Принкипо Навилль, Молинье и Росмер хоть и достигли устного соглашения о союзе (так называемый «Принкипский мир»), действительного примирения между группами не произошло. Буквально на следующий день после возвращения в Париж взаимные обвинения и разногласия между ними вспыхнули с новой силой.

Единственным активным членом Интернационального бюро остался Навилль, положение которого было не очень устойчивым, так как во Франции против него выступала конкурентная группа Р. Молинье, которую поддерживал Троцкий, ослабляя таким образом позицию Навилля. Так что в конце концов Бюро просто не приступило к работе. Позже, в марте 1931 г., в своем обращении к Интернациональному секретариату и национальным секциям левой оппозиции[299], Троцкий признал неудачу, которую его движение потерпело в попытке создания Интернационального бюро, хотя пытался сделать вид, несколько подправляя хронологию событий, что провал вышел из-за ареста Нина и отъезда Шахтмана. Осенью 1930 г. в состав Интернационального бюро был включен Милль, а вслед за ним итальянский эмигрант Альфонзо Леонетти (он был известен во Франции под фамилией Сюзо), вступивший в левую оппозицию в 1930 г. Но Сюзо также не оправдал надежд. Вскоре он переметнулся к Навиллю и потерял доверие Троцкого[300]. В результате Милль, в декабре 1930 г. переехавший из Брюсселя в Париж, стал фактически единственным постоянным членом Секретариата, поддерживавшим регулярную связь с Троцким.

С середины ноября 1930 г. между Троцким и Миллем установилась переписка, причем Троцкий изначально обращался к Миллю как к члену обоих органов: Интернационального бюро и Интернационального секретариата. Про Бюро Троцкий вскоре забыл, как будто его и не было никогда. После отхода от дел Навилля и Сюзо Милль тянул на себе весь Секретариат в полном одиночестве. Между тем из Стамбула шли директивы, как в годы Гражданской войны из бронепоезда Троцкого, видимо считавшего, что в распоряжении Милля был целый штаб квалифицированных политических и технических сотрудников, как при Склянском. 13 ноября в своем письме Миллю Троцкий ставил задачи, абсолютно непосильные для одного человека: «Кто занимается бельгийскими делами? Сейчас, после совершившегося раскола, крайне важно не терять темпа, т. е. помочь товарищам из Шарлеруа и других мест создать центральную группу для руководства оппозицией во всей стране. В конце концов не обязательно, чтобы эта группа была на первых порах уже в Брюсселе. Пусть даже центр временно будет в Шарлеруа. Может

быть, это даже будет иметь свои положительные стороны. «Люди растут вместе со своими задачами». Товарищи из Шарлеруа чрезвычайно поднимутся в своем собственном сознании, если на них будет возложена забота об оппозиции во всей стране. Как обстоит дело с их изданием? Очень жаль, что в последнем номере «Веритэ» нет отдела, посвященного бельгийской оппозиции. В переходное время это необходимо: нужно, чтобы они не теряли нить преемственности. Да и в дальнейшем, я думаю, бельгийцы вряд ли смогут в ближайшие месяцы выпускать свое издание чаще чем раз-два в месяц: тем необходимее для «Веритэ» отводить известное место Бельгии. Серьезной гарантией может явиться только правильная организация на основах, с одной стороны, точного разделения труда, с другой, коллективного руководства. Я по-прежнему того мнения, что каждый из руководящих товарищей должен был бы взять на себя — помимо своей основной работы — какой-нибудь участочек в Париже (район, группу, завод и пр.). Разумеется, без нарушения общей схемы организации. Во-первых, мы будем иметь некоторое соревнование на практической арене, где это соревнование может дать только положительные результаты. Во-вторых, все предложения и методы будут непосредственно проверяться самими руководителями, большинству которых как раз и не хватает практического опыта»[301].

Текст этот несколько напоминал известный ленинский документ о замах, столь же бессмысленный, как и оторванный от реальности. Полководец с микроскопическим офицерским корпусом и почти без солдат тщетно рассчитывал на целую армию, для которой он самым серьезным образом разрабатывал конкретные оперативные планы, не понимая, что выполнять их попросту некому. Не было ни «коллективного руководства», ни «руководящих товарищей». Милль был один. Брать на себя «участочек в Париже» или «завод» он был не в состоянии.

Письма Троцкого Миллю вначале следовали каждые несколько дней, а иногда и ежедневно. Бывали случаи, когда вслед за первым письмом в тот же день отправлялось еще одно. В архиве сохранились копии писем от 17, 19, 20, 22, 25, 27 (два письма), 29, 30 ноября, 9 (два письма), 14, 17, 18, 28 декабря 1930 г., 3, 4, 6, 8, 10, 15, 24, 30 января, 5, 6, 11, 13, 15, 17, 18, 26 (два письма), 27 февраля, 4, 7, 12, 18, 21, 25, 29 марта 1931 г. и т. д.

Троцкий ставил в этих письмах задачи перед странами, городами, организациями, друзьями. Указывал на правильные и неправильные поступки своих сторонников, требовал писать статьи для газет и журналов и циркулярные или инструктивные

письма в национальные организации. Несчастный Милль вначале пь*-тался соответствовать тем надеждам, планам и поручениям, которые на него возлагались. Однако в ответ ставились все новые и новые задачи, а вскоре были высказаны недовольство Троцкого тем, что не все задания выполняются в срок, и даже упреки и оскорбления по адресу Милля, неверно понявшего поручение или сознательно поступившего не так, как предписывал Троцкий.

Единственным существенным результатом деятельности Милля была организация в начале 1931 г. «Международного бюллетеня левой оппозиции», который выходил нерегулярно, хотя и часто; затем все реже и реже; и в 1933 г. почти полностью перестал появляться. Издание осуществлялось на французском языке (некоторые наиболее важные материалы публиковались также на английском). Троцкий же настаивал на регулярном выпуске и дошел даже до того, что пригрозил Миллю формальным протестом в связи с затяжкой выпуска очередных номеров[302], как будто Милль умышленно саботировал работу.

Этот «Бюллетень» отчасти напоминал русский «Бюллетень оппозиции». В нем также печаталось много статей и писем Троцкого. Но все же это было не его личное издание, каковым являлся русский прототип, выходивший в Берлине под руководством Седова, отлично понимавшего требования, намерения и повадки своего отца. Милль не решался отказывать в публикации Навиллю и другим авторам, которые принадлежали к международной левой оппозиции, но не были согласны с Троцким по всем пунктам.

Троцкий настаивал перед Миллем на подготовке и созыве европейской конференции оппозиционных коммунистов. Были даже выработаны некие условия приема в интернациональную левую организацию, которые по аналогии с документом, утвержденным II конгрессом Коминтерна в 1920 г., называли «21 условием приема»[303]. Однако из этой затеи тоже ничего не вышло. Полностью поддерживая во Франции фракцию Молинье, Троцкий требовал от Милля, чтобы тот активно включился во внутреннюю борьбу во французской Лиге против Навилля, причем не жалел для последнего самых жестких определений и сравнений. Вот выдержка из письма от 10 января 1931 г.: «То, что Навилль сфабриковал критическую резолюцию, не имеет ровно никакой цены. Бухарин фабрикован такие резолюции десятками, чтобы под видом критики британских оппортунистов обеспечить дальнейшее подчинение британской компартии этим самым оппортунистам. Неужели же вы думаете, что можно рвать со Сталиным, Томским, Бухариным для того, чтобы делать уступки их маленьким подражателям? Самая опасная позиция — это

позиция инспектора над борющимися течениями. Можно колебаться, выжидать, тормозить, примирять, пока не ясно, о чем, собственно, идет спор, т. е. пока не определились принципиальные линии. Но ведь сейчас эта стадия окончательно оставлена позади. На платформе Навилля (сочетание оппортунизма и вероломства) не может быть не только дружной работы, но нельзя долго сохранить и организационного единства. Если эта платформа не будет разбита и беспощадно осуждена, то раскол абсолютно неизбежен»[304].

Миллю «откалываться» в общем-то было абсолютно не от кого: он и так был один. Вместе с Троцким их было двое.

В конце февраля 1931 г., будучи крайне недоволен недостаточной активностью Милля и отсутствием практических результатов в работе, Троцкий поставил вопрос о переносе Секретариата из Парижа в другое место. Где именно можно было разместить новый центр левой оппозиции — ясно не было даже Троцкому. Угроза Миллю уволить его с должности оказалась банальным блефом. 4 марта, пытаясь снять возникшее напряжение, Троцкий писал, имея в виду пожар на вилле Иззет-паши: «От вас давненько уж нет ничего. Надеюсь, что Секретариат не оказался жертвой всепожирающего пламени, как мы здесь». Но вслед за этим возобновились еще даже более острые нападки, а письмо от 2 июня 1931 г.[305] предрекало разрыв: «Ваши два последних письма еще более укрепляют меня в мысли, что дело с Секретариатом в Париже не пойдет. Члены Секретариата, в том числе, к сожалению, и постоянный член его [Милль], заняты всем, чем угодно, только не своими прямыми обязанностями.

Секретариат есть фикция, и нужно себе это прямо сказать. «Бюллетени» выходили бы гораздо лучше и аккуратнее, если бы их не задерживал Париж, а за вычетом «Бюллетеней» в чем, собственно, состоит деятельность Секретариата? Я в свое время настаивал на периодических отчетах перед национальными секциями. Об этом ничего не слышно. Нельзя ли точно отчитаться перед национальными секциями, сколько именно Секретариат получил за это время писем и сколько писем он написал, включая циркуляры? Как показывают заседания национальных секций, потребность в действительно работающем Секретариате очень велика, но Секретариата, увы, нет».

Милль обратился за помощью и пониманием к Молинье. В конце концов, то, что последний скинул на Милля всю работу, не освобождало любимца Троцкого от ответственности. Через десять дней, под влиянием полученного от Молинье письма в защиту Милля, Троцкий пробовал поправить положение и, вопреки своим правилам, фактически принес извинения Миллю: «Из последнего

письма Раймона [Молинье] я вижу, что очень огорчил вас своими последними письмами. Раймон считает, что я свои упреки адресую неправильно по вашему адресу, пишет, что вы делаете решительно все, что возможно сделать; что скорее уж надо обвинить его и т. д. Я очень жалею, что огорчил вас своими письмами. Вы во всяком случае должны понять, что в них не было никакого *личного* момента. Правильнее было бы, формально говоря, обратиться к Секретариату в целом. Если я писал лично вам, то потому, что у нас с вами более тесная связь, причем я всегда исходил из того, что самое существенное вы передадите Секретариату и что, таким образом, я вам помогу оказать давление на других, потребовать от них большей активности, большего внимания к интернациональным делам и т. д. Вы, надеюсь, или, вернее, не сомневаюсь, признаете, что никакие другие соображения, кроме чисто деловых, не руководили и не руководят мною, когда я пишу вам те или другие письма, делаю те или другие упреки, хотя бы несправедливые»[306].

Но было уже поздно. Отношения с Миллем были безвозвратно испорчены. Разочарованный неблагодарностью Троцкого Милль вступил в контакт с полпредством СССР и вскоре возвратился на родину.

Все вышесказанное о Милле нужно воспринимать с одной очень серьезной поправкой. Не исключено, что исходно проживавший в Брюсселе Милль (он же Павел Окунь, он же Обин), возглавлявший в Бельгии небольшую организацию русскоязычных евреев, владевший еще и немецким и французским языками, был советским агентом и был возвращен на родину, так как не смог втереться в доверие к Троцкому и стать его личным секретарем. Считалось, что Милль уехал в Харьков, однако достоверной информации об этом не имеется. Неизвестно также, уцелел ли он в годы Большого террора.

Глава 3. ДАНИЯ И ФРАНЦИЯ

1. Копенгаген

Во время своего пребывания в Турции Троцкий неоднократно обращался в посольства европейских стран с просьбой о предоставлении ему въездной визы на постоянное жительство или на время — для лечения и личных встреч. Каждый раз он получал отказ. По этой причине, например, Троцкий не имел возможности принять участие в первой предварительной конференции в Париже. Он даже не обращался по этому поводу к французским властям с просьбой о визе, заранее зная, что его не впустят, и не желая привлекать внимание полиции к организаторам конференции. Единственным случаем, когда власти западноевропейского государства с безусловной неохотой, но все же положительно откликнулись на его ходатайство, было разрешение правительства Дании на кратковременное посещение им и его супругой Копенгагена для выступления с лекцией по приглашению социал-демократической студенческой организации. Лекция посвящалась 15-летию Октябрьского переворота в России. Имея в виду, что у власти в Дании стояли в это время социал-демократы, власти сочли неудобным отказывать в краткосрочной восьмидневной визе Троцким для поездки по приглашению собственной молодежной организации. Предоставление визы было обусловлено тем, что лекция будет носить «строго научный характер и лектор не будет вмешиваться во внутренние дела Дании»[307].

Одновременно Троцкий возбудил ходатайство о предоставлении ему визы для посещения Стокгольма. Узнав об этих ходатайствах, полпредства СССР в Дании и Швеции в лице своих глав — М.В. Кобецкого[308] и А.М. Коллонтай — официально предупредили датские и шведские власти, что допуск Троцкого в Копенгаген и Стокгольм приведет к ухудшению взаимоотношений с Советским Союзом, и даже стали угрожать экономическими и иными санкциями[309]. В результате Швеция в визе Троцкому отказала. Дания положительного решения не отменила, хотя датское правительство неоднозначно заявило о нежелательности пребывания Троцкого в стране, а Франция предоставила Троцкому транзитную визу без права остановки на ее территории. Так, осенью 1932 г. Лев Давидович и Наталья Ивановна впервые после высылки покинули окрестности Стамбула и направились в Западную Европу. Помимо самого выступления и предполагаемых встреч с оппозиционерами, как по-прежнему называл Троцкий своих сторонников, он был рад возможности посмотреть новые места или вспомнить те города, в

которых бывал за два десятилетия до этого.

14 октября 1932 г. Троцкий и Седова в сопровождении помощников-секретарей немца Отто Шюсслера, чеха Яна Фран-келя и француза Пьера Франка отправились на итальянском пароходе в Марсель с краткими остановками в Пирее (вблизи Афин) и Неаполе. В Пирее Троцкому не разрешили сойти на берег, но Седова получила право осмотреть Акрополь, где ее приветственными криками встретили члены греческой группы «архивомарксистов» (такое странное название они получили по наименованию журнала «Архивы марксизма», начавшего выходить в 1924 г.). Они же устроили встречу корабля, когда он проходил ночью узким Коринфским каналом. На итальянских моряков крики с берега «Да здравствует Троцкий!», «Да здравствует Коммуна!» произвели большое впечатление[310]. Но, ко всеобщему удивлению, итальянское фашистское правительство разрешило путешественникам во время пребывания корабля в неапольском порту совершить непродолжительную экскурсию в Помпеи.

Встреча в Марселе была значительно менее дружелюбной. Полиция приняла чрезвычайные меры предосторожности. Троцкого и сопровождавших его лиц высадили в отдаленном конце порта, почти немедленно усадили в машину, попытались не допустить к ним представителей прессы и отвезли вначале в Лион, где они заночевали, а затем поездом в Париж, где также поместили под тщательный полицейский надзор[311]. Все же в марсельском порту к Троцкому удалось пробиться настырному корреспонденту французского телеграфного агентства Гавас, которому вождь международной левой оппозиции успел сказать: «Я провел четыре года в Турции. Читал, писал, в свободные часы занимался рыбной ловлей и охотой. Был занят почти исключительно историей русской революции… Я не знаю датского языка и буду говорить по-немецки. Лекция преследует научные, а не пропагандистские цели. Это, разумеется, не значит, что я намерен скрывать свою точку зрения, которая в настоящий момент остается такой же, как и во время Октябрьского переворота 1917 года»[312].

На следующий день после приезда в Париж путешественников отвезли в Дюнкирхен (нынешний Дюнкерк), скрытно погрузили на корабль, идущий в Данию, не разрешив побеседовать с Троцким даже любопытствующему секретарю профсоюза портовых рабочих. Некоторые наиболее ретивые французские коммунисты хотели устроить «антитроцкистскую» демонстрацию, но член Политбюро компартии Жюль Ракамон высказался против[313]. Правда, о предстоявшем визите Троцкого

в Копенгаген узнали датские коммунисты, и Троцкий был встречен там демонстрантами, выкрикивавшими проклятия.

Троцкий выступал 27 ноября на столичном стадионе в присутствии примерно 2500 человек. Значительная часть их пришла из любопытства: взглянуть на знаменитую и скандальную личность и послушать речь человека, осмеливавшегося открыто выступить против советского правительства и Сталина. Но немало было среди присутствовавших страстных друзей и врагов. Сторонники, которых было значительно меньше, неоднократно прерывали его аплодисментами и возгласами одобрения. Со стороны противников слышались обвинения и негодующий свист. Однако ораторское искусство Троцкого, не угасшее за годы, когда он был лишен возможности выступать на публике, постепенно привлекло к нему симпатии почти всей аудитории. Так что вскоре противники вынуждены были замолчать, а наиболее удачные места выступления все чаще прерывались аплодисментами и криками одобрения.

Буквально на одном дыхании была произнесена большая речь, содержавшая попытку доказать закономерность и неизбежность Октябрьской революции и перспективы развития всего человечества по ее образцу. Организаторы попросили власти разрешить трансляцию выступления по национальному радио, но получили отказ со ссылкой на решение короля[314]. Троцкий говорил по-немецки, которым владел в достаточной степени, чтобы произносить на нем политические речи. Он начал свое выступление с извинений по поводу того, что не владеет датским языком и лишен «возможности следить непосредственно, по первоисточникам и в оригинале, за скандинавской жизнью и скандинавской литературой. А это большая потеря!». Лектор не ограничился только этим в выражении теплых чувств к Дании и ее столице и от высказанных симпатий смог плавно перейти к истории и политике: «В первый раз я был в Копенгагене на международном социалистическом конгрессе[315] и увез с собою лучшие воспоминания о вашем городе. Это было почти четверть века тому назад. В Бельте и фиордах с того времени много раз сменялась вода. Не только вода. Война перебила позвоночник старому Европейскому континенту. Реки и моря Европы унесли с собой немало людской крови. Все человечество, особенно европейское, прошло через тяжкие испытания, стало суровее и угрюмее. Все виды борьбы стали ожесточеннее. Мир вступил в эпоху великого поворота. Его крайними выражениями являются войны и революции. Прежде чем перейти к теме доклада — революции, я считаю своим долгом выразить благодарность устроителям этого собрания, копенгагенской организации

социал-демократического студенчества. Я выражаю эту благодарность как политический противник. Мой доклад преследует, правда, научно-исторические задачи, а не политические. Но невозможно говорить о революции, из которой вышла советская республика, не занимая политической позиции. В качестве докладчика я остаюсь под тем самым знаменем, под которым стоял как участник революционных событий».

Далее следовал рассказ, который Троцкий пытался представить как беспристрастный анатомический срез социальной действительности, но который был апологией того дела, за которое главную политическую ответственность несли Ленин и он сам. При этом он продемонстрировал хорошее знание современной художественной и политической литературы, вплоть до книги Курцио Малапарте[316], которого он именовал итальянским фашистским теоретиком. Последний в своей книге-памфлете «Техника государственного переворота» буквально восхищался Троцким, возвращаясь к его имени по самым различным поводам и без таковых на многих страницах, ибо считал Троцкого «одним из основных создателей современной техники государственного переворота», добавляя, что в 1927 г. Троцкий на собственном опыте убедился, «насколько рискованна попытка государственного переворота, если ее осуществление доверено в основном евреям»[317].

Свой доклад Троцкий построил на базе ответов на три главных вопроса: почему и как произошла Октябрьская революция; что она дала России; оправдала ли она себя? Ответы на все три вопроса давались с точки зрения концепции перманентной революции.

Прежде всего, Россия, будучи отсталой страной, рассматривалась в качестве элемента мировой капиталистической системы: «В развитии наций и государств, особенно капиталистических, нет ни однородности, ни равномерности. Разные этапы культуры, даже полюсы ее, сближаются и сочетаются нередко в жизни одной и той же страны. Будем помнить, уважаемые слушатели, что историческая отсталость есть понятие относительное. Раз есть отсталые страны и страны передовые, значит, есть и взаимодействие между ними, есть давление передовых стран на отсталые, есть необходимость для отсталой страны подражать передовым, заимствовать у них — технику, науку и пр. Так создается комбинированный тип развития; черты отсталости сочетаются с последним словом мировой техники и мировой мысли. Наконец, чтобы вырваться из отсталости, исторически запоздалые страны вынуждены иногда забегать вперед. В этом смысле можно сказать, что Октябрьская

революция явилась для народов России героическим средством преодолеть свое экономическое и культурное варварство».

Значительно короче Троцкий останавливался на непосредственных предпосылках революции 1917 г., на Октябрьском перевороте, который, по его словам, был проведен «с холодным расчетом и пламенной решимостью». Еще более кратко упоминались события, относившиеся к 15-летнему периоду правления большевистской власти, причем докладчик подчеркивал, что в СССР господствует еще переходный строй, полный противоречий, отягощенный наследием прошлых столетий, к тому же испытывающий враждебное давление со стороны капиталистических государств. «Под ошибками и промахами первого социалистического строительства надо уметь различать будущее!» — заявил оратор, соблюдая определенную осторожность. Он ни словом не упомянул ни Сталина, ни советское правительство, как будто страна жила и развивалась в пространстве, где действовали объективные законы, но не было руководителей. Причины такой безликости были понятны: критика сталинизма, Сталина, советских руководителей неизбежно вызвала бы недовольство датских властей и негодование советского полпредства, внимательно и взволнованно следившего за в целом теплым приемом, который был оказан заклятому врагу Сталина в Дании. Полпреду Кобецкому можно было бы посочувствовать: в результате недовольства Сталина его голова могла скатиться с плеч за несколько лет до того, как это произошло в действительности.

Троцкий пытался покрыть в своем выступлении все возможные аспекты. Вопрос о «жертвах революции» он назвал риторическим и отнес его к «бухгалтерскому балансу». «Меланхолические размышления не мешали до сих пор людям ни рожать, ни рождаться», — почему-то добавил он и в ответ услышал аплодисменты. В познании естественных наук он продемонстрировал безграмотность, граничившую с мракобесием: «Недалек уже час, — сказал Троцкий, — когда наука, играя, разрешит задачу алхимии и станет превращать навоз в золото, а золото в навоз. Там, где неистовствовали демоны и фурии природы, ныне все смелее повелевает индустриальная воля человека». Разумеется, по задумке лектора произойти это могло только при коммунизме. Зато, касаясь мракобесия в религии, Троцкий сорвал аплодисменты студентов-теологов, когда заявил, что «реформация явилась первым успехом критического разума в той области, где царила мертвая тишина». Студенты теологического факультета, не зная о преследовании религии в СССР и об активном участии в этих преследованиях

Троцкого, восприняли его высказывание как похвалу протестантской религии.

Завершил же Троцкий свою лекцию весьма напыщенными словами: «Мысль человека, спустившись на дно его собственного душевного колодца, должна осветить наиболее таинственные движущие силы психики и подчинить их разуму и воле. Совладав с анархическими силами собственного общества, человек возьмет самого себя в обработку, в ступу, в реторту химика. Человечество впервые взглянет на себя как на сырой материал или в лучшем случае на физический и психический полуфабрикат. Социализм будет означать прыжок из царства необходимости в царство свободы также и в том смысле, что нынешний противоречивый, негармоничный человек расчистит дорогу новой, более высокой и более счастливой расе».

Находясь в Копенгагене, Троцкий попросил продлить ему датскую визу для лечения, но получил отказ, поскольку против этого возражал король[318]. Сам Троцкий считал, что датский премьер-министр Стаунинг был склонен визу продлить, но не решился под давлением советского полпредства. Тогда Троцкий вторично возбудил ходатайство о визе в Швецию, куда, по примеру датчан, Троцкого пригласила шведская социал-демократическая студенческая организация. Но и тут он получил отказ из-за давления советского полпредства[319].

В Копенгагене Троцкому удалось провести совещание с 26 единомышленниками из нескольких европейских стран. Троцкий определил этих людей как «ответственных работников» международной левой оппозиции и «сочувствовавших»[320]. Через много лет был обнаружен протокол этого заседания, в котором перечислялись присутствовавшие лица. Названы были 26 человек, в том числе 10 из Германии, 8 из Франции, 3 итальянца, по одному из Голландии, Чехословакии, Великобритании, Бельгии и США[321]. В список участников совещания попали и сопровождавшие Троцкого секретари, и даже подруга Седова Жанна, приехавшая в Копенгаген повидаться с Троцкими (сам Седов не получил визы в Данию). На совещании шли острые споры, выдвигались взаимные обвинения, подвергались особой критике испанские оппозиционеры[322]. Троцкий упрекал последних, что именно они выдвинули в состав Административного секретариата (так теперь стали называть координационный международный орган) того самого Милля, которого теперь, после его возвращения в СССР, Троцкий считал «политическим ничтожеством»[323].

Часть постановлений совещания была опубликована затем в «Бюллетене оппозиции»[324]. Другая — не подлежала

публикации[325]. Тексты постановлений, судя по стилю, были написаны Троцким. В опубликованном заявлении Троцкий, в частности, возражал революционерам, которые считали беспринципным его обращение к «буржуазным» и социал-демократическим правительствам с просьбой предоставить ему въездные визы. «Примерно с таким же правом можно поставить коммунисту в укор, что он ездит на капиталистических пароходах», — парировал Троцкий. Секретная часть, видимо по недосмотру, частично повторяла открытую, опубликованную. В общем, ничего тайного в ней не было. Главным пунктом, оставшимся неопубликованным, было оптимистическое заверение сторонников Троцкого в сплоченности и решительности: «Левая оппозиция извлекла из данной обстановки максимум того, что можно было извлечь. Большевики-ленинцы, застигнутые датской визой врасплох, обнаружили инициативу и способность к быстрой мобилизации. Свидание и беседы свыше двадцати товарищей из семи стран создали тесную спайку. Речи по радио помогут национальным секциям бороться против клеветы сталинской бюрократии. Той же цели послужат и говорящие фильмы. Большевики-ленинцы разъезжаются после случайного и короткого слета с новым запасом сил и несокрушимой уверенностью в правоте своего дела».

Выглядело все это достаточно наивно и нелепо. Тем не менее немноголюдная и поспешная встреча соратников Троцкого в специальном заявлении ТАСС от 27 ноября превратилась в «международную троцкистскую конференцию», ради которой, как утверждало советское агентство, Троцкий прибыл в Копенгаген. Можно только догадываться о том, сколько сотрудников НКВД было задействовано в связи с этой «быстрой мобилизацией» троцкистов.

Тем не менее с точки зрения деловой и политической поездку в Копенгаген Троцкий считал успешной. За время пребывания в городе он выступил с 20-минутной речью по радио на английском языке (выступление передавалось даже в США); часть его лекции была заснята на кинопленку и теперь демонстрировалась в нескольких кинотеатрах датской столицы. Одна из американских кинокомпаний записала небольшое заявление Троцкого о мировом экономическом кризисе в трех вариантах — на немецком, французском и английском языках, а также сняла заказанный самими троцкистами 10-минутный фильм с заявлением Троцкого «о задачах большевиков-ленинцев». Все это делалось, правда, не из политических симпатий, а на основе обычного «хозрасчета», то есть за плату. Но в результате «интернациональная левая оппозиция получила в свои руки

важные орудия пропаганды и, в частности, опровержения сталинских клевет»[326].

В Дании Троцкий дал ряд интервью корреспондентам газет Дании, Франции, Великобритании, США и некоторых других стран[327]. Сводный текст из вопросов журналистов и ответов Троцкого был затем опубликован в «Бюллетене оппозиции»[328]. Главными гемами вопросов и ответов была лекция в Копенгагене; отказ правительства Дании продлить визу и причины такого решения; непрекращающиеся усилия советского правительства по «вытеснению» Троцкого «из Европы». Троцкий, как он деликатно выразился, не увозил из Дании «новых представлений о природе буржуазной демократии», но возвращался в Турцию «с самыми лучшими воспоминаниями о любезности и гостеприимстве датского народа».

На обратном пути Троцкие столкнулись с некоторыми неприятностями, носившими бытовой характер, но имевшими политическую окраску. Сначала ему и его спутникам было запрещено сойти на берег в порту Антверпена, причем у Троцкого произошло весьма бурное объяснение с полицейским офицером, проверявшим документы. Связано оно было с тем, что офицеру, ожидавшему увидеть паспорт с именем Льва Троцкого, был вручен документ, выписанный на Льва Седова (так как именно на эту фамилию был в свое время оформлен заграничный паспорт). Троцкий отказался давать разъяснения, был предупрежден о возможном аресте. Арестовывать Троцкого, правда, не стали. А сам Троцкий опубликовал затем открытое письмо бельгийскому министру юстиции социалисту Эмилю Вандервельде, полное возмущения и разоблачений «лживой буржуазной демократии»[329].

Более серьезным оказался второй инцидент, происшедший на заключительном этапе поездки в Дюнкирхене (Дюнкерке), где пассажирам было сообщено, что ближайший пароход из Марселя в Стамбул отходит только через неделю. На этот срок, по соглашению с парижскими властями и марсельской префектурой, для Троцких приготовили жилье в окрестностях Марселя. И это было скорее приятной задержкой, так как возвращаться в Турцию Троцкий не спешил. На марсельском вокзале, однако, Троцкому объявили, что один из пароходов уходит на следующий день. Секретари решили все равно остаться во Франции для выполнения ряда заданий по приобретению книг, работы в Национальной библиотеке и деловых встреч, а Троцкие должны были немедленно погрузиться на этот пароход и ждать отправки. Но пароход оказался грузовым судном, без единого пассажира, без элементарных удобств. К тому же на пути в Стамбул он

должен был заходить в различные морские порты и останавливаться там по несколько дней. Вместо планируемых шести дней путешествие должно было занять пятнадцать. «Я никак не мог рисковать здоровьем своей жены и своим собственным, только чтобы молча подчиниться произвольному, ничем не вызванному акту», — возмущался Троцкий. Плыть этим судном он категорически отказался.

Конфликт разрешился благодаря согласию правительства Италии предоставить Троцкому транзитную визу. Бывший социалист Муссолини еще раз сыграл роль «доброго покровителя», не прося ничего взамен. А Троцкий направил очередной протест, теперь уже премьер-министру Франции Эдуару Эррио[330] и министру просвещения Анатолю де Монзи[331], который ранее настоял на предоставлении Троцкому визы, был давним знакомым Ра-ковского и даже навещал его в ссылке в Астрахани[332].

В Париже, на Северном вокзале, буквально на несколько минут, Троцкие смогли пересечься с Львом Седовым. Встреча была сугубо деловой, решались срочные практические вопросы издания «Бюллетеня», взаимоотношений с французскими сторонниками и другие повседневные дела. Для эмоций времени не оставалось. Вскоре, после возвращения в Турцию, Наталья Ивановна писала Льву-младшему: «Все наше маленькое путешествие представляется нам почти «невероятным»; каким образом мы оказались вырванными из этой тиши и замкнутости и брошены в водоворот событий, не крупных, но полных неожиданностей, превратностей, то благосклонных, то враждебных? Сколько разговоров, сколько народу перевидели за такое короткое время; за четыре года на Принкипо и сотой доли этого не было. Помню, как говорили с тобой первый раз по телефону… В конце концов повидались с тобой в продолжении всего нескольких часов, милый мой мальчик… и каких часов… в усталости, напряженности, бессоннице, неизвестности и сутолоке и суете, без которых ничего не обходится. Не успели даже подойти друг к другу поближе… взглянуть друг на друга поглубже. Тебе папа показался сумрачным, нет, он просто был уставшим… уставшим не от одного дня, а от целого ряда дней»[333].

Так завершилось это краткое, но довольно драматическое путешествие, ставшее предвестием новых передряг, предстоявших Троцкому на Европейском континенте.

2. Новый стратегический курс

Вскоре после копенгагенской лекции, 4–8 февраля 1933 г., в Париже состоялась II предварительная конференция Международной левой оппозиции (большевиков-ленинцев), как стала теперь уже официально именовать себя группа последователей Троцкого[334]. На этот раз выехать во Францию Лев Давидович и не пытался. Он был убежден, что визы не получит, тем более на официальную международную встречу своих сторонников. Конференция определила ту программную и практическую базу, на которую троцкисты опирались все последующие годы, хотя и в отдельных странах, и в международном масштабе постоянно возникало и распадалось множество организаций и движений, провозглашавших себя сторонниками Троцкого и совершенно по-разному трактовавших те установки, которые были сформулированы в 1933 г. в Париже[335].

II предварительная конференция была тем более важной, что происходила она через несколько дней после прихода к власти в Германии Гитлера. Согласно официальному докладу, в конференции участвовали делегаты из одиннадцати стран[336], что было явным преувеличением, ибо по крайней мере две страны из названных представлены не были: русской секции не существовало вообще, а болгары, названные в перечне, во встрече не участвовали, так как в их организации «Освобождение» возникшие споры и конфликты привели к распаду и полному прекращению деятельности[337].

В соответствии с инструкциями Троцкого конференция утвердила два документа, связанные с событиями в Германии. В «Обращении ко всем членам Коммунистической партии Германии, к социал-демократическим рабочим, к германскому пролетариату» она призвала к немедленному созданию единого фронта коммунистических и социал-демократических рабочих, который противостоял бы установлению национал-социалистической диктатуры. В телеграмме Коминтерну точно так же предлагался единый фронт против германского «фашизма» (ответа получено, разумеется, не было). Главным документом, утвержденным в Париже, были так называемые «Одиннадцать пунктов», которые рассматривались в качестве подготовительного, дискуссионного документа, на базе которого предполагалось выработать окончательный программный документ. Таковой предполагалось утвердить на конференции Международной левой оппозиции в июле 1933 г.[338]Основные

положения «Одиннадцати пунктов» были разработаны на базе указаний Троцкого и, по существу, являлись его документом:

1) независимость пролетарской партии и осуждение теории двуклассовых (рабоче-крестьянских) партий;

2) признание интернационального и перманентного характера пролетарской революции и осуждение теории социализма в одной стране;

3) признание Советского Союза в качестве рабочего государства, несмотря на растущую «дегенерацию бюрократического режима»;

4) безусловная защита СССР против империализма и международной контрреволюции;

5) осуждение экономического оппортунизма сталинской фракции в 1923–1928 гг. и ее экономического авантюризма 1928–1932 гг.;

6) необходимость для коммунистов работать в массовых организациях, в частности в профсоюзах, и осуждение создания особых, «красных» профсоюзов;

7) осуждение формулы демократической диктатуры пролетариата и крестьянства как особого режима, отличающегося от диктатуры пролетариата;

8) необходимость мобилизации масс с использованием переходных лозунгов для борьбы против феодализма, национального угнетения и разных форм «империалистической диктатуры»;

9) развитие политики единого фронта массовых организаций рабочего класса, как экономических, так и политических;

10) осуждение теории социал-фашизма и признание, что таковая служит не делу коммунизма, а самому фашизму, с одной стороны, и социал-демократии, с другой;

11) признание необходимости внутрипартийной демократии не на словах, а на деле[339].

Важной особенностью рассмотренного документа было отсутствие в нем указания на то, что коммунистическая оппозиция продолжает считать себя фракцией компартий и Коминтерна. На этот счет просто ничего не было сказано. Тем самым оставлялись открытыми двери для принципиального политического поворота, который пока не провозглашался, но явно уже обдумывался Троцким. И хотя Всемирная конференция, намеченная на июль 1933 г., так и не состоялась, к этому времени четко выявились те условия, которые предопределили крутой разворот Троцкого и его сторонников, взявших через несколько месяцев курс на создание 4-го Интернационала.

Тем временем Троцкий продолжал работу над историко-

теоретическими трудами, усилив внимание к текущим международным проблемам, прежде всего в связи с событиями в Германии. Он стал бить тревогу еще до того, как канцлером был назначен Гитлер. Через неделю после формирования нацистского правительства, 6 февраля 1933 г., Троцкий в письме правлению левой оппозиции в Германии высказал предположение, что под прикрытием подготовки к выборам, назначенным на 5 марта, нацисты произведут переворот[340]. Именно так и произошло: воспользовавшись поджогом здания германского рейхстага 27 февраля, Гитлер через послушного президента Гинденбурга ввел чрезвычайное положение и начал громить демократию. Нацисты приступили к ликвидации других политических партий, распустили профсоюзы и создали вместо них свой Трудовой фронт.

Трезво оценивая ситуацию как тягчайшее поражение германского рабочего класса, Троцкий был далек от тех коммунистических лидеров, которые, эмигрировав из страны, утверждали вслед за своими кремлевско-коминтерновскими опекунами, что Германия находится накануне революционного взрыва. В статье «Немецкие перспективы» (лето 1933 г), опубликованной почти одновременно во Франции, Испании и других странах, он писал, что в Германии происходит «не назревание пролетарской революции, а углубление фашистской контрреволюции». Троцкий признавал политическую индифферентность значительной части населения Германии, «озлобленную пассивность» масс, их добровольное вступление в нацистские организации. Вопреки коммунистическим догмам по поводу авангардной революционной роли пролетариата, он пришел к выводу, что факт «массового перехода под знамя со свастикой является непререкаемым свидетельством чувства безысходности, охватившего пролетариат. Реакция проникла в кости революционного класса. Это не на один день… Для мирового пролетариата германская катастрофа и роль в ней Коминтерна неизмеримо важнее, чем всякие организационные маневры, конгрессы, уклончивые заявления, дипломатические соглашения и проч. Исторический суд над Коминтерном произнесен. Апелляции на приговор нет»[341].

Не призывая к разрыву с Коминтерном и ВКП(б), не ставя вопрос о создании 4-го Интернационала и параллельных коммунистических партий, Троцкий в марте 1933 г. пришел к мысли о необходимости образования новой компартии в Германии. В статье, датированной 14 марта и озаглавленной «Трагедия немецкого пролетариата: немецкие рабочие поднимутся, сталинизм никогда!»[342], Троцкий писал о

«развалинах Коминтерна» и прежде всего о распаде немецкой компартии. Коммунисты «растеряны, распылены, деморализованы. Они отучены от самостоятельности гнетом аппарата», — утверждал Троцкий. Он несколько отделял судьбу компартии Германии от судьбы коммунистического движения в целом, считая, что только будущее покажет, в какой мере трагический опыт Германии послужит уроком для компартий других стран. Что же касается самой Германии, то там официальная компартия обречена: «Под страшными ударами врагов передовым немецким рабочим предстоит строить новую партию. Большевики-ленинцы отдадут этой работе все свои силы», — заключал Троцкий.

Вслед за этой статьей следовали еще два документа в пользу создания новой немецкой компартии: статья «КПГ или новая партия» от 29 марта и статья «Крушение германской компартии и задачи оппозиции» от 9 апреля[343]. Не содержа принципиально новых оценок, статьи давали дополнительную аргументацию против тех, кто ставил под сомнение требование о разрыве со старой (сталинской) КПГ: «Нелегальный аппарат, подвешенный к Мануильскому-Сталину, ничего, кроме новых бедствий, принести германскому пролетариату не сможет. Это надо сказать открыто и безотлагательно именно для того, чтобы спасти сотни и тысячи революционеров от бесплодной растраты сил», — заявлял Троцкий. Понятно, что его призыв к созданию новой компартии в Германии был поддержан пленумом Интернациональной левой оппозиции, состоявшимся в мае 1933 г.[344]

Поставив в повестку дня задачу создания своей партии в Германии, Троцкий, однако, еще несколько месяцев оттягивал открытый разрыв с немецкой компартией и ее руководством. Американский исследователь Дж. Арч Гетти полагает, что за странной медлительностью в эти месяцы скрывалась последняя попытка Троцкого возвратиться в кремлевское руководство. Именно этим Арч Гетти объясняет, что между серией публикаций в «Бюллетене оппозиции» в марте по поводу новой германской компартии и заявлениями в июле о том, что Коминтерн мертв, а бюрократический режим в СССР может быть свергнут только силой, прошло долгих четыре месяца. Автор обосновывает это тем, что именно после призыва к созданию новой германской компартии, но до заявления о полном разрыве с ВКП(б) и Коминтерном Троцкий направил Политбюро ЦК ВКП(б) секретное письмо, в котором, имея в виду неизбежную, по его мнению, хозяйственную катастрофу в СССР, обращался к «чувству ответственности» советских иерархов, призывая их использовать поддержку оппозиции и свое возвращение в партию с

обязательством воздерживаться от критики[345]. Не получив ответа, Троцкий 13 мая сделал заявление для прессы и передал журналистам текст своего секретного письма в Политбюро[346].

По мнению Дж. А. Гетти, предложение Троцкого о возвращении в СССР для конструктивной работы носило серьезный характер и в СССР Троцкий планировал опереться на созданный оппозиционерами тайный антисталинский блок[347]. В противовес мнению американского историка, составители собрания сочинений Троцкого на английском языке, сторонники Троцкого, полагают, что письмо в Политбюро имело задачу проинформировать советское руководство о том, что изменение позиции Троцкого в отношении КП Г не означало отказа от поддержки Троцким ВКП(б), Советского государства и Коминтерна в целом[348]. Обе эти точки зрения интересны, но не кажутся бесспорными. Означает ли это, что Троцкий рассчитывал вернуться в СССР, восстановиться в партии, занять какие-то руководящие посты и мирно работать во имя мировой революции?

Троцкий отлично сознавал крайнюю слабость, фактическую беспомощность оппозиции в СССР. Публично он оценивал в 1932 г. положение «русской секции» как подъем, но это были пустые слова, предназначенные только для агитационных целей и ободрения малоинформированных зарубежных единомышленников. В СССР действительно было несколько тысяч человек, являвшихся либо бывшими (и отрекшимися), либо реальными (но тайными или репрессированными) последователями Троцкого. «Русская секция», как таковая, не существовала, хотя в нескольких письмах, полученных из СССР осенью 1932 г. по нелегальным каналам[349], содержались оптимистические прогнозы, которые, казалось бы, свидетельствовали об усилении в СССР оппозиционных настроений. В частности, один из корреспондентов сообщал из Москвы об эволюции молодежи в сторону оппозиции и в то же время о ее недовольстве «одними теоретическими рассуждениями» оппозиционеров, о том, что они желают «организационного оформления». В письме говорилось также о желании найти некий «новый путь», чтобы не повторять ошибок прежней оппозиции, о притоке новых людей, ранее с оппозицией не связанных[350].

К такого рода сообщениям и оценкам необходимо подходить крайне осторожно. Во-первых, сообщались они сторонниками Троцкого, которые еще не капитулировали, а для них было свойственно приукрашивать реальное положение вещей. Во-вторых, из писем было видно, что дальше «кухонных разговоров»

недовольство не шло. В-третьих, ни один из ранее активных и известных оппозиционеров в корреспонденции не упоминался, и было очевидно, что о возобновлении деятельности старой гвардии говорить не приходится. Наконец, все эти письма могли быть организуемыми по линии НКВД оперативными мероприятиями, провокациями. Тем не менее Троцкий воспринимал полученные сведения как позитивный сигнал и неизменно публиковал их в «Бюллетене оппозиции».

В 1932 г. Троцкий направил ряд писем бывшим видным оппозиционерам, втом числе Радеку, Сокольникову и Преображенскому. Содержание этих писем не известно (в архиве Троцкого сохранились лишь почтовые квитанции, что крайне странно, так как Троцкий внимательно следил за тем, чтобы копии писем оставались в его распоряжении)[351]. Крайне странно и то, что письма отправлялись по почте, хотя Троцкому было отлично известно, что за всеми бывшими оппозиционерами, какие бы высокие посты они потом ни занимали, велось непрерывное наблюдение со стороны НКВД. Понятно, что Радеку, Сокольникову и Преображенскому Троцкий написал посланные по открытым каналам письма, копии которых постыдился оставлять для потомства в своем архиве. Эти тексты, очевидным образом носившие провокационный характер, предназначались для перехвата советскими спецслужбами. Было ли это местью Троцкого за совершенное бывшими оппозиционерами «предательство» или издевкой над нынешним советским руководством? На эти вопросы ответить можно было бы, лишь ознакомившись с содержанием не дошедших до нас писем.

Вскоре после этого побывавший в Берлине бывший оппозиционер Э.С. Гольцман[352] передал Троцкому через Седова предложение И. Н. Смирнова и других бывших соратников о создании тайного оппозиционного блока бывших участников объединенной оппозиции, членов группы В.В. Ломинадзе, проводивших тайные антисталинские собрания, и других недовольных членов партии. Троцкий одобрил эту идею и считал, что блок был действительно образован[353], хотя и не подавал признаков жизни. В том же 1932 г. И.Н. Смирнов, Преображенский и другие бывшие сторонники Троцкого были заключены в тюрьму, Каменев и Зиновьев сосланы за то, что, зная о существовании антисталинской группы Рютина, не донесли о ней властям. Принимая желаемое за действительное, Седов писал Троцкому, что аресты охватили только верхний слой блока, а низовые кадры сохранились[354]. Но это было, скорее всего, сильным приукрашиванием ситуации. Через англичанина Г. Винса Троцкий передал оставшимся в СССР на воле членам блока

письмо[355], однако ответа не последовало.

Из всего этого приходится сделать вывод, что, вопреки мнению Арча Гетти, оппозиционный блок в 1932 г.[356] сформирован не был и к концу 1932 г. Троцкий потерял последние надежды на влияние среди членов ВКП(б). С уважением и почетом его имя упоминалось только среди бывших членов партии, находившихся в заключении и ссылке. Так что к моменту, когда Троцкий писал свое секретное послание в Политбюро, он был прекрасно осведомлен о репрессиях, обрушившихся на бывших оппозиционеров, и не должен был рассчитывать на возможность вернуться в СССР и служить партии в обмен на нереальное (со стороны Троцкого) обещание воздерживаться от критики.

Следует отметить, что это было не первое секретное послание Троцкого в Политбюро ЦК. Первое предыдущее обращение Троцкий написал в Москву 15 февраля 1931 г. по поводу судебной тяжбы с немецким издателем Шуманом. Это дело было связано с отказом Троцкого сотрудничать с издателем и выполнить подписанный с ним ранее договор на издание книги «Моя жизнь», ибо Шуман, как оказалось, напечатал в своем издательстве книгу А.Ф. Керенского, в которой, в частности, утверждалось, что Ленин и Троцкий во время Первой мировой войны были платными агентами германского правительства.

Дело рассматривалось в немецком суде, и организатор Октябрьского переворота посчитал, что советское правительство должно помочь Троцкому очиститься от обвинений бывшего главы Временного правительства России и представить в суд материалы, защищающие честь партии большевиков и ее руководителя Ленина. Оставляя в стороне те вопросы, которые разделяли его и советское руководство, Троцкий завершал свое весьма миролюбивое письмо следующими словами: «Ходом вещей судебный процесс перенесен сейчас в такую плоскость, где единство фронта является для нас совершенно обязательным. Мне нет надобности указывать вам, какими путями вам надлежит вмешаться в дело, чтобы помочь суду выяснить истину. В вашем распоряжении имеются все необходимые печатные и архивные материалы. С другой стороны, берлинское полпредство в курсе всех обстоятельств процесса и может без труда предоставить все необходимые материалы в распоряжение экспертизы и представителя моих интересов, которые явно и очевидно для всех совпадают с интересами партии Ленина. Я буду спокойно ждать действий, которые вы сочтете себя обязанными предпринять»[357].

На это послание Сталин наложил собственноручную резолюцию: «Думаю, что господина Троцкого, этого пахана и

меньшевистского шарлатана, следовало бы огреть по голове через ИККИ. Пусть знает свое место»[358].

Троцкий действительно «спокойно ждал» затем почти десять лет, пока Сталин не сумел «огреть» его «по голове через ИККИ», то есть руками завербованного НКВД иностранного коммуниста. Конечно, ни в 1931, ни в 1933 г. Троцкий не мог знать о резолюции Сталина, которая оставалась совершенно секретной. Но должен ли он был ожидать чего-то другого от кремлевского горца? В конце концов, возвращение в СССР означало бы в том числе и полный крах Троцкого как лидера международной левой оппозиции, а это в 1933 г. было для него совершенно немыслимо. Зачем же в таком случае было послано злосчастное письмо?

Цель письма состояла только в одном: в стремлении продемонстрировать свою добрую волю и готовность к единению и советским лидерам, и сторонникам Троцкого в СССР и за границей, и беспристрастным наблюдателям на Западе, и даже потомкам. Троцкому важно было показать, что действительным виновником окончательного разрыва была не международная левая оппозиция, а советское руководство и именно оно будет теперь ответственно за триумфальное шествие национал-социализма в Европе. Иначе говоря, письмо было тактическим ходом, заранее рассчитанным на безусловный отказ и гробовое молчание со стороны Сталина. Последующая публикация Троцким своего «секретного» документа была задумана в день его написания. Это был хороший журналистский прием опытного политика: написать «секретный» текст, выждать несколько месяцев и передать материал с грифом «Секретно» «избранным» и «дипломатам». Обо всем это свидетельствовало сопроводительное письмо Троцкого от 3 мая 1933 г., адресованное троцкистам: «При сем препровождается несколько копий секретного письма в Политбюро. Так как законный срок прошел, то письмо перестает быть секретным, хотя и не предназначено для опубликования. Лучше рассылать его «избранным», в том числе и дипломатам (не забыть Коллонтай, [Антонова-]Овсеенко и пр. Я считаю возможным предоставить иностранным товарищам [возможность] цитировать это письмо на собраниях, если им это понадобится. Использованное в таком виде, оно произведет большее впечатление, чем в печатном виде»[359].

Троцкий был совершенно прав. Такой документ производил «большее впечатление», так как ко всему тайному у людей интерес всегда больший, чем к открытому. Читать секретное послание Троцкого в Политбюро нашлось куда больше желающих, чем если бы этот текст был опубликован самим Троцким в его же малотиражных органах.

Только теперь, продемонстрировав всем, кого это интересовало, свое желание вернуться и в СССР, и в ВКП(б), и в Коминтерн — не получив, как и ожидалось, приглашения продолжить переговоры, Троцкий заявил о своей готовности окончательно порвать с Коминтерном и его партиями, приступить к созданию новых параллельных компартий не только в Германии, но и в остальных странах мира; наконец, сформировать новый Коммунистический интернационал — 4-й. 15-м июля была датирована статья, которая за хорошо известной троцкистам подписью «Г. Гуров» была разослана по всем возможным адресам, а вслед за этим под заголовком «Нужно строить заново коммунистические партии и Интернационал» появилась в номере «Бюллетеня оппозиции»[360], почти полностью посвященном новой задаче. Однако еще до выхода этого номера в свет в октябре 1933 г. соответствующее решение было принято очередным пленумом Международной левой оппозиции, состоявшимся в августе в Париже.

Августовский пленум внес также изменения в один из параграфов «Одиннадцать пунктов», включив сформулированное Троцким требование о признании «необходимости создать подлинный Коммунистический Интернационал, способный реализовать выше перечисленные принципы»[361]. В дополнение к этому изменению пленум утвердил обширную отредактированную и в значительной своей части написанную Троцким резолюцию «Международная оппозиция и Коммунистический Интернационал»[362]. Здесь констатировалось и показывалось на ряде примеров, что после смерти Ленина произошло вырождение Коминтерна, что подлинно революционные силы, особенно в связи с катастрофой в Германии, отрекаются от Коминтерна и ориентируются на принципы, сформулированные его первыми четырьмя конгрессами. Теперь группы «большевиков-ленинцев» в отдельных странах должны были рассматривать себя как «эмбрионы» новых компартий, а их объединение ни в коем случае не должно было представлять собой нечто среднее между двумя существовавшими Интернационалами, а явиться новой формацией, которой следовало опираться не только на революционные традиции Коминтерна первых лет его существования, но и на опыт прошедших более чем десяти лет. В соответствии с новой политической ориентацией еще один пленум Интернациональной (Международной) левой оппозиции, состоявшийся в сентябре, принял решение переименовать организацию в «Международную коммунистическую лигу (большевиков-ленинцев)»[363]. Иначе говоря, из ее названия было исключено слово «оппозиция».

3. Скитания по Франции

Описанные события происходили в то время, когда Троцкий неожиданно для самого себя летом 1933 г. получил визу на въезд во Францию. Увенчались успехом многократные ходатайства его французского переводчика Мориса Парижанина, который издавна поддерживал неофициальные отношения с радикальными социалистическими политиками, в том числе с Эдуаром Даладье[364], как раз в это время занявшим пост премьер-министра страны. В это время взаимоотношения между Францией и СССР были напряженными, и советское внешнеполитическое ведомство стремилось к их смягчению. Сталин брал курс на коллективную безопасность и общий отпор возможной «фашистской» агрессии. Советским наркомом иностранных дел Литвиновым, с подачи Сталина, была выдвинута ёмкая пропагандистская формула «мир неделим»; обсуждался вопрос о возможном вступлении СССР в Лигу Наций, которая со времени ее создания всячески проклиналась советской пропагандой как орган империалистических держав, служивший для поддержания их мирового господства.

Правительства Франции и Великобритании не приняли еще взвешенного и окончательного решения о том, как следует относиться к дипломатическим демаршам советского правительства, к его удивительной смене курса. К СССР сохранялось весьма подозрительное отношение, и Сталину давали понять, что на поводу СССР ни Великобритания, ни Франция не пойдут. Так что прием во Франции заклятого врага советского диктатора должен был послужить своеобразным посланием, одним из средств предостережения.

Правда, Троцкого принимали как частное лицо, полусекретно. Согласно взятым им на себя обязательствам он должен был проживать во французской глубинке и не вмешиваться во внутриполитические дела страны; вообще, вести себя смирно. Конечно же никто не сомневался, что вездесущая советская разведка достаточно быстро узнает о его новом местонахождении, но в этом смысле в Турции Троцкому было находиться еще опасней.

При оформлении визы дело несколько осложнилось тем, что в 1916 г., во время Первой мировой войны, Троцкий был выслан из Франции на основании административного решения военного времени за «пацифистскую пропаганду». Тогдашнее решение министра внутренних дел Мальви по всей логике уже через несколько лет утратило силу. В 1922 г. французский министр

Эдуар Эррио, будущий глава правительства, во время посещения Москвы встретился с Троцким в его наркомате и среди прочего спросил, когда тот собирается нанести ответный визит в Париж. Полушутя Троцкий напомнил, что согласно приказу о высылке он не имеет права на въезд на территорию Франции. Эррио рассмеялся: «Кто же теперь об этом вспомнит!»[365] Но оказалось, что юридические бумаги в правовых странах имеют ббльшую силу, нежели слова министра, и это был один из тех случаев, когда французская бюрократическая машина стала преградой на пути международного революционера семнадцать лет спустя. Потребовалось специальное решение S6ret6 generale (службы безопасности Франции) об отмене приказа 1916 г. Оно было принято 4 июля и вручено Троцкому, как только он вступил на французский берег, 24 июля 1933 г.[366]

Троцкий с женой и сопровождавшие их лица совершили на этот раз быстрое, почти безостановочное путешествие по Средиземному морю на итальянском пароходе «Болгария»[367]. Вместе с ними приехали американцы Сара Вебер и Макс Шахтман, находившиеся в это время на Принкипо, и секретари: голландец французского происхождения Хейженоорт и немец Рудольф Клемент[368], который незадолго перед этим прибыл к Троцкому в качестве помощника, но оказался весьма способным учеником и вскоре стал выполнять вполне самостоятельные поручения. Лев Седов к этому времени тоже уже основался во Франции: после прихода нацистов к власти в Германии он переехал в Париж и перенес туда издание «Бюллетеня оппозиции».

Во французских газетах, узнавших о предстоящем прибытии Троцкого в страну, строилось много догадок о том, почему Троцкий избрал псевдоним Седов. Французы не знали, что именно под этой фамилией Троцкий был выслан из СССР и официально проживал на территории Турции в течение четырех с половиной лет. Изначально предполагалось, что Троцких поселят на Корсике. Однако этот план был затем изменен. Пароход взял курс на Марсель. Чтобы избежать столкновения с возможными демонстрациями протеста, организованными, с одной стороны, просоветски настроенными коммунистами, а с другой — французскими правыми (Троцкий боялся еще и протестов «белоэмигрантов»), по договоренности с местными властями пароход остановил при подходе к Марселю примерно в 15 километрах от порта в районе Кассиса, и Троцкий со своими спутниками пересел на моторную лодку, нанятую Седовым и его помощниками[369]. Этот конспиративный замысел увенчался успехом с одним осложнением: владелец моторной лодки

заподозрил неладное. Узнав, что несколько молодых людей не очень богатого вида собираются выйти на его лодке в открытое море, к тому же без дам, хозяин передумал давать Седову лодку; и только прибывшие сотрудники Siiretd generale, разъяснившие ситуацию, спасли положение[370]. В результате Лев-младший, Р. Молинье и сотрудник французской службы безопасности приняли путешественников на борт моторной лодки, причалившей к пароходу; незаметно доставили их в Кассис, а оттуда в местечко Сан-Пале, недалеко от прибрежного города Ройана. Это место было избрано не только по согласованию с французским министерством внутренних дел, но еще и по рекомендациям властей[371].

Тем временем газета французских коммунистов «Юманите» развернула ожесточенную кампанию против приезда Троцкого. Секретарь ЦК партии Жак Дорио[372] опубликовал в газете истерическую статью о том, что правительство «радикал-фашиста» Да-ладье готовит войну против СССР и допуск Троцкого в страну является наиболее убедительным тому доказательством[373]. На бытовом уровне тоже возникало много неприятностей. Уже в первый день нахождения в Сен-Пале Молинье арендовал для Троцких небольшую виллу на берегу моря в устье реки Жиронда. Двум «пожилым иностранцам», которые «не знали французского языка» и поэтому не вступали в общение с соседями, пытавшимися с ними познакомиться сразу же по их прибытии, дом очень понравился. Но в первый же день на вилле вспыхнул пожар (как когда-то в Турции). Лев и Наталья укрылись в автомобиле, ожидая, пока пожарные справятся с огнем. Полицейские, видимо, были предупреждены властями, что никаких вопросов вновь приехавшим задавать не следует[374]. «Так или иначе, это — французская гарь, — записал Троцкий в дневник 11 августа. — Турецкая глава жизни отошла в прошлое. Остров Принкипо превратился в воспоминания»[375].

Хотя пребывание Троцкого в Сан-Пале публично не оглашалось, о нем знали многие. Французская Лига не только неофициально сообщала об этом своим сторонникам, но и рекомендовала поездки к Троцкому за советами. В результате Троцкого посещали даже делегации французских рабочих из провинции[376]. Среди посетителей были и зарубежные деятели, причем далеко не полностью разделявшие взгляды гостеприимного хозяина, например секретарь британской Независимой рабочей партии Джон Пэйтон.

Однажды, в начале августа, в доме появился молодой писатель Андре Мальро[377], перед этим проведший несколько лет в Китае, принимавший участие в китайской революции и

написавший романы, сюжетно связанные с революционными событиями в этой стране: «Завоеватели» (1928) и «Удел человеческий» (1933). Первую книгу Троцкий подверг осторожной критике, заметив, что Мальро ничему не научился на опыте китайской революции[378]. Тем не менее он рекомендовал американским издателям Саймону и Шустеру опубликовать роман «Завоеватели», который «не хочет быть только произведением словесного мастерства. Он ставит большие проблемы человеческой судьбы… Мальро в последнем счете индивидуалист и пессимист. Подобное ощущение мира и жизни мне психологически чуждо, чтобы не сказать враждебно. Но в пессимизме Мальро, поднимающемся до отчаяния, заложено героическое начало», — писал Троцкий[379].

Мальро гостил у Троцких два дня (ночуя в гостинице) и остался о Троцком очень высокого мнения, хотя политически был теперь далек от троцкизма[380]. Беседы шли о судьбах искусства в СССР после Октябрьской революции, проблемах индивидуализма и коллективизма, о причинах поражения Красной армии в Польше в 1920 г., о возможности войны между СССР и Японией. Живо обсуждалось творчество модного в то время французского писателя Луи-Фердинанда Селина. Хорошо знавший этого автора Мальро смешно копировал его жесты и манеру разговора. Переходя к философствованию, Мальро заявил, что, даже если коммунизм выполнит свои обещания по отношению к жизни на земле, он останется беспомощным перед лицом смерти. На это поддержавший его философический настрой Троцкий ответил, что для человека, сумевшего сделать на земле то, к чему он стремился, смерть становится чем-то совсем простым[381]. Так или иначе, но личные качества Троцкого произвели на писателя весьма глубокое впечатление, хотя самого его, в отличие от Троцкого, метало из стороны в сторону. Через год, когда Мальро принимал участие в съезде писателей СССР и был приглашен на банкет, происходивший на даче Горького, в ответ на язвительную реплику Радека о том, что «товарищ Мальро остается писателем мелкобуржуазным», он поднял тост «за здоровье человека, отсутствующего здесь, но чье присутствие ощущается здесь постоянно, — за здоровье Льва Давидовича Троцкого». Скандальный тост Мальро как бы не услышали. Последовало долгое неловкое молчание. Мальро рассказывал позднее, что на банкете писателей он подвергся «бешеным нападкам» по поводу своего выступления против высылки Троцкого из СССР, что нападки исходили от писателей третьего ряда, но что «киты» в основном молчали[382]. Чуть позже Мальро энергично выступил в поддержку народного фронта и советской внешней политики, в

частности — во время испанской Гражданской войны, в которой он командовал боевой воздушной эскадрильей республиканцев. Он отказался осудить сталинский террор в СССР, заявив, что не намерен вмешиваться в конфликт Сталина и Троцкого. На позиции умеренного сталиниста тоже долго не оставался и во время Второй мировой войны активно участвовал в движении Сопротивления во Франции, стал верным сторонником генерала Шарля де Гол-ля и даже занимал пост министра культуры в правительстве де Голля в конце 50-х — 60-х гг. Умер он в 1976 г. Создается впечатление, что художественную натуру Мальро привлекали не идеи, а их сильные носители — Троцкий, Сталин, де Голль…

Казалось, что тихая провинциальная жизнь, к которой Троцкий почти привык в Турции, продолжится теперь и во Франции. Лев Давидович даже приобрел двух собак по кличкам Бенно и Стелла, с которыми надеялся в скором времени отправиться на охоту. Однако с каждым днем он все более чувствовал, что жить во Франции, но пребывать в отрыве от центра политической жизни — Парижа — он не в состоянии. Он всячески стремился перебраться в столицу или хотя бы в ее окрестности.

В Сан-Пале Троцкие жили до октября 1933 г., затем две недели провели в деревушке Багнере-де-Бигорр в Пиренеях. Видимо, в это время, а возможно, и несколько ранее Троцкий сбрил свою знаменитую бородку, а волосы причесал по-иному, с пробором, считая, что таким образом серьезно изменил свою внешность, замаскировался. Хейженоорт, впрочем, с немалым беспокойством указывал, что первый же прохожий узнает в нем Троцкого: «Невозможно изменить этот взгляд»[383]. Разумеется, здесь было немалое преувеличение: «первый же прохожий» не очевидно слышал о Троцком, если и слышал, то вряд ли ожидал встретить его на улице и уж тем более не мог узнать его по острому «взгляду». Но любые случайные и непредвиденные встречи исключить было невозможно.

С 1 ноября Троцкие находились в небольшом городке Барбизоне вблизи Парижа, на окраине лесного массива Фонтенбло, в живописной местности, которая привлекала многих художников. В живописи возник даже термин «барбизонская школа». Здесь работали выдающиеся художники Теодор Руссо, Констан Тройон, Шарль Добиньи и другие. Но ни природа, ни мастерство живописцев Троцкого не вдохновляли. Как был он политическим человеком, так им и оставался. Искусство интересовало его лишь как средство воздействия на массы. Ни в дневнике, ни в письмах о барбизонской школе нет ни одного

упоминания. Важным для него было то, что он теперь находился поблизости от Парижа.

Все перемещения проводились с ведома министерства внутренних дел. С ведома местных властей Троцкий имел возможность примерно раз в две недели инкогнито ездить в Париж для встреч с руководителями Французской коммунистической лиги и другими деятелями. Так, в начале февраля 1934 г. в Париже состоялась встреча с Навиллем, Глоцером и левым деятелем Бельгийской рабочей партии Полем-Анри Спааком, который ранее приезжал в Сан-Пале и в это время в какой-то степени тяготел к сотрудничеству с троцкистами[384].

В сентябре — начале октября 1933 г. Наталья Ивановна чуть более месяца находилась в Париже на лечении. У нее мучительно болели руки. Происхождение болезни врачи не могли установить и поэтому назначали только симптоматическое лечение. Она бродила по городу, вспоминая прошлое. Ведь Париж был тем городом, где она познакомилась со своим будущим мужем, где они часто бывали затем и жили в начале Первой мировой войны. В нежных письмах, называя своего мужа «Львеночек», Наталья не только рассказывала о своих впечатлениях и самочувствии, но и размышляла о пройденном пути. В первом же письме, отправленном в Барбизон, говорилось: «Огромная разница в себе, в том, что было и есть — молодость и старость.

Печально и жутко немножко, и тихо-радостно, что оказалась возможность все снова увидеть, но как все воспринимается иначе с болью невозможности прежних переживаний»[385].

Наталью Ивановну утешало, что она могла в течение этого месяца чаще видеться с сыном, но у нее сложилось впечатление, что он «какой-то задерганный, нервный». При этом ей никак не приходила в голову мысль, что главную ответственность за это нес отец, дававший Льву непосильные задания, которые тот стремился во что бы то ни стало выполнить.

И Наталья, и сын относились к Льву Давидовичу с обожанием. В письме от 25 сентября говорилось, что, возвратившись от отца, Лева говорил ей: «Папа такой хороший», «Папу надо беречь». Да и сама Наталья очень волновалась о здоровье мужа, пожалуй даже несколько преувеличенно. Она писала: «Отсутствие вкуса даже к охоте и воспоминание о Принкипо говорят о крайней степени твоего переутомления», «Милый мой, ты предъявляешь к себе сверхчеловеческие требования и считаешь старостью то, чему в действительности надо поражаться, что ты можешь *выносить* на своих плечах *столько*.»[386]. Из писем видно, что Наталья заботилась о своем супруге, как о малом ребенке. Он же воспринимал заботу как

нечто естественное, как необходимое условие плодотворного занятия той деятельностью, которой он себя посвятил.

Троцкий не считал супружескую верность коммунистической добродетелью, и у него были многочисленные, хотя и кратковременные любовные связи. Тем не менее нежное чувство к Наталье он пронес через всю жизнь. В дневнике периода пребывания во Франции, в котором политические впечатления перемежались с сугубо интимными заметками, как-то появилась запись мемуарного характера о первых месяцах знакомства будущих супругов: «Однажды мы целой группой гуляли где-то на окраине Парижа, подошли к мосту. Крутой цементный бык спускался с большой высоты. Два небольших мальчика перелезли на быка через парапет моста и смотрели сверху на прохожих. Н[аташа] неожиданно подошла к ним по крутому и гладкому скату быка. Я обомлел. Мне казалось, что подняться невозможно. Но она шла на высоких каблуках своей гармоничной походкой, с улыбкой на лице, обращенной к мальчикам. Те с интересом ждали ее. Мы все остановились в волнении. Не глядя на нас, Н[аташа] поднялась вверх, поговорила с детьми и так же спустилась, не сделав на вид ни одного лишнего усилия и ни одного неверного движения»[387].

Так сохранился этот эпизод в памяти Троцкого, так важно было ему сберечь в своем сознании и в своем сердце молодую Наталью через тридцать с лишним лет, когда она уже не могла подняться, как альпинистка, по крутому и скользкому подъему моста.

В середине апреля 1934 г. случайное происшествие сделало пребывание Троцкого в Барбизоне общеизвестным. Дело в том, что министерство внутренних дел дало Троцкому разрешение на проживание вблизи столицы только при непременном условии, что Троцкий будет соблюдать конфиденциальность. Местная администрация Барбизона не была поставлена в известность о том, что представляет собой иностранец, зарегистрировавшийся под фамилией Седов. Обычно связь с Парижем поддерживалась через Рудольфа Клемента, который ежедневно на мотоцикле покрывал довольно большие расстояния, чтобы отвезти письма Троцкого, забрать поступавшую на его имя корреспонденцию и привезти свежие газеты. Однажды Клемента, уже подъезжавшего к дому, где проживала вся компания, остановил полицейский, заметивший, что фонарик на его мотоцикле вышел из строя. Человек обычно твердый и находчивый, Клемент на этот раз растерялся, отказался назвать свой домашний адрес, вступил в пререкания со стражем порядка и в результате был препровожден в полицейский участок, где продолжал упорствовать. В итоге

Клемента задержали для установления личности на ночь, но продержали в полиции 36 часов, подозревая в нем опасного преступника. Обращались с ним грубо, надели наручники, давали зуботычины. Мотоцикл тем временем был украден прямо у полицейского участка[388].

Троцкие были крайне взволнованы исчезновением своего сотрудника. Но на следующее утро исчез еще один секретарь Троцкого, отправившийся в магазин. Оказалось, что жандармерия, заподозрив, что в Барбизоне скрывается какая-то банда, устроила за подозрительным районом слежку, выставила засаду и получала новую добычу в лице второго сотрудника Троцкого. В результате оба задержанных вынуждены были назвать место своего жительства и сообщить, что с ведома министерства внутренних дел на вилле инкогнито проживает важный иммигрант. Не поверив сообщению и сочтя его уловкой «преступников», не связавшись с министерством, местные ретивые жандармы со злобно рычавшими собаками вторглись в дом в сопровождении жаждавших сенсаций корреспондентов газет. Троцкий был вынужден раскрыть свое инкогнито, и на следующий день французская, а за ней и зарубежная пресса распространила сенсационную новость о том, что Барбизон оказался колыбелью мировой революции. В Барбизон даже приехал прокурор Французской республики, удостовериться, что Седов — действительно Троцкий[389].

В марте 1935 г. Троцкий записал в дневник: «Вот уже скоро год, как мы подверглись атаке власти в Барбизоне. Это было самое комичное qui pro quo[390], какое только можно себе представить»[391]. Но комичного в этом приключении было мало. Власти были крайне раздражены раскрытием места пребывания Троцкого. Со всех сторон — справа и слева — на правительство начался натиск. С требованием изгнать Троцкого из Франции выступило полпредство СССР в Париже. Покинув Барбизон 16 апреля, Троцкие с ведома властей инкогнито провели несколько дней в Париже, а затем братья Молинье организовали переезд Троцких в крохотный отель на швейцарской границе. Здесь тоже Троцкие были узнаны и вынуждены были буквально спасаться бегством от любопытных. Несколько дней удалось спокойно провести в местечке Гран-Шартрез на реке Изер (притоке Роны), но и здесь их вскоре узнали журналисты, и Троцкие, в который уже раз, вынуждены были при помощи предприимчивых братьев Молинье поменять место жительства, перебравшись в окрестности Гренобля. После этого беглецы были устроены в доме учителя начальной школы М. Бо, который, хоть и был поставлен в известность о том, кого он будет укрывать, согласился

предоставить свое жилье. Более того, к радости Троцкого оказалось, что и сам Бо, и некоторые его коллеги по школе и профсоюзу учителей сочувствуют идеям Троцкого, в результате чего состоялось даже несколько дружеских встреч. Когда же в Гренобле происходил съезд Объединенной федерации учителей, Бо пригласил к себе домой нескольких «надежных» делегатов предъявить им «живого Троцкого», и те с большим интересом задавали великому революционеру вопросы и дискутировали с ним.

В доме Бо Троцкие провели около десяти месяцев[392]. Затем власти пришли к выводу, что пребывание Троцкого вблизи Гренобля также нежелательно. В тщетном ожидании, пока какая-нибудь страна предоставит им визу на въезд, Троцкий с женой вынуждены были провести еще несколько месяцев в альпийской деревне Домен. Тем временем политическое положение во Франции продолжало резко обостряться. Еще в начале февраля 1934 г. в Париже произошла воинственная демонстрация крайне правых организаций, за которой последовали массовые выступления левых сил. Под влиянием усиления позиций Гитлера в Германии и выступлений правых во Франции коммунистические и социалистические лидеры стали подумывать об установлении единого фронта. Началось прощупывание почвы. Несколько позже к их политическим переговорам присоединились радикал-социалисты. Во Франции зарождалось движение, которое было названо Антифашистский народный фронт.

Происходили и внешнеполитические сдвиги. 2 мая 1935 г. был подписан советско-французский договор о взаимопомощи — о возможных совместных действиях в борьбе против агрессии, причем под агрессором подразумевалась прежде всего Германия. На фоне советско-французского сближения Троцкий становился весьма нежелательной фигурой как для сторонников, так и для противников Народного фронта. В конце концов министр внутренних дел М. Сарро отдал распоряжение о высылке Троцкого из Франции. Однако отдать приказ было намного легче, чем его выполнить, так как ни одно из правительств как соседних, так и отдаленных стран не желало впускать автора концепции перманентной революции, в связи с чем Троцкому объявили, что впредь до высылки из страны он будет проживать под строжайшим наблюдением французской политической полиции.

Для переговоров с местными властями обычно использовался Анри Молинье, брат Раймона Молинье, член французской организации последователей Троцкого. Он был отставным офицером, занимался бизнесом, имел вид преуспевающего дельца, был весьма предприимчив и потому удобен для контактов

с представителями государства. Как-то в дневнике Троцкого появилась запись: «У меня снова открылся вчера болезненный период. Слабость, легкое лихорад(ное) состояние, чрезвычайный шум в ушах. Прошлый раз во время подобного состояния… М[олиньер] был у местного префекта. Тот справился обо мне и, узнав, что я болен, воскликнул с неподдельной тревогой: «Это крайне неприятно, крайне неприятно… Если он умрет здесь, мы ведь не сможем хоронить его под вымышленным именем!» У каждого своя забота!»[393]

С помощью своих секретарей Троцкие нашли заброшенный домик недалеко от Парижа, куда в глубокой тайне переехали. Они не имели права покидать дом и двор, фактически находясь под домашним арестом, и контролеры из Suret6 generate ежедневно появлялись в доме, чтобы удостовериться в том, что Троцкие не нарушают установленного для них режима. «Жизнь наша здесь очень немногим отличается от тюремного заключения: заперты в доме и во дворе и встречаем людей не чаще, чем на тюремных свиданиях, — писал об этом времени Троцкий в дневнике 17 февраля 1935 г. — За последние месяцы завели правда, [радио]аппа-рат TSF, но это теперь имеется, кажись, и в некоторых тюрьмах, по крайней мере, в Америке (во Франции, конечно, нет). Слушаем почти исключительно концерты, которые занимают ныне довольно заметное место в нашем жизненном обиходе. Я слушаю музыку чаще всего поверхностно, за работой (иногда музыка помогает, иногда мешает писать — в общем, можно сказать, помогает набрасывать мысли, мешает их обрабатывать). Н[аталья) слушает, как всегда, углубленно и сосредоточенно»[394]. Писалось это в то время, когда на семью Троцких обрушился новый тяжкий удар. В ночь с 3 на 4 марта 1935 г. в Москве был арестован их младший сын Сергей.

4. Арест Сергея Седова

Арест Сергея произошел в условиях умышленно нагнетаемой Сталиным истерии, последовавшей после убийства 1 декабря 1934 г. секретаря Ленинградского обкома партии Кирова. Обстоятельства этого убийства до конца не выяснены и по настоящее время. Скорее всего, убийца Кирова Л.В. Николаев не был агентом НКВД. Вероятно, убийство явилось результатом ревности Николаева, чья жена Мильда Драуле, работая в обкоме, стала одной из любовниц Кирова, весьма падкого на прекрасный пол[395]. По политическим последствиям этот случай был похож на февральский 1933 г. поджог здания рейхстага в Берлине. Поджог был совершен одиночкой — Маринусом ван дер Лёббе (в литературе его фамилия часто передается как ван дер Люббе) [396], но был весьма эффектно использован Гитлером для усиления власти и установления однопартийной системы в Германии. Точно так же убийство Кирова стало той отправной точкой, от которой оттолкнулся Сталин в развязывании Большого террора и создании в СССР атмосферы всеобщего страха.

Сергей Львович Седов почти не интересовался политикой. Отец писал, что он «повернулся спиной к политике лет с 12-ти: занимался гимнастикой, увлекался цирком, хотел даже стать цирковым артистом»[397]. В 16 лет он ушел от родителей, чтобы не чувствовать себя связанным проживанием в Кремле, подальше от политических баталий в верхах. Повзрослев, Сергей проявил серьезный интерес к технике. Он окончил Московский механический институт имени Ломоносова, стал заниматься теплотехникой, двигателями внутреннего сгорания. Совместно с коллегами, двумя видными специалистами того времени, он опубликовал монографию, которая получила высокую оценку профессора В.И. Сороко-Новицкого, написавшего к ней предисловие[398].

Сергей работал преподавателем в Московском авиационном институте и по совместительству в Дирижабельном учебном комбинате[399]. В то же время он проявлял серьезный интерес к литературе, особенно западной. Брат его супруги через много лет вспоминал о нем как о «технаре с гуманитарными склонностями»: «Весь его облик был настолько далек от всяких ассоциаций с неистовым организатором Красной армии, каковым я привык считать Троцкого с детства, и тем более со злейшим врагом советского народа, каковым его считали вокруг, что в такое почему-то не хотелось верить»[400]. Сергей чувствовал в последние недели, что над его головой сгущаются тучи. Он писал

своей матери в конце 1934 или в самом начале 1935 г.: «Дома у меня обстановка такая, что и рука не поднимается ее описывать. Да и не стоит этого делать. На службе у меня тоже начались какие-то неприятности, пока еще в виде слухов, чем кончится — не знаю. Хотя тон моего письма и получается довольно мрачным, но настроение у меня не упадническое. Уповаю на будущее»[401].

Обыск, произведенный в комнате, где проживали совместно Сергей, его первая жена Ольга Эдуардовна Гребнер и его вторая жена Генриетта Михайловна Рубинштейн (таковы были жилищные условия Сергея: он не имел возможности разменять свою жилплощадь, чтобы отселить первую жену), показал пришедшим к нему сотрудникам НКВД, что Сергей, при всем своем пренебрежении политикой, сохранял не только глубокую любовь к своему отцу, но и уважение к его политическим взглядам и деятельности. Согласно протоколу обыска в Главное управление государственной безопасности (ГУГБ) НКВД, занимавшееся в СССР и за границей политическими делами, было доставлено: «1) Большое количество рукописей, рукописных материалов и печатных материалов Льва Давыдовича Троцкого, являющихся по заявлению арестованного Седова архивом Троцкого, охватывающим период 1918–1927 год (даты приблизительные). 2) Личная переписка [Сергея] Седова с Троцким в том числе и телеграммы, во время пребывания Троцкого в Алма-Ате и за границей. 3) Большое количество разных фотоснимков Троцкого. 4) Записные книжки и адреса, записанные Седовым. 5) Гнусный контрреволюционный пасквиль, обнаруженный в красной папке, в которой хранились разные вышивальные рисунки. Папка лежала в чемодане. 6) Клинок, грамота ЦИК СССР о награждении Троцкого орденом Кр[асного] Знамени, штык и именной нож Троцкого»[402].

По невнимательности, нерадивости или просто малограмотности энкавэдэшники не забрали книгу «Освобожденный Дон Кихот» с дарственной надписью «Дорогой Лев Давидович! Очень прошу об отзыве, хотя бы по телефону. *А. Луначарский*» (это была прекрасно изданная в 1922 г. пьеса Луначарского, который пытался поставить героя Возрождения в современные условия и придать его образу сугубую политическую актуальность) и треугольный штамп «Личная библиотека председателя Реввоенсовета», которые так и остались в семье сына Троцкого в качестве драгоценных реликвий[403].

Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 14 июля 1935 г. Сергей получил, казалось бы, сравнительно мягкий приговор — пять лет исправительно-трудовых работ в концентрационном лагере на Соловках. Вслед за этим, 20 июля,

наказание ему было еще более смягчено: он был сослан в Красноярск на тот же срок[404]. Несколько позже вторая жена Сергея Генриетта вместе с крохотной дочерью Юлей была отправлена в ссылку на Крайний Север, в поселок Ягодное в 542 километрах к северу от Магадана[405], причем Троцкие не имели никаких достоверных сведений о том, что происходит с их младшим сыном после последнего адресованного матери письма, полученного в начале 1935 г. Но они понимали, что происходит что-то неладное. Записи в дневнике Троцкого, который в феврале — сентябре 1935 г., он вел исправно, свидетельствовали о том, насколько были обеспокоены родители. 2 апреля 1935 г. Троцкий записал: «Если его действительно выслали, то исключительно по мотивам личной мести: политических оснований не могло быть!» На следующий день Наталья сказала ему обреченно: «Они его (Сергея) ни в коем случае не вышлют, они будут пытать его, чтоб добиться чего-нибудь, а затем уничтожат». 4 апреля записал: «Все текущие «мизерии» личной жизни отступили на второй план перед тревогой за Сережу, Александру] Л [ьвовну], детей». Запись от 5 апреля: «Н[аташу] томит мысль о том, как тяжело чувствует себя Сережа в тюрьме (если он в тюрьме), — не кажется ли ему, что мы как бы забыли его, предоставили собственной участи». Запись от 10 апреля: «О Сереже никаких вестей и, может быть, не скоро придут. Долгое ожидание притупило тревогу первых дней»[406].

Весной 1935 г. в Москве побывала А.К. Клячко, которая пыталась узнать о судьбе Сергея. Никаких сведений она не получила, зато ей предложили немедленно покинуть советскую столицу[407]. В июльском номере «Бюллетеня оппозиции» появилось проникнутое болью письмо Седовой о Сергее[408]. Она рассказывала о его жизненном пути, была уверена, что Сергей арестован по указанию Сталина из мести Троцкому. Призывая создать международную следственную комиссию, Наталья писала, что «при молчании и безнаказанности мстительные действия Сталина могут скоро принять непоправимый характер», иными словами, она считала, что без протестов мировой общественности Сергея непременно убьют. Вскоре появилось еще одно письмо Седовой, в котором сообщалось, что на протяжении последних месяцев она посылала небольшие денежные суммы жене Сергея. Однако 6 ноября Норвежский кредитный банк, через который направлялись переводы, известил, что «получатель не мог быть найден по указанному адресу»[409].

Троцкий считал, что письмо Натальи нужно послать Ромену Роллану, Андре Мапьро и другим «именитым друзьям» СССР[410], оправдывавшим советскую политику и Сталина. Лакейству

Ролдана, потерявшего «остатки стыда» и посетившего в 1935 г. Сталина, Троцкий посвятил отдельную статью: «Ромэн Роллан выполняет поручение», опубликованную в «Бюллетене оппозиции»[411]. Троцкий просил Льва Седова организовать перевод этой статьи на немецкий и французский языки и разослать, «куда можно»[412]. В ней разоблачались и высмеивались фантастические измышления писателя, стремившегося угодить Сталину и по той причине, что в СССР проживали родственники его русской жены М.П. Кудашевой, и во имя больших тиражей, которыми издавались в Советском Союзе произведения Роллана, и гонораров, выплачиваемых за эти издания.

Глава 4. НОРВЕГИЯ

1. Норвежское затворничество

В мае 1935 г. у Троцкого появились туманные перспективы переезда в другую страну. Пришедшее к власти правительство Рабочей партии Норвегии, входившей в Лондонское бюро независимых социал-демократических партий, объявило о своей приверженности принципу принятия на своей территории политических беженцев, считая его неотъемлемой частью демократического строя. Нельзя сказать, что Троцкий хотел покинуть Францию. Но его страшила перспектива высылки в одну из французских колоний, причем даже не в Северную Африку, а куда-нибудь дальше[413]. Поэтому он дал согласие своим представителям на переговоры с норвежским правительством.

25 мая Лев Седов письмом известил отца, что Крукс может готовиться к отъезду. Имя Крукс Троцкий иногда использовал в качестве псевдонима. Наступал очередной «праздник вечного новоселья»[414]. Нужно было собираться переезжать в Норвегию. В разгар подготовки к переезду произошло событие, которое, наверное, не могло не вызвать улыбки даже у такого серьезного и в последние месяцы в основном скорбящего Троцкого: он получил предложение из Шотландии от студентов Эдинбургского университета, представлявших молодежь «всех оттенков политической мысли», как было написано в письме, выдвинуть свою кандидатуру на должность ректора этого высшего учебного заведения. Слегка ошарашенный, Троцкий какое-то время обдумывал, как ему поступить. Избрание на столь высокий и независимый пост теоретически открывало ему двери по крайней мере в Великобританию. Но, трезво оценив, что это экстравагантное предложение не может быть реализовано и избран он конечно же не будет, Троцкий ответил отказом, боясь еще и того, что поражение на выборах будет использовано в пропагандистских целях его противниками. В хитровато дипломатичном ответе, направленном 7 июня 1935 г., говорилось: «Я лично занимаю слишком определенную политическую позицию: вся моя деятельность с юных лет посвящена революционному освобождению пролетариата от ига капитала. Никаких других заслуг у меня нет для занятия ответственного поста. Я считал бы поэтому вероломным по отношению к рабочему классу и нелояльным по отношению к вам выступить на какое бы то ни было публичное поприще не под большевистским знаменем. Я не сомневаюсь, что вы найдете кандидатуру, гораздо более отвечающую традиции вашего университета»[415].

8 июня к Троцкому приехал Хейженоорт, сообщивший, что документы на въезд в Норвегию готовы и ожидают его в Париже. Отъезд был назначен на следующий день. Правда, не было транзитной бельгийской визы, а Троцкие должны были следовать пароходом из Антверпена. Но и тут обошлось без осложнений: правительство Бельгии, хорошо понимая, как настоятельно французские власти стремятся избавиться от Троцкого, не планировало ставить палки в колеса. «Наташа готовит обед и укладывает вещи, помогает мне собирать книги и рукописи, ухаживает за мной, — записал Троцкий 9 июня. — По крайней мере это отвлекает ее несколько от мыслей о Сереже и о будущем. Надо еще прибавить ко всему прочему, что мы остались без денег: я слишком много времени отдавал партийным делам, а последние два месяца болел и вообще плохо работал. В Норвегию мы приедем совершенно без средств… Но это все же наименьшая из забот»[416].

Троцкому разрешили остановиться в Париже для получения документов только на один день. Оказалось, однако, что в консульстве Норвегии о документах ничего не знают. А. Молинье связался с Осло. Оттуда сообщили, что документы все еще не заверены и в правительственных кругах в последний момент возникли колебания: не будет ли Троцкий заниматься в Норвегии революционной деятельностью и не возникнут ли трудности в связи с обеспечением его личной безопасности. Следует отметить, что в стране не было троцкистских организаций (первая такая группа появилась в Норвегии только в 1937 г.)[417] и пускать «козу в огород» не все норвежские государственные деятели были готовы.

Французы тоже занервничали. Им стало казаться, что Троцкий их все это время обманывал ради того, чтобы под предлогом получения норвежской визы снова оказаться в Париже. После продолжительного торга Троцкому дали отсрочку на 48 часов. Теперь у него было «целых» три дня для урегулирования проблем с норвежцами. Отсрочка была использована и в политических, и в личных целях. «Квартира почтенного доктора» Розенталя, отца одного из французских троцкистов, юриста Жерара Розенталя, ведшего дела Троцкого во Франции[418], «неожиданно превратилась в штаб фракции большевиков-ленинцев: во всех комнатах шли совещания, приходили новые и новые друзья»[419]. Троцкие, наконец, снова встретились со своим внуком Севой, которого не видели два с половиной года. К этому времени ребенок, которого судьба бросала из одной европейской страны в другую, окончательно забыл русский язык и общался с дедом и бабкой по-французски[420]. 20 июня Троцкий записал в

дневнике с некоторым раздражением: «К рус[ской] книге о трех толстяках[421], которую он прекрасно, запоем читал на Принкипо, он прикасался теперь с неприязнью (книга у него сохранилась), как к чему-то чужому и тревожному. Он посещает франц(узскую) школу, где мальчики называют его Ьоch'ем»[422], т. е. так, как французы с презрением называют немцев.

Тем временем братья Молинье связались по телефону с деятелем Норвежской рабочей партии, редактором влиятельной газеты «Кристианзунд» Олавом Шефло[423], выступавшим за приглашение Троцкого в Норвегию, и с немецким коммунистом-оппозицио-нером Вальтером Гельдом, после прихода Гитлера к власти эмигрировавшим в Норвегию и пользовавшимся поддержкой видных норвежских социалистов. В конце концов виза была оформлена, но, во избежание нападок со стороны правой прессы, всего на шесть месяцев, хотя норвежцы и заверили, что виза будет продлеваться автоматически. Тем не менее, когда представители Троцкого явились в консульство за визой, им сообщили, что при шестимесячной визе Троцкий должен иметь обратную въездную визу Франции, а ее французы конечно же давать отказывались. Ситуация снова грозила стать безвыходной, но после очередного раунда телефонных переговоров с Осло правительство Норвегии перестало настаивать на обратной визе, и почти отчаявшиеся урегулировать вопрос о въезде в Норвегию Троцкие в сопровождении Хейженоорта, Франкеля, французского троцкиста Жана Руса и французского полицейского поездом отправились в Брюссель, а оттуда в Антверпен. На небольшом норвежском пароходе группа двое с половиной суток добиралась до Осло, где в порту была встречена Шефло. 16 июня 1935 г. Троцкий и Седова сошли на норвежский берег.

По требованию властей Троцкий поселился примерно в 60 километрах к северу от Осло, по дороге на Берген. Поездка в столицу на машине занимала около двух часов. На протяжении следующих восемнадцати месяцев он жил в доме левого публициста и члена парламента от Рабочей партии Конрада Кнудсена[424]. Влияние Троцкого на международное коммунистическое движение, и без того слабое, из норвежской дали стало почти незаметным.

Политические неудачи сопровождались значительным ухудшением состояния здоровья. Последние четыре месяца 1935 г. Троцкий находился в основном в постели, причем часть этого времени (с 19 сентября по 10 октября) пребывал в дешевой муниципальной больнице Осло. 29 сентября он записал в дневник внешне нейтральные, но на самом деле трагические слова: «Вот

уже десять дней, как я в госпитале в Осло… Почти двадцать лет тому назад, улегшись на кровать в мадридской тюрьме, я спрашивал себя с изумлением, почему я оказался здесь? И неудержимо смеялся… пока не заснул. И сейчас я спрашиваю себя с изумлением: каким образом я оказался в больнице в Осло? Так уж вышло»[425]. Психическое состояние, в котором он находился, видимо, можно было назвать депрессией. 27 декабря он писал сыну Льву слова, обычно для него не свойственные: «Абсолютно необходимо, чтобы меня не тревожили по крайней мере четыре недели… Иначе я не смогу восстановить свою способность работать. Эта отвратительная ерунда не только лишает меня возможности справиться с более серьезными делами, но приводит меня к бессоннице, повышенной температуре и т. д… Я прошу тебя быть совершенно безжалостным по этому поводу»[426].

На этом унылом фоне большой и неожиданной удачей для Троцкого обернулось освобождение из советских тюрем двух его сторонников, иностранных граждан, которым весной 1936 г. удалось эмигрировать из СССР. Этими спасшимися иностранцами были итальянский подданный, хорват по национальности, член компартии Югославии Анте Цилига[427], в защиту которого выступили представители фашистского правительства Муссолини, и родившийся в Бельгии и ббльшую часть своей жизни проживший во Франции Виктор Серж[428], освобожденный из советских застенок благодаря заступничеству нелюбимого Троцким Ромена Роллана, который ходатайствовал перед Сталиным. Троцкий надеялся, что владевшие несколькими иностранными языками Цилига и Серж станут его верными представителями в европейских государствах, от которых Троцкий снова был отрезан.

Но Троцкого ждали разочарования. Цилига стал убеждать его в необходимости сотрудничать с социал-демократами самых различных направлений, причем не для подрыва этих организаций и поглощения их, а на равных с ними. И хотя Троцкий приложил определенные усилия для публикации воспоминаний и впечатлений Цилиги о пребывании в советских тюрьмах и лагерях[429], на его предложения о блоке с социал-демократами он неизменно отвечал отказами и в конце концов выступил с заявлением о разрыве с ним отношений.

Нечто подобное произошло и с Сержем. Вначале отношения были близкими, тем более что в 1933 г. во время пребывания в ссылке он установил контакт с первой женой Троцкого Соколовской, о встрече с которой рассказал Льву Давидовичу. Однако и Серж полагал, что сектантская тактика Троцкого вредна, что она не принесет успеха в борьбе против сталинизма,

что фронт борьбы нужно расширять. Серж призывал Троцкого пойти на союз со всеми социалистами, от анархистов до правых социалистов. В одном из писем Троцкому он высказывал мнение заключенных ГУЛАГа о том, что позиция Троцкого в 1904 г. против Ленина была правильнее его нынешнего курса. Но из-за собственного меньшевистского комплекса Троцкий был решительно не согласен объединяться в борьбе против Сталина с западноевропейскими «меньшевиками», и взаимоотношения Троцкого и Сержа стали быстро ухудшаться, хотя и не достигли степени полного разрыва[430], как в случае с Цилигой.

Антисоциал-демократические настроения Троцкого всячески поддерживал Лев Седов. С Сержем его отношения не сложились. После первых деловых встреч с Сержем он написал отцу в Норвегию 10 мая 1936 г., что информация Сержа «используется враждебными нам течениями, в частности меньшевиками. Необходимо воздействовать на Сержа»[431]. Казавшиеся перспективными поначалу контакты превратились в обузу, стали рассматриваться

Троцким и его окружением как причинявшие вред «большевикам-ленинцам».

На Троцкого пытались оказать давление и радикальные антисталинисты. Молодой французский социалист, секретарь Сенекой группы Молодежной организации Французской секции рабочего интернационала (СФИО), как официально именовалась Социалистическая партия Франции, Фред Зеллер посетил Троцкого в конце октября 1935 г. и задал Троцкому вопрос, который не задать было трудно, потому что он был на языке у всех: «Почему Вы не использовали огромный аппарат, который был под Вашим контролем [в СССР], чтобы оказать сопротивление?»[432]Иными словами, Зеллер хотел понять, почему Троцкий не отстранил Сталина от власти, опираясь на силу, которая тогда еще была в распоряжении Троцкого. Троцкий отмахивался, затем пытался объяснить Фреду наивность самой постановки вопроса. Наконец он написал статью «Почему Сталин разгромил оппозицию?», предварительно попросив Зеллера дать ему список интересовавших его вопросов. Статья вместе с письмом Зеллера была опубликована в виде передовой «Бюллетеня оппозиции»[433].

В этой статье Троцкий пытался объяснить захват Сталиным власти над партией и страной не качествами соперничавших сторон и личными свойствами руководителей, а социальными причинами. Он указывал, что бюрократия стремилась покончить с потрясениями и революционными войнами (забыв написать, что такие «стремления» были присущи не только «бюрократии», но и

широким массам населения). Он приходил к тривиальному, понятному одним лишь троцкистам выводу, что «правильное руководство… является важным рычагом успехов. Но это вовсе не значит, что руководство может обеспечить победу при всяких условиях. Решает в конце концов борьба классов и те внутренние сдвиги, которые происходят внутри борющихся масс». Какое отношение борьба за власть внутри советского Политбюро имела к «борьбе классов» и «борющимся массам», Троцкий не объяснил.

При всех политических трудностях и неудачах Лев Давидович пытался наладить в Норвегии привычную с точки зрения быта жизнь. Иногда он вместе с хозяином дома Кнудсеном выходил в море на рыбную ловлю. Во время одного из таких плаваний в августе 1936 г. из маленького радиоприемника донеслась весть о суде в Москве над Зиновьевым и Каменевым[1]. Троцкий понял, что Сталин готовит расстрел своих бывших сподвижников по «тройке», обвиняя их в организации убийства Кирова, и что связь с Троцким конечно же тоже будет поставлена «двум мушкетерам» в вину. Молчаливо следить за процессом, оказавшимся первым в длинной цепочке громких судебных дел против высшего руководства большевистской партии, Красной армии и Советского государства, Троцкий не мог. Он развернул кампанию в прессе, опровергая абсурдные и клеветнические обвинения, выдвинутые тираном Сталиным против презираемых им «капитулянтов» — Зиновьева и Каменева.

2. «Преданная революция»

Во Франции и Норвегии Троцкий отдавал много времени творчеству. Он стремился на базе своей усовершенствованной, как он полагал, марксистской методологии (то есть концепции перманентной революции и закона неравномерного и комбинированного развития), используя новые факты и документы, уточнить характер того социально-экономического и политического строя, который существовал в СССР, выяснить, по каким причинам революция, во главе которой стояли Ленин и он сам, не смогла непосредственно породить аналогичную волну революций на Западе и на Востоке, каким образом и почему сложилось «бюрократическое» сталинское единовластие, какой стратегический курс должны в сложившихся условиях положить в основу своей деятельности организации коммунистов-оппозиционеров по отношению к СССР.

Различные вопросы советско-большевистской действительности рассматривались Троцким в массе статей, писем и заметок, публиковавшихся в «Бюллетене оппозиции» и других журналах (главным образом во Франции и в США). Эти материалы можно разделить на несколько групп. Среди них были обращения к своим сторонникам, которые, как надеялся Троцкий, еще сохранялись в СССР в заключении, ссылке или подполье. Серьезным ударом по расчетам Троцкого на то, что внутри страны есть еще не «капитулировавшие» его приверженцы, было покаяние в начале 1934 г. дольше других державшегося Раковско-го. Троцкий, правда, всячески преуменьшал смысл и значение этой «капитуляции», даже назвал ее «холостым выстрелом», однако факт, что этому событию были посвящены сначала специальное обращение Троцкого к «большевикам-ленинцам», находившимся в СССР, помещенное как передовая «Бюллетеня оппозиции»[434], а затем еще и отдельная статья[435], говорил о прямо противоположном, о том, что очередной «выстрел» Сталина попал в точку и оказался для Троцкого очень болезненным.

Проблемам экономического развития СССР не уделялось сколько-нибудь значительного внимания. Исключение составлял весьма трезвый анализ «стахановского движения»[436]. Правда, статья эта была написана Седовым (под псевдонимом Маркин), но в основе лежали указания и заметки его отца. Статья рассказывала о показном и пропагандистском характере движения, ведущего к социальной дифференциации рабочих, к ущемлению экономических интересов основной их части, не способствующему при этом индустриализации СССР.

Основное внимание Троцким уделялось все большему укреплению в стране «бюрократического слоя», который Троцкий трактовал со своей излюбленной позиции «генерального поворота вправо» высшего руководства СССР[437]. В качестве «тройственной формулы» этого поворота назывались отступление перед мировой буржуазией и реформизмом, экономическое отступление перед мелкобуржуазными элементами страны, политическое наступление на авангард пролетариата[438]. Совершенно очевидно, что Троцкий при этом не столько анализировал ситуацию, сколько выдвигал идеологические схемы, не многим отличающиеся от аналогичных пропагандистских лозунгов Сталина (и те и другие опирались, во всяком случае, на «марксистско-ленинские» догмы). Но по крайней мере в одном из пунктов Троцкий был весьма близок к истине, утверждая, что сталинизм представляет для СССР наиболее серьезную опасность, причем Троцкий писал именно об опасности сталинизма для «СССР», а не для населения и отдельных его представителей, хотя главное внимание в «Бюллетене оппозиции» в этот период уделялось нараставшей волне террора, особенно после убийства Кирова 1 декабря 1934 г.

Смысл этого зловещего события Троцкий уловил сразу же. Ему был полностью посвящен январский номер «Бюллетеня оппозиции», в котором были помещены всего лишь две статьи, и обе принадлежали Троцкому[439]. Автор конечно же тогда еще не предвидел грандиозного размаха задуманного Сталиным террора, но отдавал себе отчет в том, что готовится «амальгама», то есть «заведомо ложное пристегивание к убийству Кирова людей и групп, которые не имели и не могли иметь ничего общего с такого рода террористическим актом». Через непродолжительное время Троцкий начал придавать судебной «амальгаме» несколько иной смысл: он стал называть этим словом включение в одно следственно-судебное дело лиц, стоявших на различных политических позициях или даже не придерживавшихся каких-либо определенных политических взглядов, дабы максимально расширить масштабы обвинения и придать им гротескную бессмысленность, необходимую для запутывания и запугивания всего советского населения.

В заголовке одной из статей Троцкий назвал происходившие в СССР события «террором бюрократического самосохранения»[440]. Троцкий постоянно пытался найти новый «класс», на который опирается Сталин в своей деятельности. Этим новым господствующим классом Троцкий стал считать «бюрократию». Развертывавшуюся в СССР широкую волну арестов и судебных процессов он включал в общую схему господства этой

«бюрократии», которая выделяла из своей среды вожаков типа Сталина. И одним из очевидных провалов этой примитивной теории Троцкого было то, что новая партийная «бюрократия» была подвластна Сталину, а не Сталин ей; и что именно эта «бюрократия» в первую очередь пострадала от сталинизма и почти полностью была изничтожена во время чисток. Так что вождь международной левой оппозиции вступал здесь в явное противоречие не только с действительностью, но и с некоторыми собственными оценками, в частности с многократными указаниями на то, что бюрократия в СССР не является социальным классом, а представляет собой только слой и что в стране формируется сталинская тоталитарная система.

Правда, столь противоречивое заявление понадобилось Льву Давидовичу в основном для того, чтобы безусловно и в превентивном порядке осудить возможные планы индивидуального террора одиночных или коллективных врагов советской власти против советских лидеров. Именно в подстрекательстве к террору и в организации терактов после убийства Кирова стала обвинять Троцкого советская пропаганда, карательные органы СССР и даже иностранные просоветские коммунистические деятели. «Не Сталин создал аппарат, а аппарат создал Сталина — по образу и подобию своему. Замена Кирова Ждановым ровно ничего не изменила в природе вещей… Замена самого Сталина одним из Кагановичей внесла бы почти так же мало нового, как и замена Кирова Ждановым», — писал Троцкий. Наученный горьким опытом поражений в личной борьбе за власть со Сталиным, Троцкий продолжал недооценивать хитрость и решительность генсека, ставшего главным и единственным советским вождем. Происходило это даже несмотря на то, что на XVII съезде партии в 1934 г. Сталин формально перестал быть генсеком и стал «всего лишь» одним из секретарей ЦК.

В середине 30-х гг. Троцкий предпринял усилия по организации международного движения солидарности и помощи политическим узникам в СССР. Он впервые выступил с этим призывом в сентябре 1935 г.[441] Речь шла как о разоблачении сталинского террора всеми доступными методами, так и о сборе и пересылке средств «по известным… адресам». В то же время Троцкий отрицал общегуманитарный характер этого движения, хотя и соглашался на участие в нем коммунистов и социал-демократов. В отношении этих партий, однако, позиция оставалась двойственной: с одной стороны, Троцкий призывал к созданию «междупартийного и международного общества помощи революционерам», а с другой — решительно оговаривался, что идти на соглашение даже по вопросу о помощи

можно только с «левыми меньшинствами».

По этому поводу у Троцкого, в частности, разгорелся спор с Цилигой. В письме от 3 января 1936 г. Цилига выражал сомнение в эффективности деятельности предлагавшейся Троцким комиссии для проверки актов террора в СССР. Практических результатов работы такой комиссии не будет, если в России не произойдет новая революция, хотя бы типа Февральской, предрекал Цилига. Тем не менее в сугубо пропагандистских целях он предлагал образовать комиссии борьбы против сталинского террора с участием социал-демократов и левых интеллигентов под лозунгами ликвидации концлагерей, освобождения конкретных лиц и доступа в Советский Союз зарубежных делегаций для проверки положения на месте[442]. Троцкий, однако, был возмущен как упоминанием о необходимости организации в СССР революции типа Февральской, так и еретическим предложением Цилиги о сотрудничестве с социал-демократами.

В феврале 1936 г. в Париже состоялось первое заседание комитета борьбы против сталинского террора, организованного по инициативе Цилиги. На нем, в частности, присутствовали Маргарита Росмер, Марсель Паз и профессор Шаллэ. Решено было составить меморандум и предложить его на подпись ряду лиц. Цилига, правда, сообщил Троцкому, что люди «не очень жаждут сталинской травли» и поэтому неохотно присоединяются к комитету[443]. События показали, что комитет действительно оказался нежизнеспособным. Негибкое отношение Троцкого к гуманитарной задаче вызывало все большее недовольство его участников, прежде всего главного инициатора создателя комитета — Цилиги. Очередная ссора с Троцким произошла после того, как Цилига опубликовал статью против советского террора в русском эмигрантском меньшевистском журнале «Социалистический вестник». Троцкий знал о планируемой публикации и изначально дал на нее согласие, но затем передумал и потребовал от Цилиги отозвать статью. Цилига отказался, попытался объяснить Троцкому, что публикация статьи — пусть маленький, но все же удар по сталинистам, что в борьбе против Сталина необходимо объединять силы коммунистов, социал-демократов и анархистов, а не раскалывать их. Меньшевиков следует критиковать, писал Цилига, но за «доброжелательно-реформистское отношение к сталинскому правительству». Он призывал Троцкого работать сообща с другими группировками, несмотря на расхождения. «От Вашего поведения в великой степени зависит успешность борьбы против сталинской реакции и репрессий», — писал он 14 мая 1936 г.[444]

Но фанатичный Троцкий остался неумолим. Комитет прекратил существование и остался случайным мелким эпизодом истории борьбы против сталинизма в Советском Союзе.

Внешнюю политику советского правительства и курс Сталина по сближению с западноевропейскими державами ради обеспечения коллективного отпора германской агрессии Троцкий считал капитуляцией перед мировым империализмом. VII конгресс Коминтерна, состоявшийся в 1935 г., он охарактеризовал как «ликвидационный конгресс»[445], так как на этом конгрессе по указанию Сталина были приняты не только решения о создании Антифашистского народного фронта, но и о предоставлении компартиям значительно большей степени самостоятельности в определении своего курса и осуществлении его. Иными словами, там, где даже Сталин согласен был, по крайней мере публично, на блок с западными демократиями ради борьбы с фашизмом, дав разрешение компартиям пойти, наконец, на тактический союз с социал-демократами, там Троцкий продолжал оставаться убежденным раскольником, настаивающим на категорической невозможности совместной работы с европейскими «меньшевиками» по идеологическим причинам.

Разумеется, новую сталинскую политику нужно было воспринимать с серьезными поправками на действительность. Коминтерн продолжал оставаться советским подрывным институтом. Контроль Москвы над иностранными компартиями оставался очень жестким, сохранялась разведывательная сеть, созданная по каналам Коминтерна и курируемая советскими спецслужбами через органы Коминтерна. Продолжались тайные переговоры и прощупывания советского правительства в среде гитлеровского руководства, о чем Троцкий мог только догадываться, но не мог знать. Тем не менее даже после упрочения позиций нацистов в Германии и фашистов в Италии Троцкий исключал совместную работу с кем-либо, кроме троцкистов, исчислявшихся в худшем случае сотнями, в лучшем — тысячами, раскиданных по всему миру.

В норвежском изгнании Троцкий написал книгу, ставшую одной из наиболее значительных работ, посвященных текущему положению дел в СССР: «Преданная революция»[446]. Она была завершена и опубликована первым изданием в 1936 г. На русском в Париже она вышла под более академическим названием «Что такое СССР и куда он идет?». Русское и иностранное издания несколько отличались, из-за чего нередко возникала путаница, и даже сегодня на русском книга существует в двух вариантах, под разными названиями[447], и многие ошибочно считают «Преданную революцию» и «Что такое СССР и куда он идет?»

разными книгами.

Троцкий подписал предисловие к книге 4 августа 1936 г., то есть еще до того, как стало известно о первом «открытом» московском судебном процессе над Каменевым, Зиновьевым и другими участниками объединенной оппозиции 20-х гг., к которым в порядке «амальгамы» были притянуты еще и малознакомые населению лица, также обвиненные в получении и осуществлении шпионско-диверсионных заданий зарубежного троцкистского центра. Троцкий откликался на многочисленные аресты, судебные процессы, первые публичные смертные приговоры, но еще не мог себе представить, каких гигантских масштабов достигнет волна сталинского террора всего лишь через несколько недель после 4 августа.

Предисловие Троцкого отмечало, что книжный рынок цивилизованных стран завален изданиями об СССР, причем значительная их часть «все более окрашивается в благожелательные, если не восторженные тона»[448]. Всю эту литературу автор делил на три типа. Дилетантский журнализм, описательный жанр и «левый» репортаж были отнесены к первому типу. Второй составляли книги «гуманитарного, лирического коммунизма». К третьему причислялись работы «экономической схематизации». Назывались и многочисленные представители этих жанров. К числу представителей «дилетантского журнализма» Троцкий отнес Уолтера Дю-ранти, просоветски настроенного московского корреспондента газеты «Нью-Йорк тайме», получившего в 1932 г. за свои репортажи американскую Пулицеровскую премию, присуждавшуюся за выдающиеся заслуги в журналистике. В разгар голода на Украине Дюранти, в частности, писал, что голода нет, что Советский Союз экспортирует зерно и отказывается от продовольственной помощи, поскольку ситуация в СССР вполне благополучна, а «любые сообщения о голоде являются преувеличением или злобной пропагандой»[449].

Анри Барбюса и Ромена Роллана Троцкий называл гуманитарными «друзьями» СССР. В предисловии к «Преданной революции» он с издевкой отмечал, что, прежде чем прийти к Сталину, первый написал жизнеописание Христа, а второй — биографию Ганди. Но Троцкий был не совсем прав, ставя двух писателей на один уровень. Барбюс был коммунистом и послушно выполнял заказы Кремля, в частности в своей раболепной книге «Сталин», где в специальной главе лил грязь на левую оппозицию и Троцкого. Роллан с энтузиазмом, при этом не бескорыстно, а за гонорары, восхвалял СССР, считая, что делает это для привлечения Сталина к совместной с западными державами

борьбе против нацизма.

Не оставив камня на камне от всей этой литературы, которую он в целом определил как «социализм для радикальных туристов», Троцкий ставил задачу «правильно оценить то, что есть, чтоб лучше понять то, что становится»[450]. Верный своему «диалектическому методу», он предостерегал от фетишистского отношения к марксистской теории, заявляя, что она «не есть вексель, который можно предъявить в любой момент действительности ко взысканию»[451], и соглашался с тем, что новый опыт требует пересмотра, исправления ошибок и восполнения пробелов теории, пытаясь при помощи этого в общем-то тривиального положения объяснить вопиющее противоречие между теорией и советской действительностью. Он, однако, был не в состоянии прийти к выводу, что если теория не способна объяснить соответствующие факты, то она либо вообще не верна и ее следует отбросить, либо требует коренного пересмотра.

Несмотря на декларативную готовность совершенствовать теорию, Троцкий оставался коммунистом-утопистом, фанатиком и догматиком. Он исходил, вслед за Марксом, из того, что при социализме, как низшей фазе коммунизма, главной задачей является развитие производительных сил, а это приведет к «постоянному изобилию» жизненных благ, распределение которых не будет требовать «иного контроля, кроме контроля воспитания, привычки, общественного мнения»[452]. Троцкий игнорировал при этом природу людей, которых сам он как-то назвал «злыми бесхвостыми обезьянами»; факт того, что человеческие потребности растут быстрее, чем возможности их удовлетворения, и это само по себе является важнейшим положительным стимулом научного и технического прогресса. В отличие от Сталина, который твердил об обострении классовой борьбы и укреплении государства по мере продвижения СССР к социализму, Троцкий высказывал убеждение в противоположном, в том, что меры административного принуждения, а вместе с ними и само государство будут постепенно отмирать с каждым этапом экономического подъема социалистического общества. Но, переходя к прозе жизни, Троцкий вынужден был признать, что предвидение, будто «прозрачная и гибкая система Советов позволит государству мирно преобразовываться, растворяться и отмирать», не оправдалось, что жизнь «оказалась сложнее, чем рассчитывала теория»[453]. Так отнюдь без признания краха теории Троцкий вынужден был согласиться с тем, что в его теоретических построениях концы с концами не связать, по крайней мере применительно к советской действительности.

Разобраться в этом запутанном философском клубке было невозможно.

В книге Троцкого отмечались важнейшие показатели промышленного роста СССР, размах индустриализации. Но уже в первом, так сказать «позитивном», разделе работы указывалось, что СССР остается изолированным государством, что капитализм сохраняет огромный перевес в отношении техники, организации и культуры труда, что показатели производства в СССР на душу населения, особенно в области легкой промышленности и сельского хозяйства, остаются крайне низкими. Деликатно не указывая, в каком именно направлении движется Советский Союз, автор сообщал, что СССР проходит через подготовительную стадию, заимствуя технические и культурные завоевания Запада. Кратко рассмотрев основные этапы хозяйственного развития СССР — от военного коммунизма через НЭП к индустриализации и насильственной коллективизации — Троцкий подробно остановился на катастрофических последствиях ограбления деревни. «Коллективизация представала перед крестьянством прежде всего в виде экспроприации всего его достояния», — писал он[454], впервые называя вещи своими именами и не раскалывая крестьянство на «кулаков» и «деревенскую бедноту». Но и здесь Троцкий все-таки делал вывод, что «зигзаги» (всего лишь «зигзаги»!) советского руководства вытекали из бюрократических методов решения экономических проблем, а не из порочных установок «диктатуры пролетариата».

Троцкий пытался ответить на два коренных вопроса: действительно ли в СССР осуществлено социалистическое общество; действительно ли страна застрахована от опасности капиталистической реставрации не только в результате внешней интервенции, но и из-за событий, происходящих внутри СССР. Он доказывал, что в СССР тем не менее существует рабочее государство, которое еще не является социалистическим. Для определения типа государства как рабочего была привлечена только одна группа аргументов: отсутствие частной собственности на средства производства и наличие национализированной промышленности, принадлежащей государству. Однако, как подчеркивал Троцкий, в СССР наличествовало принципиальное противоречие между большевистской программой и советской действительностью: сохранение «буржуазного права» и сохранение «буржуазного органа» в лице все более усиливавшейся бюрократии, в виде становящегося все более деспотичным государства, выделяющего и поддерживающего привилегированное меньшинство — правивший слой.

Отдельная глава называлась «Советский термидор». Термидор, то есть, в понимании Троцкого, перерождение революции, превращение ее в собственную противоположность, рассматривался им как победа бюрократии. «Она победила всех этих врагов — оппозицию, партию и Ленина — не идеями и доводами, а собственной социальной тяжестью. Свинцовый зад бюрократии перевесил голову революции»[455], — образно писал Троцкий. Произошло политическое вырождение партии, которая сама стала средоточием бюрократии и свойственных ей методов властвования. Вывод о том, что сама большевистская партия стала бюрократическим инструментом, был для Троцкого весьма нелегким и потому исключительно важным, хотя подчас автор как бы по инерции забывался и говорил о власти не бюрократизированной партии, а о власти бюрократии над партией, Советами и профсоюзами.

Троцкому было особенно трудно найти социальные корни происшедшего «термидора», без чего он, со свойственным ему марксистским догматизмом, не мог никак обойтись. Он не был здесь последователен. Наряду с экономическими факторами он признавал чисто политические в лице самой бюрократии, «насади-тельницы и охранительницы неравенства». Но все же главным источником происшедшей советской трагедии он считал бедность и культурную отсталость масс. Именно она породила «повелителя с большой палкой в руках. Разжалованная и поруганная бюрократия снова стала из слуги общества господином его»[456].

Разносторонне рассмотрев рост социальных антагонизмов, включая расслоение пролетариата и противоречия колхозной деревни, которая едва приходила в себя после «грозного взрыва Гражданской войны»[457], критически рассмотрев проблемы семьи, молодежи, культуры, армии, внешней политики, Троцкий попытался дать определение того социально-политического устройства, которое в это время существовало в Советском Союзе. Он отвергал утверждение некоторых социал-демократов, что в стране установился государственный капитализм, а советская бюрократия превратилась в новый господствующий класс. Он полагал, что «вопрос о характере СССР еше не решен историей»[458]. Вопрос этот еще только мог быть решен, по мнению автора, в будущем — борьбой социальных сил как на национальной, так и на мировой арене.

Весьма смелыми, особенно имея в виду коммунистическое мировоззрение автора, были сравнения советского строя с национал-социалистическим режимом в Германии. Высмеивая «тайное голосование», намеченное в проекте новой конституции

СССР (она была принята 5 декабря 1936 г.), он несколько легкомысленно отмечал, что «на тайное голосование не посягнул и Гитлер»[459]. В заключительной же части работы сопоставление гитлеровской и сталинской диктатур было более развернутым: «Мы приходим к неожиданному, на первый взгляд, но на самом деле непреложному выводу: подавление советской демократии всесильной бюрократией, как и разгром буржуазной демократии фашизмом, вызваны одной и той же причиной: промедлением мирового пролетариата в разрешении поставленной перед ним историей задачи. Сталинизм и фашизм, несмотря на глубокое различие социальных основ, представляют собою симметрические явления. Многими чертами своими они убийственно похожи друг на друга»[460].

Иными словами, Троцкий приходил к выводу, что нацизм в Германии победил потому, что запоздала мировая социалистическая революция, с пониманием, что, если бы в Европе произошла революция, в ней не осталось бы места фашизму. И на теоретическом уровне с этим, видимо, можно было бы согласиться. По Троцкому, национал-социализм в Германии стал альтернативой интернациональному социализму Маркса. Отказываясь от своих прежних предположений о том, что в СССР возможно мирное восстановление «социалистической» или «пролетарской» демократии, Троцкий становился теперь на точку зрения о неизбежности в Советском Союзе новой революции. Существовавшая в СССР политическая власть привела к такой деформации «рабочего государства», которая, по мнению Троцкого, могла быть ликвидирована только силой: «Пролетариату отсталой страны суждено было совершить первую социалистическую революцию. Эту историческую привилегию он, по всем данным, должен будет оплатить второй, дополнительной революцией — против бюрократического абсолютизма»[461]. Таким образом, Троцкий призывал к политической, но не к социальной революции, изобретя для этого новый устраивающий его термин: «бюрократический абсолютизм», созвучный с классическим вполне «классовым» абсолютизмом, с которым вечно боролись все революционеры, начиная с буржуазных.

Весьма неожиданным положением работы было утверждение о необходимости введения в СССР многопартийности. Речь, правда, шла о так называемой «социалистической» многопартийности, как если бы большевистским фракциям разрешили считаться отдельными партиями. Троцкий допускал лишь существование тех партий, программа которых предусматривала создание социалистического или коммунистического общества. Но само по себе упоминание о

многопартийности говорило о некой трансформации взглядов одного из главных виновников ликвидации в России многопартийной политической системы.

Троцкий считал эту книгу «главным делом своей жизни»[462]. Действительно, по аналитическому уровню, по степени обобщений эта работа стояла намного выше публицистических произведений о Сталине, которые при всей своей яркости уступали по силе анализа. Троцкий попытался разобрать и проанализировать законы мировых революций, а не отдельные интриги, преступления и предательства советского диктатора Сталина: «Каждая революция до сих пор вызывала после себя реакцию, которая, правда, никогда не отбрасывала нацию полностью назад, к исходному пункту… Жертвой первой же реакционной волны являлись, по общему правилу, пионеры, инициаторы, зачинщики, которые стояли во главе масс в наступательный период революции… Аксиоматическое утверждение советской литературы, будто законы буржуазных революций «неприменимы» к пролетарской, лишены всякого научного содержания»[463].

Конечно, «пионером», «инициатором» и «зачинщиком», первой жертвой «реакционной волны» Троцкий считал себя. Реакционным подавителем революции Троцкий видел Сталина. И это сравнение с классической Французской буржуазной революцией, очень устраивающее Троцкого, приходившего к выводу о «применении» общих классических революционных законов к революции в России, по тем же причинам не устраивало советских историков и партийных пропагандистов, утверждающих, что сходства между французской и советской революциями нет.

Книга «Преданная революция», являясь работой программного характера, легла в основу многочисленных международных и национальных документов троцкистов. Дискуссии по поводу «термидора», «господствующего слоя» или «господствующего класса», «политической» или «социальной» революции заполняли всевозможные съезды, конференции, совещания и собрания сторонников Троцкого со второй половины 30-х гг. Они приводили (и продолжают приводить) к расколам, слияниям и новым расколам среди крохотных, но воинственных групп и объединений международной левой оппозиции.

3. На пути к 4-му Интернационалу

Первоначально казалось, что левые социалистические и коммунистические группы, не входящие в основные и общепризнанные коминтерновские и социнтерновские партии, представляют немаловажную силу. Наиболее известной из них была британская

Независимая рабочая партия, незадолго перед этим вышедшая из состава Лейбористской партии, в которую входила как коллективный член, и подвергшая теперь острой критике «соглашательство» лейбористов. Определенные надежды возлагались на Социалистическую рабочую партию Германии (СРПГ), которая отпочковалась от Социал-демократической партии незадолго до прихода к власти Гитлера и к которой присоединилась часть исключенной из компартии «правой оппозиции», хотя эта партия сильно пострадала в результате нацистских репрессий и к осени 1933 г. опиралась лишь на часть эмигрантов из Германии, проживавших главным образом во Франции. К независимым социалистическим силам относились также Коммунистическая партия Швеции, входившая ранее в Коминтерн, но порвавшая с ним; испанский Блок рабочих и крестьян и, наконец, две голландские организации: Революционно-социалистическая партия (РСПГ) во главе с Г. Снефлитом, ставшим известным после его китайской миссии в начале 20-х гг. в качестве представителя Коминтерна, и Независимая социалистическая партия Голландии (НСПГ), отколовшаяся от национальной социал-демократической организации.

Часть этих групп входила в образованное в 1932 г. Международное рабочее сообщество, или Лондонское бюро, как обычно называли это объединение по местонахождению его центрального органа. К Лондонскому бюро с оговорками примыкали также Независимая социалистическая рабочая партия Польши и Норвежская рабочая партия (та самая, которая образовала правительство, давшее политическое убежище Троцкому на норвежской земле). Все эти организации считали необходимым создание нового Интернационала, так как ни Коминтерн, ни Социалистический рабочий интернационал, существовавший с 1923 г. и объединявший основную часть социал-демократических партий, их не устраивали. Однако между всеми этими партиями были серьезные разногласия по многим вопросам, прежде всего об отношении к СССР, которое колебалось от требования полной поддержки социалистического

строительства в Советском Союзе до решительного осуждения сталинского единовластия[464].

Троцкий чрезмерно оптимистично надеялся, что ему удастся объединить если не все, то значительную часть этих разношерстных организаций под своим руководством и повести их к созданию 4-го Интернационала. В связи с конференцией, которую проводило Лондонское бюро в Париже в августе 1933 г., Троцкому удалось договориться со Снефлитом и Якобом Вальхером (одним из руководителей СРП Г) о том, что они совместно представят конференции проект резолюции с призывом к созданию нового Интернационала и изложением его принципов. Конференция, однако, отвергла внесенный проект, и он был опубликован только как «резолюция четырех» (Международная коммунистическая лига, СРПГ, РСПГ и НСПГ) под заголовком «О необходимости и основах нового Интернационала». Первоначальный проект этого документа был основательно доработан Троцким и, по существу дела, стал его авторским документом[465].

В «резолюции четырех» содержался призыв порвать с реформистской политикой, развернуть революционную борьбу за власть. Категорически отвергался сталинский «социализм в одной стране», проводились тезисы о разложении советского режима и рабской зависимости Коминтерна и его секций от Москвы. Указывалось в то же время, что приход в Германии к власти нацистов явился свидетельством неспособности не только коммунистов, но и социал-демократов противостоять угрозе крайней реакции. Отсюда вытекало требование создания нового Интернационала. «Нижеподписавшиеся обязуются приложить все свои силы к тому, чтобы этот Интернационал сложился в возможно короткий срок на незыблемом фундаменте теоретических и стратегических принципов, заложенных Марксом и Лениным», — говорилось в документе. Было принято решение создать Постоянную комиссию и приступить к выработке программных документов нового Интернационала.

Троцкий был удовлетворен ходом работы. Он отмечал, что у подписавших резолюцию имеются расхождения по ряду вопросов, но выражал надежду на то, что под влиянием критики «большевиков-ленинцев» их собратья по «блоку четырех» пойдут в правильном направлении по всем принципиальным вопросам. «Было бы, разумеется, совершенно непростительно, чтобы не сказать преступно, становиться на путь отчужденности и враждебности только потому, что полное слияние оказалось недостижимым в данный момент»[466], — писал Троцкий. Однако попытка слияния четырех организаций, предпринятая на

«предварительной конференции», состоявшейся в Париже 30 декабря 1933 г., закончилась неудачей. Это было второе после копенгагенской встречи и последнее международное совещание, в котором Троцкому после его высылки из СССР удалось принять личное участие. Троцкий приехал тогда во французскую столицу нелегально в сопровождении сына Льва. Совещание проходило в квартире доктора Вейля, отца Симоны Вейль, французского социолога, симпатизировавшей Троцкому[467].

«Бюллетень оппозиции» в примирительных тонах освещал ход совещания. Между тем на нем вспыхнули острые политические споры между Троцким, с одной стороны, и Я. Вальхером (СРПГ) и Якобом де Кадтом (НСПГ) — с другой. Троцкий обвинял своих партнеров в отсталости и примиренчестве, последние не остались в долгу и выразили разочарование тем, что Троцкий застрял на прежних «сектантско-стерильных позициях, которые и так хорошо известны»[468]. Немцы вскоре объявили, что они не хотят иметь ничего общего с Троцким и его сторонниками. Их примеру последовала организация де Кадта. Партия Снефлита заявила о присоединении к Международной коммунистической лиге, но и она вскоре признала, что существуют непримиримые разногласия с Лигой, и в 4-й Интернационал не пошла. Такой же неудачей завершилась попытка создания Интернациональной объединенной молодежной организации.

По инициативе Троцкого в феврале 1934 г. его молодые сторонники выступили с предложением образовать Международное юношеское бюро как своего рода ответвление еще не существовавшего 4-го Интернационала. Миссия была поручена американцу Глоцеру и немцу Вальтеру Гельду, с которым Троцкий изначально был знаком только по переписке[469]. Глоцеру и Гельду удалось договориться с молодежными группами организаций, входивших в состав Лондонского бюро, в частности с представлявшим СРПГ Вилли Брандтом[470], тогда еще совсем юным политиком[471]. Молодые социалисты и оппозиционеры-коммунисты собрались в Амстердаме, но лишь для того, чтобы быть арестованными голландской полицией, внимательно следившей за приехавшими в столицу Нидерландов подозрительными молодыми людьми. Все участники собрания были высланы из Голландии, причем несколько немцев были отправлены на германскую границу, в объятия гестапо. Гельду повезло: у него были французские документы.

Во время нахождения в тюремной камере в Амстердаме Гельд, Глоцер и Брандт договорились продолжить конференцию в

Брюсселе, по соображениям безопасности распустив слух, что соберется она в Люксембурге или каком-нибудь другом городе. В столице Бельгии действительно состоялось новое однодневное заседание, на котором разгорелись бурные дебаты по вопросу о присоединении к международному объединению. Сторонники Троцкого представили декларацию в пользу образования 4-го Интернационала. Брандт и другие социалистические делегаты выступили против присоединения к контролируемой Троцким организации, но согласились рассмотреть компромиссные варианты. В результате была принята неопределенная резолюция, в общих положениях формулировавшая целесообразность создания «нового Интернационала». Кроме того, участники договорились об образовании Интернационального бюро революционных молодежных организаций с центром в Стокгольме. В его состав вошли Курт Форслунг от Шведской социалистической юношеской лиги, Брандт от СРПГ и Гельд от германских троцкистов-эмигрантов, называвших себя «Коммунисты-интернационалисты Германии».

Троцкий, однако, считал, что его сторонники в Стокгольмском бюро должным образом не представлены, и был крайне возмущен этим фактом[472]. Более того, он подверг компромиссную позицию своих сторонников острой критике и написал 15 февраля 1935 г. Глоцеру весьма жесткое письмо, причем придал этому тексту форму публичного заявления, озаглавив его «Против центризма на молодежной конференции»[473]. Разобрав по пунктам злосчастную резолюцию, Троцкий поучал своих молодых и неопытных последователей, что даже документы Юлия Мартова на Циммервальдской и Кинтальной конференциях были куда более радикальными.

С точки зрения перспектив создания 4-го Интернационала Интернациональное молодежное бюро оказалось предприятием весьма кратковременным. В феврале 1935 г. от его имени Брандт участвовал в совещании представителей Лондонского бюро и «группы четырех» в Париже. Здесь произошло его острое столкновение с Снефлитом, поддержавшим идею создания 4-го Интернационала под руководством Троцкого. Тогда Троцкий усилил критику Стокгольмского бюро и обратился 19 марта к своим сторонникам с новым письмом по этому вопросу[474]. Коса, однако, нашла на камень. В августе 1935 г. Брандт и его союзники добились исключения Гельда из Стокгольмского бюро и вскоре распустили этот орган, даже не известив об этом каким-либо заявлением.

Так один за другим рушились планы Троцкого найти сколько-нибудь серьезную базу для создания нового Интернационала,

который существовал бы не на бумаге, а объединял бы вокруг себя национальные и международные группы и организации, стоявшие вне Коминтерна и Социалистического рабочего интернационала. Причины неудач были очевидны: за Троцким не шли «рабочие массы», ему, как и ранее, удавалось находить приверженцев почти исключительно в среде небольшой группы интеллигентов, которые вкладывали в троцкизм свое понимание и свои амбиции, вступая друг с другом в по большей части мелкие споры, ссорясь из-за трактовки указаний и учений Троцкого. В этой безвыходной ситуации летом 1934 г. Троцкий предпринял смелый для него эксперимент, который сам он считал стратегическим поворотом.

Первой страной, в которой этот опыт, по его мнению, следовало провести, являлась Франция, почему и весь комплекс событий получил вскоре название «французского поворота». Ситуация во Франции в это время была крайне противоречивой и острой. После февральских событий 1934 г. в стране резко усилилось влияние левых сил, особенно СФИО. Между социалистами и коммунистами шли переговоры о едином фронте, и в июле был подписан пакт о совместных действиях. Соотношение сил обеих партий было, однако, далеко не в пользу коммунистов. Численность СФИО составляла около 120 тысяч человек, компартия насчитывала всего 20–30 тысяч. Со СФИО поддерживала связь Всеобщая федерация труда — наиболее массовое профсоюзное объединение, охватывавшее около миллиона рабочих и служащих. Коммунистическая Унитарная всеобщая конфедерация труда насчитывала примерно 70 тысяч членов. Если компартия базировалась на принципах Коминтерна и не допускала в своей среде существования каких-либо фракций, то Социалистическая партия была в этом отношении несравнимо более либеральной и допускала не только деятельность групп с оппозиционными взглядами, но не возражала и против выпуска ими собственных печатных органов.

В этих условиях Троцкий счел целесообразным, вопреки собственным установкам и догмам, на которых он настаивал все эти годы, призвать своих французских сторонников вступить в СФИО и продолжать работу в рамках этой организации. В июне 1934 г. он обратился к Коммунистической лиге Франции с несколькими документами по этому поводу. Первым из них была «Программа действий для Франции»', создававшая идеологическую основу предстоявшего поворота. Троцкий исходил из того, что не только Франции, но и всему миру угрожают фашизм и война, что для установления открытой диктатуры буржуазия Франции стремилась внести хаос в

экономическую и политическую жизнь страны, из-за чего ранее основные пункты программы троцкистов были связаны не с конечными целями, а с текущими жизненными проблемами, как они виделись Троцкому. Он включал в число главных требований отказ от деловых секретов, введение рабочего и крестьянского контроля над промышленностью, торговлей и банками, а на следующем этапе — национализацию важнейших хозяйственных предприятий, введение монополии внешней торговли, создание рабочей милиции (вместо полиции) и самоопределение национальностей. Последнее подразумевало не столько объявление о независимости колоний, но и абсурдный и бестактный пункт о самоопределении Эльзаса и Лотарингии, возвращенных Франции после поражения Германии в мировой войне. Завершалась программа обычными лозунгами Троцкого против войны, за создание Социалистических Соединенных Штатов Европы, за защиту СССР и введение рабоче-крестьянской власти во Франции.

Вслед за этой достаточно банальной агиткой Троцкий написал несколько обращений к Французской коммунистической лиге. В частности, в закрытом письме за подписью «Видаль» (один из его редких псевдонимов), в котором Троцкий даже ссылался на самого себя в третьем лице, он критиковал оторванность Лиги от массового рабочего движения и предлагал найти свое место в формировавшемся едином фронте, то есть вступить в СФИО: «Нам не от чего отказываться, — говорилось в письме. — Мы только честно признаем, что наша организация слишком слаба, чтобы сыграть практически независимую роль в борьбе, которая нам предстоит»[475]. Необходимо совершить этот «решающий» поворот[476], — призывал Троцкий.

Это было весьма откровенное признание, и Троцкому пришлось употребить немало сил, чтобы убедить в своей правоте французских троцкистов, причем далеко не все руководители Коммунистической лиги с ним согласились. Против предложений Троцкого впервые открыто выступил Пьер Навилль, хотя незначительным большинством голосов руководство Лиги в конце концов одобрило «французский поворот», вслед за чем началось вступление членов и групп Лиги в СФИО.

Теперь уже Троцкий считал, что примеру французов должны последовать троцкисты в других странах. В октябре 1934 г. состоялся расширенный пленум Международной коммунистической лиги, на котором предложение Троцкого не получило одобрения. Незначительным большинством голосов пленум принял резолюцию, поддерживающую «поворот», но только для Франции и во Франции[477]. Троцкому уступили лишь

в том, что обещали воспользоваться опытом, накопленным во Франции, в будущем. Однако опыт этот оказался для троцкистов в целом отрицательным. Троцкий планировал использовать своих сторонников в чужих партиях как своеобразного троянского коня: вступив в близкую по духу коммунистическую или левую социалистическую партию, каким-то магическим образом получить там затем большинство и захватить организацию изнутри. Но во Франции из этой военной хитрости ничего не вышло: сторонники Троцкого оставались в СФИО в незначительном меньшинстве и вскоре были исключены или сами покинули СФИО.

Упорный (и упрямый) Троцкий тем не менее повторил эксперимент в нескольких странах. От английского слова «to enter» (вступать) возникло созданное им течение «энтризм», заключавшееся в использовании троянского коня для поглощения партий и затаскивания их в 4-й Интернационал. Первоначально «энтризм» принес незначительные плоды в Бельгии, Великобритании, США. Разумеется, до полного овладения теми организациями, куда вступали члены Международной коммунистической лиги и группами, и порознь, было очень далеко. Но все же троцкисты смогли образовать в левых партиях этих стран свои сравнительно влиятельные фракции.

Наибольшего успеха они добились в США, где «энтристская тактика» была повторена дважды. Сначала в 1934 г. произошло слияние Коммунистической лиги Америки с Американской рабочей партией, во главе которой стоял протестантский священник и пацифист А. Маете. Объединенная организация стала называться Рабочей партией Соединенных Штатов. Ее секретарем стал Маете, хотя лидер Коммунистической лиги Кэннон сохранил фактическое руководство в своих руках. Вслед за этим в 1936 г. руководство Рабочей партии высказалось за вступление в Социалистическую партию. При этом Маете цинично выкинули из партии, и он вернулся в лоно церкви. В результате возникла новая Социалистическая партия, со значительным влиянием сторонников Троцкого: Шахтмана, Кэннона и некоторых других[478]. После раскола, который оказался неизбежным для этой разношерстной политической структуры, организация стала называться Социалистическая рабочая партия. Но и в этой, теперь уже незначительной по численности организации возникли очередные острые раздоры, уйти от которых троцкисты в конце концов не смогли. Любое их организационное начинание заканчивалось самоуничтожением.

Занимаясь мелкими организационными и тактическими вопросами, Троцкий больше всего был озабочен названием нового

Интернационала. В июле 1935 г. он послал Интернациональному секретариату по этому поводу специальное письмо[479]. Указать порядковый номер и назвать Интернационал 4-й Троцкий считал недостаточным. Он исключал использование в названии слов «социалистический» или «коммунистический», так как они употреблялись раньше и «скомпрометировали» себя. Наконец Троцкий придумал сложное и в этом смысле абсолютно неудачное название. Интернационал должен был называться Мировая партия социалистической революции, а каждая национальная организация считаться секцией, например: Рабочая партия Соединенных Штатов (Американская секция Мировой партии социалистической революции).

Громоздкое и неуклюжее название ничего, кроме раздражения и отторжения, вызвать не могло. Но Троцкий, и раньше не слишком утруждавший себя попытками спуститься на землю и прикоснуться к реальной жизни, со временем все больше и больше терял ощущение действительности. Поняв, однако, что и сам он не в состоянии запомнить комбинацию из нескольких взаимоподменяемых слов (например, «мировая партия социалистической революции» и «социалистическая партия мировой революции»), Троцкий в последующих документах больше не вспоминал свое мудреное название и вернулся к порядковому номеру 4-й.

В августе 1935 г. Троцкий написал «Открытое письмо всем революционным пролетарским организациям и группировкам», которое назвал «За 4-й Интернационал»[480]. Правда, руководство французской Лиги выразило опасение, что публикация этого документа может затруднить вступление ее членов в СФИО[481], но Троцкий смог убедить троцкистов, что одно совместимо с другим, в результате чего возражения были сняты, а сам документ опубликован 23 августа во французской «Ла верите». Документ был подписан формально тремя организациями: Интернациональным секретариатом Международной лиги коммунистов-интернационалистов (в числе подписавших Троцкий фигурировал под псевдонимом Crux); Рабочей партией Соединенных Штатов, от имени которой на паритетных началах поставили свои подписи Маете и Кэннон; и Революционной социалистической рабочей партией Голландии в лице Петруса Шмидта и Генрика Снефлита.

Отвергая «капитулянтскую» политику Коминтерна, его «рабскую» зависимость от советской верхушки, представители подписавших организаций констатировали, что измена советской «бюрократии» отбросила мировой пролетариат далеко назад, в то время как «капитализм» подготовляет новую «мировую бойню».

«Было бы гибельным пытаться установить одинаковые маршруты для всех стран, — констатировало письмо. — В зависимости от национальных условий, от степени разложения старых рабочих организаций, от состояния собственных сил в данный момент марксисты (революционные социалисты, интернационалисты, большевики-ленинцы) могут выступать то в виде самостоятельной организации, то в качестве фракции в одной из старых партий или в профсоюзах». Вместе с тем генеральным курсом объявлялось создание 4-го Интернационала и его секций. Не оставляя своей иллюзорной надежды, провозглашалось, что новое объединение сможет провести «победоносный штурм твердынь мирового капитала».

Троцкий считал, что уже к середине 1936 г. созрели все необходимые условия для провозглашения новой международной организации. Эта поспешность, однако, встретила противодействие собственных же его сторонников, и Троцкий вынужден был пойти на уступки. 26–31 июля 1936 г. в Париже состоялась конференция, созванная, как было объявлено, Движением за 4-й Интернационал. По конспиративным соображениям считалось, что конференция проходила в Женеве (что упоминалось в многочисленных документах конференции). Международная коммунистическая лига перестала существовать, превратившись в Движение за 4-й Интернационал.

Конференция 1936 г. стала, по всей видимости, наиболее представительным международным форумом сторонников Троцкого при его жизни. Сам он, находясь в Норвегии, не имел возможности участвовать в ней. По финансовым соображениям — из-за отсутствия средств на дорогу — в конференции не смогли участвовать представители Австрии, Чехословакии, Греции, Польши, Румынии и Швейцарии (организаторы на какой-то момент забыли, что объявили местом конференции Женеву!). По соображениям безопасности не были приглашены, как было объявлено, представители ряда других стран. Тем не менее, согласно протоколам, в конференции участвовал 21 делегат. США были представлены двумя «наблюдателями», что было связано с недавним вступлением американских троцкистов в Социалистическую партию и невозможностью по этой причине официально участвовать в конференции. Объявлено было и о присутствии на конференции советских «большевиков-ленинцев», но единственным их «представителем» оказался Лев Седов[482].

Главным документом июльской конференции была резолюция о создании Движения за 4-й Интернационал в качестве единой международной организации, высшим органом которой объявлялась международная конференция, а в промежутках

между конференциями — Генеральный совет со своим исполнительным органом, Международным секретариатом. Основные политические документы конференции — резолюции «Новый революционный подъем и задачи Четвертого Интернационала» и «Четвертый Интернационал и Советский Союз» — были написаны Троцким. Обе они были до предела оптимистичны. Современное положение — особенно в связи с ситуацией во Франции и только разворачивавшейся гражданской войной в Испании — оценивалось как «предреволюционная ситуация», причем автор полагал даже, что движение его сторонников прочно выходит из изоляции и что лозунги большевизма в его понимании «становятся лозунгами масс». При всех обвинениях по адресу сталинского режима, от восстановления «буржуазной семьи» до полного превращения компартии в политическую машину правящей касты, Троцкий продолжал считать СССР «рабочим государством» с глубокими социально-политическими извращениями. Он, как и ранее, придерживался мнения, что «бюрократия» представляет собой «новый паразитический слой», связанный общими интересами со сталинской диктатурой, поскольку Сталин защищает ее привилегированное положение, но именно слой, а не новый эксплуататорский класс. Троцкий вновь указывал, что в СССР на повестку дня становится не социальная, а политическая революция, то есть насильственное свержение власти «дегенерирующей бюрократии» и «диктатора» при полном сохранении общественной собственности и социальных отношений, к которым привели Октябрьская революция и преобразования первых лет советской власти. Именно поэтому Троцкий объявлял необходимой поддержку СССР со стороны «пролетарского авангарда всего мира» в возможной войне, несмотря на продолжавшееся существование «паразитической бюрократии и некоронованного негуса[483] в Кремле»[484].

Резолюция об СССР являлась важнейшей политической установкой, которой при самых различных ее интерпретациях руководствовались организации 4-го Интернационала и связанные с ним группы на протяжении следующих десятилетий, включая годы Второй мировой войны и послевоенный период. В рассмотренной резолюции, в «Преданной революции», в массе статей и писем марксистско-ленинский догматизм мешал Троцкому увидеть реальную причинно-следственную связь. Он вновь и вновь повторял, что сталинский «бюрократизм» и тоталитарный режим являлись пережитками отсталости России. Он не понимал и не мог понять, что речь шла не об исключении, а о правиле, фактически о социальном законе: сталинский режим

возник как форма тоталитаризма прежде всего вследствие утопичности идеи «освобождения рабочего класса» в ее марксистско-ленинском понимании[485]. Вместе с тем начиная с 1936 г. значительная, если не основная часть его внимания была обращена на новые зловещие события, происходившие в СССР и позже получившие название чисток или Большого террора. Видимо, именно по этой причине даже важным, с точки зрения Троцкого, решениям июльской конференции 1936 г. не нашлось места на страницах «Бюллетеня оппозиции» и они не были опубликованы. Журнал почти полностью сосредоточился на описании и анализе нового массового кровопролития, начатого Сталиным под видом ликвидации в СССР пятой колонны — внутренней агентуры внешнего врага, причем главным организатором пятой колонны объявлялся Троцкий, установивший якобы связь с германскими разведывательными и террористическими службами и руководивший из-за границы деятельностью своих агентов.

В высшем советском руководстве и органах Коминтерна внимательнейшим образом следили за активностью Троцкого и его последователей. 20 сентября 1934 г. Каганович писал Сталину: «Коминтерновцы запросили нас по вопросу о поступившем к ним обращении Английской независимой рабочей партии о созыве международной конференции против фашизма и войны. Мы склоняемся к тому, что нецелесообразно идти на это. Не исключено или даже вероятно, что тут действуют троцкисты, которые, смазывая или даже действуя против единого фронта во Франции, здесь хотят взять на себя «инициативу»[486]. Сталин придерживался иного мнения. Он считал возможным согласиться с предложением об участии в конференции, но предупредил: «Надо при этом поставить дело так, чтобы антисоветские люди вроде Троцкого не имели доступа на конференцию»[487].

Аппарат Коминтерна готовил многочисленные справки, содержавшие попытки анализа влияния Троцкого, обычно преувеличивая опасность. В информационном материале от 1 ноября 1935 г. говорилось: «Возможность образования троцкистского 4-го интернационала… не следует считать вполне исключенной. Базой его могут явиться Голландия, Бельгия и социалистическая] мол[одежь] в ряде стран. Но все-таки главная опасность троцкизма заключается не в этом, а в том факте, что он будет оказывать идеологическое влияние на левых социал-демократов, снабжать их аргументами и, таким образом, способствовать тому, чтобы удержать левых от сближения с коммунистическими партиями или отсрочить таковое»[488].

Считалось, что троцкисты смогут отколоть от компартий их

«наиболее радикальных членов»[489]. Особенно обеспокоил коминтерновских аналитиков, а за ними и советских лидеров переход на сторону Троцкого Сенекой федерации Организации социалистической молодежи Франции и поездка ее лидера Зеллера в Норвегию к Троцкому. Перед поездкой к Зеллеру из Москвы приехали для беседы руководители ВЛКСМ А. Косарев[490] и В. Чемоданов[491]. Вместе с ведущими французскими коммунистами они убеждали Зеллера не ехать в Норвегию, где Троцкий живет как «капиталист» во «дворце» с большим штатом прислуги[492].

Переубедить фанатичного и недалекого Зеллера не удалось; он отправился повидать Троцкого, пришел от него в полный восторг и отправил из Норвегии своему товарищу-коммунисту в Париж глупую открытку: «Смерть Сталину! Да здравствует Троцкий!» Знакомый передал открытку руководству французской компартии. Возник скандал. Открытка, отправленная из норвежского убежища Троцкого, была интерпретирована как призыв Троцкого к индивидуальному террору и убийству Сталина[493]. Коминтерновская печать опубликовали ее под заголовком «Троцкист Зеллер призывает к убийству Сталина»[494]. Был выпущен ряд инструктивных писем для руководящих органов компартий. В одном из них выдвигалось требование показать «массам троцкизм как агентуру фашизма, а Троцкого и троцкистов как подлейших врагов СССР, врагов свободы народов». В другом, разосланном от имени Секретариата ИККИ, высказывалось категорическое требование, чтобы ведущие деятели западноевропейских компартий, присутствовавшие на судебных процессах в Москве, публично выступили в европейских столицах, рассказывая, что «троцкисты» организовали убийство Кирова, взрывы шахт и прочие преступления[495]. Иначе говоря, развязывая Большой террор внутри страны, Сталин одновременно предпринимал психологическую атаку против Троцкого и его сторонников на международной арене. Пока только психологическую. Настоящая бойня была еще впереди.

4. Троцкисты и гражданская война в Испании

Со второй половины 30-х гг. мир постепенно втягивался во Вторую мировую войну, хотя об этом никто не догадывался. К региональным вооруженным конфликтам и войнам все давно привыкли и не считали их предвестниками большой войны. В 1931 г. Япония захватила крупную китайскую провинцию Маньчжурию и создала на ее территории марионеточное государство Маньчжоу-Го (но это была азиатская, а не европейская война). В 1935 г. Италия совершила агрессию в Африке, поработив Абиссинию (Эфиопию), — но эта война была африканская. В 1936 г. с невиданным для Европы ожесточением — с невиданным со времен Первой мировой войны и революции в России — гражданская война вспыхнула в Испании. Здесь в 1931 г. была свергнута монархия и провозглашена республика. Непривычные к демократическим процедурам темпераментные испанцы легко склонялись в ту или иную сторону, к тем или иным силам, часто радикальным и даже экстремистским.

Тем временем VII конгресс Коминтерна, созванный в 1935 г. и оказавшийся последним, под давлением событий в Германии — прихода Гитлера к власти — взял курс на создание в Европе единого рабочего и антифашистского народного фронта. Предусматривалось, что в народный фронт, в отличие от единого рабочего фронта, будут входить не только коммунистические, социал-демократические партии и другие рабочие организации, но также разного рода «буржуазные» партии и организации, стоящие на левом фланге и выступающие против «фашизма». Еще до конгресса Народный фронт образовался во Франции, а вскоре после него — еще в ряде стран. В 1936 г. в Испании и Франции Народные фронты одержали победы на парламентских выборах.

Выступая на международной арене против «фашизма», реакции и подготовки новой мировой войны, заключая соответствующие договоры и соглашения, сталинское правительство использовало все более обострявшееся международное положение для нагнетания террора и атмосферы всеобщего страха и дальнейшего укрепления тоталитарной системы внутри страны. Троцкий не мог всего этого не видеть. Тем не менее внешняя политика Сталина в этот период европейскими демократическими правительства была воспринята положительно. Разгромив с помощью Гитлера Веймарскую республику и германскую социал-демократию, Сталин теперь

отказывался от курса на немедленную мировую революцию и политики конфронтации с социал-демократиями других европейских стран. Он дал разрешение национальным компартиям на вступление в политические блоки и соглашения с европейскими «меньшевиками» ради борьбы с фашизмом. Он отказывался, по крайней мере публично и декларативно, от поддержки национал-социализма в Германии и фашизма в Италии. Он заявил о готовности СССР создать с европейскими государствами систему договоров о взаимопомощи на случай внешней агрессии, под которой в контексте европейских событий могла иметься в виду только агрессия Германии. Для Европы это было логическим продолжением и развитием провозглашенной ранее Сталиным теории о строительстве социализма в одной стране. VII конгресс Коминтерна стал последним съездом Интернационала не случайно: Сталин не видел более необходимости в этой организации. Всю остальную работу по организации мировой революции должен был по замыслу Сталина проделать «ледокол революции» Гитлер.

На внешнеполитической арене в те дни у Сталина нашелся один серьезный критик: Троцкий. В многочисленных статьях «Бюллетеня оппозиции» и периодических изданий различных национальных групп своих сторонников Троцкий решительно выступил против курса Народного фронта. Уже в первых откликах на решения VII конгресса Коминтерна создатель теории перманентной революции писал, что Коминтерн стал на всегда ранее осуждавшийся коммунистами путь «демократической коалиции и патриотизма», что Народный фронт явится лишь кратким историческим эпизодом и будет хорошо, если под своими обломками он не похоронит остатки демократии[496]. Ирония заключалась в том, что под спасением «остатков демократии» Троцкий понимал не сохранение существующих западноевропейских демократических институтов, а полное их уничтожение и замену их властью Советов по образцу российских Советов 1905 и 1917 гг. В слово «демократия» Троцкий вкладывал совершенно произвольный смысл, поскольку в одних случаях имел в виду «социалистическую демократию», то есть коммунистическую диктатуру, а в других случаях — буржуазную или капиталистическую демократию, то есть — по мнению Троцкого — диктатуру буржуазии. Демократия в привычном смысле этого слова в мировоззрении Троцкого отсутствовала.

После победы Народного фронта на выборах во Франции и случившейся там массовой забастовки Троцкий, не меняя своего мнения в принципе, изначально крайне переоценил значение французских событий, назвав даже статью о них «Французская

революция началась». Правда, в самой статье речь шла скорее не о том, что революция уже началась, а о необходимости начать таковую[497]. Разумеется, Троцкий не мог избавиться от аналогии между Народным фронтом и Февральской революцией 1917 г. Если так смотреть на выборы во Франции, можно было дотянуть логическую ниточку и до очередного, теперь уже французского, Октября. Однако ни Февральской, ни Октябрьской революции во Франции не случилось, так как тактика Народного фронта не имела ничего общего с февральскими событиями 1917 г. в далекой «отсталой» России. И Троцкий возвратился к весьма скептической оценке событий, произошедших во Франции, и перспектив социалистической революции в этой стране в обозримом будущем.

Тогда он переключился на Испанию. Во время политических волнений и крупного забастовочного движения в Каталонии и Астурии в 1934 г. Нин, Игнацио Иглесиас и другие последователи Троцкого, которые, несмотря на разногласия, оставались в целом еще верными своему учителю, играли видную роль в организации уличных волнений, столкновений с полицией и длившихся несколько дней вооруженных боев в Астурии в октябре 1934 г. Считая, что они следуют указаниям Троцкого о «французском повороте», Нин и его товарищи приняли решение о вступлении в Социалистическую партию. Более того, с социалистами была достигнута договоренность о формировании новой партии на паритетных началах с еще несколькими мелкими группами под названием Рабочая партия марксистского объединения (ПОУМ), образование которой было провозглашено в сентябре 1935 г.

С подачи Троцкого Интернациональный секретариат, а затем и сам Троцкий подвергли образование ПОУМ резкой критике. Нина Троцкий упрекал в том, что он согласился на объединение до формирования собственной фракции, без собственного флага и собственных идей[498]. Дошло до того, что в январе 1936 г. Троцкий написал статью под названием «Измена Испанской рабочей партии марксистского единства», которая была опубликована в нескольких газетах национальных организаций Движения за 4-й Интернационал[499]. Называя ПОУМ оппортунистической партией, стоящей на позиции «блока верхушки рабочего класса с левой буржуазией», Троцкий выражал надежду на то, что в Испании найдутся «подлинные революционеры». Таковые, однако, в понимании Троцкого не обнаруживались, а тактика Нина оказалась верной: ПОУМ вошла в Народный фронт, заняла там достаточно прочные позиции, приобрела определенный авторитет в Каталонии, где Нин стал провинциальным министром юстиции, а в феврале 1936 г.,

вопреки всем злобным и пессимистическим предсказаниям Троцкого, Народный фронт победил на выборах в кортесы — в испанский парламент. Так что «февральская» революция в Испании уже как бы произошла. Осталось дело за «октябрьской».

В состав объединения входили разнородные политические силы — центристские республиканцы, умеренные социалисты (они преобладали), верные Москве коммунисты, Рабочая партия марксистского объединения (ПОУМ), возникшая на базе нескольких мелких групп, считавших себя ранее сторонниками Троцкого и призывавшая к немедленному установлению «диктатуры пролетариата». Преобладавшие умеренные силы стремились к проведению демократических преобразований по западному образцу, в частности к наделению крестьян землей и закреплению республиканских институтов власти. Эти цели совершенно не устраивали крайне консервативные силы, которые летом 1936 г. под руководством генерала Франсиско Франко[500] подняли военный антиправительственный мятеж. Но и левых (в том числе Троцкого и его единомышленников) эти демократические цели не удовлетворяли, и ПОУМ тотчас после выборов от участия в народном фронте отказалась — в полном соответствии с установками Троцкого об отказе от «демократических коалиций».

Разрываемая консервативными и радикальными политическими силами, Испания стала фронтом противостояния международного фашизма и интернационального левого либерализма. Первый был представлен Германией и Италией, оказывавшими Франко помощь на правительственном уровне. Второй — всеми остальными. Здесь были и сторонники «западной» демократии, и коммунисты с троцкистами, и синдикалисты с анархистами. Испания стала магнитом, который притянул всех соскучившихся по революционным схваткам и уставших от мира людей. На правительственном уровне им помогала только одна страна: сталинский Советский Союз. Под вымышленными, обычно испанскими именами в Испанию стали прибывать советские командиры, летчики и танкисты. Несколько старших офицеров прибыли туда для инструктирования испанской правительственной (демократической) армии. Но наибольшее внимание Москва уделяла шпионажу, вербовке, перевербовке и расправам над теми оказавшимися в Испании людьми, которых НКВД объявлял неугодными. Именно в Испании была совершена вереница убийств иностранных противников Сталина (реальных и воображаемых).

Несмотря на то что ПОУМ подвергалась ожесточенным атакам со стороны просталинистских организаций и в самой

Испании, и за ее пределами, нападки на ПОУМ со стороны Троцкого и Интернационального секретариата все более усиливались. При этом раздражение по отношению к бывшему сторонник Нину было настолько резким, что Троцкий использовал для критики даже «буржуазные» печатные издания. В частности, он дал интервью 19 февраля 1937 г. корреспонденту французского «буржуазного» агентства Гавас, обрушившись на «блокистскую тактику» ПОУМ, причем интервью было опубликовано не только во французских, но и во многих английских и американских газетах[501].

В течение недолгого времени ПОУМ являлась наиболее мошной организацией в Европе, которая с известными, правда весьма существенными, оговорками принимала сторону Троцкого, который, казалось, должен был бы это понимать и быть намного осторожнее в своих оценках. Тем не менее негативное отношение Троцкого к ПОУМ и ее лидерам сохранялось[502]. Нина Троцкий обзывал не иначе как «испанским Мартовым», что в устах Троцкого было ругательством. Безапелляционность Троцкого была вызвана не столько его укоренившимся с годами фанатизмом и догматизмом коммунистического теоретика, сколько ощущением, что гражданская война в Испании — последняя практическая точка опоры, при помощи которой можно было перевернуть весь мир, то есть развернуть если не всемирную, то во всяком случае общеевропейскую перманентную революцию. Троцкий и сам собирался отправиться в Испанию, чтобы непосредственно возглавить это мощное революционное движение. По его просьбе ряд испанских революционных деятелей обратился с официальным ходатайством о разрешении Троцкому прибыть в Каталонию. Региональное правительство, однако, эту просьбу единодушно отвергло. Сделано это было, в частности, после того, как советский генеральный консул в Барселоне бывший единомышленник Троцкого Антонов-Овсеенко пригрозил премьеру Каталонии Луису Компанису, что в случае прибытия Троцкого в Испанию СССР прекратит оказание какой бы то ни было помощи испанскому республиканскому правительству[503].

5. Изгнание из Норвегии

С момента убийства Кирова в СССР стал нарастать политический террор, развязанный Сталиным против собственной советской номенклатуры. Вскоре после убийства были арестованы Зиновьев, Каменев и некоторые другие бывшие деятели объединенной оппозиции. На состоявшемся 15–16 января 1935 г. суде над 19 лицами подсудимые были признаны виновным в том, что несут морально-политическую ответственность за смерть Кирова, и приговорены к различным срокам наказания: Зиновьев к 10 годам заключения, Каменев — к пяти, остальные — к различным срокам от 5 до 10 лет тюрьмы. Но этот суд оказался самой первой прелюдией. Аресты и ссылки стали постоянной практикой. Виктор Серж, вырвавшийся из советского ада, рассказывал Седову, что в Оренбурге совсем недавно было 15 ссыльных, а затем стало 200. «Большевики-ленинцы», то есть сторонники Троцкого, по словам Сержа, делились на «твердых» и «гуманитарных» (сам Серж причислял себя ко вторым): «Твердые считают, что репрессии правильны по отношению к другим, но неправильны по отношению к б[ольшевикам]-л[енинцам]. Вторые считают, что неправильны по отношению ко всем. Среди ссыльных большие разногласия. Старик Эльцин сказал: «Нас соединяет ГПУ»[504].

Процессы и террор были для советского режима не новостью. Но прежние процессы предположительно касались врагов, членов других политических партий или беспартийных лиц. Теперь же на публичный суд выставлялись коммунисты, и не просто коммунисты, а старая ленинская гвардия, вожди революции и государства, те, кто являлись соратниками «великого Ленина». Разобраться в этой вакханалии невозможно было никому: ни обвиняемым, ни очевидцам. Более полугола велось следствие по делу об «антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре». «Следствие» заключалось в том, что из обвиняемых выбивали признательные показания в обмен на туманные обещания сохранить жизнь им и близким. В течение всего «следствия» Сталин лично руководил фабрикацией обвинений, причем наиболее активную помощь ему оказывал Каганович, который непосредственно вел приготовления к суду, а затем следил за его проведением. Каганович усердствовал, так как среди арестованных в это время был его заместитель по Наркомату путей сообщения Я.А. Лившиц, и Каганович опасался, как бы в «троцкизме» не обвинили его самого. Переписка Кагановича со Сталиным проливает свет на то, какой системой

доказательств пользовалась прокуратура и насколько Сталина и его помощников интересовала истина. Вот что писал Каганович о показаниях Е.А. Дрейцера и Р.В. Пикеля[505] (выбитых следователями НКВД): «Прочитал я показания мерзавцев Дрейцера и Пикеля. Хотя и раньше было ясно, но они со всеми подробностями раскрывают истинное бандитское лицо убийц и провокаторов — Троцкого, Зиновьева, Каменева и Смирнова. Теперь уже абсолютно ясно, что главным вдохновителем этой шайки является эта продажная стерва Троцкий. Пора бы его объявить «вне закона», а остальных подлецов, сидящих у нас, расстрелять»[506].

Направление судебного разбирательства и приговор были предопределены заранее и цинично прозвучали в заголовке статьи Л.П. Берии[507] «Развеять в прах врагов социализма», опубликованной в день начала суда, 19 августа 1935 г. (процесс завершился 24 августа).

На августовском процессе на скамье подсудимых находились 16 человек, в том числе бывшие ближайшие соратники Ленина и соправители Сталина по «тройке» во время болезни и непосредственно после смерти Ленина, а позже — лидеры объединенной оппозиции Зиновьев и Каменев, а также видные участники объединенной оппозиции Евдокимов, Мрачковский и И.Н. Смирнов, то есть лица, близкие скорее Зиновьеву, а не Троцкому. В дни суда центральная советская печать публиковала вперемежку статьи о Троцком, Зиновьеве и Каменеве, написанные руководителями партии и бывшими оппозиционерами: Пятаковым, Преображенским, Раковским, Радеком, то есть теми, кто в прошлом разделял взгляды Троцкого[508]. Именно потому, что Сталину нужны были эти клеветнические статьи, написанные бывшими соратниками, Сталин не стал арестовывать всех лидеров оппозиции одновременно, а морально уничтожал одних руками других, испытывая при этом поистине животное наслаждение и решая пропагандистские задачи. 23 августа Сталин, умышленно уехавший из Москвы на Кавказ на время суда, писал Кагановичу с садистской интонацией: «Статьи у Раковского, Радека и Пятакова получились неплохие. Судя по корреспондентским сводкам, инокорреспонденты. замалчивают эти статьи, имеющие большое значение. Необходимо перепечатать их в газетах в Норвегии, Швеции, Франции, Америке, хотя бы коммунистических газетах. Значение их состоит между прочим в том, что они лишают возможности наших врагов изображать судебный процесс как инсценировку и как фракционную расправу ЦК с фракцией Зиновьева-Троцкого»[509].

Заголовки советской прессы не обещали обвиняемым ничего

хорошего: «Беспощадно уничтожить презренных убийц и предателей», «Добить до конца»… Этому хору вторил, как всегда в подобных случаях, псевдопоэт Демьян Бедный, опубликовавший стихотворение «Пощады нет»[510]. «Жалкую и гнусную» статью (по словам «Бюллетеня оппозиции») опубликовала в связи с процессом Крупская[511]. На суде все обвиняемые «чистосердечно признавались» в совершении самых фантастических преступлений, видимо сохраняя зыбкую надежду на то, что их действительно оставят в живых. Но надежда осталась тщетной. Все подсудимые были приговорены к «высшей мере» наказания и в тот же день, 24 августа, расстреляны.

Познакомившись с проектом приговора, Сталин в целом его одобрил, но потребовал приписать, что «Троцкий и Седов подлежат привлечению к суду или находятся под судом или что-либо другое в этом роде. Это имеет большое значение для Европы, как для буржуа, так и для рабочих. Умолчать о Троцком и Седове в приговоре никак нельзя, ибо такое умолчание будет понято таким образом, что прокурор хочет привлечь этих господ, а суд будто бы не согласен с прокурором»[512].

29 сентября по команде Сталина Каганович провел через Политбюро постановление «Об отношении к контрреволюционным троцкистско-зиновьевским элементам», являвшееся фактически директивой об уничтожении всех бывших оппозиционеров. В нем говорилось: «До последнего времени ЦК ВКП(б) рассматривал троцкистско-зиновьевских мерзавцев как передовой политический и организационный отряд международной буржуазии. Последние факты говорят, что эти господа скатились еще больше вниз, и их приходится теперь рассматривать как разведчиков, шпионов, диверсантов и вредителей фашистской буржуазии в Европе… В связи с этим необходима расправа с троцкистско-зи-новьевскими мерзавцами, охватывающая не только арестованных, следствие по делу которых уже закончено, и не только подследственных… дела которых еще не закончены, но и тех, которые раньше были высланы»[513].

Население СССР в целом отнеслось к судебному процессу равнодушно, а некоторая его часть — со злорадством, так как расстреливали тех, кто когда-то организовывал и революцию, и красный террор, и гонения на священнослужителей, и подавление крестьянских восстаний, и проведение коллективизации… В то же время некоторые недальновидные и неосторожные смельчаки-интеллектуалы придерживались иного мнения, не понимая, что это мнение аккуратно записывалось «сексотами» (секретные сотрудники НКВД) и превращалось затем в оформленные доносы,

ложащиеся в основу открытия новых судебных дел. Так, в сводке секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР о настроениях писателя Бабеля от 22 сентября 1936 г. утверждалось, что Бабель высоко оценивал приговоренных в Москве к смертной казни и положительно отзывался о Троцком: «А возьмите Троцкого. Нельзя себе представить обаяние и силу влияния его на людей, которые с ним сталкиваются. Троцкий, бесспорно, будет продолжать борьбу, и его многие поддержат»[514].

Обвинения по адресу Троцкого предъявлялись и до процесса 16-ти, но в ходе этого суда и после него превратились в совершенно бессмысленную и безграничную по своей злобности и кровожадности клеветническую кампанию. Троцкого обвиняли в организации убийства Кирова, в саботаже, подрывной деятельности, шпионаже, связях с «империалистическими державами». Советское полпредство в Норвегии недвусмысленно разъяснило министерству иностранных дел в Осло, что дальнейшее пребывание Троцкого на норвежской территории нежелательно и невозможно. Советский полпред в Норвегии Якубович[515] открыто угрожал норвежцам экономическими санкциями[516].

Еще 5 августа 1936 г. правые экстремисты в Норвегии совершили нападение на дом, в котором проживал Троцкий, надеясь найти компрометирующие материалы о связи Троцкого с «международным коммунизмом». В момент налета дом был пуст, и ничего интересного налетчики не нашли. Не имея возможности, согласно условиям пребывания в Норвегии, давать интервью и публиковать под своим именем политические статьи, Троцкий воспользовался этим инцидентом для того, чтобы подать жалобу в суд и публично высказаться по поводу проходившего в Москве судебного процесса[517]. По требованию министерства юстиции дело рассматривалось при закрытых дверях 11 декабря 1936 г. Суд весьма неохотно, но терпеливо, в течение четырех часов выслушивал Троцкого. Он говорил о процессе 16-ти в целом как о грандиозной и наглой клевете, в частности по поводу выдвинутого против него «лично чудовищного обвинения в организации террористических актов в союзе с гестапо»: «Я присоединил к этим показаниям, данным мною под судебной присягой, обширный комментарий, характеризующий подготовку последних московских процессов, личность главных подсудимых, методы извлечения добровольных признаний и т. д.»[518], — заявил в суде Троцкий[519].

Тем временем в сталинском окружении возникли первые планы организации убийства Троцкого. Его устранение обсуждалось даже с советскими дипломатами, в частности с

Коллонтай, являвшейся с 1930 г. полпредом в Швеции, но перед этим занимавшей такой же пост в Норвегии и считавшейся экспертом по скандинавским делам. Очевидно, что в 1936 г. Коллонтай спасла Троцкого: она высказалась в том смысле, что ликвидация Троцкого в Норвегии окажется событием «слишком шумным», и рекомендовала предъявить норвежскому правительству ультиматум и ограничиться экономическими санкциями, в частности прекратить покупку у Норвегии сельди до тех пор, пока Троцкий не будет из страны выслан[520]. Так что вместо того, чтобы убивать в Норвегии Троцкого, решили перестать есть селедку.

По требованию Сталина норвежцам были переданы две ноты советского Наркомата иностранных дел, в которых выражался протест против пребывания Троцкого на территории Норвегии и заявлялось, что норвежское правительство несет за это «полную ответственность». Кроме того, 27 августа 1936 г. Сталин дал указание Кагановичу оказать на Норвегию политическое давление: «Одновременно с посылкой ноты норвежскому правительству необходимо взять в атаку верхушку норвежской рабочей партии. Эта верхушка, видимо, посвящена во все секреты Троцкого, ввиду чего она в своей газете решительно защищает Троцкого. Этой норвежской сволочи надо бросить в лицо открытое обвинение в поддержке уголовно-террористических замыслов Троцкого»[521].

Сталин высказывал также недовольство тем, что в кампанию за выдворение Троцкого из Норвегии, а Седова из Франции недостаточно активно включились газета «Известия» и нарком иностранных дел Литвинов[522]. К вопросу о выдворении Троцкого из Норвегии Сталин неоднократно возвращался и позже[523].

Норвежское правительство оказалось в очень сложном положении. От Норвегии требовали немедленного изгнания «главного террориста», вина которого теперь, как утверждала советская пропаганда, была доказана на московском процессе. Министерство юстиции Норвегии, подчиняясь давлению, пришло к выводу, что кампания, развернутая Троцким в международной печати, нарушает условия, на которых ему разрешено было въехать в страну. Поскольку одно из интервью, посвященное исключительно событиям в Советском Союзе, было дано норвежской социал-демократической газете, министерство юстиции заявило, что классифицирует это деяние как вмешательство во внутренние дела Норвегии и что Троцкий будет немедленно интернирован вплоть до того времени, пока какая-нибудь страна не согласится дать ему въездную визу. По

существу, повторялась французская ситуация, но при этом советскому полпредству была выдана одна версия, а Троцкому — другая. В ответе на советскую ноту мотивировки не было никакой, но из контекста становилось понятно, что интернирование связано с обвинениями, выдвинутыми против Троцкого на августовском московском процессе. Троцкий же воспринял санкции норвежцев иначе: «Норвежское правительство интернировало меня по обвинению в том, что я веду литературную работу в духе и смысле 4-го Интернационала»[524], — вспоминал он. Конечно, называя свою деятельность «литературной», Троцкий умышленно смягчал политическое значение своих выступлений.

2 сентября в дом Конрада Кнудсена в поселке Вексхал, где проживал Троцкий, явились представители министерства юстиции Норвегии и от имени министра Трюгве Ли предъявили ему ультиматум: полное прекращение публичной деятельности или же интернирование. Как и следовало ожидать, Троцкий отказался выполнить требование о прекращении политической деятельности и вместе с женой был препровожден в сопровождении полиции в местечко Харум, в 50 километрах к югу от Осло, где был поселен в небольшом доме, арендованном министерством внутренних дел именно для содержания там Троцкого.

В ряде своих обращений в государственные органы Норвегии Троцкий доказывал, что при получении визы он взял на себя обязательство не вмешиваться во внутренние дела Норвегии, но ни в коем случае не отказывался от публицистической деятельности, связанной с делами в других странах. Поэтому Троцкий попросил своего норвежского адвоката Мишеля Пюнтервольде попробовать оспорить в судебных и административных инстанциях несправедливость и незаконность его интернирования. Троцкий напоминал, что в июле 1935 г., вскоре после прибытия в Норвегию, его посетили «в знак уважения» член руководства рабочей партии и редактор ее центрального печатного органа газеты «Арбидерблад» («Рабочий листок») Мартин Транмель и министр юстиции Трюгве Ли[525]. Транмель попросил Троцкого дать интервью для его газеты. Когда Троцкий задал вопрос присутствующему тут же министру юстиции, не является ли такое интервью нарушением условий его пребывания в стране, Ли рассмеялся и махнул рукой, добавив, что запрет на интервью — пустая формальность[526].

Почему советское правительство обратилось со своей недружелюбной нотой только к норвежскому правительству, но не к французскому, хотя его сын Седов точно так же, как и сам

Троцкий, был обвинен на московском процессе во всевозможных грехах? — задавал Троцкий через адвоката риторические вопросы норвежскому Минюсту. «Не потому ли, что Франция больше? Но разве юстиция измеряется квадратными километрами? Или потому, что Москва находится в союзе с Парижем?»[527] Троцкий попытался даже публично объявить о том, что, если советские власти потребуют его выдачи и предъявят доказательства его вины норвежскому правосудию, а норвежский суд сочтет эти основания вескими, он обязуется немедленно подчиниться решению о депортации в СССР, чтобы предстать перед сталинским судом. Но довести это заявление до всеобщего сведения Троцкий не имел возможности, ибо был под фактическим арестом. 15 ноября 1936 г. он обратился с письмом к правительству Норвегии, в котором говорилось: «Советское правительство не считает возможным требовать моей выдачи. Заговор с моим участием ведь «доказан»… Почему же не предъявить эти доказательства норвежской юстиции?.. Недоверие всего цивилизованного человечества к московскому процессу было бы устранено одним ударом. Этого, однако, они не сделали. Почему? Потому что все это дело есть хладнокровно подстроенный подлог, неспособный выдержать и легкого прикосновения свободной критики… Московский процесс в зеркале мирового общественного мнения есть страшное фиаско… Правящая клика не может перенести этого… Для поддержания своих обвинений против меня она не может не открывать новые покушения, заговоры и пр.»[528].

До Сталина, однако, это письмо не дошло. Оно было конфисковано норвежскими властями и передано советскому правительству не было. Сталин так никогда и не узнал о привлекательном для советского «правосудия» предложении Троцкого. Более того, в ответ на письмо правительство Норвегии ужесточило режим интернированного политэмигранта. 18 ноября Троцкому было передано официальное сообщение министерства юстиции, запрещавшее ему принимать участие в каких-либо международных печатных изданиях и поддерживать связь с адвокатами за рубежом. 19 ноября Троцкий сообщил сыну, что министерство юстиции конфискует все его письма, касающиеся личной защиты в связи с обвинениями на московских процессах. Каким-то чудом письмо Троцкого сыну было пропущено. Видимо, его сочли слишком личным.

Именно тогда, когда положение казалось уже совершенно безнадежным, а Троцкий находился под домашним арестом без права переписки и общения с внешним миром, ситуация неожиданно изменилась: генеральный консул Мексиканской

республики в Осло получил инструкции своего правительства передать без публичного оповещения господину Троцкому или его адвокату, что Троцкий может, если пожелает, немедленно получить визу на въезд в Мексику. Так начинался новый, последний этап жизни и деятельности вечного революционера, теперь уже за океаном. 19 декабря 1936 г. вместе с Натальей он был посажен на пароход, взявший курс на Западное полушарие.

Глава 5. ПРОДЕЛКИ «СВОЛОЧИ ИЗ ГОРИ» [529]

1. Зборовский и другие

В начале 30-х гг. в окружении Льва Седова появилась Лилия Яковлевна Эстрина[530]. В Париже она жила в абсолютной бедности. Согласно аналитической записке, составленной через много лет для Центрального разведывательного управления (ЦРУ) США, «она и ее муж [меньшевик С.Э. Эстрин] жили в квартире, набитой безработными родственниками, в том числе ее братом доктором Ральфом Гинзбергом и его женой, известной под именем доктора Фанни Трахтенберг (или Транченко, как знали ее в русской эмиграции). Оба врача не имели лицензии и права практиковать во Франции, и зарплата Лилии в 1500 франков в месяц на многие годы была единственным нормальным доходом на всю семью»[531]. Лилия занималась в «Бюллетене оппозиции» в основном техническими делами, хотя подчас выполняла и ответственные задания по подбору материалов номера, его структурированию и распространению тиража. Во время нахождения Троцкого в Норвегии, когда он нуждался в русской машинистке, Седов обсуждал с отцом возможность отправки Эстриной в Норвегию на 4–6 недель, на условиях предоставления ей жилья и пропитания в доме Троцкого и зарплаты 1200–1500 франков. Седов характеризовал Эстрину как меньшевичку и указывал на связанные с этим риски, главным из которых была утечка информации. Предполагалось, что в случае, если Эстрина действительно появится в доме Троцкого, она не будет задействована в проектах, имеющих отношение к политическим вопросам, и не будет иметь доступа к архиву Троцкого. Поскольку такие ограничения делали невозможной работу у Троцкого машинистки, Лев Давидович Эстрину на работу не взял. Но отношения ее с Седовым сохранились и даже упрочились.

В 1940 г. Эстрина развелась с мужем и уехала в США, вскоре став супругой Давида Далина, американского историка и политолога русского происхождения, сына известного меньшевика. Давид Далин со временем стал автором ценных книг об СССР, в частности о советском шпионаже за границей[532]. Одним из героев книги Далина оказался коллега Лилии по работе в «Бюллетене оппозиции» — Марк Зборовский[533], пишущий в «Бюллетене» под псевдонимом Этьен. В 1935 г. Эстрина помогла Зборовскому получить французскую визу, и тот смог обосноваться в Париже. Вместе с Эстриной Зборовский работал в парижском филиале Амстердамского международного института социальной истории, под началом историка и собирателя архивов Б.И.

Николаевского (на эту работу Зборовскому помогла устроиться Эстрина). Этьен прочно втерся в доверие к Седову, а через него и к обычно весьма осторожному и недоверчивому Троцкому, хотя с

Троцким Зборовский был знаком только заочно. На самом деле Зборовский был агентом советской разведки, известным под кодовыми именами Марс, Мак, Кант и — особенно часто использующимся — Тюльпан.

После бегства в США Орлова о Зборовском стало известно намного больше, так как Орлов неоднократно об Этьене рассказывал, и в закрытом порядке, и в открытом[534]. Вот один характерный отрывок из показаний Орлова:

«Мне стало известно, что во Франции существует очень ценный и весьма охраняемый агент, который был заброшен к троцкистам и стал ближайшим другом Льва Седова, сына Троцкого. Он был настолько ценным, что о его существовании знал лично Сталин. Его ценность, как я понимал, заключалась в том, что он в любое время мог стать организатором убийства самого Троцкого или сына Троцкого, потому что из-за того доверия, которым он пользовался у Троцкого и его сына, Марк мог рекомендовать Троцкому секретарей и охранников, а потому был в состоянии помочь убийце проникнуть в дом Троцкого в Мексике.

Когда я услышал об этом в Москве, я не стал узнавать, как зовут этого человека или как его фамилия, потому что в голове у меня немедленно созрело решение о том, что как только я снова окажусь за границей, то сам предупрежу Троцкого об этом шпионе; его имени я не стал допытываться по тем соображениям, что в случае его разоблачения начнется тщательное расследование. А поскольку о его существовании знала лишь горстка людей, будет нетрудно вычислить, кто именно знал и был способен разоблачить Марка. Однако я решил, что в Испании или во Франции, где я бывал очень часто, приложу все усилия, чтобы узнать, кто этот человек. Я считал, что мне это будет нетрудно сделать, ибо глава резидентуры во Франции был моим приятелем…

Работая в Испании, я по делам очень часто посещал Францию. Я встречался со всеми сотрудниками, там же я познакомился и с [сотрудником советской резидентуры] Алексеевым… Однажды, когда я вышел из посольства вместе с Алексеевым, он сказал мне: «Я знаю человека, который был внедрен к сыну Троцкого и сделался его тенью. Если этот человек поскользнется по моей вине, мне не сносить головы».

Естественно, я очень заинтересовался. Задал Алексееву пару вопросов, выяснил, что этого человека зовут Марком, но не стал

спрашивать его фамилии… Во время очередного посещения посольства Алексеев сказал мне, что должен встретиться с этим человеком. «Хотите на него посмотреть?»… Вскоре я увидел, что он встретился с невысоким мужчиной… Они уселись на скамейке. Я прошелся и устроился на другой скамейке, чуть подальше. Я видел, как они обменялись какими-то бумагами, что заняло не более трех, четырех или пяти минут, а затем расстались… Алексеев сказал мне, что Марк женат на молодой женщине и что они ждут ребенка. Еще он сказал… что Марк живет рядом с парком, в одной из улочек на его окраине… Я также обнаружил, что этот человек, Марк, писал статьи в «Бюллетене оппозиции» Троцкого… Этот Марк печатался там под псевдонимом «Этьен». Итак, если бы я решил предостеречь Троцкого, у меня уже были кое-какие сведения…Это произошло… в августе 1937 года».

Судя по всему, сотрудником НКВД с нейтральной фамилией Алексеев был Г.Н. Косенко (Кислов) — в тот период один из советских резидентов в Париже. Именно ему передавал Зборовский копии писем Троцкого и Седова, а также статьи, подготовленные для «Бюллетеня оппозиции», причем еще до их публикации[535]. Косенко работал под началом Бориса Атанасова, болгарина по национальности (он же: Афанасиев, Афанасьев), занимавшегося разработкой Седова и его окружения, начиная с 1936 г. Руководил всей операцией Яков Исаакович Серебрянский[536], имевший в своем распоряжении во Франции специальную разведывательно-диверсионную группу НКВД СССР («группа Яши»)[537]. Орлов указывает, что резидентом советской разведки в Париже был в то время Николай Смирнов. Идет ли речь действительно о Смирнове или же под Николаем Смирновым имелся в виду Серебрянский или Атанасов (и Орлов не хотел называть настоящие фамилии своих коллег) — понять сложно. Но достоверно известно, что кроме Зборовского у Атанасова был еще один агент, которого удалось внедрить в окружение Седова и которому Седов полностью доверял. Имя этого агента раскрыто и названо не было.

Зборовский поддерживал контакты с окружением Седова, видимо, с 1933 г., а в 1935 г., переехав во Францию, вступил в группу парижских троцкистов и вскоре стал близким другом и помощником Льва. Он получил доступ ко всем документам троцкистов, в том числе к нелегальной информации, идущей из СССР. Его донесения через куратора Зборовского сотрудника парижской резидентуры Алексеева передавались затем советскому резиденту в Париже Николаю Смирнову и далее непосредственно Сталину. Информация, шедшая от Зборовского, касалась деятельности Седова, «Бюллетеня оппозиции», старых и

новых контактов, меньшевиков, с которыми Этьен пересекался через Эстрину, о всех сотрудниках Троцкого, вообще о всей деятельности «хорьков», как с оттенком презрения именовались троцкисты в агентурной переписке ОГПУ — НКВД[538]. Седов же настолько доверял Этьену, что передал ему ключ от своего почтового ящика, поручил ему вести наиболее конфиденциальную переписку и хранил в его квартире свой самый секретный архив[539] (который регулярно копировался Зборовским и переправлялся в Москву).

Следует отметить, что большинство лиц из окружения Седова, в частности руководитель одной из парижских групп — писатель-сюрреалист Пьер Навилль, подозревали Зборовского в сотрудничестве с НКВД. Тесно работавший с Седовым голландец Снефлит тоже был убежден, что Этьен — предатель[540]. Но Седов и Эстрина настаивали на том, что Зборовскому можно полностью доверять. Между тем перед Зборовским была поставлена задача организовать похищение Льва Седова и доставку его в Москву[541]. Седова планировалось завлечь в такое место, откуда его можно было бы насильно вывезти в СССР морским или воздушным путем[542]. Проведением операции занимался 7-й отдел НКВД. Операция имела кодовое название «Сынок» и была одобрена Сталиным лично. Можно даже предположить, что именно ему принадлежало авторство издевательского названия «Сынок». Для возможной морской операции в Булони было приобретено рыболовецкое судно, которое должно было доставить похищенного Седова в Ленинград. На случай воздушной отправки был приготовлен самолет, который якобы должен был совершить «спортивный перелет» по маршруту Париж — Токио. Однако «ряд обстоятельств помешал операции осуществиться»[543], — показал Серебрянский. Главным препятствием было то, что после похищения 21–22 сентября 1937 г. советскими агентами генерала Е.К. Миллера — руководителя Русского общевоинского союза (РОВС) — офицерской организации эмигрантов-ветеранов, французские спецслужбы значительно усилили бдительность. Миллер был вывезен агентами НКВД в Москву на теплоходе «Мария Ульянова».

Целью операции было продвижение на пост председателя РОВС агента НКВД генерала Н.В. Скоблина[544], который принял активное участие в организации похищения, заманив Миллера на встречу с советскими агентами, действовавшими под видом немецких дипломатов. Однако, собираясь на встречу и предчувствуя опасность, Миллер оставил своим сотрудникам записку с указанием, к кому он отправляется вместе со

Скоблиным. В результате участие Скоблина в операции и его сотрудничество с НКВД было раскрыто и Скоблин вынужден был бежать. Не найдя более подходящего места, он укрылся в советском полпредстве в Париже, что было строжайше запрещено всеми имевшимися у НКВД инструкциями: это было серьезнейшим нарушением конспирации и всех существовавших дипломатических норм. После попадания в советское полпредство следы Скоблина теряются. В отчете советской разведки, ушедшем в Москву, не указывалось, что Скоблин укрылся в полпредстве. По одной из версий, Скоблин был после похищения Миллера все-таки вывезен из Франции и убит агентами НКВД уже в Испании. Разумеется, можно предположить, что из Франции вывозили труп Скоблина. Миллер же в Москве был заключен во внутреннюю тюрьму НКВД и расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР 11 мая 1939 г.

По всей Франции тогда проводились поиски Миллера, не давшие результатов, если не считать ареста еше одного советского агента во Франции — жены Скоблина, известной певицы Н.В. Плевицкой[545]. Ее участие в шпионаже в пользу СССР и в похищении Миллера было неопровержимо доказано, она была судима, приговорена к 20 годам каторги. Кроме того, французское правительство предупредило советскую сторону, что если на французской территории советской агентурой будет совершено хотя бы еще одно убийство, Франция разорвет с СССР дипломатические отношения[546], поэтому в Москве решили на некоторое время открытые убийства и похищения во Франции прекратить.

В феврале 1942 г. Центр сообщил резиденту советской разведки в США Максиму (под этой кличкой скрывался Зарубин, официально занимавший под фамилией Зубилин должность первого секретаря советского посольства в Вашингтоне, муж бывшей любовницы Блюмкина Горской), что в конце 1941 г. из Парижа в Нью-Йорк выехал «наш источник», Тюльпан, Зборовский Марк Григорьевич, 1908 года рождения, уроженец города Умани. Назывались приметы: средний рост, карие глаза, шатен, всегда носит очки. До сведения резидента в США доводился «послужной список» Тюльпана. В 1921 г. он вместе с родителями выехал в Польшу, в 1926 г. в Лодзи вступил в комсомол, а в 1929 г. — в польскую компартию, в 1930 г. был арестован за участие в подготовке забастовки текстильщиков, был приговорен к тюремному заключению, но сумел бежать в Германию, а затем во Францию, где вел работу «по линии компартии Польши». В 1934 г. Зборовский был завербован советской агентурой «для

разработки троцкистов», установил связь с французскими «троцкистами», в частности с Навиллем (его ошибочно называли в документе Набаль), с членами Международного секретариата и с «русской секцией, возглавляемой Седовым». Тюльпану, по оценке Центра, удалось стать первым помощником Седова по изданию «Бюллетеня оппозиции». Зборовский оценивался как «преданный и проверенный работник», но недостаточно энергичный и малоинициативный, которым «требуется систематически руководить». В США его предлагалось использовать для «разработки троцкистов»[547], что и было сделано. Резидентура установила контакт со Зборовским и значительно расширила возможности агентурной работы в среде американских сторонников покойного к тому времени Троцкого. От нового резидента в США — Мая (Степана Апресяна) — Центр требовал, чтобы в Америке Тюльпан был внедрен в круг лиц, связанных с международной деятельностью «хорьков». Особенно важным начальство считало его сближение с Хейженоортом, бывшим секретарем Троцкого, а теперь разбиравшим его архив в Гарвардском университете. От Зборовского требовали, чтобы он через ранее близкую к нему Эстрину «осторожно выяснил» каналы распространения в СССР «Бюллетеня оппозиции»[548] (уже прекратившего к тому времени свое существование, о чем советское правительство пока не знало).

Еще одним «сторонником» Троцкого из числа российских граждан, находившихся за границей, считался сотрудник полпредства СССР в Париже Харин, через посредников предложивший Троцкому стать связным между Троцким и его сторонниками в СССР. Крайне нуждающийся в русскоязычных помощниках Троцкий поверил Харину, чьи письма показались ему убедительными. Похоже, что именно Харин должен был издавать в Париже первый номер «Бюллетеня оппозиции» Троцкого. Трудно иначе объяснить, зачем Троцкий (снова через доверенных лиц) в июле 1929 г. переслал советскому дипломату полный машинописный текст первого номера «Бюллетеня оппозиции» и несколько подлинных документов, а также фотографии, которые предполагалось опубликовать в этом номере. Долгое время о Харине ничего не было слышно. В конце концов стало известно, что Харин — сотрудник ОГПУ и что в это ведомство он передал все полученные от Троцкого материалы, в том числе подлинник известного письма Крупской, написанного непосредственно после смерти Ленина. Выпуск журнала тогда задержался[549]. Что же касается письма Крупской, то, на счастье Троцкого, он сохранил фотокопию (иначе ему нечего было бы публиковать); оригинал письма Крупской был передан Сталину и

хранился в личном сейфе генсека в его кабинете.

Полагаясь на рекомендацию Р.Т. Адлер, Троцкий воспользовался также услугами Якова Франка, литовского еврея, члена компартии Австрии с конца 20-х гг., объявившего о своей солидарности с Троцким. Франк работал экономистом в торговом представительстве СССР в Вене, но уволился со службы по «политическим мотивам» и в мае 1929 г. приехал на Принкипо, чтобы под псевдонимом Греф работать при Троцком, к которому смог войти в доверие благодаря своему трудолюбию и солидным знаниям. Правда, недружелюбно относился к Франку Лев Седов. Его подруга Жанна Мартен де Паллиер — жена французского троцкиста Раймона Молинье, расставшаяся ради Льва Седова со своим мужем, — тоже недолюбливала Франка, считая его снобом и хвастуном[550]. Тем не менее осенью 1929 г. Франк по заданию Троцкого отправился в Чехословакию, где проявил немалую энергию и активность. 27 января 1930 г. Троцкий писал своему чешскому сторонникуХ. Леноровичу: «Товарищ Франк был моим секретарем на Принкипо несколько месяцев. Вы можете *полностью* доверять ему»[551].

Франк сотрудничал и в «Бюллетене оппозиции». В первом (сдвоенном) номере журнала было помещено его письмо в ЦК компартии Австрии с выражением солидарности с австрийскими и русскими «большевиками-ленинцами», с заверением, что он будет без колебаний идти по пути Маркса, Ленина и Троцкого[552]. Вскоре в журнале появилась статья Франка об экономических последствиях перехода СССР на рабочую «пятидневку»[553]. В 1930 г. Франк опубликовал в журнале материал о состоянии советской аграрной экономики в связи с коллективизацией сельского хозяйства, делая, в частности, вывод о том, что насильственная коллективизация порождает такие проблемы и трудности, которые в рамках нынешнего Советского государства не могут быть разрешены. Автор не знал о тех чудовищных примерах насилия, которые применялись при коллективизации. Дело еще не дошло до голода и массовой гибели крестьян. Тем не менее в статье делался вполне обоснованный вывод, что вместо социализма в СССР происходит аграрное перенаселение[554].

К статье Франка в «Бюллетене оппозиции» Троцкий дал примечание «От редакции», в котором, отмечая ценность опубликованной работы, высказывалось несогласие со «слишком легким» отношением автора к технико-производственной базе сельского хозяйства в СССР и его мнением, что можно сначала создать коллективные хозяйства, а потом уже подводить под них индустриальную базу[555]. Возможно, именно это примечание

вызвало недовольство Франка, который постепенно стал возвращаться на ортодоксальные коммунистические позиции и вскоре покинул Троцкого, дав повод заподозрить себя в сотрудничестве с советской разведкой как работавшим вместе с ним на Принкипо троцкистам[556], так и историкам[557]. Сам Троцкий, однако, не считал Франка агентом ОГПУ, да и никаких формальных доказательств сотрудничества Франка с Москвой за все эти годы предъявлено не было.

Доверием Троцкого и Седова пользовались еше два русскоязычных члена левой оппозиции, активно участвовавшие в подготовке к изданию «Бюллетеня», жившие в Германии под псевдонимами Роман Ведь и Адольф Сенин — братья Рувелис и Абрахам Соболевичусы. Как и Франк, они были литовскими евреями, причем именно Франк рекомендовал их Льву Седову. Оба произвели на Седова великолепное впечатление своими деловыми качествами и широкими связями. Роман Вель занялся распространением «Бюллетеня» в Германии, а затем и в других странах. Адольф Сенин стал близким помощником Седова по техническим вопросам, связанным с выпуском журнала. Вель и Сенин вступили с Троцким в оживленную переписку и делали вид, что исправно выполняют его задания. Оказалось, однако, что оба они были внедрены в окружение Седова советской разведкой. Их задача состояла не в шпионаже, а во внесении дезорганизации в среду сторонников Троцкого в Германии, которые и без того относились друг к другу с подозрением и легко поддавались на провокации. В итоге, если изначально германская группа сторонников Троцкого была значительной и сплоченной, в результате акций братьев Соболевичус в ней произошел раскол, и к моменту прихода к власти в Германии нацистов троцкисты полностью потеряли влияние, которым они исходно обладали.

Согласно досье НКВД А. Соболевичус (Чех) в 1921 г. во время пребывания в Германии вступил в компартию, в 1927 г. в качестве корреспондента немецкой провинциальной коммунистической газеты побывал в СССР, в 1929 г. стал активно участвовать в деятельности германских «троцкистов» в Лейпциге и был исключен из компартии. В 1931 г., как сообщало досье, Чех был «привлечен к нашей работе по «хорькам». В 1932 г. по указанию Троцкого он выезжал в Москву «для установления связи с подпольем и передачи литературы». Обо всех своих действиях он, разумеется, исправно доносил в ОГПУ, которое отмечало, что благодаря Чеху «более 200 «хорьков» отошло от Старика»[558].

В 1933 г. Соболевичусы эмигрировали во Францию, где Чех безуспешно пытался завербовать одного из секретарей Троцкого. Затем под новыми именами Роберт Соблен и Джек Собл братья

перебрались в США, где в 1942 г. с ними установила связь советская резидентура, использовавшая их для «разработки хорьков» в Америке[559]. После окончания Второй мировой войны ФБР удалось вычислить советских агентов и в 1947 г. заслать в их группу своего сотрудника. В течение следующих десяти лет американская разведка вела дезинформационную игру со своими советскими коллегами, а в 1957 г. Соблен и Собл были наконец арестованы. Соблену удалось добиться временного освобождения под крупный денежный залог, после чего он сбежал в Израиль. Выданный израильскими властями американцам, он покончил жизнь самоубийством в сентябре 1962 г. в Лондонском аэропорту — по пути в Нью-Йорк, куда его из Израиля доставили под охраной[560]. Джек Собл, арестованный тогда же, но не выпущенный под залог, раскололся, пошел на сотрудничество с ФБР и сообщил следователям, например, что перед приездом в США накануне Второй мировой войны побывал в Москве, где, в частности, был принят Берией. «Товарищ Сталин помнит ваше имя и ваши заслуги в борьбе против врага нашего государства Троцкого»[561], — сказал ему нарком внутренних дел. Собл признал, что различными путями получал копии писем Троцкого и документы троцкистских организаций, передавал их советской разведке, причем в США контактировал непосредственно с первым секретарем советского посольства Василием Зубилиным (В.М. Зарубиным, Максимом). Несколько позже Зубилин был объявлен персоной нон грата и выдворен из США за деятельность, несовместимую с дипломатическим статусом[562].

2. Похищение архива Троцкого

Не имея возможности выступить с публичным разоблачением клеветнических обвинений, выдвинутых советским судом, находившийся под домашним арестом в Норвегии Троцкий поручил своему сыну взять эту нелегкую ношу на себя, причем настойчиво требовал ускорения работы[563]. Сам он лихорадочно изучал все доступные ему материалы, связанные с процессом. «Вооруженный красным, синим и черным карандашами, он делал выписки из отчетов суда и набрасывал свои заметки на клочках бумаги. Его кабинет был заполнен гранками и рукописями, исчерпывающе разоблачавшими [сталинские] преступления, — вспоминала Седова. — Однажды он сказал мне: «Я устал от всего этого — от всего этого — понимаешь?»[564] Сын делал, что мог. Московскому августовскому процессу был посвящен очередной сдвоенный номер «Бюллетеня оппозиции». Затем на свет появилась «Красная книга о Московском процессе», подготовленная Седовым и содержащая новые разоблачения сталинских обвинений[565].

В разгар подготовки «Красной книги о Московском процессе» Лев Седов передал находившиеся у него исторические документы на хранение в надежные места. Наиболее ценную часть бумаг он отдал Зборовскому. Менее важная, по его мнению, коллекция (газетные вырезки и сопроводительные к ним бумаги, административная переписка «Бюллетеня оппозиции», некоторые документы турецкого периода жизни Троцкого) была передана на хранение в Парижский филиал Амстердамского международного института социальной истории, за что Седов получил вознаграждение 15 тысяч франков. Документы принял Николаевский[566].

В ночь на 7 ноября 1936 г. произошло ограбление филиала института и значительная часть бумаг Троцкого была похищена. Операцией руководил Серебрянский. Он снял квартиру на улице Мишле, неподалеку от архива, расположенного на той же улице, и разработал план, утвержденный затем высшим руководством страны; операцию назвали «Генри». Несколько ящиков похищенных бумаг были переданы затем Георгию Косенко, и тот переправил их в Москву. Грабителей привел в архив, совершив своего рода разведку боем, сам Зборовский. Он воспользовался тем, что работал на Парижской телефонной станции, дважды организовал порчу телефона в архиве и явился туда якобы для починки телефонной линии, за что даже получил «на чай» от Николаевского[567].

Орлов вспоминает: «Однажды ночью кто-то проник в помещение, выжег в двери дыру и похитил этот архив. В действительности это было задумано Марком [Зборовским]… но для того, чтобы подозрение не пало на него, во время кражи он сам там не присутствовал. Наоборот, для него было придумано хитроумное алиби. Именно в эту ночь он был в квартире сына Троцкого и вместе с другими товарищами пил в честь Октябрьской революции».

Но именно Зборовский, по сведениям Орлова, «снабдил проникших в Институт агентов НКВД планом и точным указанием, где спрятаны бумаги Троцкого», а затем доложил в Москву об успехе. В формальном отчете Службы внешней разведки о проведенной операции говорилось: в ноябре 1936 г. советской разведывательной группе Серебрянского, «втом числе разведчику-нелегалу Б. Афанасьеву, с помощью агента НКВД М. Зборовского, внедренного в ближайшее окружение сына Троцкого, удалось похитить и вывезти в Москву часть архива Троцкого…[568] При его [Зборовского] активном участии нами были изъяты все секретные архивы Международного секретариата, все архивы Седова и значительная часть архивов «Старика»[569] (так в документации НКВД называли Троцкого).

Через много лет меньшевик С.Э. Эстрин вспоминал о краже архива, о Марке Зборовском и своей, к тому времени уже бывшей, жене Лилии Эстриной:

«С Троцким очень близко работал человек, которого звали Марк Зборовский, оказавшийся потом сталинистом, информатором Сталина. Зборовский принимал очень активное участие в бюллетене. В сущности, Зборовский, Седов и, отчасти, моя жена издавали бюллетень. Моя жена не была членом троцкистской партии. Она работала тогда секретарем в Амстердамском институте, который имел отделение в Париже. Заведующим этим отделением был Николаевский. Как-то было решено отвезти туда архивы Троцкого, то есть Седова. Архив состоял из переписки, выпусков бюллетеней, газет, журналов и различных выписок. Сначала отвезли первую часть и оставили в помещении бюро Николаевского. Через два или три дня в бюро была взломана дверь, а весь архив был украден. Полиция провела расследование, все искали и пытались догадаться, но никому на ум не пришло, кто действительно в этом виноват.

У нас был только один умный товарищ — Кефали Марк, известный меньшевик, печатник, секретарь Союза печатников. В личной беседе он говорил: об этом знали три человека — Николаевский, Леля (моя жена) и Зборовский. Двух я знаю, Зборовского — нет. И у меня было подозрение, что это был

Зборовский. Конечно, потом выяснилось, что именно он и донес… Когда они украли этот архив, чекистам, сидевшим в Париже, он сказал, что они его подвели. Они успокаивали его, говоря, что все агенты нервничают в таких случаях, ничего не случится»[570].

Седов в переписке с отцом не без оснований предполагал, что цель похищения состояла в получении новых вещественных доказательств и фабрикации обвинений и улик для очередных московских процессов. Для этого требовалось иметь представление о местонахождении Троцкого в тот или иной день, иметь список корреспондентов Троцкого, знать, как именно он проводил время. Предположение, что кража была предпринята по указанию Сталина, чтобы лучше подготовиться к новым «показательным» судебным процессам, высказывал и Николаевский. Троцкий, со своей стороны, послал показания парижскому следователю Бар-нье, занимавшемуся делом о похищении архива, высказал убеждение, что операция была проведена НКВД, а документы понадобились Сталину «как техническая опора при создании новых амальгам… Если бы начальник парижского отделения ГПУ оставил на столе в помещении института свою визитную карточку, он этим немногое прибавил бы ко всем другим уликам»[571], — писал Троцкий.

Это письмо тоже оказалось в Москве, в архивном фонде Троцкого, куда оно было передано из Архивной службы ФСБ России. Очевидно, что письмо было выкрадено советскими агентами. Возможно, оно было послано в редакцию «Бюллетеня оппозиции» для передачи следователю и похищено, например, Зборовским или вторым — нераскрытым — агентом. В архиве Троцкого в Москве находится ныне и обширная переписка Седова с отцом, с Истменом и другими лицами, с издательскими фирмами и прочими адресатами из различных стран. Эта переписка тоже попала в архив из российских спецслужб после 1991 г. А в руки НКВД она в свое время была передана советским агентом Зборовским, хранившим документацию Седова[572] (или нераскрытым агентом). Заявления Седова отцу (видимо, чтобы его успокоить и преуменьшить ущерб от похищения), что украдены были только газетные вырезки и какие-то маловажные бумаги, не соответствовали действительности[573]. Седов между тем продолжал безоговорочно доверять Зборовскому и на допросе в полиции заявил по поводу ноябрьского грабежа, что советская агентура узнала об архиве Троцкого из-за «разговорчивости Николаевского»[574]. Тем не менее даже Седов понимал, что ноябрьский провал был плохим знаком, и писал родителям, что физически чувствует, как все плотнее сжимается вокруг него кольцо враждебной слежки[575].

3. Первый «открытый» процесс

Несмотря на препятствия, чинимые советской разведкой, интенсивная работа и на норвежском берегу, и в Париже продолжалась. Появившиеся вскоре очередной номер «Бюллетеня оппозиции» и «Красная книга» содержали обильные материалы, разоблачавшие ложь московского процесса, который был назван в заголовке «процессом над Октябрем». Их предваряло письмо Троцкого, которое из конспиративных соображений, чтобы прорвать норвежскую «блокаду», было написано на французском языке и публиковалось в переводе: «Простите, что я не могу прислать вам обещанную к будущему номеру «Бюллетеня» статью о процессе: в желании у меня, разумеется, недостатка нет… Но вы сами скажете, я в этом уверен, все необходимое об этой гнусной амальгаме»[576], — писал Троцкий, намекая, что норвежцы запрещают ему писать.

Задача, которая стояла перед Троцким, была одновременно и простой и сложной. Он должен был доказать общественности, что не виновен во всех тех абсурдных преступлениях, в которых его обвиняли на (пока еще первом) открытом московском процессе. Обширная подборка материалов «Бюллетеня оппозиции» открывалась оценкой того, зачем Сталину понадобился процесс 16-ти. Журнал констатировал, что советский диктатор стал на путь поголовного физического истребления всех «активно-недовольных», прежде всего сторонников Троцкого: «Троцкий — главный обвиняемый, хотя он и не сидел на скамье подсудимых». Вместе с тем, по мнению редакции, процесс был направлен и против самого сталинского аппарата, для сплочения которого вокруг Сталина диктатор все больше и больше его терроризирует. Из внешнеполитических причин называлась следующая: «трупы Зиновьева и Каменева должны в глазах мировой буржуазии доказать разрыв Сталина с революцией, послужить ему свидетельством о благонадежности и национально-государственной зрелости»; из причин личных: «сталинская ненасытная жажда мести».

Размышляя о мести, Троцкий вспомнил рассказ Каменева: «В 1924 году, летним вечером, Сталин, Дзержинский и Каменев сидели за бутылкой вина (не знаю, была ли это первая бутылка), болтая о разных пустяках, пока не коснулись вопроса о том, что каждый из них больше всего любит в жизни. Не помню, что сказали Дзержинский и Каменев, от которого я знаю эту историю, Сталин же сказал: «Самое сладкое в жизни — это наметить жертву, хорошо подготовить удар, беспощадно отомстить, а потом

пойти спать». Вспоминались и другие высказывания. Крупская говорила, что Ленин сказал ей как-то о Сталине: «Ему не хватает элементарнейшей честности». И еще одно: «Сей повар будет готовить только острые блюда»[577]. В журнале на основании всех этих высказываний делался вывод о Сталине как современном Цезаре Борджиа [578].

Сам судебный процесс оценивался как «кровавая амальгама, подобная тем, к которым Сталин прибегал на протяжении почти полутора десятилетий», что передвигало хронологию преступлений Сталина в отношении «большевиков-ленинцев» к началу 20-х гг., то есть к последним годам жизни Ленина. Под «амальгамами» теперь подразумевалось связывание в едином «пучке» деятелей разных политических взглядов, разной степени влияния и общественного положения, с тем чтобы усилить обвинения, выдвинутые против всей группы «врагов народа», в политических и уголовных преступлениях, максимально скомпрометировать каждого из них, представив политических жертв или действительных противников диктатора обычными уголовниками.

Еще одним вариантом использования «амальгам» Троцкий считал попытки НКВД связать воедино монархизм, «фашизм», меньшевизм, правый социал-демократизм, разные бывшие группировки в компартии, посадить представителей этих движений на общую скамью подсудимых и судить по обвинению в одних и тех же преступлениях. «Все последние сталинские амальгамы построены на трупе Кирова», — писал «Бюллетень оппозиции». В судебных процессах объединены иностранные дипломаты, «террористы-белогвардейцы», «зиновьевцы», «троцкисты», чекисты и другие лица, которые не проявили бдительности и не приняли «должных мер». Все более нагнеталась степень обвинений; дело дошло до обвинений в организации «троцкистско-зиновьевско-го блока» с целью вредительства, диверсий, шпионажа, захвата власти, восстановления капитализма, убийства руководителей партии и правительства во главе со Сталиным.

На суде выделялись две группы обвиняемых. Одна из них — старые и всему миру известные большевики, вторая — никому не известные молодые люди, в числе которых были «прямые агенты ГПУ» (Троцкий и Седов почему-то продолжали называть НКВД старым названием). Последние необходимы были, чтобы доказать причастность Троцкого к террору, установить его связь с Зиновьевым, указать на связь Троцкого с тайными службами нацистской Германии. Во вторую группу входил, в частности, В.П. Ольберг, который действительно в начале 30-х гг. работал за

рубежом, поддерживал связь с немецкими троцкистами и Троцким, обратился к Троцкому с несколькими письмами, заявил о своем желании оказывать Троцкому помощь и даже стать его секретарем. Проживавшие в Берлине и встречавшиеся с Валентином Ольбергом стронники Троцкого заподозрили, что он является агентом ОГПУ, и предостерегли Троцкого от личных контактов. Тем не менее в январе — апреле 1930 г. Троцкий послал Ольбергу шесть писем, в которых давал советы относительно развертывания оппозиционной коммунистической деятельности в Германии, но ни словом не упоминал о своих сторонниках в СССР[579]. В связи с повторявшимися со стороны Седова требованиями прекратить общение с Ольбергом Троцкий в 1932 г. прервал с ним переписку. И вот теперь, в августе 1936 г., Ольберг был выставлен в качестве обвиняемого на первом московском открытом судебном процессе и «признался», что был послан в СССР Троцким для организации убийства Сталина и совершения терактов. Ольберг дал самые обширные показания, составившие 262 страницы. Он показал, что являлся «эмиссаром» Троцкого в Германии и пользовался его «абсолютным доверием». Он же «рассказал» о связях Троцкого с Гестапо, был приговорен к смертной казни и расстрелян.

Был ли Ольберг изначально советским агентом, как утверждал на страницах «Бюллетеня оппозиции» Седов, или же искренним троцкистом, пытавшимся в свое время помочь Троцкому в тяжелую минуту, так и осталось загадкой. Не являвшиеся сотрудниками НКВД «старые большевики» на процессе вели себя не лучше. «На скамье подсудимых сидели разбитые, загнанные, конченые люди. Перед тем как убить их физически, Сталин искромсал и убил их морально. Капитуляция — наклонная плоскость: еще никому не удавалось на ней остановиться. Раз став на нее, нельзя не скатываться дальше, до самого конца», — писал заграничный орган «большевиков-ленинцев» с пониманием, Что осуждать выведенных на процесс обвиняемых, к которым применялись различные формы воздействия, совершенно бессмысленно. Бюллетень описывал, как высшие партийные деятели в борьбе за собственную жизнь, но и за жизнь и благополучие своих родных и близких, жен и детей шли на все новые и новые унизительные «капитуляции», «признавая» участие в террористических актах и подготовке покушений на Сталина, Ворошилова, Кагановича и других советских руководителей.

Особое внимание следователи НКВД уделили пребыванию Троцкого в Копенгагене. Они пытались показать, что именно там Троцкий встречался осенью 1932 г. с подсудимыми, убеждая их

начать организовывать теракты против руководителей СССР. Копенгаген был избран потому, что являлся европейской столицей, в которую легко и быстро можно приехать из любого европейского города. (Описать не происходившие на самом деле встречи в Турции или небольших французских городках и деревушках людям, там не бывавшим, было абсолютно невозможно.) Однако и здесь не все прошло гладко для обвинителей. Подсудимый Э.С. Гольцман, являвшийся советским хозяйственным работником и находившийся в командировке в Германии, заявил на суде, что встречался с Седовым в Копенгагене в вестибюле гостиницы «Бристоль». Гольцман, возможно, перепутал Копенгаген с Парижем, где гостиница «Бристоль» существовала и считалась одной из лучших и самых известных. А вот в Копенгагене она была снесена в 1917 г. Встречаться с Седовым в Копенгагене Гольцман вообще не мог, так как в датской столице находился в этот момент Троцкий. Седов же оставался в Германии и получил разрешение выехать из страны с правом возвращения только для мимолетной встречи с родителями на Северном вокзале в Париже, когда Троцкие через Марсель возвращались в Турцию. В течение всего пребывания Троцкого в Дании Седов находился в Берлине, что подтверждалось, например, телефонными квитанциями о ежедневных разговорах Седова с родителями.

Любопытно, что следователи, придумавшие встречу Гольцмана с Седовым в Копенгагене, не знали, что Седов действительно встречался с Гольцманом — в сентябре 1932 г. в Берлине, причем передал сыну Троцкого пакет материалов от И.Н. Смирнова, и часть этих материалов затем была опубликована в «Бюллетене оппозиции». Документы касались серьезных диспропорций в советской промышленности и давали представление о растущем недовольстве положением дел в стране. Кроме того, Смирнов поднимал вопрос о создании блока левых и правых. (Троцкий на блок с «правыми» идти не хотел даже ради борьбы со Сталиным, который был для него меньшим по сравнению с «правыми» злом.) По возвращении из Германии Гольцман был арестован, но про сентябрьскую встречу с Седовым так никто никогда и не узнал, а потому она ни тогда, ни на процессе не была предъявлена Гольцману в качестве обвинения.

В «Бюллетене оппозиции» и «Красной книге» делался вывод о том, что Сталину нужна была прежде всего голова Троцкого и для достижения своей цели Сталин «пойдет на самые крайние, еще более гнусные дела». В Москве издание «Красной книги» восприняли весьма нервно. Руководству Коминтерна было поручено предпринять ответные агитационно-пропагандистские

шаги. Намечалось издание «на всех иностранных языках» новой биографии Троцкого, естественно фальсифицированной, сборника статей Сталина против троцкизма и, главное, «Черной книги международного троцкизма» — как прямой ответ на выпуск «Красной книги». Придавая особое значение «подрывной работе» троцкистов в Испании, Секретариат ИККИ поручил также видному советскому журналисту Михаилу Кольцову, работавшему в Мадриде, написать на эту тему ряд статей[580].

Объективности ради следует указать, что августовский процесс 1936 г. не был в буквальном смысле первым. Это был первый показательный процесс над коммунистами, но далеко не первый в СССР «открытый» процесс. До «первого» московского процесса был и показательный процесс над эсерами в июлеавгусте 1922 г., и Шахтинское дело — в мае — июле 1928 г.; и процесс Промпартии — в ноябре — декабре 1930 г., и процесс над меньшевиками в марте 1931 г. Короткая и очень избирательная память Троцкого не удержала в голове этот достаточно важный для современников нюанс, и сыну Льву пришлось упомянуть об указанных фактах в письме забывчивому отцу. Яркое описание этой истории содержится в воспоминаниях меньшевика С.Э. Эстрина, напомнивших Троцкому именно о близком ему политически деле — меньшевистском процессе:

«В Париже моя жена печатала материалы для бюллетеня Троцкого, и сын Троцкого, Лев Львович, часто приходил к нам. Он был очень приятным человеком, молодым и очень осведомленным обо всех делах. Это были 36-й и 37-й годы, и бюллетень вел большую борьбу против процессов, проходивших тогда в Москве, так называемых сталинских процессов. И в бюллетене приводилось большое количество данных, опровергавших те показания, которые подсудимые сами на себя наговаривали.

Однажды, разговаривая с сыном Троцкого, я напомнил ему, что в одном из бюллетеней… Троцкий написал [о процессе меньшевиков 1931 г.], что знал, что меньшевики — предатели, помогают буржуазии, но что они падут так низко, он не ожидал. Дело в том, что на том процессе, как и на всех остальных позже, подсудимые, среди которых, кстати, был только один меньшевик, остальные были бывшие, говорили, что Абрамович был в Москве, что меньшевики имели свидание с Леоном Блюмом и с генеральными штабами Франции и Англии, договариваясь о нападении на Советский Союз, и т. д.

Я сказал ему: вы же понимаете, что ваш отец, который лично знал всех этих людей, знал, что все это вранье, выдумки, как он мог написать такое?! Интересно, чем это кончилось. Он [Седов]

написал Троцкому, и в одном из последующих номеров бюллетеня появилось примечание к одной из статей. «Когда был процесс меньшевиков, я принял все на веру. Я не представлял себе, что такой процесс можно выдумать от начала до конца. Теперь я понял, что все это было вранье»[581].

Глава 6. МЕКСИКАНСКИЙ ЭТАП

1. Последний переезд

Предложение мексиканских властей принять Троцкого не возникло внезапно. В течение нескольких месяцев, сразу же после того как в Норвегии под давлением советского правительства стал ужесточаться режим пребывания Троцкого в этой стране, троцкисты в разных странах стали предпринимать энергичные усилия, дабы добиться для него права на въезд. Успешными оказались только инициативы мексиканцев. В этой стране за визу Троцкому бился прежде всего художник-монументалист Диего Ривера. Как раз в это время Ривера, являвшийся ранее коммунистом, объявил о своей приверженности взглядам Троцкого и разрыве с официальной компартией[582]. 21 ноября 1936 г. Ривера получил письмо от своей знакомой, американской левой журналистки Аниты Бреннер, связанной с Мексикой и ее революционными деятелями и многократно бравшей интервью у различных мексиканских политиков. Бреннер стала членом только что образованного американского Комитета защиты Льва Троцкого и просила Диего добиться разрешения мексиканского правительства на въезд Троцкого в эту страну [583].

Будучи человеком экстравагантным и общительным, имевшим авторитет и влияние в разных слоях мексиканского общества и элите страны, Ривера смог привлечь на свою сторону ряд других деятелей, в том числе Антонио Гидальго (Идальго), занимавшего ответственные должности в государственном аппарате. Но главное, Ривера был лично знаком с генералом Ласаро Карденасом[584], видным деятелем национально-демократической революции 1910–1917 гг., многолетним членом правительства, а с 1934 г. — президентом Мексиканской республики. В 1936 г. Карденас открыто объявил об активной поддержке Испанской республики против генерала Франко; выступил против оказания помощи Франко Германией и Италией; всячески способствовал мексиканским добровольцам, отправлявшимся в Испанию воевать на стороне республиканцев в составе интернациональных бригад; всячески ограничивал деятельность нефтяных и других крупных компаний США на территории Мексики (в 1938 г. он даже национализировал предприятия нескольких американских нефтяных компаний, но после переговоров согласился выплатить компенсацию за национализацию).

Риверо и Гидальго были приняты президентом, и после некоторых колебаний Карденас дал согласие на прибытие Троцкого в Мексику при уже знакомом Троцкому условии, что он

не будет вмешиваться во внутренние дела страны. В то же время президент гарантировал, что во всех других отношениях власти не будут препятствовать его общественной и литературной деятельности[585]. Видимо, на мексиканского президента в какой-то степени повлиял и тот факт, что образованный в октябре 1936 г. в США Комитет защиты Льва Троцкого также обратился к нему с несколькими просьбами о предоставлении Троцкому политического убежища.

Наученный горьким опытом Троцкий вначале с некоторой осторожностью отнесся к полученному предложению. Он опасался провокации, даже передачи его в руки сталинской агентуры. Эти опасения усилились в связи с тем, что чиновники правительства Норвегии, спеша избавиться от столь нежелательного теперь иммигранта, фактически отстранив адвоката Пюнтервольда, проявили чрезвычайное рвение в деле организации выезда Троцкого, сами получили мексиканскую визу и только привезли ее на подпись Троцкому. Последний заявил, что не подпишет документы, пока не удостоверится, что при высадке в мексиканском порту будут обеспечены элементарные интересы его и его жены. Вновь вмешавшийся Пюнтервольд, связавшись с Мексикой, заверил своего клиента, что его ждет в Мексике теплый прием. В результате Троцкий через своего адвоката с благодарностью принял предложение мексиканского правительства предоставить ему и жене «право убежища»[586].

Кстати, подозрений и опасений было много. В связи с тем, что корабль отчалил негласно, парижские троцкисты высказывали мнение, что он направляется не за океан, а в Ленинград и что норвежские власти собираются выдать Троцкого советскому правительству. Считалось даже, что вся операция не случайно проходит в дни рождественских праздников, когда «в Париже нет никого», кто мог бы своим высоким авторитетом прояснить ситуацию. Выдвигались требования установить радиосвязь с пароходом, причем в связи сначала было отказано[587], но затем она была предоставлена, и стало понятно, что зловещие опасения и слухи не имеют под собой оснований.

Танкер «Рут», которому предстояло пересечь Атлантический океан, отправился в путь со своими двумя пассажирами и сопровождавшим их норвежским офицером в ночь на 20 декабря. Еще совсем недавно Троцкий гордо отказывался плыть на танкере. Теперь он не ставил уже никаких встречных условий. На пристань для проводов были допущены всего несколько человек, в том числе супруги Кнудсен и Вальтер Гельд[588]. Путешествие продолжалось почти 20 дней. На второй день Нового, 1937 года Троцкий возобновил ведение дневника, который прервал в

сентябре 1935 г. Первая запись свидетельствовала, что он находился чуть ли не в шоковом состоянии в связи со всеми теми бурными событиями, которые происходили в последние недели в его общественной и личной жизни. Отсюда вытекала даже самая элементарная путаница в датах. «Сегодня четвертый день пути, — говорилось в записи 2 января. — Греет южное солнце. Моряки переоделись в белое. Мы по-прежнему отдыхаем от политических новостей. Еще 23 декабря, на 4-ый день пути, пароходная радиостанция приняла для меня телеграмму из Лондона от американского агентства с просьбой об интервью»[589]. Четвертый день пути наступил конечно же 23 декабря, а не 2 января.

Постепенно Троцкий приходил в себя. Его успокаивали благополучное путешествие, хорошая погода, доброжелательное отношение капитана, которому впервые за всю его мореходную практику приходилось вместо нефти перевозить двух пожилых пассажиров, и он с ними охотно общался за обеденным столом. Троцкий с интересом наблюдал за морской живностью, которая встречалась на пути: дельфинами, акулами и даже небольшим китом[590]. На корабле Троцкий возобновил литературную работу. Он приступил к подготовке книги, которая должна была разоблачить сталинский террор и все те фальсификации и подделки, которыми пользовались советские карательные органы. Он привел в порядок показания, данные в свое время норвежскому суду в связи с нападением экстремистов на дом, в котором он проживал в Норвегии, дополнив показания новым материалом. Он выражал надежду, что подготовленная таким образом книга выйдет на разных языках через непродолжительное время. Эта книга вышла в сентябре 1937 г. под названием «Преступления Сталина»[591].

Троцкий размышлял и над своими дальнейшими планами, и над тем, что оставалось за его спиной. На корабле он читал литературу о Мексике и намерен был как можно ближе познакомиться с этой страной, да и со всей Латинской Америкой. Он предполагал возобновить свои занятия испанским языком, который он пытался начать изучать за двадцать лет до этого. Он собирался, наконец, всерьез приняться и быстро, в течение года, завершить свою работу о Ленине, которую ранее начал писать, затем оставил, вновь к ней несколько раз возвращался, но так и не написал ничего, кроме вступительных разделов, посвященных юношеским годам Ульянова[592]. Несколько расслабившийся на корабле Троцкий действительно собирался предаться за океаном в основном литературной деятельности. Другой вопрос, что политическая активность была у него в крови и он просто не в состоянии был бы от нее сколько-нибудь существенно отойти

хотя бы на самое короткое время, а литературная работа была для Троцкого непосредственной составной частью политики. И то и другое были единым целым.

1 января в честь Нового года танкер произвел салют двумя продолжительными гудками своих сирен, после чего путешествие продолжилось еще чуть более недели. 9 января корабль пришвартовался к пирсу в крупном порту Тампико на Мексиканском заливе, к северо-западу от столицы страны города Мехико, с которым он был связан железной дорогой. Перед входом корабля в порт Троцкий предупредил норвежского офицера, что он не спустится на берег, если не увидит среди встречающих знакомых лиц. Он боялся, что в Мексике готовится какая-нибудь провокация. Вероятно, Лев Давидович надеялся, что его встретит Диего Ривера, с которым он ранее не был лично знаком, но выразительная внешность которого была ему хорошо известна. Вместо знакомых лиц Троцкий увидел совершенно незнакомых людей в официальных костюмах и в форме сотрудников мексиканской пограничной службы. Во всяком случае, Риверы среди встречающих не было. Опасения рассеялись после того, как в группе людей, ожидавших на пристани, он узнал одного из руководителей Социалистической рабочей партии Соединенных Штатов Макса Шахтмана, который беседовал с остальными встречавшими и приветственно махал рукой.

Пограничные формальности оказались просты, встречавшие поднялись на борт, и Троцкие оказались в дружеских объятиях. Кроме Шахтмана их приветствовал Джордж Новак, который представился как секретарь американского Комитета в защиту Троцкого. Затем к Троцкому неторопливо подошла молодая невысокая женщина выразительной внешности в странном на первый взгляд живописном костюме, который оказался традиционной одеждой ацтеков. Она представилась как Фрида Кало, жена Диего Риверы, находившегося в больнице из-за заболевания почек. Так Троцкий познакомился с 29-летней мексиканской художницей Фридой Кало, женщиной крайне сложной судьбы, нелегкого характера и необычных привычек и нравов.

«Мексиканские официальные лица и товарищи — все были дружелюбно настроенными, теплыми, открытыми и приветливыми. Было немало вдохновляющих новостей из Нью-Йорка; казалось, что весь Новый Свет возмущен московскими преступлениями. Мы погрузились в атмосферу свободы»[593], — передавала настроение свое и своего супруга Н.И. Седова. Среди встречавших была и масса журналистов, которые стремились получить «эксклюзивные» интервью для своих изданий. Троцкий,

в течение нескольких лет почти полностью оторванный от прямого общения с представителями прессы (за исключением их редких визитов на Принкипо и во время кратковременного пребывания в Копенгагене), почувствовал себя в родной стихии. Здесь же, в порту, состоялась его первая беседа с журналистами.

Троцкий счел более целесообразным не давать интервью отдельным корреспондентам, тем более что он не был еще знаком с характером местной прессы и вполне мог ожидать любых извращений и даже провокаций. Он выступил с заявлением, которое затем было опубликовано во многих мексиканских газетах, включая все наиболее авторитетные центральные издания («Эк-селсиор», «Насиональ», «Пренса», «Универсаль»), в ряде американских газет, включая весьма авторитетную «Нью-Йорк тайме», и других печатных органах[594]. Рассказав о морском путешествии и о добром отношении к нему и его супруге со стороны капитана и команды корабля, Троцкий весьма сдержанно, но с явным чувством негодования, со свойственной ему едкостью повествовал о поведении норвежского социалистического правительства. Подвергшись внешнему экономическому и политическому давлению, сказал Троцкий, оно пошло на принятие «двух специальных законов»: «закона о Троцком № 1» и «закона о Троцком № 2», которые лишили его права бросить вызов похитителям и клеветникам, отказали ему в возможности писать письма для доказательства своей правоты и невиновности.

Троцкий упомянул о том, что в опубликованной только что «Красной книге о Московском процессе» содержались неоспоримые документальные свидетельства, опровергающие ложь и обман, возводимые Сталиным, и кровавой чистки, проводимой советским руководством. Троцкий выразил благодарность правительству Мексики за гостеприимство, имея в виду те трудности, с которыми он столкнулся в попытках получения виз в другие страны. «Правительство Мексики может быть уверено, что я не нарушу условия, которые были мне предъявлены, и что я буду соблюдать эти условия по своей собственной воле», повторив ради формальной ясности, что таковыми являются «абсолютное невмешательство в мексиканскую политику и не менее полное воздержание от действий, которые могли бы принести вред взаимоотношениям Мексики с другими странами». Троцкий подтвердил свое намерение сотрудничать с международной комиссией по расследованию обвинений, выдвинутых на судебных процессах в Москве, и обязался предоставить в ее распоряжение все имеющиеся у него документы и свидетельства. Выступление

завершалось изложением ближайших планов, в которые входили изучение Мексики и завершение работы над книгой о Ленине.

Из Тампико Троцкие в сопровождении Кало, Шахтмана и Новака специальным президентским поездом «Эль Хидалго» («Благородный») отправились в Мехико, причем по дороге к ним присоединялись новые почитатели. Среди них были Антонио Гидальго (однофамилец поезда!) и Фриц Бах, социалист швейцарского происхождения, в прошлом участник мексиканской революции, сражавшийся в крестьянских отрядах Эмилиано Сапаты и Франческо (Панчо) Вильи[595]. На пригородном железнодорожном вокзале Лечерия произошли новые дружеские встречи. Затем на автомобиле в сопровождении полицейских на мотоциклах вся эта компания отправилась, подобно почетной правительственной делегации, в спокойный, зеленый и тихий южный пригород Мехико Койоакан — поселок, застроенный кирпичными домами специфической колониальной архитектуры, с улицами, замощенными булыжником, полный солнечного света и цветов. Именно здесь проживали Диего Ривера и Фрида Кало.

Троцких поселили в принадлежавшем Фриде имении «Азуль», или «Голубом доме», на аванида Лондрес (то есть на Лондонской улице), хотя во имя безопасности было объявлено, что они будут жить в другом доме Риверы, в соседнем пригороде Сан-Анжель. «Голубой дом» был наследственным особняком, где в 1907 г. родилась Магдалена Кармен Фрида Кало Кальедерон, получившая известность под сокращенным именем Фриды Кало. Дом был назван «голубым», потому что окружал его высокий голубой забор. Полутораэтажный особняк окнами смотрел во внутренний двор с обширным садом тропических растений (такие дворы называются патио), с бассейном и узкими вьющимися дорожками, которые пересекались и расходились под, казалось бы, совершенно случайными углами.

Теплая встреча на мексиканской земле, прием и спокойствие «Голубого дома», знакомство с Диего Риверой, который появился через несколько дней и с которым сразу же установились очень теплые отношения[596], очарование хозяйки дома, познавшей уже немало мужчин и отлично понимавшей, как привлечь к себе внимание, — все это в какой-то степени расслабило Троцкого, пробудив у него, привыкшего за последние годы к полуспартанскому образу жизни, давние чувства и нравы не только политика, но и мужчины, тоже способного привлекать внимание прекрасного пола и проявлять подлинную страсть, несмотря на то что ему шел пятьдесят восьмой год. Объект внезапной любовной вспышки был налицо: Фрида, супруга гостеприимного Диего Риверы.

2. Диего Ривера и Фрида Кало

На Троцкого сразу же после прибытия обрушилась буря новостей. Прежде всего ему стало известно, что в Москве готовится новый судебный процесс против большой группы старых большевиков, в числе которых на этот раз были в свое время близкие ему Пятаков и Радек. Троцкий стал готовиться к тому, чтобы встретить этот судебный фарс во всеоружии. Он немедленно засел за переписку со своими сторонниками в США, обратившись к ним с дружескими и деловыми письмами. Чуть ли не ежедневно он давал теперь интервью американским и мексиканским журналистам, а также представителям прессы других латиноамериканских стран. В числе тех, кто поздравил Троцкого с прибытием в «наше полушарие», оказался и Макс Истмен, политические связи с которым были давно уже прерваны, но неформальные личные контакты сохранялись[597]. Помогали Троцкому в работе вскоре приехавшие в Мехико давние и верные помощники Хейженоорт и Франкель[598].

В начале апреля Троцкий принял представителя американского журнала «Нью стэтсмэн» Кингсли Мартина, который оставил подробное описание встречи и беседы, перепечатанное журналом через 60 лет[599]. «Он выглядел, — писал Мартин, — как будто только что принял горячую ванну. Его волосы были подстрижены, бородка аккуратно убрана, а костюм выглажен. Его шевелюра и бородка седоваты, а лицо — свежее и розовое». Троцкий был очарователен и настроен дружелюбно, сообщал журналист. Главной темой разговора были, естественно, московские судебные процессы и причины признания подсудимых. В ответ на недоуменные вопросы, почему подсудимые не отказываются от данных на следствии вынужденных показаний теперь, на открытом суде, Троцкий объяснил, что они страшно боятся за свою жизнь и за жизнь своих близких. «Но ведь большинство из них знает, что они все равно умрут», — возразил Мартин. Троцкий не согласился с этим: «Существует огромная разница между неизбежностью смерти и малейшей надеждой выжить», — пояснил он и жестом показал журналисту этот самый «миллиметр надежды». (Интересно, вспоминал ли Троцкий в те дни вынесение им смертного приговора Щасному?)

Больше всего Троцкого интересовали теперь взаимоотношения с очаровательной и гостеприимной хозяйкой дома. Его отношение к Фриде было проникнуто восторгом перед женщиной, которая оказалась в состоянии преодолеть тягчайшие

недуги, сопутствовавшие ей всю недолгую жизнь. Отец Фриды Вильгельм Кало был евреем из Венгрии, жившим в Мексике с 1891 г., мать — Матильда Кальдерон происходила из индейской семьи. В возрасте 6 лет Фрида заболела полиомиелитом. Многие месяцы она провела в постели, испытывая неслыханную боль. Каким-то чудом, в основном благодаря усилиям отца, Фрида преодолела болезнь, хотя ее правая нога была чуть деформирована, и с детских лет она поэтому всегда носила длинные платья. В школьные годы Фрида вступила в кружок свободомыслящих студентов, интересовавшихся, в частности, идеями Маркса, проводила в этом кружке много времени, испытала не только наслаждение творческого поиска, но и все радости и страхи легкого отношения к сексу. В 18-летнем возрасте у нее появился постоянный любовник, член кружка Алехандро Ареас, ставший вскоре видным руководителем движения вольнолюбивого студенчества. Именно вместе с ним Фрида 17 декабря 1925 г. села в автобус, но на первой же остановке вышла, так как обнаружила, что забыла зонтик. Не найдя зонтик, она села в другой автобус, одна, и эта поездка оказалась для нее роковой. В автобус врезался трамвай. Фрида получила тяжелейшее ранение: металлический прут пронзил ее тело насквозь, кровопотеря была огромной. В больнице Красного Креста, куда она была доставлена, обнаружили множественные переломы правой ноги, несколько вывихов, повреждения позвоночника и таза. Как оказалось, железный прут прошел сквозь бедро, проник в глубь тела и вышел наружу через влагалище.

Проведя более месяца в больнице, Фрида возвратилась домой, но полностью вылечить ее не смогли, и она в течение ряда лет страдала от мучительных болей, и всю жизнь ее время от времени мучили новые тяжелые приступы. Преодолевая боли при помощи лекарств и силы воли, Фрида Кало оказалась способной вернуться к активной и плодотворной творческой жизни. Именно на больничной койке Фрида начала рисовать, а затем почувствовала, что только работа над художественными сюжетами, которые подчас (если не всегда) были диковинными, фантастическими, натуралистическими и даже антиэстетическими, возвращает ее к жизни[600].

Между тем в Мехико после длительной европейской поездки возвратился Диего Ривера, с которым Фрида раньше была знакома, а теперь, вновь с ним встретившись, стала его возлюбленной[601]. Диего родился в 1886 г. и воспитывался няней в индейских обычаях. Он рано проявил талант живописца, посещал курсы Художественной академии, начиная с 1906 г.

регулярно получал в качестве наград возможность поехать в Европу, чтобы посетить музеи и побывать на художественных выставках. В 1909 г. он женился на русской художнице Ангелине Беловой, но через десять лет оставил жену и с тех пор вел свободный образ жизни, легко сходясь и расходясь с женщинами. К началу 20-х гг. Диего стяжал себе имя известного художника-кубиста, автора многочисленных настенных росписей, связанных как с древними мексиканскими сюжетами, так и с современными сюжетами, особенно с революционными. Особое его внимание привлекала тема мексиканского национально-освободительного движения. Именно через живопись Ривера пришел в коммунистическую политику, вступив в 1922 г. в компартию Мексики, став ее активистом, а на некоторое время даже генеральным секретарем[602].

В 1927 г. Ривера посетил Советский Союз, где провел десять месяцев. Он присутствовал на праздновании 10-й годовщины Октябрьской революции и собственными глазами наблюдал контрдемонстрацию оппозиции. Он решил запечатлеть увиденное им в монументальной росписи и предложил свои услуги хозяевам города, представив им проект настенных картин для только что построенного Дома Красной армии. Разумеется, советское партийное руководство было шокировано тем, как восторженно представлял в проекте мексиканский художник лидера оппозиции Троцкого. Проект Риверы не был принят, а самому ему в вежливой форме разъяснили, что его присутствие в СССР нежелательно.

В августе 1928 г. Диего возвратился в Мексику[603]. Он имел уже всемирную известность, заказы сыпались один за другим, и во всех своих монументальных росписях Ривера проводил революционные сюжеты, причем во многих из его работ воспроизводились портреты друзей в образе революционеров. На картине «Арсенал» (1928) запечатлена была и Фрида Кало как главная героиня — женщина, распределяющая винтовки среди рабочих. На этой же картине в качестве второго главного образа фигурировал и столь же известный, как Ривера, художник-монументалист Давид Альфаро Сикейрос[604]. Разница была в том, что Ривера по возвращении в Мексику порвал с компартией, объявив себя последователем Троцкого, и был официально исключен из партии в сентябре 1928 г. Как потом рассказывал Ривера, он сам объявил от имени партии, что художник Ривера исключается из оной за недисциплинированность[605]. Сикейрос же, также являвшийся членом компартии, стал ярым сталинистом. В середине 30-х гг. между Риверой и Сикейросом, ранее близкими друзьями, произошел еще и личный разрыв, и с

этого времени они открыто враждовали [606].

В августе 1929 г. Диего и Фрида поженились. Их брак был неровным и странным. Оба они имели любовников и любовниц, причем Диего в течение какого-то времени даже изменял своей супруге с ее собственной младшей сестрой Кристиной. Откровенно признавшись жене в этой интриге, Диего не нашел ничего лучшего, как объявить ей, что он увлекся Кристиной, потому что она очень похожа на Фриду. Фрида, в свою очередь, отвечала многочисленными любовными похождениями, в которых были замешаны особы обоих полов. Испытывая почти постоянную боль, она заглушала ее не только художественным творчеством и общественной деятельностью (как и Диего, она сначала вступила в компартию, а потом порвала с ней), но и крепкими спиртными напитками. Под видом флакона духов она носила на шее флягу с крепким напитком, к которой прикладывалась довольно часто.

Когда в середине 1936 г. между несколькими мексиканскими группами сторонников Троцкого было достигнуто соглашение о создании единой организации и воссоздана существовавшая ранее Лига коммунистов-интернационалистов, Ривера вошел в состав ее Политического бюро. Именно в этом качестве он, используя свои неформальные связи, добивался предоставления Троцкому визы на въезд в страну, а затем принимал его у себя на родине. Незадолго перед этим Ривера создал огромную фресковую роспись для Дворца изящных искусств в Мехико, одним из героев которой, вместе с Марксом и Лениным, был Троцкий[607].

В течение первых двух лет пребывания Льва Давидовича в Мексике Ривера оставался его ближайшим другом и покровителем во всех делах, кроме тех, которые были непосредственно связаны с политикой. Человек буйного, необузданного темперамента, со странностями, присущими подчас высокоталантливым людям (например, он появлялся на людях, в том числе на президентских приемах, с попугаем, сидевшим у него на голове), Ривера был бунтарем в искусстве и переносил это настроение на политику, о которой судил только понаслышке. Он был эмоциональным, чувственным «троцкистом», ибо работ Троцкого не читал и в его идеях не разбирался. Троцкий был для Риверы героической фигурой, достойной художественного воплощения, и он, действительно, многократно создавал его образ на своих фресках. (Лидеры компартии стали тем временем осыпать Риверу всяческими проклятиями.)

С первых дней Троцкий полюбил Койоакан — место, излюбленное художниками, где когда-то, в XVI в., находились штаб-квартира и крепость Ф. Кортеса, завоевателя страны. В

письмах тогда еще живому сыну в Париж Троцкий в обычно несвойственных для него тонах восхищался всем, с чем сталкивался: климатом, фруктами, овощами, гражданами Мексики[608]. Весьма оптимистическое настроение придавало Льву Давидовичу изучение испанского языка, которым он овладел настолько, что был в состоянии читать газеты и вести краткие беседы[609]. Это и стало фоном, на котором проходила последняя краткая и бурная любовная история пламенного коммуниста. Несмотря на плотную занятость и Троцкого, и Фриды (Троцкий занимался делами, связанными с «контрпроцессом», а Кало как раз в это время создала несколько своих лучших полотен), они стали проводить какое-то время наедине. Правда, Диего и Фрида жили в другом особняке, в соседнем местечке Сан-Анжель, но работала она по-прежнему в «Голубом доме»[610]. Теперь, когда этот дом стал прибежищем Троцкого, вокруг него была установлена полицейская охрана, сооружена плотная кирпичная стена. Тем самым создавалась некая иллюзия безопасности[611], которая постепенно передалась Троцкому. Как-то получилось (вначале, видимо, случайно), что он и Фрида одновременно устраивали перерывы в работе, чтобы подышать свежим воздухом, и встречались в патио. Постепенно эти перерывы все более затягивались, и результат был именно тот, который можно было ожидать. Фрида, вряд ли испытывавшая серьезные чувства к Льву Давидовичу (в разговорах с подругами и сестрой Кристиной она называла его «маленьким козлом»[612]), но на какое-то время она увлеклась им, как человеком знаменитым. Кроме того, изменяя мужу с Троцким, Фрида явно стремилась унизить Диего, отомстить ему за многочисленные измены.

Заигрывания Фриды и «маленького козла» происходили почти на глазах Натальи Ивановны. Лев Давидович, как юноша в полном смысле слова, бегал за Фридой по патио (полубегал, потому что очень быстро Фрида не могла передвигаться). Затем она позволяла поймать себя и уводила в собственную спальню с огромной ортопедической кроватью[613], вначале (но только вначале) вроде бы для того, чтобы полюбоваться висевшими там ее произведениями (в целом абсолютно кошмарными). Когда свидания в «Голубом доме» оказывались невозможными по каким-либо внешним причинам, Фрида договаривалась со своей сестрой Кристиной и принимала «маленького козла» в принадлежавшем той соседнем доме[614]. Заигрывания продолжались и за обеденным столом, тоже в присутствии Натальи. Их нередко наблюдал даже Ривера, который, правда, не обращал на них никакого внимания. Но их замечали секретари и охранники, что делало положение супруги Троцкого еще более унизительным и

невыносимым. Наталья страдала, молча и терпеливо, отлично понимая, что застольные беседы ее супруга и Кало на непонятном ей английском языке выходят за пределы политики, бытовых тем и обычных дружеских отношений. Во всяком случае слово «love», которое нередко слышалось и которое Фрида произносила при прощании, было Наталье Ивановне известно[615].

Страсть поначалу казалась настолько сильной, что в тех редких случаях, когда им не удавалось встретиться, любовники обменивались нежными письмами, которые часто прятали в книги и передавали их друг другу через охранников, секретарей, слуг или другими способами[616]. Видимо, в самом конце июня или в первых числах июля 1937 г., в результате нараставшего напряжения во взаимоотношениях, между Троцким и его супругой произошло объяснение и под предлогом восстановления здоровья и отдыха они решили на короткое время расстаться. Лев Давидович уехал в поместье (гасиенду), принадлежавшее правительственному чиновнику Ландеро, другу Риверы. Имение находилось примерно в 150 километрах от Мехико, возле городка Сан-Мигель-Регло. Наталья Ивановна осталась в Койоакане, но обязалась лечиться. Троцкого сопровождали и охраняли полицейский офицер Жезус Казас и шофер Риверы Сиксто.

Находясь в течение трех недель вдали от возлюбленной (Фрида приезжала в Сан-Мигель-Регло всего один раз), Троцкий попытался трезво оценить сложившееся положение, в котором оказался. Ситуация напоминала ему то, что произошло с Лениным, увлекшимся в Швейцарии Инессой Арманд. Крупская готова была тогда без боя сдать позиции сопернице, лишь бы сохранить Ильича для революции. Ленин принял волевое решение, бросил Арманд и остался с Крупской — тоже ради революции. Троцкий решил последовать примеру Ленина. Понимая, что связь с Кало осложнит его политическую деятельность и скомпрометирует его как «большевика-ленинца», он решил прекратить с Фридой любовные отношения (и сохранить только приятельские).

Из своего сельского уединения Лев Давидович стал чуть ли не ежедневно писать жене, заполняя письма нежными выражениями, воспоминаниями о совместном прошлом, красноречивыми описаниями своих чувств и соблазнительными обещаниями[617]. Увы, Наталья в ответных письмах вспоминала и старые измены. Троцкий вынужден был оправдываться. В письме от 12 июля он писал: «Все, что ты говорила мне о нашем прошлом, правильно, и я сам сотни и сотни раз говорил это себе. Не чудовищно ли *теперь* мучиться над тем, что и как было свыше 20 лет тому назад? Над деталями?»[618]

Трудно удержаться от искушения привести наиболее выделяющиеся личные письма Троцкого жене, от 19–20 июля 1937 г. Следует сразу же обратить внимание на то, что первое письмо в последней своей части несколько искусственно. Обращаясь к жене, Троцкий переходит на «вы», чего конечно же в жизни никогда не делал. Это было письмо «озорника», 58-летнего «юнкера». Троцкому интересно было понять, сумеет ли он написать такое письмо, не дрогнет ли его революционная рука (не дрогнула, сумел, написал). Второе письмо, отчасти продолжающее тему первого (через размышления о Толстом), содержит очень важное указание на личный дневник, который вел Троцкий в 1937 г. Похоже, что этот дневник, как и было обещано в письме, был уничтожен. По крайней мере, до историков дневник не дошел. Письма от 19–20 июля уничтожены не были. Более того, рукописный текст писем был перепечатан в двух экземплярах. Один экземпляр машинописной копии был переслан Льву Седову, передавшему его затем на сохранение как особо ценный документ в архив Международного института социальной истории, где оба письма хранятся и сегодня в папке бумаг Натальи Седовой. После смерти Троцкого оригиналы писем были переданы Седовой в архив Гарвардского университета. Туда же отдана и вторая машинописная копия. Это дает основания полагать, что и Троцкий, и его жена не возражали против ознакомления потомков с письмами. Вот эти письма от 19 и 19–20 июля:

«Сейчас буду обедать. После того как отправил тебе письмо, мылся. Около 10 '/ приступил к чтению старых газет (для статьи), читал, сидя в chaise longue под деревьями, до настоящей минуты. Солнце я переношу хорошо, но для глаз утомительно. Нужны, очевидно, темные очки. Но как их купить без меня? Почти немыслимо.

В воскресенье Ландеро хотели пригласить меня на завтрак, но я спасся, приехав сюда поздно. Возможно, что такое приглашение последует в следующее воскресенье. Имей это в виду, если приедешь сюда до воскресенья: платье и пр[очее]. Мне придется, видимо, ехать как есть: к столь знаменитому бандиту они отнесутся снисходительно, но жена бандита — как-никак дама, одним словом, леди, в задрипанном виде ей не полагается ездить к лордам. Прошу сурьезно учесть!

Сейчас буду есть собственноручно пойманную рыбу, потом залягу отдыхать часика на два, затем совершу прогулку.

Физическое самочувствие хорошее. Моральное — вполне удовлетворительное, как видите из юнкерского (58-летний юнкер!) тона этого письма.

Обедать не зовут. В среду поеду, вероятно, в Пачука — отправить письма, поговорить по телефону или послать, в случае надобности, телеграмму. Опасаюсь, что не застану тебя дома. Но я смогу провести в Пачука часа 2–3 и дождаться тебя.

Могу приехать до 9 часов утра и, следовательно, застигнуть тебя наверняка, если ты не будешь уже в Корнавана. — Кстати: ты говорила, что поедешь дня на два. Этого абсолютно недостаточно. Надо оставаться до восстановления обоняния. Здесь на этот счет условия неблагоприятные.

Обедал. Лежа, читал Temps. Заснул (недолго). Сейчас 3 $^1/_2$. Через $^1/_2$ часа чай. Отложить прогулку? А вдруг дождь. Пожалуй, пойду сейчас.

Наталочка, что вы делаете теперь? Отдыхаете (от меня)? Или у тебя операция? Опять флюс? Как бы хотелось, чтоб ты оправилась полностью. Как бы хотелось для тебя крепости, спокойствия, немножко радости.

С тех пор как приехал сюда, ни разу не вставал мой бедный х…[619]Как будто нет его. Он тоже отдыхает от напряжения тех дней. Но сам я, весь, — помимо него, — с нежностью думаю о старой, милой п… Хочется пососать ее, всунуть язык в нее, в самую глубину. Наталочка, милая, буду еще крепко-крепко е… тебя и языком, и х… Простите, Наталочка, эти строчки, — кажется, первый раз в жизни так пишу Вам.

Обнимаю крепко, прижимая все тело твое к себе. Твой *Л.*

19/VII, 8 ч. вечера. Ездил в Huesca (кажется, так), за три километра сдавать «юнкерское» письмо (получила ли?), вернулся, ходил по открытому коридору, думал о тебе, конечно, — легко поужинал и пишу при свете лампы. Тянет к письму и к дневнику, особенно вечером, а с другой стороны, боюсь разогреть себя писанием: это не даст уснуть.

Я оборвал только что письмо, чтобы записать несколько строк в дневнике. Я пишу его только для тебя и для себя. Мы вместе сможем уничтожить его…

Боюсь, слишком много пишу тебе — работа для твоих глаз. На этом остановлюсь, почитаю «Temps», хотя писать при этом свете легче, чем читать.

20 июля. Встал в 7 часов. Писал дневник (свыше 7 стр[аниц]) — *только для тебя.* После завтрака поеду верхом. Сейчас буду читать «Temps».

12.30 минут. Испытание я выдержал выше всяких ожиданий: проехал десять километров верхом — рысью, галопом, карьером — наравне с тремя заправскими кавалеристами (Казас и Сиксто служили в кавалерии). Чувствовал себя очень уверенно. Какая прекрасная панорама! Пишу после отдыха в 10 минут.

Встряска для организма первоклассная. Софья Андреевна [Толстая][620] пишет о своём Льве[621]: ему 70 лет, проехал 40 вёрст верхом, а после того «отнёсся ко мне страстно». Молодчина этот «старый хрен в толстовке»! Но надо сказать, что если вообще он способен был в 70 лет ездить верхом и любить, то именно прогулка должна была настроить его «страстно»: помимо обшей встряски организма — специфическое трение…[622] Женщина, которая сидит на лошади по-мужски, должна, по-моему, испытывать полное удовлетворение.

Однако после сегодняшнего опыта я совершенно отказываюсь от мысли увидеть тебя верхом: лошади горячие, слишком опасно…

Только что получил письмо и посылку. Очки для чтения у меня есть, это запасные. Письмо твоё, вернее, два письма, от 13-го и 18-го и 19-го, только что прочитал с волнением и нежностью, с любовью, с тревогой, но и с надеждой. Наталочка. Сомнение с меня перешло на тебя. Нельзя сомневаться! Мы не смеем сомневаться. Ты поправишься. Ты окрепнешь. Ты помолодеешь. «Все люди ужасно одиноки по существу», — пишешь ты. Эта фраза резанула меня по сердцу. Она и есть источник мучительства. Хочется вырваться из одиночества, слиться с тобой до конца, растворить всю тебя в себе, вместе с самыми затаёнными твоими мыслями и чувствами. Это невозможно… я знаю, знаю, Наталочка, — но мы всё же приближаемся к этому моментами через большие страдания…

Ты пишешь: в старости внешний вид зависит от настроения. У тебя это было и в молодости. На другой день после первой нашей ночи ты была очень печальна и выглядела старше себя на 10 лет. В счастливые часы ты походила на мальчика-фавна[623]. Эту способность изменяться ты сохранила на всю жизнь. Ты поправишься, Наталочка, не теряй бодрости.

Сейчас около 4[-х]. Я пообедал и отдохнул. Собирается дождь, и я пишу в крытой галерее. Верховая езда отразилась только в седалищных мышцах: чуть-чуть ноют. Но какой это здоровый спорт! Я опасался влияния на кишечник, — ни малейшего!

Перечитал вторично твоё письмо. «Все люди ужасно одиноки по существу», — пишешь ты, Наталочка. Бедная, моя старая подруга. Милая моя, возлюбленная. Но ведь не только же одиночество у тебя было и есть, не только одиночество, ведь мы живём ещё друг для друга. Поправляйся! Наталочка!

Не знаю, как быть при отъезде. Хозяйке надо бы какой-нибудь подарочек. Пожалуй, и управляющему другого имения (он лошадей посылает). Может быть, что придумаешь, а также

привезёшь или пришлёшь 2–3 фотографии? Надо работать. Крепко обнимаю, целую глаза, целую руки, целую ноги.

Твой старый

Все тревожные мысли и чувства записываю в дневник — для тебя. Так лучше, чем тревожить тебя в письмах. В дневнике я излагаю спокойнее, и ты можешь спокойнее прочесть. То, что записываю в дневнике, нимало не омрачает напряжения моей нежности к тебе. Ещё хотел сказать (это не упрёк, ничуть, ни капли), что мой «рецидив» (как ты пишешь) вызван до известной степени твоим рецидивом. Ты как бы продолжаешь (даже написать трудно!) соперничать, соревновать…[624] С кем? Она для меня — никто[625]. Ты для меня — всё. Не надо, Ната, не надо, не надо, умоляю тебя. Если у тебя что-либо неблагополучно, я из Пачуки выеду прямо в Койоакан. Но надеюсь, у тебя всё благополучно (относительно, конечно). Я сидел вчера на солнце, сегодня ехал верхом под солнцем, — температура у меня вполне нормальная, скорее пониженная. Нет, физически я окреп, и морально крепну. Скажу, что в дневнике я отошёл от того эпизода, который занимал нас всё последнее время. Я и в этом уже вижу большой прогресс.

НА-ТА! НА-ТА! Поправляйся, НА-ТА-ЛОЧ-КА!

Твой старый пёс…»[626]

Про «рецидив», то есть новое увлечение другой женщиной, в данном случае — Кало, Наталья в ответ написала мужу с горечью: «О, если бы можно было изжить его, как изживается рецидив физической болезни. Как я сегодня ночью, просыпаясь, чувствовала твое сдержанное волнение, твои сомнения, твое мученичество и боязнь мучительства, борьбу с самим собой и необходимость для спасения нашей жизни продолжать и то и другое»[627]. 21–22 июля она впала в депрессию: «Не хочется видеть людей, жизнь кругом, суету… Не хочется есть… Мне хочется упасть на пол и не вставать больше»[628]. Уже то обстоятельство, что написание небольшого письма заняло два дня — 21 и 22 июля, говорило о подавленном и потерянном состоянии, в котором пребывала Седова: она не в силах была завершить в один день короткое письмецо. Тем не менее «юнкерский» абзац письма от 19 июля Седова оценила по достоинству, подыгрывая мужу и тоже переходя на «вы»: «А кончается это письмо, действительно, так, как никогда не изволили писать, мой родной, старый возлюбленный»[629]. Это были слова не только прощения, но и подлинной любви, сохранившейся до пожилого возраста.

Иногда, правда, Троцкий как бы переходил в контрнаступление, вспомнив вдруг эпизод — действительной или

вымышленной — любовной связи Натальи с неким ее сотрудником по Наркомату просвещения почти двадцать лет назад, в связи с чем теперь Седова вынуждена была оправдываться[630]. Более того, Троцкий специально позвонил Наталье, чтобы продолжить сцену ревности по телефону, причем междугородный разговор супруги вынуждены были вести по крайне несовершенной и плохо работавшей линии, так что громкий и требовательный голос Троцкого и робкие оправдания его жены слышали все находившиеся в это время в «Голубом доме»[631].

Ко времени возвращения Троцкого из «отпуска» в конце июля непостоянная Фрида Кало также, видимо, охладела к своему пожилому любовнику. Вряд ли в ином случае она воздержалась бы от интимных встреч с ним на лоне природы. В июле 1937 г. Фрида писала своей подруге Элле Волфи (жене американского публициста и одно время сторонника Троцкого): «Я очень устала от старика»[632]. Любовные отношения были прерваны. По просьбе Троцкого Фрида возвратила ему его письма. Лев Давидович мотивировал свое требование тем, что письма могут оказаться в руках «ГПУ»[633]. В архиве Троцкого возвращенные ему письма к Фриде не сохранились. Остается предположить, что, как и дневник 1937 г., они были уничтожены. Даже в этом Троцкий повторил Ленина (хотя конечно же в 1937 г. Троцкий знать об этом не мог). Ленин в аналогичной ситуации, с согласия своей возлюбленной, тоже уничтожил свою переписку с Арманд. Косвенное свидетельство этого содержится в одном из сохранившихся писем Ленина: «Пожалуйста, привези, когда приедешь (т. е. привези с собой) все наши письма (посылать их заказным сюда неудобно: заказное письмо может быть весьма легко вскрыто друзьями. И так далее…[634]) Пожалуйста, привези все письма сама и мы поговорим об этом»[635]. Чтобы письма не были «вскрыты друзьями» (Крупской), их уничтожили. Осталось всего несколько писем Ленина к Арманд, содержавших фрагменты любовных отношений[636].

О том, что в июле 1937 г. Троцкий и Кало решили «расстаться», писал в своих воспоминаниях многолетний секретарь Троцкого Хейженоорт: «Оба они решили отойти друг от друга. Фрида чувствовала, что она привязана к Диего, а Троцкий испытывал те же чувства по отношению к Наталье. В то же время последствия скандала могли быть очень серьезными и зайти слишком далеко»[637]. К сказанному следует добавить, что сам он стал любовником Фриды через непродолжительное время после ее разрыва с Троцким[638]. Прекратив интимную связь, бывшие любовники сохранили вначале вполне дружеские отношения. У

Фриды они дополнялись глубоким уважением к Троцкому. В честь 7 ноября 1937 г. она подарила ему автопортрет (известный под названием «Между портьерами») с надписью «Льву Троцкому с глубокой любовью я посвящаю эту работу». Но Лев Давидович к этому времени настолько охладел к Фриде и ее творчеству (а Наталью все, что было связано с Фридой, так раздражало), что при переселении из «Голубого дома» он даже не взял с собой эту работу. Позже она была передана в Национальный музей искусства женщин в Вашингтоне[639].

В последний раз Троцкий встретился с Кало в первых числах января 1939 г. перед ее отплытием во Францию. Она ехала с гуманитарной миссией. Завершалась победой генерала Франко гражданская война в Испании. На территории Франции оказались тысячи беженцев-республиканцев и бойцов интернациональных бригад, в том числе немалое количество членов просоветских компартий. Кало отправилась за океан, чтобы участвовать в организации отправки части эмигрантов в Мексику[640]. Сама же Кало вскоре после этого вновь поменяла свои политические привязанности, возвратившись в компартию. Незадолго до своей кончины (она умерла в 1954 г.) Фрида приступила к работе над портретом своего нового кумира — Сталина. Ей удалось в основном запечатлеть облик этого покинувшего уже землю диктатора, но завершить работу художница не успела. В Доме-музее Фриды Кало рядом с ее инвалидной коляской стоит подрамник с холстом. Сталин на неоконченном портрете суров, его брови нахмурены, на нем парадный белый китель. Не хватает маршальского погона, который Фрида Кало дописать не успела.

Вскоре после Фриды у Троцкого было еще одно недолгое любовное приключение, с еще одной молодой женщиной, имя которой история не сохранила[641]. Тем временем, едва только высадившись на французский берег, Кало получила известие, что между ее мужем и Троцким произошел разрыв. Это ее не очень удивило, так как в предыдущие месяцы между художником и политиком наметилось охлаждение, связанное, вопреки возможным предположениям, не с любовным треугольником, а с соображениями политического престижа. Дело в том, что Троцкий, взявший обязательство перед президентом Карденасом не вмешиваться во внутренние дела Мексики, в 1937–1938 гг. публиковал несколько своих статей с оценкой мексиканских событий за подписью Диего Риверы — разумеется, с согласия последнего. Троцкий даже написал обширный текст приветствия, которое Ривера от своего имени направил затем учредительной конференции 4-го Интернационала. Обращение носило название «Революционное искусство и 4-й Интернационал»[642]. Оно

провозглашало в ярких и сочных красках, на которые Ривера был способен в своих фресках, но отнюдь не в текстах, задачи революционного искусства и место художника, в частности самого Диего, в социальных сражениях за завоевание власти. «Кисть никогда не служила мне игрушкой для собственной забавы или для забавы имущих классов. Я всегда стремился по мере сил давать в красках выражение страданиям, надеждам и борьбе трудящихся масс, ибо под этим углом зрения я подхожу к жизни, а следовательно, и к искусству, которое является ее неотъемлемой частью», — провозглашал Троцкий от имени Диего Риверы. Далее шли обширные рассуждения по поводу безвыходного кризиса капитализма, означавшего кризис всей мировой культуры, по поводу того, что спасение культуры — только в обновлении общества. 4-й Интернационал не может «руководить» искусством, которое имеет свои внутренние законы даже тогда, когда оно «сознательно служит общественному движению». Поэтому «Ривера» выражал надежду, что вокруг нового Интернационала объединятся не только передовые рабочие, но и представители творческой интеллигенции.

Своего рода подготовкой к этому документу были дискуссии Троцкого, Риверы и приехавшего в апреле 1938 г. в Мексику видного французского писателя-сюрреалиста Андре Бретона[643], который недолгое время поддерживал троцкистов. Бретон прибыл вместе с женой Жаклин, также участвовавшей в беседах. Собеседники решили написать совместный манифест о задачах революционного искусства, который был бы открыт для подписей других деятелей культуры. Договорились, что черновик напишет Бретон, однако вскоре выяснилось, что этот талантливый прозаик и поэт в политической публицистике был не силен. Сначала Троцкий испестрил его текст своими исправлениями, а затем в июле того же года просто выбросил черновик Бретона и написал новый документ[644].

Новый текст был назван «За свободное революционное искусство!»[645]. В нем содержался призыв к созданию независимых ассоциаций революционных писателей, художников и других деятелей искусства, которые объединились бы затем в такую же независимую федерацию. Некоторые пассажи звучали неординарно и даже парадоксально для Троцкого: «Если для развития материальных производительных сил революция вынуждена учредить *социалистический* режим централизованного плана, то для умственного творчества она должна с самого начала установить и обеспечить *анархический* режим индивидуальной свободы. Никакой власти, никакого принуждения, ни малейших следов командования!» Были ли эти

и другие подобные высказывания выражением искреннего поворота Троцкого к плюрализму — хотя бы в области творчества, искусства и культуры, — или же они являлись только тактическим ходом, продиктованным необходимостью общения с выдающимися творцами, которых необходимо было удержать в своем лагере, сказать сложно. Мировоззрение Троцкого, его политические и организационные концепции скорее указывают на второе.

Манифест был опубликован за подписями Бретона и Риверы во многих печатных органах на английском, французском, немецком и других языках[646]. Имя Троцкого не упоминалось. Через некоторое время в печати были опубликованы ответы Риверы на вопросы представителя агентства «Юнайтед Пресс» по поводу предстоявшего латиноамериканского рабочего конгресса. Интервью в основном было направлено против известного профсоюзного деятеля, отъявленного сталиниста Ломбардо Толедано[647]. Стиль Троцкого легко узнавался. Постепенно ничего не смысливший в политике Диего стал считать себя экспертом в этой области и, возможно даже, как натура художественная и весьма эмоциональная, сам поверил в собственное авторство тех текстов, которые появлялись от его имени, хотя и были написаны Троцким. Во всяком случае, Фрида тоже уверовала в публицистические способности своего мужа. В одном из ее писем 1938 г. она указывала, что Диего «пишет статьи для газет, которые вызывают большой шум» и в этих статьях «защищает 4-й Интернационал изо всех сил… потому что в нем Троцкий»[648].

Время от времени Ривера делал всякого рода скандальные заявления, которые под крупными заголовками появлялись в мексиканской печати, компрометировали и самого автора заявлений, и Троцкого, давали пищу для злобной кампании официальной компартии, выискивавшей поводы для ответов. Особенно неприемлемой для Троцкого было изменение позиции Риверы в отношении президента Карденаса, которого Диего стал резко критиковать, обещая поддержать на очередных выборах другого кандидата.

Обстановка в доме в этот период вообще была нервозной. Хей-женоорт вспоминал, что с согласия Троцкого он вызвал в Мехико свою жену Габи, с тем чтобы она оказывала помощь по хозяйству, хотя Габи не была в буквальном смысле «домохозяйкой», а во Франции участвовала в группе Молинье. Вскоре после ее приезда произошла бытовая кухонная склока. Наталья, не знавшая испанского языка, резкими жестами сделала замечание мексиканской девушке, которая готовила пищу. Габи

сочла, что Наталья повела себя грубо и недемократично, и откровенно ей об этом сказала. Обе говорили на повышенных тонах. Это услышал Троцкий, прибежавший на кухню с возгласом: «Я немедленно вызову полицию!» Все испуганно замолчали. На следующий день Хейженоорт вынужден был отправить жену назад, во Францию — за нарушение установленного порядка[649].

Из-за напряженной обстановки Диего посоветовал Троцкому провести некоторое время «в подполье», пока обстановка не станет более спокойной, в доме Антонио Гидальго, ставшего близким знакомым Троцких. Время пребывания там Троцкого (Наталья оставалась в Койоакане) заранее не определялось. Здесь Троцкий несколько успокоился, почти не выходил из дому (а выходя, тщательно маскировал свою внешность, используя длинный шарф), писал жене теплые письма, просил ее прислать ему всякие мелочи через доверенных лиц. Даже планировал инкогнито совершить путешествие по всей стране. Гостеприимные хозяева его совершенно не беспокоили: Антонио ранним утром отправлялся по делам, его жена была занята хозяйством. И главное — оба они видели в Троцком великого деятеля, который доставил им счастье самим фактом своего пребывания в их доме[650].

Однако, пока Троцкий отдыхал, Диего возомнил себя политическим вождем. В начале ноября 1938 г. он преподнес Троцкому свое очередное произведение, заявив, что оно лучше отражает действительность, нежели все творения Троцкого. Это был вырезанный из массивного куска сахара череп, на котором было написано «Сталин». Не зная мексиканских традиций, согласно которым использование сахарных голов в качестве материала для скульптурного портрета являлось символом смерти, Троцкий не понял политического смысла работы, счел ее безвкусицей и потребовал, чтобы художник забрал назад свой подарок[651]. Взаимное раздражение только усилилось. После одного из требований Троцкого прекратить безответственные политические выступления весьма эмоциональный Диего устроил истерику, и между старыми друзьями произошел полный разрыв. К чести обоих, ни один из них после разрыва не упрекнул другого публично ни единым словом[652]. Весьма корректно вела себя и Наталья. Она сохранила внешне дружелюбное отношение даже к Фриде и в своих воспоминаниях упоминала о ней сдержанно, но позитивно[653]. Тем не менее в сложившейся ситуации в конце апреля или начале мая 1939 г. Троцкий с супругой, секретарями и охранниками покинули «Голубой дом» и переехали в находившееся неподалеку мрачноватое здание на авенида Виена, где Троцкий и провел отпущенные ему Сталиным последние год с

четвертью жизни[654]. Пресса компартии злобно комментировала разрыв между политиком и художником. Злорадствовали по поводу сенсационных сообщений и многие большие газеты. В каком-то издании фигурировала весьма плоская острота, что Ривера выгнал Троцкого из своего дома, так как тот «не платил ему квартплату»[655].

3. Создание 4-го Интернационала

Осознав, что надежды на превращение испанской революции в общеевропейскую нет, Троцкий деятельно включился в подготовку учредительного конгресса 4-го Интернационала, хотя такой страсти в организационных делах, какая была ему свойственна ранее, у него уже не было. Тем более он отлично сознавал, что принять личное участие в учредительном съезде нового Интернационала, который намечалось провести в Европе, он не будет иметь возможности, ибо в Европу его не пустят.

В марте 1938 г. Троцкого посетила делегация основанной за три месяца до этого Социалистической рабочей партии США. Американскими представителями были Кэннон, Шахтман, Винсент Данн[656] и Роз Карснер[657]. С 20 по 25 марта происходили ежедневные продолжительные встречи и споры, в части из которых участвовал также Ривера. Дискуссии посвящены были проблемам создания Интернационала. Договорившись, что учредительная конференция состоится в июне или в начале июля (в действительности ее удалось провести только в начале сентября), участники посвятили основное внимание программным вопросам. Как видно из стенограмм встреч, говорил в основном Троцкий, а остальные участники либо задавали ему вопросы, либо высказывали суждения относительно частностей и деталей, главным образом организационного характера, либо, наконец, вносили мелкие уточнения в суждения лидера. Троцкий высказался о том, какие организации и группы следует привлечь к участию, каково должно быть отношение к интеллектуалам, какую позицию следует занять по «русскому вопросу», то есть по вопросу об отношении к СССР. Троцкий взял на себя обязательство подготовить переходные требования, разработать вопросы о демократии, о войне, о положении в мире[658].

Многочисленные высказывания Троцкого на встрече с американцами послужили ему исходной базой в дальнейшей работе по подготовке материалов к учредительной конференции. Отказавшись от первоначального намерения написать несколько проектов по тем вопросам, которые он обозначил в беседе с американскими представителями, Троцкий решил все эти проблемы разработать в едином фундаментальном тексте. Основное внимание теперь было сосредоточено на программном документе, названном автором «Агония капитализма и задачи 4-го Интернационала (Мобилизация масс вокруг переходных требований как подготовка к завоеванию власти)»[659], но

сокращенно называемом «Переходной программой». Написана программа была в апреле 1938 г.[660] Ее до сих пор считают своим основополагающим документом все международные и национальные организации троцкистов, хотя между самими этими организациями подчас существуют непреодолимые противоречия и даже вражда. При этом каждая заинтересованная сторона дает собственную трактовку документа и в то же время обвиняет соперников в отступничестве от него и «ликвидаторстве».

«Переходная программа» стала, с одной стороны, итоговым документом, суммировавшим взгляды Троцкого на главные проблемы мирового развития, а с другой стороны, служила прямым откликом на грандиозные события, которые происходили у него на глазах. Исходным положением было утверждение о неизбежности мировой революции и о том, что во главе ее будет стоять новый Интернационал. Революция, по словам Троцкого, не только созрела, она «перезрела», и в том случае, если она не произойдет в исторически обозримый период (какова будет его продолжительность, осторожно не определялось), это будет означать катастрофу для всего человечества. Наступающая «революционная эпоха» включала «предреволюционный период», на протяжении которого необходимо было преодолеть противоречия между созревшими объективными условиями и незрелостью пролетариата и его авангарда. Нужно было, как утверждалось в документе, «соорудить мост» между текущими (то есть переходными) требованиями и социалистической программой революции. Конечной целью считалось завоевание власти пролетариатом. Этот «мост» не должен был представлять собой некую минимальную программу, подобную тем, которые обычно выдвигала социал-демократия, фактически отказываясь от выполнения «максимальной» программы взятия власти рабочим классом. «Переходные требования» должны были включать в себя такие положения, которые «были бы направлены против самих основ буржуазного режима», то есть непосредственно вести к революции. Иначе говоря, Троцкий строил свою «переходную программу» на базе своей старой концепции перманентной революции.

Следовавшие затем конкретные «переходные требования» излагались именно таким образом, чтобы они воспринимались не как частичные или реформистские, а в качестве этого самого «моста» к революции. Так, требование полной занятости и достойных жизненных условий для всех трудящихся трактовалось таким образом, что, независимо от результатов борьбы за сокращение рабочего дня и за повышение заработной платы, за

ликвидацию безработицы и улучшение всевозможных других условий труда, в ходе этих кампаний рабочие должны были полностью осознать необходимость «ликвидации капиталистического рабства». В программе выдвигалось требование работать во всех массовых организациях, прежде всего в профсоюзах, осуждались попытки создания собственных «революционных союзов», но поощрялось образование «во всех возможных случаях» независимых боевых организаций.

Другим требованием программы, которое спровоцировало многолетние дискуссии и конфликты последователей, был лозунг «рабоче-крестьянского правительства». Троцкий объяснял, что таковой лозунг «приемлем для нас» только в том смысле, в каком большевики понимали его в 1917 г., то есть как синоним антикапиталистического правительства. Последователи же Троцкого неустанно спорили, означает ли это тождество между «рабочекрестьянским правительством» и «диктатурой пролетариата», или же все-таки первый лозунг содержит в себе какой-то «переходный» смысл и рабочее правительство будет перерастать в пролетарскую диктатуру.

Автор документа отдельно рассматривал вопрос о положении в колониях и полуколониях. И здесь на помощь приходила составная часть концепции перманентной революции — положение о неравномерном и комбинированном развитии, связанное с тем, что отсталые страны являются составной частью мировой системы империализма. Поэтому, по мнению Троцкого, борьбу за наиболее элементарные требования национальной независимости и буржуазной демократии необходимо было сочетать с противостоянием господству мирового империализма. Иными словами, переходные требования и социалистическая революция и в данном случае не отделялись друг от друга, как различные исторические эпохи, а сливались в единое целое.

Значительное внимание уделялось опасности войны и политике Интернационала в этой области. Осуждая идею коллективной безопасности как пацифистскую по своему существу, в том числе на практическом уровне, отвергая коалицию с другими партиями против фашизма, Троцкий, как когда-то в 1917 г., выдвигал совершенно нереалистичные старые революционные требования типа отмены секретной дипломатии и вооружения рабочих и крестьян, давно уже ставшие пережитком Октябрьского переворота. Предрекая неизбежность новой «империалистической» войны, он и здесь в качестве основного положения опирался на лозунг: «Враг находится в собственной стране», перефразируя старый тезис Ленина: «Поражение собственного империалистического правительства есть

наименьшее зло», причем использовал в том числе и эту ленинскую формулировку. Правда, он делал исключения, с одной стороны, для колониальных стран, где война должна была превратиться в национально-освободительную, а с другой — для СССР, которому в случае войны необходимо было помогать, несмотря на характер существующей там государственной власти.

Особая часть программы была как раз и посвящена тому, почему следует поддерживать и защищать СССР. Советский Союз определялся как страна глубочайших противоречий. Это — «дегенерировавшее рабочее государство» (еще употреблялся термин «деформированное рабочее государство»), а не страна государственного капитализма, как утверждали многие из тех, кто считал себя последователями Троцкого[661]. Политический прогноз Троцкого носил двойственный характер: либо бюрократия сможет лик-визировать новые, коллективные формы собственности и возвратить страну к капитализму, либо рабочий класс окажется в состоянии сокрушить бюрократию и вновь повернуть страну на социалистический путь. Московские процессы рассматривались автором программы в очень упрощенной форме: как результат конфликтов внутри советской бюрократии. Из этих оценок проистекала задача «политической революции», которая жизненно необходима была трудящимся СССР и которая должна была начаться во имя восстановления социального равенства и «советской демократии» и, следовательно, для ликвидации власти бюрократии и новой советской аристократии. Троцкий считал даже необходимым «легализацию советских партий», причем, уклоняясь от определения, какие партии можно считать таковыми, перекладывал эту нелегкую ношу на плечи «рабочих и крестьян», которые в СССР «своей свободной волей укажут, какие партии они признают в качестве советских партий». В любом случае само признание необходимости введения многопартийности в СССР было весьма показательным и резко отличалось от позиции Троцкого, когда он пребывал советским партийным и государственным деятелем. Троцкий вновь повторял, что, несмотря на власть бюрократии, Советское государство остается рабочим, хотя и «дегенерировавшим» государством, ибо в стране сохраняется государственная, то есть общественная, собственность, и поэтому задача трудящихся всего мира, прежде всего сторонников 4-го Интернационала, состоит в максимальной поддержке СССР, особенно в случае мировой войны.

После нескольких подготовительных мероприятий (важнейшим из них была конференция Движения за 4-й Интернационал в Западном полушарии, на которой было

провозглашено создание Панамериканского и Тихоокеанского бюро 4-го Интернационала)[662], 3 сентября 1938 г. в пригороде Парижа, приблизительно в 30 километрах от города, состоялась учредительная конференция 4-го Интернационала (для конспирации сообщалось, что она проводилась в Швейцарии). Помещение для конференции предоставили супруги Росмер. Они давно политически разошлись с Троцким, в конференции не участвовали и в Интернационал не вошли, но из чувства личного уважения к Троцкому предоставили для нужд конференции свой дом.

По соображениям безопасности конференция была задумана как однодневная. В доме не было достаточно большой комнаты, в которой можно было провести общее заседание, поэтому в качестве «зала заседания» использовали амбар, где установили перенесенный из дома длинный стол. Троцкий не мог не вспомнить в этой связи, что первая фаза II съезда РСДРП в Брюсселе в 1903 г. тоже проходила в помещении склада. Чтобы запутать следы, участники ехали к дому Росмеров из Парижа разными путями, подчас двигаясь вначале в противоположном направлении. Работе конференции, участники которой не владели ни одним общим языком, сильно помог Шахтман, который, помимо родного ему английского, неплохо говорил на французском и немецком, немного знал идиш, русский и польский языки[663].

Сведения об организациях, представленных на конференции, фигурировавшие во вступительном докладе Навилля, а затем в газетных публикациях, были явно преувеличенными. Сообщалось, что в конференции участвовали 30 человек из 12 стран, представлявшие 32 организации (объявлено было, что некоторые организации, не имея возможности послать своих делегатов, предоставили свои мандаты посланцам других групп) [664]. Однако при персональном учете оказалось, что мандатами располагали 4 человека из США, 4 — из Франции и по одному из Греции, Бельгии, Великобритании и Бразилии, то есть всего 12 человек[665]. Объявлено было, что в конференции от СССР участвует Левая оппозиция (большевиков-ленинцев), однако таковая физически не существовала, если не считать действительно крупную, но одинокую фигуру самого Троцкого. Даже в эмиграции русскую секцию Троцкому образовать не удалось. Что же касается цифры 30, то она, скорее всего, получилась в результате того, что в амбаре при доме Росмеров присутствовала также группа членов французской Рабочей интернационалистской партии (так называли теперь себя сторонники Троцкого в этой стране), являвшейся одной из

учредительниц Интернационала. Они помогали в организационно-технических делах и просто наблюдали за происходившим. Были среди этой группы помощников и наблюдателей также иностранцы, оказавшиеся в Париже по делам своих организаций или же проживавшие здесь. Присутствовали некоторые известные деятели национальных групп, не получившие официальных мандатов, например руководитель бельгийской партии социалистов-революционеров Жорж Вереекен.

Несмотря на возражения со стороны некоторых участников, полагавших, что условия для образования Интернационала еще не созрели (наиболее значительным среди них был бельгиец Вереекен, не являвшийся официальным делегатом), учредительная конференция провозгласила создание 4-го Интернационала (Мировой партии социалистической революции) и утвердила его устав. Решено было, что в каждой стране будет существовать только одна национальная организация (секция), а Интернационал будет строиться на основе «демократического централизма», причем, в соответствии с большевистской традицией, акцент делался именно на централизме, а не на демократическом характере создаваемой организации. Ряд других резолюций, принятых конференцией, представляли собой развитие и конкретизацию Переходной программы, которая была единогласно одобрена, или же являлись откликом на текущие политические события. Был избран Исполнительный комитет Интернационала в составе 15 членов. Имя одного из членов Исполкома открыто названо не было. Им был Троцкий, избранный, по его просьбе, в качестве «секретного члена», имея в виду условия, на которых Троцкому разрешено было в свое время въехать в Мексику[666]. После почти пятилетних усилий, острых и продолжительных дискуссий, было наконец создано международное объединение троцкистов.

Само название говорило о преемственности нового объединения в отношении 3-го Коммунистического интернационала, но только до его IV конгресса, состоявшегося в 1922 г., то есть до того времени, когда во главе Коминтерна стояли Ленин и Троцкий. Современные же Коминтерн и Социалистический рабочий интернационал (объединение социал-реформистских и центристских рабочих партий) оценивались новым Интернационалом как организации, неспособные повести рабочий класс на решающие революционные битвы за власть, и ставились, по существу, на один уровень. С момента своего образования 4-й Интернационал оставался численно незначительной организацией, раздираемой внутренними

противоречиями ВХОДЯЩИХ, ВЫХОДЯЩИХ И ВНОВЬ ВХОДЯЩИХ в него национальных троцкистских групп.

Глава 7. НОВЫЕ ПОДЛОСТИ «СВОЛОЧИ ИЗ ГОРИ»

1. Перебежчики из НКВД

Охватившие большую часть советской высшей партийно-правительственной номенклатуры сталинские чистки не оставляли выбора гражданам, находившимся за железным занавесом внутри Советского Союза. Однако те, кто работал за рубежом, в том числе и многочисленные сотрудники советской внешней разведки и дипломаты, имели выбор. В период 1936–1939 гг. в случае отзыва на родину, обычно под предлогом перевода, повышения в должности или для обсуждения текущих дел, служившие за границей советские граждане могли попробовать отказаться возвращаться, «изменить родине», перейти на положение невозвращенцев и запросить за границей политическое убежище. Понятно, что на такой мужественный и небанальный поступок, шедший вразрез со всеми идеологическими установками советской власти, по совокупности причин, даже когда речь шла о животном инстинкте выживания, отваживались единицы. Подавляющему большинству смельчаков необходимо было найти идеологическое объяснение побега. И здесь им на помощь приходили Троцкий и его политическая линия левой оппозиции.

Первый же крупный советский разведчик, ощутивший, что над его жизнью нависла опасность, представил дело именно так: не он изменяет «социалистической родине», а Сталин и его клика предают идеалы коммунистической революции. Этим человеком был резидент разведуправления Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) в Великобритании и Нидерландах Игнатий Рейсс[667], имевший при себе также документы на другие фамилии. Подлинное его имя было Натан Маркович Порецкий. После первого московского процесса в августе 1936 г. он осознал не только преступный характер самого процесса, но и несправедливость расправ над многими другими членами партии, о чем Рейссу рассказывали прибывавшие из СССР агенты и сослуживцы. Тема уничтожения очередных «врагов народа» в тот период была основной. Идя на должностное преступление, хорошо помня о судьбе Блюмкина, Рейсс тем не менее установил нелегальную связь с Седовым и предупредил его о том, что в Москве принято решение ликвидировать «троцкистов» и вообще всех «антисталинских коммунистов».

Летом 1937 г., получив из Москвы приказ вернуться в СССР для получения нового задания, Рейсс понял, что в Москве его ждет арест, и вместе с женой и ребенком запросил убежище в Швейцарии[668]. 17 июля он послал Сталину письмо,

объясняющее бегство. Письмо было адресовано в ЦК ВКП(б), подписано псевдонимом Людвиг и брошено в почтовый ящик советского полпредства в Париже. Так как вскоре письмо было опубликовано в «Бюллетене оппозиции»[669], следует сделать вывод, что копия письма тогда же была передана Седову, причем именно кто-то из живших в Париже троцкистов бросил его в почтовый ящик полпредства. «Я хочу предоставить свои скромные силы делу Ленина, — писал Рейсс. — Я хочу бороться, и только наша победа — победа пролетарской революции — освободит человечество от капитализма и Советский Союз от сталинизма». Возвращая орден Красного Знамени, которым был награжден Рейсс, он открыто объявил о своей приверженности делу создания 4-го Интернационала (чем очень обрадовал Троцкого).

Между тем в среде русской белоэмиграции во Франции происходили сложные процессы расслоения, которыми воспользовалась советская агентура. Образованный в Париже советской резидентурой Союз возвращения на родину был активно использован для вербовки новых агентов. Эмигрантам объясняли, что право возвращения в СССР должно быть заслужено самоотверженной работой на социалистическую родину. В 30-х гг. советскими шпионами стали В.А. Гучкова-Трейл[670] — дочь проживавшего в эмиграции видного российского государственного деятеля Гучкова, муж известной поэтессы М.И. Цветаевой С.Я. Эфрон, генерал Ско-блин и его жена Плевицкая. Вся эта группа в течение трех месяцев была активно задействована в поисках Рейсса. На помощь ей из Москвы была прислана группа исполнителей под командованием заместителя начальника 5-го (иностранного) отдела ГУГБ НКВД С.М. Шпигельгласа[671]. В предварительном планировании и обнаружении местонахождения Рейсса участвовал также Зборовский.

4 сентября проживавшая в Италии Гертруда Шильбах, старая знакомая Рейсса, тоже связанная с советской разведкой, назначила ему свидание в окрестностях Лозанны. Свидание оказалось ловушкой. К месту встречи на машине подкатила банда убийц. Рейсс был оглушен ударом. Затем его втащили в автомобиль и убили. В теле покойного было найдено семь пуль. Бросив машину с трупом в районе Женевы, убийцы поездом выехали в Париж. Обнаружить их полиция не смогла.

Сообщая о происшедшем в некрологе, посвященном памяти Рейсса[672], Седов (Н. Маркин) призвал к широкой огласке преступлений Сталина и безосновательно оптимистично завершил статью словами: «Маузером нельзя остановить хода исторического развития. Сталинизм обречен, он гниет и

разлагается на наших глазах. Близок день, когда смердящий труп его будет выброшен в помойную яму истории». Но до «помойки истории» было еще далеко. На самом деле Седов был крайне озабочен происшедшим и происходящим. «Дело Людвига прошло почти незамеченным, — писал он отцу, — и в этом кроется «большая опасность, ибо создает у мастера чувство полной безопасности»[673]. «Мастером» Седов называл Сталина.

Именно поэтому имя Рейсса долго не сходило со страниц «Бюллетеня оппозиции». Супруга покойного Елизавета Порецкая передала в редакцию записки Рейсса, которые не предназначались к публикации, были составлены для памяти, содержали разного рода сведения об НКВД и ЦК. В журнале Троцкого была опубликована и незавершенная статья Рейсса «По поводу Фейхтвангера»[674].

Дело в том, что Роллан был не единственным европейским интеллектуалом, съездившим в СССР и написавшим о своих впечатлениях. В Москве побывал, к примеру, и известный французский автор Андре Жид[675], в правдивом критическом репортаже «Возвращение из СССР» показавший многочисленные пороки советской системы.

Сталин был настолько взбешен критикой Жида, что в резолюции Политбюро от 13 июля 1937 г. «О международном антифашистском конгрессе писателей» из двух пунктов один поручал М. Кольцову написать книжку против «клеветы» Жида[676] (Кольцов «справился» с заданием Политбюро и раскритиковал книгу Жида, как троцкистскую пропаганду).

Вслед за Жидом в Советский Союз отправился известный немецкий писатель, тоже еврей, Лион Фейхтвангер[677], которому Сталиным была организована торжественная официальная встреча. В Москве тогда ходила эпиграмма:

Стоит Фейхтвангер у дверей
С внимательнейшим видом,
Смотрите, как бы сей еврей
Не оказался Жидом.

Андре Жидом еврей Фейхтвангер не оказался и в книжке под многообещающим названием «Москва 1937» прославил советскую действительность. Рейсс же в своих заметках размышлял о Фейхтвангере в том смысле, что немецкий писатель, не владевший русским, видевший Москву только из окна роскошного отеля «Метрополь», посещавший лишь образцовые учреждения, не имеет права прославлять показанные ему потемкинские деревни, даже если он предельно наивен. Отвечая

Фейхтвангеру, который заявил, что не исключает перехода Троцкого на службу к Гитлеру, Рейсс риторически вопрошал: «Почему Фейхтвангер не может быть куплен Сталиным? Кто он такой, Фейхтвангер? Чем он доказал свое право выступать в таких вопросах?» Конечно, ни глубины анализа, ни свежего фактического материала в записках Рейсса не было. Но они демонстрировали его резко антисталинскую позицию.

Сталин считал, что расправа над Рейссом послужит предостережением тем, кто захочет последовать его примеру и бежать. Но отзываемые в Советский Союз на очевидную гибель потенциальные перебежчики смотрели на стоявшие перед ними альтернативы иначе, выбирая между вероятным расстрелом в случае возвращения и шансом уцелеть в случае бегства. Действительно, опыт показал, что мобильные бригады НКВД в некоторых случаях оказывались не в состоянии расправиться с перебежчиками.

Примеру Рейсса вскоре последовали дипломат-разведчик Александр Бармин[678] и разведчик-нелегал Вальтер Кривицкий[679].

1 декабря 1937 г. временный поверенный в делах в Греции Бармин опубликовал заявление о разрыве со сталинщиной. 5 декабря с аналогичным заявлением выступил советский резидент в Гааге Кривицкий. Бармин и Кривицкий активно публиковали в «Бюллетене оппозиции» разоблачительные материалы. Бармин обратился даже с письмом в «Комитет по расследованию московских процессов» (так не вполне точно он назвал американский Комитет защиты Троцкого). Он писал о своей преданности рабочему классу и советскому народу, о том, что «был лишен последних иллюзий», перечислял многочисленных дипломатов и военных, которые в последние месяцы один за другим исчезли и, возможно, убиты. Сегодня эта информация не кажется интересной. Но в 1937 г. заявления Бармина были сенсацией. Отвечая на вопросы редакции «Бюллетеня оппозиции», почему и как он порвал со сталинским режимом и каковы его ближайшие намерения и цели, Бармин заявлял, что не скрывал своих настроений и выражал решимость участвовать в разоблачении «лжи и преступлений» советских властей[680]. Его твердость оказалась долгосрочной: он действительно посвятил всю свою дальнейшую жизнь борьбе с тиранией.

Кривицкий многократно выступал не только в «Бюллетене оппозиции», но и в западных некоммунистических печатных органах, вел себя значительно сдержаннее, но его материалы насыщены важной и интересной информацией. В интервью, которое он дал Седову, указывалось, что Кривицкий сохраняет

верность идеалам Октябрьской революции, которая «остается исходным пунктом моего политического развития», что он не причисляет себя к какой-либо политической группировке, не считает себя «троцкистом», но Троцкий в его «сознании и убеждении неразрывно связан с Октябрьской революцией». Отвечая на вопросы о борьбе против «троцкизма» в СССР, Кривицкий высказывал мнение, что Сталин больше ни о чем не думает. «Хорошо ли, плохо ли человек ведет работу — неважно. Важно — борется ли с троцкистами. Делаешь доклад по серьезнейшему вопросу, видишь, что тебя почти не слушают. Под конец же спрашивают: а по части троцкистов как у тебя обстоит дело?» На вопрос, знает ли он что-то о работе оппозиции в СССР, Кривицкий смог только сказать, что в 1935 г. в Москве распространялась листовка «троцкистского характера»[681].

Понятно, что при такой «аполитичности» Кривицкого его отношения с троцкистами вскоре ухудшились, тем более что Кривицкий стал публиковаться в более нейтральном с политической точки зрения, а потому люто ненавидимом Троцким меньшевистском «Социалистическом вестнике», одном из самых серьезных эмигрантских изданий. «Поведение Вальтера свидетельствует, что мундир ГПУ носят многие меньшевики, кадеты и пр. Когда они порывают со Сталиным, обнаруживается их подлинная политическая физиономия, без мундира», — негодующе писал Троцкий в Париж[682], безосновательно и несправедливо обвиняя Кривицкого то ли в «меньшевизме», то ли в «кадетстве».

Сам Троцкий активно использовал факт бегства советских дипломатов и разведчиков в своей пропагандистской войне против Сталина. Он опубликовал статью «Трагический урок», посвященную гибели Рейсса. Главное, на что он обращал внимание читателей, — это на бескорыстный интернационализм Рейсса:

«Карьеристы не идут в ряды 4-го Интернационала, который представляет сейчас наиболее гонимое течение в мировой истории. Интернационалистов ждут новые преследования. Рейсс не мог этого не понимать»[683]. В то же время он считал большой ошибкой тот факт, что троцкисты не установили с Рейссом быстрой, своевременной и надежной связи. В результате Рейсс вынужден был действовать тайно и в одиночку. «Единственная серьезная защита от наемных сталинских убийц состоит в полной *гласности*… Широкие круги рабочих на Западе с содроганием относятся к работе Каина Джугашвили. Симпатии к нам растут. Нужно лишь уметь их использовать. Больше бдительности! Крепче взаимная связь! Больше дисциплины действия! — таковы

уроки, вытекающие из гибели Игнатия Рейсса», — писал Троцкий, скатываясь на лозунги. К делу Рейсса он возвращался и позже.

2. Истребление

Между тем все туже и туже затягивалась петля на шеях последних двоих детей Троцкого: Сергея и Льва. Сосланный в Красноярск Сергей смог устроиться на Красноярский машиностроительный завод (Красмаш) инженером. В мае 1936 **г.** Сергей вместе с группой работников завода был арестован и отправлен в Воркуту. В местной печати было объявлено, что на Красмаше действовала группа вредителей-троцкистов, в которой главным был сын Троцкого[684]. Позже похожий клеветнический материал был опубликован еще и в «Правде», причем, согласно этой публикации, Сергей Седов «вредил» фактически один[685].

В феврале 1937 г. Сергей был вновь доставлен в Красноярск, в июле ему были предъявлены обвинения в шпионаже, измене родине и контрреволюционной организованной диверсии. Фамилия Сергея была включена в «красноярский список» лиц, по делам которых было завершено следствие. В список были включены 68 человек, из которых 61 был отнесен к первой категории: к ним предлагалось применить «высшую меру наказания» — расстрел. 3 октября 1937 г. Сталин, Молотов и Каганович без каких-либо исправлений завизировали этот карательный список[686]. 29 октября на закрытом судебном заседании выездной сессии Верховного суда СССР в Красноярске в течение 15 минут было рассмотрено предрешенное дело Сергея Львовича Седова. На вопрос председателя о признании вины он ответил: «Виновным себя не признаю». Вслед за этим был зачитан смертный приговор, который привели в исполнение в полночь на 30 октября[687]. Так закончилась жизнь третьего ребенка Троцкого. Вскоре после его расстрела, 23 декабря 1937 г. была также арестована ранее сосланная вторая жена Сергея — Генриетта Рубинштейн. Следует указать, что о смерти сына и аресте его жены Троцкие информированы не были и могли только предполагать худшее.

На свободе оставался теперь только старший сын Лев, который продолжал в Париже самоотверженную издательскую, публицистическую и организационную работу. К тому времени, когда был провозглашен вердикт международной следственной комиссии, расследовавшей обвинения, выдвинутые против Троцкого, о невиновности Троцкого и Седова, последнему оставалось жить менее полугола.

Лев был надежнейшей политической и организационной опорой отца. В ущерб своему здоровью, изнемогая от усталости, он выполнял огромную работу по изданию «Бюллетеня

оппозиции», по поддержанию контактов с оппозиционными коммунистическими группами и отдельными людьми в различных странах. Работа, которую он проводил с первых дней эмиграции, многократно усложнилась после того, как отец оказался интернированным в Норвегии, а затем отправился за океан. По всем вопросам Седов всегда советовался с отцом, регулярно перед ним отчитывался. В архиве Гарвардского университета сохранились 160 его писем Троцкому за период 1930–1938 гг., и это была лишь часть его корреспонденции.

Изредка Троцкий сдержанно хвалил работу сына (например, когда тот выпустил «Красную книгу» о московских процессах). Но чаще предъявлял Льву все новые и новые требования, выполнения которых настоятельно требовал. Он буквально пылал гневом, когда то или иное задание не выполнялось в срок или реализовывалось не в полной мере и не в полном соответствии с инструкциями, выданным сыну. Никакие оправдания, никакие объективные обстоятельства Троцким во внимание не принимались.

Лев Седов жил вместе со своей подругой Жанной и племянником Севой, которого он в конце концов забрал к себе из Австрии и фактически усыновил. Жили они на шестом этаже дешевого многоквартирного дома без лифта, в крохотной квартирке по улице Лакретелль, 26. Квартира была до отказа забита книгами и ящиками с различными документами и материалами, необходимыми прежде всего для «Бюллетеня оппозиции»[688]. О материальном положении Седова свидетельствует одно из писем отцу, в котором говорилось: «Чтобы разослать письма и документы, нужны деньги. А их нет. И когда я говорю «их нет», это не значит, что нет более или менее серьезных сумм, а нет даже и нескольких франков… Нет денег на метро»[689].

Помимо обыденных дел, Седов занимался оказанием помощи коммунистам-невозвращенцам. Кривицкий вспоминал, что его привела к Седову вдова Рейсса в ноябре 1937 г. Хотя Кривицкий сразу же заявил, что он не собирается присоединяться к «троцкистам» и пришел только за советом и возможной товарищеской помощью, он был тепло принят. «Я никогда не забуду его бескорыстную помощь и успокоение, которое получил от него в эти дни… Он был еще очень юным, но исключительно одаренным»[690], — вспоминал Кривицкий о Седове. Об этих почти ежедневных встречах Седова с Кривицким знал Зборовский (которого с Кривицким познакомил Седов). Зборовский добросовестно доносил в Москву обо всем происходившем с Кривицким. В 1941 г. Кривицкий был убит в Вашингтоне. Бармин

уцелел. Он выехал в США, служил в Управлении стратегических служб (предшественнике ЦРУ), на радиостанции «Голос Америки», в Информационном агентстве США и даже женился на внучке президента Теодора Рузвельта[691](с которой, правда, через некоторое время развелся)[692].

При всей своей любви и уважении к отцу Лев постепенно, и это было совершенно естественно, испытывал все большее чувство раздражения из-за мелочных упреков, а иногда и совершенно нелепых и несправедливых сравнений. Лев-младший жаловался, что в письме от 15 февраля 1937 г. отец предельно больно обидел его: «Мне трудно сказать, откуда падают на меня самые тяжелые удары — из Москвы или из Парижа»[693], — написал Троцкий сыну. «Мне кажется, что все папины недостатки с возрастом не смягчаются, а, видимо, в связи с изоляцией, болезнью, трудными условиями — трудными беспримерно, — углубляются, — писал Седов матери 16 апреля 1936 г. — Его нетерпимость, горячность, дергание, даже грубость и желание оскорбить, задеть, уничтожить — усиливаются. Причем это не только «личное», но прямо какой-то метод, и вряд ли хороший метод»[694]. Самому Троцкому Седов высказывал претензии крайне редко. Однажды он написал Троцкому, что тот посылает противоречивые указания разным людям и в результате «никто не знает, за что ответственен, друг друга дергают, входят в противоречия и пр…Меня просто берет отчаяние»[695]. В другом письме он заметил, что отец превращает его в мишень для ударов, когда сообщает «во все стороны» о его «преступной беспечности»[696].

Седов буквально изнемогал от переутомления, к тому же в конце 1937 — начале 1938 г. он перенес тяжелый грипп и сильно ослаб. У него повторялись сильные приступы болей в животе, которые врачи квалифицировали как проявления хронического аппендицита. В середине февраля 1938 г. произошел крайне тяжелый приступ, во время которого Жанна вынуждена была отвезти Седова в больницу. К тому же проблемы со здоровьем осложнялись постоянным контролем со стороны советской разведки, оказывающей психологическое и деморализующее влияние. В планы сталинского руководства входило постепенное истребление наиболее видных сторонников Троцкого в европейских странах, начиная с Седова. Этой же цели служила пропагандистская кампания, проводившаяся советской печатью и транслировавшаяся за рубеж при помощи советских телеграфных агентств и иностранных корреспондентов в Москве. Во второй половине марта 1937 г. в «Правде» появились статьи под заголовками: «Подрывная работа троцкистов в Бельгии»,

«Разоблачение троцкистов в США», «Происки троцкистских агентов Франко», «Гнусная комедия троцкистских пособников Франко»[697].

При этом советская разведка не всегда располагала реальными сведениями о степени влияния того или иного троцкиста, поэтому в центре внимания оказывались часто не те, кто был действительно важен. Типичной была история, происшедшая с Грилевичем, немецким политэмигрантом, бывшим активистом левой оппозиции в Германии и членом Интернационального секретариата. Ошибочно считая, что именно Грилевич издает в Берлине «Бюллетень оппозиции» (на самом деле его издавал Седов), Сталин распорядился в начале 1937 г. передать властям Чехословакии, куда после прихода нацистов к власти эмигрировал из Германии Грилевич, сфабрикованные советскими органами материалы, изображавшие Грилевича агентом гестапо.

Конечной целью провокации была организация в Праге судебного процесса против троцкистов. Несколько раз Сталин звонил Ежову, чтобы получить информацию о том, как продвигается «дело Грилевича»[698]. Ежов, в свою очередь, давил на своих подчиненных, прежде всего на начальника 5-го (иностранного) отдела НКВД А.А. Слуцкого[699]. Слуцкий жаловался: «Сталин и Ежов думают, что я могу производить аресты в Праге» точно так же, «как и в Москве». Им «требуется суд над троцкистскими шпионами в Европе. Это имело бы огромный эффект, если бы удалось его устроить. Пражская полиция должна арестовать Грилевича. Вообще говоря, они готовы сотрудничать [с советской разведкой], но с чехами нельзя обходиться попросту, как мы обходимся со своими»[700].

Грилевич был обвинен в Чехословакии в шпионаже в пользу Германии и арестован, однако дело вскоре развалилось, и с подозреваемого были сняты все обвинения. После продолжительных мытарств Грилевич был депортирован в Австрию[701].

Вслед за этим начались похищения и убийства сторонников Троцкого. Наиболее удобным полем этой кровавой деятельности оставалась Испания. Условия гражданской войны облегчали работу советских спецслужб, которым помогали представители Коминтерна в этой стране, и прежде всего отъявленный сталинист Андре Марти. При этом обычно путали, кто действительно был сторонником Троцкого, а кто с ним уже порвал, но большого значения для советской разведки это не имело. Из четырех наиболее заметных деятелей оппозиции, убитых «эскадронами смерти» НКВД в Испании, трое — Андрес

Нин, Курт Ландау и Марк Рейн (сын видного русского меньшевика Р. Абрамовича) — были к моменту проведения операций по их устранению политическими противниками Троцкого. Сын Абрамовича Марк Рейн к Троцкому близок вообще никогда не был. Наиболее сложной была операция по убийству Нина. Во время уличных столкновений в Барселоне в мае 1937 г. он был арестован властями, затем похищен из тюрьмы агентами НКВД и убит[702]. В подготовке этого убийства активно участвовал советский консул в Барселоне Антонов-Овсеенко; практическими организаторами похищения были резидент НКВД в Испании Орлов и начинающий советский разведчик, диверсант и убийца Иосиф Ромуальдович Григулевич[703]. Факт непосредственного участия этих лиц в устранении Нина подтверждает допущенный к архивам НКВД сотрудник российских спец-служб В.М. Чиков, написавший апологетическую биографию Григулевича[704].

Лишь один из четверых убитых — чех Эрвин Вольф[705] — действительно был троцкистом. Он работал секретарем Троцкого в Норвегии, а затем поехал в Испанию, формально — как независимый левый журналист, а на самом деле — как представитель Интернационального секретариата, дабы попытаться объединить мелкие группы сторонников Троцкого и добиться затем их принятия в ПОУМ в качестве автономной фракции. Во время происшедших в мае 1937 г. уличных столкновений в Барселоне между правительственными силами, с одной стороны, и группами анархистов и членов ПОУМ, с другой, Вольф был задержан полицией, но после недолгого допроса отпущен, причем полиция не возражала и против того, чтобы он продолжал свою деятельность в неспокойной Барселоне. В Москве тем временем Вольфу был «вынесен» смертный приговор. В НКВД, да и у самого Сталина, особое раздражение вызывало поведение Вольфа после второго московского процесса, ибо он выступил основным свидетелем против версии НКВД о «тайном полете» Пятакова в Норвегию для встречи с Троцким (чего, разумеется, не было и быть не могло). Через три дня после освобождения из полицейского участка Барселоны Вольф был схвачен неизвестными лицами. Все попытки обнаружить его окончились неудачей. Вольф исчез. Труп секретаря Троцкого так и не был обнаружен[706].

С конца 1937 г. Седов стал все чаще обнаруживать, что за ним, почти не скрываясь, следят. К этому же выводу пришла французская полиция, расследовавшая убийство Рейсса. Было установлено, что с весны 1936 г. агенты НКВД вели за сыном Троцкого постоянное наблюдение[707]. Агент, действовавший пол

фамилией Д. Смиренский, снял квартиру по соседству с его жильем. Когда летом 1936 г. Лев вместе с Жанной и племянником Севой поехал на кратковременный отдых в средиземноморский курортный городок Антиб, три агента НКВД — С. Эфрон, Д. Смиренский и Рената Штейнер — отправились туда же, причем Штейнер поселилась в том же пансионате, что и Седов с семьей. Все последующие месяцы слежка велась почти открыто, и Седов был убежден, что готовится его убийство. В декабрьском номере «Бюллетеня оппозиции» он поместил статью под заголовком «ГПУ подготовляет убийство Л. Седова»[708]. О том же писала и русская эмигрантская пресса, выходившая в Париже: «Дознание по делу об убийстве Игната Рейса [Игнатия Рейсса] обнаружило, что агенты ГПУ вели слежку за Седовым в течение года и готовили покушение на него в Мюлузе. В последнее время французская полиция бдительно охраняла его»[709]. По рекомендации Зборовского, которому Лев и Жанна полностью доверяли, при начавшемся приступе аппендицита для лечения была выбрана небольшая частная больница русских эмигрантов, куда Лев был помешен под фамилией Мартен. Как могли Жанна, Лилия Эстрина и все остальные близкие Седову люди не заподозрить недоброго, понять сложно. Очевидно, уверенность в добропорядочности Зборовского оставалась незыблемой у всей парижской группы. Последний мотивировал свою рекомендацию хорошими знакомствами, уверенностью в высокой квалификации хирурга Тальгеймера, которого рекомендовали как одного из лучших парижских специалистов, гарантией конфиденциальности благодаря русскому врачу Сим-кову, с которыми у Зборовского, дескать, были прекрасные отношения.

Последовавшие затем письма Зборовского Троцкому (некоторые были подписаны еще и Эстриной), посвященные последним дням жизни Льва, скорее не освещали, а искажали действительную картину, хотя элемент истины в них присутствовал. Остается только гадать, почему в этой дезинформационной игре советского агента Зборовского столь активно, добросовестно и безропотно участвовала Эстрина.

Льву в больнице сделали успешную операцию. Через несколько дней после этого, когда он уже шел на поправку и даже договорился с Этьеном о встрече для решения текущих дел, его состояние внезапно и резко ухудшилось. В ночь на 13 февраля его обнаружили в коридоре больницы в почти бессознательном состоянии. Вскоре он впал в беспамятство. Последовавшие переливания крови не дали результата. Несмотря на все предпринятые экстренные меры, Лев вскоре скончался.

По-видимому, Зборовский не был физическим убийцей

Седова, иначе Этьена легко было бы вычислить и разоблачить. Но тот факт, что Этьен приложил руку к ликвидации Седова, представляется более чем вероятным. Убийство (которое Зборовский и Эстрина решительно отрицали) имело место, скорее всего, по наводке Этьена. Это подтверждает бывший ответственный сотрудник советских спецслужб Петр Дерябин, бежавший на Запад и рассказывавший, что Седов действительно был ликвидирован агентами НКВД[710], хотя в формальном отчете советской внешней разведки о проведенной операции о смерти Седова говорилось скорее нейтрально, чем победно: «В отношении Седова также был разработан план по его похищению, который, однако, Я. Серебрянским реализован не был в связи со смертью Седова вследствие операции по поводу аппендицита»[711].

П.А. Судоплатов[712] тоже указывал, что Седов не был убит советскими агентами: «Троцкий безоговорочно доверял сыну, поэтому за ним велось плотное наблюдение с нашей стороны, и это давало возможность получать информацию о планах троцкистов по засылке агентов и пропагандистских материалов в Советский Союз через Европу. Его уничтожение привело бы к потере нами контроля за информацией о троцкистских операциях в Европе», — писал Судоплатов, отмечая, однако, что нарком внутренних дел Ежов высказывал удовлетворение устранением Седова[713].

Сталин постепенно умертвил всех детей Троцкого, и это было самой страшной его местью своему заклятому врагу. В те дни, когда Лев еще находился в больнице, Троцкий временно пребывал вне Койоакана, гостил у друзей. Троцкий вспоминает, как в его комнату без стука ворвался экспансивный мексиканец, художник Диего Ривера, с возгласом: «Лев Седов мертв» — и протянул телеграмму из Парижа. Троцкий решил, что с ним разыгрывают какую-то глупую шутку, и закричал в ответ: «Пошел вон!» Диего молча удалился. Осознав, что его сын действительно, может быть, мертв, отец впал в состояние полного отчаяния. Вскоре, однако, Ривера смог вывести его на улицу, усадить в машину и отвезти домой.

Наталья Ивановна вспоминала: «Я была в Койоакане, сортируя старые фотографии наших детей. Раздался [дверной] звонок, и я удивилась, увидев Льва Давидовича. Я пошла ему навстречу. Он вошел, еще более сгорбленный, чем обычно, его лицо было пепельно-серым; казалось, что внезапно он превратился в глубокого старика. «Что случилось? — спросила я его тревожно. — Ты заболел?» Он ответил тихим голосом: «Лева заболел, наш маленький Лева…» Только теперь я поняла. Я так

боялась за Льва Давидовича, что мысль о том, что что-либо может случиться с Левой, никогда не приходила мне в голову»[714].

Состояние внутренней опустошенности у Троцкого продолжалось, однако, недолго. Это была бы совершенно другая личность, если бы даже гибель сына он не использовал в политических целях. Разумеется, Лев Давидович тяжко переживал потерю, он с ужасом думал о том, что пережил всех своих четверых детей. Периодически и все чаще к нему возвращалась нервная истощенность, граничившая с душевным расстройством, но он брал себя в руки и с упорством фанатика возвращался к привычному делу политического борца. Сравнительно задолго до этого, в 1935 г., он как-то записал в дневник: «По поводу ударов, которые выпали на нашу долю, я как-то на-днях напоминал Наташе жизнеописание протопопа Аввакума[715]. Брели они вместе по Сибири, мятежный протопоп и его верная протопопица, увязали в снегу, падала бедная измаявшаяся женщина в сугробы. Аввакум рассказывает: «Я пришел, — на меня, бедная, пеняет, говоря: «Долго ли муки сия, протопоп, будет»? И я говорю: «Марковна, до самые смерти». Она же, вздохня, отвеща-ла: «Добро, Петрович, еще побредем». Одно могу сказать: никогда Наташа не «пеняла» на меня, никогда, в самые трудные часы: не пеняет и теперь, в тягчайшие дни нашей жизни, когда все сговорились против нас»[716].

Троцкий тогда не думал, что настанут еще более трудные времена. Видимо, выходя из приступов отчаяния, он не раз вспоминал то, что прочитал в «Житии» Аввакума и что записал в свой дневник. Сравнение себя самого с упорным религиозным фанатиком не было случайным: Троцкий все более и более чувствовал себя, в отличие от сугубого прагматика Сталина, подлинным пророком коммунистической веры. Уже 18 февраля он послал от своего имени и имени Натальи телеграмму соболезнования Жанне, а через два дня написал статью-некролог «Лев Седов — сын, друг, борец», опубликованную в номере «Бюллетеня оппозиции», значительная часть которого была посвящена памяти Льва[717].

Статья была проникнута глубокой душевной болью, но в то же время носила и сугубо политический характер, начиная с посвящения «пролетарской молодежи». Отец вспоминал юные годы Льва, его предельную скромность, его нежелание жить вместе с родителями в Кремле и уход в «пролетарское общежитие», свежий хлеб в рукаве его изодранной куртки во время Гражданской войны, данный ему в награду булочниками, среди которых он вел политическую агитацию, его участие в субботниках и работу в оппозиции, его помощь в ссылке и

невероятные усилия в эмиграции по изданию «Бюллетеня» и поддержанию связей со своими сторонниками. Видно, что Лев Давидович раскаивался в недостаточном внимании к сыну: «На поверхностный взгляд могло даже казаться, что наши отношения проникнуты суровостью или отчужденностью. Но под этой видимостью жила и горела глубокая взаимная привязанность, основанная на чем-то неизмеримо большем, чем общность крови: на солидарности взглядов и оценок, симпатий и ненавистей, на совместно пережитых радостях и страданиях, на общих больших надеждах». 16 февраля, писал Троцкий, — это «самый черный день в нашей личной жизни».

Друзья и соратники похоронили Льва Львовича вначале на кладбище Пер-Лашез — традиционном месте захоронения французских революционеров. Самим похоронам был придан революционный характер. Гроб был покрыт красным знаменем с серпом и молотом, а после похорон его участники устроили шествие к Стене коммунаров, где были в 1871 г. расстреляны последние защитники Парижской коммуны. Через три недели после похорон по требованию Троцкого и с разрешения французской полиции тело было эксгумировано для проведения новой экспертизы, не давшей, впрочем, новых результатов[718]. Перезахоронили Седова уже на другом кладбище — Тиэс, более удобном в смысле досягаемости для Жанны и друзей Седова.

Расследование гибели Льва Седова, проведенное французскими службами, не дало никаких результатов. Обыск, произведенный в его квартире, полиция использовала для конфискации некоторых бумаг, в частности, власти заинтересовались картотекой агентов НКВД, которую Седов начал составлять незадолго до смерти[719]. Медицинская экспертиза и оба вскрытия пришли к выводу, что смерть могла наступить в результате естественных причин. Хотя французский адвокат Троцкого Розенталь предоставил в распоряжение следователей многочисленные материалы о том, что агентура НКВД следила буквально за каждым шагом Седова, пойти по этому пути расследования прокуратура не решилась, и это несмотря на крайнее удивление и непонимание причин резкого ухудшения его состояния, а затем кончины, которые выражали врачи больницы, где Седов находился. В частности, хирург Тальгеймер, оперировавший Льва, даже задал Жанне вопрос, не покушался ли ранее Лев на самоубийство. Обо всем этом в вежливой и в то же время жесткой форме Троцкий написал в заявлении, отправленном следственному отделу суда департамента Сены[720].

Вряд ли, как полагал Троцкий, следствие не дало ожидаемых

результатов из-за того, что на него было оказано прямое давление властей, стремившихся сохранить хорошие отношения с советским правительством. Скорее всего, здесь доминировали осторожность и стремление идти по наиболее легкому и безопасному пути. В любом случае расследование причин смерти Седова было проведено парижской полицией формально, для отписки.

Одним из последствий смерти Льва явилась склока между двумя фракциями французских сторонников Троцкого по поводу документов и бумаг, которые находились на хранении Седова. Жанна, пребывавшая во фракции своего бывшего мужа Р. Молинье, хотела передать бумаги именно этой группе. Раймон, со своей стороны, обещал переслать документы Троцкому, но уверенности, что он поступит именно так, не было. Эстрина и Зборовский считали, что материалы должна получить группа Навил-ля. Сам же Троцкий, в этом вопросе осторожно поддерживавший Навилля, в склоку предпочитал не вмешиваться[721], но, разумеется, был на стороне Этьена и Лолы (Эстриной), ибо именно они продолжали вести «Бюллетень оппозиции», лишившийся своего фактического редактора.

Через пять месяцев после гибели Седова в Париже исчез немец Рудольф Клемент, являвшийся ранее секретарем Троцкого, а во время исчезновения работавший в Интернациональном секретариате по подготовке учредительной конференции 4-го Интернационала. В последний раз Клемента видели в полдень 13 июля 1938 г. Через два дня на имя одного из членов французской организации Движения за 4-й Интернационал — Жана Руса — пришло странное письмо за подписью Клемента, напечатанное на пишущей машинке: «Не будь московских процессов, письмо казалось бы бессвязным бредом сумасшедшего», — говорилось в сообщении «Бюллетеня оппозиции» по этому поводу[722]. В нем содержались нападки на Троцкого и Седова, вплоть до обвинения их в связи с гестапо, перечень лиц, по тем или иным причинам порвавших с Троцким, и, наконец, информация, что сам Клемент также объявляет о своем с ним разрыве. Было очевидно, что письмо фабриковалось агентурой НКВД. В нем указывалось даже, что Клемент собирается совершить самоубийство вследствие своего разочарования в Троцком из-за его сотрудничества с нацистами. При этом рукописная подпись Клемента под машинописным текстом письма была подлинной. А когда знакомые-троцкисты отправились к нему на квартиру, где он жил под псевдонимом Роже Бертран, то обнаружили ее в полном порядке; даже стол был накрыт к обеду.

Становилось понятным, что Клемента похитили советские

агенты и заставили его подписать написанное ими письмо. Вскоре Троцкий получил еще одно письмо от Клемента, теперь уже рукописное. Подписано оно было одним из его старых псевдонимов, которым тот давно перестал пользоваться. Французскими товарищами Клемента, а затем и Троцким в специальной статье были показаны многочисленные нестыковки обоих текстов. «Написано ли письмо действительно Клементом? Я не берусь отрицать это категорически, — писал Троцкий. — Почерк похож, если брать каждую букву в отдельности! Но рукопись в целом лишена естественности и свободы. Если это почерк Клемента, то письмо написано в совершенно исключительных обстоятельствах; скорее, однако, это искусная подделка»[723].

Долгое время о судьбе Рудольфа Клемента не было известно вообще ничего. Троцкий получил весьма взволнованное письмо от его тети, проживавшей в Латинской Америке, которая умоляла хоть что-то сообщить о судьбе исчезнувшего племянника. В ответ Лев Давидович вынужден был высказать предположение, что Клемент убит, иначе его имя каким-то образом всплыло бы на поверхность[724]. В конце концов обезглавленный труп Клемента действительно был обнаружен в зарослях на отмели Сены.

Троцкий считал, что Клемент был убит, так как обладал информацией о деятельности троцкистов во многих странах мира. НКВД считал, что Клемент мог вычислить и разоблачить Зборовского. Можно предположить, что НКВД переоценивал роль Клемента в подготовке конференции 4-го Интернационала и в международном троцкистском движении и перестраховывался, прикрывая Зборовского, которого, как боялись в Москве, после смерти Седова мог разоблачить Клемент.

3. Разоблачения Александра Орлова

Следует отметить, что все эти умерщвления происходили на фоне побега в 1938 г. резидента НКВД в Испании А.М. Орлова (Фельдбина). И об этом человеке следует рассказать подробно. Он умер в Кливленде (штат Огайо) 7 апреля в 1973 г. в возрасте 77 лет, оставив после себя большое документальное наследие. В 1955 и 1957 гг. в Вашингтоне он дал показания Подкомиссии сената по наблюдению за исполнением закона о внутренней безопасности о деятельность советской разведки за рубежом. В августе 1973 г. показания эти были опубликованы[725].

В 1936 г. Орлов присутствовал на первом московском процессе, «с самого его начала и вплоть до объявления приговора о смертной казни». Он нашел, что это была «самая трагическая из человеческих драм, свидетелем которой» ему «довелось быть»[726]. Вскоре после окончания процесса, в сентябре 1936 г., Политбюро направило Орлова в Испанию в качестве советника при республиканском правительстве и резидента советской разведки. В его обязанности входила в том числе контрразведывательная деятельности и организации партизанской войны за линией фронта войск Франко.

Деятельность Орлова вошла в анналы истории Испании. Совершенно неожиданно испанская кампания Сталина оказалась для Советского Союза весьма доходным предприятием, по сравнению с которым пиратские набеги Средневековья выглядели детскими забавами. Осенью 1936 г. Советский Союз украл у Испании золотой запас страны. Наверное, Сталин в эти дни вспоминал о своей молодости и экспроприациях, проводимых в дореволюционном Тифлисе под его руководством. Но такая экспроприация не снилась даже Камо[727].

20 октября 1936 **г.** Орлов получил из Москвы телеграмму, подписанную «Иван Васильевич». Это было абсолютно секретное кодовое имя Сталина, известное всего нескольким высшим советским политическим руководителям и военным. Сталин приказывал Орлову вывезти в СССР испанский золотой запас, без подписания документации о приеме и без оставления испанцам расписки о получении золота. Чтобы лучше понять, какого масштаба была порученная Орлову операция, предоставим слово самому Орлову, давшему пространные показания по этому вопросу в феврале 1957 г., после смерти Сталина и после «разоблачения» культа его личности Н.С. Хрущевым на XX съезде партии. Отметим, что все члены испанского республиканского правительства, с подчеркнутым уважением и пафосом

упоминаемые Орловом, вовлеченные в эту операцию и знавшие о том, что золото вывозится в СССР к Сталину, совершали по законам своей (да и любой другой) страны акт национальной измены:

«Это была особая операция… Моя основная работа в Испании заключалась в организации для Испанского республиканского правительства контрразведывательной и разведывательной деятельности против… сил генерала Франко. Моей второй задачей была организация партизанской войны в тылу врага. Операция с золотом была единовременной акцией, которая была поручена мне лично Сталиным…Об отправке испанского золотого запаса в Россию знало лишь несколько избранных лиц. После того как умер премьер-министр Испании Ларго Кабальеро, после того как умер президент Испании Асано, после смерти премьер-министра Негрина, в Западном мире осталось всего трое, кто знает об этой операции с золотом… Одним из них является Индалесио Прието, один из величайших государственных деятелей республиканской Испании, бывший министр обороны. Вторым, кто знает об этой операции, был глава испанского казначейства сеньор Мендес Аспе, который потом стал министром финансов Испании, и третий человек — я…

Приблизительно до ноября прошлого года никаких доказательств того, что это золото было отправлено в Россию, не было, потому что расписка, выданная в Москве после того, как золото было пересчитано, находилась в сейфе бывшего премьер-министра Негрина, который не хотел, чтобы золото попало в руки Франко… Ситуация с испанским золотом развивалась следующим образом… 20 октября, когда я был в Мадриде, положение на фронте было отчаянным. Противник находился в двадцати милях от Мадрида. Население покидало город, и правительство считало, что Мадрид не удержать, и готовилось сдать Мадрид. В это время мой шифровальщик вошел ко мне в кабинет с книгой шифров под мышкой и с телеграммой, которую он начал расшифровывать. Он расшифровал всего несколько слов, после которых стояло указание, что остальной текст я должен расшифровать сам… И дальше следовала телеграмма от Сталина: «Вместе с полпредом Розенбергом[728] договоритесь с главой Испанского правительства Кабальеро об отправке золотого запаса Испании в Советский Союз. Используйте для этой цели советский пароход. Операция должна быть проведена в условиях строжайшей секретности. Если испанцы потребуют у вас расписки, откажитесь. Повторяю: откажитесь подписать что бы то ни было и скажите, что официальная расписка будет выдана в Москве Государственным банком. Считаю вас лично ответственным за эту операцию.

Розенбергу даны соответствующие указания».

…Я немедленно отправился с этой телеграммой к советскому полпреду Розенбергу и застал его за расшифровкой такой же телеграммы, а в дальнем углу сидел его шифровальщик и ждал, ждал, так как могла понадобиться его помощь. Скорей всего, посол тоже получил инструкцию лично расшифровать эту телеграмму. На другой день или через день у меня была встреча с нашим полпредом Розенбергом и испанским министром финансов Негрином, который потом стал премьер-министром. Негрин спросил меня, сколько потребуется людей для проведения этой операции. Я сказал, что проведу операцию силами своих людей — я имел в виду наших танкистов, которые незадолго до того прибыли в Испанию… советских солдат… Из нашего полпредства мы отправились в испанское министерство финансов, где Негрин, министр финансов, представил меня шефу испанского казначейства сеньору Мендесу Аспе… Негрин понимал, и всего три члена правительства знали об операции. Больше никто из кабинета министров не знал. Это были: премьер-министр Кабальеро, министр финансов Негрин и президент республики Асана…Должен сказать, что и посол Розенберг, и я, мы были потрясены, когда нам сказали, что испанское правительство готово доверить Сталину все сбережения испанского народа — Сталину, которого мир уже успел раскусить, человеку, который в действительности не заслуживал никакого доверия.

…[Золото] оценивалось между 600–700 миллионов долларов. По-моему, там было около 600 тонн. Хочу подчеркнуть, что испанское правительство в то время было коалиционным правительством, состоявшим из лидеров различных партий, и полностью все не контролировало, потому что было много неподконтрольных партий, много армий. У анархистов была своя армия. Я откровенно сказал министру финансов Негрину, что, если кто-то узнает об этой акции, если анархисты захватят моих людей, русских, с грузом испанского золота, они перебьют моих людей, произойдет грандиозный политический скандал на весь мир, и это может даже вызвать внутреннюю революцию. Вот я и предложил, я попросил Негрина, выдать мне от имени испанского правительства доверенность на фиктивное имя, назвав меня представителем Банка Англии или Америки, потому что тогда, как представитель Банка Англии или Банка Америки, я смогу сказать, что золото отправляется на хранение в Америку, а сказать, что оно отправляется в Россию, было бы опасно, так как это могло вызвать восстание. Негрин не стал возражать. Он решил, что это хорошая идея. Я более или менее прилично

говорил по-английски и мог сойти за иностранца. Так что он выдал мне доверенность на имя Блэкстоуна, и я стал представителем Банка Америки.

…Согласно приказу я должен был погрузить золото на русский пароход, но я решил разделить риск и погрузить его на столько судов, сколько смогу зафрахтовать. Я зафрахтовал для этой цели четыре советских парохода, которые находились тогда в испанских портах… после того как выгрузили вооружение и продовольствие. И я отправился в Картахену, испанский порт, где золото было сложено в большой пещере, вытесанной в горе. Я попросил правительство дать мне 60 испанских матросов для погрузки золота. Испанские матросы 3 ночи и 3 дня находились в этой пещере. Они отлично понимали, что было в ящиках, потому что там были еще большие мешки, обычные мешки, наполненные серебряными монетами, и матросы понимали, что это их казна. Но они не знали, куда отправляют золото — возможно, в другой испанский город. Три ночи происходила погрузка золота и транспортировка его в ночное время, в полной темноте, к пирсу, где его грузили на советские пароходы. А днем испанские матросы спали на мешках с серебром…

Когда погрузка была закончена, шеф казначейства Мендес Аспе пожелал сравнить свои цифры с моими. По моим подсчетам, мы погрузили 7900 контейнеров. По его подсчетам — 7800. Разницу составляла поклажа двух грузовиков, так как каждый грузовик, согласно данной мне инструкции, вез 50 ящиков. А каждый ящик весил около 125 фунтов. Я побоялся сказать Негрину мою цифру, потому что, скажи я ему, что у нас на 100 ящиков золота больше, чем он думает, а потом окажись, что его подсчет правилен, мне пришлось бы отвечать за 100 ящиков золота…Через восемь дней, когда я узнал, что пароходы благополучно прошли, я отправил телеграмму Ежову, в которой сообщал, что по моим подсчетам там 7900 контейнеров, а по подсчетам испанцев 7800 контейнеров… Через несколько месяцев… начальник советского НКВД Слуцкий… рассказал мне про золото, какое это было большое событие, когда оно прибыло в Москву… он сказал мне вполне достоверно, что это золото, по словам Сталина, никогда не будет возвращено Испании. Несколько месяцев спустя ко мне пришел близкий мой друг, который был в Испании одновременно со мной… Он был очень близким другом Ежова, человеком, который лично докладывал Сталину. Он тогда вернулся из Москвы, где провел месяц, в Испанию и рассказал мне, каким великим событием было прибытие золота в Россию… он рассказал мне о том, что сказал Сталин на банкете, в присутствии членов Политбюро, на котором

отмечалось прибытие золота, сказал: больше им не видать этого золота как своих ушей… С тех пор прошло много лет, золото по-прежнему лежит в подземельях Кремля».

Именно Орлова, ответственного и за вывоз золота, и за убийство Нина, и за все прочие подрывные советские операции в Испании в годы Гражданской войны, Ежов, по указанию Сталина, решил вызвать в Москву для расстрела. 9 июля 1938 г. Ежов прислал Орлову телеграмму с приказом выехать в Париж, оттуда на посольской машине прибыть в Антверпен, 13–14 июля встретить там советское судно «Свирь» и подняться на борт для важного разговора с человеком, присланным из Москвы, которого Орлов лично знает (фамилия человека предусмотрительно не указывалась). Орлов понял, что этот вызов — западня, ловушка, смертный приговор ему и его семье, что на «Свири» он будет нейтрализован и в беспомощном состоянии доставлен в Москву. Или же убит прямо в море. Ранее точно таким же образом в Москву из Испании был «отозван» (и бесследно исчез) один из его высокопоставленных помощников.

Орлов ответил Ежову согласием, а сам 11 июля выехали из Барселоны на виллу во Францию, где недалеко от границы с Испанией жили его жена и дочь. Он объяснил жене, что на «Свирь» его вызывают для расправы, и вместо Антверпена семья отправилась в Париж, в посольство Соединенных Штатов. Узнав, что американского посла Вильяма Буллита в канун Дня взятия Бастилии в городе нет, Орлов поехал в посольство Канады, предъявил свой дипломатический паспорт и сообщил, что едет с семьей в США по официальному делу. Получив канадскую визу, он сел на отбывающий в Канаду пароход, 21 июля высадился в Квебеке и поездом добрался до Монреаля, где написал от руки 37-страничное письмо Сталину (с копией Ежову). Орлов вспоминает: «Я написал Сталину пространное письмо и приложил к нему список преступлений диктатора, которые мне были известны из первых рук. Таким путем я намеревался спасти жизнь моей тещи и матери, которые оставались в России. Я предупредил Сталина, что, если они пострадают, я сразу же опубликую то, что знаю о нем. Я также уведомил Сталина, что, если я буду убит его палачами, все факты обнародуют после моей смерти. Я чувствовал, что такие предупреждения могут сдержать диктатора. К 1953 году моя жена и я целых пятнадцать лет ничего не слышали о наших матерях; мы считали, что их нет в живых. Так я приступил к напечатанию своих статей в журнале «Лайф» и своей книги «Тайная история сталинских преступлений».

Написав Сталину и Ежову пространное письмо, Орлов позвонил в Нью-Йорк своему двоюродному брату Натану

Курнику, который не только приехал за письмами, но и доставил их по назначению. 13 августа 1938 г. Орлов и его семья въехали в США. И хотя вплоть до 1953 г. Орлов, с разрешения американского правительства, тихо жил под другой фамилией и таким образом сумел сохранить себе жизнь, одна миссия у него была: предупредить Троцкого, что в окружение Седова внедрен агент по имени Марк, пишущий в «Бюллетене оппозиции» под псевдонимом Этьен.

27 декабря 1938 г. Орлов послал из Филадельфии заказное письмо Троцкому в Мексику, в Койокан, где тот жил. Одновременно он отправил заказной почтой копию письма жене Троцкого, на фамилию Седова. Орлов считал, что у этого второго письма меньше шансов быть перехваченным советской агентурой на мексиканской почте, так как фамилия Троцкий, безусловно, бросалась в глаза. Письмо было написано по-русски на машинке с латинским шрифтом, потому что для сообщений агентура НКВД за границей использовала только машинки с латинским шрифтом (русских машинок у советских разведчиков за границей, из конспиративных соображений, понятное дело, не было). Раскрывать себя Орлов не хотел, считая, что в этом случае Сталину станет известно о его местонахождении. Задача Орлова состояла в том, чтобы советская разведка, даже перехватив письмо, не смогла бы определить, кто именно предупреждает Троцкого о находившемся в его окружении агенте НКВД. Поэтому находчивый Орлов представился Троцкому «дядей» сбежавшего в Японию летом 1938 г. (о чем писали все иностранные газеты) полномочного представителя НКВД по Дальнему Востоку Г.С. Люшкова[729] и предложил обращаться к нему как к Штейну:

«27 декабря 1938 г.

Дорогой Лев Давыдович, я — еврей, приехавший из России. В юности я был близок к революционному движению (партия Бунд). Затем я эмигрировал в Америку, где и живу уже много лет.

У меня остались в России близкие родственники. Среди них есть человек по имени Люшков, Генрих Самойлович, видный большевик, руководитель ЧК. Это тот самый Люшков, который, испугавшись за свою жизнь, 6 месяцев тому назад бежал из Хабаровска (Россия) в Японию. Об этом было напечатано во всех газетах. Оттуда (из Японии) он написал мне в Америку, прося меня приехать и помочь ему. Я поехал туда и помог ему, чем мог. Я отыскал адвоката, который позаботился бы о том, чтобы его не выслали обратно к Советам, и дал ему немного денег.

Почему я пишу обо всем этом Вам? Потому что я узнал от Л юшкова, что в Вашей организации есть опасный агент-провокатор. Я больше не революционер, но я честный человек. А честные

люди относятся определенным образом к агентам-провока-торам. Вот что я узнал от Люшкова:

Всей деятельностью против старых большевиков в России ведал Молчанов, начальник тайного ведомства. Он готовил в Москве суд над Зиновьевым. А Люшков работал у Молчанова помощником. После ареста Ягоды Люшкова перевели в Хабаровск и назначили начальником политической полиции и помощником генерала Блюхера. А тем временем Молчанов и все прочие высшие офицеры тайной полиции, служившие под Ягодой, были расстреляны по приказу Сталина. Люшков понял, что близок и его час, и бежал в Японию.

Из разговора с Люшковым мне стало ясно, что он сам тоже принимал участие в преследовании революционеров и подготовке суда над Зиновьевым. Сейчас Люшков — враг Сталина, но он отклонил мое предложение отомстить за революционеров, сидящих в тюрьмах в России, так как боится, что, если займется этим, русское правительство будет настаивать на его высылке из Японии и может на этот счет договориться с японцами.

Но я-то думаю, что не в том дело и что подлинной причиной отказа Люшкова является то, что он сам, побуждаемый стремлением к повышению и жаждой власти, принимал активное участие в преступлениях, совершавшихся против революционеров.

Когда я вернулся в Соединенные Штаты, я ближе познакомился с трагедией русских революционеров и прочел такие книги, как «Не виновен»[730] и «Дело Льва Троцкого»[731].

Дорогой Л.Д., эти книги порождают возмущение жестокостью, с какою в России относятся к людям, которые отдали всю свою жизнь революции. Под влиянием этих книг я решил (к сожалению, немного поздно) написать Вам о самом важном факте, который я узнал от Л юшкова: о важном и опасном агенте-прово-каторе, который долгое время был помощником Вашего сына в Париже.

Люшков категорически против того, чтобы опубликовать известные ему вещи, и не намерен выступать сам с публичными разоблачениями, но он не возражает против того, чтобы сообщить Вам, кто является главным агентом-провокатором или сталинским чекистом в Вашей партии.

Люшков дал мне детальную информацию об этом агенте при условии, что никто — даже Вы сами — не должен знать, что эта информация исходит от него. Несмотря на то что Люшков забыл фамилию провокатора, он сообщил достаточно деталей, чтобы Вы могли безошибочно установить, кто этот человек. Этот агент-провокатор долгое время помогал Вашему сыну Л. Седову в

издании Вашего русского «Бюллетеня оппозиции» в Париже и сотрудничал с ним до самой его смерти.

Люшков почти уверен, что имя провокатора — Марк. Он был буквально тенью Л. Седова, информировал ЧК о каждом шаге Седова, обо всей его деятельности и личной переписке с Вами, которую провокатор читал с ведома Л. Седова. Этот провокатор втерся в полнейшее доверие Вашего сына и знал о деятельности Вашей организации столько же, сколько сам Седов. За работу этого провокатора несколько офицеров ЧК получили ордена и медали.

Этот провокатор до 1938 года работал в архиве или институте хорошо известного меньшевика Николаевского в Париже и, возможно, по-прежнему там работает. Этот самый Марк украл часть Вашего архива (документы) из заведения Николаевского (если не ошибаюсь, он делал это дважды). Эти документы были переправлены Люшкову в Москву, и он их читал.

Этому агенту-провокатору приблизительно 32–35 лет. Он — еврей, родом из русской части Польши, хорошо пишет по-русски. Люшков видел его фотографию. Провокатор носит очки, он женат и имеет ребенка.

Больше всего меня поражает доверчивость Ваших товарищей. У этого человека нет никакого революционного прошлого.

Несмотря на то что он еврей, четыре года тому назад он был членом Союза возвращения в Россию (это общество бывших царских офицеров в Париже). По словам Люшкова, этот факт был хорошо известен в Париже даже членам Вашей организации. Уже в этом обществе Марк выступал как большевистский агент-провокатор, затем ЧК направило его в Вашу организацию, где ему почему-то стали доверять. Провокатор выдает себя за бывшего польского коммуниста, но это очень маловероятно.

Люшков сказал мне, что, после того как из института Николаевского был украден Ваш архив, в Москве были уверены, что Вы обнаружите провокатора, потому что в институте работало всего несколько человек, и все они, за исключением провокатора Марка, были в прошлом революционерами. Я спросил Люшкова, имеет ли провокатор какое-либо отношение к смерти Вашего сына Л. Седова, и он ответил, что ему это неизвестно, а вот то, что архив был украден Марком, — это несомненно.

Люшков высказал предположение, что теперь, когда убийство *Троцкого стоит на повестке дня, Москва попытается заслать убийц с помощью этого агента-провокатора или же через агентов-провокаторов из Испании под видом испанских троцкистов.*

Люшков сказал, что Вы хорошо знаете этого провокатора из писем Л. Седова, но с ним лично никогда не встречались. Люшков

сообщил, что провокатор регулярно встречался с сотрудниками советского посольства в Париже, и Люшков выражал удивление, как Ваши товарищи не обнаружили этого, — *особенно после того, как Ваши документы были выкрадены из института Николаевского.*

Дорогой Л.Д., это все, что я на данный момент могу Вам сказать. Надеюсь в будущем узнать от Люшкова многое, что поможет высветить деятельность московской политической полиции и доказать, что казненные революционеры были невиновны.

Прошу Вас никому не говорить о моем письме, в особенности о том, что это письмо пришло к Вам из Соединенных Штатов. Русское ЧК, несомненно, знает, что я ездил к Л юшкову, и если они каким-то образом узнают об этом письме, то поймут, что Люшков дал Вам информацию через меня. А у меня в России близкие родственники, которым я посылаю продовольственные посылки, и их могут арестовать из-за этого письма.

Не рассказывайте также, что Вы получили эту информацию от Люшкова. Лучше всего вообще никому не говорить об этом письме. Просто попросите Ваших доверенных товарищей в Париже выяснить, принадлежал ли Марк к Союзу возвращения на родину, проверить его прошлое и посмотреть, с кем он встречается. Нет сомнения, что Ваши товарищи довольно скоро выяснят, что он встречается с сотрудниками советского посольства.

Вы имеете право проверять членов Вашей организации, даже если у Вас нет данных о том, что это — предатели. А кроме того, Вы не обязаны верить мне.

Главное: будьте бдительны. Не доверяйте никому — ни мужчине, ни женщине, которые могут явиться к Вам с рекомендациями от этого провокатора.

Я не подписываю письма и не даю своего адреса, так как боюсь, что сталинисты могут перехватить это письмо на почте в Мексике и прочесть его. Они могут даже конфисковать письмо, а чтобы я знал, что Вы получили мое письмо, я хотел бы, чтобы Вы напечатали в нью-йоркской газете «Социалист аппил» сообщение о том, что редакция получила письмо Штейна — пожалуйста, поместите это сообщение в газете в январе или феврале.

Для большей надежности я посылаю два одинаковых письма: одно — адресованное Вам и второе — Вашей жене Н. Седовой. Ваш адрес я узнал из книги «Дело Л[ьва] Т[роцкого]».

С уважением Ваш друг»[732].

Достоверное известно, из различных источников, что Троцкий получил письмо Орлова. Месяц спустя Орлов «увидел отчаянный

по тону» призыв в нью-йоркской троцкистской газете: «Господин Штейн, я предлагаю вам прийти в редакцию «Социалист аппил» и поговорить с товарищем Мартином». Орлов инкогнито явился в редакцию: «Я пошел туда, но не назвался… Я спросил, где товариш Мартин. Кто-то указал мне на него. Я увидел смуглого человека, который был похож на венгра… Я только взглянул на него и после того, как увидел его, не вошел к нему в комнату… Просто посмотрел на этого Мартина, и он не внушил мне большого доверия — на этом все и кончилось… Я не стал говорить с ним. Я ушел».

Орлов ушел, но решил связаться с Троцким по телефону. Он позвонил ему в Мексику из Сан-Франциско в феврале 1939 г. Трубку, по-видимому, взяла находившаяся в это время при Троцком Эстрина. «Со мной говорила его секретарша, — вспоминал Орлов. — Троцкий не захотел подойти к аппарату. Он боялся, что я — журналист и хочу использовать его в своих целях. На этом все и кончилось». «Да, я присутствовала, когда в Мексике раздался телефонный звонок из Сан-Франциско», — подтвердила через много лет Эстрина. (И когда Троцкий получил письмо «Штейна», она тоже присутствовала.)

Как и опасался Орлов, советская разведка узнала о посланном Троцкому письме. Определить, как именно НКВД узнал о письме Штейна, сложно. Не ясно, было ли перехвачено одно из двух писем Орлова, или же содержание письма стало известно НКВД каким-то другим образом, например от еще одного находившегося при Троцком агента. Тот факт, что в архиве Троцкого в Бостоне не оказалось оригинала письма, полученного от Штейна, может указывать и на то, что само письмо было у Троцкого затем украдено и, кто знает, может быть передано в НКВД для анализа и экспертизы. В директивном письме Центра Максиму (Зарубину), посланном в конце 1941 г., в связи с переброской в США Зборовского, информация давалась крайне путаная и несколько разных событий были слиты в одно: «В феврале 1939 г. предатель Люшков через своего родственника Штейна пытался провалить «Тюльпана» [Зборовского] перед «Стариком» [Троцким]. Для этого через американскую печать было послано соответствующее письмо «Старику». Эта комбинация не удалась Люшкову только потому, что «разоблачение» «Старик» принял как провокацию»[733].

В донесении удивительным образом были сведены воедино февральский звонок Орлова в Мексику, январское обращение Троцкого к Орлову в «Социалист аппеал» и декабрьское 1938 г. письмо Штейна (оно было получено в январе 1939 г.) с информацией от Люшкова. Наконец от кого-то, кто находился при

Троцком в Мексике во время всех этих событий, исходила абсолютно оперативная информация о том, что письмо Штейна Троцкий воспринял как «провокацию». Почему же он не внял предостережениям Орлова и не попытался разоблачать Этьена-Зборовского, которого ничего не стоило вычислить?

Конечно, психологически Троцкому трудно было представить, что вся его деятельность, прежде всего работа его погибшего сына, проходила под контролем НКВД. Проще было предположить, что Штейн — провокатор. Правда, Орлов считал, что «неверие» Троцкого носило показной и политический характер: «Вполне возможно, что из политических соображений Троцкий вынужден был сделать вид, будто он не поверил. Ибо, если бы он сказал, что верит написанному, все охранники, которые охраняли Троцкого ценой собственной жизни, могли бы покинуть его, потому что, если Троцкий так легко поверил в анонимное письмо о Марке, значит, завтра он может разувериться и в них. Для того чтобы поддержать боевой дух тех троцкистов, которые его окружали, Троцкий, наверное, сказал им, что не верит этому, но на самом деле поверил».

Но было по крайней мере еще одно обстоятельство. Советский разведчик Орлов, вся жизнь которого заключалась в оперативных разработках, интригах, контрразведывательных, диверсионных и террористических операциях, хорошо понимал, как можно скрыться от глаз НКВД и спрятаться от наемных убийц Сталина. При этом Орлов абсолютно не в состоянии был понять, что прямолинейный, неспособный даже ради сохранения собственной жизни, как, впрочем, и жизни своих близких, в том числе и детей, идти на компромиссы Троцкий не сможет вникнуть в конспиративный смысл письма Орлова. Письмо, написанное идеологически чуждым «дядей», «бывшим бундовцем», не являющимся троцкистом, не могло быть прочитано Троцким с доверием, даже если и содержало жизненно важную для Троцкого информацию. Орлов был слишком осторожен. Он очень бережно относился к жизни своей и своей семьи. Это (хотя, конечно, не только это) отличало его от Троцкого.

Троцкий мог воспринять предупреждения и разоблачения Орлова лишь в одном случае, если б Орлов прямолинейно сказал Троцкому примерно следующее: моя фамилия Орлов; я невозвращенец из НКВД, стоящий на позициях «большевиков-ленин-цев»; в окружении вашего сына находится человек, по имени Марк, пишущий под псевдонимом Этьен; фамилия его мне не известна, но вы легко можете его вычислить; этот человек является агентом НКВД. Это можно было произнести по телефону. И, не прозвонившись, позвонить еще раз. А потом еще

и еще — до тех пор, пока у аппарата не оказался бы сам Троцкий. Писать Троцкому длинное письмо на латинской машинке от «дяди Штейна» вообще не было никакой необходимости. У Орлова были иные соображения, цели и задачи. Они не совпадали с задачами и целями Троцкого. Но главное: в написанном в свое время Сталину «прощальном» письме Орлов обещал не открывать рта в обмен на сохранение жизни ему и его семье. А предупреждение Троцкого о Зборовском являлось нарушением данного Сталину слова. Именно поэтому Орлову было крайне важно предупредить Троцкого, но так, чтобы об этом не узнал Сталин. А сделать это было сложно, так как вокруг Троцкого было полно сталинских агентов.

Одним из этих агентов была Африка де лас Эрас — испанская коммунистка, участница гражданской войны в Испании. В документации НКВД она фигурировала под псевдонимом Патрия[734]. Информация об Эрас достаточно противоречивая. С одной стороны, в бумагах НКВД указывалось, что в круг Троцкого она была вхожа уже в Норвегии. С другой — завербована она была, видимо, в Испании Орловым, поскольку последний знал ее в лицо, и после бегства Орлова Эрас, находившаяся уже у Троцкого в Мексике, была из Мексики срочно отозвана, так как советская разведка опасалась, что Орлов может разоблачить Эрас перед Троцким, если появится у Троцкого. Неизвестно также, под какой фамилией Патрию знали в окружении Троцкого.

Интересно и то, что, сохранив третий экземпляр письма, посланного Троцкому и Седовой, Орлов, видимо, не сохранил, а если и сохранил, то не предъявил общественности третью копию письма Сталину и Ежову. Похоже, это письмо содержало пункты, обнародование которых не входило в планы Орлова ни в 1938 г., ни позже.

Прошло много лет. 5 марта 1953 г. умер Сталин. В декабре 1954 г. Орлов приехал с визитом к Далину и Эстриной. «Знаете, ваше письмо, которое вы написали Троцкому, прибыло туда как раз тогда, когда я находилась у Троцкого в Мексике, — сказала Эстрина-Далина Орлову. — Когда позже мне стало известно, что вы автор этого письма и что вы имеете в виду Марка Зборовского, я сказала им, что это неправда».

Но очевидно, что Эстрина с самого начала, а не «позже» утверждала, что все, написанное в письме, неправда, что Зборовский не может быть советским агентом. «Я задумался над тем, почему она старается его прикрыть, — вспоминал Орлов. — Должна ли дружба зайти так далеко, чтобы защищать преступника? Я не мог этого понять. Но она продолжала настаивать, что это неправда». И тогда Орлов пересказал два

эпизода из докладных Зборовского, о которых он мог знать и знал из посылаемых Марком донесений в Москву. Орлову давал их читать его приятель сотрудник НКВД во Франции Алексеев. А Эстрина могла слышать эти истории лишь от Зборовского. Между Орловым и Эстриной произошел следующий разговор:

«В один из дней августа 1936 года во время первого московского судебного процесса сын Троцкого Лев Седов шел по парижским улицам в сопровождении Марка, как вдруг увидел на прилавке газету: «Все 16 лидеров революции расстреляны». И он заплакал, шел по улице, не скрывая слез, и рыдал. А люди смотрели на него, о чем Марк и написал в своем донесении.

«Вы слышали об этом?» — спросил я, и она ответила: «Да, конечно. Я помню, потому что он сам мне об этом рассказал».

Марк рассказал ей об этом.

Эффект был потрясающий.

«А теперь, — сказал я, — верно ли или нет, что Седов написал своему отцу Льву Троцкому в Мексику, что встретил одного русского человека, приехавшего из России, по всей видимости большевика, который поведал ему, что в Москве, в Кремле считают Седова не менее важным и способным, чем сам Троцкий?»

И это было написано в одном из донесений Марка.

«Да, это правда, Марк мне сам сказал», — подтвердила она.

«Теперь вы верите?» — спросил я. «Да, — ответила она. — Теперь я верю».

Однако Эстрина солгала. Она «не верила». Орлову поведение Эстриной казалось очень подозрительным. Слишком многое упиралось в нее и ее неготовность согласиться с тем, что Зборовский — агент НКВД. «От госпожи Далиной мне стало известно, что во Франции Зборовский жил по фальшивым документам, которые, как он сам ей сказал, просто купил. Мне известно, откуда эти документы. Их сфабриковали в Москве», — показал Орлов. Но этот банальный вывод почему-то не пришел в голову Эстри-ной ни во Франции, где случался провал за провалом (не говоря уже об общей подозрительности среди троцкистов вообще и по отношению к Зборовскому, в частности), ни в Америке после разоблачительного письма Штейна. В США Зборовский перебрался тоже с помощью Эстриной. Орлов вспоминает: «Я спросил у Далина об этом агенте-провокаторе, спросил, знает ли он его. Он ответил, что да, разумеется, он знает Марка. Он спросил: «Известна ли вам его фамилия?» Я ответил: «Нет». Говорит ли вам о чем-нибудь фамилия «Зборовский»? Я ответил: «Нет». Видели ли вы когда-либо этого человека? И на этот вопрос я тоже ответил «нет», ибо боялся, что пойдут сплетни

и тому подобное и Марк может узнать, что я способен его разоблачить. Я спросил у Далина, где может быть этот человек сейчас. Он ответил: «Не знаю». Тогда я рискнул: «Быть может, он сейчас в Польше большой чиновник в НКВД, ведь он именно там вырос». Далин пожал плечами и сказал: «Может быть». Затем моя жена спросила… что, «быть может, Марк застрял во Франции во время войны?» Тогда Далин ответил: «Нет, он покинул Францию».

Это была первая, июльская 1954 г. встреча Орлова с Далиным. Они встречались в нью-йоркском ресторане «Лонгчемпс». Далин не сказал Орлову, что Зборовский давно уже — с декабря 1941 г. — находится в США. Об этом проговорилась Эстрина, во время второй встречи — в декабре 1954 г., когда Далин пригласил Орловых в гости домой, в свою нью-йоркскую квартиру, предварительно спросив: «Но может быть, вы не хотите, чтобы присутствовала моя жена?»

«Странно услышать подобную фразу от мужа, — комментировал Орлов. — Наоборот, сказал я, я приведу мою жену и буду рад познакомиться с госпожой Далиной. Мы отправились к ним. И тогда во время нашей беседы о Марке госпожа Далина заметила: «Знаете, мы с Далиным способствовали переброске Марка в Соединенные Штаты». — «Что? — удивился я. — Разве он в Соединенных Штатах?» — «Конечно. Он приехал сюда в 1941 году. Он уже американский гражданин». Еще она сказала, что встречала его на пирсе. Это было для меня большой неожиданностью…

Однажды я встретил почтенного старого социалиста… Рафаила Абрамовича. Раньше он был лидером социалистической партии, жил в эмиграции во Франции и был знаком с Николаевским и многими другими. Я спросил у него, знает ли он человека по имени Марк, который работал у Николаевского, сказал, что он опасный человек и, вполне возможно, предает людей. Потом на квартире у Далина госпожа Далина заявила: «Господин Абрамович сказал мне, что вы занимаетесь разоблачением Марка. Я ответила ему, что все это неправда и что вы автор письма, в котором одна ложь».

И тут же Эстрина сообщила Зборовскому, что бывший высокопоставленный сотрудник НКВД Орлов, находящийся в США, занимается его разоблачением. Немаловажная деталь: после приезда Зборовского в США Эстрина помогла ему найти квартиру — в том же доме, где жила сама. Иными словами, когда Орлов встречался с Далиным и Эстриной, всего лишь в нескольких метрах от них находился Зборовский, о чем Орлов поставлен в известность не был.

Орлов был убежден, что операция по его обнаружению и

устранению была поручена самому Зборовскому и что именно для этого в декабре 1941 г. Тюльпана перебросили в США, куда, как хорошо было известно в НКВД, бежал Орлов: «Принимая во внимание мое положение, поскольку НКВД направило в Америку одного из своих наиболее ценных агентов, мне пришло в голову, что он был заслан с целью загнать меня в угол», — заявил Орлов Подкомиссии сената. Но все это было уже после смерти Троцкого…

Поначалу Троцкий собирался предпринять какие-то меры по проверке информации о Зборовском, но находившаяся при Троцком Эстрина сумела убедить Троцкого этого не делать, доказывая, что письмо Штейна — разработка НКВД с целью лишить Троцкого одного из его верных и главных помощников во Франции. В связи с этим она ссылалась на другое анонимное письмо, полученное Троцким, где утверждалось, что сама Эстрина едет в Койоакан, чтобы Троцкого отравить[735].

Разумеется, можно предположить, что Эстрина была глупой и наивной женщиной. Еще можно допустить, что между нею и Зборовским были любовные отношения и именно по этой причине Эстрина всегда выгораживала и защищала оказавшегося советским агентом Этьена, с которым она была знакома, видимо, с 1933 г., которому в 1935 г. помогла получить визу во Францию, а в 1941 г. — визу в США; которого встречала в порту, которому в Нью-Йорке сняла квартиру в доме, где жила сама[736]. Однако более правдоподобной кажется еще одна версия: что быстро менявшая свои политические и человеческие симпатии, перешедшая от меньшевиков к троцкистам и от троцкистов назад к меньшевикам Гинзберг-Эстрина-Далина, как и Зборовский, была агентом НКВД. Только, в отличие от Зборовского, она осталась нераскрытой. О том, что этот нераскрытый агент из стана меньшевиков существовал, Орлов рассказал при встрече Абрамовичу. Только даже Орлов не знал, кто был этим неразоблаченным агентом: «О делах меньшевиков мы знаем менее подробно, чем о троцкистах. Среди них [троцкистов] есть один человек, очень близкий к Седову. Фамилия его неизвестна мне, знаю только, что имя, кажется, Марк, выходец из Польши. Он, кстати, часто бывает у Эстрина [тогда еще мужа Гинзберг-Эстриной] и [Ральфа] Гинзберга, и они разговаривают о делах меньшевиков, а потом он нам все передает. Но мы его сведения могли проверить, потому что у нас был и другой источник. Ни [С.Э.] Эстрин, ни Гинзберг к этому отношения не имели»[737].

Кто же был этот «другой источник», присутствовавший при разговорах С.Э. Эстрина и Ральфа Гинзберга, если С. Эстрин и Р. Гинзберг из этого списка выпадают и если известно, что

одновременно при этих разговорах присутствовал советский агент Зборовский? К сожалению, не остается ничего иного, как считать, что этим «другим источником» — нераскрытым агентом НКВД — могла быть жена С. Эстрина и будущая жена американского историка и политолога Давида Далина — Лилия, Леля, Лола[738].

4. Продолжение следует…

Как раз в то время, когда Троцкий с женой только прибыли в Мексику и начали привыкать к совершенно новой ддя них относительно свободной обстановке, в Москве состоялся второй «открытый» судебный процесс на семнадцатью обвиняемыми (суд начался 23-го и завершился 30 января). На этот раз на скамье подсудимых находились в свое время близкие к Троцкому видные руководители партии: Радек, Пятаков, Сокольников, Серебряков, Муралов и другие. В порядке «амальгамы» к ним были пристегнуты не знакомые никому лица. Обвиняемым было приписано создание «параллельного антисоветского троцкистского центра», организация шпионажа, диверсий, подготовка убийств высших советских государственных деятелей — в общем, полный набор обычных уже для большого террора клеветнических измышлений. Все эти чудовищные «преступления» они выполняли, судя по обвинительному заключению, по указаниям Троцкого, который, в свою очередь, давал их по личному согласованию со шпионско-диверсионными службами фашистской Германии. Все обвиняемые «чистосердечно» признались в совершенных преступлениях, причем особенно энергично с прокурором А.Я. Вышинским[739] и судьей В.В. Ульрихом[740] сотрудничали Пятаков и Радек. Радек проявлял чрезвычайную активность, подчас даже опережая прокурора, в том числе в очернении себя самого, участвовал в фабрикации сценария собственных «антисоветских преступлений» и криминальных деяний других подсудимых. Обвиняемые называли фамилии и многих иных бывших деятелей оппозиции в качестве связанных с ними «изменников родины», в том числе Раковского[741]. Было ясно, что за этим процессом последует новый публичный кровавый спектакль, и, вполне возможно, не один, что НКВД еше «работать и работать».

Как и во время первого шоу-процесса, этот суд сопровождался «гневными» выступлениями представителей всех слоев советского населения, злобными выпадами толпы, дополненными стихами «талантливых» советских поэтов, например А. Суркова:

Их слово — ложь, их клятвы лицемерны,
Их сердце пусто, помыслы черны.
Смерть подлецам, втоптавшим в грязь доверье
Овеянной победами страны.

На фоне этого публичного судилища происходили еще и сотни тысяч закрытых судилищ: и над теми, кто некогда имел отношение к какой-либо оппозиции, над теми, кто каким-то образом был или мог быть связан с видными «врагами народа», и просто над людьми, которые ни с чем никогда не были связаны, были честными и послушными советскими гражданами и все равно были пущены в сталинскую кровавую мясорубку. Похоже, что одной из главных задач Большого террора было создание в стране атмосферы всеобщего страха, что обеспечило бы безусловное и беспрекословное выполнение любых приказаний Сталина. Именно поэтому основной чертой Большого террора была его непредсказуемость. Весь злодейский замысел Большого террора, вся его «планомерность» состояли в полном отсутствии смысла. Под ударом мог оказаться любой человек, начиная с наркома и кончая деревенским сторожем.

Понятно, что диктатор огромной страны не мог отслеживать судьбы всех своих граждан. Но за теми, кто имел хоть какое-то отношение к Троцкому, Сталин следил пристально, дабы никто не остался в живых и уж по крайней мере на свободе. В Соловецком лагере особого назначения, а затем в Чистопольском концлагере оказался по 58-й статье даже питерский шофер Федотов, который когда-то возил Троцкого[742]. Был арестован, а в 1937 г. расстрелян Захар Борисович Моглин, который никогда не был сторонником Троцкого и единственная «вина» его состояла только в том, что он был первым браком женат на дочери Троцкого Зинаиде[743]. После многолетних мук в ссылках и концлагерях был расстрелян в июле 1937 г. в Казахстане приговоренный «по первой категории» в числе большой группы, по утвержденному Сталиным списку, зять Троцкого Ман Самуилович Невельсон, муж его младшей дочери Нины[744]. Аналогичная судьба — расстрел или многолетние мучения в концлагерях — ожидала почти всех найденных родственников Троцкого, остававшихся в СССР.

Кара настигала этих людей в разное время. Так, внуку Троцкого Льву Мановичу Невельсону удалось даже поступить на исторический факультет Саратовского университета, а в конце 1939 г. подать заявление о добровольном участии в войне с Финляндией. Но вскоре — в 19-летнем возрасте — он был арестован и в июне 1941 г. расстрелян по обвинению в «антисоветской деятельности», хотя даже деда своего не помнил. Его бабушка, мать уже скончавшихся дочерей Троцкого Зинаиды и Нины, Александра Львовна Соколовская была арестован и сослана в 1935 г. В последний раз ее видела в Колымском концлагере дочь соратника Троцкого Надежда Иоффе, тоже

осужденная. Когда и где была расстреляна Соколовская — неизвестно.

Не менее трагической была судьба сестры Льва Давидовича, когда-то самоуверенной и гордой Ольги Давидовны Каменевой. Снятая в 1929 г. с должности председателя правления Всесоюзного общества культурной связи с заграницей, она некоторое время работала в Московском отделе народного образования. В 1935 г. ее арестовали, но Особое совещание НКВД вынесло ей довольно «снисходительный» приговор — она была всего лишь лишена права проживания в Москве и Ленинграде. Ольга была выслана в город Горький, где ей удалось устроиться на работу каталогизатором отдела обработки литературы областной библиотеки. В июле 1937 г. она была арестована и приговорена Военной коллегией Верховного суда СССР к 25 годам лишения свободы. Она пережила своего мужа и двоих сыновей, расстрелянных в 1937 г.

Последние годы жизни Каменева провела в Орловской тюрьме — старинном централе, превращенном в пыточную тюрьму Для политических заключенных. 6 сентября 1941 г. Государственный комитет обороны СССР вынес постановление, подписанное 8 сентября Сталиным, о расстреле 161 заключенного этого централа «за антисоветскую агитацию, распространение клеветнических измышлений о мероприятиях ВКП(б) и Советского правительства»[745]. 11 сентября Ольга Давидовна была расстреляна в Медведевском лесу под Орлом. Одновременно с Каменевой в том же Медведевском лесу были расстреляны друг Троцкого Ваковский, лидер партии левых эсеров страстная революционерка М.А. Спиридонова и многие другие политические деятели. Точное место расстрела обнаружить не удалось. Показания бывшего начальника управления НКВД по Орловской области Фирсанова, данные в 1956 г., во время хрущевской «оттепели», проливают свет на процедуру убийства: осужденные «препровождались в особую комнату, где специально подобранные лица из числа личного состава тюрьмы вкладывали в рот осужденному матерчатый кляп, завязывали его тряпкой с тем, чтобы он не мог его вытолкнуть, и после этого объявляли о том, что он приговорен к расстрелу. После этого приговоренного под руки выводили во двор тюрьмы и сажали в крытую машину с пуленепробиваемыми бортами» [746].

Показательна и печальная история жены личного секретаря Сталина А.Н. Поскребышева[747]. Бронислава Соломоновна Поскребышева-Металликова работала в Научно-исследовательском институте эндокринологии. В 1933 г. она с братом — хирургом М.С. Металликовым — участвовала в научной

конференции по эндокринологии в Париже. Во время экскурсии по городу они случайно встретили Льва Седова, с которым находились в отдаленных родственных отношениях (Металликовы были сестрой и братом его бывшей жены Анны, оставшейся в СССР). Эта информация дошла до НКВД и послужила поводом для ареста и расстрела сначала М.С. Металликова, обвиненного в связях с Троцким, а затем и жены Поскребышева. Поскребышеву же Сталин посоветовал жениться заново, и по распоряжению генсека ему была подобрана новая жена.

Характер, масштабы, методы, особенности «антитроцкистской» струи в Большом терроре можно наглядно проследить на примере Украины, партийные лидеры и спецслужбы которой из кожи вон лезли, чтобы угодить кремлевскому горцу. В октябре 1936 г. наркомом внутренних дел Украины Балицким, а затем и прокурором СССР Вышинским было утверждено обвинительное заключение по делу контрреволюционной троцкистско-террористической организации на Украине, «с направлением по закону от 1 декабря 1934 г.» — то есть без участия защитников, без права апелляции и с приведением смертного приговора в исполнение немедленно после его вынесения[748]. Согласно заключению, НКВД обнаружил и ликвидировал террористическую организацию «троцкистов», возглавляемую «украинским троцкистским центром», во главе которого стояли бывшие известные политические и хозяйственные деятели Н.В. Голубенко[749], В.Ф. Логинов[750]и Ю.М. Коцюбинский[751] (сын украинского писателя-классика Михайла Коцюбинского). Этот «центр» якобы проводил свою деятельность под руководством созданного в 1932 г. «всесоюзного центра». «Троцкисты», по утверждению обвинителей, блокировались с украинскими националистами и считали индивидуальный террор основным методом борьбы против компартии и советской власти. Ими была создана, по словам обвинителей, специальная боевая организация, деятельность которой направлялась эмиссарами «закордонного троцкистского центра», являвшимися агентами германского гестапо.

В обвинении имелись экскурсы в историю. В частности, НКВД приписывал вхождение в «центр» бывшему «крупному меньшевику» С.Ю. Семковскому, являвшемуся в советское время (до ареста) украинским академиком. Не слишком сведущие в истории революционного движения следователи даже не подозревали, что Семковский, которого теперь обвиняли в связи с «рядом троцкистских террористических групп, существующих в научных учреждениях Харькова»[752], на самом деле сотрудничал

с Троцким, являясь его ближайшим помощником по Августовскому блоку 1912 г.[753] Просто это было в 1912 г., о чем НКВД не знал.

Что же касается Голубенко и Логинова, которые действительно участвовали в объединенной оппозиции 1926–1927 гг., то они якобы после исключения из партии и перед отправлением в ссылку в Читу встретились с Пятаковым, который рекомендовал им подать заявления об «отказе от троцкизма» для «сохранения себя в партии и защиты внутри партии при удобном моменте своих троцкистских взглядов». (Голубенко и Логинов действительно подавали заявления о раскаянии и просьбе восстановить их в партии, но, разумеется, не для ведения внутри партии подпольной оппозиционной деятельности.) Заодно у несчастных подследственных были выбиты признания во «вредительской работе» в центре и на периферии: «Тактика двурушничества становится основным методом работы троцкистов и принимает самые утонченные формы», — заключали следователи. Украинских «вредителей» обвиняли в связях с Троцким через Пятакова, который получал «директивные указания». А «базами» «контрреволюционной работы» назывались Академия наук Украины, Украинская ассоциация марксистско-ленинских институтов. Харьковский, Киевский и иные университеты, ряд других вузов, промышленные и сельскохозяйственные предприятия, то есть НКВД предоставлял себе возможность распространить террор фактически на всю республику, на все слои ее населения, тем более что в качестве участников террористических планов (до «действий» дело не дошло даже по версии НКВД) назывались не только бывшие оппозиционеры, но и члены партии, являвшиеся «скрытыми троцкистами», и даже беспартийные.

Самым страшным обвинением были «указания» Троцкого о переходе к террору. По версии следствия, они были получены через Берлин уже в 1931 г. через Льва Седова. Оппозиционерам предлагалось «проникнуть» в какую-нибудь делегацию, отправляющуюся в Кремль, и там произвести выстрелы в Сталина, Ворошилова и других партийных руководителей. Разумеется, теракты были «предотвращены» НКВД, а все обвиняемые по этому делу были расстреляны.

Согласно отчету 4-го отдела Управления госбезопасности НКВД УССР, занимавшегося в Украине борьбой с «троцкистами», для борьбы с оппозицией пришлось разрабатывать несколько схем[754]: слишком разветвленными и хитрыми оказались троцкистские организации. Самая сложная структура была создана «Украинским троцкистским центром» (Коцюбинский,

Логинов и Голубенко). Основная связь «вверх» «осуществлялась» с Пятаковым, а через него с Троцким и Седовым. Боковые ответвления шли к «правым» — Бухарину, Рыкову и Угланову, а также к «децистам» Шляпникову и Медведеву. Наконец, была «установлена» боковая связь с Зиновьевым, Каменевым, И.Н. Смирновым и Мрач-ковским. Связь «вниз» осуществлялась по целому ряду направлений: с «резервным центром», с организациями в областях и крупных городах, с «вредительскими группами» по отраслям. В особую линию вредительских контактов был вынесен Семков-ский (видимо, в связи с его высоким званием академика).

Пять схем было создано в НКВД УССР для борьбы с региональным троцкизмом. Они позволили уничтожить «вскрытое троцкистское подполье» в Харькове, Одессе, Днепропетровске, Донбассе и Киеве, где «троцкистов» развелось так много, что НКВД пришлось разрабатывать «схему оперативного удара по контрреволюционному троцкистскому подполью». Итоговые данные «оперативного удара на Украине» за 1936 г. сочли «прекрасными». Всего было репрессировано 4220 «троцкистов», из них 328 занимавших ответственные посты на «культурном фронте», 1240 — в промышленности, 86 — в партийном аппарате. Значительная часть выявленных «троцкистов» была расстреляна. Остальные пошли в ГУЛАГ.

В 1937–1938 гг. последовали новые, еще большие потоки выловленных «троцкистов» — членов партии и беспартийных, занимавших высокие посты и рядовых служащих, рабочих и колхозников. Мастер фастовского завода «Красный Октябрь» А.Н. Андрейченко в пьяном виде, провожая товарища в армию, оговорился и сказал: «Не забудь защищать троцкизм». Тут же поправился, что «надо бороться против троцкизма». Андрейченко арестовали на «пропаганду троцкизма», на допросах заставили рассказать о своих «контрреволюционных троцкистских связях», назвать фамилии лиц, от которых он получал указания проводить «контрреволюционную троцкистскую агитацию», и приговорили к нескольким годам лагеря[755].

Крестьянин села Аркадиевка Олешко был обвинен в троцкизме и получил срок за то, что на мотив «Интернационала» пел: «Чуеш, кури зібрали, за півнями прийшли, у колгоспі два кіла обіцяли, по сто грамів дали» («Слышишь, кур забрали, за петухами пришли. В колхозе по два кило обещали, по сто граммов дали»)[756]. Он тоже был обвинен в троцкизме. Еще один арестованный — рангом чуть повыше — заведующий отделом сбыта Киевтопливо М.М. Анин-Пупко обвинялся в том, что был «активным участником контрреволюционной троцкистской

организации и проводил контрреволюционную троцкистскую деятельность». Вещественными доказательствами послужили найденные у него при обыске малокалиберная винтовка с патронами, пять «разных книг» Каутского и три «разные книги» Бухарина. На допросе арестованный категорически отвергал обвинения, но после избиений признался, что высказывал «троцкистские взгляды», говоря, что «троцкисты, возможно, и правы». Новые избиения заставили Анина-Пупко вспомнить, что он вербовал других в «троцкистскую организацию», и назвать целый ряд «завербованных». Суд, продолжавшийся 20 минут, приговорил его к 10 годам концлагеря[757].

26 июля 1937 г. был арестован секретарь ЦК комсомола Украины С.И. Андреев. Он обвинялся в том, что был «участником контрреволюционной троцкистской организации, стоявшей на террористических позициях». Из Андреева почти сразу же были выбиты показания, что он был вовлечен в троцкистскую организацию секретарем ЦК КП(б)У П.П. Постышевым, что сам Андреев и связанные с ним многие лица проводили «троцкистскую работу» не только в комсомоле, но и в пионерском движении, ныне стремятся к «развалу политико-воспитательной работы в комсомоле и созданию собственной, крепко сплоченной троцкистской молодежной организации»[758]. После новых признаний в дело вовлекались все новые и новые люди. Андреев и другие обвиняемые будто бы заявляли, что «надо принизить авторитет Сталина», «противопоставить его авторитету других людей, которые его сменят и обеспечат политику Троцкого в стране».

Что же касается детей, то им «заговорщики» уделяли особое внимание: «троцкисты» наиболее активно «работали» во Дворцах пионеров, используя их кружки для воспитания детей в духе «замены политвоспитательной работы культурничеством». Против Андреева, который никогда не разделял оппозиционных взглядов, были использованы его же собственные выступления, выдержанные в сталинском духе. Только теперь его речи объявили «троцкизмом». Секретарю украинского комсомола приписали «троцкистскую пропаганду» в его выступлении 1934 г. на собрании киевского комсомольского актива, хотя на самом деле это было типичное антитроцкистское выступление: «Возьмите борьбу Троцкого с нашей партией. Ведь он тоже в этой борьбе делал ставку на молодежь, он пытался противопоставить молодежь нашей партии, он пытался втянуть молодежь в борьбу с нашей партией. Конечно, ему это не удалось. Нашлись только отдельные элементы, которые пошли за Троцким, но которые потом отошли от него. Нашлись, повторяю, такие только

отдельные элементы, а вся подавляющая масса молодежи, ленинский комсомол пошел тогда с партией, боролся против троцкизма»[759].

Под пытками следователей[760] из этой просталинской речи Андрееву пришлось сделать совсем иные выводы: «Политическое целеустремление нашей организации базировалось целиком на троцкистских позициях. Сознавалась необходимость реставрации капитализма в СССР при помощи интервенции со стороны фашистских государств»[761]. Большинство обвиняемых, включая Андреева, были по этому делу расстреляны.

Наряду с бывшими участниками оппозиционного движения и людьми, не имевшими к оппозиции ни малейшего отношения, жестоким репрессиям подвергались родные и близкие тех, кто в прошлом «запятнал» себя связями с Троцким. В июне 1937 г. был арестован В. В. Ауссем-Орлов, являвшийся заместителем начальника штаба Харьковского военного округа. Вся его «вина» состояла в том, что он был сыном В.Х. Ауссема — члена РСДРП с 1901 г., председателя Полтавского Совета в 1917 г., а в 1925–1927 гг. — председателя ВСНХ Украины. Ауссем-старший был активным участником объединенной оппозиции, за что в декабре 1927 г. был исключен из ВКП(б) и сослан. После многих перипетий В.Х. Ауссем был в 1937 г. арестован и расстрелян. Был расстрелян и его сын[762].

У бывшего наркома просвещения Украины В.П. Затонского при обыске нашли визитную карточку министра народного образования Польши Свентовского и заставили сознаться в том, что он был связан с польской разведкой. Затем Затонский сознался, что имел «намерение» совместно с Пятаковым «создать в ЦК КП(б)У противовес» ЦК партии, что он являлся связным между «правыми» и «троцкистами» и, наконец, дал показания о «вредительской работе» секретаря ЦК КП(б)У С.В. Косиора[763], который сначала проявлял «бережное отношение» к «троцкистам», а позже стал давать прямые директивы в духе «троцкистов», «правых» и националистов. Затонского и других обвиняемых по его делу вынудили дать показания об антисоветской деятельности академика А.В. Палладина, писателей М. Бажана, М. Рыльского, Ю. Яновского. Никто из этих людей, правда, арестован не был, но досье на всех было создано. Затонского расстреляли[764]. Потом расстреляли и С. В. Косиора.

Документация Отраслевого государственного архива Службы безопасности Украины дает весьма рельефное представление о том, как выбивались показания из подследственных. По текстам допросов видно, в каком месте допрос прерывался для избиения или других истязаний. Человек, который решительно отрицал

только что предъявленное страшное обвинение, при следующем вопросе точно такого же текста отвечал все еще отрицательно, но вяло, а в третий (или в четвертый) раз в ответ на тот же вопрос отвечал: «Я решил показывать правду», и вслед за этим в протоколе следовали совершенно нелепые признания обвиняемого, оговаривавшего себя и других. После пыток и признательных показаний проводился суд, который занимал обычно всего несколько минут. Видимо, рекорд «продолжительности» был поставлен при рассмотрении дела бывшего секретаря комиссии по истории Гражданской войны при ЦК КП(б)У Д.В. Ермолаева. Военная коллегия Верховного суда СССР начала рассмотрение его дела 8 марта 1937 г. в 22 часа 10 минут и вынесла смертный приговор в 22 часа 35 минут. За 25 минут «судьи» успели заслушать обвинительное заключение, допросить обвиняемого, выполнить все прочие процедурные формальности, удалиться на совещание, написать приговор, возвратиться в зал заседания и огласить решение о смертной казни[765].

Отправленные в концлагеря немногочисленные сторонники Троцкого, оставшиеся верными своему вождю, как правило, вели себя мужественно до безрассудства. На этапах они пели «Интернационал» и «Варшавянку», в самих лагерях поначалу осмеливались предъявлять требования и угрожали голодовками. Правда, и в их среду проникало немало провокаторов и осведомителей. Один из лагерников, которому чудом удалось выжить, писал в воспоминаниях: «Среди этой агентуры было немало таких, которые полагали, что в качестве тайных агентов во «вражеском стане» они действуют «для вящей славы» дела партии во имя охранения «дела Ленина»[766]. Кончалось всё для всех одинаково: физической расправой в лагере; смертной казнью через непосильные работы, голод и карцер; расстрелом в лагере по обвинению в «связях с международной буржуазией», которые несчастные узники ухитрялись налаживать даже из ГУЛАГа[767].

В 1942 г. НКВД удалось обнаружить «контрреволюционную троцкистскую организацию» во главе с заключенным Грязных в печально знаменитом Дальстрое под Магаданом. По утверждению НКВД, группа даже имела свою платформу. В 1945 г. обнаружили новую группу, руководимую заключенным Стэрном, в свое время окончившим Академию Генерального штаба Красной армии. Этой группе следователи приписали подготовку «вооруженного восстания» в концлагере. Активными участниками ее являлись Михайлов — «кадровый троцкист» и один из лидеров «рабочей оппозиции», и Аксянцев — в прошлом связанный с Бухариным. Эти люди «устраивали нелегальные сборища», распространяли

антисоветские стихотворения и «контрреволюционную литературу», оказывали материальную помощь и «моральную поддержку» другим заключенным. Всего было арестовано десять человек. Все они были расстреляны[768].

Еще через год в концлагере Волгостроя была арестована группа «троцкистов» во главе с И.С. Шемонаевым, кандидатом экономических наук, бывшим заведующим кафедрой политэкономии Московского планово-экономического института, осужденным за «троцкистскую деятельность» на десять лет лагерей. Участники этой группы также проводили «нелегальные сборища», стремились создать группы своих единомышленников в лагерных подразделениях, обсуждали способы связи, методы обработки и вербовки новых участников. Как видно из указаний оперативного отдела ГУЛАГа по этому делу, в группу входили люди разных политических взглядов — не только последователи Троцкого, но и «правые». Двое были приговорены к расстрелу, остальные — к длительному заключению в тюрьме[769].

5. «Дело Льва Троцкого»[770]

С первых месяцев пребывания Троцкого в Мексике советские спецслужбы прилагали максимум усилий для того, чтобы установить за ним наблюдение, внедрить в его среду агентов, получать максимально точную и достоверную информацию о его действиях и намерениях и в перспективе быть готовыми к осуществлению убийства главного врага Сталина. Центр настоятельно требовал активных действий своей резидентуры в США против Тюка, «тюков» или «хорьков», как обычно именовались Троцкий и его сторонники. 29 мая 1937 г. агент Норд, работавший в военном ведомстве США, указал на запрос из Москвы: «Просили по Троцкому»[771]. 31 мая 1937 г. резиденту Юнгу (кличка Исхака Ахмерова)[772] телеграфировали в связи с вербовкой некоего сотрудника Госдепа США (под кличкой 19): «Добейтесь материалов по Мексике и тюкам (документы, наводки, мат[ер]-иалы др[угих] отделов Госдеп[арт]амента, агент[урн]ые сообщения и пр.)»[773].

Существенных результатов, однако, добиться не удалось. В конце сентября того же года Ахмеров с оттенком явного сожаления, буквально с извинениями писал Центру: «Вы просите мат[ериа]лы из Мексики о Тюке. 19 говорит, что они почти ничего о нем не получают. Несколько месяцев тому назад апостол [кличка агента] сообщал раз или два о Тюке и с тех пор ничего не сообщает. По мнению 19, Тюк не является важной фигурой в Мексике и не имеет какого-либо организационного влияния на политических] деятелей в Мексике. 19 говорит, что художник Диего Ривера, в доме к[оторо]го живет Тюк, является его старым приятелем. 19, видимо, зайдет к Ривера и, возможно, там встретит Тюка. Я предупреждал 19, что они могут попытаться обработать его. 19 мне заявил, что я могу быть спокойным и что они не повлияют на него. Сказать 19, чтобы он не заходил к Ривера, я не счел возможным, т[ак] к[ак] он мог бы рассмотреть это нажимом на него и также, что мы не доверяем ему»[774].

Поразительно, насколько НКВД не приходило в голову, что упоминание в таком документе открытым текстом Риверы моментально расшифровывает фамилию Тюка любому, кто прочтет донесение. Не говоря уже о том, что Тюки Троцкий начинались с одной буквы. Видимо, было не до конспирации. Любопытны и опасения, что Троцкий перевербует советского агента из американского посольства в Мексике, сотрудника Госдепа. На фоне «открытых» процессов 1936–1938 гг. моральная позиция Троцкого действительно усилилась, он развернул

масштабную международную кампанию по разоблачению сталинского террора против советской номенклатуры, и в Москве беспокоились, что Троцкий может перетянуть на свою сторону серьезные силы и симпатии.

Сталин в это время проводил очередной процесс: на январском процессе 1937 г. были выставлены 17 подсудимых, причем, к удивлению многих наблюдателей, не все подсудимые были приговорены к расстрелу. Радек, Сокольников и двое «второстепенных» подсудимых — В. Арнольд и М.С. Строилов — были приговорены к длительному тюремному заключению (хотя все они в ближайшие годы были все равно убиты, уже без траты сил и времени на проведение нового суда).

Троцкий ставил в центр внимания развенчание прежде всего тех обвинений, которые были связаны лично с ним и с его деятельностью. Такой подход был наиболее целесообразным с точки зрения возможности получения неоспоримых доказательств и привлечения к расследованию авторитетных представителей западной общественности, идейно не связанных с Троцким или являвшихся его принципиальными идеологическими противниками. Это было тем более необходимо, что некоторые западные интеллектуалы, в числе которых были действительно весьма талантливые, уважаемые и известные люди, выражали свою глубокую уверенность в правильности сталинских процессов (особенно на фоне возраставшей угрозы со стороны гитлеровской Германии). Кроме Фейхтвангера, которому постановлением Политбюро от 22 января 1937 г. вместе с еще одним иностранцем — прокоммунистически настроенным М. Андерсеном-Нексе[775] было разрешено присутствовать на процессе[776], советское правосудие поддержали британский юрист Д.Н. Притт[777] и французский юрист Г.Р. Розенмарк[778]. На Фейхтвангера процесс произвел неизгладимое впечатление и развеял все его сомнения: «Когда я находился в Западной Европе, обвинения против Зиновьева казались мне маловероятными… Но когда я посетил второй процесс в Москве, я был вынужден признать очевидное, и все мои сомнения растаяли так же естественно, как соль растворяется в воде».

В Москве Фейхтвангер был принят Сталиным, с которым у него состоялась «дружеская беседа». «Что такое партия троцкистов? — сказал во время этой беседы Сталина. — Как оказалось — мы это знали давно — это разведчики, которые вместе с агентами японского и германского фашизма взрывают шахты, мосты, производят железнодорожные крушения»[779]. Добрую половину всей беседы Сталин посвятил «добровольным признаниям» обвиняемых и подсудимых, которые «хотят перед

приговором все рассказать, раскрыть». В посланной перед отъездом из Москвы публичной телеграмме Фейхтвангер угоднически выразил диктатору свою признательность за теплый прием и восхищение мощью и умом Сталина[780].

Написанная же по следам этой поездки книга Фейхтвангера «Москва 1937: Отчет о поездке для моих друзей» была выпущена вначале пробным, секретным тиражом с грифом «Особое бюро НКВД. Перепечатка воспрещена» для высшего руководства страны, получила полное одобрение Сталина и только после этого была экстренно издана большим тиражом. Она была сдана в набор 23 ноября 1937 г. и подписана к печати на следующий день. Правда, в 1950 г. советские цензоры усмотрели в этой книге криминал: недостаточно восторженные оценки Сталина, признание существования в СССР цензуры и многое другое. Книга немедленно была изъята из продажи и библиотек (в библиотеки она была возвращена в 1958 г.)[781].

Одна из главок книги Фейхтвангера называлась «Сталин и Троцкий». Она была полна внешне рассудительных, а по своей сущности злобных наветов против сталинского врага. Крайне критически Фейхтвангер оценивал и мемуары Троцкого: «Логика Троцкого парит, мне кажется, в воздухе; она не основывается на знании человеческой сущности и человеческих возможностей… Книга Троцкого полна ненависти, субъективна от первой до последней строки, страстно несправедлива, в ней неизменно мешается правда с вымыслом… Троцкий — быстро гаснущая ракета. Сталин — огонь, долго пылающий и согревающий». На этом фоне утверждение немецкого писателя о том, что Сталин дал указание поместить портрет Троцкого в изданную в СССР «Историю гражданской войны», казалось мелкой неточностью.

20 января Троцкий написал статью «Семнадцать новых жертв ГПУ», которая под различными заголовками была опубликована в нескольких странах[782]. Статья предшествовала процессу: она написалась под впечатлением только что появившегося советского официального сообщения о раскрытии «нового заговора». Троцкий отмечал, что новые подсудимые одно время были единомышленниками Троцкого, но отреклись от левой оппозиции: «Я клеймил их открыто как перебежчиков. Они повторяли все официальные клеветы против меня… Я вышел, наконец, из норвежского заточения. Я принимаю вызов фальсификаторов. Не сомневаюсь, что мексиканское правительство, столь великодушно оказавшее мне гостеприимство, не помешает мне проявить перед мировым общественным мнением всю правду о величайших подлогах ГПУ и его вдохновителей. В течение всего предстоящего процесса я

остаюсь в распоряжении честной и беспристрастной печати».

Вслед за этим последовала целая череда статей, заявлений, писем, обращений, в которых Троцкий разоблачал судебные фальсификации обоих «открытых» процессов и чисток, развязанных Сталиным против партии. Кроме того, 30 января Троцкий записал на пленку речь для американского киножурнала, в которой приводились конкретные факты лжи и фальшивок на двух московских и новосибирском процессе, состоявшемся в ноябре 1936 г. Особое значение Троцкий придавал своему обращению к массовому митингу на нью-йоркском ипподроме, созванному американским Комитетом защиты Троцкого, развернувшим в те дни весьма энергичную работу. К участникам митинга, назначенного на 9 февраля, Троцкий должен был обращаться по телефону из Мехико. На митинге присутствовало около 6,5 тысячи человек — цифра для такого рода мероприятия весьма внушительная. Однако телефонная связь в самом начале прервалась. Не исключено, что она была нарушена по заданию советской разведки; установить точную причину обрыва не представлялось возможным. На случай сбоя или саботажа Троцкий заранее подготовил, записал и передал в Нью-Йорк короткую двухминутную с небольшим речь на английском языке. Именно эта запись и была пушена в эфир собравшейся аудитории[783]. Показав в самых общих чертах истинный смысл и характер той кровавой вакханалии, которая происходила в Москве, Троцкий особое внимание уделил своему предложению о создании международной следственной комиссии, причем снова повторил высказанное ранее предложение отдаться в руки НКВД, если комиссией будет установлена его вина: «Я заявляю: если эта комиссия признает, что я виновен хотя бы в небольшой части тех преступлений, которые взваливает на меня Сталин, я заранее обязуюсь добровольно отдаться в руки палачей из ГПУ. Надеюсь, это ясно. Я делаю это заявление перед лицом всего мира. Прошу печать разнести мои слова до самых глухих уголков нашей планеты. Но если комиссия установит, что московские процессы — сознательный и преднамеренный подлог, построенный из человеческих нервов и костей, я не потребую от своих обвинителей, чтоб они добровольно становились под пулю. Нет, достаточно будет для них вечного позора в памяти человеческих поколений! Слышат ли меня обвинители в Кремле? Я им бросаю свой вызов в лицо. И я жду от них ответа!»

Обвинители в Кремле, безусловно, если не услышали, то прочитали эту страстную речь, но готовились они не к дискуссии по существу выдвинутых Троцким обвинений, а к ответу, в более

привычной и естественной для них форме: к физической расправе с Троцким. Между тем на митинге в Нью-Йорке была принята резолюция с требованием создать международную комиссию для расследования обвинений, выдвинутых на московских процессах. И в то время как американский Комитет в защиту Троцкого энергично готовил контрпроцесс, сам главный обвиняемый, ставший теперь главным обвинителем, публиковал все новые и новые материалы, разоблачавшие Сталина.

Сдвоенный мартовский номер «Бюллетеня оппозиции» за 1937 г. был почти полностью посвящен московским фарсам и процессам в некоторых других городах, в частности получившему широкий отклик суду в Новосибирске (19–22 ноября 1936 г.), на котором в качестве обвиняемого предстал вместе с советскими жертвами немецкий инженер Стиклинг, работавший по контракту в СССР. При помощи выбитых у него «чистосердечных признаний» власти стремились доказать связь Троцкого с нацистской Германией в деле проведения диверсионной и подрывной работы, пытались представить Троцкого в виде прямого агента гестапо. В материалах «Бюллетеня», подготовленных в основном самим Троцким, рассказывалось о смысле новых процессов, причем связывались они не со стремлением Сталина укрепить личную диктатуру и повергнуть страну в перманентный хаос (вместо перманентной революции), а с боязнью правившей касты потерять власть: «Увековечить господство бюрократов под прикрытием демократических фраз — такова задача новой конституции, смысл которой речи прокурора Вышинского, меньшевика-карьериста, вскрывают гораздо лучше, чем бесцветная риторика Сталина на последнем съезде Советов[784]. Такова политическая основа новых процессов»[785].

Особое внимание обращалось на совершенно очевидные несостыковки. Наиболее показательны были две. Связь Радека с Троцким обосновывалась на процессе тем, что парижский корреспондент газеты «Известия» В. Ромм, представлявший Радека как одного из руководителей внутреннего «троцкистского центра», встречался с Троцким в Булонском лесу под Парижем в конце июля 1933 г. Но с Роммом Троцкий в эти дни никак не мог встретиться, ибо находился далеко от Парижа, в Ройане (примерно в 500 километрах от столицы). Здесь в день его прибытия в доме, где он поселился, произошел пожар. С этого дня (и на протяжении всей следующей недели) его видели многочисленные полицейские, расследовавшие инцидент. Второй эпизод был связан с Пятаковым, который показал, что в первой половине декабря 1935 г. он летал из Берлина, где, как заместитель наркома, находился в командировке по линии

Наркомата тяжелой промышленности, на тайное свидание к Троцкому в Норвегию. Пятаков действительно был в это время в Берлине[786]. Но его полет в Норвегию опровергался многочисленными документами. В частности, в аэропорт Хеллер — единственное место в Норвегии, где мог совершить посадку самолет из Германии — в промежутке между сентябрем 1935 и маем 1936 г. не прилетал ни один иностранный аэроплан[787]. От дома Троцкого в Вексале до аэропорта ехать было часа два, а Пятаков показал, что дорога из аэропорта к дому Троцкого заняла около 30 минут.

«Подобно ворону, который может обрушить лавину, история с самолетом Пятакова может стать началом падения Сталина». Эта ошибка «будет дорого стоить Сталину»[788], утверждал Троцкий, очевидным образом переоценивая значение своих выступлений по этому поводу. Подобно утопающему, хватавшемуся за соломинку, Троцкий уходил все дальше и дальше в дебри утопии о возможности свержения диктатора революционным путем. Тем временем американский Комитет в защиту Троцкого имел в своем составе уже 120 членов из самых разных слоев общества. Среди них были люди, широко известные в политических, академических и литературных кругах, например социалист Норман Томас, кандидатура которого несколько раз выдвигалась на пост президента США, писатель-романист Джеймс Фаррел, философ профессор Сидней Хук, журналист и писатель Джон Дос Пассос, журналист, поэт-символист и историк Эдмунд Уилсон, социолог Рейнхолд Нибур, литературовед профессор Колумбийского университета (Нью-Йорк) Лайонел Триллинг и многие другие. Секретарем комитета был опытный адвокат Джордж Новак, стяжавший себе известность, в частности в популярной прессе, выступлениями и победами на многих шумных судебных процессах.

Комитет в течение нескольких месяцев издавал малоформатную газету «Труд» («Правда»), в которой была опубликована масса материалов, разоблачавших московские процессы. Газета информировала и о деятельности комитетов в защиту Троцкого в европейских странах (Франции, Чехословакии, Голландии), где они были не столь активными, как американский[789]. Влияние комитета распространилось и на другие города. В Чикаго был даже организован сбор вещей для Троцкого, которые отвез в Мексику один из местных левых либералов Леон Депре[790].

К концу марта 1937 г. в сотрудничестве с аналогичными европейскими комитетами американский комитет сформировал Комиссию по расследованию обвинений, предъявленных Льву

Троцкому на московских процессах. Председателем Комиссии стал Джон Дьюи, почтенный американский ученый, получивший всемирную известность. Выдающийся американец, который приближался к своему 80-летию, согласившись стать во главе такого утомительного, нервного и даже опасного предприятия, проявил незаурядное мужество. Глоцер, который присутствовал на контрпроцессе в качестве судебного репортера и освещал его, писал, что Дьюи дал безоговорочное согласие на руководство Комиссией, несмотря на резкие возражения со стороны его семьи, друзей и коллег по работе[791]. Сухощавый и подтянутый, несмотря на свой пожилой возраст, известный повсеместно как человек объективный, неподкупный и мудрый, Дьюи был, можно сказать, идеальной фигурой для руководства контрпроцессом. Этот выбор еще более усиливало то обстоятельство, что Дьюи изначально не был противником Сталина, тем более ненавистником СССР. В 1928 г. он посетил Советский Союз и по возвращении в Соединенные Штаты заявил, что считает происходящее в России самым интересным в мире экспериментом, хотя ему и не нравится политика Коминтерна[792].

Уважаемыми людьми являлись и остальные участники сформированной Комиссии. Среди них были Бенджамин Столберг[793] — широко известный специалист по экономическим, социальным и трудовым проблемам; Сюзанна Лафоллет[794] — журналистка и художественный критик, являвшаяся одно время главным редактором влиятельного журнала «Нью фримэн»; Карлтон Билс[795] — социолог, специалист по Латинской Америке, автор нескольких книг и многочисленных статей; профессор социологии университета штата Висконсин Эдвард Росс; литературный критик Джон Чемберлен[796] и, наконец, пять иностранцев — француз Росмер, бывший член Исполкома Коминтерна, а затем в течение некоторого времени сторонник Троцкого, с которым он разошелся во взглядах более чем за пять лет до этого; итальянский анархист Карло Треска[797]; бывший германский коммунист и депутат рейхстага Венделин Томас (вскоре он подвергнет резкой критике взгляды Троцкого, найдя в них много общего со взглядами Сталина, и заявит об общих чертах троцкизма и сталинизма); Отто Рюле[798] — бежавший из Германии социал-демократ, известный биограф Маркса — и, наконец, известный мексиканский журналист Франсиско Замора.

Таким образом, подавляющее большинство членов Комиссии были либералами. Троцкистов в Комиссии не было. В то же время все члены Комиссии были убеждены в необходимости открытых

слушаний, которые и по существу, и по форме соответствовали бы современным юридическим процедурам, были бы признаны правовыми нормами и приняты в демократическом обществе[799].

Ряд общественных деятелей отказался войти в Комиссию по самым разным причинам. Некоторые не хотели создавать себе излишних сложностей и иметь дополнительные хлопоты, за что на Комиссию посыпались нападки не только со стороны компартий, но и со стороны людей, симпатизировавших Сталину и Советскому Союзу. Когда крупнейшему американскому историку Чарлзу Бёрду предложили войти в Комиссию, он отказался от этой чести, но лишь потому, что фиктивность обвинений была для него совершенно ясна и не нуждалась в дополнительных свидетельствах. Бёрд полагал, что Троцкий не обязан доказывать свою невиновность. «Это обязанность обвинителей — предъявить нечто большее, чем признания» обвиняемых[800], — писал он в американский Комитет защиты Троцкого. С точки зрения формальных юридических норм историк был совершенно прав — он лишь повторял общеизвестное положение о презумпции невиновности. Но ведь в СССР действовал Уголовный кодекс, в котором, наоборот, доминировала презумпция виновности, а «царицей доказательств» считалось признание подсудимых, в том числе выбитое путем самых изощренных пыток. Впрочем, в своем письме от 19 марта 1937 г. в Комитет защиты Троцкого Бёрд сопоставлял московские процессы с судами инквизиции и делал вывод, что обвинители не в состоянии привести доказательства конкретных деяний, совершенных Троцким[801].

Еще более красноречивым оказался писатель Дж. Бернард Шоу, который, отказываясь войти в Комиссию, с иронией намекал, что Троцкому — как и любому другому человеку — лучше жить и писать в Мексике, а не в сталинском Советском Союзе, где единственными его слушателями и читателями могут быть советские следователи и прокуроры: «Я надеюсь, что Троцкий не позволит заставить себя предстать перед судом, более ограниченным, нежели его читающая публика, где он сам творит суд над своими обвинителями. Эта его позиция дает ему все преимущества; если ему удобно в Мексике (довольно приятное место), я ничего не буду предпринимать, чтобы изменить это положение. Его перо — это великолепное оружие»[802].

Уже в самом начале Дьюи попытались подкупить: его пригласили посетить СССР, намекнув на возможность издания в Москве его книг и получения больших гонораров[803]. Когда же ученый отказался и от приглашения, и от следования «совету» не участвовать в «реабилитации врага советского народа» Троцкого,

на Дьюи обрушилась критика. Теперь его обвиняли в материальной заинтересованности, в получении взятки и даже в том, что он просто потерял разум. Особенно изощрялись в преследовании Дьюи писатель Теодор Драйзер[804], драматург Лилиан Хеллман, журналист Хейвуд Браун, занимавшие в то время абсолютно просталинские позиции. Центр советской разведки, со своей стороны, требовал от нью-йоркской резидентуры максимальной активизации работы и новых усилий в «разработке хорьков»[805], но отсутствие какой-либо информации по этому вопросу говорит о том, что в этом направлении сделано ничего не было.

Заседания Комиссии проходили в «Голубом доме» в Койоакане на авенида Лондрес, 127, с 10 по 17 апреля. Сюда приехали, правда, не все члены комиссии, а выделенная ею подкомиссия в составе пяти человек во главе с Джоном Дьюи. Знаменитый адвокат Джон Финерти, чье имя было на слуху еще со времени таких нашумевших судебных процессов, как дело профсоюзного активиста Тома Муни в 1918 г. или суд над обвиненными в убийстве анархистами Никколо Сакко и Бартоломео Ванцетти (1920), выступал в качестве правового советника комиссии. Юрист Альберт Гольдман из Чикаго являлся адвокатом Троцкого. Единственным свидетелем (естественно, кроме самого Троцкого) был его секретарь на Принкипо, в Норвегии и в Мексике Франкель. Репортером считался Глоцер. Помощь Троцкому оказывал также приехавший из Нью-Йорка известный публицист и автор популярных биографий Бертрам Вольф, который в то время симпатизировал Троцкому (а позже написал книгу «Трое, сделавшие революцию» (оЛенине, Троцком и Сталине)[806]. Глоцер вспоминал, что «все были до предела заняты, сортируя документы, письма и другие материалы для сессии, которая должна была начаться на днях»[807].

Важные материалы поступали из Европы, где их готовили сотрудники «Бюллетеня оппозиции», прежде всего тогда еще живой Седов. В те дни он проявлял невиданную энергию, с огромными трудностями собирая показания о местопребывании Троцкого и его деятельности, не оставлявшие камня на камне от советских измышлений. По возможности свидетельские показания заверялись нотариусами, но это было не всегда реально, ибо в некоторых случаях они исходили от лиц, находившихся на нелегальном или полулегальном положении. Седов писал отцу 8 апреля 1937 г.: «Каждое показание, даже самое ничтожное, есть результат работы многих дней и денег[808], как это не может не показаться преувеличенным и даже нелепым. Нас несколько человек, из которых кроме меня остальные

служат[809], и мы все свое время и все свои силы посвятили этой работе. Уже много недель, как мы кончаем работу не раньше 12 часов ночи. Мои жильцы [соседи] внизу даже заявили протест консьержке за беспрерывный стук на машинке»[810].

На открытии слушаний присутствовали многочисленные корреспонденты американской и мексиканской прессы, а также журналисты из других стран. Окна большой комнаты, где собрались участники подкомиссии и другие присутствовавшие лица, были заложены кирпичом на случай нападения сталинистов, коммунистов или проплаченных бандитов. Особенно нервничал на тему о безопасности отца Седов. В одном из писем в Мексику он писал о необходимости усилить охрану дома: приобрести собак, установить электрическую сигнализацию. «Не зная мексиканских условий, я, разумеется, высказаться конкретно» не могу, продолжал он, но «опасаюсь, что эти условия самые что ни есть худшие. Традиции прибегать к револьверу, когда в Европе еще прибегают к кулаку, наличие гангстеризма, в том числе и политического, — все это повелительно требует строжайшей, научной организации дела охраны»[811].

Заседания подкомиссии проходили по всем правилам американской судебной процедуры. Методично, спокойно и терпеливо, так, чтобы никто не мог придраться к формальной стороне дела и тем более к расследованию по существу, Дьюи, члены подкомиссии и юристы вели допросы. Вот как дотошно был начат допрос Франкеля. Допрашивал Гольдман:

Гольдман: Ваше имя?

Френкель: Ян Франкель.

Гольдман: Где Вы живете?

Франкель: Где я жил?

Гольдман: Где Вы живете?

Франкель: Койоакан, Мексика.

Гольдман: Какова Ваша профессия?

Франкель: Я переводчик.

Гольдман: Какова Ваша связь с мистером Троцким?

Франкель: Я его политический последователь, член международной организации, Четвертого Интернационала, и являюсь здесь секретарем и сотрудником.

Гольдман: Вы его главный секретарь или только один из секретарей?

Франкель: У нас нет иерархии.

Гольдман: Вы один из секретарей?

Франкель: Да.

Гольдман: С какого времени Вы являетесь секретарем

Троцкого?

Франкель: Я был с Троцким с апреля 1930 до января 1932 г. в Турции.

Гольдман: А затем?

Франкель: Затем я был… с того времени я связан с Троцким, даже когда я не нахожусь в его доме.

Гольдман: Я хотел бы знать, когда Вы служили секретарем.

Франкель: С апреля 1930 по январь 1932 г. и затем в Норвегии с июня 1935 до конца октября 1935 г., и здесь, в Мехико, с 18 февраля, начиная с 18 февраля[812].

Глоцер вспоминает: «Троцкий, одетый в скромный костюм, с галстуком на рубашке — его обычное аккуратное и формальное одеяние — был вдохновлен предоставленной возможностью. Это собрание стало кульминацией его долгой борьбы… Он давал отпор, как признавали многие, энергично, смело, демонстрируя опытность и ум…. Все это делалось… на базе безупречного владения собранным материалом, историческим и современным, и личного знания того, как функционирует сталинский полицейский аппарат»[813].

Троцкий давал показания на английском языке. Он прилично им овладел, но необходимость постоянно следить за точностью высказываний на неродном языке во время официальных слушаний, продолжавшихся ежедневно по 7–8 часов, изнуряла его до предела. Подкомиссия провела 13 заседаний, то есть обычно в день проводилось по два заседания. Первые три заседания были посвящены биографии Троцкого, его революционной деятельности, участию в революции 1917 г., взаимоотношениям с Лениным, деятельности в качестве одного из руководителей большевистского режима, переходу в оппозицию, политическим взглядам. Только начиная с четвертого заседания начались слушания, связанные непосредственно с московскими процессами и опровержением обвинений. Именно на этих заседаниях Троцкий представил разъяснения, касающиеся тех нелепых показаний, которые сфабриковали следователи НКВД, — история с несуществовавшим отелем «Бристоль», фантастическая встреча с Роммом в лесу под Парижем, невозможный полет Пятакова в Норвегию и другие.

Несколько слушаний были посвящены сущности советской внешней политики и дополнительным вопросам, связанным с историей социал-демократии и большевизма, политической структурой советской власти. На всех заседаниях в той или иной степени речь шла о Сталине, его месте в советском режиме, его социальной опоре. Троцкий стремился убедить Дьюи и его коллег

в том, что в СССР правит привилегированная каста бюрократов. На одном из заседаний, когда Троцкий впервые употребил эту формулу, Дьюи даже не вполне понял его. Попросив определить, что собой представляет диктатура пролетариата и кто реально правит страной в настоящее время, Дьюи затем переспросил Троцкого:

Дьюи: Можно мне задать вопрос? Из того, что Вы сказали, я понял, что Вы придерживаетесь мнения о том, что эти привилегии достигли той точки, при которой они означают существование классовых различий в Советском Союзе.

Троцкий: Трудно дать строгую формулу для данного этапа развития, потому что впервые в истории мы имеем такую социальную структуру. Нам необходимо развить свою собственную терминологию, новые социальные термины. Но я склонен полагать, что это — не действительное социальное деление.

Дьюи: Но это настоящий класс. Вот почему я задал этот вопрос.

Троцкий: Я говорю — каста[814].

Немалое внимание уделялось причинам, по которым подсудимые на «открытых» московских процессах публично признавались в чудовищных преступлениях, которые они не совершали. По этому вопросу Троцкий, в отличие от мнения, которое он высказывал журналистам ранее (например, Кингсли Мартину), — о надежде на сохранение жизни, теперь выдвигал на первый план этические соображения: верность коммунистическим идеалам, боязнь нанести ущерб высшим государственным интересам СССР. Троцкий, видимо, все еще недооценивал уровень пыток и мучений, которым подвергались арестованные, стремившиеся не только и даже не столько сохранить жизнь себе, сколько спасти членов семьи и близких.

На одиннадцатом заседании подкомиссии — 16 апреля — произошел скандал. Один из ее членов, Карлтон Билс, спросил, верно ли, что Троцкий, будучи народным комиссаром, послал в Мексику в 1919 или 1920 г. своего эмиссара «мистера Бородина» для организации в Мексике восстания и что Бородин основал здесь коммунистическую партию.

Троцкий отвечал очень осторожно. На вопрос, знает ли он Бородина, Троцкий ответил, что лично с ним не был знаком, но знал о нем как о «политической личности». Билс стал настаивать, что Бородин являлся личным представителем Троцкого. Троцкий возразил, что в это время шла Гражданская война, он был нарком-военмором и находился в своем поезде. «Я забыл всю мировую

географию, кроме географии фронта», — сказал Троцкий. Его оппонент указал, что в большевистском руководстве уже в 1919–1920 гг. существовали противоречия между теми, кто настаивал на мировой революции, и теми, кто хотел развивать советскую экономику. Троцкий не слишком вежливо возразил, что Билс невежа. Тот сослался на мнение Бородина. «Оно опубликовано или нет?» — спросил Троцкий. Билс признался, что приведенный им факт не опубликован. «Я могу только посоветовать члену комиссии сказать своему информанту, что он лжец», — резко возразил Троцкий. «Спасибо, мистер Троцкий, — заключил Билс. — Лжец — мистер Бородин» — и напомнил, что именно Троцкий непосредственно возглавлял работу советского правительства по разжиганию мировой революции[815].

На этом заседание окончилось. На следующий день Билс ушел в отставку. «Мое дальнейшее участие в работе комиссии… не будет плодотворным»[816], — написал он в письме. По мнению заинтересованного очевидца событий Глоцера, в первые дни пребывания в Мехико он встречался с какими-то неизвестными людьми, и некоторые члены комиссии не исключали, что все происшедшее было не более как спектаклем, может быть даже не бескорыстным, к организации которого была причастна советская разведка[817]. Но по существу, однако, Билс оказался прав: в 1919 г. Бородин действительно был в Мексике и занимал должность первого советского консула. В Мексику он прибыл по линии Коминтерна и действительно организовывал в этой стране коммунистическую партию. Иначе, как подрывной, деятельность Бородина в Мексике назвать было невозможно. Ничего этого Троцкий, воевавший в те годы на фронтах Гражданской войны, просто не знал. Он искренне не помнил, что в 1919–1920 гг. делал Бородин и где именно он был.

Троцкий от этого скандала не пострадал: репортеры не обратили на него внимания. А для Билса склока с Троцким обернулась неожиданной потерей. Узнавший о произошедшем Истмен добился исключения Билса из состава редколлегии либерального журнала «Модерн мансли», поскольку Билс публичной ссорой в Мексике, по мнению Истмена, серьезно себя скомпрометировал[818].

Последнее заседание комиссии, продолжавшееся почти пять часов, полностью было посвящено заслушиванию заявления Троцкого с итоговым анализом московских процессов, их характера и целей. Джордж Новак, являвшийся в 1937 г. секретарем американского Комитета зашиты Троцкого, вспоминает: «Троцкий был подвергнут детальному допросу юристами и перекрестному допросу членами комиссии. Он не

только доказал фальшь московских обвинений. Он должен был упоминать важнейшие события всей своей жизни, раскрыть свои убеждения, описать и разъяснить головокружительные изменения в Советском Союзе от Ленина до Сталина. Он должен был проанализировать проблемы фракционных дискуссий в российском и мировом коммунизме, охарактеризовать ведущие личности, участвовавшие в борьбе, и коснуться всех фаз ожесточенной конкуренции между Сталиным и им самим, которая и привела к [судебным] процессам»[819].

«Когда он закончил, — пишет Глоцер, — аудитория, исключительно разнообразная, разразилась аплодисментами, которые были, по моему убеждению, совершенно стихийными. Этот момент я никогда не забуду». По завершении слушаний произошла прощальная встреча, которая состоялась на «нейтральной территории» — в доме тещи одного из журналистов, аккредитованных на слушаниях, которая жила неподалеку от «Голубого дома», на авенида Амберес в Койоакане. Во время дружеского ужина Дьюи и Троцкий, отойдя в сторону, обменивались мнениями о том, что происходило в последние дни. Дьюи сказал Троцкому: «Если бы все коммунисты были похожи на Вас, я стал бы коммунистом». Троцкий ответил: «Если бы все либералы были похожи на Вас, я стал бы либералом»[820].

Тем не менее подкомиссии и Комиссии понадобилось полгода, чтобы прийти к единодушным выводам о невиновности Троцкого и Седова и сформулировать эти выводы в кратком заявлении, а затем и в подробном заключении. 21 сентября 1938 г. Комиссия опубликовала декларацию, в которой, в частности, говорилось: «На основе всех [имеющихся] доказательств мы находим, что Троцкий никогда не рекомендовал, не вступал в заговор и не пытался реставрировать капитализм в СССР. Наоборот, он всегда был бескомпромиссно против восстановления капитализма в Советском Союзе и его существования в других странах. Мы находим, что обвинитель [Вышинский] фантастически фальсифицировал роль Троцкого перед, во время и после Октябрьской революции. Поэтому мы считаем, что московские суды были сфабрикованными. Поэтому мы считаем Троцкого и Седова невиновными»[821].

В последующие месяцы Троцкий вел с Дьюи оживленную переписку. Отчасти она касалась работы Комиссии и ее материалов, но постепенно вышла за ее пределы. Дьюи рекомендовал Троцкому принять своего друга, редактора филадельфийского журнала «Каммон сенс» Селдена Родмана, который «скептически относился к московским процессам». От имени кафедры философии Колумбийского университета тот

попросил Троцкого написать статью о роли интеллигенции в социальных сдвигах. Касаясь московского процесса в марте 1938 г., Дьюи «писал: «Уверен, что признаниям на последнем процессе поверят только сталинисты, которых ничего не может потрясти. Наблюдаются большие изменения в общественном мнении во всем мире… Не только благодаря нашим докладам, но, вероятно, в еще большей степени в результате хода репрессий в СССР»[822].

Параллельно с американской Комиссией работала и комиссия в Европе. Она заседала в Париже и в Праге в мае 1937 г. под председательством авторитетного юриста Модильяни и пришла к тем же выводам, что и Комиссия Дьюи[823]. Однако Троцкого ждало еще одно разочарование «в стиле Билса», причем оно оказалось более серьезным, чем перепалка по поводу местонахождения и деятельности Бородина, так как касалось самого Троцкого. Возникшая полемика относилась к Кронштадтскому восстанию 1921 г., где Троцкий, как всем хорошо было известно, руководил подавлением мятежа. Член Комиссии В. Томас обратился к Троцкому с письмом, в котором ставил ряд риторических вопросов, сводящихся к тому, что цель не может оправдывать средства. Томас оценил Кронштадтское восстание как выступление в защиту подлинных идеалов революции, а его подавление как глубочайшую ошибку большевистской власти, в частности самого Троцкого.

Троцкий ответил на вопросы Томаса[824], но уклонился от дискуссии о цели и средствах в революции, заявив, что сама постановка вопроса абстрактна и допускает различные толкования. Касательно Кронштадтского восстания он упрямо, догматично и схематично повторил все те вымыслы, которые были сформулированы коммунистическими политическими деятелями и советскими историками. Троцкий утверждал, что восстание явилось результатом заговора белогвардейцев, а сами кронштадтцы были «серой массой с большими претензиями», требовавшей привилегий. Их выступление, по словам Троцкого, носило контрреволюционный характер, они овладели оружием, хранящимся в крепости, и их можно было подавить только силой оружия.

Ответ Троцкого вызвал целую серию критических откликов. Против Троцкого выступили такие авторитеты, как В. Серж, А. Цилига, Б. Суварин, М. Истмен. Все они опубликовали в печати суждения и факты, свидетельствовавшие, что кронштадтцы стремились к возвращению революции в подлинно пролетарское советское русло, протестовали против жестокостей военного коммунизма и террора по отношению к гражданскому населению.

Троцкий вынужден был отвечать, причем скатился на банальные советские фальсификации, то есть, попросту говоря, лгал. «Я лично не принимал ни малейшего участия ни в усмирении Кронштадтского восстания, ни в репрессиях после усмирения», но «я был членом правительства, считал необходимым усмирение восстания и, стало быть, несу за усмирение ответственность»[825], — писал Троцкий, хорошо помня, где именно стоял его бронепоезд во время Кронштадтского восстания. К несчастью Троцкого, о местонахождении его поезда помнил и знал не только он. Троцкому напомнили, что поезд его стоял под Петроградом, а сам Троцкий осуществлял непосредственное руководство подавлением восстания не только в качестве члена правительства, но как нарком по военным и морским делам. Увы, дискуссия по Кронштадтскому вопросу продемонстрировала всему миру лишь то, что в большевизме Троцкого не устраивал только Сталин.

Выводы заседавшей в Мексике Комиссии по расследованию выдвинутых против Троцкого обвинений имели своим результатом положительный сдвиг в вопросе, казавшемся безнадежным. В эмиграции Троцкий не оставлял попыток получить визу на въезд в США. Связано это было прежде всего с тем, что организация троцкистов в Соединенных Штатах была самой значительной в мире и он надеялся своим присутствием еще больше способствовать ее укреплению. Неожиданно для Троцкого, в ответ на просьбу члена Комиссии Столберга к министру труда в правительстве Ф. Рузвельта[826] Фрэнсиса Перкинса, последний ответил принципиальным согласием выдать Троцкому въездную визу, со стандартным для Троцкого ограничением — невмешательством во внутренние дела США и обязательством воздержаться от политической деятельности, не связанной с Советским Союзом. Эти условия были Троцким приняты. Одновременно Троцкий получил приглашение выступить с лекциями в университете штата Северная Каролина. После контрпроцесса на обложке одного из номеров известного и влиятельного в США журнала «Тайм» был помещен его портрет[827] и популярность Троцкого в Америке выросла.

Вопрос с визами, однако, решал в Соединенных Штатах не кабинет президента, а Государственный департамент, который, неоднократно отказывая Троцкому ранее, отказал и на этот раз.

Государственный секретарь Корделл Хэлл не удовлетворил ходатайство Перкинса и отказал в просьбе университета Северной Каролины. Отрицательное решение было мотивировано тем, что политические взгляды Троцкого не изменились с того времени, как ему впервые было отказано во въезде в 1933 г.[828] (То, что

взгляды Троцкого не изменились не только с 1933 г., но и вообще, видно было по Кронштадтской дискуссии.) Конечно, можно было заподозрить американское правительство и в том, что, лишь недавно установив дипломатические отношения с Советским Союзом, главным образом в расчете иметь в его лице надежного союзника на случай открытого военного конфликта с Японией, оно не желало излишне раздражать Сталина[829]. Троцкий писал в одном из писем, что американская администрация находит нежелательным допускать его в свою страну и вообще «оказывать мне какие бы то ни было услуги»[830]. И в этом он был абсолютно прав. Американцам не за что было оказывать «услуги» Троцкому. Ничего хорошего Троцкий для США не сделал. Безрезультатно окончились и дальнейшие попытки Троцкого въехать в США, предпринятые в 1939 г. Положение не изменило и сотрудничество Троцкого с консульством США в Мексике. Работники консульства, в числе которых, видимо, был советский агент по кличке 19, завербованный Ахмеровым в 1937 г., посещали Троцкого и беседовали с ним, но, согласно отправленному в Вашингтон отчету, они не получили информации, заслуживающей внимания и представляющей ценность, в том числе и о положении дел в Мексике[831]. Интересно, не был ли агент НКВД 19 автором этого доклада и не являлось ли основной целью автора доклада предотвращение выдачи Троцкому въездной визы в США?

Глава 8. МЕСТЬ ТРОЦКОГО

1. Книга о Сталине

Последние годы жизни Троцкого были в значительной степени заняты подготовкой крупной работы о советском диктаторе, которая ставила своей целью представить миру более или менее последовательную и объективную картину того, как мелкий провинциальный большевистский функционер, плохо знавший русский язык и не отличавшийся красноречием, смог стать тоталитарным диктатором в огромной стране и оказывать не только решающее воздействие на ее судьбы, но и существенно влиять на события во всем мире. К созданию сталинской биографии Троцкий шел на протяжении примерно пятнадцати лет, с того времени, как между ним и Сталиным развернулась ожесточенная борьба за лидерство в правившей партии, за потенциальное господство в стране, которую большевики избрали для своего грандиозного социального эксперимента. Уже в те годы лидер оппозиции стал собирать факты, накапливать документы, обдумывать события, связанные со Сталиным и способные помочь Троцкому ограничить влияние Сталина или даже отстранить его от власти.

В эмиграции Троцкий публиковал многочисленные статьи, посвященные СССР, в которых речь шла не только о характере Советского Союза как «дегенерирующего рабочего государства», но и о личности его диктатора, с которым на страницах «Бюллетеня оппозиции» и других изданий Троцкий вел бесконечную, одностороннюю и в этом смысле бессмысленную словесную дуэль по общим вопросам развития СССР, международного коммунизма, мировой революции, большевистской партии, конкретным экономическим, политическим, идеологическим проблемам. Правда, изначально Троцкий не планировал создание обширной биографии Сталина. В турецком изгнании он задумал написать обширную работу о Марксе и Энгельсе, стал собирать материал и делать наброски, несколько раз сообщал об этом своим адресатам, в частности сыну[832]. Вскоре, однако, этот план был оставлен, по всей видимости по той причине, что основоположники скончались очень давно, в совершенно другую эпоху, и их жизнеописание не могло получить столь актуального политического звучания, на которое первоначально рассчитывал автор. К тому же тема Маркса, которой Троцкий начал заниматься еще в алма-атинской ссылке, подогревалась остатками теплившихся тогда отношений с Институтом Маркса — Энгельса — Ленина, да еще и платежами, которые какое-то время шли Троцкому из Москвы как плата за

переводческую работу. После высылки из СССР все это оборвалось.

Тогда Троцкий решил написать обширную биографию Ленина, к созданию которой несколько раз возвращался и достаточно далеко продвинулся. В декабре 1933 г. с американским издательством «Дабблдей, Доран и К°» был заключен договор на издание этой книги, и Троцкому был начислен гонорар в сумме 10 тысяч долларов[833] — большие по тому времени деньги. Переводить биографию Ленина на английский должен был Истмен, с нетерпением ожидавший получения рукописи. В декабре 1934 г. он писал Троцкому, что хотел бы видеть «Жизнь Ленина» в одном томе, даже если это будет очень объемистый том, ибо американские читатели предпочитают не покупать многотомных биографий[834].

Троцкий, обычно быстрый и плодовитый, с этой книгой почему-то не спешил. Осуществить свой план он так и не сумел. Он откладывал свои наброски, через некоторое время возвращался к ним, исправлял и писал новые фрагменты, но в более или менее завершенном виде написал только первые главы, посвященные раннему Ленину (80—90-е гг. XIX в.), хотя эти главы были закончены полностью. Уже после смерти Троцкого они действительно были опубликованы отдельной книгой под названием «Молодой Ленин» в переводе Истмена[835].

Самоуверенный, никогда не посылавший свои рукописи на отзыв специалистам, Троцкий на этот раз счел целесообразным, чтобы его сын передал написанные главы известному историку-эмигранту Николаевскому, который с ними внимательно ознакомился и сделал фактические замечания, перемежавшиеся подчас с полемикой по существу[836]. В какой-то мере соображения Николаевского в этих первых законченных главах ленинской биографии были учтены, что тоже для Троцкого было не типично — обычно он игнорировал замечания других людей. Причины такой удивительной медлительности в подготовке биографии Ленина состояли не только и даже не столько в необходимости возвращаться к текущим политическим делам. Троцкий умел удивительно гармонично сочетать политическую публицистику и переписку с занятиями историей, о чем свидетельствуют его многочисленные толстые книги, в частности «История русской революции».

Что-то всерьез мешало автору полностью отдаться воспроизведению биографии и образа величайшего современника революционной эпохи. Троцкого разъедали сложные и противоречивые чувства. С одной стороны, он хотел остаться чистым перед самим собой и осветить путь Ленина всесторонне

(разумеется, в пределах марксистской догматики). С другой стороны, он понимал, что в этом случае далеко не все факты ленинской биографии можно будет вписать в собственную схему прямой политической преемственности: Ленин — Троцкий. Над «Историей русской революции» было работать значительно проще, ибо, во-первых, описываемый период был временем его наиболее тесного политического единения с Лениным, во-вторых, он мог избирать те сюжеты и повороты, которые в наибольшей степени соответствовали его интересам, и, наконец, 1917 год был началом его непродолжительного «звездного часа», и возвращение к нему в формате книги Троцкого привлекало в наибольшей степени.

Вписавший немало страниц в книгу культа Ленина Троцкий испытывал к нему весьма противоречивые чувства, включавшие не только уважение и почтительность, но и ревность, раздражение, зависть, понимание, что в огромной степени именно из-за Ленина, допустившего Сталина на должность генерального секретаря и не сумевшего вовремя столкнуть его с этой должности, власть в большевистской партии была узурпирована этим страшным человеком. Дооктябрьский период, полный обменов с Лениным злобными репликами, неоднократно с тех пор обмусоленными сталинской историографией; послеоктябрьский этап, включавший и сложнейшие брестские переговоры, и никем не понимаемую полемику с Лениным по профсоюзному вопросу в 1920–1921 гг., когда Ленину ценой тайных закулисных интриг удалось одолеть Троцкого большинством в один голос, не могли быть объяснены читателю без жесткой критики Ленина. А к ней Троцкий в 30-х гг. не был готов точно так же, как и в 20-х. Троцкий не из тех людей, кто выбрасывал из памяти полученные им обиды и оскорбления, не из тех, кто легко прощал, как бы давно они ни отстояли во времени и как бы ни изменились с тех пор обстоятельства. Гладкость изложения требовала принести в жертву либо героя книги — Ленина, либо ее автора — Троцкого. Троцкий не готов был пойти ни на первое, ни на второе.

Из всего этого вытекала необходимость в первых главах биографии преуменьшить значение Ленина как публициста; свести на нет его роль в разработке марксистской теории; высказать сомнения по поводу мировоззрения юного Ленина, например, указать, что в молодости он примыкал к народникам; отвергнуть понятие ленинизма как теоретического учения. Все эти полностью обоснованные соображения автора упирались в одно практическое обстоятельство: написанное вступало бы в конфликт с политической целесообразностью, играло бы против

лозунга сплочения «большевиков-ленинцев» в борьбе со сталинизмом.

Троцкий, между прочим, дал оригинальную трактовку «известного» заявления юного Владимира по поводу казни брата Александра: «Мы пойдем другим путем». Ставя под сомнение сам факт произнесения Лениным этой фразы, Троцкий полагал, что если она действительно была произнесена, то выражала не программу действий (о какой, собственно, программе мог говорить 17-летний юноша!), а состояние отчаяния, страстного сожаления, что Александр пошел по такому опасному пути, что его в результате повесили. Именно этим, а не политическими соображениями было вызвано решение Ленина не вставать на путь индивидуального террора, а вести политическую борьбу с режимом при помощи массовых выступлений (где всех не перевешают). Настаивая на идеологической незрелости юного Ульянова, Троцкий таким образом пытался лишить Ленина ореола твердокаменного марксиста, с детства убежденного в верности марксистской теории. Как писал один из историков, трагедия Троцкого «состояла в том, что он был слишком крупным деятелем, чтобы подчинить себя Ленину или любой другой личности, или партии, или доктрине, и в то же время слишком маленьким деятелем, чтобы действовать без моральных оправданий, которые от него требовались ради верности вождю, партии или доктрине»[837]. Троцкий не готов был совершать беспринципные (с точки зрения коммунистических догм и установок) поступки, чтобы стать «великим Троцким». Но он не был согласен оставаться «маленьким Троцким» при «великом Ленине» и «великом Сталине».Что важнее, Троцкий не готов был осознать и принять, что настоящим учеником и преемником Ленина в политическом, идеологическом и моральном (точнее: аморальном) плане был не Троцкий, гордившийся своей начитанностью, прекрасным журналистским слогом, легкостью пера, изяществом и внешней аргументированностью своих устных выступлений, которые, разумеется, вполне сочетались с приверженностью большевизму, а Сталин — низколобый грузин со злобными глазами, с разъеденным оспой лицом, сухой рукой, ерошенными пальцами ноги, не умевший связно произнести несколько фраз по-русски, но в то же время обладавший немалыми знаниями и навыками, которые накапливались с каждым годом и которые превращали Сталина в талантливого шахматиста, весьма умело расставлявшего на доске фигуры и просчитывавшего партию на много ходов вперед, готового при этом пожертвовать всеми ради сохранения и упрочения собственной власти. Пока Троцкий размышлял над биографией

Ленина, пока писал затем биографию Сталина, тот назначил коллектив подхалимов авторов из Института Маркса — Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б) и в созданной ими насквозь фальсифицированной и лживой краткой биографии вождя после слов «Сталин — великий продолжатель дела Ленина» сделал собственноручную вставку в корректуру книги: «Или, как говорят у нас в партии, Сталин — это Ленин сегодня».

В эмиграции на личности «Ленина сегодня» Троцкому сосредоточиться было куда проще, чем на «Ленине вчера». У него не было задачи смягчать удары против Сталина. Но ему нужно было объяснить читателю — пусть со своих коммунистических позиций, но объяснить, — почему примитивный Сталин выиграл битву против блестящего Троцкого. Выдвинув вначале теорию, что сталинская диктатура носила «бонапартистский» характер, Троцкий постепенно отодвинул «бонапартизм» на второй план, заменив его концепцией власти «бюрократии». Автор во все большей степени видел в Сталине представителя административно-бюрократического слоя (не класса), которому удалось захватить контроль над ходом революции и увести ее от первоначальных благородных целей.

Такой подход был Троцкому необходим по ряду политических и личных соображений. Именно этим объяснялся тот факт, что серая личность, каковой, по его мнению, являлся Сталин, смогла одолеть плеяду блестящих большевистских руководителей (куда входил и сам Троцкий). Во-вторых, при помощи концепции бюрократизма можно было попытаться объяснить процессы, протекавшие в СССР, не выходя за пределы марксистской теории со всеми ее многочисленными догмами. Далее, эта схема неплохо вписывалась в концепцию перманентной революции и позволяла выдвинуть положение о том, что революция в России не была поддержана на Западе, не превратилась в непрерывную и являлась причиной усталости и истощения пролетариата социально-экономически отсталой России. А это, в свою очередь, привело к бюрократическому перерождению, воплотившемуся в сталинскую власть. Наконец, представление о власти бюрократического слоя в СССР, о Сталине как о «продукте машины» — бюрократической машины (такая оценка имелась в ряде работ Троцкого, а затем и в книге о Сталине) — позволяла высказать надежду на то, что при неких благоприятных условиях, причем каких именно — война, революция на Западе и прочее — Троцкий не уточнял, СССР, где сохранен «социалистический способ производства», сможет вновь стать «социалистической» страной в полном смысле слова. Троцкий полагал, что пролетариат в СССР оказался не в состоянии сохранить контроль

над бюрократией, последняя же смогла установить свое политическое господство, не разрушая социалистических потенций СССР и государственной собственности.

Как отмечал американский исследователь сталинизма Грэм Джилл, в стремлении преуменьшить роль личности в истории Троцкий рисовал Сталина как представителя анонимных бюрократических сил, недооценивал относительно независимую его роль и поддержку власти диктатора из небюрократических социальных источников[838]. Такая постановка вопроса не давала Трои-кому возможности понять всю совокупность событий, ибо сталинский террор по своему существу был направлен против самых разнообразных социальных сил и групп, включая ту же самую бюрократию. К суждению Джилла можно добавить, что Сталин лично неоднократно и грозно обрушивался на бюрократический слой, не только включая его представителей в число жертв террора, но подчас существенно сокращая и перекраивая слой в целом, делая его прямым объектом преследований и ограничений, демагогических кампаний «самокритики» и «критики снизу», не давая ему возможности превратиться в общественный класс в марксистском понимании этой категории.

Троцкий был первым автором, который в полном смысле слова во всеоружии фактов и документов, целеустремленно и последовательно приступил к разоблачению политики советского диктатора, не пренебрегая его личными качествами и этапами личного развития, а учитывая и даже порой чрезмерно заостряя их значение и смысл. Полагая, что «гениальная посредственность» Сталин был «продуктом машины», Троцкий в то же время считал саму эту машину порождением сталинской воли. Сильной стороной его критики, которая порой приводила к отступлениям от объективного анализа, несмотря на то что Троцкий всячески пытался отмежеваться от обвинений в предвзятости, было персональное знакомство со всеми коридорами, тупиками и лабиринтами кремлевской власти и ее держателями, в числе которых некогда находился он сам, а также личное знание особенностей характера, поведения, привычек и быта лица, ставшего главным героем его произведений. После известной книги Макса Истмена (к которой Троцкий невольно оказался причастен) Троцкий был первым, кто публично, не только как очевидец, но и как исследователь, на базе сохраненных им документов, рассказал о конфликте Сталина и Ленина в последние месяцы жизни председателя Совнаркома.

Фиксация Троцким личных черт Сталина, в частности его жестокости, мстительности, лицемерия, расчетливости и даже

антисемитизма, свидетельствовала и подчеркивала, что этот человек был для автора далеко не абстрактным предметом изучения. Фактически в каждом опусе, посвященном Сталину, заметно стремление автора унизить своего героя (и главного противника), но в то же время внушить себе самому чувство утешения, что не Сталин персонально, а объективно сложившийся ход исторического процесса в России, некие анонимно действовавшие социальные силы переиграли Троцкого с его курсом на мировую революцию, отрешили Троцкого и его сторонников от власти, а затем всех их отправили на казнь, в тюрьмы или изгнание.

Впрочем, унизить Сталина Троцкий мог только перед историей и горсткой своих единомышленников, находившихся, как и он, в эмиграции. Тем не менее Сталин весьма болезненно относился к печатным выступлениям своего главного оппонента, по сути дела непрерывно, часто через подставных лиц, полемизируя с ним, прибегая к фальшивкам, искажениям, умолчаниям, голословным обвинениям и в конце концов к расправе со всеми, кто когда-либо был дорог Троцкому или имел неосторожность солидаризироваться с ним.

С весны 1938 г. Троцкий сосредоточен исключительно на написании книги о Сталине. Его помощники и единомышленники в разных странах помогали ему в сборе материалов и источников, прежде всего по периоду до 1917 г. Особенно часто он прибегал к содействию Эстриной и Зборовского сотрудников «Бюллетеня оппозиции», продолжавшего выходить в Париже и после гибели Седова. Они охотно выполняли задания Троцкого, стремясь тем самым приблизиться к нему, устранить возможность каких-либо подозрений и заслужить благодарность, столь необходимую для закрепления собственных позиций в среде троцкистов. Ведь Зборовского многие подозревали, а Эстрина происходила из меньшевиков (а к концу 1938 г. уже оказалась в Мексике у Троцкого). Насколько «меньшевизм» Эстриной был реальным препятствием, следует, например, из того факта, что к более авторитетному и необходимому для него профессионалу — меньшевику Николаевскому, историку и архивисту, руководителю парижского филиала Международного института социальной истории в Амстердаме, где хранился крупнейший архив по международному социалистическому движению, Троцкий не считал возможным обращаться за помощью непосредственно. Он знал и признавал, что в распоряжении Николаевского находился огромный багаж документального материала по истории российского революционного движения. Но политические разногласия препятствовали прямому контакту.

Троцкий пользовался документацией Института социальной истории только через посредников.

Крайне нуждавшийся в тот период в средствах, стремясь донести работу до читателей как можно скорее, автор решил начать издание «Сталина», не дожидаясь завершения работы. Он дал согласие на выпуск биографии в двух томах — с тем, чтобы первый том был опубликован немедленно. Переписка Троцкого с Парижем (и отчасти с Нью-Йорком) дает представление о том, насколько добросовестно трудился он над книгой. Более чем 600-страничную биографию Сталина, написанную Борисом Суварином (само название этой книги показывает, что она была не столько биографией Сталина, сколько «биографией большевизма», написанной современником событий)[839], Троцкий буквально испестрил своими раздраженными пометками, вопросительными и восклицательными знаками, недоуменными вопросами. Он говорил близким, что эта книга является, «к сожалению, сплошным общим местом»[840].

Первая информация о том, что Троцкий занялся новой работой, появилась 15 апреля 1938 г., причем Троцкий еще надеялся сочетать работу над двумя практически несовместимыми и даже противоречившими друг другу проектами: написанием биографии Ленина и Сталина. Он сообщил в редакцию «Бюллетеня оппозиции»: «В ближайшие два-три месяца вы не должны ждать от меня новых больших статей. Я обязался в течение ближайших 18 месяцев написать книгу о Сталине и закончить книгу о Ленине. Все мое время, по крайней мере в течение ближайших месяцев, будет посвящено этой работе… Книга будет носить исторический, биографический и психологический характер, а не теоретико-полемический»[841].

Здесь Троцкий, безусловно, пытался ввести в заблуждение, прежде всего себя самого, ибо он должен был превратиться в совершенно другого человека, чтобы не писать «теоретико-полемической» работы и стать на позицию отстраненного, беспартийного исследователя. В новых письмах, адресованных Эстриной и Зборовскому, Троцкий вновь и вновь запрашивал литературу, комплекты советских газет и журналов, просил обращаться и к Николаевскому, и даже к Суварину, подчеркивая, что с последним можно установить контакт только в том случае, если бы «обращение к нему исходило не от меня». Особенно интересовали Троцкого комплекты «Правды» и «Известий» начиная с 1926 г.: «Как вам, разумеется, ясно, — писал он Эстриной, — меня особенно интересуют этапы политики Сталина в разных вопросах, зигзаги и повороты»[842].

Из США, правда, несомненно, скуднее, Троцкий получал

выписки от американского троцкиста Аби Кагана, проживавшего в Нью-Йорке. 14 июня 1938 г. Троцкий сообщал Кагану о получении от него изложения статьи А.И. Стецкого[843], который, как ошибочно полагал Троцкий, продолжал оставаться заведующим агитационно-пропагандистским отделом ЦК ВКП(б). На самом деле Стецкий в апреле 1938 г. был арестован, а через полтора месяца после письма Троцкого — расстрелян. Троцкий уточнял, что ему необходимы были бы точные даты и цитаты, относившиеся ко времени борьбы Сталина с оппозицией и к «противоречиям с самим собой»[844]. 26 июня Троцкий делился с Каганом своими впечатлениями от книги воспоминаний Иосифа Ире-машвили, вышедшей в Германии на немецком в 1932 г.[845] Несмотря на то что Иремашвили был в свое время меньшевиком, а в Германии поддержал национал-социалистов, факты, приводимые этим мемуаристом, Троцкий считал в основном заслуживающими доверия. При этом, верный себе, своему саркастическому образу мышления, Троцкий недоумевал, почему Суварин обошел книгу Иремашвили: «Не потому ли просто, что Суварин не знает немецкого языка?» Из этого же письма следовало, что Николаевский дал согласие оказать содействие Троцкому в его работе над книгой о Сталине и что Троцкий, несмотря на политические расхождения, проявлял готовность, в свою очередь, быть ему полезным[846]. В США материалы для Троцкого подбирала также Рая Дунаевская, являвшаяся в 1937–1938 гг. его секретарем, а в последующем под именем Раэ Спигел ставшая одним из руководителей американской Социалистической рабочей партии[847].

Работа продвигалась сравнительно быстро. 4 июля 1938 г. Троцкий, делясь результатами своих изысканий, с удовлетворением и в то же время даже с оттенком некоторого волнения сообщал Эстриной: «Я нашел юридическое подтверждение того, что Сталин в молодости был тесно связан с Иремашвили. Это обстоятельство имеет огромное значение для первых глав моей работы. Я начинаю с беспокойством спрашивать себя, все ли выписано из книги Иремашвили, что представляет интерес»[848]. В Париже вокруг Эстриной и Зборовского сложилась даже небольшая группа помощников Троцкого, которая выполняла научно-техническую работу: составляла библиографические списки, делала выписки, выискивала источники, уточняла сомнительные факты, проверяла цитаты и сноски, общалась с Николаевским, получая его консультации. Одна за другой за океан к Троцкому шли посылки с книгами, газетами, вырезками и выписками[849]. В ответ следовали новые и новые задания, и Троцкий испытывал обычно ему несвойственное

чувство неловкости перед людьми, беззаветно отдававшими массу времени и сил, на него работая. Настроения и чувства Троцкого были переданы в его письме в Париж от 21 ноября: «Дорогие друзья! Вы прислали мне, в числе многих других ценных материалов, библиографию по вопросам гражданской войны. В сущности, это единственный вопрос, в области которого я остаюсь плохо вооружен. В «Истории Коммунистической партии»[850], которую вы мне прислали (большое спасибо), есть по поводу гражданской войны целый ряд новых, совершенно фантастических легенд и вымыслов. Мне придется посвятить гражданской войне большую главу, если не две. Было бы крайне желательно, чтобы вы сами прочитали те главы «Истории», которые относятся к гражданской войне, отметили наиболее выдающиеся вымыслы и подобрали опровергающие их материалы. Я понимаю большие размеры этой работы. Но другим путем я совершенно не могу справиться с задачей. Думаю, что это — *последнее* поручение, которое я позволяю себе дать вам. По всем остальным главам у меня подобран достаточный материал. В вашем библиографическом справочнике есть такие указания по поводу книг и статей, посвященных гражданской войне: «ничего о Сталине», «очень много о Троцком». Желательно было бы из этого «очень многого» дать хотя бы кое-что. Крепко жму руку. Ваш *Л.Д.»*[851].

В значительной мере замысел Троцкого состоял в том, чтобы максимально противопоставить себя Сталину в историческом плане, прежде всего по периоду Гражданской войны, когда, собственно, и начались их острые столкновения. Видимо, в конце ноября 1938 г. он действительно полагал, что приближается к завершению собирательского этапа своего проекта. Но буквально через несколько дней возникло новое задание. 12 декабря Троцкий просил уточнить ряд положений, касавшихся воспоминаний большевистского деятеля М.С. Ольминского, в которых упоминалось отношение Сталина к расколу социал-демократической фракции 4-й Государственной думы[852]. 22 декабря Троцкий просил прислать ему мемуары Я.Б. Шумяцкого о Туруханской ссылке[853] и высказывал пожелания относительно возможности заключения договора о выпуске его книги о Сталине парижским издательством «Грассе» с тем, чтобы его уполномоченным были Эстрина (он именовал Лилию псевдонимом Паульсен) и супруга П. На-вилля Дениз. «Тогда был бы контроль над переводчиком»[854], — заключал Троцкий.

С начале 1939 г. и до середины февраля Троцкий продолжал выдавать задания. Он просил просмотреть стенограммы съездов ВКП(б), выделив выступления Сталина, полемику с ним и вообще

все, что касалось его деятельности. Автора весьма волновал вопрос о документальном подтверждении фактов советского «термидора», перерождения государственно-административного и партийного аппаратов и роли Сталина в нем. Троцкий просил собирать «отдельные данные, штрихи, намеки, факты, эпизоды», рассеянные в разного рода статьях и книгах, добавляя, что «даже отдельные мелочи могут послужить в высшей степени важной опорой» для верной, с его точки зрения, характеристики всего периода[855].

Изначально Троцкий рассчитывал быстро написать бестселлер и получить за него приличный гонорар. Но, начав работу над «Сталиным», он настолько увлекся биографией своего главного противника, что несколько раз пропускал сроки сдачи книги в печать, ибо задача оказалась не столь уж легкой. Троцкий не раз говорил в кругу своих близких, что предпочел бы писать о чем-либо или о ком-либо совершенно другом, например о тесной дружбе К. Маркса и Ф. Энгельса[856], но действительные намерения автора не соответствовали этим заявлениям: про Маркса и Энгельса, как героев книг, Троцкий давно забыл, да и Ленина забросил — все ради Сталина.

Вопреки предположениям Троцкого, затруднения возникли именно с подготовкой второго, послеоктябрьского тома и задуманного автором развернутого предисловия, которое должно было включать весьма широкую панораму политических драм на пространстве огромного исторического периода, начиная с Древнего Рима. Основной текст первого тома был завершен к началу августа 1939 г. Но предисловие все еще не было готово, и автор не предполагал завершить его в самом близком будущем, хотя и обещал сделать это «поскорее»[857]. Выполнено это обещание не было. Со второй половины 1939 г. Троцкий работал над биографией Сталина все медленнее и неохотнее, а затем и почти вовсе прекратил это занятие. 30 декабря 1939 г. он отправил американскому переводчику Чарлзу Маламуту «окончание главы о 1917 годе», тем самым завершив подготовку дооктябрьской части (за исключением все еще не написанного предисловия). Большую главу о Гражданской войне он обещал выслать через две недели[858]. Однако эта глава так и не была отправлена. Никаких новых глав Маламут так и не получил.

Это не означает, что Троцкий полностью прекратил работу над биографией. Время от времени, хотя отнюдь не систематически, он возвращался к ней, просматривал и корректировал написанное, писал отдельные фрагменты, пытался состыковать их с текстами документов, с выписками из последних, с собственным анализом. Куски текста он склеивал. В

результате этого возникали многометровые бумажные свитки, над которыми еще предстояло работать. Фразы, обычно короткие, состояли из подлежащего и сказуемого. Затем туда надставлялись прилагательные, эпитеты, уточнения. Изначальная короткая фраза становилась сложноподчиненной и длинной.(Рукописные прилагательные, вставленные Троцким в первый машинописный черновик, продиктованный машинистке, бросаются в глаза любому исследователю, работающему с незаконченными главами рукописи Троцкого «Сталин».) В результате возникал второй вариант. Он снова перепечатывался машинисткой. И только затем создавался окончательный текст, который машинистка перепечатывала в третий, последний раз[859]. Однако в начале 1940 г. работа над книгой была прервана. Завершены и переведены на английский язык были семь первых глав, охватывавших период до октября 1917 г., причем Троцкий успел проверить английский перевод шести глав.

Троцкий имел в виду несколько сократить первые главы, но и этого он сделать не успел. После смерти Троцкого Маламут, взявший на себя не только роль переводчика, но и обязанности редактора издания, решил сохранить текст этих глав в том виде, как они были написаны Троцким (за исключением лишь нескольких случайных почти дословных повторений, которые Маламут при окончательной редакции убрал). Послеоктябрьские главы, не завершенные Троцким, Маламут скомпоновал из черновиков и некоторых других текстов Троцкого, предоставленных ему Седовой. Точно так же из отдельных фрагментов было составлено предисловие. Ничего «своего» редактор-переводчик в текст не вставлял, за исключением отдельных связок, которые он давал в квадратных скобках. Кроме того, Маламут включил в публикацию свое краткое предисловие, три приложения — фрагменты Троцкого, которые прямо не относились к тексту создававшейся им биографии, но были связаны с ней тематически, а также иллюстративный и справочный материал (хронологический указатель, неполный список кличек и псевдонимов Сталина, указатель съездов РСДРП — РКП(б) — ВКП(б), библиографический указатель книг Троцкого, выпущенных на английском языке, терминологический глоссарий и индекс лиц, терминов и событий).

Впрочем, не очень хорошее знание Маламутом советских реалий, его стремление сделать книгу понятной и доступной для англоязычного читателя привели к массе смысловых огрехов и невольных фактических неточностей при переводе работы. Видимо, сам Троцкий, проверяя английский текст первого тома, делал это наспех. Иначе трудно объяснить некоторые

фактические нелепости, которые можно обнаружить в томе. Тем не менее благодаря кропотливой и в целом добросовестной работе Маламута первое издание «Сталина» было подготовлено к выпуску на английском языке к декабрю 1941 г.[860], к тому самому моменту, когда Япония совершила нападение на Пёрл-Харбор и США вступили во Вторую мировую войну. В этих условиях издательство сочло целесообразным отложить выпуск книги на неопределенный срок, так как герой биографии становился теперь главным союзником западных держав во Второй мировой войне. До окончания войны книга так и не вышла.

5 марта 1946 г. бывший премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль в присутствии президента США Гарри Трумэна произнес свою знаменитую речь в Фултоне, рассказав слушателям об опущенном Сталиным на Восточную Европу «железном занавесе». 14 марта в «Правде» появилось ответное интервью Сталина, метавшего на Черчилля громы и молнии и обозвавшего его «поджигателем войны». Новая война началась: холодная война. Теперь можно было приступить к выпуску книги о бывшем союзнике и нынешнем противнике Сталине, совершенно не оглядываясь на дипломатический этикет. Более того, книга сулила принести издательству не только политические, но и солидные материальные выгоды, так как становилась сенсационной и обязана была оказаться в числе бестселлеров. 15 марта 1946 г., то есть через десять дней после речи Черчилля и на следующий день после публикации в «Правде», американское издательство сочло, что «биография, содержащая материал исторической важности, должна быть опубликована в соответствии с предыдущими обязательствами»[861]. В том же 1946 г. книга вышла. На титульном листе и обороте титульного листа было указано: «Harper & Brothers Publishers. New York and London. Copyright 1941»[862].

2. Неоконченный двухтомник

Создавая труд о своем личном враге, Троцкий в то же время стремился соблюсти максимум объективности в подборе фактов и, как он утверждал и, скорее всего, сам в это верил, в их оценке. Но если с первым следует безусловно согласиться (в книге можно встретить лишь незначительное количество мелких неточностей, причем совершенно непреднамеренных)[863], то о втором говорить не приходится. Будучи фактологически точной, книга Троцкого являлась в полном смысле слова ярким политическим документом, до предела заостренным публицистическим произведением, направленным против Сталина. Как пишет Б.С. Илизаров, «один Лев Троцкий всю жизнь был к нему трезво беспощаден»[864]. Троцкий, действительно, был беспощаден к Сталину как персонажу, но трезвости в его оценках подчас не хватало, да иначе, собственно, и не могло быть, имея в виду, что Сталин был его злейшим врагом, виновником гибели соратников, друзей и детей Троцкого.

Из текста предисловия к «Сталину» видно, что его фрагменты писались в разное время, под влиянием различных стимулов, как внешних, так и внутренних. В результате Троцкий подчас даже забывал, какого мнения придерживался ранее по тому или иному вопросу. Из-за этого и возникали явные противоречия. Так, автор объяснял, по каким причинам он не дает библиографических ссылок, но в другом месте писал, что в биографии «слишком большое место» занимают ссылки на источники и их критика. Видимо, он колебался между стремлением сделать свою работу как можно более научной, доказательной и аргументированной и намерением представить максимально широкому кругу читателей легко воспринимаемый текст. Судя по характеру первого тома, где критика мемуарных и прочих источников в весьма популярной форме была дана лишь в отдельных случаях в самом тексте, в конце концов возобладал второй подход. Не завершив текст предисловия, Троцкий не имел возможности тщательно его изучить, чтобы устранить имевшиеся там противоречивые высказывания.

В то же время Троцкий, как видно из его источниковедческих замечаний, не только осознавал, что такое «внутренняя критика источников» (то есть толкование и использование их с точки зрения фактического содержания, направленности, непосредственных задач и целей), но и умело применял эту критику, главным образом к воспоминаниям. Троцкий пояснял: «Они писались либо ожесточенными и не всегда добросовестными

врагами, обычно из вторых рук, либо подневольными «друзьями», по инициативе — можно бы сказать по заказу — официальных комиссий по истории партии и поэтому являются, в большей своей части, упражнениями на заданную тему… Однако, сопоставляя их друг с другом, взвешивая умолчания одних и преувеличения других, критически оценивая внутреннюю связь самого повествования в свете дальнейших событий, можно до некоторой степени приблизиться к истине».

Суммируя свои предыдущие работы о Сталине и его режиме, о происхождении этого режима, стремясь обогатить анализ новыми фактами, почерпнутыми из воспоминаний, опубликованных в СССР и за его пределами, Троцкий поставил перед собой задачу показать, как Сталин смог оказаться во главе коммунистической власти в огромной стране, оттеснить, а затем уничтожить своих основных соперников, обеспечить себе поистине неограниченную власть. Анализируя путь Сталина сначала к руководству, а затем к необъятной власти, автор внимательно следил за тем, чтобы не допустить фактической недостоверности. Он упоминал документы и материалы, в которых шла речь о Сталине как об агенте царской охранки, как о провокаторе, выдававшем полиции и тюремным властям отдельных революционеров, по тем или иным причинам вставших на его пути, и при этом отвергал факт сотрудничества будущего диктатора с Охранным отделением Департамента полиции, хотя и считал, что такого рода слухи, сплетни и вымыслы не могли возникнуть на пустом месте и имели под собой определенную психологическую подоплеку: замкнутость, стремление быть на заднем плане во время наиболее значительных партийных акций, чреватых возможными пагубными последствиями.

Автор показывал подчиненную и второстепенную роль своего героя прежде всего в 1917 г., его быстрый поворот от союза с умеренными большевиками (в частности, с Каменевым), к экстремизму — как только Сталин ощутил, что экстремистский курс Ленина на «перерастание» революции в «социалистическую» одерживает верх в партийных рядах и в руководстве. Оставаясь на втором плане, Сталин становился одним из близких соратников Ленина, а после ухода последнего в подполье в связи с угрозой ареста оказался временно на первом плане, в частности во время VI партийного съезда в конце июля — начале августа 1917 г. Впрочем, герой произведения Троцкого вновь отходил на второй план в самые жаркие для революции октябрьские дни, когда слишком «высовываться» стало крайне опасно (и решающую роль в проведении большевистского переворота сыграл Петроградский военно-революционный комитет во главе с Троцким, готовым на

риск).

Для того чтобы прийти к этим общим выводам, автор значительное внимание уделил происхождению Сталина, его семье, кругу его детского общения, годам обучения в духовном училище в Гори, а затем в Тифлисской духовной семинарии. Троцкий дал сравнительно широкую панораму истории Грузии, обычаев ее народа, особенностей духовного склада грузин и их ментальности. Он не пренебрегал рассказом о местности, где родился его герой, о предках и родителях. Этот рассказ был необходим, в частности, для того, чтобы показать, как с детства формировался жесткий, замкнутый и мстительный характер Иосифа Джугашвили, как он учился неприязненно и враждебно относиться к тем людям, которые имели или могли иметь над ним власть.

Важный комплекс биографической информации был связан с формированием «профессионального революционера». Здесь читатель встречает немало данных о том, как медленно и постепенно внедрялся Джугашвили в социал-демократическую среду. Более того, путем сопоставления источников автор показал, что Сталин не присоединился к большевикам в момент раскола РСДРП на две фракции, а продолжал еще колебаться в течение почти двух лет, став большевиком только в ходе революции 1905–1907 гг. Весьма интересно в этом смысле убедительное разоблачение фальшивого свидетельства Сталина 1924 г. о том, что он уже в конце 1903 г. получил в ссылке «глубоко содержательное» письмо Ленина. Путем сопоставления фактов и дат, анализа большевистского делопроизводства Троцкий показал, что письма ссыльному Джугашвили Ленин не посылал и послать не мог.

Интересен анализ журналистского стиля Кобы (взявшего псевдоним по имени своеобразного грузинского Робин Гуда — героя романа Александра Казбеги). «Отсутствие собственной мысли, оригинальной формы, живого образа отмечает каждую его строку печатью банальности», — констатировал Троцкий, утверждая вместе с тем, что и такие статьи в тот период отвечали спросу социал-демократической публики, казались новыми и свежими для читателя, не привыкшего к революционной литературе.

Далее, и в этом, пожалуй, основное содержание первого тома, автор стремился показать незначительность роли Сталина в социал-демократической партии вплоть до 1917 г. Вместе с тем Троцкий несколько противоречил себе, ибо буквально на соседних страницах писал о постепенном продвижении Сталина по лестнице партийной иерархии и даже об участии Кобы в

партийных съездах.

В связи с этим немаловажным оказался вопрос о том, как Сталин стал членом ЦК РСДРП, точнее, ЦК ее большевистской фракции, превратившейся в самостоятельную партию, хотя не объявившей об этом открыто. На первый взгляд, писал Троцкий, вопрос о том, стал ли Сталин членом ЦК на Пражской партийной конференции (январь 1912 г.) или был кооптирован туда позже, кажется второстепенным. Однако в данном случае речь шла о предмете существенной важности. Сталин хотел попасть в ЦК. Ленин хотел его туда провести, ибо видел выгоду от упрямого грузина, ставшего его оруженосцем и не имевшего собственной четкой позиции. Троцкий, однако, полагал, что на конференции Ленин, продвигавший Сталина, натолкнулся на серьезное противодействие остальных делегатов. Тогда хитрый Ленин отложил решение вопроса, подождал, пока конференция не завершится, и затем апеллировал к узкому руководящему кругу, настаивая на кооптации Сталина. «Так Сталин вошел в первый раз в ЦК через заднюю дверь», — заключал Троцкий.

Троцкий уделил немалое внимание работе Сталина «Марксизм и национальный вопрос», которая была написана во время Двухмесячного пребывания за границей — в Кракове и Вене — в 1913 г. В связи с этим Троцкий обстоятельно анализировал трактовку национального вопроса международной социал-демократией в начале XX в. Он считал статью Сталина «очень содержательным исследованием», подчеркивая, что это была единственная теоретическая работа Сталина. Можно поставить под сомнение утверждение Троцкого, что статья Сталина представляла собой исследование. На самом деле речь шла об острой публицистической полемике с программой культурно-национальной автономии австрийских социал-демократов, равно как и грузинских и еврейских социалистических сепаратистов. Тем не менее, и в этом с Троцким можно согласиться, статья Сталина содержала четкое, хотя и крайне формализированное понятие нации, национального вопроса и национального самоопределения в пределах марксистской доктрины.

Как же совмещал Троцкий эти выводы с убеждением в теоретическом бесплодии Сталина? Делал он это путем логичных рассуждений. Он показывал, что статья полностью была внушена Лениным, написана под его руководством, «проредактирована им строка за строкой». Об этом свидетельствовали, в частности, обнаруженные биографом соответствующие замечания Крупской. Анализ стилистики также давал возможность распознать места, вписанные в статью самим Лениным, который вытравил все «семинарские красоты» и другие особенности сталинского стиля.

Так внешне похвальный отзыв о статье Сталина превращался под пером Льва Давидовича в безжалостную негативную рецензию.

В томе рассматривалась позиция Сталина во время Первой мировой войны. Определить ее было не легко, так как Сталин, находившийся в ссылке в Восточной Сибири, почти не вел переписки. Троцкий имел возможность рассмотреть только два документа — письмо Сталина Ленину (февраль 1915 г.) и коллективное заявление группы большевиков (март 1916 г.), написанное, видимо, Каменевым и подписанное Сталиным в числе других лиц. Письмо Ленину, приведенное полностью (разумеется, в собрание сочинений Сталина включено оно не было), носило вульгарный характер с выражениями «болтунья-баба» (о Плеханове), «бить их некому» (о ликвидаторах), «хе-хе» (о французских министрах-социалистах). Троцкий подчеркивал, что Сталин был далек от тех новых проблем, перед которыми оказались социал-демократы, что он вообще не выражал своего отношения к курсу Ленина на «превращение империалистической войны в гражданскую», на создание нового Интернационала. Что же касается второго документа, то он содержал аргументы, оправдывавшие умеренное поведение большевистской фракции в 4-й Государственной думе, ее нежелание поддерживать экстремистские призывы Ленина. Подпись Сталина под этим документом могла бы рассматриваться ретроспективно как шаг вполне достойный, если бы она не свидетельствовала, что будущий диктатор был попросту склонен поддаваться влиянию тех деятелей, которые в данный момент оказывались поблизости.

Еще один сюжет первого тома — поведение Сталина в событиях 1917 г. Здесь наибольший интерес, по мнению Троцкого, представлял Сталин периода между его приездом в Петроград 12 марта и возвращением Ленина 3 апреля. Использовав свое положение членов ЦК, Каменев и Сталин отстранили временную редакцию «Правды», которую сочли «левой», и стали проводить курс условной поддержки Временного правительства, одобрительно встреченный меньшевиками, возглавлявшими тогда Петроградский Совет, но подвергнутый сокрушительной критике Лениным еще в Швейцарии и особенно после его возвращения в Петроград. Имея в виду, что Ленин в это время фактически перешел в главных стратегических вопросах на позицию перманентной революции Троцкого, ретроспективное торжество автора биографии и его презрительное отношение к Сталину были очевидны. Рассматривая протоколы мартовского совещания большевиков и выступления Сталина на этом совещании, Троцкий не жалел красноречия и негативных эпитетов. Сталин выступал здесь как «плебейский демократ» и

«ограниченный провинциал, которого условия эпохи заставили принять марксистскую окраску».

Недолгое пребывание на первых ролях в начале революции не снискало Сталину лавров. В следующие месяцы он был отодвинут даже не на второй, а на третий план и переживал период «острого недомогания». Более сильные личности оттеснили его отовсюду. В то же время память о марте и апреле жгла его самолюбие. «Насилуя себя, он медленно перестраивает свою мысль, но добивается в конце концов лишь половинчатых результатов», — пишет Троцкий.

Такие оценки, разумеется, не в полной мере отражали реальное положение Сталина в большевистском руководстве. Троцкий был прав в оценке личности своего персонажа по существу. Но он лишь мельком упоминал, что на VI съезде большевиков Сталин выступал с двумя основными докладами. Автор вполне достоверно и убедительно показал, что на протяжении следующих трех месяцев, вплоть до Октябрьского переворота, Сталин, несмотря на членство в ЦК, опять оказался на политических задворках, был всего лишь «ответственным чиновником при газете» «Правда». Именно в 1917 г. Коба в значительной степени освободился «от провинциализма, если не в привычках и нравах, то в масштабах политического мышления… Он стал признанным членом штаба партии, которую массы несли к власти. Он перестал быть Кобой, став окончательно Сталиным». Этими итоговыми и в то же время вводными к дальнейшему изложению словами завершался первый том.

Весь анализ послеоктябрьского развития Сталина — это стремление показать, как властью в Советской России постепенно овладевала чиновничья номенклатура, все более превращавшаяся в правивший слой. Во втором томе обращают на себя внимание обширные экскурсы в дооктябрьский период. Троцкий пытается объяснить это «оптико-психологическим феноменом» — человек «начинает отбрасывать от себя тень в свое собственное прошлое». Вряд ли в такой в целом верной констатации можно найти серьезное обоснование для возврата к сюжетам, уже подробно освещенным в первом томе. Троцкий слишком торопился с подготовкой первого тома и отправкой его переводчику, а теперь обнаруживал важные, по его мнению, пробелы, которые стремился восполнить.

Материалы второго тома имеют значительно больший мемуарный компонент, нежели первого, где личные воспоминания и впечатления незначительны хотя бы в силу того, что автор и его герой не были лично знакомы до поздней весны 1917 г. Социал-демократический авторитет Троцкий не обращал

внимания на V партийном съезде на мелкого кавказского «комитетчика». В томе, посвященном послеоктябрьскому периоду, конфликт между Троцким и Сталиным является одной из главных тем уже в силу того, что внутренняя борьба в партийно-государственной верхушке с 1923 по 1927 г. велась в значительной степени именно между двумя лидерами или вокруг них. По этой причине мемуарные свидетельства, основанные на устных сообщениях Троцкому другими лицами, оформленные в виде цитат, являются крайне ненадежным источником для доказательства тех или иных положений. Можно было бы сказать, что память — весьма тонкая нить, смотанная в клубок, из которого порой вырываются те или иные кусочки.

В качестве примера можно привести свидетельства, касающиеся мнения Ленина о Сталине. В одном месте Троцкий пишет, что Ленин ценил Сталина за «способность нажимать», то есть добиваться выполнения поставленной задачи силой. В другом — Троцкий вспоминает, что Ленин будто бы говорил ему 5 марта 1923 г.: «Сталин заключит гнилой компромисс, а потом обманет». Какого же мнения Ленин придерживался на самом деле? Скорее всего, действительно, и того и другого, но в разное время и при разных обстоятельствах. Троцкий же вообще не указывает на противоречия в позиции Ленина и не обращает внимания на то, что второе суждение было высказано в то время, когда взаимоотношения между Лениным и Сталиным испортились до предела и Сталин стал играть роль «надсмотрщика», тюремного надзирателя, над больным Лениным.

Большое внимание в томе уделено периоду Гражданской войны. Троцкий вначале разделил этот период на две главы, рубежом между которым была весна 1919 г., в частности первое наступление генерала Н.Н. Юденича на Петроград. Именно так построено изложение в американском издании, подготовленном Маламутом[865]. Позже автор решил изменить структуру изложения, сочтя логичнее сконцентрировать рассказ о Сталине в период Гражданской войны в одной главе. Имея в виду, что Троцкий был в то время наркомом по военным и морским делам, что именно на протяжении всех трех лет Гражданской войны развивался серьезный конфликт между ним и Сталиным, из которого в значительной степени выросли дальнейшие взаимные столкновения, в этой главе большой удельный вес занимают личные воспоминания, подкрепленные, где это возможно, упоминанием документов, их цитированием и даже иногда полным текстом вплоть до номеров писем или приказов.

Глава имела большое значение для изучения действительной роли Сталина в Гражданской войне потому, что именно этот

период был в наибольшей степени искажен в сталинской историографии (если вообще уместно вести речь о большей или меньшей лжи). Фальсификация осуществлялась и через историографию, и средствами художественной литературы и искусства (вспомним хотя бы лживую повесть советского писателя графа Алексея Толстого «Хлеб», известную также под названием «Оборона Царицына», главным политическим героем которой был Сталин). Троцкий, в отличие от Толстого, прилагал все силы, чтобы по возможности объективно осветить путь Сталина в Гражданской войне. Разумеется, полностью отказаться от субъективизма он не мог. Местами автор сгущал краски, например относя Сталина к категории «великих князей» во время войны, которым позволительно было нарушать законы, порядок и декреты. Однако больший беспорядок, нежели царивший в стране в те годы, придумать было трудно. В этом плане Сталин (как и Ленин с Троцким) мало на что влияли.

Весьма удачно в томе отмечалось «разделение исторических функций» как важный инструмент фальсификации, характерный для советских историков, описывавших Гражданскую войну. Состояло это разделение в том, что победы целиком и полностью приписывались Сталину, а поражения — Троцкому. Те, кто хотя бы мельком познакомился с советской историографией Гражданской войны и прежде всего с главным официальным многотомным трудом, выпущенным в СССР[866], в полной мере убедились в справедливости вывода, сделанного Троцким. В качестве иллюстраций автор биографии подробно останавливается на нескольких моментах драматического периода. Это прежде всего «царицынский эпизод». Троцкий показывает, что на этом второстепенном для хода Гражданской войны участке Сталин всячески поощрял, по существу дела вдохновлял, самоуправство и местничество, недоверие к военным специалистам и расправы с ними, что привело к многократным столкновениям с наркомвоенмором. В результате Сталин, прибывший в Царицын в начале лета 1918 г. с ограниченными полномочиями по организации доставки продовольствия в центральную часть России, но пытавшийся некомпетентно вмешиваться в чисто военные дела и местное административное руководство, был по настоянию Троцкого отозван оттуда во второй половине октября распоряжением за подписью Ленина.

С поведением Сталина в Царицыне косвенно связан и вопрос о так называемой военной оппозиции на VIII съезде РКП(б) в марте 1919 г. Ядро оппозиции составляли, как показал Троцкий, члены царицынской группы, прежде всего Ворошилов. Военная оппозиция, которая сформировалась еще в 1918 г. и усилилась в

следующие месяцы, выступала против использования старых специалистов, особенно царских генералов (на чем всячески настаивал Троцкий), за всевластие «комиссарского» состава, против формирования регулярной армии, что, по мнению Троцкого, и в этом можно с ним вполне согласиться, было чревато гибелью для большевистской власти в России.

Троцкий полагает, что Ленин знал, кто именно возглавлял военную оппозицию. Ряд мер, предпринятых председателем Совнаркома, свидетельствовал о том, что он стремился продемонстрировать съезду свое неодобрительное отношение к поведению Сталина. В качестве характерного примера названо то, что раздававшиеся с места предложения о введении Сталина в состав президиума съезда (эти предложения были спровоцированы самим Кобой) были путем несложной ленинской махинации отклонены. По мнению Троцкого, Ленин посылал Сталину определенный сигнал, но не только ему одному. Сталин на съезде стремился максимально ограничить власть и влияние наркомвоенмора. Но эта попытка завершилась неудачей. Сталин на время вынужден был смириться с положением Троцкого и даже проявил показное стремление к примирению с ним.

Что касается обороны Петрограда, то в книге обращено внимание на два «набега Юденича» — в мае — июне и осенью 1919 г. Сталин был в городе только во время первой попытки наступления, которая велась небольшими силами, была легко отражена и в общем масштабе событий прошла почти незамеченной. Во время второго, значительно более серьезного наступления, которое было отбито с несравненно большим трудом, Сталин был далеко, на Южном фронте, и никакого отношения к битвам на северо-западе страны не имел. Между тем в советской историографии оба события были слиты воедино, и Сталину приписывалась решающая роль в «разгроме Юденича».

Несколько иной характер носило участие Сталина в войне с Польшей. В ней Сталин, по мнению биографа, «вел свою собственную войну». В то время как войска М.Н. Тухачевского наступали на Варшаву, Сталин, находясь на Юго-Западном фронте (им командовал А.И. Егоров), стремился как можно скорее войти во Львов и отказался поддержать главное направление удара, своевременно не направил в качестве подкрепления Первую конную армию, чего требовал Тухачевский. Позже, в течение примерно десятилетия, об этом эпизоде рассказывали как о причине польского контрнаступления и поражения Красной армии под

Варшавой. Троцкий разделял в полной мере эту «сказку казарменную» (выражение Егорова), но он излагал указанный

сюжет, используя многочисленные фактические данные, искусно, на базе логических доводов, опровергая сталинистскую мифологию, показывая, как зарождалась, вызревала и все более нарастала ненависть Сталина к тем, кто считал его одним из виновников поражения под Варшавой, в частности к Тухачевскому, а заодно и к Егорову, который был не только свидетелем, но и прямым участником всех этих событий (попытки Егорова угодливо оправдать «сидение» под Львовом не спасли его от расправы в конце 30-х гг.).

Следующая важная тема, освещаемая в томе, — непосредственное вхождение Сталина в высший эшелон власти. Здесь Троцкий вновь обращался к многочисленным историческим прецедентам, параллелям, сравнениям. Он полагал, что официальное приравнивание Сталина к Ленину — «просто непристойность», но стал первым автором, включившим сталинский период в общую тему тоталитаризма, и пошел на неслыханную для коммуниста крамолу, сопоставив трех диктаторов: большевистского вождя Сталина, фашистского дуче Муссолини и национал-социалистического фюрера Гитлера. При сопоставлении Сталина как личности с Гитлером и Муссолини преимущество оказывалось, по мнению Троцкого, на стороне последних. Разумеется, при этом речь шла не о содержании тех идей, которые лежали в основе коммунистического, фашистского и национал-социалистического режимов. Троцкий целиком и полностью оставался здесь на стороне коммунизма. Но в отношении характера поведения — инициативности, способности мобилизовать массы, нахождения новых путей влияния на различные слои общества — Сталин уступал другим известным вождям.

Большие сложности у Троцкого возникли с тем, что Сталин был назначен генеральным секретарем партии после XI съезда, в 1922 г., при Ленине, с ведома Ленина, при поддержке Ленина. Троцкий дает представление о тех организационных формациях, которые генсек, опираясь на «партийную бюрократию» в центре и на местах, использовал, чтобы сосредоточить в своих руках личную власть («необъятную власть», как сказал в своем «Завещании» Ленин), отстранив от власти своего главного соперника — Троцкого. Автор описал «тройку» (Сталин, Зиновьев, Каменев), в которой Сталин не просто играл лидирующую роль, а диктовал все решения; затем — «семерку»: шесть членов Политбюро, то есть все члены этого органа, кроме Троцкого, и председатель ЦКК РКП(б) Куйбышев, проводившую свои тайные от Троцкого заседания и координировавшую кампанию по его постепенному оттеснению, а затем и отстранению от власти. Так

«тройка» и «семерка» породили в лице Сталина «туза». Великие художественные образы «Пиковой дамы» А.С. Пушкина (и П.И. Чайковского) получили, таким образом, потрясающее и весьма зловещее политическое воплощение в советских реалиях середины 20-х гг.

Троцкий стремился и в материалах по послеоктябрьскому периоду рассматривать Сталина в качестве индивидуума с определенными личностно-психологическими чертами. Однако эта сторона его анализа почти тонет в социальной интерпретации. Недаром последнюю главу своей работы автор назвал одним словом — «Термидор». Троцкий стремился описать два встречных потока: аппарат породил Сталина; Сталин же в свою очередь вновь порождал новые и новые аппаратные звенья и группы, при этом физически уничтожая им же созданные «старые». Иначе говоря, писал Троцкий, «Сталин систематически развращал аппарат. В ответ аппарат разнуздывал своего вождя… Понадобились годы тоталитарного всемогущества, чтобы придать этим преступным чертам поистине апокалиптические размеры».

Так Троцкий приходил к главному своему выводу относительно причин и характера возвышения Сталина и установления его единоличной власти. Сталин был в известном смысле «серой посредственностью» или только казался таковой, ибо обладал «исключительными чертами характера». Для выражения этих черт были необходимы «исключительные условия». Они сложились при становлении «политической реакции», возникшей после величайшего напряжения в годы Гражданской войны. Теперь сталинские черты: упрямство, хитрость, беспощадность вместе с узостью кругозора — превратили его в вождя новой «аристократии».

Этот вывод автор стремился оттенить и проиллюстрировать различными общесоциологическими и конкретными историческими соображениями, разумеется в пределах марксистсколенинского «классового подхода». Например, он пытался дать весьма сомнительную интерпретацию борьбы Сталина (и возглавляемой им «бюрократии») против «правых» — группы Бухарина, Рыкова и Томского, выступавших за умеренную политику в деревне и предостерегавших против «сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса». Эту борьбу Троцкий трактовал как конкуренцию между бюрократией и мелкой буржуазией «за прибавочный продукт народного труда», оставляя в стороне действительное существо дела — сталинскую «революцию сверху», завершившую после уничтожения миллионов крестьян и их индивидуальных хозяйств становление тоталитарной системы — свирепого насильственного режима,

который превратил в рабов и крепостных не только крестьянство, но и все население огромной страны.

«Бюрократия смертельно испугалась последствий своей шестилетней политики», — писал Троцкий, имея в виду период, отсчитываемый с 1923 г., когда началось оттеснение Троцкого от власти. «Возник резкий поворот против кулака, против нэпмана». В этом «повороте» Троцкий вроде бы занимал нейтральную позицию, но его симпатии, как правоверного коммуниста, явно не на стороне «кулака» и «нэпмана», которых Троцкий относил к «буржуазии», а на стороне классово близкой «партийной бюрократии».

Лишь отдельные зарисовки Троцкий сделал о той кровавой расправе с подлинными и мнимыми врагами режима, с бывшими конкурентами и идейными противниками, с сотнями тысяч совершенно аполитичных людей, в отношении которых проводилась своеобразная «децимация» (то есть расстрел каждого десятого), которую сам Троцкий практиковал в годы Гражданской войны. Причины Большого террора, сущность кровавого замысла Сталина, автор рассмотреть не успел, не захотел, не смог. В то же время в связи с третьим московским «открытым» судебным фарсом (март 1938 г.), на котором в числе обвиняемых был выставлен бывший нарком внутренних дел Ягода, Троцкий останавливался на вопросе, который беспокоил его в течение многих лет. Дело в том, что Ягоду обвиняли, в частности, в организации убийства Горького и других лиц при помощи ядов. Это привело автора к рассуждениям об использовании ядов советскими спецслужбами уже в 20-х гг., прежде всего в связи с сомнительной и подозрительной «просьбой» Ленина, обращенной к Сталину, разрешить ему отравиться. Не обвиняя Сталина в отравлении Ленина, Троцкий рассуждал о тех зловещих качествах Сталина, которые побудили заточенного в Горках Ленина обратиться за ядом именно к нему.

Троцкий так до конца и не смог осознать, что Советским Союзом правила не бюрократия, хотя она и оказывала значительное влияние на решение текущих дел. Подлинным властителем страны на протяжении почти четверти века был Сталин, правивший как самодержавный властитель при помощи своих ближайших подчиненных, которых он периодически менял. Бюрократия же, как и прочие слои населения, оставалась подчиненной группой населения — группой относительно самостоятельной, но крайне уязвимой (через проводимые диктатором чистки), а потому так и не превратившейся в социальный класс. Тем не менее в лексикон Троцкого и в книгу «Сталин» прочно вошел термин «тоталитарная власть» для

обозначения характера сталинского политического правления.

В то же время автор был решительно против распространения концепции тоталитаризма на ленинский период, до 1922 г. включительно, хотя объективный анализ и должен был убедить его в том, что тоталитарная система (именно система, а не только власть) начала формироваться в России со времени Октябрьского переворота 1917 г. и что первыми ее персональными носителями были Ленин, Троцкий и другие большевистские лидеры (Сталин в их числе). Троцкий не был последователен и в том отношении, что он считал тоталитаризм формой политической власти, то есть фактически ставил знак равенства между тоталитаризмом и авторитаризмом, тогда как на деле тоталитаризм проник во все сферы жизни, включая экономику, политику, идеологию, духовно-нравственные отношения и даже личную жизнь людей. Согласиться с таким пониманием тоталитаризма Троцкий не мог, ибо в этом случае он должен был бы призвать не только к политической революции в СССР, а к революции социальной, задачей которой было бы смести с лица земли проявления тоталитаризма во всех сферах жизнедеятельности общества. Именно на этой почве в последние годы жизни Троцкого у него возникли серьезные расхождения с рядом его бывших сторонников, которые пришли к однозначному выводу о полном перерождении СССР в «буржуазное государство», о существовании в СССР системы государственного капитализма, о необходимости не только свержения Сталина, но и полного разрыва с СССР. Такой подход для Троцкого был совершенно недопустим, ибо ставил под сомнение и даже отвергал всю его деятельность и в СССР, и в эмиграции, превращал бы Троцкого в банального «ренегата». Более отвратительного образа коммунистическая мифология, кажется, не смогла создать, и этот образ прочно сидел в мозгах Троцкого.

Более того, и в книге «Сталин», и в других работах последних лет жизни Троцкий продолжал утверждать, что в СССР сохранилась коллективная собственность на средства производства (между коллективной и государственной собственностью ставился знак равенства, и Троцкий не мог не понимать спекулятивности такого подхода), что Советское государство продолжает оставаться рабочим, хотя и «дегенерирующим» рабочим государством. Для обоснования этого тезиса он упорно применял марксистско-ленинскую догматику, прежде всего диалектику в ее ленинском понимании. Троцкий настаивал, что в СССР нужна революция, а не реформа. Полагая необходимым революционное преобразование СССР, он, в полном соответствии со своей оценкой советской социальной системы,

продолжал отстаивать выдвинутую им ранее теорию, что весьма желаемая им теперь революция должна ставить весьма узкую задачу: отстранить от власти Сталина и его клику, покончить со всевластием бюрократических сил в СССР.

Призывая возвратиться к истинному ленинизму, Троцкий видел себя единственным законным носителем этого учения, прямым последователем Ленина. Как и Сталин, он видел себя «Лениным сегодня». В то же время Сталин, представляя своего основного врага как некоего дьявола, исчадие ада, виновника всех недостатков и трудностей, переживаемых СССР, как зловещую тень, маячившую за спиной всех оппонентов (почти исключительно вымышленных), прилагал неимоверные усилия для организации убийства Троцкого и этим поднимал его на свой уровень.

Троцкий всячески оправдывал в своей книге почти все, что делалось при Ленине: «почти все», ибо были моменты, в отношении которых автор выражал ретроспективное мягкое несогласие с позицией Ленина, например, осторожно критиковал резолюцию «О единстве партии», навязанную Лениным X съезду РКП(б) в 1921 г. и положившую конец даже внешнему подобию демократии в большевистской среде. Троцкий всячески пытался доказать, что партия стала превращаться в «орден меченосцев» (выражение Сталина) именно после смерти Ленина, но никак не в ленинский период, что именно под властью генсека она стала, с одной стороны, своего рода совокупным начальством и, с другой, дисциплинированной и покорной армией, послушно следующей любой, в том числе самой преступной, команде партийного руководства. В подтверждение этой концепции Троцкий аккуратно подбирал всевозможные факты и свидетельства.

Значительный интерес представляли данные Троцким оценки сталинской внешней политики, курса кремлевского хозяина в области международного революционного движения, деятельности Коммунистического интернационала, советско-германских отношений накануне и в самом начале Второй мировой войны. Троцкий обращал особое внимание читателей на отказ Сталина от курса на мировую революцию и на его сговор с германским нацизмом, но упорно сохранял свою оценку внутреннего положения СССР как рабочего государства, сохранявшего социалистические потенции. Тем не менее в коммунистической и прокоммунистической литературе его выводы касательно перехода Сталина от интернационализма к национализму, а затем и к прямому союзу с Гитлером были наиболее убедительными и документированными. И это поставило труд Троцкого на выдающееся место в историографии,

оценивающей Сталина и сталинизм.

3. Последние тексты и начало Второй мировой войны

Работая над книгой о Сталине, Троцкий не прекращал писать политико-публицистические статьи, посвященные текущим событиям, международной ситуации, интернациональным задачам троцкистов. В его публицистике наибольшее внимание тоже уделялось Сталину. Во-первых, в условиях назревавшей, а затем начавшейся Второй мировой войны позиция СССР привлекла всеобщее внимание, а во главе Советского Союза стоял советский диктатор Сталин, и именно он определял внутреннюю и внешнюю политику огромной страны. Во-вторых, Троцкий невольно переносил направленность «Сталина» и на материалы, которые готовил для публикации в газетах и журналах. Наконец, в мексиканском изгнании у Троцкого вновь пробудился интерес к мемуаристике, а в воспоминаниях он обращался к драматическим сюжетам, в которых особенно часто на первый план выходил все тот же Сталин, обыгравший его в политических баталиях и выславший на «планету без визы».

Первым из публицистических откликов и на московские процессы, и на роль в них Сталина, и на итоги контрпроцесса явилась обширная статья, которую Троцкий посвятил памяти своего старшего сына, назвав ее «Их мораль и наша»[867]. Внешне статья была посвящена традиционному коммунистическому тезису о классовой обусловленности нравственности и о кризисе демократической морали в принципе. Этот тезис дополнялся утверждением о том, что не только цель должна оправдывать средства, но и сама по себе цель должна быть оправданна. Здесь автор ступал на скользкий путь рассуждений о соотношении между целью и средствами, втягивался в софистический клубок, из которого невозможно было выпутаться. Однако на самом деле статья была о другом — о глубочайшей аморальности высшего советского руководства и о тех проповедниках общечеловеческой морали на Западе, которые по разным причинам поддерживали Сталина и его клику. «Раболепство, лицемерие, официальный культ лжи, подкуп и все другие виды коррупции начали пышно расцветать в Москве уже в 1924–1925 гг. Будущие судебные подлоги открыто готовились на глазах всего мира. В предупреждениях недостатка не было. Однако «друзья» не хотели ничего замечать», — писал Троцкий, забывая, что первые показательные процессы происходили при нем, еще в тот период, когда сам Троцкий был у власти, и он всегда с энтузиазмом

участвовал в этих судебных разбирательствах (пока был членом правительства).

Троцкий внимательно следил за третьим московским процессом — «процессом 21-го», который был нелепо, по его мнению, назван Сталиным судом над «правотроцкистским блоком». Этот спектакль разыгрывался, как и предыдущие два, в Доме союзов 2—13 марта 1938 г. По общему мнению наблюдателей, это была наиболее важная судебная расправа, ибо четырьмя главными обвиняемыми были крупнейшие большевистские лидеры: теоретик и идеолог Бухарин, бывший председатель Совнаркома Рыков, бывший секретарь ЦК и заместитель наркома иностранных дел Крестинский, бывший глава украинского советского правительства и известный деятель международного коммунистического движения Раковский. Вместе с ними на скамье подсудимых находились бывший нарком внутренних дел Ягода, готовивший предыдущие судебные процессы, несколько известных кремлевских врачей, которых обвиняли в подготовке убийств советских государственных деятелей, и ряд второстепенных лиц, фигурировавших в качестве «амальгамы» как «исполнители» вредительских замыслов. В их числе был, между прочим, и П.П. Буланов, который в 1929 г. по указанию Сталина депортировал Троцкого в Турцию.

По просьбе Троцкого из Парижа ему посылали материалы, связанные с современным политическим положением в СССР. Иногда это были размышления и даже пересказанные слухи, труднопроверяемые и не всегда правдивые. Но отсеивать верное от неверного в тех условиях было действительно трудно. 14 февраля 1938 г. Эстрина писала Троцкому, что за несколько дней до этого она беседовала с иностранным журналистом, высланным из СССР. Этот «умный и наблюдательный человек» высказал мнение, что «никакого троцкизма ни в России, ни тем более в партии нет». Он поведал также, что бывший председатель Совнаркома Рыков расстрелян, что Орджоникидзе умер от отравления и что члены Политбюро, кроме Ежова, настроены против Сталина. Из этих сведений и рассуждений следовал прогноз о том, что положение «острого террора» долго продолжаться не может. «Если Сталин не сдаст позиций и не утихомирит страну сам, он будет свергнут либо армией, либо рабочими, среди которых растет острое недовольство всем режимом»[868]. Как это обычно бывает, лишь небольшая часть предположений соответствовала действительности.

Мексиканский изгнанник стал набрасывать первые свои отклики на новое судилище еще до его открытия, сразу после появления в печати обвинительного заключения, за четыре дня до

начала самого процесса. Он подчеркивал, что Сталин похож на человека, пытающегося утолить жажду соленой водой. Он инсценирует дальнейшие судебные подлоги, становясь жертвой собственной политики[869]. После начала суда, 3 марта, Троцкий написал для газеты «Нью-Йорк тайме» статью об открывшемся разбирательстве, которая была опубликована на следующий день[870]. 4 марта он дал интервью представителю французского агентства «Гавас», в котором показал лживость главных обвинений и по адресу подсудимых, и в отношении его самого[871]. В следующие дни одна за другой писались статьи об общих задачах этого процесса и его отдельных эпизодах, о тех людях, которых Троцкий хорошо знал и которые теперь были обречены на гибель от рук кремлевского убийцы. Апрельский номер «Бюллетеня оппозиции» открывался передовой статьей «Каин Джугашвили идет до конца», написанной Троцким 17 марта[872]. Столь резких, исполненных ненавистью публикаций о Сталине Троцкий ранее себе не позволял: «Из-за спины «великого» Сталина глядит на человечество тифлисский мещанин Джугашвили, ограниченный и невежественный пройдоха. Механика мировой реакции вооружила его неограниченной властью. Никто не смеет критиковать его и даже подавать ему советы. Его помощники, вышинские и ежовы, до мозга костей развращенные ничтожества, не случайно заняли свои высокие посты в системе тоталитарного самодурства и разврата. Подсудимые, из которых большинство выше обвинителей несколькими головами, приписывают себе планы и идеи, порожденные гением современного Кречинского[873] и разработанные кликой гангстеров… А за стеной Каин Джугашвили потирает руки и зловеще хихикает: какой трюк он придумал для обмана солнечной системы!»

Троцкий явно идеализировал положение, полагая, что вокруг «Каина» накапливается народная ненависть, что над головой Сталина нависает страшная месть. При этом в статье отвергался террористический акт как средство расправы с диктатором: «Поскольку вообще нас может занимать личная судьба Сталина, мы можем лишь желать, чтоб он пережил крушение своей системы. Ждать ему придется не так уж долго. Победоносные рабочие извлекут его и его сотрудников-гангстеров из-под обломков тоталитарной мерзости и заставят их сдать на действительном суде отчет о совершенных им злодеяниях», — писал Троцкий. Как и в массе других случаев, он оставался в этом вопросе романтиком и утопистом. Души миллионов людей в СССР наполняла не сознательная ненависть к диктатору, а смертельный страх, смешанный с восторженным преклонением

толпы перед божеством во плоти, вершителем их судеб. Но и в судьбе Троцкого эта его работа не могла не сыграть зловещей роли. Сталин ее, безусловно, прочитал, подчеркивая, видимо, как он обычно делал, цветными карандашами наиболее яркие моменты.

Особое место в публицистике Троцкого в последний год его жизни отводилось советско-германским отношениям накануне и в начальный период Второй мировой войны. В этом вопросе автор был беспощаден и разоблачителен, проявляя в то же время высокую степень проникновения в глубинную сущность дипломатической активности обоих «заклятых друзей», разумеется в пределах той скудной информации, которая просачивалась и была ему доступна. Троцкий отмечал, что Сталину было присуще буквально восторженное отношение к Гитлеру еще со времени «ночи длинных ножей» — с 30 июня 1934 г., когда фюрер расправился с негласной внутренней оппозицией в нацистской партии. Лидер альтернативного коммунистического течения был в числе тех немногих наблюдателей, которые отметили поворот Сталина к сближению с Гитлером с момента произнесения отчетного доклада на XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 г. Анализу международного раздела этого доклада Троцкий посвятил небольшую, но весьма емкую статью «Капитуляция Сталина», помещенную в «Бюллетене оппозиции» и тотчас же переведенную для публикации в американских, английских, французских и других периодических изданиях[874]. «Отказ от политики «союза демократий» дополняется немедленно униженным пресмыкательством перед Гитлером и усердной чисткой его сапог. Таков Сталин!» — писал Троцкий. Впрочем, он был осторожен и не делал окончательного вывода о том, опирается ли доклад Сталина на уже достигнутое секретное соглашение с Гитлером, или же это только пробный шаг, «одностороннее предложение руки и сердца» Гитлеру. Склонялся Троцкий ко второму варианту, и оказался в этом конкретном вопросе прав[875].

Еще 21 июня 1939 г., то есть за два месяца до подписания советско-германского договора о ненападении, была написана статья «Загадка СССР»[876]. Рассматривая советские альтернативы на международной арене, возможный выбор союзников, Троцкий приходил к выводу, что Сталин предпочитает союз с Гитлером блоку с западными демократиями и пойдет на последний только в случае явной неудачи инициативных действий на германском направлении, которые для советского руководства были оптимальнее. «Советский Союз мог бы систематически доставлять Германии почти все не хватающие ей виды сырья и

продовольствия. Германия могла бы доставлять Советскому Союзу машины, промышленные продукты, а также необходимые технические рецепты как для общей промышленности, так и для военной… Москва охотно предоставила бы Берлину полную свободу в его внешней политике по всем направлениям, кроме одного: на Восток», — писал Троцкий, понимая, что и сам бы он именно так поступил на месте Сталина, если бы стоял во главе страны.

Сталин «меняет принципы своей политики именно для того, чтобы не сменили его самого, — считал автор. — Московская олигархия во всяком случае не переживет войны, которой она так основательно страшится. Падение Сталина не спасет, однако, Гитлера, который с непогрешимостью сомнамбулы влечется к величайшей исторической катастрофе». И в этом Троцкий оказался прав лишь отчасти: Гитлер действительно «пал», а вот Сталин вышел из войны победителем, его «не сменили», «московская олигархия» войну пережила.

В следующих статьях Троцкий показывал, как Сталин стал «адъютантом Гитлера» после заключения договора о ненападении 23 августа 1939 г[877]. Хотя Троцкий, разумеется, не знал о существовании дополнительного секретного протокола о разделе сфер влияния в Европе, он по косвенным признакам понимал, что такого рода соглашение существует. Для осознания этого не нужно было быть тонким наблюдателем. На глазах у всего мира происходил советско-германский раздел Польши, аннексия Советским Союзом Прибалтийских республик, Бессарабии, Северной Буковины и части Финляндии. Все эти судьбоносные события не могли произойти без предварительной договоренности между СССР и Германией, тем более что раздел Польши был затем зафиксирован советско-германским договором о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г., ставшим, в отличие от дополнительного секретного протокола от 23 августа, достоянием мировой печати.

Автор утверждал, что роль Сталина в союзе с Гитлером была вспомогательной, что Гитлер по своей инициативе предоставил Сталину свободу действий в отношении Прибалтийских стран и Финляндии. Причины вступления Сталина в союз с нацистской Германией Троцкий видел в том, что СССР не готов был вести большую войну, что такая война не была бы поддержана народом и поэтому Сталин всячески стремился от большой войны уклониться. Тем не менее Троцкий считал, что война Германии с СССР неизбежна и поддерживающий Германию Сталин при известных условиях «может пересесть на другого коня». Троцкий считал, что Вторая мировая война — последний шанс,

предоставленный историей для победы мировой революции. В статье «СССР в войне» он делал поразительное допущение: «Если бы международный пролетариат, в результате опыта всей нашей эпохи и нынешней новой войны, оказался неспособен стать хозяином общества, то это означало бы крушение всяких надежд на социалистическую революцию, ибо никаких других более благоприятных условий для нее нельзя ждать… Как ни тяжела эта вторая перспектива, но, если бы мировой пролетариат действительно оказался неспособен выполнить миссию, которую возлагает на него ход развития, не осталось бы ничего другого, как открыто признать, что социалистическая программа, построенная на внутренних противоречиях капиталистического общества, оказалась утопией»[878].

Революционный оптимизм Троцкого оборачивался пессимизмом и требовал пересмотра основополагающей коммунистической догмы о том, что современная эпоха является эпохой пролетарских революций. Отказ от этой теории возможен был, по мнению Троцкого, в двух случаях: если по окончании Второй мировой войны Октябрьская революция не найдет продолжения ни в одной из передовых стран или если «пролетариат окажется отброшенным назад»[879].

Исключенный из Политбюро, отстраненный от власти и высланный из страны много лет назад Троцкий, разумеется, не догадывался о планах и мыслях Сталина применительно использованию конкретной внешнеполитической ситуации лета и осени 1939 г. Между тем взгляды на происходившее в те дни у Троцкого и Сталина в чем-то совпадали. Сталин тоже считал, что грядущая мировая война предоставляет СССР последний шанс установить в Европе коммунистическую систему правления под главенством Советского Союза (и под диктатом Сталина). Советско-германские отношения, предшествовавшие подписанию 23 августа 1939 г. пакта Молотова — Риббентропа, названного так по именам государственных деятелей, его подписавших, — председателя Совнаркома и наркома иностранных дел Вячеслава Молотова и министра иностранных дел Германии Иоахима фон Риббентропа[880], имели свою непростую историю, частью которой Троцкий уже не был.

Стратегия Сталина в отношении революции в Германии отличалась и от прямолинейного подхода Маркса и Троцкого, рассчитывавших на восстание германского рабочего класса, и от антифранцузских планов Ленина, стремившегося толкнуть немцев на создание «фронта на Рейне». Сталин хотел уничтожить все центристские политические группы и оставить противостоящими друг другу нацизм и большевизм. Он

справедливо считал, что основной силой мировой революции является СССР и остальные иностранные компартии выполняют вспомогательные функции. В рамках такой программы в 1929–1939 гг. все силы советской коминтерновской и внешней политики в отношении Германии были направлены на подрыв Веймарской республики, на прямую поддержку нацистских забастовок, на провоцирование вооруженных столкновений с демократией. Поэтому начиная с 1933 г. задачей Сталина было заключение союза с немецкими милитаристами и Гитлером, а тактика «единого фронта» в Европе в 1934–1939 гг. для Сталина была лишь прикрытием политики подготовки соглашения с нацистами. Если бы Сталин планировал заключить союз с Англией и Францией против Германии, он вел бы открытые переговоры с Германией и тайные — с Францией и Англией. Но Сталин рассчитывал заключить соглашение именно с Гитлером. Поэтому он вел открытые переговоры с Англией и Францией и тайные — с нацистским правительством.

На этом фоне Европу потряс удар, который позже историки сравнят только с началом Второй мировой войны: «мюнхенский сговор». Мюнхенское соглашение было подписано Францией и Англией для того, чтобы предотвратить войну. Это была последняя отчаянная попытка пацифистски настроенных Франции и Англии, принеся в жертву часть Чехословакии, умиротворить Гитлера и любой ценой сохранить мир в Европе. К 1938 году ситуация в Европе для западных демократий сложилась катастрофическая. В Италии у власти был Муссолини. В Германии — Гитлер. В Испании — Франко. Австрии уже не было: в результате аншлюса она стала частью германской империи. В Португалии и Венгрии у власти были диктаторы.

Формально говоря, существовал договор между Францией, Чехословакией и СССР. В случае нападения Германии на Чехословакию чехословацкое правительство должно было официально обратиться к Франции и СССР с просьбой об оказании военной помощи. И во всех советских книгах подробно описано, как именно Советский Союз готов был эту помощь оказать, сколько дивизий СССР имел, сколько самолетов и сколько танков стояло наготове… Но в сентябре 1938 г. из-за Чехословакии никто не хотел и не готов был воевать: ни Франция, ни Англия, ни Советский Союз, ни даже Чехословакия. Президент Чехословакии Эдуард Бенеш в критический момент действительно послал Сталину телеграмму, формально обращаясь к Советскому Союзу за помощью, предусмотренной договором. Но ответа на эту телеграмму Бенеш вовремя не получил. Советское правительство тянуло с ответом. Вскоре

Бенеш прислал новую телеграмму, извещающую Сталина, что Чехословакия приняла условия капитуляции и от военной помощи Красной армии отказывается.

Понятно, что советское правительство в тот период воевать с Гитлером из-за Чехословакии не планировало. Переговоры о советской военной помощи Чехословакии велись Сталиным исключительно для того, чтобы получить разрешение Польши на проход к чехословацкой границе. Оккупация Польши вообще была комплексом Сталина. Антипольский комплекс Сталина можно было сравнить только с антисемитским комплексом Гитлера. Поляки это хорошо понимали и согласия на проход советских войск через Польшу не давали, так как полякам было очевидно, что Красная армия, однажды войдя в Польшу, из нее уже никогда не уйдет. Так показывали уроки российско-польских отношений многих веков.

На поляков давили Франция, Англия, Чехословакия и Советский Союз, но поляки впустить советские войска не согласились. (То же самое, только уже без Чехословакии, повторится в 1939 г. при переговорах советского правительства с Францией и Англией о пакте о взаимопомощи на случай агрессии Германии. Советский Союз снова готов будет подписать договор с Францией и Англией, но при условии согласия Польши на проход советских войск через ее территорию.)

Советский Союз действительно не граничил с Германией, Францией и Чехословакией. Но почему, собственно, Франция и Англия, настаивавшие на соблюдении условий Версальского договора все 20-е гг., не готовы были объявить войну Гитлеру в 1938 г. в связи с требованием нацистов отдать Германии судетскую часть Чехословакии, населенную в существенной части этническими немцами? Почему нужно было соглашаться на «раздел» Чехословакии? Прежде всего потому, что Англия и Франция не были готовы предстать перед своими избирателями агрессорами. Из-за судетских немцев, то есть этнических немцев, живших в Чехословакии и желавших присоединения к Германии, начинать Вторую мировую войну в 1938 г. Европа была не готова. Впрочем, и в марте 1939 г. из-за оккупации Гитлером оставшейся части Чехословакии Европа тоже не была готова начать войну. Что воевать, если сама Чехословакия сдается без сопротивления!

В марте 1939 года Гитлер не рисковал большой войной. Он знал, что из-за Чехословакии большую войну начинать никто не будет. Он вообще не верил уже в большую войну. С оккупацией Чехословакии в марте 1939 г. он решил все внешнеполитические задачи, стоявшие перед рейхом. Кроме одной: уничтожение европейского и мирового еврейства. Этнические немцы были

объединены в границах империи. Экономика Германии была на подъеме. Все ограничительные статьи Версальского договора были аннулированы временем (Гитлер просто перестал их выполнять). Собственность немецких евреев была экспроприирована. Сами они лишены были всех прав, изгнаны из рейха либо арестованы и отправлены в лагеря. Именно в этот момент, когда малой кровью Гитлер добился для Германии всего, чего хотел, Сталин пригласил Гитлера к столу переговоров. Это приглашение было открытым и демонстративным. 3 мая 1939 г. председатель Совнаркома Молотов, русский по национальности, сменил на посту наркома иностранных дел еврея Литвинова, с которым Гитлер никогда не сел бы за стол переговоров в силу физиологического антисемитизма. Замена еврея Литвинова на русского Молотова была сигналом Сталина о готовности начать серьезные переговоры с германским правительством. Этот сигнал был услышан, приглашение было принято.

Гитлер, конечно, знал о польском комплексе Сталина и бесконечных требованиях советского правительства к полякам разрешить Красной армии проход через польскую территорию. Гитлер понимал, что Сталин хочет получить Польшу. Поэтому напасть на Польшу без предварительного соглашения со Сталиным о разделе польской территории Гитлер не мог. Смысл августовских соглашений 1939 г. между Гитлером и Сталиным, если иметь в виду Польшу, заключался в том, что советские и германские войска одновременно атакуют польские границы и стирают Польское государство с лица земли, причем Германия в очередной раз избегает большой войны, так как при соучастии СССР в разделе Польши Франция и Англия не рискнут выполнить условия договора о взаимопомощи, не придут к Польше на помощь, а пойдут по чехословацкому сценарию.

В августе 1939 г., в тот момент, когда после оккупации Чехословакии в марте 1939 г. Европе показалось, что большая война с Гитлером может и не начаться, Сталин развязал Вторую мировую войну. Именно Сталин — потому что Сталин очень хорошо знал, зачем он подписывает с Гитлером советско-германский пакт о ненападении вместе с секретным протоколом, оговаривающим, какие страны входят в сферу влияния СССР.

К августу 1939 года у советского правительства был выбор. Сталин мог подписать соглашение с Францией и Англией о взаимопомощи. Согласно такому соглашению в случае нападения Германии на Францию — а это единственная великая держава, на которую могла напасть Германия, так как с Англией и СССР она не имела границ, — СССР и Англия должны были бы прийти на помощь Франции. При отсутствии разрешения Польши на проход

Красной армии через польскую территорию Советский Союз реально не мог ничем помочь Франции и Англии. Правда, Советский Союз мог соблюдать благожелательный нейтралитет. Но это все, что он мог сделать. Подписание такого договора между СССР, Францией и Англией привело бы к тому, что Гитлер не стал бы нападать ни на Францию, ни на Польшу. Потому что при существовании договора между Францией и Советским Союзом Сталин должен был бы объявить Германии войну. На такой риск в августе — сентябре 1939 г. Гитлер пойти не мог.

Разумеется, Сталин рисковал тем, что Советский Союз уже в сентябре 1939 г. мог быть втянут в нежелательную тогда войну с гитлеровской Германией. Поэтому у Сталина был другой вариант внешнеполитической игры. Абсолютно спокойный вариант. Он мог не подписывать договор с Францией и Англией и не подписывать соглашений с Гитлером. В этом случае сценарий сентября 1939 г. выглядел бы для Гитлера несколько лучше. В первом случае Советский Союз оказывался в состоянии войны с Германией в случае нападения Гитлера на Польшу и Францию. Во втором — Советский Союз оставался нейтральным. Тогда Гитлер должен был бы оккупировать всю Польшу и выйти к советским границам августа 1939 г., что создало бы для Гитлера риск нового витка военных столкновений, теперь уже с Красной армией, и начала войны на два фронта. Трудно предполагать, что сталинский Советский Союз и гитлеровская Германия — два агрессивных государства, возглавляемые иррациональными параноиками, — смогут долго прожить в мире. Чтобы не иметь общей границы с СССР, Гитлер мог оккупировать только Западную Польшу, сделав из Восточной Польши буферную зону. Но сколь долго могло просуществовать такое «буферное» состояние — не ясно. Но по крайней мере, и в случае появления общей границы с Германией, и в случае создания буферной Восточной Польши Советский Союз какое-то время мог не участвовать в большой европейской войне и наблюдать со стороны, как Гитлер расправляется с остальной Европой.

Конечно, главный риск для Сталина заключался в том, что Гитлер мог не начать большую войну в Европе. Вообще не начать. Он мог в сентябре 1939 г. ограничиться в отношении Польши решением одной «данцигской проблемы». Суть «данцигской проблемы» заключалась в том, что в районе Данцига проживали этнические немцы. Гитлер ставил вопрос об их воссоединении с Германией. Для этого требовалось не только передать Германии Данциг, но и создать коридор — его называли данцигский коридор — для связи Данцига и остальной Германии. Понятно, что для передачи этих польских территорий Германии

требовалось согласие Польши. Но у Гитлера уже был удачный для него мюнхенский опыт, и с Данцигом он планировал разыграть тот же сценарий, что и с судетской частью Чехословакии, населенной этническими немцами: сначала, шантажируя Францию, Англию и Польшу угрозой большой войны, получить Данциг и коридор; а затем, обвиняя поляков в несоблюдении каких-то условий соглашения, войти в Польшу под предлогом защиты интересов этнических немцев в Польше и оккупировать Западную Польшу. В конечном итоге сентябрь 1939 г. для Польши все равно наступил бы, но произошло бы это не в сентябре 1939 г., а позже, например в 1940–1941 гг. Западную Польшу Гитлер рассчитывал оккупировать без большой войны. В конце концов, позволили же ему Англия, Франция и Советский Союз оккупировать в 1938–1939 гг. Чехословакию. Чем Польша лучше?

Зачем же при таком развитии событий Гитлеру нужен был договор о ненападении со Сталиным? Гитлер опасался, что Сталин, несмотря на отсутствие договора о взаимопомощи с Францией, вступит в войну, пересечет границу Польши (с согласия или без согласия поляков) и откроет Восточный фронт против германской армии. Такой сценарий для Гитлера был крайне невыгоден и опасен. Соответственно, Гитлер не мог идти на столь огромный риск в сентябре 1939 г. Не подписав со Сталиным договора о ненападении, Гитлер не мог начать войну против Польши. Гитлер мог начать войну только в одном случае — если Сталин, со своей стороны, давал обязательства не поддерживать Францию и Англию и не открывать против Германии второй Восточный фронт. Для этого немцам было абсолютно необходимо подписать с Советским Союзом договор о ненападении до начала наступательных операций против Польши.

Понятно, что платой за такой выгодный и необходимый Гитлеру договор было согласие Германии на оккупацию Советским Союзом ряда восточноевропейских стран. 20 августа 1939 г. торопившийся с решением польского вопроса Гитлер написал письмо Сталину, в котором открыто сообщил, что планирует нападение на Польшу и поэтому заинтересован в скорейшем подписании договора о ненападении. Гитлер просил у Сталина разрешения срочно прислать для переговоров в Москву Риббентропа для подписания пакта о ненападении и секретного протокола о разделе сфер влияния в Восточной Европе. Сталин ответил согласием. Пресловутое Мюнхенское соглашение подписывалось для того, чтобы сохранить мир. Советско-германский договор подписывался Гитлером и Сталиным для того, чтобы начать войну. Именно поэтому торопился Гитлер.

Именно для того, чтобы помочь Гитлеру поскорее начать войну в Европе, Сталин согласился срочно принять Риббентропа в Москве.

23 августа в Москву прилетел Риббентроп. В тот же день были подписаны советско-германский договор о ненападении и секретный дополнительный протокол. Упрощенно говоря, по протоколу Россия получала Прибалтику, Восточную Польшу, Финляндию и Бессарабию. Обратим внимание на то, что Гитлер не просил Сталина дать согласие, например, на оккупацию Франции, Бельгии, Голландии и других европейских государств. Гитлеру нужно было лишь согласие Сталина на войну с Польшей. Гитлер и в этот период все еще надеялся избежать большой войны. Эта тема обсуждалась Гитлером во время встречи с Муссолини 15–16 апреля 1939 г., то есть вскоре после оккупации Чехословакии. Тогда руководители двух государств согласовали сроки начала большой войны: не ранее 1943 г. Пока что на календаре был август 1939 г.

31 августа Молотов выступил с длинной внешнеполитической речью перед Верховным Советом СССР. 1 сентября, вдень, когда Германия напала на Польшу, речь была опубликована в «Правде». Смысл речи был в том, что вчера еще фашистская Германия была врагом. Сегодня она стала другом. Как и все остальное человечество, Троцкий прочитал эту речь. С этого момента не могло уже быть непонимания того, что задумал Сталин и какие на эту тему есть соглашения между Сталиным и Гитлером.

Сталин мог остановить Вторую мировую войну. Все, что он должен был для этого сделать, — это подписать с Францией и Англией пакт о взаимопомощи и отказаться от собственных планов по захвату Польши или Восточной Польши. Больше ничего Сталин не должен был делать для того, чтобы предотвратить агрессию Гитлера и большую войну в Европе. Но у Сталина были прямо противоположные задачи — развязать Вторую мировую войну, заставить Гитлера влезть в большую войну и на этом троянском коне въехать в Европу, и Восточную и Западную, и захватить ее. Глупый Гитлер попал в западню, устроенную Сталиным. 1 сентября Гитлер атаковал Польшу. Днем 3 сентября сначала Англия, затем Франция объявили Германии войну. Вечером 3 сентября германское правительство послало первую спешную сверхсекретную телеграмму в Москву с просьбой как можно скорее начать военные действия против Польши. Почему?

Во-первых, немцы несли потери. Конечно, эти потери, как потом выяснилось, были несоизмеримо малы по сравнению с потерями польской армии, но все-таки впервые за всю историю гитлеровской агрессии в Европе немцы несли потери,

исчисляемые тысячами. Во-вторых, немцам важно было предотвратить ситуацию, когда польская армия отступает на восток в советскую сферу влияния, куда по договору о ненападении с СССР не могут входить немцы. В-третьих, Гитлер хотел продемонстрировать и Польше, и Англии с Францией, что Сталин в этой войне является союзником Германии, а не союзником демократической Европы.

Но вот что еще очень важно. Если бы Сталин напал на Польшу 1 или 2 сентября, кто знает, Англия и Франция, может быть, не объявили бы войну Германии, а пошли бы по чехословацкой схеме. Но это тоже означало бы, что большая война в Европе не началась бы. А Германия и СССР вышли бы на общую границу в оккупированной ими Польше. Понятно, что в этом случае следующей большой войной стала бы советско-германская, а не Вторая мировая. Поэтому Сталин сделал то, что он сделал. Он выждал, когда Германия нападет на Польшу. Это во-первых. Он выждал, когда Франция и Англия объявят Германии войну. Это во-вторых. Он выждал, когда германское правительство дважды обратится к нему с настоятельной просьбой атаковать Польшу. И только после этого любезно согласился начать военные действия.

К вечеру 3 сентября 1939 г. перед Сталиным открылись потрясающие возможности. Он мог, как в августе, просто ничего не делать и отказаться от вторжения в Восточную Польшу. В этом случае он оставлял Гитлера один на один с поляками, французами и англичанами. Конечно, это было бы со стороны Сталина «не благородно», но с точки зрения интересов Советского государства и даже внешнеполитических планов лично Сталина такое решение было бы выгодно. Гитлеру пришлось бы, неся многотысячные потери, воевать со всей Польшей. Военная кампания против Польши заняла бы какое-то время. Франция не смогла бы долго смотреть на истребление поляков, не начав военных действий против Германии. После этого Англия тоже вынуждена была бы вмешаться, как могла. Правда, в тот момент Англия не на многое была способна, так как сухопутной армии для вторжения у нее не было, а авиация была в зачаточном состоянии. Но на море британский флот господствовал. Это было немало.

Если не идеализировать Сталина, а считать его достойным Гитлера злодеем, то и при таком подходе невмешательство Сталина приводило к выгодным для СССР результатам. Сталин втягивал Европу во Вторую мировую войну, то есть реализовывал свой коварный план о «ледоколе революции». Он получал все, кроме Восточной Польши, так как рисковал, что Восточная

Польша будет из-за военной необходимости занята немцами. Однажды захватив территорию Восточной Польши, немцы могли ее уже не покинуть, и новая советско-германская граница проходила бы по старой советско-польской границе 1939 г. Платой за возможную — только возможную, а не очевидную — отдачу Восточной Польши Германии было неучастие Советского Союза в Польской кампании Гитлера и действительный нейтралитет СССР в начинающейся войне в Европе.

Были и другие варианты. Сталин мог заявить, что объявление Францией и Англией войны Германии меняет международную ситуацию, при которой подписывался пакт о ненападении между Германией и Советским Союзом, и советское правительство аннулирует это соглашение вместе с его секретным протоколом. Разумеется, этот шаг Гитлер обязан был рассматривать как враждебный в отношении Германии со всеми последствиями. Такое заявление означало бы, что Советский Союз уже в 1939 г. вступает в мировую войну на стороне Польши, Англии и Франции. Но это же заявление могло заставить Гитлера отказаться от планов оккупации всей или Западной Польши и искать возможности для скорейшего урегулирования через посредничество, например, Италии начавшегося конфликта. Иными словами, Сталин мог предотвратить Вторую мировую войну даже после 3 сентября 1939 г.

Но Сталин не планировал останавливать германское вторжение в Польшу и начавшийся пожар Второй мировой войны. 5 сентября 1939 г., в ответ на запрос Риббентропа, Сталин подтвердил, что оставляет за собой права на Восточную Польшу, но пока что нападать не будет, даже если немцам и придется в ходе военной кампании и в связи с военной необходимостью то тут, то там вторгнуться в советскую зону влияния. Почему Сталин принял именно такое решение? Во-первых, потому, что в случае советского вторжения в Польшу и быстрой советско-германской оккупации этой страны Вторая мировая война могла затухнуть, не разгоревшись, и ограничиться исчезновением Польши с карты мира. Собственно, именно на это рассчитывал Гитлер. Во-вторых, Сталин принял решение не нападать пока на Польшу, чтобы поляки дольше и лучше сопротивлялись немцам и, соответственно, несли как можно большие потери. Чем дольше поляки воюют с немцами, тем слабее они будут сопротивляться советской агрессии. В-третьих, если бы Польша была поглощена СССР и Германией уже в первые дни сентября, стоило бы ради нее начинать большую войну? Наконец, Сталин не торопился вступать в войну, чтобы и немцы несли как можно большие потери в Европе и втянулись в мировую войну в рамках

генеральной линии Сталина на превращение Германии в «ледокол революции».

Сталин планировал начать выдвижение в Восточную Польшу только после того, как немецкие войска захватят Варшаву. Тогда советское правительство заявит, что Польша — это «уродливое детище Версальского договора» — как назовет Польшу в своей речи Молотов — распалась и Красная армия вступает в Польшу для защиты живущих там украинцев и белорусов. 14 сентября Молотов потребовал захвата немцами Варшавы как предварительного условия для начала военных действий Красной армии против Польши. Но был один деликатный момент — угроза того, что Германия, захватив Варшаву и Западную Польшу, заключит с польским правительством соглашение о перемирии. И тогда перед Сталиным снова возникнет старая угроза — угроза того, что Вторая мировая война затухнет, не разгоревшись. Поэтому 10 сентября советское правительство сообщило в Берлин, что начнет военные действия против Польши, если немцы, со своей стороны, пообещают не заключать с поляками перемирия. 13 сентября Риббентроп заверил Сталина, что «вопрос о необходимости заключения перемирия с Польшей» германским правительством «не ставится».

Разумеется, ни о чем этом Троцкий не знал. Он читал лишь открытую прессу. В статье «Сталин после финляндского опыта» (о советско-финской «зимней» войне 1939–1940 гг.) и в ответах на вопросы американского журналиста Ю. Клеймана[881] бывший вождь революции и бывший член Политбюро ЦК ВКП(б) указывал, что никакие возможные военно-тактические выгоды, полученные Советским Союзом в результате расширения своей территории в западном направлении, не компенсировали морально-политического ущерба, понесенного СССР из-за союза Сталина с Гитлером. Автор напоминал слова Робеспьера, что народы не любят миссионеров со штыками: «Вторжение Красной армии воспринимается народными массами не как акт освобождения, а как акт насилия и тем облегчает империалистическим правительствам мобилизацию мирового общественного мнения против СССР. Вот почему оно в конечном счете принесет защите СССР больше вреда, чем пользы», тем более что, как полагал Троцкий, эти вторжения, как и нападение на Финляндию, встретили молчаливое осуждение со стороны народов СССР. (И этот вывод говорил о полном отрыве Троцкого от советской действительности 1939–1940 гг.) Гитлер же, по мнению Троцкого, при помощи советско-финской войны скомпрометировал Сталина и еще теснее привязал его к своей колеснице, спровоцировав исключение СССР из Лиги Наций, как агрессора. При этом

Троцкий делал вывод, который зачеркивал все написанные им с осуждением Сталина и советской внешней политики тексты: Троцкий объявлял, что присоединение к СССР новых стран и земель носит позитивный характер, так как предполагает проведение на присоединенных к Советскому Союзу территориях социалистических преобразований.

Своеобразным аналитическим и эмоциональным итогом в оценке личности Сталина явилась статья «Сверх-Борджиа в Кремле», заказанная американским журналом «Лайф» после того, как в этом журнале был опубликован автобиографический набросок Троцкого. Статья была подписана к печати 13 октября 1939 г. В сопроводительном письме в редакцию Троцкий отрицал элемент личной ненависти в оценке кремлевского владыки, причем делал это в весьма своеобразной манере: «Ненависть есть все же форма личной связи. Между тем нас со Сталиным разъединили такие огненные события, которые успели выжечь и испепелить без остатка все личное. В ненависти есть элемент зависти. Между тем беспримерное возвышение Сталина я рассматриваю и ощущаю как самое глубокое падение. Сталин мне враг. Но и Гитлер мне враг, и Муссолини, и многие другие. По отношению к Сталину у меня сейчас так же мало «ненависти», как и по отношению к Гитлеру, Франко или микадо. Я стараюсь прежде всего понять их, чтобы тем лучше бороться против них»[882].

Это, однако, были лишь словесные ухищрения. Глубочайшая ненависть к Сталину во многом предопределила содержание этой статьи, в которой, в частности, Троцким впервые развернуто описывалась история борьбы Ленина со Сталиным в последние месяцы жизни председателя Совнаркома и высказывалось предположение, что Сталин отравил Ленина.

«Лайф» оказался в сложной ситуации. Выступать с такими обвинениями против руководителя другого государства было рискованно и непривычно. Возникла не очень приятная, хотя и весьма вежливая переписка между редакцией и Троцким. От Троцкого требовали «менее гипотетических и более очевидных фактов», которые он, разумеется, представить был не в состоянии. Статья об отравлении Ленина Сталиным была не более как гипотезой, основанной на личном опыте автора и видения им Сталина. В конце концов редактор журнала Ноэл Буш отказался от публикации заказанной у Троцкого статьи, написав ему, что материал «может быть опубликован когда-то в будущем». Обещанный гонорар за отклоненный материал при этом был выплачен как автору, так и переводчику Маламуту[883].

Буш, однако, в то же время заверял Троцкого, что никакого

давления со стороны «сталинистской машины» оказано на него не было и если бы подобное давление было, то оно стало бы причиной решения редакции не публиковать материал Троцкого[884]. Такой ответ, разумеется, Троцкого не удовлетворил, он попрекал редакцию, угрожал судом, и американскому адвокату Троцкого Гольдману с трудом удалось объяснить вождю 4-го Интернационала, что тяжба по этому вопросу — дело бесперспективное, что в американском суде такое дело выиграть нельзя[885]. Еще несколько месяцев рукопись от отравлении Ленина кочевала из одного журнала в другой, пока, наконец, не была опубликована в сокращенном виде американским либеральным изданием «Либерти». Это случилось 10 августа 1940 г. А еще через 10 дней Троцкий был убит.

Осенью 1939 г. Троцкий позволил вовлечь себя в сомнительное (с точки зрения многих его сторонников) предприятие: в октябре в ответ на телефонный звонок и телеграмму «главного следователя» Меттьюза с приглашением выступить с «полным обзором истории сталинизма» он согласился дать свидетельские показания перед комиссией, возглавляемой конгрессменом США Мартином Дайесом и носившей официальное наименование Комиссии палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности. Разумеется, комиссия не пользовалась популярностью в радикальных и либеральных кругах, где ее рассматривали как инструмент преследования левых групп, хотя создана она была прежде всего для того, чтобы поставить вне закона нацистских агентов влияния и германских агентов в США. «Комиссия Дайеса желает иметь полный материал по истории сталинизма и приглашает Вас ответить на вопросы, которые могут быть Вам предоставлены заранее, если Вы этого пожелаете», — написал Меттьюз Троцкому в приглашении. Троцкий ответил: «Я принимаю Ваше предложение как политическую обязанность.

Я приму необходимые меры для преодоления практических трудностей. Прошу обеспечить те же условия для выезда моей жене. Она мне совершенно необходима для разыскивания соответствующих документов, цитат, дат в моих папках. Необходимо иметь Ваши вопросы как можно скорее для подбора необходимых документов». Троцкий просил также предоставить ему точные выдержки из показаний лидеров компартии США Фостера и Браудера, касающихся его личности[886].

Согласие Троцкого вызвало бурные споры в руководстве Социалистической рабочей партии США. Один из ее руководителей — Джеймс Бёрнхем — потребовал, чтобы Троцкий

отказался от выступления. В случае, если он на это не согласится, Бёрнхем предлагал выступить против Троцкого. Большинство в Политкомитете партии, однако, пришло к выводу, что выступление в комиссии принципиально не отличается от публикации статей в буржуазной прессе. Троцкий приготовил текст заявления, который собирался обнародовать немедленно по прибытии в США. Сущность его наиболее отчетливо была сформулирована в заключительных словах: «Когда рабочие поймут реакционную историческую роль сталинизма, они отвернутся от него с негодованием. Для того чтобы помочь в этом рабочим, я согласился выступить перед комиссией Дайеса»[887].

Можно полагать, что в принятии приглашения сыграло роль не только стремление использовать еще один канал распространения информации для разоблачения советского диктатора, но и общая стратегическая установка Троцкого на необходимость получения американской визы для въезда в США. Поездка, однако, не состоялась, так как сама комиссия отказалась по требованию Госдепа от приглашения Троцкого. Троцкий считал, что его не пустили в США, так как комиссия опасалась, что он расскажет «всю правду». Троцкий не уточнял, что именно он имеет в виду. Адвокат Троцкого думал иначе. 16 декабря 1939 г. он написал Троцкому, что, по мнению Госдепа, после въезда в США Троцкий мог отказаться вернуться в Мексику и Дайес был бы ответствен за сложившуюся деликатную ситуацию, не имевшую прецедентов[888]. Именно по этой причине председатель комиссии отозвал приглашение Троцкому. Въехать в США ему так и не удалось.

События, предшествовавшие началу Второй мировой войны, привели к немаловажным изменениям в 4-м Интернационале и его национальных секциях. Перед самой войной штаб-квартира Интернационального секретариата была перенесена в США[889]. Вскоре после начала войны туда же было переведено издание русского «Бюллетеня оппозиции». Предполагалось, что под покровительством сравнительно крепкой (по масштабам международных троцкистских организаций) Социалистической рабочей партии США организационные структуры Интернационала смогут выжить. Однако сама СРП оказалась вскоре в незавидном положении.

С одной стороны, принятый в 1940 г. закон о регистрации организаций, находящихся под контролем иностранных государств и ведущих политическую деятельность в США (известный как закон Вурриса — по имени внесшего его на рассмотрение конгресса Джерри Вурриса), вынудил СРП формально прервать связь с Интернационалом, так как с точки

зрения законодательства США эта организация считалась иностранной. Из конспиративных соображений СРП вынуждена даже была именовать себя партией из Новой Зеландии, благо в этом английском доминионе своей троцкистской партии не было. Так что в США СРП считалась самостоятельной, а в 4-м Интернационале — новозеландской. С другой стороны, в самой СРП в 1940 г. вспыхнули острые внутренние разногласия, касавшиеся позиции по отношению к Советскому Союзу. Советско-германский договор и участие СССР в оккупации Польши побудили одного из основателей партии — Макса Шахтмана — и ее ведущего пропагандиста профессора Джеймса Бернхема выступить с заявлениями о том, что СССР перестал быть «рабочим государством»; что там началась то ли реставрация капитализма, то ли возникновение «бюрократического коллективизма»; что 4-му Интернационалу следует решительно выступить не только против сталинского руководства, но и против СССР в целом и во всех случаях прекратить оказывать ему поддержку[890]. После бурных дискуссий, продолжавшихся более полугода, в СРП произошел раскол. Группа Шахтмана — Бёрнхема вышла из партии.

И без того малая по численности СРП превратилась в группку, не способную более оказывать влияния на политическую жизнь[891].

Можно полагать, что разногласиям и расколу в среде американских троцкистов активно способствовали советские агенты, внедренные в их среду. О том, что работе по разложению СРП уделялось повышенное внимание, свидетельствует рапорт начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР майора госбезопасности П.М. Фитина[892] в сентябре 1939 г. В нем, в частности, говорилось: «Американская троцкистская организация по количеству людей и по своим финансовым возможностям — самая сильная из всех троцкистских группировок, существующих в странах Европы[893]. Троцкий в своей контрреволюционной работе по руководству IV Интернационалом и отдельными троцкистскими группами Китая, европейских, южноамериканских стран опирается главным образом и в первую очередь на свои американские кадры. Наша разведывательная работа по борьбе с американскими троцкистами до сих пор остается только информационной. Для разгрома американской троцкистской организации есть все условия, недостает только специальных по этой линии работников в резидентуре, которые организовали бы эту работу. В резидентуре имеется один основной работник Гарри[894] по этой линии, которого необходимо по его болезни отозвать домой»[895].

Фитин считал необходимым командировать в США группу «специалистов» 5-го (иностранного) отдела ГУГБ НКВД[896]. Гарри (Рабинович) врач по образованию, разрабатывал троцкистов под маркой сотрудника Красного Креста. А аппарат советской резидентуры в США составлял в это время 15 человек, из которых опыт разведывательной работы имели только двое, а остальные являлись «молодыми чекистами со стажем с 1938 года»[897]. Так что на шпионаже за рубежом очевидным образом сказались последствия сталинских чисток.

Во всех этих внутрипартийных дрязгах СРП Троцкий целиком и полностью оставался на стороне группы Кэннона, продолжавшей вслед за ним придерживаться мнения, что никакие внешнеполитические шаги Сталина не могут изменить советского социального строя до той поры, пока средства производства остаются государственной собственностью. В манифесте под названием «Империалистическая война и пролетарская революция»[898], одобренном чрезвычайной конференцией Интернационала в Нью-Йорке 26 мая 1940 г.[899], Троцкий продолжал призывать к зашите СССР и одновременно к «революционному свержению бонапартистской клики Сталина». В заключении манифеста звучал все тот же неизменный мотив: «Независимо от хода войны мы выполняем нашу основную задачу: разъясняем рабочим противоположность их интересов интересам кровожадного капитала; мобилизуем трудящихся против империализма; проповедуем единство задач рабочих всех воюющих и нейтральных стран; призываем к братанию рабочих с солдатами в каждой стране и солдат с солдатами — по разные стороны фронта; мобилизуем женщин и молодежь против войны; ведем постоянную, упорную неутомимую подготовку революции — на заводе, в шахте, в деревне, в казарме, на фронте, во флоте».

Более того, ряд статей и писем, посвященных защите фракции Кэннона и осуждению позиции Шахтмана и Бернхема, уже после гибели Троцкого были включены сторонниками Кэннона в специальный сборник, которому было дано название «В защиту марксизма»[900]. Само название этого тома отлучало отступников не только от 4-го Интернационала, но и от основополагающего учения. Включенные в том документы были переведены на английский язык Истменом[901].

Шахтман и Бёрнхем тоже не молчали. В ответ на «Открытое письмо Джеймсу Бёрнхему»[902], в котором содержались обвинения в отступничестве от азов марксизма и диалектики, последний откликнулся не менее язвительным и, пожалуй, более аргументированным эссе под названием «Наука и стиль»[903]. Здесь доказывалось, что сам Троцкий перешел на консервативные

позиции, хотя и цеплялся упорно за собственные устаревшие взгляды. Пожалуй, никогда Троцкого не атаковали так остро и энергично из рядов его собственных сторонников, как это было сделано Бёрнхемом. В конце своей жизни Троцкий, таким образом, поставил себя в крайне сложное положение. Он ожесточенно, внешне аргументированно, нападал на тех, кто, по его мнению, перегибал палку в критике сталинизма, отождествлял сталинизм с самим СССР и ставил знак равенства между диктатурой Сталина и «диктатурой пролетариата». Он непримиримо спорил с теми, кто оспаривал мнение, что СССР остается пролетарским государством, что в нем сохраняются экономические и социальные основы того, что было завоевано Октябрем. Троцкий полагал, что сталинская диктатура лучше, чем «реставрация капитализма»; и лучше, чем меньшевики или другие социалистические партии. В прессе Троцкий высказывал это завуалированно. В личной переписке — открыто. «Если бы в СССР у нас был выбор между сталинистами и меньшевиками, мы бы, очевидно, выбрали сталинистов, поскольку меньшевики лишь могут служить прислужниками буржуазии»[904], — писал он Сержу.

Одновременно Троцкий столь же решительно разоблачал мнимых «друзей СССР», которые на самом деле были сталинскими друзьями, фактически являлись проводниками его воли за рубежом. Этим людям, к которым он относился с нескрываемым презрением, он бросал в лицо убедительные факты из серии «сталинских преступлений», имея в виду прежде всего партийные чистки. Троцкий был убежден, что в сталинское время в СССР сложился деспотизм, не имевший аналогий в истории: «Государство — это я» — почти либеральная формулировка по сравнению с действительностью сталинского тоталитарного режима. Людовик XIV отождествлял себя лишь с государством. Римский папа отождествляет себя и с государством, и с церковью. Тоталитарное государство идет гораздо дальше цезарей и божьих наместников, поскольку оно, кроме того, вбирает в себя всю экономику страны. Сталин, в отличие от короля-солнца, имеет основание сказать: «Общество — это я»[905].

Глубочайшее логическое противоречие в оценке Сталина и существовавшей под его властью системы Троцкий не смог преодолеть до конца своих дней.

Глава 9 МЕСТЬ СТАЛИНА

1. «Утка» и «Конь»

С годами у Сталина возрастало сожаление, что он смалодушничал, испугался, позволил необычную для себя мягкость, допустил непростительную ошибку и выпустил в 1929 г. Троцкого за пределы СССР. Он понимал, насколько численно незначительны и маловлиятельны сторонники Троцкого в мире, но в то же время опасался, что те или иные компартии или отдельные их группы могут присоединиться к движению Троцкого и 4-му Интернационалу. Это опасение было тем более небезосновательно, что начиная с августа 1939 г. Сталин, встав на тропу войны и на путь сотрудничества с антисемитом Гитлером, открыл себя для критики еще и всех тех, кто был евреем или сочувствовал им. А среди коммунистов и троцкистов евреев было непропорционально много. Наконец, к 1939 г. Сталин пролил уже так много крови, уничтожив сотни тысяч партийных, военных и государственных служащих и миллионы беспартийных советских людей, что смерть еще одного коммунистического деятеля ничего не меняла в этом бесконечном списке.

Известный советский разведчик и диверсант **П.А.** Судоплатов писал, что задача по устранению Троцкого впервые была поставлена в 1937 г., в разгар чисток. Выполнение операции было поручено заместителю начальника 5-го (иностранного) отдела ГУ ГБ НКВД Шпигельгласу, который после смерти Слуцкого в феврале 1937 г. стал исполняющим обязанности руководителя 5-го отдела. Шпигельглас «провалил это важное правительственное задание»[906] и осенью 1938 г. был арестован. Исполняющим обязанности начальника 5-го отдела временно стал Судоплатов. В сентябре 1938 г. вместе с Берией его вызвали к Сталину. «Троцкий должен быть устранен в течение года, прежде чем развяжется неминуемая война, — сказал Сталин. — Без устранения Троцкого, как показывает испанский опыт, мы не можем быть уверены в случае нападения империалистов на Советский Союз в поддержке наших соратников по международному коммунистическому движению».

Иными словами, Сталин боялся, что после советского вторжения в те или иные европейские государства коммунистическая пятая колонна будет расколота на сталинистов и троцкистов точно так же, как это произошло во время гражданской войны в Испании, и вместо дружной поддержки советских оккупантов и Красной армии разрозненные коммунистические группы займутся выяснением друг с другом отношений о том, чья доктрина вернее и ближе к догмам

марксизма-ленинизма: Сталина или Троцкого.

Судоплатову поручалось организовать группу боевиков для проведения операции по убийству Троцкого (Сталин использовал слово «акция»). «Партия никогда не забудет тех, кто в ней участвовал, и позаботится не только о них самих, но и обо всех членах их семей», — сказал Сталин, намекая, что придется использовать террористов-смертников. Он также подчеркнул, что вся отчетность по операции должна предоставляться руководству исключительно в рукописном виде. Тогда же для нанесения удара «по центру троцкистского движения» Судоплатов был назначен заместителем начальника внешней разведки[907]. В марте 1939 г., когда до начала Второй мировой войны оставалось несколько месяцев, Берия сообщил Судоплатову, что устранение Троцкого должно стать главной задачей ИНО[908].

Непосредственное руководство операцией в Мексике было поручено Н.И. Эйтингону[909], которого Судоплатов считал «идеальной фигурой», — профессиональному организатору политических убийств, вместе с Орловым занимавшемуся в Испании ликвидацией противников Сталина. В Испании Эйтингон был известен как «генерал Котов». Операция по убийству Троцкого получила кодовое наименование «Утка», причем «уткой» именовался сам Троцкий. Совместно с Эйтингоном Судоплатов разработал документ: «План агентурно-оперативных мероприятий по делу «Утка». В нем, в частности, говорилось:

«Цель: ликвидация «Утки».

Методы: агентурно-оперативная разработка, активная группа.

Средства: отравление пищи, воды, взрыв автомашины при помощи тола, прямой удар — удушение, кинжал, удар по голове, выстрел. Возможно вооруженное нападение группы.

Люди: организатор и руководитель на месте «Том».

Вместе с «Томом» в страну выезжают «Мать» и «Раймонд».

«Том» — это Эйтингон. «Мать» — испанская коммунистка Мария Каридад Меркадер. «Раймонд» — сын Марии Меркадер — Хайм Каридад Рамон, намеченный как исполнитель в одном из вариантов операции.

В плане определялись способы изучения ближайшего окружения и обстановки дома Троцкого и прилагалась смета расходов — 31 тысяча американских долларов, сроком на шесть месяцев[910]. В соответствии со слегка модифицированным планом в начале осени 1938 г. Рамон Меркадер в сопровождении Эйтингона и собственной матери отправился в Париж, где созывалась учредительная конференция 4-го Интернационала. Было известно, что Троцкий не сможет принять участия в ее заседаниях, так как не будет допущен во Францию. Но

предполагалось, что в кулуарах конференции удастся установить весьма полезные связи, которые помогут затем осуществить террористическую операцию. В частности, Меркадеру, весьма общительному и умевшему произвести очаровательное впечатление на окружающих, особенно женщин, налаживание контактов будет по силам. Будущий убийца Троцкого был не только внешне привлекателен, но обладал целым комплексом качеств, необходимых для выполнения поручения Сталина.

Хайм Рамон Меркадер дель Рио Эрнандес родился в Барселоне в богатой семье в 1914 г. Его мать Каридад Эрнандес дель Рио, родившаяся на Кубе, возвратилась в Испанию в 1898 г., после того как Куба утратила колониальный статус. В возрасте 19 лет она вышла замуж, потом стала матерью нескольких детей, но через несколько лет разошлась со своим супругом и отправилась во Францию, где, ведя весьма свободный образ жизни, легко сходилась с мужчинами, но только из крайне левых кругов. Под влиянием матери, ставшей коммунисткой, Рамон тоже включился в коммунистическое движение, стал руководителем молодежной коммунистической организации в Каталонии, несколько раз подвергался арестам. Он хорошо знал французский язык, объяснялся на английском. С начала гражданской войны в Испании был ее участником, в звании лейтенанта являлся комиссаром на Арагонском фронте, был ранен. Именно в это время, в феврале 1937 г., он был завербован (вместе с матерью) в Барселоне Орловым и Эйтингоном. В первой половине 1938 г., перед «командировкой» во Францию, Меркадер некоторое время находился в Москве, где проходил подготовку к «спецзаданию»[911]. Каридад к этому времени была уже возлюбленной Эйтингона, и Эйтингон считал Рамона своим воспитанником, можно сказать приемным сыном.

На учредительной конференции 4-го Интернационала в доме Росмеров присутствовала Сильвия Агелофф — американка русского происхождения, сестра другой американки — Рут Агелофф, которая в течение некоторого времени исполняла обязанности технического сотрудника (секретаря) Троцкого в Мехико. Иногда помощь своей сестре оказывала и Сильвия. В Париж она поехала на деньги своей подруги Руби Вейл, являвшейся агентом НКВД, связанным с советской резидентурой в Нью-Йорке. Сильвия, разумеется, об этом не подозревала и рассматривала вояж как своего рода развлечение, хотя формально считалось, что она была послана на конференцию Троцким как переводчица.

Руби Вейл познакомила ее с интересным молодым человеком, который представился Сильвии сыном бельгийского дипломата,

фоторепортером одного из информационных агентств Бельгии, да еще и преуспевающим бизнесменом. В Сильвию, которая была старше его возрастом и не особо красива, он вскоре «без памяти влюбился». Этим человеком был Рамон Мерка-дер, который при помощи Сильвии войдет затем в дом Троцкого на авенида Виена в Койоакане и менее чем через два года убьет Троцкого. Сильвия стала частью операции, носившей кодовое название «Раймонд» — по внедрению советской агентуры в ближайшее окружение Троцкого в Мексике для последующего его физического устранения. Рамон и Сильвия теперь часто встречались, женщина весьма охотно пользовалась заботливым вниманием и щедростью богатого влюбленного, который представился ей как Жак Морнар. Она стала его возлюбленной. Речь шла о свадьбе. Как предполагал Эйтингон, Сильвия должна была открыть своему возлюбленному доступ в дом-крепость Троцкого.

В июне 1939 г. Эйтингон был вызван в Москву. Отчитавшись о проделанной работе, он отправился назад во Францию, на этот раз вместе с Судоплатовым, который по поручению высшего руководства должен был провести «проверку кадров» будущей операции на месте. Представители Центра пришли к выводу, что боевики соответствуют поставленной перед ними задаче, хотя у них и не было навыков агентурной работы: методики вербовки агентов, обнаружения слежки, изменения внешности, ведения кодовой переписки и прочее. Всему этому, разумеется на самом примитивном уровне, их за очень короткое время обучили в Париже. Вскоре боевики были отправлены в Мексику как испанские политэмигранты.

Помимо операции «Утка» разрабатывался другой вариант убийства Троцкого, который позже получил кодовое название «Конь» — по кличке одного из главных исполнителей операции, мексиканского художника Сикейроса (Кабайо — что в переводе означало «Конь»), Формально второй параллельной операцией руководил Эйтингон. Но реальное руководство было поручено его заместителю по второму проекту Иосифу Григулевичу.

Родившийся в 1913 г. и проведший детские и юношеские годы на окраине Вильно, ставший затем комсомольцем и поехавший в 1936 г. в Испанию в составе интернациональной бригады для участия в защите республиканского правительства, Григулевич обратил на себя внимание Орлова, который убедил самоотверженного молодого человека в том, что он принесет значительно большую пользу делу мирового коммунизма, если будет выполнять специальные задания советской разведки. Григулевич оказался весьма хладнокровным киллером и стал одним из основных помощников Орлова, а затем и «генерала

Котова». В Испании он работал под псевдонимами Макс и Фелипе. Его боевая группа с успехом спровоцировала вооруженные столкновения на улицах Барселоны в мае 1937 г., давшие властям повод запретить ПОУМ и арестовать ее лидера Андреса Нина. Вслед за этим именно группа Макса выкрала Нина из тюрьмы и прикончила его, хотя абсолютно достоверных данных о том, что сам Григулевич участвовал в убийстве, нет, правда, в личном деле Григулевича в архиве КГБ содержится весьма высокая оценка его «руководящей роли в ликвидации троцкистов во время гражданской войны в Испании». Нетрудно представить себе, сколько крови нужно было пролить, чтобы заслужить такую высокую оценку.

В Испании Григулевич познакомился с Сикейросом. Будучи членом компартии, Сикейрос, как и Григулевич, приехал в Испанию, чтобы защищать республику. Он воевал на фронте, командовал дивизией республиканской армии, получил звание полковника. Советские резиденты в Испании смогли убедить Сикейроса, что в СССР была раскрыта пятая колонна, что главным организатором всех провокаций против «отечества социализма» является «агент гестапо» Троцкий и что во имя мировой коммунистической революции Троцкого необходимо уничтожить, тем более что в его родной Мексике Троцкому дал приют его бывший друг Диего Ривера.

В самом начале 1938 г. Григулевича по рекомендации Эйтингона вызвали в Москву. Молодой агент-киллер понравился начальству. В его пользу говорило многое: знание испанского языка, владение навыками провокаторства в среде левых некоммунистических сил, знакомство с латиноамериканскими добровольцами периода испанской гражданской войны, прежде всего с Сикейросом, наконец, опыт организованных им убийств, воспринимаемых как выполнение служебного долга. Все эти свойства сомкнулись в одной равнодействующей: Григулевича стали готовить к отправке в Мексику для участия в операции по убийству Троцкого. По завершении подготовки Григулевич был принял на явочной квартире Берией и затем отправлен за океан под все тем же кодовым именем Макс[912].

Как и Меркадера, его рассматривали в качестве убийцы, хотя Поначалу держали «про запас», не давая прямых распоряжений по организации убийства. Позже, став видным советским ученым-историком и тщательнейшим образом скрывая свое прошлое[913], Григулевич все же проговаривался наиболее близким к нему людям: «Меня готовили для проведения ликвидаций. Солидными знаниями о ведении резидентуры я не обладал»[914]. И все же в течение почти двух лет ему пришлось заниматься

предварительной агентурной деятельностью.

Промежуточным пунктом «командировки» был Нью-Йорк. Макса и его напарника испанского коммуниста Санчеса (Марко, затем — Муньес) принял легальный резидент советской разведки в США П.Д. Гутцайт (работавший в полпредстве СССР в Вашингтоне под фамилией Гусев). Он доложил о прибытии начальнику внешней разведки Шпигельгласу. В донесении, сохранившемся в архиве КГБ в расшифрованном виде, говорилось: «В целях подготовки мероприятий по Старику полагал бы целесообразным устроить Муньеса в полицию, через которую мы могли бы шаг за шагом искать подходы к внедрению его в охрану Старика». «Только после этого можно будет разрабатывать конкретный план конечной цели операции», — говорилось в следующем донесении Гутцайта[915].

В конце 1938 г. Григулевич (под кодовым именем Фелипе) и его помощник Санчес (Марко) прибыли через США в Мексику. Троцкий тогда жил еще в «Голубом доме». В нескольких кварталах от него советские агенты арендовали небольшой особняк и смогли без особого труда организовать наблюдение за передвижениями Троцкого и его сотрудников, а вслед за этим изучить систему охраны дома Троцкого и порядок допуска визитеров[916]. В этот период главная задача состояла именно в наблюдении.

В сентябре 1938 г. в Мехико прибыл эмиссар Коминтерна под псевдонимом Перес, который попытался подключить к охоте на Троцкого руководство компартии Мексики, потребовав, разумеется, строгой конфиденциальности. Не вняв этому предложению, генеральный секретарь партии Герман Лаборде[917] созвал членов ЦК, которым рассказал о полученной им секретной информации. Поняв, что речь идет об устранении Троцкого, лидеры партии заявили, что убийство нанесет большой ущерб мексиканской компартии и престижу Советского Союза[918]. За это Лаборде по требованию Исполкома Коминтерна вскоре был снят с поста генерального секретаря партии. Больше мексиканские коммунисты к участию в операции по убийству Троцкого не привлекались. Им было поручено только участие в идеологическом обеспечении операции, чем они занимались, собственно говоря, и до этого. С подачи партийного руководства, а также лидера Всеобщей конфедерации труда Ломбардо Толедано в прессе была организована массированная кампания против Троцкого, которого вдобавок к московским обвинениям пытались «уличить» в связи с правыми элементами Мексики, готовившими государственный переворот против президента Карденаса. Троцкому и Ривере пришлось даже опровергать эти

слухи на специально созванной пресс-конференции[919].

24 февраля 1938 г. Троцкий выступил с «Вынужденным заявлением», в котором показал, что в кампании против него в Мексике незримо участвует Сталин, что пропагандистская кампания — только первый этап более сложной операции. Троцкий не сказал, что знает о готовящемся убийстве. Он дипломатично намекнул, что расскажет об этом позже: «Сталин, который понимает больше, чем его агенты, не сомневается, что Толедано не удастся принудить меня к молчанию… Именно поэтому Сталин готовит *другие меры,* гораздо более действенные. Но для своих предприятий, о которых будет в свое время рассказано, Сталину нужно предварительно отравить общественное мнение. Для этой работы ему нужен Ломбардо Толедано». Свое заявление Троцкий завершил словами: «Читатели этих строк без труда поймут, что ни нынешние обстоятельства моей личной жизни, ни общий характер моей работы отнюдь не располагают меня заниматься г[осподи]ном Толедано. Но дело идет в данном случае о чем-то совершенно другом, именно об общественном мнении страны, которая оказала мне и моей жене гостеприимство и которую я за истекший год научился ценить и любить. Поэтому и только поэтому я вижу себя вынужденным ответить настоящим заявлением на широко подготовленную клевету мексиканских агентов Сталина»[920].

С подобными заявлениями, которые публиковались как в самой Мексике, так и за ее пределами, Троцкий выступал и позже. Дело в том, что до Троцкого стали доходить слухи о подготовке покушения на его жизнь. Уже летом 1938 г. в «Бюллетене оппозиции» появилась заметка «Жизнь Л.Д. Троцкого в опасности»[921], в которой отмечалось появление в Мехико весьма подозрительных личностей. Имена Фелипе и Марио не фигурировали, но появление советских агентов вызвало волну слухов, которые дошли до Троцкого.

Между тем советские агенты продолжали следить за Троцким и после его переезда весной 1939 г. на авенида Виена. Во второй половине 1938 г. их связь с Центром была на некоторое время прервана. Приходилось действовать самостоятельно, по собственной инициативе. Обрыв связи произошел из-за проведенных репрессий, в результате которых была расстреляна или отправлена за решетку большая группа высших сотрудников НКВД[922]. 17 февраля 1938 г. по приказу Ежова, занимавшего тогда должность наркома внутренних дел, в кабинете его заместителя М.П. Фриновского[923] был отравлен начальник 5-го отдела Слуцкий[924]. Разведка на некоторое время лишилась руководства; «аресты в Москве внесли колебания в сеть советских

информаторов в США»[925]. Вскоре был снят со своей должности, а затем и расстрелян Ежов, на смену которому пришел Берия. Лишь постепенно разведывательная и диверсионно-террористическая деятельность за рубежом начала восстанавливаться под руководством нового начальника 5-го отдела Фитина.

В конце 1939 — начале 1940 г. в жизни Троцкого произошли два важных изменения. Во-первых, пополнился состав семьи. После длительных перипетий супруги Росмер привезли в Койоакан внука Троцкого Севу. Все это время он жил у подруги Седова Жанны. Троцкий давно просил Жанну отдать ему внука, но привязавшаяся к ребенку Жанна тянула время. Возникла долгая и раздраженная переписка; обе стороны прибегли к помощи адвокатов и даже судебному разбирательству[926]. В конце концов Сева, которому шел уже четырнадцатый год, прибыл в Мексику.

Троцкий всячески оберегал внука. Он категорически запретил своим сотрудникам вступать с Севой в какие бы то ни было разговоры, связанные с политикой. В глубине души понимая, что Севе вряд ли придется когда-нибудь возвратиться на родину, дед даже не стремился сохранить у него знание русского языка. Он, как и Наталья Ивановна (которая не была родной бабушкой, но относилась к Севе с нежностью и вниманием), общался с подростком на французском языке[927].

Другим важным изменением было общее ухудшение состояния здоровья Льва Давидовича, которое стало проявляться постепенно, но все более давало о себе знать. Теперь речь шла не о каких-то странных припадках, которые случались с ним раньше, но становились все реже и реже (он о них почти и забыл). На этот раз возникло сердечно-сосудистое заболевание, резко повысилось кровяное давление.

Троцкий пытался вести прежний образ жизни, много писал, принимал посетителей, но вынужден был чаще отдыхать. Верный своей привычке никогда не сидеть без дела, он начал коллекционировать кактусы и завел кроликов, за которыми исправно ухаживал. За кактусами предпринимались специальные экспедиции в горы, причем Лев Давидович проявлял все еще завидную выносливость, карабкаясь, если нужно, по кручам, когда ему встречался интересный экспонат. Сохранял он и прежнюю внешнюю педантичную аккуратность. Кадры кинохроники запечатлели, что даже кроликов Троцкий кормил в пиджачной паре.

27 февраля он начал писать завещание, которое прервал на полуслове. 3 марта дописал к нему еще два абзаца, не

возобновляя работы над предыдущем текстом, не завершая его. Завещание свидетельствовало о том, что Троцкий до конца дней оставался верным своим утопическим идеям и сохранял романтические человеческие черты, причудливо уживавшиеся в нем.

Для Троцкого завещание не могло быть обычным документом. Слишком очевидная и важная аналогия вспоминалась всегда при упоминании этих слов: «завещание Ленина». Сам Троцкий, наверное, считал «Завещание» Ленина самым важным ленинским документом. Выполнения этого завещания он неоднократно требовал и даже сделал это требование пунктом программы левой оппозиции в СССР. Тем не менее, в отличие от ленинского политического завещания, исписанные Троцким листы носили прежде всего личный характер, причем Троцкий прописал даже имущественные пункты (что Ленину в голову не пришло). Как и Ленин, Троцкий, формально говоря, не дописал своего завещания и не оформил его. Так и остались незаконными несколько фрагментов:

«Высокое (и все повышающееся) давление крови обманывает окружающих насчет моего действительного состояния. Я активен и работоспособен, но развязка, видимо, близка. Эти строки будут опубликованы после моей смерти.

Мне незачем здесь еще раз опровергать глупую и подлую клевету Сталина и его агентуры: на моей революционной чести нет ни одного пятна. Ни прямо, ни косвенно я никогда не входил ни в какие закулисные соглашения или хотя бы переговоры с врагами рабочего класса. Тысячи противников Сталина погибли жертвами подобных же ложных обвинений. Новые революционные поколения восстановят их политическую честь и воздадут палачам Кремля по заслугам.

Я горячо благодарю друзей, которые оставались верны мне в самые трудные часы моей жизни. Я не называю никого в отдельности, потому что не могу называть всех.

Я считаю себя, однако, вправе сделать исключение для своей подруги, Натальи Ивановны Седовой. Рядом со счастьем быть борцом за дело социализма судьба дала мне счастье быть ее мужем. В течение почти сорока лет нашей совместной жизни она оставалась неистощимым источником любви, великодушия и нежности. Она прошла через большие страдания, особенно в последний период нашей жизни. Но я нахожу утешение в том, что она знала также и дни счастья.

Сорок три года своей сознательной жизни я оставался революционером, из них сорок два я боролся под знаменем марксизма. Если б мне пришлось начать сначала, я постарался

бы, разумеется, избежать тех или других ошибок, но общее направление моей жизни осталось бы неизменным. Я умру пролетарским революционером, марксистом, диалектическим материалистом и, следовательно, непримиримым атеистом. Моя вера в коммунистическое будущее человечества сейчас не менее горяча, но более крепка, чем в дни моей юности.

Наташа подошла сейчас со двора к окну и раскрыла его шире, чтоб воздух свободнее проходил в мою комнату. Я вижу яркозеленую полосу травы под стеной, чистое голубое небо над стеной и солнечный свет везде. Жизнь прекрасна. Пусть грядущие поколения очистят ее от зла, гнета, насилия и наслаждаются ею вполне.

Все имущество, какое останется после моей смерти, все мои литературные права (доходы от моих книг, статей и пр.) должны поступить в распоряжение моей жены Натальи Ивановны Седовой.

27 февр. 1940 г.

Л. Троцкий

3 марта 1940 г.

Характер моей болезни (высокое и повышающееся давление крови) таков, что — насколько я понимаю — конец должен наступить сразу, вернее всего — опять-таки, по моей личной гипотезе — путем кровоизлияния в мозг. Это самый лучший конец, какого я могу желать. Возможно, однако, что я ошибаюсь (читать на эту тему специальные книги у меня нет желания, а врачи, естественно, не скажут правды). Если склероз примет затяжной характер и мне будет грозить длительная инвалидность (сейчас, наоборот, благодаря высокому давлению крови я чувствую скорее прилив духовных сил, но долго это не продлится), — то я сохраняю за собою право самому определить срок своей смерти. «Самоубийство» (если здесь это выражение уместно) не будет ни в коем случае выражением отчаяния или безнадежности. Мы не раз говорили с Наташей, что может наступить такое физическое состояние, когда лучше самому сократить свою жизнь, вернее, свое слишком медленное умирание…

Каковы бы, однако, ни были обстоятельства моей смерти, я умру с непоколебимой верой в коммунистическое будущее. Эта вера в человека и его будущее дает мне сейчас такую силу сопротивления, какого не может дать никакая религия.

Л. Тр.»[928]

Троцкий начал писать еще один раздел завещания: «В случае смерти нас обоих…» И остановился, не смог. Фраза так и осталась

недописанной. Потеряв всех детей, близких, соратников и друзей, он не в состоянии был прописать собственной рукой еще и пункт о том, что же произойдет, если вместе с ним убита будет еще и Наталья. Именно убита, потому что одновременно умереть естественным путем Троцкие не могли.

Развязка, действительно, приближалась. Через некоторое время новому резиденту НКВД в США Исхаку Ахмерову удалось восстановить связь с Фелипе, которого в ноябре 1939 г. Берия вызвал в СССР для отчета и получения новых указаний. В ходе консультаций в качестве приоритетного был утвержден план «Конь», предусматривавший нападение группы террористов на дом, в котором проживал Троцкий, и его убийство. Общее руководство операцией было возложено на Эйтингона, непосредственным руководителем должен был выступать Григулевич, а командиром боевой группы предложили стать Сикейросу, на которого предполагалось свалить вину в случае провала операции (что, собственно, и произошло).

В конце года Григулевич вновь отправился в Мексику, теперь уже для выполнения того задания, к которому его готовили. Из Парижа к мексиканскому побережью отплыл и Эйтингон, получивший следующую директиву: «Свою научную работу продолжайте… Имейте в виду, что всякая научная работа, тем более в области сельского хозяйства, требует терпения, вдумчивости и умения ожидать результатов. Готовьтесь к снятию урожая, помните, что плод должен быть полностью созревшим… Не делайте непродуманных экспериментов, идите к получению результатов наверняка, и тогда Вы действительно внесете ценный вклад в науку, но обязательно с таким расчетом, чтобы Ваши опыты не отразились на Вашем здоровье или здоровье Ваших ассистентов»[929].

Эйтингону приказывали действовать осторожно и нанести удар наверняка. Одновременно в США готовилась еще одна — резервная — группа, которой следовало осуществить террористический акт, если по тем или иным причинам Эйтингон и Григулевич окажутся не в состоянии убить Троцкого. Разработкой третьего плана занимался резидент НКВД в Нью-Йорке Г.Б. Овакимян и американский коммунист Томас Блек [930].

2. Покушение 24 мая

Предстоявшее «устранение» Троцкого задумывалось как операция с немалым агитационно-демагогическим прикрытием, рассчитанным на одурманивание толпы. С самого начала 1940 г. в левой мексиканской прессе была развернута кампания против Троцкого с всевозможными обвинениями, которые, разумеется, никто не собирался проверять и которые на следующий день забывались, но создавали общий негативный фон. Итоговым требованием было изгнание «агента фашизма» из Мексики. Плакаты «Троцкого — вон!» доминировали на первомайской демонстрации, организованной компартией и некоторыми профсоюзными объединениями.

Казалось бы, операция «Конь» была продумана до мелочей. Григулевичу удалось познакомиться с одним из секретарей и охранников Троцкого американцем Робертом Шелдоном Хартом и даже установить с ним дружеские отношения. Как и было задумано, среди ночи на 24 мая 1940 г. (точнее говоря, уже на рассвете, около 4 часов утра) боевая группа, члены которой были переодеты в полицейских и солдат, под руководством Фелипе на нескольких автомашинах подъехала к дому Троцкого, остановившись в квартале от него, а затем скрытно подобралась к воротам. Атака была назначена как раз на ту ночь, когда дежурил Харт. Фелипе подошел к воротам, окликнул Харта и попросил впустить его. Ничего не подозревавший Харт открыл ворота, через которые ворвались боевики.

В группу входили Григулевич, Сикейрос, члены компартии Мексики братья Ареналь (их сестра была женой Сикейроса), возлюбленная Григулевича Лаура Араухо Агиляр (позже она стала его женой) и еще примерно полтора десятка наемников, которые получили оплату — по 250 песо. Вооружены они были револьверами и двумя автоматами Томпсона. Кроме того, у них была веревочная лестница и ножницы для перерезания проволоки.

Но оказалось, что операция была подготовлена плохо. Убийцы знали, где находится спальня Троцкого, но не представляли себе внутреннего плана этой комнаты. Перерезав телефонные и электрические провода, отключив сигнализацию, с шумом ворвавшись на второй этаж и распахнув двери спальни, террористы всполошили весь дом и стали беспорядочно стрелять, произведя несколько выстрелов даже по соседней комнате, где спал Сева. Между тем Наталья, услышав подозрительный шум во дворе, буквально столкнула мужа с кровати, затолкала его под

кровать и заслонила своим телом. Сделав несколько десятков выстрелов, не услышав ни стонов, ни движений, убежденные, что с Троцким покончено, нападавшие удалились, захватив с собой Харта, который мог опознать всю боевую группу.

Единственным пострадавшим оказался Сева: пуля попала в спинку стула, от нее отлетел деревянный осколок, который задел палец его ноги. Сам Сева вспоминал потом, что его задела пуля, которая оставила небольшой шрам. Испуганный ребенок закричал: «Дедушка!»; Троцкий попытался было вылезти из-под кровати и броситься на помощь, но Наталья не дала ему этого сделать. Когда боевики удалились, Сева первым осознал, что угроза ликвидирована и дедушка с бабушкой невредимы. «Альфред! Маргарита! Он жив! Они все живы!» — кричал он Росме-рам. В это время Троцкий и Наталья уже вбегали к нему, чтобы понять, все ли нормально[931].

Когда появилась полиция, отряд Григулевича — Сикейроса был уже далеко. Исчезновение с ними Роберта Харта вызвало многочисленные слухи относительно роли этого человека в нападении. У полиции возникла версия, что Харт был соучастником преступления и сознательно открыл террористам ворота. Хорошо знавший американца Троцкий не верил в его предательство. Он считал, что юноша оказался жертвой доверчивости и неопытности, поверив Фелипе. Разумеется, Троцкий не мог знать о деталях проведенной операции и о том, кто в ней участвовал, но в целом хорошо представлял, на каком уровне она готовилась и что именно произошло в ту ночь. Троцкий предполагал, что террористы насильственно увезли Харта, так как он мог бы при расследовании узнать кого-то из нападавших. В начале июня Троцкий выступил по этому вопросу со специальным заявлением: «Роберт Шелдон был мне рекомендован американскими друзьями, которым я давно привык доверять. Имена этих друзей я сообщил полиции. Во всех условиях покушения нет таких данных, которые могли бы убедить меня в том, что Шелдон был соучастником нападавших. Я считаю себя не вправе поддерживать подозрение против лица, труп которого может быть найден завтра или послезавтра»[932].

Троцкий выражал уверенность, что Роберт стал жертвой посланных Сталиным убийц. Это опасение подтвердилось, когда через месяц, 25 июня, труп американца был найден в окрестностях Мехико. Позже было установлено, что Харта прикончил брат жены Сикейроса Луис Ареналь[933]. В новом заявлении, опубликованном в связи с обнаружением тела, Троцкий писал: «Труп есть убедительный аргумент. Боб погиб, потому что стоял на дороге убийц. Он погиб за те идеи, которые

исповедовал». В письме соболезнования, посланном в этот же день Натальей, Троцким и его сотрудниками отцу Роберта, говорилось: «Единственное утешение в эти горькие часы, что разоблачена подлая клевета на Боба, клевета, при помощи которой убийцы пытались скрыть свое убийство. Как герой Боб погиб за те идеи, в которые верил»[934]. По указанию Троцкого на стене дома, в котором жили его секретари и охранники, была повешена мемориальная доска: «Роберт Шелдон Харт, 1915–1940, убитый Сталиным».

Судоплатов тоже отвергал версию о сознательном участии Харта в организации покушения на Троцкого, но считал, что Харт совершил «непростительную ошибку», приоткрыв ворота, а ликвидирован был, так как хорошо знал Григулевича. Однако из донесений Эйтингона и других участников операции картина складывается совсем иная. Харт разрабатывался советской разведкой, был агентом НКВД под кличкой Амур[935]. Один из исследователей пишет: «Да, он открыл дверь калитки. Однако в комнату, куда он привел участников налета, не оказалось ни архива, ни самого Троцкого. Когда же участники операции открыли стрельбу, Харт заявил, что если бы он предвидел такое развитие событий, то, как американец, никогда бы не согласился участвовать в этом деле. Такое поведение послужило основанием для принятия на месте решения о его ликвидации. Он был убит мексиканцами»[936].

Когда утром 24 мая в дом на авенида Виена прибыли высшие чины мексиканской полиции и задали Троцкому традиционный вопрос, кого он подозревает в организации покушения, он ответил: «Иосифа Сталина». Не очень сведущие в крупных политических делах, да и не желавшие встревать в мировую политику, чиновники не включили эти слова в протокол допроса. 12 июня в письме следственным властям, обращая их внимание на крайне противоречивые и недостоверные газетные сообщения и объясняя, почему он делает это заявление через три недели после покушения, Троцкий писал: «В первые дни после покушения у меня не было времени не только опровергать, но и читать газеты. В моем доме одни агенты полиции сменяли других, наводя справки, собирая сведения и пр. Я считал более важным давать точные сведения следствию, чем гоняться за противоречиями газетных отчетов»[937].

В связи с тем, что следствие направлялось по пути не вполне ложному, но крайне ограниченному, Троцкий приложил максимум сил и энергии для того, чтобы представить властям Мексики действительную, в чем он был убежден, общую схему преступления, и одновременно давал рекомендации, как

следовало бы вести расследование, кого следовало бы допросить, какие вопросы необходимо было бы задать. Все эти заявления публиковались в печати и служили известным стимулом для активизации расследования, которое поначалу проводилось весьма неохотно. При этом была даже выдвинута версия «самопокушения», то есть имитации покушения с двойной целью: еще больше скомпрометировать руководство СССР, с которым мексиканские власти не хотели портить отношения, и самореклама. Впрочем, полковник Салазар Леандро Санчес, руководитель тайной полиции Мексики, проводивший расследование нападения на дом Троцкого, проявил в пределах своих полномочий и реальных возможностей высокий уровень компетенции и стремился разобраться в происшедшем, определив если не заказчика, то по крайней мере исполнителей преступления[938].

27 мая Троцкий направил прокурору республики, начальнику полиции и министру внутренних дел обширное письмо[939], в котором убедительно обосновывал свой главный тезис о том, что покушение на его жизнь было организовано по личному приказу Сталина: «Покушение могло исходить только из Кремля, только от Сталина, через заграничную агентуру ГПУ», — писал Троцкий, употребляя старое название НКВД, которое в его устах стало почти ругательством. Он подробно рассказывал об истреблении членов своей семьи, единомышленников, друзей и помощников, о том, что одна из главных целей инсценированных процессов в Москве состояла в том, чтобы добиться его выдачи в руки советской власти. Удивительно, что Троцкий не исключал возможности участия в покушении на него еще и гестапо, однако считал, что в этом случае речь могла идти о совместной операции советских и германских разведок при ведущей роли агентуры НКВД. Он подчеркивал вероятное участие в покушении мексиканских коммунистов: «Прежде всего необходимо установить со всей категоричностью, что деятельность ГПУ тесно переплетается с деятельностью Коминтерна, вернее, аппарата Коминтерна, его руководящих элементов и наиболее доверенных членов. Для своей деятельности ГПУ нуждается в легальном или полулегальном прикрытии и в сочувственной среде для набора агентов: такой средой и таким прикрытием являются так называемые «коммунистические» партии».

Вслед за этим он раскрывал схему сотрудничества спецслужб с компартиями (в том числе с мексиканской компартией): «Иностранные агенты не могли бы найти прямого подступа к мексиканским полицейским; нужны были национальные агенты. Этих национальных агентов деморализации, подкупа и

подготовки террористического акта надо искать в Центральном комитете коммунистической партии и вокруг этого Центрального комитета».

Наконец, Троцкий обращал внимание на подрывную работу некоторых левых мексиканских печатных органов, которые своей пропагандой создавали весьма благоприятные условия для организации покушения. Речь шла не о критике его взглядов, а о той кампании лжи и клеветы, которой занимались эти газеты, связанные, в частности, с лидером национальной федерации профсоюзов Толедано: «Они действуют с таким упорством и бесстыдством только потому, что им это приказано. Кто мог приказать им это? Очевидно, хозяин Кремля Иосиф Сталин», — заключал Троицкий и высказывал казавшуюся в первый момент нелепой, но оказавшуюся абсолютно точной догадку о причастности к покушению того самого лица, которое действительно было одним из главных участников операции: уважаемого и всемирно известного художника Сикейроса: «Я позволю себе также высказать предположение, что Давид Сикейрос, который участвовал в гражданской войне в Испании в качестве крайне активного сталинца, не может не быть осведомлен о наиболее видных деятелях ГПУ испанской, мексиканской и других национальностей, которые прибыли в разное время в Мексику через Париж. Допрос бывшего и нынешнего генеральных секретарей компартии, а также г. Сикейроса в качестве свидетелей, несомненно, мог бы осветить подготовку покушения и состав его участников».

Когда эти подозрения Троцкого дошли до Сикейроса, в порядке самозащиты их попробовали высмеять. Появилась даже карикатура, изображавшая Троцкого, наносящего удар сзади топором по сидящему к нему спиной Сикейросу[940]. Поразительно, что советская агентура, организовывавшая публикацию, как бы предполагала, что через пару месяцев именно так будет убит сам Троцкий.

Очень скоро в руках полиции действительно оказались свидетельства непосредственного участия Сикейроса в организации покушения и в самом нападении. Он вынужден был скрыться и в течение четырех месяцев прятался в тайном убежище в горах. В сентябре художник-террорист был арестован. Он сознался в соучастии в преступлении, хотя и стремился максимально преуменьшить свою вину и вообще отрицал намерение убить Троцкого. «Мы хотели высылки этого профессионального заговорщика из страны. Наша атака была не более чем акцией устрашения», — заявил Сикейрос следователям. Он признал, что нападавшие пытались захватить «рабочие

документы, с помощью которых можно было бы доказать правительству и мексиканскому народу подоплеку деятельности этого пособника нацистов в Мексике, раскрыть суть сговора между ним и главарями международной реакции»[941].

Выслушивая эти нелепости, полицейские указали, что только в спальне Троцкого они насчитали семьдесят три пулевых отверстия. Суд был назначен на октябрь 1940 г., но до суда дело не дошло. Новый президент Мексики М. Авила Камачо распорядился выпустить Сикейроса на поруки, а он тотчас же сбежал в Чили, где его взял под зашиту и покровительство поэт-коммунист Пабло Неруда. Позже Сикейрос был помилован и, таким образом, полностью избежал наказания. В 1967 г. генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев наградил его международной советской премией «За укрепление мира между народами» (на что не отважился даже Сталин).

В течение недели после событий 24 мая Троцкий воздерживался от встреч с журналистами, чтобы не мешать следствию, и только после того, как в газетах стали появляться самые фантастические версии, в том числе и о «самопокушении», он выступил с многочисленными доказательными статьями и интервью, раскрывавшими подоплеку преступления. Понимая, что за первой попыткой покушения неизбежно последуют новые, команда Троцкого при содействии мексиканских властей превратила дом на авенида Виена в подлинную крепость. На окнах были установлены стальные ставни, наружные стены укреплены дополнительной каменной кладкой и обложены мешками с песком, проведена разветвленная сигнализация. Было построено помещение для мексиканских полицейских. Вокруг дома постоянно дежурили пять полицейских патрулей. Троцкий так и стал называть этот дом: маленькой крепостью.

Узнав из прессы о том, что покушение на Троцкого провалилось, Берия был взбешен[942]. Через несколько дней поступило донесение Эйтингона. Оно было датировано 30 мая. В нем, в частности, говорилось:

«а) О нашем несчастье Вы узнаете из газет подробно…

б) Пока все люди целы, и часть уехала из страны.

в) Если не будет особых осложнений, через 2–3 недели приступим к исправлению ошибки…

г) Принимая целиком на себя вину за этот кошмарный провал, я готов по первому Вашему требованию выехать для получения положенного за такой провал наказания»[943].

Участники операции с полным основанием ожидали скорой расправы. За полгода до этого, в ноябре 1939 г., был арестован недавно назначенный начальник Иностранного отдела НКВД

майор госбезопасности З.И. Пассов. Этот человек, имевший трехклассное образование, проработал на своем посту всего три недели. Вызванный в Москву резидент в США Гутцайт тоже был арестован. Оба были расстреляны по обвинению в «обмане» и «невыполнении приказа И.В. Сталина по устранению… Троцкого»[944].

Сам Берия тоже не без содрогания отправлялся для доклада к «хозяину» на Ближнюю дачу. Понимая, однако, что Эйтингон остается единственным возможным организатором убийства Троцкого, Сталин распорядился послать ему шифровку с выражением полного доверия, добавив: «Акция против Троцкого будет означать крушение всего троцкистского движения. И нам не надо будет тратить деньги на то, чтобы бороться с ними и их попытками подорвать Коминтерн и наши связи с левыми кругами за рубежом»[945]. В действие вступал теперь план «Утка», переименованный теперь в операцию «Мать». Руководителем операции оставался Эйтингон, его главной помощницей становилась его возлюбленная Каридад Меркадер, исполнителем плана оставался ее сын и воспитанник Эйтингона Рамон. Но в качестве главного средства осуществления поставленной задачи, имея в виду усилившуюся бдительность Троцкого, его помощников и мексиканской полиции, предпринимавших повышенные меры безопасности, было избрано внедрение в круг людей, имевших доступ в особняк Троцкого, советского агента.

Поскольку целью нападавших было не только убийство Троцкого, но и похищение документов, Троцкий принял решение передать свой обширный архив на хранение в надежное место. Этот архив накапливался постепенно, начиная с того времени, как Троцкий при депортации из СССР вывез свою документацию в Турцию. В следующие годы архив быстро рос. «Полученные письма и копии отправленных писем» сохраняли в специальных «делах». Было даже «особое отделение для писем от любителей автографов и чудаков, которые давали советы, как спасти свою душу или улучшить здоровье». В почти нетронутом виде архив сохранялся ряд лет. Только некоторые его материалы Троцкий использовал в своих исторических и дискуссионных работах 30-х гг. Лишь во время подготовки к контрпроцессу в Койоакане секретари Троцкого более или менее систематически просмотрели документы, чтобы найти новые, не использованные ранее свидетельства лживости сталинских обвинений[946].

Теперь через адвоката Гольдмана Троцкий вступил в переговоры с Гуверовским Институтом войны, революции и мира в г. Пало-Алто в Калифорнии, а также с Чикагским и Гарвардским университетами, представители которых посетили Мехико в

1939 г. для ознакомления с архивом. В результате в Койоакане был подписан договор с Гарвардом, эмиссары которого оказались наиболее проворными. По договору в архив Гарвардского университета в обмен на символический гонорар 15 тысяч долларов были переданы бумаги 1917–1936 гг. (до прибытия Троцкого в Мексику), за исключением «некоторых официальных бумаг». В связи с передачей архива Троцкий обратился к секретарю министерства внутренних дел Мексики И.Г. Теллезу с заявлением о том, что все письма, рукописи и другие документы мексиканского периода останутся у него до тех пор, пока он будет «пользоваться гостеприимством этой страны».

Троцкий писал: «Я ходатайствую о том, чтобы Секретариат Внутренних Дел прислал в мой дом компетентных чиновников, знающих иностранные языки, в том числе и русский, и чтобы эти чиновники просмотрели мои архивы, подлежащие отправке. Одновременно в моем доме будет находиться представитель посольства Соединенных Штатов, которое обязалось перед Гарвардским университетом оказать полное содействие в пересылке рукописей. После просмотра всех бумаг рукописи будут в присутствии представителей Вашего министерства и посольства Соединенных Штатов заделаны в герметические ящики во избежание их вскрытия на границе. Прибавлю еще, что, находясь в библиотеке Гарвардского университета, мои архивы будут во всякое время доступны представителям мексиканского правительства. Один этот факт исключает возможность каких бы то ни было тенденциозных истолкований передачи архива Гарвардскому университету»[947].

Все условия, выдвинутые Троцким, были выполнены. Так основная часть его архива оказалась в США, в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета, где хранится поныне[948]. Документация мексиканского периода была временно передана на хранение в сейфы американского National City Bank. Попытки советской агентуры выкрасть документы из этого банка, а также завербовать кого-либо из сотрудников Гарвардского университета для несанкционированного фотографирования документации Троцкого успеха не имели. Единственное, что удалось сделать, — это получить через агента Сатира (Силвию Каллен) опись материалов, находившихся в банке[949].

3. Убийство

Не прошло и трех месяцев после первого налета, как испанец Рамон Меркадер завершил реализацию заговора против жизни Троцкого, нанеся ему 20 августа смертельный удар ледорубом по голове, от которого Троцкий на следующий день скончался. Это убийство готовилось значительно более тщательно, чем налет в ночь на 24 мая. Послевоенный перебежчик Владимир Петров в своих показаниях американской контрразведке в 1955 г. сообщил, что в 1948 г. в архивных фондах НКВД ему удалось познакомиться с одним из дел, связанных с убийством Троцкого. Помимо текстуальных отчетов и разнообразной информации в деле находилась также масса фотографий, сделанных на территории виллы Троцкого по авенида Виена. Чего только не было на фото: Троцкий один и Троцкий с друзьями за чаем, Троцкий с женой, Троцкий с собакой, охранники Троцкого, разные участки забора и прочее. Петров показал, что советской агентуре удалось завербовать одну из секретарш Троцкого, имя которой он, однако, назвать не смог. В целом в окружение Троцкого были внедрены несколько агентов, не знавших о существовании друг друга[950].

Не обошлось без мелких недочетов. НКВД снабдил Меркадера подложными документами на имя канадского подданного Фрэнка Джексона Морнара, не позаботившись выяснить, как именно пишется эта распространенная американская фамилия. Из-за арестов и расстрелов опытных разведчиков и заменой их новичками-карьеристами, не обладавшими самыми элементарными знаниями, в паспорте и прочих бумагах Меркадер был назван Jacson вместо Jackson. Заметили эту оплошность уже после того, как Троцкий был убит. На всякий случай у Меркадера были еще и документы на фамилию Вандендрехда.

«Джексон» появился в Нью-Йорке в сентябре 1939 г. Здесь он встретился со своей возлюбленной Сильвией и объяснил ей, что путешествует по поддельному паспорту, так как дезертировал из бельгийской армии и нашел работу в импортно-экспортном агентстве в Мехико, куда им следует отправиться — поближе к любимой сестре Сильвии, работавшей в штабе Троцкого. В Нью-Йорке Меркадер встретился также с резидентом НКВД Гайком Оваки-мяном, который, запросив Москву, получил подтверждение немедленного выезда Меркадера в Мексику[951].

В январе 1940 г. парочка прибыла в Мехико, где сняла удобную квартиру. Оказалось, что секретарской работы в доме Троцкого стало особенно много. К обычным делам прибавилась

масса забот, связанных с конфликтом, возникшим в американской СРП, и попытками Троцкого добиться победы в СРП крыла Кэннона. Кроме того, Троцкий работал над многочисленными статьями о вспыхнувшей Второй мировой войне. Статьи эти он обычно диктовал секретарям. Знакомая с секретарской работой, знавшая русский и английский Сильвия, оказывавшая помощь своей сестре и ранее, была теперь привлечена к технической работе в секретариате Троцкого. Ее друг Меркадер каждое утро отвозил Сильвию на работу, а вечером приезжал, чтобы ее забрать.

Первоначально Рамон не предпринимал никаких попыток проникнуть внутрь поместья. Заявив, что троцкизм его не интересует и он стоит вне политики, Рамон попросил Сильвию вообще не вести с ним разговоров на эту тему. Между собой секретари и охранники сплетничали о том, как повезло этой отнюдь не юной и совсем не интересной женщине с таким красавцем. Постепенно Меркадер стал хорошо знаком окружению Троцкого. Обитатели дома сначала сухо здоровались с ним, затем стали более приветливыми, вступали в разговоры. Однажды Рамон предложил супругам Росмер, которые собирались возвращаться во Францию, покатать их по городу. Те с благодарностью приняли предложение и были в восторге от услужливого и неглупого молодого человека. Перед отъездом Росмеры пригласили Мерка-дера в дом, где он пробыл совсем недолго, выпил стакан чаю и почти сразу же удалился. Вскоре Меркадер отвез на своей машине Росмеров в порт, откуда супруги отбыли за океан.

После этого Меркадера стали иногда приглашать зайти в дом, как уже хорошо знакомого человека. Когда через некоторое время Сильвия отправилась в Нью-Йорк, его визиты продолжались. Более того, в поведении и облике молодого человека возникли изменения. Он стал проявлять интерес к идеям и деятельности Троцкого, а вслед за этим заявил, что очень хотел бы разобраться в сущности троцкизма, к которому теперь почувствовал влечение. После событий 24 мая его визиты в «крепость» Троцкого стали почти регулярными. 28 мая его представили Троцкому, которому Рамон выразил свое восхищение. Меркадер завоевал и симпатии Севы, подарив ему действующую модель планера и научив ее запускать. В следующие два с половиной месяца Меркадер посещал виллу десяток раз. За это время он также совершил две поездки в Нью-Йорк для консультаций со своими кураторами из НКВД и для встреч с Сильвией, которая ничего не должна была заподозрить[952].

Само убийство было спланировано так, чтобы одновременно скомпрометировать самого Троцкого и его движение. В случае, если бы Меркадера схватили во время или после убийства, ему следовало «сообщить, что Троцкий пытался уговорить его войти в международную террористическую организацию, ставившую своей целью убийство Сталина и других советских руководителей». Под диктовку Эйтингона Меркадер записал этот текст на бумаге и вложил в конверт, который должен был быть при Рамоне во время выполнения задания. Кроме того, на всякий случай была придумана и версия личной мести: Троцкий якобы запретил Сильвии Агелофф выйти замуж за Меркадера, так как это могло отвлечь ее от работы[953].

В середине августа Меркадер принес Троцкому некий текст, заявив, что это — первая проба его пера в поддержку 4-го Интернационала, попросил прочитать его и дать оценку. Лев Давидович весьма неохотно согласился выполнить просьбу, предполагая, что ничего путного молодой человек написать не способен. Рукопись читать Троцкий отказался, но предложил отпечатать статью и обсудить ее 20 августа. Именно этот день и стал днем убийства. Меркадер явился в дом Троцкого основательно экипированным. В качестве главного орудия убийства был избран малый альпинистский ледоруб с укороченной рукояткой, который был спрятан в полы плаща. Убийца воспользовался тем, что Троцкий категорически запретил обыскивать посетителей, чтобы не обижать их. Но в особняк допускались только лица, считавшиеся проверенными. На использовании ледоруба остановились, чтобы убийство было бесшумным. Организаторы преступления полагали, что Меркадер достаточно силен, чтобы нанести смертельный удар. Помимо ледоруба, у Меркадера были с собой револьвер и кинжал, которые он намеревался использовать в том случае, если бы ему потребовалось пробиваться наружу после совершения убийства. Эйтингон и Каридад Меркадер поджидали его в условленном месте неподалеку от авенида Виена[954].

Обитателей дома удивило, что Рамон явился в плаще в жаркий летний день, но подозрений это не вызвало. Рамон объяснил, что плохо себя чувствует и его знобит. Наталья Ивановна предложила ему стакан горячего чая. От чая Меркадер отказался, сказав, что хотел бы сначала завершить дело, ради которого он пришел, и выпил стакан холодной воды. Седова считала, что речь идет об обсуждении статьи. Рамон имел в виду совсем другое «дело».

Этот день запомнился Наталье Ивановне поминутно. Она вспоминала, что Лев Давидович поднялся утром в хорошем

настроении, позволив себе, впрочем, мрачно пошутить: «Мы смогли проспать всю ночь, и никто нас не убил. И ты еще не чувствуешь радости!» Утром Троцкий покормил кроликов, некоторое время приводил в порядок свои кактусы, затем до обеда и после обеда работал над статьей, посвященной последним событиям. На рабочем столе после покушения остались наброски текста, который был озаглавлен «Бонапартизм, фашизм и война»[955].

Меркадер явился около 5 часов дня. После нескольких приветственных слов они вдвоем с Троцким удалились в его кабинет. Седова вспоминает: «Прошли три или четыре минуты. Я находилась в соседней комнате. Внезапно раздался ужасный крик… В дверном проеме появился Лев Давидович и прислонился к нему. Его лицо было покрыто кровью, он моргал своими голубыми глазами без очков, его руки бессильно висели… «Что случилось? — закричала я. — Что случилось?» Совершенно растерянная, я обняла его. Он сказал спокойно: «Джексон», как будто хотел сказать мне: «Ну, вот, они это сделали». Я помогла ему опуститься на ковер столовой. «Наташа, — сказал он, — я люблю тебя». С большим трудом он затем произнес: «Удалите Севу — и, уже теряя сознание, но с чувством удовлетворения добавил: «Он хотел… еще раз… Я не дал ему… Не убивайте его… он должен… говорить»[956].

Всеволод (Эстебан) Волков вспоминает: «Мне до сих пор кажется, что кровавый и трагический день 20 августа был вчера. Я возвращался в веселом настроении из школы. Внезапно я заметил нечто необычное. Возле дома стояли полицейские в своих синих мундирах. Мучительная боль перехватила мое дыхание, я почувствовал, что в доме произошло что-то ужасное. Я ускорил шаг, быстро подошел к открытым воротам и в саду столкнулся с американцем Гаролдом Робинсоном, одним из секретарей деда. Он был очень возбужден, держал в руках револьвер и смог только крикнуть мне: «Джексон!» Когда я вошел в дом и заглянул в столовую, я увидел деда, лежащего на полу в луже крови. Наталья стояла возле него, прикладывая лед к ране»[957].

Именно в этот момент Троцкий заметил Севу и сказал, чтобы его увели.

О том, как произошло убийство, остались свидетельства и самого Меркадера: и непосредственно после покушения, и через три десятилетия. В показаниях следователю сразу же после ареста Меркадер заявил: «Я положил свой плащ на стол таким образом, чтобы иметь возможность вынуть оттуда ледоруб, который находился в кармане. Я решил не упускать замечательный случай, который представился мне. В тот момент, когда Троцкий

начал читать статью, послужившую мне предлогом, я вытащил ледоруб из плаща, сжал его в руке и, закрыв глаза, нанес им страшный удар по голове… Троцкий издал такой крик, который я никогда не забуду в жизни. Это было очень долгое «А-а-а», бесконечно долгое, и мне кажется, что этот крик до сих пор пронзает мой мозг. Троцкий порывисто вскочил, бросился на меня и укусил мне руку. Посмотрите: еще можно увидеть следы его зубов. Я его оттолкнул, он упал на пол. Затем поднялся и, спотыкаясь, выбежал из комнаты»[958].

Через много лет, в 1969 г., уже находясь в Москве, Меркадер рассказал о том, как он убивал Троцкого, П. Судоплатову. Троцкий, судя по этому рассказу, сел за стол и начал читать статью. Когда же убийца поднял ледоруб, он слегка повернул голову, видимо прореагировав на движение, и это изменило направление удара, ослабив его силу. Не прикончив Троцкого с первого раза, Рамон растерялся и не нанес второго удара, хотя имел кинжал[959].

Слегка иную версию Меркадер передал своему адвокату Эдуардо Сенисеросу, который воспроизвел ее в интервью 1995 г.: «Когда Меркадер вошел вслед за Троцким в его кабинет, он запер дверь изнутри. Этого было достаточно, чтобы Троцкий понял, что на него сейчас нападут. Он потянулся к ящику письменного стола, в котором лежал пистолет. Всегда утверждали, что удар был нанесен сзади. Но медэкспертиза показала, что это не так. Троцкий заслонился от удара руками и тем чуть-чуть ослабил удар. Наверное, поэтому он и прожил еще несколько часов. Так что удар Меркадер нанес, стоя лицом к лицу с Троцким. Он мог бы убить его, как только вошел, но он хотел, чтобы Троцкий понял, что должно произойти… Рамон дал ему это понять сознательно. Хотя он убил бы его в любом случае. Правда, он и сам не допускал возможности, что останется после покушения живым. Он готовился умереть и поэтому загодя не позаботился ни о какой защите. Потом он даже вытащил пистолет, но сам не стрелял, потому что не хотел других смертей»[960].

Последнее свидетельство не выглядит правдоподобным. Трудно сказать, кто лгал — сам Меркадер или его адвокат (обязанный лгать в пользу своего подзащитного). Наличие у убийцы пистолета и кинжала, а также тот факт, что его ожидали в машине, свидетельствовали о намерении уйти с места преступления живым, а не о желании сдаваться без сопротивления. Сложилось, однако, иначе. Ворвавшиеся в считаные секунды в кабинет Троцкого Гаролд Роббинс и другие секретари и охранники Троцкого набросились на убийцу, вырвали из его рук пистолет (которым он собирался воспользоваться),

начали его избивать и, скорее всего, убили бы, если бы не были остановлены самим Троцким, уже терявшим сознание. При этом Меркадер пытался объяснить, что НКВД заставил его убить Троцкого, угрожая в противном случае расправиться с его матерью. В момент, когда Меркадер кричал об этом избивавшим его сотрудникам Троцкого, смысла этих слов понять никто не мог. Он стал ясен только позже. Меркадер кричал: «Они заставили меня сделать это», «Они схватили мою мать», «Они посадят мою мать в тюрьму»[961]. Естественно, в кармане плаща убийцы прибывшие почти сразу же полицейские обнаружили письмо с обвинениями в адрес Троцкого, которое Меркадер написал под диктовку Эйтингона[962].

Троцкого отвезли в больницу, где ему немедленно была сделана трепанация черепа. Хотя в мозговой ткани оказалась рана глубиной в несколько сантиметров, врачи вначале считали, что рана не смертельна. Пришедшему в себя Троцкому сообщили, что рана не очень серьезна. Он этому не поверил: «На этот раз… им… удалось», — произнес он, запинаясь. Чтобы хотя бы как-то успокоить жену, он пытался пошутить, сказав, что в больнице ему постригли волосы и теперь нет необходимости вызывать парикмахера, который должен был прийти на днях. Вновь теряя сознание, он подозвал к себе своего секретаря Джозефа Хансена и сказал, что хочет кое-что продиктовать ему. «Кое-что по поводу французской статистики», — добавил он жене. Троцкий продиктовал ему свои последние слова: «Пожалуйста, скажите моим друзьям, что я уверен в победе 4-го Интернационала… Идите вперед»[963].

Долгие сутки врачи пытались привести своего пациента в сознание, продлить ему жизнь. Все было тщетно. В 7 часов 25 минут вечера 21 августа 1940 г. Лев Давидович Троцкий скончался.

Организаторы убийства — Эйтингон и Каридад Меркадер — бежали на Кубу, откуда — в США, затем в Китай. Сталин, узнав об успешном завершении операции, вызвал к себе Берию: «Мы будем награждать всех участников этого дела после возвращения Домой, — сказал он. — Что касается лица, которое привело приговор в исполнение, то высшая награда будет вручена ему после выхода из заключения. Посмотрим, какой он в действительности пролетарский революционер, как он проявит себя в это тяжелое для него время»[964].

В мае 1941 г. Эйтингон и Каридад прибыли наконец в Москву. 6 июня 1941 г. нарком внутренних дел СССР Берия подал на имя Сталина рапорт за № 1984/6 с просьбой о награждении убийц Троцкого высокими государственными наградами:

«Группой работников НКВД в 1940 г. было успешно выполнено специальное задание. НКВД СССР просит наградить орденами Союза ССР шесть товарищей, участвовавших в выполнении задания. Прошу Вашего решения». Сталин наложил резолюцию: «За (без публикации)»[965]. Закрытым указом Президиума Верховного Совета СССР орденами Ленина были награждены мать Рамона Меркадера Каридад и организаторы операции: сотрудники НКВД Л.П. Василевский, Судоплатов, И.Р. Постельняк и Эйтингон. Григулевич был награжден орденом Красного Знамени.

Сталин торжествовал. 24 августа в «Правде» появилось краткое, но тщательно отредактированное сообщение:

«СМЕРТЬ ТРОЦКОГО

Лондон, 22 августа (ТАСС). Лондонское радио сегодня сообщило:

В Мексике в больнице умер Троцкий от пролома черепа, полученного во время покушения на него одним из лиц его ближайшего окружения».

Через несколько дней, 28 августа, была опубликована редакционная статья «Правды», то ли полностью, то ли частично написанная Сталиным, во всяком случае явно соответствовавшая его стилю. Называлась она «Смерть международного шпиона». Небольшая по объему, эта статья свела воедино все клеветнические утверждения, негативные эпитеты и проклятия, которые накапливал Сталин на протяжении почти двух десятилетий. Чрезвычайно любопытно, что статья была датирована в оригинале 16 августа, то есть была написана за несколько дней до убийства Троцкого. Статью готовили про запас, в надежде, что в ближайшие дни расправа произойдет[966]:

«Телеграф принес известие о смерти Троцкого. По сообщению американских газет, на Троцкого, проживавшего последние годы в Мексике, было совершено покушение. Покушавшийся — Жак Морган Вандендрайш — один из ближайших людей и последователей Троцкого.

В могилу сошел человек, чье имя с презрением и проклятием произносят трудящиеся во всем мире, человек, который на протяжении многих лет боролся против дела рабочего класса и его авангарда — большевистской партии. Господствующие классы капиталистических стран потеряли верного своего слугу. Иностранные разведки лишились долголетнего матерого агента, организатора убийц, не брезгавшего никакими средствами для достижения своих контрреволюционных целей.

Троцкий прошел длинный путь предательства и измены, политического двурушничества и лицемерия. Недаром Ленин еще

в 1911 году окрестил Троцкого кличкой «Иудушка». И эта заслуженная кличка навсегда осталась за Троцким.

Троцкий начал свою политическую деятельность как меньшевик-антиреволюционер. Уже в 1903 году, на втором съезде РСДРП, он яростно выступает против Ленина, отстаивая и поддерживая взгляды Мартова и других антиреволюционных меньшевистских лидеров. Вскоре, к началу русско-японской войны, Троцкий еще откровеннее показывает свое лицо отступника и антиреволюционера. Он скатывается на позиции махрового оборончества, то есть защиты «отечества», царя, помещиков и капиталистов.

Революцию 1905 года Троцкий встретил пресловутой теорией «перманентной» революции. Это была теория разоружения пролетариата, демобилизации его сил. После поражения революции 1905 года Троцкий поддерживает меньшевиков-ликвидаторов. Владимир Ильич Ленин так писал тогда о Троцком:

«Троцкий повел себя как подлейший карьерист и фракционер… Болтает о партии, а ведет себя хуже всех прочих фракционеров».

Троцкий явился, как известно, организатором августовского антиреволюционного меньшевистского блока всех групп и течений, выступавших против Ленина.

Начавшуюся в августе 1914 года империалистическую войну Троцкий встретил, как и следовало ожидать, на той стороне баррикад — в стане защитников империалистической бойни. Он прикрывал свою измену пролетариату «левыми» фразами о борьбе с войной, фразами, рассчитанными на обман рабочего класса. По всем важнейшим вопросам войны и социализма Троцкий выступал против Ленина, против большевистской партии.

Все возрастающую силу влияния большевиков на рабочий класс, на солдатские массы после февральской буржуазно-демократической революции, огромную популярность лозунгов Ленина в народных массах меньшевик Троцкий расценивал по-своему. Он вступил в нашу партию в июле 1917 года вместе с группой своих единомышленников, заявив, что он «разоружился» до конца.

Последующие события показали, однако, что меньшевик Троцкий не разоружился, ни на минуту не прекратил борьбы против Ленина и вошел в нашу партию для того, чтобы взорвать ее изнутри.

Уже через несколько месяцев после Великой Октябрьской революции, весной 1918 года, Троцкий вместе с группой так называемых «левых» коммунистов и левых эсеров организует

злодейский заговор против Ленина, стремясь арестовать и физически уничтожить вождей пролетариата Ленина, Сталина и Свердлова. Как и всегда, сам Троцкий — провокатор, организатор убийц, интриган и авантюрист — остается в тени. Его руководящая роль в подготовке этого злодеяния, к счастью неудавшегося, полностью вскрывается лишь через два десятилетия на процессе антисоветского «правотроцкистского блока» в марте 1938 г. Только через двадцать лет грязный клубок преступлений Троцкого и его приспешников был окончательно распутан.

В годы гражданской войны, когда страна Советов отражала натиск многочисленных полчищ белогвардейцев и интервентов, Троцкий своими предательскими действиями и вредительскими приказами всячески ослаблял силу сопротивления Красной Армии, ввиду чего ему было воспрещено Лениным посещать Восточный и Южный фронты. Общеизвестен факт, когда Троцкий, в силу своего враждебного отношения к старым большевистским кадрам, пытался расстрелять целый ряд неугодных ему ответственных коммунистов-фронтовиков, действуя этим на руку врагу.

На том же процессе антисоветского «правотроцкистского блока» был перед всем миром вскрыт весь предательский, изменнический путь Троцкого: подсудимые на этом процессе, ближайшие сподвижники Троцкого, признались, что и они, и вместе с ними и их шеф Троцкий уже с 1921 года были агентами иностранных разведок, были международными шпионами. Они во главе с Троцким ревностно служили разведкам и генеральным штабам Англии, Франции, Германии, Японии.

Когда в 1929 году советское правительство выслало из пределов нашей родины контрреволюционера, изменника Троцкого, — капиталистические круги Европы и Америки приняли его в свои объятия. Это было не случайно. Это было закономерно. Ибо Троцкий уже давным-давно перешел на службу эксплуататорам рабочего класса. Троцкий запутался в своих собственных сетях, дойдя до предела человеческого падения. Его убили его же сторонники. С ним покончили те самые террористы, которых он учил убийству из-за угла, предательству и злодеяниям против рабочего класса, против страны Советов. Троцкий, организовавший злодейское убийство Кирова, Куйбышева, М. Горького, стал жертвой своих же собственных интриг, предательств, измен, злодеяний.

Так бесславно кончил свою жизнь этот презренный человек, сойдя в могилу с печатью международного шпиона и убийцы на челе».

Мировая пресса откликнулась на убийство весьма сдержанно. В основном повторялись те слухи и сплетни, которые журналистам удавалось раздобыть из мексиканских следственных и правительственных кругов. Оценочный материал в «большой» западной печати почти отсутствовал. Только в прессе сторонников Троцкого прямо и открыто подчеркивалось, что подлинным убийцей явился Сталин. В заявлении ЦК СРП США говорилось: «Не умея ни опровергнуть глубокий анализ Троцкого, ни ответить на его уничтожающую критику, Сталин в исступлении вонзил, наконец, острие топора в его мозг. В невероятно ужасающем методе самого убийства таится глубокий символ его значения и причины: он ударил по мозгу Троцкого!»[967]

Правительство Мексики приняло на свой счет организацию похорон Троцкого. В течение пяти дней открытый гроб находился в зале Такуба[968]. Мимо него прошли десятки тысяч людей, из которых лишь горстка относилась к троцкистам. Все остальные были просто любопытствующими, которым интересно было посмотреть на тело известного революционера, чье имя и поступки десятилетиями будоражили мир. 27 августа состоялись похороны. На следующий день траурный митинг был проведен в Нью-Йорке. Кэннон выступил на нем с речью, которую назвал «Памяти Старика»[969].

После смерти Троцкого советская разведка по заданию Центра предприняла попытки активизировать разложение организаций троцкистов, прежде всего в США. 27 января 1941 г. резиденту Геннадию (Г.Б. Овакимяну) в ответ на его предложения было направлено директивное письмо, из которого следовало, что и после смерти Троцкого советское руководство считает троцкизм основной идеологической проблемой, борьба с которой продолжает оставаться главной целью резидентуры НКВД за рубежом: «Мы согласны с Вами о необходимости активизировать борьбу с троцкистами, используя разброд среди троцкистов после смерти «Старика», отход многих из них и наличие неуверенности и разочарования в их среде. Для этого необходимо приобрести агентуру, способную на активные действия по разложению их рядов. Имеющаяся у нас агентура дает верную информацию, но проводить активные акции через нее мы не сможем. Сообщите Ваши конкретные предложения по возможным вербовкам и внедрению. В связи с активностью троцкистов по распространению литературы, засылаемой на советскую территорию, а также возможностью проникновения их на наши новые территории и использования старых связей… необходимо обратить внимание агентуры на это. Для облегчения наших

мероприятий по выявлению троцкистских контактов со стороны командиров советских судов, нам необходимо знать возможные пункты соприкосновения советских моряков с троцкистскими агитаторами — общественные места, пивнушки, магазины и пр., наиболее часто посещаемые прибывающими в порты США нашими моряками и используемые троцкистами. Все новые данные об этой «деятельности» немедленно телеграфьте»[970].

Через месяц в повторных директивах Геннадию о необходимости борьбы с американскими троцкистами Центр писал: «Проникнуть в механизм их тайной шпионской «кухни», вскрыть их вражескую работу против нас, особенно на новые территории — главная задача этой разработки для нас. Вторая наша задача по борьбе с троцкизмом — разложение их организаций и отдельных троцкистов». Более того, Центр предлагал начать разработку видных деятелей американского движения сторонников Троцкого: Сарры Вебер, Розы Карснер, Яна Франкеля, используя против первых двух — угрозу расправы с их родственниками, находившимися в СССР, а в отношении третьего — подкуп[971]. Судя по тому, что в документации ГУГБ эти сюжеты не получили дальнейшего развития, попытки вербовки американских троцкистов оказались безрезультатными, хотя раскол в троцкистском движении после смерти Троцкого продолжал усиливаться[972].

Что касается убийцы Троцкого Меркадера, то он был посажен в тюрьму Лекумберри. Следствие по его делу велось без излишней спешки и продолжалось почти четыре года. Единственным свидетелем, давшим показания о том, что убийство носило не личностный, а политический характер, стала Сильвия Аге-лофф. Вызванная на очную ставку, она потеряла над собой контроль и закричала: «Скажи хоть сейчас правду! Ты агент ГПУ! Они тебя заставили! По приказу Сталина заставили убить Троцкого! Начиная с Парижа ты обманывал меня. Думал только о том, как покончить с Троцким. Тебе нужно было использовать меня. Каналья!»[973]

Советское правительство и агентура НКВД обеспечили Меркадера хорошей правовой защитой. Берия распорядился не жалеть средств. Адвокатом стала известная юристка, кубинка Офелия Домингес, которая, используя всевозможные процедурные зацепки, пыталась добиться оправдательного приговора, но в этом не преуспела и смогла лишь сильно затянуть следствие. Не помогла и помощь другого высококвалифицированного адвоката — мексиканца Эдуардо Сенисероса. В мае 1944 г. суд федерального округа столицы Мексики вынес Меркадеру приговор: 20 лет заключения.

Показания С. Агелофф суд проигнорировал; Меркадер упорно повторял одну и ту же версию о личной мести и настаивал, что его зовут Жак Морнар; что он — бельгийский журналист, разочаровавшийся в троцкизме.

Полагая, что при каких-нибудь изменившихся условиях этот заключенный может вдруг оказаться полезным, его содержали достаточно комфортно — в отдельной камере, в которой через много лет даже поставили телевизор. Раз в неделю к Рамону приводили девушку по имени Ракелия Мендоса, бывшую актрису кабаре, которая позже стала его женой. Время от времени тюремщики разрешали заключенному вылазки в центр Мехико, разумеется под тщательным присмотром, вместе с ним посещали рестораны; возможно — надеялись разговорить Меркадера и получить от него какую-то информацию, но Меркадер держал язык за зубами.

Под руководством Эйтингона советская агентура готовила операцию по освобождению Меркадера из тюрьмы. Участвовали в операции разведчики с дипломатическими паспортами и мексиканские коммунисты. Однако несколько попыток организовать побег Меркадера из тюрьмы успехом не увенчались[974].

Подлинная фамилия убийцы и его происхождение были выяснены мексиканскими следственными органами только в 1950 г., когда юрист Альфонсо Куарон, изучавший личность преступника и заподозривший по некоторым признакам, что он каталонец, отправился в Барселону с фотографиями Морнара и смог найти людей, знавших этого человека в молодости, в частности полицейского комиссара Карлоса Боррегуеро. Последний узнал Рамона Меркадера, так как арестовывал его еще в 1935 г. Отпечатки пальцев, сохранившиеся в испанской полиции, были сопоставлены с мексиканскими отпечатками и подтвердили идентичность.

В заключении Меркадер провел 19 лет и 8 месяцев. Он был освобожден 6 мая 1960 г., в тот же день вылетел в Гавану, а оттуда — в Москву. 25 июня 1960 г. руководство КГБ СССР представило первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву докладную записку, в которой говорилось: «В силу своей безграничной преданности делу коммунизма и Советскому Союзу в период следствия и судебного разбирательства, а также на протяжении почти 20-летнего пребывания в тюрьме в условиях не прекращавшейся против него кампании угроз и провокаций [Р. Меркадер] проявил смелость, стойкость и высокую идейность, присущие настоящему коммунисту, и сохранил в тайне свою связь с органами государственной безопасности Советского

Союза».

Ни словом не упоминая, из-за чего Меркадер отсиживал срок и в чем состояли его заслуги, авторы докладной записки предлагали присвоить ему звание Героя Советского Союза. Хрущев ответил: «Построение коммунизма — дело ближайшего будущего, но вот этот товарищ достоин жить при коммунизме уже сегодня». 30 июня 1960 г. советское правительство присвоило Мерка-деру звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 11089) «за выполнение специального задания и проявленные при этом героизм и мужество». Золотую звезду ему выдавал лично председатель КГБ СССР А.Н. Шелепин. Указ остался негласным: в прессе он так и не был опубликован[975]. В СССР Меркадер жил под именем Рамона Ивановича Лопеса со своей женой Ракелией.

В Советском Союзе Меркадера приравняли к генералу КГБ, вышедшему на пенсию, дали пенсию 400 рублей в месяц. Он получил четырехкомнатную квартиру и дачу в престижном подмосковном поселке Кратово[976]. Знакомым он говорил, что работает в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, и действительно довольно часто появлялся там, ведя себя самоуверенно и гордо, постоянно нося Звезду Героя на распахнутом пиджаке.

Но на самом деле в этом институте он не работал, а занимал какое-то странное положение, будучи по ходатайству председателя компартии Испании Д. Ибаррури[977] прикомандированным к группе, занимавшейся изучением истории компартии Испании и испанской гражданской войны 1936–1939 гг. Сотрудники института злобно острили, что Меркадер работает над диссертацией на тему — «Альтернативный способ применения ледоруба»[978]. Убийца подал заявление о вступлении в КПСС. Поначалу ему было отказано первичной парторганизацией ИМЯ, так как он не смог собрать необходимые рекомендации. Вскоре, однако, он был принят в партию непосредственно Центральным комитетом, минуя все промежуточные инстанции[979]. Жена Меркадера работала диктором в испанской редакции московского радио.

Меркадер неоднократно стремился возвратиться в Испанию и обращался к ее коммунистическим лидерам Д. Ибаррури и С. Каррильо[980] с просьбами о содействии. Каррильо, ставший антисталинистом и одним из лидеров еврокоммунизма, обусловил свою поддержку тем, что Меркадер напишет воспоминания, в частности и о том, от кого и каким образом он получил приказ убить Троцкого. Убийца от этого предложения отказался, заявив, что он «никогда не предаст своих товарищей».

В СССР Лопес жил до 1974 г., после чего по приглашению Кастро выехал с женой и двоими приемными детьми на Кубу, где умер от рака легких в 1978 г. Жена привезла его прах в СССР, и он был захоронен на Кунцевском кладбище в Москве. На памятнике над его могилой значится понятная лишь посвященным надпись «Герой Советского Союза Рамон Иванович Лопес».

Павел Судоплатов к моменту смерти Сталина имел чин генерал-лейтенанта МГБ. После смерти Сталина был назначен заместителем начальника 2-го Главного управления (контрразведывательного) Министерства внутренних дел (МВД), заменившего НКВД. С мая 1953 г. по указанию Берии стал начальником сформированного 9-го отдела МВД. Это был разведывательно-диверсионный отдел, занимавшийся убийствами и диверсиями. 31 июля 1953 г., вскоре после снятия Берии, отдел был расформирован, а сам Судоплатов 21 августа арестован. Он успешно симулировал умопомешательство, до 1958 г. находился в психиатрической больнице, но в 1958 г. был приговорен к 15 годам заключения как пособник Берии, за многочисленные похищения и убийства. Освободили его в 1968 г. Посмертно — он умер в 1996 г. — были изданы его мемуары, ставшие для многих руководителей ФСБ настольной книгой.

Организатор операции Наум Эйтингон по возвращении в Москву в мае 1941 г. был лично принят Сталиным, пообещавшим, что, пока он, Сталин, жив, ни один волос с головы Эйтингона не упадет. В 1951 г. Эйтингон, к тому времени генерал-майор МГБ, все-таки был отстранен от работы и помещен под домашний арест. Его действительно не арестовали и не расстреляли. После смерти Сталина Эйтингон был освобожден из-под домашнего ареста и с мая 1953 г. восстановлен на работе в должности заместителя начальника 9-го отдела МВД. В конце 1957 г. его вновь арестовали — за преступления, совершенные в годы сталинского режима, и приговорили к 12 годам тюрьмы. В 1964 г. он был амнистирован, но на службу возвращен не был. Работал редактором в «Иностранной литературе» и «Международной книге».

Супруга Троцкого Наталья Седова после убийства мужа обратилась к американским властям с просьбой о предоставлении ей и 15-летнему Севе Волкову права убежища. С личным письмом по этому поводу к Рузвельту обратился находившийся в США немецкий писатель Эмиль Людвиг[981], который незадолго перед этим выпустил книгу, посвященную американскому президенту, где представил его в сильно розовом свете[982]. Людвиг писал, что вдова Троцкого находится под постоянной угрозой покушения со

стороны правых экстремистов и сталинских агентов, что она не принадлежит ни к какой партии и собирается в США заниматься архивом своего мужа, незадолго до гибели проданным Троцким Гарвардскому университету.

11 февраля 1941 г. Рузвельт отделался ничего не значившим вежливым письмом: «Я не сомневаюсь, что миссис Троцкая полностью стоит вне политики, но публика в течение ближайших года или двух на этот факт внимания не обратит. Более того, если ГПУ будет преследовать внука, оно, вероятно, найдет его здесь, как и в любом другом месте. Я склонен думать, что она и мальчик были бы в большей безопасности в каком-нибудь сравнительно маленьком городе или деревне в Мексике, чем в другом месте»[983].

В результате Седовой во въезде в США было отказано. Она жила в Мексике и до 1951 г. оставалась членом 4-го Интернационала, постепенно отдаляясь от традиционалистов, придерживавшихся мнения, что СССР остается «рабочим государством», которое следует защищать. 9 мая 1951 г. Седова послала Исполкому Интернационального секретариата письмо, в котором сообщала, что разногласия с позицией руководства этого объединения не оставляют ей иного выхода, кроме как объявить о выходе из его рядов. «Сталинизм и сталинское государство не имеют ничего общего ни с рабочим государством, ни с социализмом, — говорилось в письме. — Они являются самыми страшными и самыми опасными врагами социализма и рабочего класса». Письмо завершалось глубоким сожалением, что идеи Троцкого больше не являются руководством к деятельности Интернационала, тогда как она продолжает верить в эти идеи. Верная памяти своего мужа морально и идейно, Седова заключала: «Я остаюсь убежденной, что единственным выходом из настоящей ситуации является социалистическая революция, самоосвобождение мирового пролетариата»[984].

Последние годы жизни Седова провела в городе своей юности — Париже. В апреле 1956 г. американский журнал «Лайф» опубликовал пространную статью перебежчика Александра Орлова о том, что Сталин был агентом царской охранки[985]. Если в жизни Седовой были моменты, когда она чувствовала себя отмщенной, публикация Орлова была одним из них. Потрясенная новостью, Седова писала другу семьи и бывшей секретарше Троцкого Саре Якобс-Вебер: «Сегодня… прочла: «Сталин был агентом царской Охранки». У меня закружилась голова. Нет конца ударам! Все перевернулось. Не о чем говорить, объяснять. Все ясно. Но какая убийственная ясность […] Какое отчаяние за все прошлое, нет, это неправда! Подлая мысль все, — но не это.

Потом перечла все «по порядку». Нет, и это правда, правда! Как пережить этот удар? Как довести его до сведения Л. Т[роцкого] и других погибших? Как все это могло произойти? Непостижимо. Это сильнее атомной бомбы. Его надо было судить! […] И Орлов подлец. Молчал [все эти годы] из боязни за свою драгоценную жизнь. Какой позор. В чистую революцию вошел элемент грязи, и все запачкано»[986].

Как было бы все просто, если б так легко можно было объяснить постигшие Троцких, их детей и друзей несчастья.

Седова скончалась в 1962 г. Прах ее перевезли в Мексику и похоронили рядом с супругом во дворе того самого дома в Кой-оакане, где они прожили последние годы жизни, где был убит Троцкий и где ныне располагается его Дом-музей[987].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Троцкий был в первую очередь политиком. Он всегда оставался верным основополагающим догмам Маркса, Энгельса и некоторых их последователей (особенно Розы Люксембург и Парвуса), которые усвоил еще в молодом возрасте. Он был смелым человеком, верным идеям, которые разделял и которые разработал, в частности теории перманентной революции. На первый взгляд сами эти идеи в его сознании и деятельности менялись порой очень круто, однако всевозможные идейно-стратегические повороты в конечном счете оказывались вытекающими из той системы взглядов, которым он оставался верен. В этом заключалась ущербность Троцкого как политика.

Чтобы осилить своих врагов и неприятелей, ему требовалось политиканство, умение в нужных случаях пренебречь принципами, пойти на выгодную сделку, тактическую уловку. Только так в конечном итоге можно было обыграть противника. Но политиканства в Троцком не было. Троцкий был «типом верующего фанатика»[988]. Он «не понимал, как манипулировать людьми… В этом была его великая слабость»[989].

Троцкий был фанфароном, мастером позы, любителем эффекта, не в полной мере учитывающим, что эти свойства значительно уступают по своей эффективности систематической, негласной работе по насаждению верных, лично преданных кадров. Политическую деятельность Троцкий рассматривал как огромную сцену, а себя как великолепного актера, который играет выдающуюся роль. Беспристрастные наблюдатели, имевшие возможность сравнивать Троцкого с другими большевистскими деятелями, неизменно отдавали ему пальму первенства в аргументации, в донесении своей мысли до широкой аудитории при помощи свободно льющегося устного слова. Юный студент Варлам Шаламов, позже — узник советских концлагерей и видный писатель, так запечатлел результаты своих наблюдений: «С авторитетом Троцкого речь Луначарского ни в какое сравнение не может идти (ни в политическом, ни тем более в литературном плане). Троцкий — оратор более талантливый, чем краснобай Луначарский. Троцкий — оратор стиля особого, где сначала делался вывод, а потом он доказывался… У Троцкого не было лишней фразы, смущающей главной мысли, которая уже высказана. Тебе предстояло лишь подсчитывать бесконечные аргументы — одетые, конечно, всегда в оригинальную, блестящую даже одежду. Студенческие скептики говорили даже, что из-за этого постоянного блеска слушатель, зритель отвлекается от

глубины суждений Троцкого, которые были бы теснее, яснее при более простом, более шаблонном изложении дела»[990].

Личные черты Троцкого, особенности его характера как политика приводили к тому, что его деятельность почти всегда носила оппозиционный характер или же, по крайней мере, имела оппозиционные черты. Это относилось и к тому времени, когда он стоял у власти. Он не мог быть просто проводником определенной линии, тех или иных установок, даже если они были рождены им самим. Он постоянно стремился к постановке новых задач, что неизбежно вызывало раздражение, усиливавшееся недовольство, отпор или скрытый саботаж со стороны консервативных элементов во власти и даже в собственном окружении. А выдвижение новых рубежей всегда требовало разносторонней аргументации, анализа исторической ситуации.

Историко-аналитическая работа Троцкого, нашедшая выражение в ряде фундаментальных исторических и историко-политических исследований, была неотделима от его политической деятельности, точнее являлась одной из функций практической работы, направленной на создание принципиально новых общественных отношений, на укрепление большевистского режима, а позже на ликвидацию тем или иным путем этого режима в его сталинистском варианте. При этом аргументировать новые подходы или же отстаивать свое собственное понимание общественных реалий Троцкий стремился не просто убедительно и доходчиво, а красиво, с актерским блеском.

Ленину ненавистны были эти артистические черты в характере и облике Троцкого, которого он до 1917 г. не раз называл различными нелицеприятными кличками вплоть до Иудушки и про которого после прихода к власти говорил Горькому: Троцкий «с нами, но не наш». Что касается Сталина, то он не просто ненавидел Троцкого со всем его актерством, но еще и злобно ему завидовал. Чем иным, как не завистью, можно объяснить издевательское заявление, которое Сталин в 1927 г. бросил в покорную партийную аудиторию: «Я думаю, что Троцкий не заслуживает такого большого внимания. *(Голос с места: «Правильно!»)* Тем более что он напоминает больше актера, чем героя, а смешивать актера с героем нельзя ни в коем случае»[991].

В отличие от Ленина и тем более от Сталина Троцкий был в полном смысле слова харизматической личностью[992]. Простые люди (разумеется, далеко не все) подвергались магическому очарованию его ораторского таланта. Для более интеллигентной публики решающими были публицистические печатные выступления. Троцкий отлично понимал базовые человеческие

свойства, характерные для любой социальной формации, — лень, жадность, эгоизм, зависть, алчность; цинично называл людей «бесхвостыми обезьянами». Как и другие большевистские лидеры, он использовал все эти не очень приятные качества во имя реализации тех целей, которые ставила его партия и он сам — как руководитель государства. Он неизменно верил в возможность переделки человеческой природы при помощи социальноэкономических, идеологических, пропагандистских, педагогических и других мер, в которых основной удельный вес составляло принуждение, а во многих случаях — прямое насилие. Так социальная инженерия причудливо сочеталась в его облике с харизматическими качествами.

В революцию Троцкий всегда находился в эпицентре событий. Он порой оттеснял Ленина с решающих позиций, по крайней мере в прикладном смысле. Отдавая, с его точки зрения, должное партийному вождю и главе правительства, Троцкий не раз вступал с ним в острые споры. Эти столкновения, однако, не только не приводили к разрыву, но в конечном счете укрепляли сотрудничество. При этом отношения между обоими лидерами всегда оставались сугубо официальными. Не испытывая взаимных симпатий, Ленин и Троцкий сознавали, что они были необходимы друг другу и, разойдясь, не смогут сохранить власть. Для Троцкого такое понимание сохранилось вплоть до прекращения активной политической деятельности Ленина в конце 1922 г. Ленин же крайне тяготился этой ситуацией, стремился ее ликвидировать, но не мог.

Ленин предпочитал одиночество шумному митингу, сборищу крикливых, да еще и дурно пахнущих солдат. Речь Ленина не была гладкой, последовательной, артистичной. Он часто терял нить своей аргументации, сбивался, повторялся. Троцкий тоже не был лишен огрехов устного монолога. Но зачастую характерный недостаток его устного выступления, как и статей в прессе, превращался в своего рода достоинство. Этот недостаток состоял в излишнем разжевывании высказанной мысли. Троцкий с большой охотой разъезжал по всей стране, буквально упивался собственными выступлениями, умел блеснуть афоризмом, часто непонятным слушателю, причем создается впечатление, что крылатые выражения не готовились им заранее, а возникали спонтанно. Всего этого недоставало Ленину. В результате там, где для высших партийных кругов бесспорным лидером оставался Ленин, там для толпы и улицы действительным вождем был Троцкий.

Ленин всегда ощущал интеллектуальное превосходство Троцкого-трибуна. При этом Ленин, безусловно, понимал, что

еврейское происхождение Троцкого-Бронштейна было главным препятствием к тому, чтобы тот в российских условиях стал первым лицом государства. Тем не менее для противостояния Троцкому Ленин приблизил к себе еще одного нацмена — не очень грамотного грузина, в котором он видел жесткого организатора, не ограниченного моральными соображениями и нравственными предрассудками, к тому же не отягощенного, как Троцкий, опытом дореволюционных столкновений с Лениным. В результате в период Гражданской войны и непосредственно после нее возник своеобразный треугольник, в вершине которого находился Ленин, а два остальных угла занимали Троцкий и Сталин. «Угол Троцкого» был значительно более мощным, но «угол Сталина» постепенно становился решающим.

Ленину важна была власть. Он готов был проиграть революцию, но не готов был выпустить из рук управление партией. Троцкому важна была революция. И поэтому он не мог удержать власть, не был в состоянии правильно взвесить соотношение сил, оценить реальное положение дел. Он принимал торопливые решения, вытекавшие из теоретических и стратегических догм, то есть не был приспособлен к решению текущих и практических вопросов в той игре, которая происходила закулисно, за кремлевскими стенами. Троцкий был догматичнее Ленина. Его больший догматизм состоял прежде всего в неуклонной приверженности концепции перманентной революции, которую он пронес, подобно боевому знамени, начиная с 1905 г. Он отвергал и отбрасывал любые указания и намеки на нереализуемость, утопичность этой идеи и пытался объяснить ее постоянные неудачи конкретными причинами, внутренне совершенно не связанными с сущностью самой концепции.

Эти его качества в полной мере сохранились не только во времена оппозиционных выступлений против усиливавшегося сталинского единовластия, но и в годы эмиграции, в упорных попытках создания крупной и действенной международной организации своих сторонников. Эта организация так и не смогла выйти за пределы крайне узкого круга догматиков, продолжавших на протяжении десятилетий острые споры по вопросам мировой революции, чуждой сколько-нибудь широким слоям населения.

«Конечно, в революции он гигант, а Сталин пигмей, — писал историк А. Авторханов, — но, очутившись у власти, гигант сделался пигмеем, а пигмей превратился в гиганта»[993]. Сталин стал гигантом только по объему власти, которой он в конечном счете овладел. Троцкий превратился в пигмея по степени своего

общеполитического влияния, но не по личным качествам. Он не был лишен, как Ленин и Сталин, простых человеческих свойств — элементарной честности во взаимоотношениях с партийными коллегами, готовности поддаться чувству, в том числе в отношениях с женщинами, с которыми заводил многочисленные романы. Однако все эти качества в конечном итоге решительно перекрывались неуклонной верностью идее, в которую он изначально поверил, которую он разработал и которой стремился следовать, несмотря на непреодолимые препятствия. Именно это и позволяет считать Троцкого квазирелигиозным фанатиком.

Гибель Троцкого, сохранившего до последних дней жизни веру в утопические идеалы перманентной революции, которая в конечном итоге охватила бы весь мир, являлась элементом поражения и гибели самой этой коммунистической утопии, которую впервые попытались осуществить на практике в России и которая обернулась миллионами человеческих жертв, экономическими, политическими, идейными, моральными катастрофами, последствия которых российское общество продолжает переживать даже сегодня, поскольку избавиться от них крайне трудно. Российский ученый И.П. Павлов как-то сказал: «Вы родили идею, она ваша, она вам дорога, но вы вместе с тем должны быть беспристрастны. И если что-нибудь оказывается противным вашей идее, вы должны ее принести в жертву, должны от нее отказаться. Значит, привязанность, связанная с абсолютным беспристрастием, — такова следующая черта ума. Вот почему одно из мучений ученого человека — это постоянные сомнения, когда возникает новая подробность, новое обстоятельство. Вы с тревогой смотрите, чту эта новая подробность: за тебя или против тебя. И долгими опытами решается вопрос: смерть вашей идее или она уцелела?»[994]

Идея Троцкого не уцелела. Нередко говорят, что основной урок истории состоит в том, что она не способна ничему никого научить. При всем своем жизненном опыте, умении анализировать социально-политические явления, при всей своей вдумчивости и оригинальности мышления Лев Давидович Троцкий оказался не в состоянии отказаться от того навязчивого и только внешне логичного комплекса идей, которые не выдержали проверки временем и рухнули под тяжестью накопленного исторического опыта. Оказавшись упрямым в сохранении своей догматической веры, Троцкий не решился, не смог принести ее в жертву истине, не сумел понять, что магистральный путь исторического развития, подлинного прогресса человеческого общества лежит далеко в стороне от тех догм, которых он упорно придерживался.

В этом плане Сталин оказался практичнее и циничнее Троцкого. В противовес провалившейся теории перманентной революции он выдвинул лозунг социализма в одной стране. Как неоднократно случалось в истории, обе теории стали знаменем враждующих в борьбе за власть группировок, и это в конце концов стоило жизни проигравшей стороне. По той же причине абсолютно всеми две теории рассматривались как прямо противоположные, и никто так и не удосужился в пылу политических страстей разобраться в них по существу и понять, что практической разницы между ними не существует. Что же, собственно, заключали в себе теории, из-за которых гибли миллионы? Для понимания этого необходимо сначала ответить на вопрос, что скрывалось под лозунгом мировой (перманентной) революции.

Коммунистические теоретики предполагали, что революция не обязательно победит сразу во всем мире, но хотя бы в Европе; и даже не во всей Европе, а по крайней мере в группе европейских стран. Последнее было необходимо для того, чтобы создать замкнутую коммунистическую систему, способную противостоять военному натиску капиталистических государств, которые, как считали коммунистические теоретики, поставят своей главной задачей подавление революции. Кроме оборонительных целей («передышки»), преследовались еще и наступательные. Группа коммунистических стран, включающая прежде всего Германию, обладала бы сильной военной машиной, необходимой для постепенного захвата в коммунистическую орбиту все новых и новых территорий. Конечной целью этих захватов было, безусловно, установление коммунистической системы во всем мире. Соответственно, теория мировой революции, впервые выдвинутая Марксом и модернизованная Парвусом, Люксембург и Троцким, была тем орудием, которым от капиталистического мира одной за другой откалывались бы страны, где не без помощи коммунистического материка (в 1918 г. таким материком была Россия) организовывались и побеждали бы коммунистические революции.

Пока одна за другой вспыхивали (и угасали) революции — в Германии, Венгрии, Финляндии и Прибалтике, — теория Троцкого ни у кого не вызывала сомнений. Но после поражения революции в Германии и введенного «всерьез и надолго» НЭПа, когда нужно было налаживать отношения с Западом для использования западного капитала в деле поднятия разоренной революцией и военным коммунизмом советской экономики, теория мировой революции как официальная государственная стала неудобна. К тому же 1924 г. был еще и годом открытой

борьбы за власть после смерти Ленина; и оттеснить Троцкого было тяжело, не выдвинув предварительно формально противостоящей ему теории — социализм в отдельной стране.

Внешне сталинская теория была очень умеренной. По крайней мере, именно такой она казалась капиталистическому Западу. Советское руководство не ставило отныне своей целью завершение мировой революции в сжатые сроки и ограничивалось строительством социализма в границах СССР. На самом деле теория социализма в отдельной стране просто констатировала тот факт, что перманентная революция в Европе и Азии временно захлебнулась и наступившую передышку следует использовать для строительства социализма в СССР, то есть не в группе стран победившего коммунизма, противостоящих в экономическом и военном отношении капиталистическому миру, а всего лишь в одном, достаточно большом государстве.

Такая формулировка имела тем большее основание, что советское руководство все эти годы, начиная с 1917-го, очевидно переоценивало своих капиталистических противников, полагая, что им важнее всего расправиться с большевиками. Между тем у лидеров послевоенной Европы были совсем иные проблемы и планы, связанные прежде всего с восстановлением внутренней жизни, с постоянной борьбой за ликвидацию последствий мировой войны и за выполнение пунктов нелепого Версальского договора.

Сознание того, что «капиталистическое окружение» не намерено, по крайней мере в ближайшем будущем, идти на СССР крестовым походом, было новым обстоятельством, требующим, в период отлива революционной волны, отказа от риторики времен перманентной революции, хотя по существу никаких изменений в советской политике и в конечных целях советского руководства не производилось. В этом смысле теория социализма в отдельной стране была далека от оппортунизма ленинского Брестского мира. Брестский мир предопределял политику «передышки», от его подписания или неподписания зависели практические шаги советского правительства. Наоборот, теория «социализма в отдельной стране» лишь констатировала наступившее затишье в Европе и вынужденную передышку в дальнейших попытках Советов экспортировать революцию. Тем не менее Троцкий считал принципиальное решение строить социализм в отдельной стране — Советском Союзе — катастрофой. Уже понимая, что Запад не намерен подавлять СССР военным путем, Троцкий все-таки был против установки на одиночество. Почему?

В экономическом плане коммунистическая система не была конкурентоспособной. Она могла существовать лишь вопреки

всем правилам рыночной экономики и только благодаря тому, что насильственно подчинялась искусственным законам. Эти законы, как показал военный коммунизм, отметали рынок и конкуренцию. Коммунистическая революция никогда не ставила своей целью увеличение благосостояния народа или хотя бы рабочих. Она лишь обещала ликвидировать «капиталистическую эксплуатацию» и «перераспределить собственность» (то есть провести всеобщую национализацию). Почему-то подразумевалось, что от этого рабочий станет жить лучше. Но прямой цели улучшить экономическое положение рабочего перед коммунистами не стояло.

Вставшие перед большевиками проблемы замыкались в круг. Из-за поражения революции в Европе приходилось строить социализм в одной стране, плацдарм для мировой революции. Это значило, что с капиталистическим миром сосуществовать придется долго. Но сосуществовать в экономическом смысле означало конкурировать. А конкурировать с капиталистическим Западом трудно было с помощью неконкурентоспособной коммунистической системы. Поскольку речь шла лишь о передышке, во время которой предстояло создать собственную военную промышленность для ведения революционной войны, необходимо было поддерживать НЭП и получать помощь от капиталистических стран — в виде концессий, займов, специалистов… Это, в свою очередь, предусматривало отход от военного коммунизма, отказ от риторики времен мировой революции, замену открытой подрывной деятельности тайной (по линии Коминтерна). До тех пор пока не позволят обстоятельства, предстояло строить социализм в отдельной стране. Десять лет? Двадцать? Семьдесят? И все это время продолжать конкурировать с капиталистическим миром (который тоже ведь, как оказалось — и что исключала коммунистическая догма, — не стоял на месте). Но тогда передышка и тактическое отступление, вызванные антикоммунистическими восстаниями недовольного народа и приведшие к НЭПу, становились осознанной долгосрочной политикой; и социализм в отдельной стране мог оказаться не констатацией передышки, а конечной целью. Вот этого-то и боялся Троцкий.

Стоявший перед советским руководством ввібор был достаточно неприятен. Можно было либо оставаться слабой коммунистической державой и при схлынувшей революционной волне в Европе надеяться на милость капиталистических соседей (на что конечно же, по мнению советского руководства, в долгосрочном плане рассчитывать не приходилось); либо стать сильной страной, опираясь на капиталистические реформы

внутри СССР, на рыночную экономику, на капиталистическую же помощь из-за границы. Но это значило перестать быть страной коммунистической, по крайней мере в экономическом отношении. Получалось, что ни в том ни в другом случае нельзя было построить социализм в отдельной стране, в Советском Союзе. И именно поэтому Троцкий выступил против этой теории и продолжал настаивать на мировой революции, которая, разумеется, не означала немедленного развязывания революционной войны, но подразумевала ставку в первую очередь на экспорт революции, а во вторую — на строительство собственной сильной военно-промышленной базы, способной на военную интервенцию против стран «капиталистического окружения» (но ни в коем случае не наоборот).

Однако, в то время как Троцкого интересовали теоретические выкладки, сторонников теории социализма в одной стране интересовал сам Троцкий. Наследниками Ленина с ним давно уже велась борьба, целью которой было отстранение Троцкого от власти. Сам Троцкий, по крайней мере до конца 1925 г., не понимал, что с ним борются не из-за реальных идеологических или политических расхождений. Кажется, в этом смысле он был удивительно наивен и не подозревал, что в большевистской партии существует такое примитивное явление, как борьба за власть. В 1925 г., затравленный своими коллегами, он покинул военный комиссариат, последнюю свою крепость, и по существу сдался на милость победителей — Сталина, Зиновьева, Каменева и Бухарина, выступавших тогда против Троцкого единым блоком.

В этой борьбе Троцкий не мог победить хотя бы уже потому, что не вел ее «по-большевистски». Понадобился разрыв Сталина с Зиновьевым и Каменевым и блок Зиновьева с Троцким, чтобы последний начал бороться хотя бы с помощью своего достаточно бойкого пера. Однако никакой левой оппозиции Троцкого в то время еще не существовало, и все попытки, в том числе и самого Троцкого, представить дело так, будто левая оппозиция оформилась еще в 1923 г., при жизни Ленина, следует считать фальсификацией. В 1923 г. в партии действительно возникла оппозиционная группа, только Троцкий к ней не имел никакого отношения. Левая оппозиция Троцкого в действительном смысле этого слова появилась в декабре 1925 года, после блока Зиновьева с Троцким.

Однако наступивший 1926 г. был не лучшим годом оппозиционеров. Признаваться партии в том, что речь идет о борьбе за власть между Сталиным — Бухариным, с одной стороны, и Троцким-Зиновьевым — с другой, было достаточно невыгодно: оппозиционеров это привело бы к непременному

поражению, так как партийный аппарат в этом случае конечно же поддержал бы руководство уже стоящее у власти, а не свергнутых конкурентов. Для серьезной политической борьбы необходима была платформа; для платформы — очевидные разногласия. Разногласия эти нужно было сформулировать как в вопросах внутренней политики, так и в вопросах политики внешней. Во внутренней политике разногласия было сформулировать просто: критика НЭПа слева и призыв, по существу, к возврату военного коммунизма.

Сложнее было с разногласиями внешнеполитическими. Первоначально оппозиция пыталась формулировать их по вопросу о генеральной стачке в Англии. Однако эта тема откровенно не интересовала партийные низы. А распространенный оппозицией в июле 1926 г. документ о генеральной стачке в Англии, написанный ужасным языком и подписанный Зиновьевым, Троцким, Каменевым, Пятаковым и Крупской, в целом следует считать крайне неудачным. Неясно, к чему бы привели поиски расхождений во внешнеполитической программе, если бы не начавшаяся революция в Китае.

Для формирования левой оппозиции этого было больше чем достаточно. Подвергая правительство критике слева, оппозиция утверждала, что Сталин с Бухариным ведут в Китае оппортунистическую политику, обрекая китайскую революцию на поражение. В тактическом отношении оппозиция заняла, по существу, беспроигрышную позицию: в случае поражения революции в Китае она могла утверждать, что в этом виновата оппортунистическая политика Сталина — Бухарина; в случае победы — что победа одержана благодаря бдительной критике со стороны оппозиции и тому, что правительство последовало указаниям оппозиционеров.

Левая оппозиция по вопросу о китайской революции несколько походила на левую оппозицию против Брестского мира. Очевидно и то, что сталинско-бухаринская политика в отношении китайской революции во многом повторяла ленинскую политику «брестской передышки». Но если Ленин боялся как таковой победы коммунистической революции в Германии и уготовленной для него в этом случае второстепенной роли, Сталин, судя по всему, опасался совсем другого. Он понимал, что коммунистическая революция в Китае приведет к гражданской войне и распаду слабого китайского государства. В эту гражданскую войну неизбежно вмешается Япония и без труда одержит в Китае победу. Советская же интервенция в Китай приведет лишь к советско-японскому конфликту. А к столкновению с Японией Советский Союз в 1927 г. готов не был.

По этим причинам до тех пор, пока между Чан Кайши и китайской компартией существовал блок, Сталин не считал нужным организовывать коммунистический переворот в Китае, на чем настаивала оппозиция.

Япония всегда занимала особое место во внешней политике Советского государства. Достаточно указать на то, что японская интервенция на Дальнем Востоке времен Гражданской войны, в отличие от американской, английской и французской, была реальной и длительной. Дальневосточная республика, просуществовавшая до 1922 г., была создана как буфер против неизбежной японской оккупации Дальнего Востока. И именно Япония, а не Европа была основным внешнеполитическим противником СССР в 20-х и 30-х гг. Ради противостояния Японии были восстановлены в начале 30-х гг. советско-американские отношения. Для скорейшего отражения вероятной японской агрессии (а не на случай войны в Европе) в 1937 г. началось создание мощной промышленной базы на Урале, Дальнем Востоке, в Сибири, Казахстане и Средней Азии. В том же году Япония приступила к оккупации Китая (сталинская политика в Китае обеспечила СССР передышку в десять лет) и к октябрю 1938 г. заняла значительную его часть, выйдя к границам Монголии, оккупированной, в свою очередь, Советским Союзом. Началось противостояние двух армий, которое, по крайней мере дважды, приводило к локальным войнам: в июне — августе 1938 г. в районе озера Хасан и в мае — сентябре 1939 г. на реке Халхин-Гол, где конфликт был урегулирован только благодаря посредничеству Германии, предусмотренному, по настоянию Сталина, одним из пунктов пакта Молотова — Риббентропа, подписанного в августе 1939 г.

Конечно, советское руководство вряд ли предвидело все это в 1927 г. Но общая напряженность в советско-японских отношениях требовала наличия сильного единого национального Китая, способного противостоять японской агрессии, а не коммунистического слабого, раздробленного гражданской войной государства, напрашивающегося в жертвы к Японии. И хотя по линии Коминтерна само же советское правительство усиливало компартию и готовило ее к возможному коммунистическому перевороту в стране, установление в Китае коммунистического режима в 1927 г. не входило в планы Сталина. Ради передышки в войне с Японией он готов был принести в жертву коммунистическую революцию в Китае точно так же, как в 1918 г. в жертву передышке принесли ожидаемую революцию в Германии.

Правда, в 1918 г. Ленин великодушно простил левых

коммунистов и никогда не напоминал им об их былой ереси. Неудачное наступление Красной армии на запад в январе 1919 г. (в соответствии с программой левых коммунистов) и поражение коммунистического переворота в Германии само собой ликвидировали эту проблему. Сталин был куда злопамятней. В декабре 1927 г. он начал репрессии против левой оппозиции Троцкого. Тогда же, на очередном (XV) партийном съезде, он заставил оппозиционеров публично капитулировать. Одновременно с этим он принял на вооружение платформу оппозиционеров в основных ее пунктах: отказ от НЭПа и, в связи с распадом блока китайских коммунистов с правительством, курс на коммунистический переворот и вооруженное восстание в Китае. Этим он обезоружил оппозицию, а затем, потерпев поражение в Китае (как в 1919 г. — в Германии), вместо того чтобы, подобно Ленину, предать инцидент забвению, сослал всех оппозиционеров.

Хотим мы этого или нет, время меняет наше видение прошлого. До конца 80-х гг. казалось, что прав Сталин. Он вышел победителем из Второй мировой войны, захватил многочисленные страны Восточной Европы. Советская империя простиралась на многие континенты. На этом фоне Троцкий выглядел утопистом-мечтателем. Но из-за невозможности конкурировать с капиталистическим миром две великие коммунистические державы — Китай и СССР — занялись проведением далеко не социалистических реформ. И под тяжестью этих реформ по крайней мере одна империя — Советская — развалилась.

Сегодня очевиден вывод о том, что сталинская теория построения социализма в отдельной стране провалилась. Коммунистическая система так и осталась неконкурентоспособной. Потеряв темп и наступательную динамику, не сумев своевременно захватить западные промышленные страны, Советское государство не обеспечило себе свободного от конкуренции рынка. Вынужденное соревноваться с Америкой и Китаем, оно неудачно пыталось провести «капиталистические» реформы, приведшие к гибели советской власти. Может быть (с точки зрения коммунистических интересов), не так уж не прав был Троцкий, настаивая на мировой революции и скорейшем достижении конечной цели. Но и его теория провалилась в одном решающем пункте. Интернационалист Троцкий никогда не уделял достаточного внимания национальному вопросу. Созданная им модель исключала национальные проблемы внутри коммунистического лагеря. Советско-югославский, советско-китайский, китайско-

вьетнамский и вьетнамо-камбоджийский конфликты, равно как и постоянная напряженность в венгерско-румынских отношениях, показали, что Троцкий ошибался и столкновения между коммунистическими державами столь же неизбежны, как и между «капиталистическими». И тогда замыкался последний круг: конкуренция диктовала необходимость быть сильным; для этого требовалось поднятие экономики, что, в свою очередь, возможно было сделать через «капиталистическую» перестройку. После семидесяти лет, проведенных в порочном кругу революции, у советского руководства сдали нервы. Продержавшись почти три четверти века, уничтожив десятки миллионов людей и разорив страну, большевики бросили власть столь же поспешно, как и захватили ее.

СПИСОК АББРЕВИАТУР

АН СССР — Академия наук Союза Советских Социалистических Республик

АПРФ — Архив Президента Российской Федерации

ВКП(б) — Всероссийская коммунистическая партия (большевиков)

ВЛКСМ — Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи

ВМОРО — Внутренняя македонско-одринская революционная организация

ВСНХ — Высший совет народного хозяйства

ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет

ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

ГДА СБУ — Галузевий державний архів Служби безпеки України

ГПУ — Государственное политическое управление

ГУГБ — Главное управление государственной безопасности

ГУЛАГ — Главное управление исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключения

ИККИ — Исполнительный комитет Коммунистического интернационала

ИМЛ — Институт мировой литературы

ИМЭ — Институт Маркса и Энгельса при ЦИК СССР

ИНО — Иностранный отдел ОГПУ

КГБ — Комитет государственной безопасности

КИМ — Коммунистический интернационал молодежи

КЛА — Коммунистическая лига Америки

Кпа — Коммунистическая партия Австрии

КП(б)У — Коммунистическая партия (большевиков) Украины

Кпг — Коммунистическая партия Германии

КпИ — Коммунистическая партия Испании

Кпк — Коммунистическая партия Китая

МИД — Министерство иностранных дел

МИСИ — Международный институт социальной истории в Амстердаме

МСБ — Международное социалистическое бюро

НАТО — Организация Североатлантического договора

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел

НКИД — Народный комиссариат иностранных дел

НКТ — Национальная конфедерация труда (Испания)

НСПГ — Независимая социалистическая партия Голландии

НЭП — Новая экономическая политика

ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление

ОК — Организационная комиссия

ПЛСР — Партия левых социалистов-революционеров

ПОУМ — Рабочая партия марксистского единства (*исп.* Partido Obrero de Unificacidn Marxista)

ПСР — Партия социалистов-революционеров

ПСС — Полное собрание сочинений

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории

РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия

РКП(б) — Российская коммунистическая партия (большевиков)

РОВС — Русский общевоинский союз

РОСТА — Российское телеграфное агентство

РСДРП — Российская социал-демократическая рабочая партия

РСПГ — Революционно-социалистическая партия Германии

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистиче

ская Республика

СДПА — Социал-демократическая партия Австрии

СНК — Совет народных комиссаров

СРП США — Социалистическая рабочая партия США

СРПГ — Социалистическая рабочая партия Германии

СТО — Совет труда и обороны

СФИО (SFIO) — сокращенное от *фр.* Section Franˆaise de I’lnternationale Ouvriere — Французская секция рабочего Интернационала

ТАСС — Телеграфное агентство Советского Союза

ФБР — Федеральное бюро расследования

ФКП — Французская коммунистическая партия

ФСБ — Федеральная служба безопасности Российской Федерации

ЦДАГОУ — Центральний державний архів громадських обіднань України

ЦДА на РБ — Централен държавен архив на Република България

ЦИК — Центральный исполнительный комитет
ЦК — Центральный комитет
ЦКК — Центральная контрольная комиссия
ЦО — Центральный (печатный) орган

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

В указатель не включены Л.Д. Троцкий, В.И. Ленин и И.В. Сталин, а также имена тех авторов, чьи работы упоминаются только в примечаниях

Аберн М. 62
Абрамович-Рейн Р.А. 101, 247, 294, 295, 318, 320
Аввакум (протопоп) 299
Авторханов А. Г. 457
Атабеков (Арутюнов) Г.С. 37
Агелофф С. 413, 435, 446
Агиляр Л.А. 424
Агранов Я.С. 22
Адлер Р.Т. 45, 235
Азеф Е.Ф. 92
Айзекс Г. 78
Айзенштадт И.Л. 101
Аксельрод Ю.С. 452
Аксянцев (заключенный) 332
Александер Р. 339
Александрович (Дмитриевский) В.А. 29, 30
Алексеев *см.* Косенко Г.Н.
Амендола Дж. 116
Андерсен (Нексе) М. 334
Андреев А.А. 515
Андреев Л.Н. 13
Андреев С.И. 30, 329, 330
Андреевская Е.К. 416
Андрейченко А.Н. 328
Анин-Пупко М.М. 328
Антонов В. 230, 303
Антонов-Овсеенко В.А. 160, 217, 294
Апресян С. 234
Ареас А. 258
Ареналь, братья 424
Ареналь Л. 425
Арманд И. 263, 269
Арнольд В. 334
Аронсон А.Я. 101
Аронсон Г.Я. 101
Асанья (Асано) М. 304, 306
Acne М. 304, 306, 307
Атанасов Б. 230, 231

Ауссем-Орлов В. В. 330
Ауссем-Орлов В.Х. 330
Афанасьев (Афанасиев) Б. *см. также* Атанасов Б. 230, 231, 240
Ахмеров И.А. 333, 334, 422
Бабель И.Э. 222
Бажан М.П. 330
Бажанов Б. 30, 453
Балицкий В.А. 23, 325
Барбюс А. 192
Бармин (Графф) А.Г. 287, 291
Баттерворс Т. 9
Бах Ф. 255
Бедный Д. 220
Белова А. 258
Бенеш Э. 393
Берзин Э.П. 309
Берия Л.П. 219, 230, 238, 297, 311, 315, 319, 322, 430, 439, 440, 446, 449
Берни Е. 68
Бертран Р. *см.* Клемент Р.
Бёрд Ч. 343
Бернхем Дж. 404, 405, 407, 408
Билс К. 341, 348-351
Бинштok Г.О. 101
Бисмарк О. 450
Блек Т. 423
Блэквелл Р. 69
Блюм Л. 247
Блюмкин Я.Г. 28–33, 35–39, 54, 230, 233, 283
Блюхер В.К. 310 Бо М.171
Борджиа Ц. 243
Бородин (Грузенберг) М.М. 348, 349, 351
Брандлер Г. 34, 50
Брандт В. 201, 202
Браудер Э. 404
Браун Х. 344
Брежнев Л.И. 429
Бреннер А. 249
Бретон А. 271, 272, 274
Бронштейн А.А. 101
Бронштейн А.Л. 499
Бронштейн Д.Л. 499
Бронштейн З.Л.

см. Волкова З.Л.
Бронштейн Н.Л. 499, 504
Бронштейн-Гарви *см.* Гарви Бронштейны 102
Буланов П.П. 386
Буллит В. 308
Бухарин Н.И. 29, 40, 121, 122, 137, 327, 328, 332, 381, 386, 462, 463 Буш Н. 403
Вальхер Я. 199, 200
Вандендрайш Ж.М. 441
Вандендрехд *см.* Меркадер Р.
Вандервельде Э. 149
Ван Фаньси 72
Ванцетти Б. 342, 344
Василевский Л.П. 440
Васильев А. 25, 26
Вебер Г. 54
Вебер С. 163, 445, 451
Вейл Р. 413
Вейль Б. 200
Вейль С. 200
Вейсборд А. 65, 66
Ведь Р. 236, 237
Вереекен Ж. 281
Верещагин И.П. 101
Виллнер А. 455
Вильи Ф. 255
Винс Г. 158
Волин В.М. 101
Волков Э. (Всеволод) 180, 419, 425, 437, 448, 450, 452, 505
Волкова З.Л. 101, 102, 109, 111, 499, 505
Волкогонов Д.А. 24, 159
Волкофф Н. 452
Волосов Б.И. 101
Волфи Э. 268
Вольф Э. 295, 345
Врачев И.Я. 9, 20, 40
Вуррис Дж. 405
Вышинский А.Я. 321, 325, 326, 338, 351, 388
Галло А. 68
Ганди М.192
Гарви (Бронштейн) П.А. 101
Гарви (Бронштейн) С.С. 101
Гачев Д. 61
Гвинней Р. 68

Гельд В. 181, 200–202, 251
Гетти Дж. А. 155, 158
Гёте И. 450
Гидальго А. 249, 250, 255, 273
Гинденбург П. фон 256
Гинзберг Р. 287, 320
Гитлер А. 26, 56, 63, 109, 118–120, 151, 153, 172, 174, 181, 195, 198, 212, 213, 286, 295, 309, 380, 385, 389, 390, 392–402, 410
Глоцер А. 63, 64, 168, 200, 202, 340, 344–346, 349, 350
Глэсс Ф. 78
Голль Ш. де 167
Голубенко Н.В. 325–327
Гольдман А. 344, 346, 403, 431
Голыдман Э.С. 157, 246
Гордиевский О. 99
Горкин (Гомес) Х. 57, 128
Горская Е.Ю. 32, 36–38, 233
Горький М. 13, 103, 166, 323, 382, 443, 455
Гоффенберг И.С. 101
Гребнер О.Э. 175
Греф Я. 236
Григулевич И.Р. 294, 295, 414–418, 423–426, 429, 440, 506
Грилевич А. 53, 56, 293
Гуревич Б.Л. 101
Гуров Г.Г. 24, 124, 125, 128, 147, 160
Гутцайт П.Д· 416, 430
Гучков А.И. 284
Гучкова-Трейл В.А. 284
Грюнвальд Е.И. 101
Дайес М. 403, 404
Даладье Э. 162, 165
Далин Д. 227, 228, 316–320
Дан (Гурвич) Ф.И. 100, 101
Данн В. 275
Депре Л. 340
Дерибас Т.Д. 22, 309
Дерябин П. 297
Джилл Г. 360, 361
Джордж Л. 86
Джугашвили И. (Сталин И.В.) 84, 289, 372, 373, 387, 388
Джусто А. 68
Дзержинский Ф.Э. 28–30, 243, 325
Дингельштедт Ф. 18
Дмитриевский С. 16, 17

Добиньи Ш. 168
Дойчер И. 111, 242, 256
Доманевская О.О. 101
Дорио Ж. 164
Дос Пассос Д. 339
Драйзер Т. 344
Драуле М. 174
Дрейцер Е.А. 219
Дунаевская Р. 364
Дьюи Д. 63, 340, 341, 343, 344, 346–348, 350, 351, 506
Дюбуа А.Э. 101
Дюмулен Ж. 46
Дюранти У. 191
Евдокимов Г.Е. 220
Егоров А.И. 379, 380
Ежов Н.И. 27, 293, 298, 307–309, 316, 387, 418, 419
Енукидзе А.С. 17
Ермолаев Д. В. 331
Жид А. 285, 286
Жуо Л. 46
Зайпольд О. 56, 128
Зарубин В.М. 32, 233, 238, 314
Затонский В.П. 330
Зборовский М.Г. 227–234, 239–242, 284, 291, 296, 297, 301, 302, 314–320, 362, 363, 365
Зеленое М.В. 239
Зеллер Ф.184, 210, 211
Зиновьев Г.Е. 14, 15, 18, 19, 21, 50, 71, 158, 185, 191, 217, 219, 220, 243, 244, 310, 327, 335, 380, 462, 463, 503, 504
Зубилин В. 32, 233, 238
Ибаррури Д. 448
Иззет-паша А. 43, 44, 52, 137
Израиль Е.Л. 101
Илизаров Б.С. 370
Иоффе А.А. 12
Иоффе Н.А. 323
Иремашвили И. 364, 365
Истмен М. 11, 12, 43, 61, 62, 86–89, 209, 241, 256, 341, 344, 349, 350, 352, 356, 361, 407, 504
Истмен-Крыленко Е.В. *см.* Крыленко Е.В.
Йокко (член Ленинбунда) 53
Кабальеро Л. 304, 305
Кавтарадзе С.И. 40
Каган А.С. 10, 364

Каганович Л.М. 210, 218–221, 223, 224, 245, 289
Кадт Я. де 200
Казас Ж. 263, 265
Казбеги А. 373
Каллен С. 433
Кало В. 257
Кало Ф. 69, 253, 255–259, 261–263, 267–270
Кальдерон М. 257
Камачо М.А. 429
Каменев Л.Б. 8, 18, 21, 158, 185, 191, 217–220, 243, 327, 372, 374, 375, 380, 462, 463, 503, 504
Каменева (Бронштейн) О.Д. 323, 324
Кампа В. 417
Карденас Л. 250, 270, 273, 417
Карнаух Б.А. 20
Каррильо С. 448, 449
Карснер Р. 275
Каун А.Д. 13, 14
Каутский К. 16, 328
Каховская И.К. 28, 29
Керенский А.Ф. 92, 158
Кефали М. 241
Кингсли М. 257, 348
Киров С.М. 27, 173, 174, 185, 187, 188, 211, 217, 222, 443
Клейман Ю. 401
Клемент Р. 170, 301, 302
Клячко А.К. 12, 112, 177
Кнудсен К. 181, 184, 224, 251, 506
Кобецкий М. В. 141, 145
Коллонтай А. М. 141, 160, 223
Кольцов М. 247, 286
Компанис Л. 217
Конев И.С. 219
Конникова А. 62
Корделл Х. 354
Кортес Ф. 261
Корш К. 34
Косарев А. В. 211
Косенко Г.Н. 230, 239
Косиор В.В. 330
Косиор С.В. 330
Котов *см.* Эйтингон Н.И.
Коутиньо Р. 69
Коцюбинский М.М. 326

Коцюбинский Ю.М. 325–327
Краснов П.Н. 325
Крестинский Н.И. 29, 486
Кривицкий В.Г. 287, 288, 291, 293
Кронфельд А. 104
Крупская Н.К. 221, 235, 243, 263, 269, 274, 463
Крыленко Е.В. 11, 12
Куарон А. 446
Кудашева М.П. 177
Куйбышев В. В. 322, 381, 443
Курник Н. 308
Куроедов П.С. 17, 25
Кутепов А.П. 230
Кшесинская М.Ф. 174
Кэннон Дж. 62, 64, 66, 67, 205, 207, 275, 406, 407, 444
Лаборде Г. 417
Ладыженский И.И. 101
Лакруа А. (Франсиско Гарсиа Давид) 57, 59
Ландау К. 53, 55, 56, 123, 133, 294
Лафоллет С. 341
Лезуаль Л. 60, 128
Леонетти А. 134
Лёббе (Люббе) М. ван дер 174
Ли Т. 224, 225
Лившиц Я.А. 218
Литвинов М.М. 103, 162, 224, 394
Лобо А. 69
Логинов В.Ф. 325–327
Ломинадзе В. В. 157
Лопес К. 68, 447, 449
Лопес Р.И. *см.* Меркадер Р.
Луначарский А.В. 176, 454
Людвиг Э. 283, 285, 450
Людовик XIV 409
Люксембург Р. 453, 459
Люшков Г.С. 309–315
Лян Ганьцяо 72
Мадзини Дж. 342
Макдональд Д. 68
Макиавелли Н. 243
Маламут Ч. 367–369, 403
Малапарте К. 144
Мальви Л. 163
Мальро А. 165–167, 177

Манов С. 61
Мао Цзэдун 63, 74, 79
Маркс К. 70, 192, 196, 199, 235, 257, 260, 342, 356, 367, 392, 453
Мартен Паллиер Ж. де 44, 235, 296
Марти А. 294, 314
Мартов Ю. 116, 202, 217, 441
Маслов А. 34, 50, 51
Маете А. 205, 207
Маурин Х. 59
Медведев Ж.А. 26
Медведев Р.А. 26
Медведев С.П. 327
Менакер Р. 66
Мендоса Р. 446
Менжинский В.Р. 31, 37
Мергейм А. 46
Меркадер К. 412, 431, 439, 440
Меркадер Р. 412–415, 433-449
Металликов М.С. 324
Меттьюз М. 403
Милези П. 68
Миллер Е.К. 232, 233
Милль П. 128, 129, 134–139, 147
Минц И.И. 378
Мирбах В. 28–30
Михайлов (заключенный) 332
Моглин З.Б. 322
Молинье А. 49, 171, 172, 179, 180
Молинье Ж. 43, 50, 109, 235, 301
Молинье Р. 43–50, 60, 68, 133, 134, 136, 138, 164, 165, 171, 172, 180, 235, 273, 301
Молотов В.М. 7, 21, 122, 289, 391, 392, 394, 398, 401, 465
Молчанов Г.А. 310
Монатт П. 46, 117
Монзи А. де 150
Моносзон-Шварц С.М. 101
Морнар Ж. *см.* Меркадер Р.
Мрачковский С.В. 220, 327
Муни Т. 344
Муралов Н. 18, 321
Муссолини Б. 116, 144, 150, 182, 380, 393, 397, 402
Мюллер А. 54
Наваковский Я.С. 101

Навилль Д. 366
Навилль П. 42, 46–49, 55, 128, 133, 134, 136, 137, 156, 168, 204, 232, 234, 280, 301, 366
Наполеон Бонапарт 450
Невельсон Л.М. 323
Невельсон М.С. 323
Негрин Х. 304–307
Нель Си (Лю Лосань) 78, 79
Неруда П. 429
Нибур Р. 339
Николаев Л.В. 173, 174
Николаевский Б.И. 25, 100, 101, 150, 156, 166, 227, 240242, 248, 292, 295, 311, 312, 318–320, 324, 343, 356, 357, 362-365
Нин П.А. 57–60, 68, 133, 134, 214–217, 294, 307, 415
Новак Дж. 253, 255, 339, 350
Носков-Ардонев П.В. 101
Овакимян Г.Б. 423, 434, 444
Оверстратен Э. ван 60, 61, 128
Олеша Ю. 180
Олешко (заключенный) 328
Ольберг В.П. 244, 245
Ольминский М.С. 366
О'Нейл У. 62, 407
Орджоникидзе Г.К. 387
Орлов А.М. 32, 37, 38, 103, 229, 231, 240, 294, 295, 303, 304, 307–309, 313–320, 411–415, 451
Павлов И.П. 458
Паз М. 34, 42–44, 46, 128, 189
Палладии А.В. 330
Палмер Ф. 66
Панцов А.В. 70–74, 77, 79
Парвус А.Л. 453, 459, 500
Парижанин (Донзель) М. 89, 161
Пассов З.И. 430
Пердоса М. 68
Перкинс Ф. 353, 354
Пескин М. 101
Петен А.-Ф. 150
Петров В. 433, 434
Пикель Р.В. 218, 219
Плевицкая Н.В. 103, 284
Плеханов Г. В. 17, 374
Покрасов И.Я. 326
Порш Н.В. 101

Поскребышев А.Н. 324
Поскребышева-Металликова Б.С. 324
Постельняк И.Р. 440
Постумус Н. 239
Постышев П.П. 329
Потресов А.И. 101
Потресов А.Н. 529
Потресова Е.А. 101
Преображенский Е.А. 96, 157, 158, 220
Престес Л.К. 69
Прието И. 304
Притт Д.Н. 335
Путна В.К. 231
Пушкин А.С. 381
Пэйтон Д. 165
Пэн Шучжи 77
Пюнтервольд М. 225, 250, 251
Пятаков Г.Л. 220, 256, 295, 321, 325–327, 330, 339, 347, 463
Радек К.Б. 19, 20, 32–34, 38, 157, 166, 220, 256, 321, 334, 338
Ракамон Ж. 142
Раковский Х.Г. 18, 19, 23, 24, 120, 150, 156, 185, 186, 220, 322, 324, 386
Раурих Р. 68
Рейн-Абрамович М.Р. 294
Рейн-Абрамович Р.П. 101
Рейсс И. 282–289, 291, 296
Риббентроп И. фон 391, 392, 397, 400, 401, 465
Ривера Д. 69, 249, 253, 255, 256, 258–262, 270, 271, 273–275, 298, 333, 415
Рицци Б. 278
Робеспьер М. 401
Робинсон Г. 437
Родман С. 351
Розенберг Дж. 66
Розенберг М.И. 305, 306
Розенберг Э. 66
Розенмарк Г.Р. 335
Розенталь Ж. 47, 180, 300
Розенцвейг Е.Ю. 32
Роллан Р. 177, 182, 183, 192, 285
Ромм В. 338, 339
Росмер А. 34, 42, 43, 46, 52, 79, 123, 127, 128, 133, 279, 280, 341, 413, 419, 434, 435
Росмер М. 43, 123, 189, 279, 280, 413, 419, 434, 435

Росс Э. 341
Рош (комиссар Судебной палаты Франции) 103
Рубинштейн Г.М. 175, 290
Рузвельт Т. 291
Рузвельт Ф.Д. 353, 450
Рунин Б.М. 175, 176
Рус Ж. 181, 301
Руссо Т. 168
Рыков А.И. 7, 122, 327, 381, 386, 387
Рыльский М.Ф. 330
Рюле О. 342
Рютин М.Н. 40, 158
Савинков Б.В. 31, 92
Саймон Р. 84
Сакко Н. 342, 344
Салас А.А. 448
Санхурхо Х. 215
Санчес С.Л. 416, 427
Сапата Э. 255
Сарро М. 172
Свабек А. 63
Свен (агент) 88
Свентовский (министр народного образования Польши) 330
Свердлов Я.М. 442
Свердлова К.Т. 29
Себастьян Г. 25
Седов Л.Л. 18, 23–25, 32, 33, 36, 45, 50, 101, 103, 104, 107, ПО, 112, 113, 120, 132, 133, 136, 147, 149, 150, 157, 158, 163, 164, 170, 171, 177, 178, 183, 186, 208, 218, 221, 224, 225, 227–232, 234–242, 244246, 248, 264, 267, 283, 285, 288, 291–293, 296–302, 309, 311, 312, 317, 320, 324, 327, 345, 350, 351, 362, 419, 506
Седов С.Л. 110, 173–175, 177, 183, 289, 290, 452 Седова Н.И. 18, 101, 106, 109, 141, 177, 181, 182, 238, 253, 263, 264, 268, 273, 313, 316, 368, 421, 432, 436, 437, 450452, 500
Селин Л.-Ф. 166
Семар П. 41
Семковский С.Ю. 326
Сенин А. 236, 237
Сенисерос Э. 438, 446
Серебряков Л.П. 321
Серебрянский Я.И. 230–232, 239, 240, 297
Серж (Кибальчич) В.Л. 182, 183, 218, 239, 352, 408
Сикейрос Д. 259, 260, 414, 415, 423–425, 428, 506
Сиксто (шофер Д. Риверы) 263, 265

Склянский Э.М. 134
Скоблин Н.В. 103, 232
Скокглунд К. 63
Скоропадский П.П. 28
Скрибнер Ч. 9
Слуцкий А.А. 284, 293, 307, 410, 419
Смилга И.Т. 20
Смиренский Д. 296
Смирнов И.Н. 157, 158, 219, 220, 246, 327
Смирнов Н. 231
Снсфлит (Сневлит,СнивлитХ.) Г. 198–200, 202, 207, 232
Собл Дж. 237, 238
Соблен Р. 237, 238
Соболевичус А. *см. также* Собл Дж. 55
Соболевичус Р.*см. также* Соблен Р. 55
Соколовская А.Л. 104, 110, 111, 183, 323, 499
Соколовская МЛ. 110
Сокольников Г.Я. 157, 321, 334
Солженицын А.И. 31
Солнцев Э. 19, 20
Сороко-Новицкий В.И. 174
Сосновский Л.С. 120
Сосо (Сталин И.В.) 9
Спаак П.-А. 168
Спектор М. 62, 67, 68
Спивак Д. 66
Спиридонова М.А. 30, 324
Старосадский В. 231, 240, 297
Стецкий А.И. 364
Столберг Б. 341, 353
Строилов М.С. 334
Стэрн (заключенный) 332
Суварин Б. 45, 46, 124, 352, 363, 364
Судоплатов П.А. 297, 298, 410–412, 414, 423, 425, 426, 430, 431, 435, 436, 438–440, 447, 449
Сунь Ятсен 70
Сурков А. 332
Сухово-Кобылин А. В. 388
Сюзо *см.* Леонетти А.
Такеока Ю. 310
Тальгеймер А. 50, 296, 300
Тарнопольский (Тарр) 66
Тарр Ш. 67
Та Тцу Тцай 79

Теллез И.Г. 432
Тельман Э. 41, 53, 105, 118
Тер-Петросян (Камо) С.А. 303
Тито И.Б. 294
Толедано Л. 272, 417, 418, 428
Толстая С.А. 266
Толстой А.Н. 377, 378
Толстой Л.Н. 264, 266
Томас В. 342, 351, 352
Томас Н. 339
Томский М.П. 122, 137, 381
Торез М. 164
Травинский Я. 117
Транмель М. 225
Трахтенберг (Транченко) Ф. 227
Трейл Р. 284
Треска К. 342
Трилиссер М.А. 31, 37
Триллинг Л. 339
Тройон К. 168
Трумэн Г. 369
Трэн А. 34, 42
Туркул А.В. 102, 103
Тухачевский М.Н. 231, 379, 380
Угланов Н. А. 329
Уилсон Э. 339
Ульрих В.В. 321
Ульянов В.И. 252, 358
Урбане Г. 34, 35, 51–54, 115, 116, 128
Фальк Р.Р. 36
Фаррел Дж. 339
Федотов (шофер Троцкого) 322
Фейхтвангер Л. 285, 286, 334–336
Финерти Д. 344
Фирсанов (нач. управления НКВД Орловской обл.) 324
Фирсов Ф.И. 448
Фитин П.М. 406, 419
Фишер Р. 34, 50, 51
фокс М.С. 352
Форслунг К. 201
Фостер У. 404
Франк П. 60, 141
Франк Я. 235–237
Франкель Я. 128, 141, 181, 257, 344, 346, 445

Франко Ф. 200, 215, 216, 250, 270, 293, 303–305, 393, 402, 448
Фрей Й. 35, 123
Фрейд З. 450
Фриновский М.П. 418
Хаммер Д. 88
Хансен Дж. 439
Харин (агент ОГПУ) 34, 234, 235
Харт Р.Ш. 424–426
Хейженоорт Ж. ван 43, 44, 48, 108, 109, 163, 167, 179, 181, 234, 257, 269, 273
Хеймсон Л. 227
Хеллман Л. 344
Хрущев Н.С. 231, 234, 447
Хуан Карлос (испанский принц) 216
Хуанг Ван Фуонг 79
Хук С. 339
Хэлл К. 354
Цветаева М.И. 284
Цедербаум Л.О. 101
Цзян Цзиго (Елизаров Н.В.) 71, 74, 77
Цилига А. 182, 183, 188, 189, 352
Цинцадзе К. 18
Ци Шугун 71
Чайковский П.И. 381
Чалидзе В.Н. 369
Чан Кайши 70, 71, 73, 75, 77, 96, 97, 464
Чемберлен Д. 341
Чемберлен О. 9
Чемоданов В.Т. 211
Черчилль У. 369
Чиков В.М. 295, 416, 426, 430
Чичерин Г.В. 29, 30
Чхеидзе Н.С. 501
Чэнь Дусю 74—79
Шаламов В.Т. 454
Шаллэ (профессор) 189
Шахтман М. 41, 55, 62, 63, 66, 128, 133, 134, 163, 205, 239, 253, 255, 275, 280, 405, 407, 408
Шемонаев И.С. 332
Шефло О. 180, 181
Шилваци (делегат от левой оппозиции Венгрии) 128
Шильбах Г. 284
Шифрин А.М. 101

Шишкин М.Д. 101
Шляпников А.Г. 327
Шмидт П. 207
Шоу Б. 343
Шпигельглас С.М. 284, 410, 416
Штейнер Р. 296
Штыкгольд Г.П. 20
Шуман (немецкий издатель) 158
Шумяцкий Я.Б. 366
Шустер Л. 84, 166
Шюсслер О. 141
Щасный А.М. 257
Эйтингер (управляющий фабрикой Д. Хаммера) 88
Эйтингон Н.И. 411–414, 422, 423, 426, 430, 431, 434–436, 439, 440, 446, 449
Эйхгорн Г. 428
Эльцин Б.М. 218
Энгельс Ф. 70, 356, 367, 453
Эндрю К. 99
Энно А. 122
Эрас А. де лас 316
Эррио Э. 150, 163
Эстебан-Волкова З.*см.* Волкова З.Л.
Эстрин С.Э. 240, 241, 247, 248, 295, 320
Эстрина (Гинзберг) Л.Я. 227, 228, 231, 232, 234, 240, 296, 297, 301, 314, 316–320, 362–366, 387
Эфрон С.Я. 284, 296
Югов-Фрумсон А.А. 101
Юденич Н.Н. 377, 379, 502
Ягода Г.Г. 22, 32, 37, 310, 382, 386
Якобс-Вебер С. *см.* Вебер С.
Якубович И.М. 222
Яновский Ю.И. 330, 500
Ярков И.П. 322
Ярославский Е.М. 16, 20, 82, 99

ФОТОАЛЬБОМ

КОПИЯ

ВЫПИСКА

из протокола Особого Совещания

при Коллегии О.Г.П.У.

от 20 января 1929 года

СЛУШАЛИ: ПОСТАНОВИЛИ:

" Дело гражданина Троцкого Льва Давидовича по ст.ст.58/10 Уголовного Кодекса по обвинению в контр-революционной деятельности, выразившейся в организации нелегальной антисоветской партии, деятельность которой за последнее время направлена к провокационному антисоветских выступлений и подготовке вооруженной борьбы против Советской власти".

" Гражданина ТРОЦКОГО Льва Давидовича - выслать за пределы С.С.С.Р."

ВЕРНО:

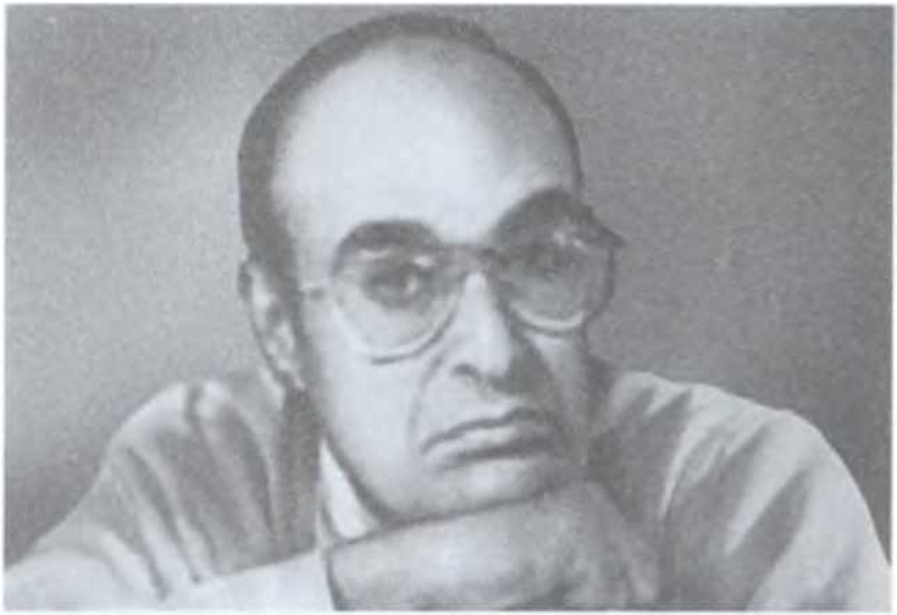
Секретарь Особого Совещания

г. АЛМА-АТА

30 января 1929 года.

Текст постановления о высылке Троцкого из (ССР. Это собственный экземпляр **Троцкого. Особенно возмутившие его формулировки Троцкий подчеркнул,** написав **на полях: «Вот прохвосты!»**

Троцкий с Натальей Седовой и сыном Львом в Алма-Ате



Жан Хейженоорт. Многолетний секретарь Троцкого за границей

Ян Френкель, один из секретарей Троцкого, с Жаном Хейженоортом. Турция

Альфред и Маргарита Росмер, ближайшие политические сотрудники Троцкого

Лев Троцкий читает студентам Датского университета лекцию под названием «Значение русской революции». 1932 г.

Зинаида, дочь Троцкого
Нина, дочь Троцкого, в замужестве Невельсон

Троцкий во время поездки в Копенгаген для проведения совещания своих сторонников. Ноябрь 1932 г.

В апреле 1934 г. французское правительство объявило о депортации Троцкого. Однако ни одна страна не захотела его принять. Выдав ему фальшивый паспорт, власти вынудили семью Троцких скрываться около Гренобля

Nom : Lévis

Prénoms : Lévi Léon

né le 11 mai 1879

à Bucarest

fils de

né le à

et de

née le à

Profession : Professeur honoraire

Nationalité : Roumaine

Mode d'acquisition de cette nationalité : Filiation. ~~Naissance~~, ~~naturalisation~~. (Rayer les mentions inutiles.)

Situation de famille : ~~célibataire~~, marié, ~~veuf~~ ~~divorcé~~ (Rayer les mentions inutiles)

Adresse : Localité : Grenoble

Rue et N° Hôtel Majestic

Renseignements sur l'enfant : Nom : Paris née Lévis

Prénoms : Anna Mathilde

Née le 21 Nov 1922 à Kissingen

Nationalité d'origine : Roumaine

Enfants au-dessous de 21 ans.

Выгуливание сторожевых собак Венно и Стеллы в Сен-Нале. Август — сентябрь 1933 г.

Неназванный человек на плакате сильно напоминает Троцкого. 1930 г.

Плакат 1937 г. работы художника Сергея Игумнова

Наталья Седова, Фрида Кало и Троцкий. Порт Тампико. 7 января 1937 г.

Троцкий, Диего Ривера и А. Бретон

Троцкий на Американском континенте. Мехико. 1937 г.
Троцкий с сыном Львом Седовым

Сергей, младший сын Троцкого. Тюремное фото. Конец 1930-х гг.

Укрепленный дом на Авенида Виена в районе Койоакан, г. Мехико, куда Троцкий вместе с семейством переехал 5 мая 1939 г.

Мексиканский художник А. Сикейрос *(крайний справа),* коммунист-сталинист, участвовавший в первом покушении на Троцкого в 1940 г., выходит из тюрьмы

Троцкий с американскими троцкистами Гарри де Буром и Джеймсом Х. Бартлетом и их супругами. 5 апреля 1940 г.

Троцкий умер

Мексиканские следователи демонстрируют орудие преступления — альпеншток (ледоруб). Август 1940 г.

Рамон Меркадер, смертельно ранивший Троцкого ледорубом, в день ареста. 20 августа 1940 г.

Р. Меркадер, после тюрьмы эмигрировавший в СССР. Начало 1960-х гг.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Л.Д. ТРОЦКОГО

1879, 26 октября — **в деревне Яновка Херсонской губернии в семье Давида и Анны Бронштейн родился сын Лейба, которого обычно называли Лев.**

1886 — **Лев поступил в частную еврейскую религиозную школу в колонии Громоклея неподалеку от Яновки.**

1887 — **поступил в реальное училище им. Св. Павла в Одессе.**

1896 — **перешел в седьмой (выпускной) класс реального училища в г. Николаеве.**

1896, осень — **начал посещать «сад Швиговского», где собиралась радикально настроенная молодежь.**

1897, весна — **участвовал в формировании рабочих кружков в Николаеве, которые затем объединились в Южно-Русский рабочий союз, объявивший о своей приверженности марксизму.**

1898, январь — **арестован вместе с другими руководящими участниками союза.**

1899, декабрь — **суд в Одессе приговорил Льва Бронштейна к ссылке в Восточную Сибирь на четыре года.**

1900, начало — **в Московской пересыльной тюрьме Лев вступил в брак с Александрой Львовной Соколовской.**

1900, октябрь — **Лев и Александра прибыли на место ссылки — в с. Усть-Кут на р. Лене.**

1900, октябрь — **в газете «Восточное обозрение» (Иркутск) появилась первая статья Льва Бронштейна под псевдонимом Антид Ото.**

1901, март — **родилась дочь Александры и Льва Зинаида.**

1901, лето — **Лев и Александра переведены на новое место ссылки — в г. Верхоленск.**

1902, июль — **родилась дочь Александры и Льва Нина.**

1902, осень — **Лев бежал из ссылки, использовав паспорт на фамилию Троцкий, и через Вену перебрался в Лондон, где встретился с Лениным.**

1902, ноябрь — **Лев начал сотрудничать в газете «Искра» и других марксистских зарубежных изданиях под фамилией Троцкий, которая стала его основным псевдонимом.**

1902, конец — **Лев познакомился с Натальей Ивановной Седовой и вступил с ней в фактический брак.**

1903, июль — август — **Троцкий участвовал во** II **съезде**

РСДРП, на котором присоединился к меньшевикам.

1903, сентябрь **— избран в состав меньшевистского центра.**

1904, август **— вышла работа Троцкого «Наши политические задачи», содержавшая острую полемику против большевиков и особенно против Ленина.**

1904, сентябрь **— Троцкий заявил о прекращении своего участия в меньшевистской фракции и стал нефракционным социал-демократом.**

1904, сентябрь **— Лев и Наталья переехали в Мюнхен и поселились в квартире социал-демократа Парвуса, совместно с которым Лев начал разработку стратегии социал-демократов в предстоявшей революции в России.**

1905, февраль **— Троцкий приехал в Киев для непосредственного участия в революции, начавшейся в России.**

1905, конец февраля или начало марта **— переехал в Петербург, где принял активное участие в деятельности социал-демократических организаций.**

1905, октябрь **— под псевдонимом Яновский начал участвовать в работе Петербургского Совета рабочих депутатов.**

1905, ноябрь **— после ареста председателя Совета Хрусталева-Носаря фактически возглавил Совет.**

1905, декабрь **— арестован вместе с другими руководителями и членами Совета.**

1906 **— опубликовал брошюру «Наша революция» и цикл статей, в которых сформулировал концепцию перманентной революции.**

1906, февраль **— родился сын Натальи и Льва Лев.**

1906, ноябрь **— Петербургская судебная палата приговорила Троцкого к бессрочной ссылке в Восточную Сибирь.**

1907, февраль **— Троцкий совершил побег после остановки этапа ссыльных в г. Березове.**

1907, март **— выехал в Финляндию, а затем в Германию.**

1907, апрель — май **— участвовал в V съезде РСДРП.**

1907, август **— участвовал в Штутгартском конгрессе 2-го Интернационала.**

1907, октябрь **— переселился в Вену, где начал вести агитацию за объединение социал-демократических фракций.**

1908, март **— родился сын Натальи и Льва Сергей.**

1908, август **— Троцкий начал сотрудничать в газете «Киевская мысль».**

1908, октябрь — **начал издание в Вене газеты «Правда».**

1910, август — сентябрь **— участвовал в Копенгагенском конгрессе 2-го Интернационала.**

1911, лето **— преподавал в Социал-демократической школе в г. Болонье (Италия).**

1911, август **— участвовал в совещании Заграничного бюро ЦК РСДРП, призвавшем к проведению единой партийной конференции.**

1912, август **— участвовал и фактически руководил конференцией социал-демократических групп в Вене, на которой было создано их объединение, получившее название Августовский блок.**

1912, сентябрь **— выехал на Балканы в качестве военного корреспондента газеты «Киевская мысль».**

1913, апрель **— написал письмо руководителю социал-демократической фракции в 4-й Государственной думе Н.С. Чхеидзе, в котором назвал Ленина «эксплуататором всякой отсталости в русском рабочем движении».**

1914, июль **— участвовал в совещании фракций РСДРП в Брюсселе.**

1914, август **— в связи с началом мировой войны выехал из Вены в Цюрих (Швейцария).**

1914, октябрь **— написал брошюру «Война и Интернационал».**

1914, ноябрь — **переехал в Париж, где приступил к работе в газете «Слово», вскоре переименованной в «Наш голос».**

1915, сентябрь **— участвовал в международной конференции социал-демократов, выступавших против войны, в поселке Циммервальд (Швейцария).**

1916, сентябрь **— выслан из Франции в Испанию.**

1916, декабрь **— выслан из Испании в США.**

1917, январь **— прибыл в Нью-Йорк и приступил к сотрудничеству в социал-демократической газете «Новый мир».**

1917, март **— в связи с началом революции в России отправился на пароходе на родину.**

1917, апрель **— был задержан британскими властями в порту Галифакс (Канада) и отправлен в лагерь для военнопленных и интернированных, откуда вскоре освобожден.**

1917, май **— прибыл в Петроград.**

1917, май **— приступил к работе в Петроградском Совете и в межрайонной группе социал-демократов, которую фактически возглавил.**

1917, июнь **— участвовал в I Всероссийском съезде Советов..**

1917, июль **— арестован по обвинению в сотрудничестве с германскими секретными службами.**

1917, август **— в составе межрайонной группы вступил в большевистскую партию и на VI съезде был избран в состав ее ЦК.**

1917, сентябрь **— освобожден из заключения и избран председателем Петроградского Совета.**

1917, сентябрь **— участвовал в Демократическом совещании.**

1917, октябрь **— объявил на Демократическом совещании о разрыве большевиков с совещанием и образованным им Предпарламентом.**

1917, октябрь **— выступил инициатором образования Военно-революционного комитета при Петроградском Совете и фактически возглавил его деятельность.**

1917, октябрь **— руководил государственным переворотом в Петрограде и участвовал во II Всероссийском съезде Советов, на котором был включен в состав правительства — Совета народных комиссаров — в качестве наркома по иностранным делам.**

1917, декабрь **— возглавил советскую делегацию на переговорах с центральными державами в г. Брест-Литовске.**

1918, январь **— объявил на переговорах, что Россия отказывается подписать мир, но войну прекращает и демобилизует армию.**

1918, февраль **— покинул пост наркома по иностранным делам.**

1918, март **— назначен наркомом по военным делам (вслед за этим стал наркомом по военным и морским делам) и председателем Высшего военного совета (в сентябре этот орган был преобразован в Революционный военный совет Республики).**

1918, август **— совершил первый выезд на фронт в район г. Свияж-ска в специально сформированном поезде наркомвоенмора.**

1918, август — декабрь **— произошел конфликт Троцкого со Сталиным по вопросам, связанным с характером Красной армии, использованием военных специалистов и др.**

1919, март **— Троцкий участвовал в I конгрессе Коммунистического интернационала, написал «Манифест Коммунистического Интернационала к пролетариям всего мира».**

1919, март — **выступил перед началом VIII съезда РКП(б) против военной оппозиции, за строительство регулярной и дисциплинированной армии (в съезде не участвовал в связи с выездом на фронт).**

1919, март — **после VIII съезда РКП(б) был избран в состав образованного этим съездом Политбюро ЦК РКП(б).**

1919, июль — август — **выступил против «периферийной стратегии» борьбы против армии Деникина, за наступление по направлению Харьков — Донбасс.**

1919, октябрь — ноябрь — **возглавил оборону Петрограда против армии генерала Юденича.**

1919, ноябрь — **награжден орденом Красного Знамени.**

1919, декабрь — **написал тезисы о введении всеобщей трудовой повинности.**

1920, январь — **внес проект постановления о Первой армии труда, принятый с изменениями Советом труда и обороны.**

1920, февраль — **обратился в ЦК РКП(б) с предложением о частичной замене продовольственной разверстки натуральным налогом, которое было отвергнуто.**

1920, март — **назначен по совместительству наркомом путей сообщения.**

1920, конец марта — начало апреля — **участвовал в IX съезде РКП(б), на котором выступил с докладом о хозяйственном строительстве.**

1920, май — **издал приказ по Наркомату путей сообщения, содержавший первые наметки перспективного хозяйственного планирования.**

1920, июль — **участвовал во II конгрессе Коминтерна, написал текст Манифеста конгресса.**

1920, декабрь — 1921, март — **участвовал в профсоюзной дискуссии, во время которой выступил за «огосударствливание» профсоюзов.**

1921, март — **руководил подавлением антибольшевистского восстания в Кронштадте.**

1921, март — **участвовал в X съезде РКП(б), на котором поддержал замену продовольственной разверстки натуральным налогом, что явилось началом введения новой экономической политики.**

1921, июнь — июль — **участвовал в III конгрессе Коминтерна, на котором выступил с докладом о новом хозяйственном кризисе и задачах Коммунистического интернационала.**

1922, март — **написал письмо членам Политбюро с**

предложением о разграничении функций партийных и государственных органов.

1922, ноябрь — декабрь **— участвовал в IV конгрессе Коминтерна, на котором выступил с докладом о новой экономической политике России и перспективах мировой революции.**

1922, декабрь **— поддержал требование Ленина о полном сохранении государственной монополии внешней торговли.**

1922, конец декабря — 1923, начало января **— Ленин продиктовал «Письмо к съезду», в котором дал оценки качеств руководящих партийных деятелей, прежде всего Троцкого и Сталина.**

1923, апрель **— Троцкий участвовал в XII съезде РКП(б), на котором выступил с докладом о промышленности.**

1923, лето **— написал книгу «Литература и революция».**

1923, август — сентябрь **— участвовал в выработке курса Коминтерна и руководства РКП(б) на развязывание революции в Германии.**

1923, октябрь **— обратился с письмом к членам ЦК и ЦКК РКП(б) с критикой внутрипартийного режима.**

1923, октябрь **— появилось «Заявление 46-ти» (на деле подписанное 47 партийными деятелями) с теми же основными положениями, что и письмо Троцкого.**

1923, октябрь **— Троцкий заболел в результате простуды на охоте и длительное время находился в постели.**

1923, декабрь **— участвовал в выработке резолюции «О партстроительстве», утвержденной Политбюро и Президиумом ЦКК РКП(б), с требованиями расширения внутрипартийной демократии.**

1923, декабрь **— опубликовал ряд статей в «Правде» в поддержку курса на внутрипартийную демократию, которые затем были включены в брошюру «Новый курс».**

1924, январь **— принял решение не возвращаться из отпуска в Москву для участия в похоронах В.И. Ленина.**

1924, май **— участвовал в XIII създе РКП(б), на котором по делегациям было оглашено «Письмо к съезду» Ленина.**

1924, сентябрь **— завершил подготовку статьи «Уроки Октября» с критикой позиции Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева и И.В. Сталина в октябре 1917 г.**

1924, ноябрь — 1925, январь **— «литературная дискуссия», в ходе которой Троцкий был обвинен в попытке подменить ленинизм троцкизмом.**

1925, январь **— Троцкий был снят с должности наркома по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета.**

1925, апрель **— написал книгу «Куда идет Англия?».**

1925, май **— был назначен на должности председателя Главного концессионного комитета, начальника электротехнического управления и председателя научно-технического отдела Высшего совета народного хозяйства.**

1925, август **— написал заявление «По поводу книги Истмена «После смерти Ленина», в котором по требованию Политбюро пытался опровергнуть достоверные данные, содержавшиеся в этой книге.**

1926, март **— вступил в острую перепалку со Сталиным по вопросу об отношении к так называемой «новой оппозиции» во главе с Зиновьевым и Каменевым.**

1926, апрель **— внес предложение о строительстве Днепровской гидроэлектростанции.**

1926, апрель — май **— лечился в Берлине.**

1926, май **— выступил против позиции большинства Политбюро по отношению к массовой забастовке в Великобритании и к Англо-русскому профсоюзному комитету.**

1926, июль **— участвовал в работе пленума ЦК ВКП(б), на котором завершилось формирование объединенной антисталинской оппозиции.**

1926, лето и осень **— выступил с рядом статей, тезисов и заявлений, подвергавших критике внутреннюю и внешнюю политику сталинского руководства.**

1926, октябрь **— на пленуме ЦК исключен из состава Политбюро.**

1927, май **— руководил подготовкой и подписал заявление 83 оппозиционных деятелей.**

1927, конец июля — начало августа **— участвовал в работе пленума ЦК ВКП(б), на котором предпринял безуспешную попытку смягчить разногласия между оппозицией и группой Сталина.**

1927 **— руководил подготовкой «Проекта платформы большевиков-ленинцев (оппозиции) к XV съезду ВКП(б)».**

1927, октябрь **— на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) был исключен из состава ЦК.**

1927, ноябрь **— руководил подготовкой и организацией параллельных демонстраций оппозиционеров в Москве и Ленинграде в честь 10-летия Октябрьской революции.**

1927, ноябрь **— исключен из ВКП(б).**

1928, январь — сослан в Алма-Ату.

1928, весна **— начал работу над книгой воспоминаний.**

1928, июнь **— в Москве от туберкулеза умерла дочь**

Троцкого Нина.

1928, июнь **— Троцкий направил VI конгрессу Коминтерна документ «Критика программы Коммунистического Интернационала» и несколько других критических документов.**

1928, ноябрь **— власти установили почтовую блокаду Троцкого.**

1929, февраль **— Троцкий был выслан из СССР в Турцию.**

1929, март **— устройство на острове Принкипо в Мраморном море.**

1929, июль **— начал выходить журнал «Бюллетень оппозиции (боль-шевиков-ленинцев)».**

1930— **работал над книгой воспоминаний «Моя жизнь» (опубликована в конце 1930 г.).**

1930, весна — **на Принкипо приехали дочь Троцкого Зинаида и его внук Всеволод (Сева).**

1930, апрель **— в Париже состоялась первая конференция Интернациональной левой оппозиции.**

1931 **— опубликован первый том «Истории русской революции» Троцкого.**

1931, март **— в доме Троцкого произошел пожар, в результате которого он с семьей и сотрудниками временно переехал в пригород Стамбула Кадикьой.**

1932 — **опубликована книга Троцкого «Сталинская школа фальсификации».**

1932, февраль **— Троцкий лишен советского гражданства.**

1932, ноябрь **— совершил поездку в Копенгаген, где прочитал доклад о 15-летии Октябрьской революции и провел совещание своих сторонников.**

1933 — **опубликован второй том «Истории русской революции» Троцкого.**

1933, январь **— покончила самоубийством дочь Троцкого Зинаида.**

1933, март **— Троцкий призвал к созданию новой коммунистической партии в Германии.**

1933, июль **— получил французскую визу и переехал во Францию, поселился в окрестностях г. Ройана.**

1933, июль — **сделал вывод о невозможности реформировать компартии и Коминтерн и о необходимости создания новой международной марксистско-ленинской организации, о том, что бюрократический режим в СССР может быть свергнут только силой.**

1933, август — **состоялась конференция Интернациональной левой оппозиции в Париже, принявшая**

принципиальное решение о необходимости создания нового Интернационала.

1933, сентябрь — **Интернациональная левая оппозициия была переименована в Международную коммунистическую лигу (большевиков-ленинцев).**

1933, октябрь — **Троцкий провозгласил необходимость политической революции для восстановления рабочей демократии в СССР.**

1933, ноябрь **— переехал в г. Барбизон.**

1933, декабрь — **участвовал в совещании Международной коммунистической лиги в Париже.**

1934, апрель — май — **переехал в Париж, затем в Гран-Шартрез и, наконец, в окрестности Гренобля.**

1934, шюнь — **внес предложение о вступлении своих французских сторонников в Социалистическую партию («французский поворот»),**

1935, февраль — **переехал в местечко Домен в Альпах.**

1935, март — шюнь — **был арестован и сослан в Красноярск сын Троцкого Сергей.**

1935, шюнь **— Троцкий получил визу на въезд в Норвегию и переехал в эту страну.**

1936, май или шюнь **— Сергей был вновь арестован и отправлен в лагерь в Воркуту.**

1936, шюль — **в Париже состоялась конференция Движения за 4-й Интернационал.**

1936, август — **Троцкий завершил работу над книгой «Что такое СССР и куда он идет?».**

1936, август — **произошел налет правых экстремистов на дом Кнуд-сена, в котором проживал Троцкий.**

1936, сентябрь — **норвежские власти перевели Троцкого под домашний арест.**

1936, декабрь **— Троцкий получил визу мексиканского правительства и отправился в Мексику.**

1937, апрель **— заседания подкомиссии Д. Дьюи (части Международной комиссии по расследованию обвинений, предъявленных Л. Троцкому на московских судебных процессах) в Койоакане.**

1937, сентябрь — **решение международной комиссии о невиновности Троцкого.**

1937, сентябрь **— вышла книга Троцкого «Преступления Сталина».**

1937, октябрь — **расстрелян сын Троцкого Сергей.**

1938, февраль — **Троцкий начал работу над книгой «Сталин».**

1938, февраль— **Лев Седов скончался в парижской больнице при странных обстоятельствах, по всей видимости, в результате отравления советскими агентами.**

1938, апрель — **Троцкий написал «Переходную программу» 4-го Интернационала.**

1938, сентябрь — **состоялась учредительная конференция 4-го Интернационала.**

1939, декабрь **— Троцкий завершил работу над первым томом книги «Сталин».**

1940, февраль — март — **написал завещание.**

1940, май **— написал манифест «Империалистическая война и пролетарская революция».**

1940, 24 мая **— произошло неудачное покушение на жизнь Троцкого, организованное советской агентурой и осуществленное группой Григулевича — Сикейроса.**

1940, 20 августа **— агент НКВД Р. Меркадер ранил Троцкого ударом ледоруба по голове.**

1940, 21 августа **— Троцкий скончался в больнице в г. Мехико от тяжелого ранения.**

БИБЛИОГРАФИЯ к четырем книгам биографии Л.Д. Троцкого

Л.Д. Троцкий:
опубликованные сочинения и сборники документов

Книги на русском языке

Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923–1927. Документы и материалы архивов Троцкого: В 4 т. / Ред. — сост. Ю. Фельштинский. М.: Терра, 1990. Т. 1–4.

Архив Троцкого / Под ред. Ю.Г. Фельштинского, Г.И. Чернявского, М.Г. Станчева. Харьков: Око, 1999. Т. 1; 2001. Т. 2.

Борьба за качество. М.: Плановое хозяйство, 1926.

Война и революция. Крушение Второго Интернационала и подготовка Третьего. Пг.: Госиздат, 1922. Т. 1.

Вопросы быта. М.: Красная новь, 1923.

Восемь лет. Итоги и перспективы. М.: Госиздат, 1926.

Дневники и письма. США: Эрмитаж, 1986; М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1994.

Европа и Америка. М.: Госиздат, 1926.

Сочинения. М.; Л.: Госиздат, 1924–1927. Т. 2–4, 6, 8, 9, 12, 13, 15, 17, 20, 21.

История Октябрьской революции. Б. м., 1918.

История русской революции. М.: Терра, Республика, 1997. Т. 1–2.

История русской революции до Брест-Литовска. М., 1918.

Итоги и перспективы. Движущие силы революции. М.: Советский мир, 1919.

Как вооружалась революция: Материалы и документы по истории Красной армии: В 3 т. М.: Высший революционный военный совет, 1923–1924.

Когда же конец проклятой бойни? Пг.: Прибой, 1917.

Коммунистический интернационал после Ленина. |М.|: Спартаковец, 1993.

К социализму или к капитализму? М.; Л.: Плановое хозяйство, 1926.

Куда идет Англия? М.; Л.: Госиздат, 1925. Вып. 1; 1926.

Выл. 2.

Ленин как национальный тип. Л.: Госиздат, 1924.

Литература и революция. М.: Госиздат, 1924; М.: Политиздат, 1991.

Мой побег из Сибири. М.; Л.: Молодая гвардия, 1926.

Моя жизнь. Опыт автобиографии. Берлин: Гранит, 1930. Т. 1–2.

Наша первая революция. М.; Л.: Госиздат, 1927.

Новый курс. М.: Красная новь, 1924.

О Ленине. Материалы для биографа. М.: Госиздат, [1924].

О проекте десяти. М., 1921.

От Октября до Бреста. М.: Госиздат, [1924].

Перманентная революция. Берлин: Гранит, 1930.

Перспективы русской революции. Берлин: Изд. Т-ва И.П. Ладыж-никова, [1917].

Письма из ссылки. 1928 / Ред. — сост. Ю.Г. Фельштинский. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1995.

Политические силуэты. М.: Новости, 1990.

Портреты / Сост. Ю. Фельштинский. США: Изд-во Чалидзе, 1984.

Портреты революционеров / Сост. Ю. Фельштинский. М.: Московский рабочий, 1991.

Преданная революция. М.: НИИ Культуры, 1991. Вып. 1–2.

Преступления Сталина / Под ред. Ю.Г. Фельштинского. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1994.

Программа мира. Пг.: Книга, 1917.

Пять лет Коминтерна. М.: Госиздат, [1924].

Сталин / Ред. Ю. Фельштинский. М.: Терра, 1996. Т. 1; Ред. Ю. Фельштинский, Г. Чернявский. М.: Эксмо, 2011.

Сталинская школа фальсификаций. Поправки и дополнения к литературе эпигонов. Берлин: Гранит, 1932.

Терроризм и коммунизм. Пг.: Госиздат, 1920.

1905 год. М.: Госиздат, 1922.

Уроки Октября. М.; Л.: Госиздат, 1924.

Что и как произошло? Шесть статей для буржуазной печати. Paris: Navarre, 1929.

Что такое СССР и куда он идет? Paris: IV Internationale-Rouge, 1971; Нью-Йорк: Слово, 1989.

Троцкий Л., Кабакчиев Х. **Очерки политической Болгарии. М.; Пг.: Госиздат, 1923.**

Троцкий Л., Таковский Х. **Очерки политической Румынии. М.: Госиздат, 1922.**

Агония капитализма и задачи Четвертого Интернационала. (Мобилизация масс вокруг переходных требований как подготовка к завоеванию власти) // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1938. № 66–67.

Белград // Киевская мысль. 1912. 4 октября.

Болгарская военная цензура//День. 1912. 19 октября.

В дороге // Киевская мысль. 1912. 4 октября.

Вокруг мужицкой земли // Правда. 1909. 8 (21) декабря.

Германо-советский союз // Бюллетень оппозиции (большевиков ленинцев). 1939. № 79–80.

Двойная звезда: Гитлер — Сталин // Бюллетень оппозиции (больше виков-ленинцев). 1940. № 81.

Демократический урок, которого я не получил // Бюллетень оппо зиции (большевиков-ленинцев). 1929. № 1.

Дерзайте! // Русская газета. 1905. 2 декабря.

Есть разногласия, но к чему путаница // Правда. 1921. 29 января.

Еще об усмирении Кронштадта // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1938. № 70.

Загадка СССР // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)1939. № 79–90.

За качество — за культуру // Правда. 1925. 7 ноября.

Избыток усердия // Большевик. 1924. № 12–13.

Империалистическая война и пролетарская революция // Бюлле тень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1940. № 84.

Испанская революция // Бюллетень оппозиции (большевиков-ле нинцев). 1931. № 19.

Испанская революция и угрожающие ей опасности // Бюллетені оппозиции (большевиков-ленинцев). 1931. № 21–22.

Их мораль и наша // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1938. № 68–69.

Каин Джугашвили идет до конца // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1938. № 65.

Капитуляция Сталина // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1939. № 75–76.

К 200-летию присоединения Шлиссельбурга // Искра. 1902. 1 ноября.

К конфликту с Радой // Известия. 1917. 7 декабря.

Ко всем рабочим, крестьянам и честным гражданам России // Правда. 1920. 30 апреля.

К Первому всероссийскому съезду научных работников // Правда 1923. 24 ноября.

Крупный шаг вперед // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1930. № 11.

Куда сталинская бюрократия ведет СССР? // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1935. № 42.

К чему пришли // Правда. 1909. 14 июня.

Лев Седов — сын, друг, борец // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1938. № 64.

Милль в качестве «боевого» сталинца» // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1932. № 31.

Можно ли контрреволюцию или революцию сделать в срок? // Правда. 1923. 23 сентября.

Мы сделали ложный шаг / Публ. Юрия Мурина // Источник. 1993. № 5–6.

Наблюдения и обобщения // Одесские новости. 1912. 19 октября.

Нам нужна армия // Правда. 1918. 21 марта.

На партийную дорогу // Правда. 1910. 25 февраля.

Наша задача // Известия. 1918. 24 марта.

Неотложные вопросы // Наша заря. 1911. № 11.

Нужно строить заново коммунистические партии и Интернационал // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1933. № 36–37.

Обвинительный акт // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1935. № 41.

Обезглавливание Красной Армии // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1937. № 56–57.

Ответы на вопросы Венделина Томаса // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1937. № 56–57.

Первое мая и Интернационал // Известия. 1918. 1 мая.

Перед событиями // День. 1912. 13 октября.

Письмо в редакцию «Молодой гвардии» // Правда. 1924. 14 мая.

Письмо к мыслящим рабочим // Правда. 1910. 7 июля.

Поворот Коминтерна и положение в Германии // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1930. № 17–18.

Принципы и предрассудки. (К вопросу о борьбе за свободу коалиций) // Наша заря. 1912. № 5.

Рабочее государство, термидор и бонапартизм (историко-теоретическая справка) // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1935. № 41.

Разложение сионизма и его возможные преемники //

Искра. 1904. 1 января.

Раненые // Киевская мысль. 1912. 31 октября.

Рассказ раненого // Луч. 1913. 29 января.

Россия, на помощь донецкому шахтеру // Правда. 1920. 23 ноября.

С Думой или без Думы? // Правда. 1910. 18 (31) марта.

Склянский погиб // Правда. 1925. 29 августа.

Советско-китайский конфликт и задачи оппозиции // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1929. № 3–4.

Сотрудникам и читателям «Молодой гвардии» // Правда. 1923. 6 июня.

СССР в войне // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев).1939. № 79–80.

Сталин и Китайская революция: Факты и документы // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1930. № 15–16.

Сталин — интендант Гитлера // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1939. № 79–80.

Сталин после финляндского опыта // Бюллетень оппозиции (боль-шевиков-ленинцев). 1940. № 82–83.

Сталинская бюрократия и убийство Кирова: Ответ американским друзьям // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1935. № 41.

Терроризм, провокация и революция // Правда. 1910. 1 (14) января.

Трагедия немецкого пролетариата: Немецкие рабочие поднимутся, сталинизм никогда! // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1933. № 34.

Урожай и война // Правда. 1919. 3 августа.

Чересполосица и социализм // Правда. 1910. 1 (14) января.

Четничество и война // Киевская мысль. 1912. 22 октября.

Что означает капитуляция Раковского? // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1934. № 40.

Шумиха вокруг Кронштадта // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1938. № 66–67.

Юч-Бунар //Луч. 1913. 2 апреля.

Публикации Троцкого, подписанные псевдонимами

Антид Ото. **Аристотель и Часослов // Киевская мысль. 1908. 6 ноября.**

АнтидОто. **Война объявлена…// Киевская мысль. 1912. 14 октября.**

Антид Ото. **Герцен и «молодое поколение» // Восточное обозрение. 1901. 22, 26 апреля.**

Антид Ото. **Две писательские души во власти метафизического беса // Восточное обозрение. 1901. 25 августа.**

Антид Ото. **Кое-что о земстве // Восточное обозрение. 1900. 23 декабря.**

Антид Ото. **«Нелиберальный» момент «либеральных» отношений // Восточное обозрение. 1901. 2 сентября.**

Антид Ото. **Раковский и Коларов // Киевская мысль. 1915. 23 октября.**

Антид Ото. **Со слов участников // Киевская мысль. 1912. 4 ноября.**

Троцкий Н. **Благочестивейший, самодержавнейший! О Николае II. Юбилей позора нашего (1613–1913). [Вена.] Правда. 1912.**

Троцкий Н. **Второй съезд Российской социал-демократической рабочей партии (Отчет Сибирской делегации). Женева: РСДРП, 1903.**

Троцкий Н. **Затруднения читателя // Новый мир. 1917. 9 марта.**

Троцкий Н. **Как Николай оперирует в свободной Франции // Jewish Daily Forward. 1917. Jan. 30.**

Троцкий Н. **К 100-му номеру «Голоса» // Голос. 1915. 15 января.**

Троцкий Н. **Наш политический лозунг// Голос. 1915. 15, 17 января.**

Троцкий Н. **Наши политические задачи (Тактические и организационные вопросы). Женева, 1904.**

Троцкий Н. **О германской социал-демократии. М., 1908.**

Троцкий Н. **Пролетариат в войне // Голос. 1914. 7, 28 ноября.**

Троцкий Н. **Русское правительство совершает провокации во Франции // Jewish Daily Forward. 1917. Feb. 17.**

Работы Троцкого, изданные на иностранных языках

Der Krieg und die Internationale. Zurich: Kommissionverlag der Buch-handlung des Schweizen Griitlivereins, 1914.

In Defense of Marxism. New York: Pioneer Publishers, 1942.

Lenin. New York, 1925.

Leon Trotsky — Alfred et Margueritte Rosmer: Correspondence 1929–1939 / Ed. by P. Broue. Paris: Gallimard, 1982.

Oeuvres. Avril 1934 — Decembre 1934. Sous la direction de Pierre Broué. Paris: Etudes et Documentacion Internationales, 1979. Vol. 4.

Oeuvres. Janvier — Juin 1935. Paris: Etudes et Documentacion Internationales, 1979. Vol. 5.

Oeuvres. Juin 1935 — September 1935. Paris: Etudes et Documentation Internationales, 1979. Vol. 6.

Oeuvres. Novembre 1933 — Avril 1934. Paris: Etudes et Documentation Internationales, 1978. Vol. 3.

Stalin: An Appraisal of the Man and His Influence / Ed. and transl. from the Russian by Charles Malamuth. New York and London: Harper & Brothers Publishers, 1941.

The History of the Russian Revolution. New York: Simon & Schuster, 1932–1933.

The Trotsky Papers. 1917–1922 / Edited and annotated by Jan M. Meijer. The Hague: Mounton & Co, 1964. Vol. 2 [параллельные тексты на русском и английском языках].

The Young Lenin. Translated from the Russian by Max Eastman. Doubleday, 1972.

Trotsky N. **Russland in der Revolution. Dresden: Verlag Kaden & Comp., [1910].**

What is a Peace Programme? San Francisco: The People's Institute, 1918.

Writings (1929–1940). New York: Pathfinfer Press, 1973–1978.

Writings. Supplement 1934—40. New York: Pathfinder Press, 1979.

Российские архивы

Архив Президента Российской Федерации (АПРФ).

АП РФ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 267.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 24. Ед. хр. 410–411.

Архив ФСБ РФ.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Ед. хр. 636.

ГАРФ. Ф. 1782. Оп. 1. Ед. хр. 40.

ГАРФ. Ф. 1826. Оп. 1. Ед. хр. 1; Ед. хр. 4; Ед. хр. 18.

ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 2. Ед. хр. 33.

ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Ед. хр. 176.

Материалы Дома-музея Л.Д. Троцкого в Койоакане (Мексика). Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 11186, 13359, 25830.

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 1164.

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 34.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Ед. хр. 103, 116, 246, 335, 695, 790. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Ед. хр. 65, 285, 288, 293, 384, 547, 714, 721. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Ед. хр. 497.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Ед. хр. 80.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Ед. хр. 21, 27, 89.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Ед. хр. 138.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Ед. хр. 2, 7.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Ед. хр. 177, 1156.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Ед. хр. 283.

РГАСПИ. Ф. 50. Оп. 1. Ед. хр. 9.

РГАСПИ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 64.

РГАСПИ. Ф. 67. Оп. 1. Ед. хр. 46.

РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Ед. хр. 1037.

РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Ед. хр. 69.

РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Ед. хр. 18.

РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 12, 90, 424, 431.

РГАСПИ. Ф. 278. Оп. 1. Ед. хр. 305.

РГАСПИ. Ф. 315. Оп. 1. Ед. хр. 325, 358, 377.

РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Ед. хр. 150.

РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Ед. хр. 46, 47, 78, 97, 103–105, 109, 373, 446, 1614.

РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Ед. хр. 7, 56, 69.

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 1, 3, 4, 14, 22–23, 26–27, 49, 52, 62, 70, 88, 95, 108, 232, 247, 258, 289, 325, 332–335, 340, 357, 363–365, 369, 372, 376–377, 387–388, 396, 415, 417, 423, 448, 458, 481, 491, 504, 519, 525, 547, 558, 559, 5474.

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Ед. хр. 13, 15, 96, 100, 104.

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Ед. хр. 431, 434.

РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 1. Ед. хр. 111.

РГАСПИ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 19.

РГАСПИ. Ф. 362. Оп. 1. Ед. хр. 51.

РГАСПИ. Ф. 405. Оп. 2. Ед. хр. 113.

РГАСПИ. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 133.

РГАСПИ. Ф. 451. Оп. 1. Ед. хр. 18, 75.

РГАСПИ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 13.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 2. Ед. хр. 55а, 74, 87.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 3. Ед. хр. 30.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 15. Ед. хр. 128.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 20. Ед. хр. 750–751, 753.
РГАСПИ. Ф. 508. On. 1. Ед. хр. 106.
РГАСПИ. Ф. 558. On. 1. Ед. хр. 6, 2998.
РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 6, 63, 78, 126, 130, 131, 693, 701, 749, 816, 820, 826, 1101, 1110, 1124.
РГАСПИ. Ф. 613. On. 1. Ед. хр. 46, 48.
Российский государственный военный архив (РГВА).
РГВА. Ф. 1. Оп. 4. Ед. хр. 30.
РГВА. Ф. 4. Оп. 7. Ед. хр. 35.
РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Ед. хр. 32.
РГВА. Ф. 63. On. 1. Ед. хр. 176.
РГВА. Ф. 33987. On. 1. Ед. хр. 382, 406, 467, 482.
РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Ед. хр. 113, 127, 195.
Центральный государственный архив социально-политической истории (ЦГАСПИ).
ЦГАСПИ. Ф. 2. On. 1. Ед. хр. 17498.
Центральный государственный исторический архив (ЦГИА). ЦГИА. Ф. 130. On. 1. Ед. хр. 89.

Зарубежные архивы

Архив Гуверовского института (Hoover Institution, Stanford University, Пало-Альто, Калифорния). Коллекция Б.И. Николаевского.
Архив Л.Д. Троцкого. Хогтонская библиотека Гарвардского университета (Бостон). Фонды bMs Russ 13 T, Russ 13.1 T, Russ 13.1 V.
Галузевий державний архів Служби безпеки України (ГДА СБУ). ГДА СБУ. Од зб. 33104 фп. Т. 1.
ГДА СБУ. Од. зб. 31245 фп. Т. 1. Т. 3.
ГДА СБУ. Од. зб. 44406 фп. Т. 1.
ГДА СБУ. Од. зб. 45140 фп. Т. 1.
ГДА СБУ. Од. зб. 49834 фп. Т. 1–4.
ГДА СБУ. Спр. 4962 фп. Арк. 1.
ГДА СБУ. Ф. 6. Од. зб. 3667 фп.
ГДА СБУ. Ф. 6. Од. зб. 33399 фп. Арк. 1-71.
ГДА СБУ. Ф. 9. Од. зб. 610. Т. 1.
ГДА СБУ. Ф. 13. Од. зб. 7. Т. 1; Зб. 31. Т. 1.
ГДА СБУ. Ф. 13. Од. зб. 259. Т. 1; Зб. 282.
ГДА СБУ. Ф. 136. Ед. зб. 282.
Державний архів Харківської області Республіки України. Ф. 1. Оп. 1. Од. зб. 109.
Централен държавен архив на Република България (ЦДА

на РБ). ПДА на РБ. Ф. Апександър Протогеров. Б. Материали и документи на ВМОРО.

ЦДА на РБ. Ф. 156 Б. Оп. 1. Ед. хр. 13, 474, 475.

Центральний державний архів громадських общнань України (ЦДА-ГОУ).

ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 1. Од. зб. 242.

ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Од. зб. 1640, 2453, 2477, 2541, 2600, 2620, 2647, 2651.

ЦДАГОУ. Ф. 7. Оп. 12. Од. зб. 560.

Canadian Government Records — http://www.montreal.mid.ru/hist.html.

Indiana University, Lilly Library.

Max Eastman Archive.

L. Trotsky — M. Eastman Collection.

Internatinal Institute of Social History. Archive. Amsterdam [Международный институт социальной истории в Амстердаме] (МИСИ).

Кол. Александра Бекмана.

Кол. Б.К. Суварина.

Фонд бумаг Троцкого, Льва Седова, Социалистического интернационала болыиевиков-ленинцев (фонд SIBL).

Lauinger Library, Georgetown University, Washington, DC USA: Special Collections Division Clare Sheridan to Shane Leslie // Sir Shane Leslie Papers, ALS 10/23/1920.

Library of Congress, Manuscript Division.

Alexander Vassilev's Papers, 0438 N, Black Notebook; Odd Papers; White Notebook № 1–2; Yellow Notevook № 3.

National Archives of the United States, Records of U.S. State.

Roosevelt Library. Hyde Park. Official File 4295.

Опубликованные источники

На русском языке

Абрамович Р. Страницы истории // Социалистический вестник. 1960. № 6.

Авдеев Н. Революция 1917 года. (Хроника событий). М.; Пг.: Госиздат, 1923. Т. 2.

Авторханов А. Происхождение партократии. Frankfurt/Main: Possev-Verlag, 1973. Т. 2.

Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К. Организационная структура Комитерна. 1919–1923. М.: РОССПЭН, 1997.

Аксенов В. Золотая наша Железка. М.: Эксмо, 2007.

Алексеев В. **Был ли патриарх Никон «вождем церковной контрреволюции»? //Диалог. 1990. № 10.**

Андреев АЛ. **Воспоминания, письма. М.: Политиздат, 1985.**

Аникеев В.В. **Деятельность ЦК РСДРП(б) — РКП(б) в 1917–1918 годах (хроника событий) / Под ред. А.А. Соловьева. М.: Мысль, 1974.**

Анненков Ю.П. **Дневник моих встреч. М.: Искусство, 1991. Т. 1.**

Антонов В. **Казнен и оправдан. Одна из жертв «большого террора» — резидент внешней разведки // Курьер (Нью-Йорк). 2008. 4 января.**

Арутюнов А. **Досье Ленина без ретуши. М.: Вече, 1999.**

Афанасьев В.Г. **«Смоленское дело» 1928 г. Подготовка «великого перелома» // Вестник Московского университета. История. 1991. № 3.**

Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. **История России. Конец или новое начало? М.: Новое издательство, 2005.**

Бажанов Б. **Воспоминания бывшего секретаря Сталина. Париж, 1980; М.: Инфодизайн, 1990.**

Байтальский М. **Троцкисты на Колыме. Минувшее. Paris: Atheneum, 1986. Т. 2.**

Балабанова А. **Моя жизнь — борьба. Мемуары русской социалистки. 1897–1938. М.: Центрполиграф, 2007.**

Бармин А. **Соколы Троцкого. М.: Современник, 1997.**

Баткин Л. **Сон разума. О социокультурных масштабах личности Сталина // Осмыслить культ Сталина. М.: Прогресс, 1989.**

Безыменский А. **Как пахнет жизнь / Предисловие Л. Троцкого. М., 1924.**

Безыменский А. **Комсомолия. М., 1924.**

Безыменский Л. **Гитлер и Сталин перед схваткой. М.: Вече, 2000.**

Бережков В.И., Пехтерева С.В. **Женщины-чекистки. СПб.: Нева, 2003.**

Берхин И.Б. **Военная реформа в СССР (1924–1925). М.: Воениздат, 1958.**

Бирюков А. **Неудаленные корни, или Джоконда из Ягодного // Мир Севера. 2004. № 1.**

Боборыкин П.Д. **Европейский роман в XIX столетии. Роман на Западе за две трети века. СПб., 1900.**

Богданов (Малиновский) А.А. **Статьи, доклады, письма и воспоминания 1901–1928 гг. / Сост. Н.С. Антонова, Н.В. Дроздова. М.: Аиро-XX, 1995.**

Бонч-Бруевич В.Д. **Вся власть Советам! М.: Воениздат, 1958.**

Бонч-Бруевич В.Д. **На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. М.: Федерация, 1930.**

Бонч-Бруевич В.Д. **Покушение на В.И. Ленина в Москве 30-го августа 1918 года. (Поличным воспоминаниям). М., 1924.**

БоффаД. **История Советского Союза. М.: Международные отношения, 1994. Т. 1.**

Боярчиков А.И. **Воспоминания. М.: АСТ, 2003.**

Бронштейн В.Б. **Преодоление. М.: Адамантъ, 2004.**

Бруновский В. **Дело было в СССР // Архив русской революции. Берлин: Слово, 1924. Т. XIV.**

Бунич И. **Пятисотлетняя война в России. Киев; СПб.: Облик, 1997.**

Бухарин Н.И. **Ленин как марксист. Л.: Госиздат, 1925.**

Бухарин Н.И. **Уроки хлебозаготовок, шахтинского дела и задачи партии. М.: Госиздат, 1928.**

Бушуев В. **Свет и тени. От Ленина до Путина. Заметки о развилках и персонах российской истории. М.: Культурная революция, 2006.**

Быков Д. **Борис Пастернак. М.: Молодая гвардия, 2010.**

Бьюкенен Д. **Моя миссия в России. Воспоминания английского дипломата. 1910–1918. Берлин: Обелиск, 1924; М.: Центрполиграф, 2006.**

Валентинов Н.В. **Наследники Ленина. Benson, Vermont: Chalidze Publications, 1990; М.: Терра, 1991.**

Ватлин А.Ю. **Коминтерн. Первые десять лет. Исторический очерк. М.: Россия молодая, 1993.**

Вацетис И.И. **Июльское восстание в Москве 6 и 7 июля 1918 г. // Память: Исторический сборник. Вып. 2. М.: 1977; Paris: YMCA-Press, 1979.**

Велидов А. **Похождения террориста: Одиссея Якова Блюмкина. М.: Современник, 1998.**

Владимиров И.М. **Ленин в Женеве и Париже. Харьков: Госиздат Украины, 1924.**

Войтиков С.С. **Развитие взглядов высшего руководства Советской России на военное строительство в ноябре 1917 — марте 1918 г. // Вопросы истории. 2007. № 10.**

Войтинский В. **1917-й. Год побед и поражений / Под ред. Ю. Фельштинского. М.: Терра, Книжный клуб, 1999.**

Волкогонов Д. **Троцкий: Политический портрет. М.: Новости, 1992. Т. 1–2.**

Вольский Н.В. (Валентинов). **Встречи с Лениным. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953.**

Вомпе П. **Дни Октябрьской революции и железнодорожники. М.: Изд. ЦК жел. — дор., 1924.**

Вомпе П.А. **Съезд железнодорожных рабочих // Новая жизнь. 1917. 15 (28) декабря. № 202 (196).**

Врачев И. **Два слова о Дзержинском. Письмо в редакцию // Вопросы истории. 1989. № 4.**

Гарви П.А. **Воспоминания социал-демократа. Нью-Йорк: Фонд по изданию литературного наследства П.А. Гарви, 1946.**

Гессен И.В. **В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. Берлин: Слово, 1927. Т. XXII.**

Гинденбург П. **Воспоминания. Пг., 1922.**

Гинзбург Л. **Записи 20—30-х годов. Из неопубликованного // Новый мир. 1992. № 6.**

Гинзбург Л. **Претворение опыта. Рига: Новая литература, 1991.**

Гольдфарб С.И. **Газета «Восточное обозрение» (1882–1906). Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1997.**

Горохов И., Замятин Л., Земсков И.В. **Г. Чичерин — дипломат ленинской школы / Под общ. ред. А. Громыко. Изд. 2. М., 1974.**

Горький М. **Письма. М.: Наука, 2000. Т. 6; 2001. Т. 7.**

Готье Ю.В. **Мои заметки // Вопросы истории. 1991. № II.**

Гофман М. **Война упущенных возможностей. М.; Л.: ГИЗ, 1925.**

Гофман М. **Записки и дневники, 1914–1918. Л.: Красная газета, 1929.**

Греф Я. **Большевики отменяют Воскресенье // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1929. № 6.**

Греф Я. **Коллективизация деревни и относительное перенаселение. (Об одной недооцененной проблеме) // Бюллетень оппозиции (болыде-виков-ленинцев). 1930. № 11.**

Гусев С.И. **Гражданская война и Красная Армия. М.; Л.: Госиздат, 1925.**

Гусев С.И. **Свияжские дни // Пролетарская революция. 1924. № 2.**

Гусейнов Г. **Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х годов. М.: Три квадрата, 2004.**

Даллин Д. **Шпионаж по-советски: Объекты и агенты советской разведки. М.: Центрполиграф, 2001.**

Дан Ф.И. **Происхождение большевизма. К истории демократических и социалистических идей в России после освобождения крестьян. Нью-Йорк: Новая демократия, 1946.**

Дмитриевский С. **Советские портреты. Берлин: Стрела, 1932.**

Дойчер И. **Троцкий. Безоружный пророк. 1921–1929. М.: Центрполиграф, 2006.**

Дойчер И. **Троцкий. Вооруженный пророк. 1879–1921. М.: Центрполиграф, 2006.**

Дойчер И. **Троцкий. Изгнанный пророк. 1929–1940. М.: Центрполиграф, 2006.**

Дорошенко В. **Ленин против Сталина. 1922–1923 // Звезда. 1990. № 4.**

Драбкин Я.С. **Идея мировой революции и ее трансформации // Коминтерн и идея мировой революции. М.: Наука, 1998.**

Дьяков Б.Л., Бушуева Т.С. **Фашистский меч ковался в СССР. Красная Армия и Рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922–1933. Неизвестные документы. М.: Советская Россия, 1992.**

Ефимов Б. **Мои встречи. М.: Вагриус, 2005.**

Ефимов Н.А. **Каким был подлинный С.М. Киров // Вопросы истории. 2002. № 5.**

Завадский С.В. **На великом изломе. Отчет гражданина о пережитом в 1916—17 годах //Архив русской революции. Берлин: Слово, 1923. Т. VIII.**

Залесский К.А. **Империя Сталина: Биографический энциклопедический словарь. М.: Вече, 2000.**

Залкинд И. **НКИД в семнадцатом году // Международная жизнь. 1927. № 10.**

Зенькович Н.А. **Покушения и инсценировки. От Ленина до Ельцина. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1998.**

Зенькович Н.А. **Тайны кремлевских смертей. М.: Надежда-лтд, 1995.**

Зив Г.А. **Троцкий. Характеристика. (По личным воспоминаниям). Нью-Йорк: Народоправство, 1921.**

Илизаров Б.С. **Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. К историософии сталинизма. М.: Вече, 2002.**

Инбер В. **Собрание сочинений. М.: Художественная литература, 1966.**

Кавтарадзе А.Г. **Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917–1920 гг. М.: Наука, 1988.**

Каганович Л.М. **Памятные записки. М.: Вагриус, 1996.**

Каждая В. **Тело и дело // Огонек. 2008. № 4.**

Каменев Л.Б. **Был ли Ленин вождем пролетарской революции. (К переписке т. Троцкого с Чхеидзе и т. Ольминским). [Юзовка] : Рабочий Донбасса, 1925.**

Каменев Л.Б. **Ленинизм или троцкизм. Харьков: Пролетарий, 1925.**

Каменев Л.Б. **Партия и троцкизм. (Уроки партийной истории) // Троцкий Л.Д. Уроки Октября. М.; Л.: Госиздат,**

1924.

Каменев Л., Сталин И. Против троцкизма. Крымгосиздат, 1925.

Кандель Ф. Книга времен и событий. История российских евреев. М.: Мосты культуры, 2002. Т. 2.

Кантор В. «…Есть европейская держава». Россия. Трудный путь к цивилизации. М.: РОССПЭН, 1997.

Канторович Б. Организационное развитие НКИД// Международная жизнь. 1922. № 15.

Кармайкл Д. Троцкий. Иерусалим: Книготоварищество Москва — Иерусалим, 1980.

Катин В. В угоду Сталину: Троцкому было отказано в британской визе // Независимая газета. 2000. 22 июня.

Кирдецов Г. У ворот Петрограда. Б. м., 1921.

Кокурин А.И., Петров Н.В. Лубянка: ВЧК — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ — МВД — КГБ. 1917–1960. М.: Демократия, 1997.

Кольцов М. Красный Китеж. Троцкий // Куранты искусства, литературы, театра и общественной жизни (Киев). 1918. № 8.

Кондаков Н.И., Кленовская Л.А. Крылатые аргументы. (Афоризмы и крылатые выражения в трудах и выступлениях К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина). М.: Знание, 1989.

Константинов С. Троцкий, Федор Сологуб и журнал «Крокодил» // Независимая газета. 2000.

Корушин Т.Д. Дни революции и советского строительства в Ишим-ском округе, 1917–1926. Ишим, 1926.

Краминова Н. Золото Троцкого // Новая газета. 2003. 18 декабря.

Красин Л.Б. Письма жене и детям 1917–1926 / Публ. Ю.Г. Фельштинского и Г.И. Чернявского // Вопросы истории. 2002. № 1–5.

Краснов В.Г.,Дайнес В.О. Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт. Документы. Мнения. Размышления. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000.

Краснов П.Н. На внутреннем фронте // Архив русской революции. Берлин: Слово, 1921. Т. 1.

Кривицкий В. Я был агентом Сталина. М.: Терра, 1991.

Крицман Л. Героический период великой русской революции. Опыт анализа так называемого военного коммунизма. М., 1926.

Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. М.: Соцэкгиз, 1931. Вып. 2; М.: Молодая гвардия, 1932.

Крупская Н.К. О Ленине: Сб. статей и выступлений. Изд. 5. М.: Изд-во политической литературы, 1983.

Кузьмин Н.Ф. **К истории разгрома белогвардейских войск Деникина // Вопросы истории. 1956. № 7.**

Куманев В.А., Куликова И.С. **Противостояние. Крупская — Сталин. М.: Наука, 1994.**

Кун М. **Бухарин, его друзья и враги. М.: Республика, 1992.**

Кунецкая Л., Маштакова К. **Встреча с Лениным (по материалам музея «Кабинет и квартира В.И. Ленина в Кремле»), М.: Советская Россия, 1987.**

Кэннон Д.П. **Памяти старика // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1940. № 84.**

Ленин В.И. **Полное собрание сочинений: В 55 т. М.: Политиздат, 1961–1964.**

Либерман С.И. **Дела и люди. New York: New Democracy Books, 1944.**

Либов Л. **Сталин, Троцкий и я // Урал. 2005. № 1.**

Лившиц С. **Партийная школа в Болонье (1910–1911) // Пролетарская революция. 1926. № 3.**

Логинов В. **К публикации «Из архива Бека» // Политическое самообразование. 1988. № 8.**

Локкарт Р. **Буря над Россией. Исповедь английского дипломата. Рига, 1933.**

Ломоносов Ю.В. **В Народном комиссариате путей сообщения. Ноябрь 1919 — январь 1920. Отрывок из воспоминаний и неизданная корреспонденция В.И. Ленина / Публ. Х.Э. Эплина // Минувшее. Париж: Атенеум, 1990. Т. 10.**

Луначарский А. **Лев Давидович Троцкий // Силуэты. Политические портреты. М.: Политиздат, 1991.**

Любимов И.Н. **Революция 1917 года. Хроника событий. М., 1924. Т. IV.**

Майоров М. **Борьба советской России из империалистической войны. М.: Политиздат, 1959.**

Макаров А. **Вера Инбер // Инбер В. Собрание сочинений. М.: Художественная литература, 1965. Т. 1.**

Макарычев М. **На память о Троцком // Российская газета. 2005.**

Максименков Л. **Очерки номенклатурной истории советской литературы: Западные пилигримы у сталинского престола (Фейхтвангер и другие) // Вопросы литературы. 2004. № 2–3.**

Максимов Г. **Суд над Я. Блюмкиным в 1919 // Память. М., 1978. Вып. 3; Париж, 1980.**

Малапарте К. **Техника государственного переворота. М.: Аграф, 1988.**

Мандельштам М.Л. **1905 год в политических процессах.**

Записки защитника. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1931.

Мандельштам Н. Воспоминания. Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1970.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. М.: Политиздат, 1954. Т. 1; 1955. Т. 2.

Мартов Л. Письмо редактору // Наше слово. 1915. 9 ноября.

Мартов Ю.О. Избранное / Подгот. текста и коммент. Д.Б. Павлова, В.Л. Телицына. М., 2000.

Мартов Ю.О. Письма 1916–1922 / Ред. — сост. Ю.Г. Фельштинский. Benson, Vermont: Chalidze Publications, 1990.

Мархлевский А). Война и мир между буржуазной Польшей и пролетарской Россией. М.: Госиздат, 1921.

Медведев Р. О смерти М.В. Фрунзе и Ф.Э. Дзержинского // Военноисторический журнал. № 3. 1989.

Медведев Р. Троцкий. Штрихи к политическому портрету // Иностранная литература. 1989. № 3.

Медведев Р., Медведев Ж. Неизвестный Сталин. М.: Время, 2007.

Мезин И.С., Седов С.Л., Черномордик Б.М. Легкие газогенераторы автотракторного типа. М.: Госмашметиздат, 1934.

Микоян А.И. Мысли и воспоминания о Ленине. М.: Политиздат, 1970.

Микоян Н.А. С любовью и печалью. М.: Терра, 1998.

Милюков П.Н. Балканский кризис и политика А.П. Извольского. СПб.: Общественная польза, 1910.

Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. Т. 2.

Милюков П.Н. История второй русской революции. София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1921.

Милюков П.Н. Россия на переломе. Большевистский период революции. Париж, 1927. Т. 1.

Минаков С. Сталин и его маршал. М.: Яуза, Эксмо, 2004.

Минц И.И. История великого Октября. М.: Наука, 1967–1973. Т. 1–3.

Михайлов В. История Коммунистической партии Украины. М.: Пролетарий, 1925.

Молодцыгин М.А. Красная Армия. Рождение и становление. 1917–1920. М.: Институт российской истории РАН, 1997.

Молотов В. Об уроках троцкизма. По поводу книги Л. Троцкого «О Ленине». М.; Л.: Госиздат, 1925.

Моризэ А. У Ленина и Троцкого. М., 1921.

Муратов И.А. **Яков Григорьевич Блюмкин (1900–1929) (Интернет).**

Нарский И В. **Русская провинциальная партийность. Политические объединения на Урале до 1917 г. Ч. 1. Челябинск: Изд-во Челябинского университета, 1995.**

Наш Троцкий. **Фокус. иа, 14 сентября 2007. http://focus.ua/history/9045.**

Невежин В.А. **Застольные речи Сталина. М.; СПб.: АИРО-XX, 2003.**

Невский В.И. **Южно-Русский рабочий союз в городе Николаеве в 1897 г. М.: Госиздат, 1922.**

Недава Й. **Вечный комиссар. Книгоиздательство «Москва — Иерусалим», 1989.**

Немирович-Данченко Вас. И. **На кладбищах. Воспоминания и впечатления. М.: Русская книга, 2001.**

Никандров Н. **Григулевич. М.: Молодая гвардия, 2005.**

Никитин В.Н. **Евреи-земледельцы. СПб.: Типография газеты «Новости», 1887.**

Николаевский Б. **Страницы прошлого. К 80-летию Л.О. Цедербаум-Дан. (Статья вторая) // Социалистический вестник. 1958. № 7–8.**

Николаевский Б.И. **Тайные страницы истории. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1995.**

Никольников Г.Л. **Брестский мир и Украина. Киев: Наукова думка, 1981.**

Норд Л.А. **Воспоминания о М.Н. Тухачевском // Возрождение (Париж). 1957. № 63–68.**

Орлов А. **Тайная история сталинских преступлений. М.: Автор, 1991.**

Орлов Б. **Так кто же стрелял в Ленина? // Источник. 1993. № 2.**

Орлов Г.А. **Брест-Литовский мир и день основания Красной армии // Русская мысль. 1958. 25 марта.**

Остряков С.З. **Военные чекисты. М.: Изд-во Министерства обороны СССР, 1979.**

Павлов И.П. **Об уме вообще, о русском уме в частности / Публ. Ю.А. Виноградова и В.О. Самойлова // Природа. 1999. № 8.**

Павлова И.В. **Механизм политической власти в СССР в 20-е —30-е годы // Вопросы истории. 1998. № 11–12.**

Панцов А.В. **Брестский мир// Вопросы истории. 1990. № 2.**

Панцов А. В. **Карл Радек — китаевед // Радек К. О Китае: Документы и материалы / Ред. и сост. А.В. Панцов. М.: Соверо-принт, 2005.**

Панцов А.В. **Лев Давидович Троцкий // Вопросы истории. 1990. № 5.**

Панцов А.В. **Мао Цзэдун. М.: Молодая гвардия, 2007.**

Панцов А.В. **Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и Китайская революция (1919–1927). М.: Муравей-Гайд, 2001.**

Панцов А.В., Чечевишников А.Л. **Исследователь и источник: О книге Д.А. Волкогонова «Троцкий» // Исторические исследования в России: Тенденции последних лет. М.: АИРО-XX, 1996.**

Напоров **/О.Фрида. Последняя любовница. Троцкого. М.: Вагриус, 2004.**

Парвус. **Россия и революция. СПб.: Книгоиздательство Н. Глаголева, 1906.**

Плимак Е., Антонов В. **Был ли заговор против Сталина? По материалам зарубежной печати // Октябрь. 1994. № 3.**

Попов А. **Страничка воспоминаний о работе в «Межрайонке» // Пролетарская революция. 1923. № 10.**

Попов И.И. **Забытые иркутские страницы. Записки революционера. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1989.**

Преображенский Е. **Новая экономика. М.: Госиздат, 1926.**

Пухов К. **Сын Троцкого Сергей Седов пытался отравить рабочих // Правда. 1937. 27 января.**

Рабинович А. **Большевики у власти. М.: Прогресс, 1989; М.: Новый хронограф, 2008.**

Рабинович А. **Досье Щастного. Троцкий и дело героя Балтийского флота // Отечественная история. 2001. № 1.**

Рабинович А. **Кровавые дни. Июльское восстание 1917 года в Петрограде. М.: Республика, 1992.**

Равдин Б., Скперфин Г. **Тайна журналистки и писательницы // Nuestro Paes. Buenos Aires, 2006. 18 de marzo.**

Радек К. **Брест-Литовск // Социал-демократ. 1918. 25 января. № 18.**

Радек К. **О Китае. Документы и материалы / Ред. и сост. А.В. Панцов. М.: Соверо-принт, 2005.**

Радек К. **Портреты и памфлеты. М.; Л.: Госиздат, 1927.**

Рейснер Л. **Афганистан. М.; Л.: Госиздат, 1925.**

Рейснер Л. **Гамбург на баррикадах. М.: Новый мир, 1924.**

Рид Д. **10 дней, которые потрясли мир // Рид Д. Избранное. М.: Политиздат, 1987. Т. 1.**

Роговин В. **Волкогоновский Троцкий // Бюллетень Четвертого Интернационала. 1993. № 7.**

Роговин В.Н. **Была ли альтернатива? М.: Терра, 1992.**

Рунин Б.М. **Мое окружение. Записки случайно уцелевшего. М.: Возвращение, 1995.**

Рябинский К. **Революция 1917 года. (Хроника событий). Октябрь. М.: Госиздат, 1926. Т. 5.**

Садуль Ж. **Записки о большевистской революции. М.: Книга, 1990.**

Самойло А. **Две жизни. М.: Воениздат, 1958.**

Сарнов Б. **Случай Оренбурга. М.: Эксмо, 2006.**

Свердлов Я.М. **Избранные произведения. М.: Политиздат, 1959. Т. 2; I960. Т. 3.**

Свердлова К.Т. **Яков Михайлович Свердлов. М.: Молодая гвардия, 1976.**

Сверчков Д. **На заре революции. М.: Госиздат, 1921.**

Серебрякова Г. **Моей дочери Зоре о ее отце // Родина. 1989. № 6.**

Сикейрос Д.А. **Меня называли Лихим Полковником. М.: Политиздат, 1986.**

Смирнов Д. **Она спасала «буржуйское добро» // Уральский курьер. 2002. 2 апреля.**

Соболев П.М. **Упрочение союза рабочих и крестьян в первый год пролетарской диктатуры. М.: Наука, 1977.**

Соколов Б. **Тухачевский. М.: Молодая гвардия, 2008.**

Соколов Б.В. **Охота на Сталина. Охота на Гитлера. Тайная борьба спецслужб. М.: Вече, 2000.**

Солженицын А.И. **Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Париж, 1973. Т. 1.**

Соловьев О.Ф. **Великий Октябрь и его противники. М., 1968.**

Соловьев Ю.Я. **Воспоминания дипломата. 1893–1922. М.: Соцэкгиз, 1959.**

Соломон Г. **Среди красных вождей. Париж, 1930. Т. 1.**

Спиридович А.И. **История большевизма в России от возникновения до захвата власти. 1883–1903—1917. Париж, 1922.**

Спирин Л.М. **Разгром армии Колчака. М.: Госполитиздат, 1957.**

Сталин И. **Назначить революцию в Германии на 9 ноября. Документы Политбюро ЦК РКП(б). 1923 // Источник. 1993. № 5.**

Сталин И. **О дискуссии, о тов. Рафаиле, о статьях тт. Преображенского и Сапронова и о письме тов. Троцкого // Правда. 1923. 15 декабря.**

[Сталин И.} **От редакции // Большевик. 1925. № 16.**

Сталин И. **Сочинения: В 16 т. М.: Госполитиздат. 1946–**

1952; М., 1997.

Сталин И. Троцкизм или ленинизм? // Троцкий Л.Д. Уроки Октября. М.; Л.: Госиздат, 1924.

Станчев М., Чернявский Г. Троцкий, Болгария и болгары. София: Академическое изд-во им. проф. М. Дринова, 2008.

Станчев М.Г., Чернявский Г.И. Фарс на крови. Харьков: Око, 1997.

Старосадский В. Карающий меч разведки / Публ. Службы внешней разведки РФ (http://svr.gov.ru/smi/2005/nov-r-kr20051118.htm).

Старцев В.И. Второй раунд смертельной схватки // Троцкий Л.Д. Уроки Октября (с приложением критических материалов 1924 года). Л.: Лениздат, 1991.

Стечкин В. Павел Судоплатов — терминатор Сталина. М.: Яуза, 2005.

Струмлин С.Г. Проблемы экономики труда. М., 1957.

Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М.: Гея, 1996.

Суханов Н. Записки о революции. Берлин: Изд-во З.И. Гржебина, 1922. Т. 4.

Толстая С.А. Дневники. М., 1928–1936. Т. 1–4.

Травинский Я. Письма Троцкого продолжают приходить // Петербургская интернет-газета (http://www.fontanka.ru/2001/04/16/64250/).

Тютюкин С.В. Лев Давидович Троцкий // Исторические силуэты. М.: Наука, 1991.

Тютюкин С.В. Л.Д. Троцкий в годы первой русской революции // Исторические силуэты. М.: Наука, 1991.

Урилов И.Х. История российской социал-демократии (меньшевизма). М.: Раритет, 2000. Т. 1.

Устинов Г. Трибун революции. М.: Госиздат, 1920.

Фельдман Д.З. Страницы истории евреев России XVII1—XIX вв. Опыт архивного исследования. М.: Древлехранилище, 2005.

Фельштинский Ю. Большевики и рабочий вопрос в октябре 1917–1918 гг. // Новый журнал. 1982. № 149.

Фельштинский Ю. Вожди в законе. М.: Терра, 2008.

Фельштинский Ю. Крушение мировой революции. Брестский мир. Октябрь 1917 — ноябрь 1918. М.: Терра, 1992.

Фельштинский Ю. Троцкий о Сталине // Новый журнал. 1984. № 155.

Фельштинский Ю., Чернявский Г. Письма Л.Д. Троцкого жене Н.И. Седовой (Мексика, 1937–1938) // Чернявский Г. Притчи о Правде и Лжи. Харьков: Око, 2003.

Фельштинский Ю.Г. **Как добывались деньги для революции // Вопросы истории. 1998. № 9.**

Фельштинский Ю.Г. **Разговоры с Бухариным. Комментарий к воспоминаниям А.М. Лариной (Бухариной) «Незабываемое» с приложениями. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1993.**

Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И. **В преддверии полного раскола. Противоречия и конфликты в российской социал-демократии 1908–1912 гг. // Вопросы истории. 2010. № 10–12; 2011. № 2, 3, 6–9, 11, 12;** 2012. № 1.

Фокке Д.Г. **На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии // Архив русской революции. Берлин: Слово, 1930. Т. XX.**

Фокс М.С. **Троцкий и его критики о природе СССР при Сталине // Вопросы истории. 1992. № 11–12.**

Фотиева Л.А. **Из жизни Ленина. М.: Политиздат, 1967.**

Фрелих П. **К истории германской революции / Пер. Ст. Вольского; ред. Т.Л. Аксельрод. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т. 1.**

Хаффнер С. **Революция в Германии 1918/19. Как это было в действительности? М.: Прогресс, 1983.**

Хрущев Н.С. **Время. Люди. Власть. (Воспоминания). Кн. 1. М.: Московские новости, 1999.**

Церетели И.Г. **Кризис власти. М.: Мир, 1992.**

Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). **Советская Россия в Китае. Воспоминания и размышления в 70 лет / Науч. ред. и вступ, статья А.В. Пан-цова. М.: Посев, 2009.**

Чейз У. **Троцкий в Мексике. К истории его нелегальных контактов с правительством США (1937–1940) // Отечественная история. 1995. № 4.**

Чейз У. **Троцкий в Мексике. К истории его негласных контактов с правительством США (1937–1940). Ч. 1: http://www.situation.ru/app/j_ art_92.htm; Ч. 2: http://www.situation.ru/app/j_art_94.htrn; Ч. 3: http://www.situation.ru/app/j_art_95.htm**

Червенков Н.Н., Шкундин Г.Д. **Балканские войны // Болгария в XX веке. Очерки политической истории. М.: Наука, 2003.**

Чернин О. **В дни мировой войны. М.; Пг., 1923.**

Чернин О. **Брест-Литовск / Публ. Ю. Фельштинского // Грани. 1989. Кн. 153.**

Чернин О. **Брест-Литовск // Архив русской революции. Берлин: Слово, 1921. Т. II.**

Чернов В.М. **Записки социалиста-революционера. Берлин: Изд-во Гржебина, 1922.**

Чернявский Г. **Новые притчи о Правде и Лжи. Харьков: Око,**

2005.

Чернявский Г. Притчи о Правде и Лжи. Харьков: Око, 2003.

Чернявский Г. Тень люциферова крыла. Большевизм и национал-социализм. Сравнительно-исторический анализ двух форм тоталитаризма. Харьков: Око, 2003.

Чернявский Г.И. Лев Троцкий. М.: Молодая гвардия, 2010.

Чернявский Г., Станчев М. Георгий Бакалов. Политическая биография (с культурологическим компонентом). София: Изд-во Болгарской академии наук им. проф. М. Дринова, 2006.

Чернявский Г.И., Станчев М.Г. В борьбе против самовластия. Х. Г. Раковский в 1929–1941 г. Харьков: Харьковский государственный институт культуры, 1993.

Черушев Н.С. Коменданты Кремля в лабиринтах власти. М.: Вече, 2005.

Чиков В.М. Суперагент Сталина. Тринадцать жизней разведчика. М.: Вече, 2006.

Чичерин Г.В. Внешняя политика советской России за два года. М., 1920.

Чубарьян А.О. Брестский мир. М.: Наука, 1964.

Чуковский К. Дневник 1901–1929. М.: Современный писатель, 1996.

Шапиро Л. Коммунистическая партия Советского Союза. Firenze: Edizioni Aurora, 1975.

Шапошник В.Н., Хмелевский К.А. Северо-Кавказский военный округ в 1919 году. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1980.

Шапошников Б.М. На Висле. К истории кампании 1920 г. М.: Госиздат, 1924.

Шарапов Э.П. Наум Эйтингон — карающий меч Сталина. СПб.: Нева, 2003.

Швецов В.В. Лев Троцкий и Макс Истмен. История одной политической дружбы // Новая и новейшая история. 1990. № 6.

Шишкин В.А. Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1930 годы) и капиталистический мир. От революционного «западничества» к «национал-большевизму». СПб.: Дмитрий Буланин, 2002.

Шопенгауэр П. Эристика, или искусство спорить. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1893.

Штейнберг И.З. Почему мы против Брестского мира. М.: Революционный социализм, 1918.

Шумяцкий Я. Туруханка. Очерки из жизни ссыльных Туруханского края. 1908–1916. М.: Московский рабочий,

1925.

Щуплов А. Смеясь, он дожил до 103 лет // Российская газета. 2003. 27 сентября.

ЮниверсалЛ. «Главкомштык» глазами русских парижан // Голос (Израиль). 2009. 19 февраля.

Юренев И. «Межрайонка» // Пролетарская революция. 1924. № 1.

Яковлев А.Н. По мощам и елей. М.: Евразия, 1995.

Яковлев Е. Последний инцидент. Конспект драмы Владимира Ильича // Московские новости. 1989. № 4.

Ярков И.П. Моя жизнь: Автобиография. Самиздат. Библиотека И.П. Яркова. № 1. Куйбышев, б. г.

Ярославский Е.Л. К вопросу об изучении истории партии // Пролетарская революция. 1930. № 2–3.

Ярославский Е.Л. Как «отвечает» Троцкий и как рабочие отвечают Троцкому // Большевик. 1929. № 5.

Ярославский Е.Л. Мистер Троцкий на службе у буржуазии, или первые шаги Л. Троцкого за границей // Большевик. 1929. № 5.

Ярославский Е.Л. Л.Д. Троцкий — Антид Ото. (Литературная деятельность Л.Д. Троцкого в сибирской газете «Восточное обозрение» в 1901–1902 гг.) // Сибирские огни. 1923. № 1–2.

А. А. Богданов и группа РСДРП «Вперед» 1908–1914 гг. / Сост. Н.С. Антонова, И.В. Дроздова. М.: АИРО-XX, 1995.

Антология сатиры и юмора XX века. Исаак Бабель. М.: Эксмо, 2005.

«Антоновщина»: Статьи, воспоминания и др. материалы к истории эсеро-бандитизма в Тамбовской губернии / Под ред. С.В. Евгенова и О.С. Литовского. Тамбов, 1923.

Архив русской революции. Берлин: Слово, 1926. Т. XVIII; Берлин: Слово, 1930. Т. XX.

Библиография периодических изданий России. 1901–1916. Л.: Публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, б. г. Т. 2.

Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год / Под общ. ред. С.П. Мельгунова и М. А. Цявловского. М.: Задруга, 1918.

Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927. М.: РОССПЭН, 1996.

Был ли Сталин агентом охранки?: Сб. статей, материалов и документов / Ред. — сост. Ю. Фельштинский. М.: Терра, 1999.

В. И. Ленин и А.М. Горький. Письма, воспоминания, документы. М.: Знание, 1969.

Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника: В 12 т. М.: Изд-во политической литературы. 1972. Т. 5; 1982. Т. 12.

Воспоминания И.Я. Врачева, записанные Г.И. Чернявским 20 февраля 1990 г.

Воспоминания о Бабеле. М.: Книжная палата, 1989.

Воспоминания о В. И. Ленине. М.: Политиздат, 1969. Т. 2; 1979. Т. 3.

Воспоминания о Ленине. Апрель 1938 года / Публ. А.И. Маршака // Спутник. 1990. № 4.

Восстания, бунты и забастовки заключенных // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. М.: РОССПЭН, 2004. Т. 6.

Восстановление военно-морского флота // Военно-исторический журнал. 1963. № 3.

Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. М.: Госполитиздат, 1950.

Всеобщая забастовка в Англии в мае 1926 г. Из «особой папки» Политбюро ЦК ВКП(б) / Публ. Л. Г. Бабиченко // Исторический архив. 1995. № 16.

Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. М.; Л., 1928.

Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов (25–26 октября 1917 г.). М.: Археографический центр, 1997.

Второй съезд РСДРП. Июль — август 1903 г. М.: Партиздат, 1932.

Гибель Кирова: Факты и версии // Родина. 2005. № 3.

Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты, 1907 год. Сессия вторая. СПб., 1907. Т. 1.

Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1968.

Девятая конференция РКП(б). Сентябрь 1920 г. Протоколы. М.: Политиздат, 1972.

Девятый съезд РКП(б) (март — апрель 1920 года). Протоколы. М.: Партиздат, 1934.

Декреты Советской власти. М.: Гос Политиздат. Т. 1 (1957); Т. 2 (1959); Т. 3 (1968).

Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года. Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1963.

Десять лет советской дипломатии: Сб. документов. М.: Литиздат НКИД, 1927.

Директивы КПСС и Советского правительства по

хозяйственным вопросам. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1. 1917–1928 годы.

Дискуссионный листок № 5 // Правда. 1927. 17 ноября.

Дискуссия 1923 года. Материалы и документы. М.; Л.: Госиздат, 1927.

Документы великой пролетарской революции. М.: Изд-во истории гражданской войны, 1938. Т. 1.

Документы внешней политики СССР. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1.

Документы по истории гражданской войны в СССР. М.: Госиздат, 1940. Т. 1.

Драма российской истории. Большевики и революция / О.В. Во-лобуев (рук. авт. коллектива), А.А. Косаковский, В.И. Старцев и др. М.: Новый хронограф, 2002.

Ежегодник газеты «Речь» на 1913 год. СПб., б. г.

Жизнь Л.Д. Троцкого в опасности. Бюллетень оппозиции (больше-виков-ленинцев). 1938. № 66–67.

Записки института Ленина. Т. 1. М., 1927.

Заседание Петербургского комитета РСДРП (б) 1/14 ноября 1917 г. // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). № 7. 1929.

Из переписки А.В. Луначарского и П.И. Лебедева-Полянского // De Visu. 1993. № 10.

История ВКП(б) / Под общ. ред. Ем. Ярославского. М.; Л.: ГИЗ, 1930. Т. 4.

История городов и сел Украинской ССР. Николаевская область. Киев: Институт истории АН УССР, 1981.

История гражданской войны в СССР. М.: ОГИЗ, 1935. Т. 1; М.: Госполитиздат, 1947–1960. Т. 1–5.

История коммунистической партии Советского Союза: В 6 т. М.: Изд. политической литературы, 1967. Т. 3. Кн. 1.

История Совета рабочих депутатов г. Санкт-Петербурга. СПб.: Книгоиздательство Н. Глаголева, 1906.

История советского крестьянства: В 5 т. М., 1986. Т. 1.

История социалистической экономики в СССР: В 7 т. / Отв. ред. И.А. Гладков. М., 1976–1980.

История СССР с древнейших времен до Великой октябрьской социалистической революции: В 2 сер., в 12 т. М., 1967–1968.

К десятилетию интервенции: Сб. статей. М.; Л., 1929.

К истории последних ленинских документов. Из архива писателя А. Бека, беседовавшего в 1967 году с личными секретарями Ленина // Московские новости. 1989. № 17.

Коминтерн и идея мировой революции: Документы. М.:

Наука, 1998.

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1984. Т. 3, 9.

Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919–1932. М: Партиздат, 1933.

КПСС о вооруженных силах Советского Союза. М.: Воениздат, 1969.

Крестьянское движение в Тамбовской губернии. 1917–1918: Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2003.

Кронштадтская трагедия 1921 года: Документы. М.: РОССПЭН, 1999. Т. 2.

Крупская Н.К. — Г.Е. Зиновьеву. 31 октября 1923 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 2.

Л.Д. Троцкий. После высылки из СССР. Начало третьей эмиграции. Турция. Принцевы острова. 1929–1932 гг. / Публ. А.М. Плеханова // Исторический архив. 1992. № 1.

Лев Троцкий. Константинополь, 1929 год / Публ. М.М. Пантелеева // Исторический архив. 1993. № 1.

Ленин В.И. Неизвестные документы 1891–1922. М.: РОССПЭН, 1999.

Ленин о Троцком и троцкизме. М.; Л.: Госиздат, 1925; Л.: Прибой, 1925; Хабаровск: Дальбюро ЦК РКП(б), 1925.

Ленинский сборник. М.: Госиздат, 1925. Т. 4; М.; Л.: 1929. Т. XI; М.: Политиздат, 1970. Т. XXXV11.

Лубянка: Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946 / Под ред. Плотниковой Н.С., Хаустова В.Н., Наумова В.П. М.: Материк, 2006.

Мартов Ю.О. и Потресов А.Н. Письма 1898–1913. М.: Собрание, 2007.

Меньшевики в 1917 году. М.: Прогресс-Академия, 1995. Т. 1–3.

Мирные переговоры в Брест-Литовске с 22 (9) декабря 1917 г. по 3 марта (18 февраля) 1918 г. М., 1920. Т. 1.

«Мятежная чета» в Кабуле. Письма Ф. Раскольникова и Л. Рейснер Л. Троцкому (1922 г.) / Публ. Н.А. Мышова // Отечественные архивы. 2003. № 1.

Надежда Иоффе о Льве Троцком. Воспоминания Надежды Иоффе // http://www.wsws.org/ru/1999/mar1999/iofT-m25.shtml.

Назначить революцию в Германии на 9 ноября // Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1995. № 5.

Наше отечество. Опыт политической истории. Т. 1–2. М.:

Терра, 1991.

Одиннадцатый съезд РКП(б). Март — апрель 1922 года. Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1961.

Окраины России. Сибирь, Туркестан, Кавказ и Полярная часть Европейской России / Под ред. П.П. Семенова. СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1900.

Октябрьская революция перед судом американских сенаторов. М.; Л.: Госиздат, 1927.

Отчет Второй Высшей социал-демократической пропагандистскоагитационной школы для рабочих (ноябрь 1910 — март 1911 г.). |Па-риж:] Изд. группы «Вперед», 1911.

Очерки истории российской внешней разведки. М.: Международные отношения, 1997. Т. 3. 1933–1941 гг.

Очистим Россию надолго / Публ. А.Н. Артизова // Отечественные архивы. 2003. № 1.

Партия и оппозиция накануне XV съезда ВКП(б): Сборник дискуссионных материалов. М.; Л.: Госиздат, 1928. Вып. 2–3.

Первый Всероссийский Съезд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. М.; Л.: Госиздат, 1930. Т. 1.

Первый легальный петербургский комитет большевиков в 1917 г.: Сб. материалов и документов. М.; Л.: Госиздат, 1927.

Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода / Ред. и примеч. П.А. Берлина, В.С. Войтинского и Б.И. Николаевского. Изд. Р.М. Плехановой, 1925.

Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (март — октябрь 1917 г.): Сб. документов. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1–2.

Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы: В 3 т. М.: Наука, 1966.

Петроградский Совет рабочих депутатов. Протоколы заседаний. М.: Госиздат, 1925.

Писатель на ночном горшке. Д. Бедный и квартирный вопрос // Аргументы и факты. 1996. № 34.

Письма И.В. Сталина В.М. Молотову 1925–1936 гг.: Сборник документов. М.: Россия молодая, 1995.

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1929. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1.

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. М.: РОССПЭН, 2004.

Политические деятели России. 1917: Биографический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 1993.

Политические партии России. История и современность. М.: РОССПЭН, 2000.

Предсмертное письмо А.А. Иоффе // Троцкий Л. Портреты

революционеров / Сост. Ю. Фельштинский. Benson, Vermont: Chalidze Publications, 1988.

Протоколы 2-го очередного съезда Заграничной лиги русской революционной социал-демократии. Женева, [1903].

Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов II созыва. М., 1918.

Протоколы заседаний ВЦИК IV созыва. Стенографический отчет. М„1920.

Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 — март 1918 г. М.: РОССПЭН, 2006.

Протоколы Первого съезда партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). М.: Революционный социализм, 1918.

Протоколы Петроградского совета профессиональных союзов за 1917 год. Л.: Госиздат, 1927.

Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 года / Под ред. Д. Кина и В. Со-рина. М.; Л., 1928.

Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М.: Госполитиздат, 1958.

XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.; Л.: Госиздат, 1928.

Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов. Стенографический отчет. М., 1918.

Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Апрель — май 1907 года. Протоколы. М.: Госполитиздат, 1963.

Пятый созыв Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Стенографический отчет. М., 1919.

Работы Л.Д. Троцкого в фондах Библиотеки Академии наук СССР. СПб., 1991.

Рабочий класс Советской России в первый год диктатуры пролетариата: Сб. документов и материалов. М.: Наука, 1964.

Разгром левой оппозиции в СССР. Письма ссыльных большевиков (1928) / Публ. Ю. Фельштинского // Минувшее. М.: Феникс, 1992. Т. 7.

Реабилитация. Политические процессы 30—50-х годов. М.: Политиздат, 1991.

Революция 1905–1907 гг. в России. Документы и материалы. Высший подъем революции. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Ч. 1.

РКП(б). Внутрипартийная борьба в двадцатые годы.

Документы и материалы. 1923 г. М.: РОССПЭН, 2004.

Русская общественная библиотека имени И.С. Тургенева. Сотрудники, друзья, почитатели: Сб. статей. Paris: Institut d'6tudes slaves, 1987.

Русская православная церковь в советское время (1917–1991). М.: Пропилеи, 1995. Т. 1.

Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел. Типография Комиссариата по иностранным делам. 1918. № 7.

Седьмой (экстренный) съезд РКП (б). Март 1918 года. Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1962.

XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.: Партиздат, 1934.

Сергей Седов: Письма из ссылки. Санкт-Петербург. М.: Научно-информационный центр «Мемориал», 2006.

Смерть международного шпиона // Правда. 1940. 28 августа.

Советское руководство. Переписка 1928–1941. М.: РОССПЭН, 1991.

Советы в Октябре: Сб. документов / Под ред. С.А. Пионтковского. М„1928.

Советы в эпоху военного коммунизма: Сб. документов. М., 1918. Ч. 1.

Социал-демократические движение в России. Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1928. Т. 1.

СССР — Германия, 1939–1941. Секретные документы / Сост. — переводчик Ю. Фельштинский. М.: Эксмо, 2011.

Сталин и Каганович. Переписка 1931–1936 гг. М.: РОССПЭН, 2001.

Сталин И.В. Историческая идеология в СССР в 1920—1950-е годы. Переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений: Сб. документов и материалов. Ч. 1. СПб., 2006.

Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). 1923–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2007. 2 т.

Толки о Троцком // Иллюстрированная Россия. 1925. № 16.

Торчинов В.А., Леонтюк А.М. Вокруг Сталина: Историко-биографический справочник. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2000.

Третий съезд РСДРП. М.: Госполитиздат, 1955.

Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 г. Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1963.

Труды I Всероссийского съезда Советов народного

хозяйства. 26 мая — 4 июня 1918 г. Стенографический отчет. М., 1918.

1917. Частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова. М.: Изд-во Российск. ун-та дружбы народов, 2005.

Ульянова М.И. об отношении В.И. Ленина к И.В. Сталину // Известия ЦК КПСС. № 12. 1989.

/V Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала 5 ноября — 3 декабря 1922 г. Избранные доклады, речи и резолюции. М.; Пг.: Госиздат, 1923.

XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б) 18–31 декабря 1925 г. Стенографический отчет. М.; Л.: Госиздат, 1926.

Шестой съезд РСДРП(б). Август 1917 г. М.: Партиздат, 1934.

Agabekov G. OGPU. The Russian Secret Terror. New York: Brentanos, 1931.

Alba V. El Marxismo en Espaca (1919–1939). Mexico: B. Costa-Amic Editor, 1973. Vol. 1.

Alcantara Egnoff S. Frida Kahlo and Diego Rivera. New York: Prestel, 2005.

Alexander R.J. International Trotskyism. 1929–1985. A Documented Analysis of the Movement. Durham and Londom: Duke University Press, 1991.

Alexander R.J. Trotskyism in Latin America. Stanford: Hoover Institution Press, 1973.

Andrew C., Mitrokhin V. The Mitrokhin Archive. The KGB in Europe and the West. London: Penguin Group, 1999.

Andrew Ch., Gordievsky 0. KGB. The Inside Story of Its Foreign Operations from Lenin to Gorbachev. New York: Harper & Collins Publishers, 1990.

Avrich P. Kronstadt 1921. Princeton: Princeton University Press, 1983.

Ball A.M. Russia's Last Capitalists. The Nepmen. 1921–1929. Berkeley: University of California Press, 1987.

Barmin A. Memoirs of a Soviet Diplomat. Twenty Years in the Service of the USSR. London: L. Dickson, 1938.

Baumgart W. Brest-Litovsk and the «Reasonable» Peace Treaty // Versailles — St. Germain — Trianon. Umbrich in Europa vor fimfzig Jahren. Munchen; Wien: R. Oldenboui^g, 1971.

Bednyi D. Die Hauptstrasse. Wien: Verlag fur Literatur und Politik, 1924.

Bonamusa F. Andreu Nin y el movimento comunista en Espaca (1930–1937). Barcelona: Editorial Anagrama, 1977.

Brailsford H.N. **Introduction // Trotsky L. Where is Britain going? London: George Allen & Unwin Ltd, [1925].**

Braunthal J. **History of the International. Boulder. Colorado: Westview Press, 1971. Vol. 3.**

Brockdorf-Rantzau U. **Dokunente und Gedenken um Versailles. Berlin: Verlag fur Kulturpolitik, 1925.**

Bronstein V. **Stalin and Trotsky's Relatives in Russia // The Trotsky Reappraisal. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1992.**

Broue P. **La Mission de Wolf en Espagne // Cahiers Leon Trotsky. 1982.**№ 10.

Broue P. **Rakovsky ou la revolution dans tous les pays. Paris: Fayard, 1996.**

Broue P. **Trotsky. Paris: Fayard, 1988.**

Broue P. **Trotsky et le bloc des oppositions de 1932 // Cahers Leon Trotsky. 1980. № 5.**

Brupbacher F. **60 Jahre Ketzer. Selbstbiographie. Zurich: Verlaggenos-senschaft, 1973.**

Buchanan G. **My Mission to Russia and the other Diplomatic Memories. London. 1923. Vol. II.**

Buranov Yu. **Lenin's Will: Falsified and Forbidden: From the Secret Archives of the Former Soviet Union. Amherst, N.Y.: Prometheus Books, 1994.**

Burnham J. **Science and Style: A Reply to Comrade Trotsky. New York, 1940.**

Campa V. **Mi testimonio. Memorias de un communista mexicano. Mexico, F.D.: Ed. de cultura popular, 1985.**

Cannon J.P. **The History of American Trotskyism from Its Origins (1928) to the Founding of the Socialist Workers Party (1938). New York: Pathfinder Press, 1979.**

Cannon J.P. **The Struggle for a Proletarian Party. New York: Pioneer Publishers, 1943.**

Ciliga A. **Au pays du grand mensonge… Paris: Gallimard, 1938.**

Ciliga A. **Russian Enigma. London: G. Routledge and Sons, 1940.**

Costello J., Tsarev O. **Deadly Illusions. New York: Crown Publishers, 1993.**

Craven D. **Diego Rivera as Epic Modernist. New York: Simon & Schuster Macmillan, 1997.**

Cumming C.K., Pettit W.W. **Russian-American Relations. March 1917 — March 1920. Documents and Papers. New York, 1920.**

Dallin D. **Changing World of Soviet Russia. New Haven: Yale University Press, 1956.**

Dallin D. **Economics of Slave Labor. Chicago: H. Regnery Co, 1949.**

Dallin D. **New Soviet Empire. New Haven: Yale University Press, 1951.**

Dallin D. **Soviet Foreign Policy after Stalin. Philadelphia: Lippincott, 1961.**

Daniels R.V. **Trotsky, Stalin and Socialism. Boulder: Westview Press, 1991.**

Deriabin P. Bagley T.H. **KGB. Masters of the Soviet Union. New York: Hippocrene Books, 1990.**

Deutscher I. **Stalin. A Political Biography. New York: Oxford University Press, 1977.**

Deutscher I. **The Prophet Unarmed: Trotsky, 1921–1929. Verso, 1954.**

Djilas M. **New Class. An Analysis of the Communist System. New York: Praeger, 1957.**

Dowson R. **Chinese Revolutionists in Exile // International Socialist Review. New York, Summer 1963.**

Duma Ch., Rakovsky Ch. **Les socialistes et la guerre. Bucareei: Cercul de editura socialista, 1915.**

Durgan A. **Trotsky, the POUM and the Spanish Revolution // Journal of Trotsky Studies (Glasgow). 1994. № 2.**

Eastman M. **Einstein, Hemingway, Freud, and Others. Great Companions. Critical Memoirs of Some Famous Friends. New York: Farrar, Straus, and Cudahy, 1959.**

Eastman M. **Leon Trotsky. The Portrait of a Youth. New York: Greenberg Publishers, Inc., 1926.**

Eastman M. **Love and Revolution. My Journey through an Epoch. New York: Random House, 1964.**

Eastman M. **Since Lenin died. London: Labour Publishing Company, Ltd, [1925].**

Eastman M. **Stalin's Russia and the Crisis in Socialism. New York: W.W. Norton & Company, 1940.**

Elwood R.C. **Lenin and Brussels // The Russian Review. 1980. № 39.**

Evans R.J. **The Coming of the Third Reich. New York: The Penguin Press, 2004.**

Fairbank J.K. **China. A New History. Cambridge: Harvard University Press, 1992.**

Fischer F. **Germany's Aims in the First Wold War. New York, 1967.**

Fischer L. **Russia's Road from Peace to War. Soviet Foreign Relations, 1917–1941. New York: Harper & Row, 1969.**

Fischer L. **The Soviets in World Affairs. A History of Relations**

between the Soviet Union and the Rest of the World. London: Jonathan Cape, 1930.

Fischer L. The Soviets in World Affairs. A History of the Relations between the Soviet Union and the Rest of the World, 1917–1929. Princeton, 1951. Vol. 1.

Fischer R. Stalin and German Communism. A Study in the Origins of the State Party. Cambridge: Harvard University Press, 1948.

Frank P. The Fourth International. The Long March of the Trotskyists. London: Ink Links, 1979.

Getty J. Arch. Trotsky in Exile. Founding of the Fourth International // Soviet Studies, 1986. № 1.

Getty J.Arch., Naumov O. V. The Road to Terror: Stalin and Self-Destruction of the Bolsheviks. 1931–1939. New Haven: Yale University Press, 1999.

Gill G. Stalinism. New York: St. Martin's Press, 1998.

Glotzer A. Trotsky. Memoir & Critique. Buffalo; New York: Prometheus Books, 1989.

Golomstock /. Totalitarian Art in the Soviet Union, the Third Reich, Fascist Italy and the Peoples Republic of China. New York: Icon Edition, 1990.

Gorky M. Days with Lenin. New York: International Publishers, 1932.

Hall R. Bulgaria's Road to the First World War. New York: Columbia University Press, 1996.

Hammer A., Lyndon N. Hammer. New York: Perigue Books, 1988.

Harrison J. A. China Since 1800. New York: Harcourt, Brace & World, 1967.

Haynes J.E., Klehr H. Venona. Decoding Soviet Espionage in America. New Haven: Yale University Press, 1999.

Haynes J.E., Klehr H., Vassilev A. Spies. The Rise and Fall of the KGB in America. New Haven: Yale University Press, 2009.

Heijenoort J. van. The Histoty of Trotsky's Papers // Harvard Library Bulletin. 1980. July.

Heijenoort J. van. With Trotsky in Exile: From Prinkipo to Coyoacйn. Cambridge: Harvard University Press, 1978.

Helfferich K. Der Weltkrieg. Berlin, 1919. Vol. III.

Herrera H. Frida. A Biography of Frida Kahlo. New York: Harper & Row, Publishers, 1983.

Hilger G.M., Alfred G. The Incompatible Allies. A Memoir History of Soviet German Relations 1918–1941. New York: Macmillan, 1953.

Iremaschwili /. Stalin und die Tragodie Georgiens. Berlin,

1932.

*Isaaks H.***The Tragedy of the Chinese Revolution. London: Seeker & Warburg, 1938.Stanford: Stanford University Press, 1981.**

Kaun A. **Maxim Gorky and His Russia. New York: J. Cape & H. Smith, 1931.**

Kautsky K. **Terrorismus und Kommunismus. Ein Beitrag zur Naturge-schichte der Revolution. Berlin: Verlag Neues Vaterland, 1919.**

Kautsky K. **Von der Demokratie zur Staat-Sklaverei. Eine Auseinander-setzung mit Trotzski. Berlin: Veriagsdenossenschaft «Freiheit», 1921.**

Kenan G. **Russia and the West under Lenin and Stalin. Atlantic: Little Brown Books, 1961.**

Kochan L. **Russia and the Weimar Republic. Cambridge: Bowes & Bowes, 1954.**

Kronenbitter Rita T. **Leon Trotsky. Dupe of the NK.VD.**

Laqueur W. **The Dream That Failed: Reflection on the Soviet Union. New York: Oxford University Press.**

Levine I.D. **The Mind of an Assassin. New York: Farrer, Straus, and Cudohy, 1959.**

Leslie A. **Clare Sheridan. Garden City: Doubleday, 1977.**

Lowenstein H. **Deutsche Geschichte von den Anfangn bis zur jungsten Gegenwart. Miinchen: Herbig, 1982.**

Ludwig E. **Roosevelt: Studie liber Gluck und Macht. Amsterdam: Querido Verlag, 1938.**

Marnham P. **Dreaming with His Eyes Open. A Life of Diego Rivera. New York: Alfred A. Knopf, 1999.**

Miller J.T. **The Politics of Chinese Trotskyism. The Role of Permanent Opposition in Communism. Urbana: University of Illinois, 1979.**

Navill P. **Trotski vivant. Paris: Juillard, 1962.**

Naville P. **L'Entre-Deux Guerres: La Lutte des Classes en France 1926–1939. Paris: Etudes de Documentacion Internationales, 1975.**

Nedava J. **Trotsky and the Jews. Philadelphia: Jewish Publication Sociery of America, 1971.**

North D. **In Defense of Leon Trotsky. Oak Park, Michigan: Mehring Books, 2010.**

North D. **Leon Trotsky, Soviet Historiography, and the Fate of Classical Marxism // World Socialist Web Site, 1st December 2008. index.shtml/index. shtmlwsws.org.**

O'Neil W.L. **The Last Romantic. A Life of Max Eastman. New York: Oxford University Press, 1978.**

Orlov A. **The Secret History of Stalin's Crimes. New York: Random House, 1953.**

Panlsov A., Benton G. **Did Trotsky Oppose Entering the Guomindang «From the First»? // Republican China. 1994. Vol. XIX. № 2.**

Pavlova /. V. **The Strength and Weakness of Stalin's Power // Rosenfeldt and others, ed. Mechanisms of Power in the Soviet Union. Palgrave Macmillan,** 2000.

Pomper Ph. **Lenin, Trotsky, and Stalin. The Intelligentsia and Power. New York: Columbia University Press, 1990.**

Pomper Ph., Felshtinsky Y. **Trotsky's Notebooks, 1933–1935. New York: Columbia University Press, 1986.**

Poretsky E. **Our Own People: A Memoir of Ignace Reiss and His Friends. London: Oxford University Press, 1969; Ann Arbor: University of Michigan Press, 1970.**

Poznyakov V.V. **The Soviet Intelligent Services and the Government. Information and Military-Political Decisions from the 1920s to the Early 1950s // Rosenfeldt and others, ed. Mechanisms of Power in the Soviet Union. New York: St. Martin's Press, 2000.**

Pritt D.N. **At the Moscow Trial. New York: Soviet Russia Today, 1937.**

Pritt D.N. **Moscow Trial (1936). London: Anglo-Russia Parliamentary Committee, 1936.**

Racovski Ch. **Scrieri social-politice (1900–1916). Bucuresti: Editura poïkiба, 1977.**

Raeff M. **Russia Abroad. A Cultural History of the Russian Emigration, 1919–1939. New York: Oxford University Press, 1990.**

Ransome A. **Russia in 1919. New York: B.W. Huebson, 1919.**

*Rauch G. von.***A History of Soviet Russia. 6th edition. New York: Praeger,1976.**

Rayfield D. **Stalin and His Hanchmen. New York: Random House, 2004.**

Reiman M. **The Birth of Stalinism. The USSR on the Eve of the Second Revolution. Bloomington: Indiana University Press, 1979.**

Rivera D. **Ma rapture avec Trotsky // Cahiers Leon Trorsky. 1986. № 26.**

Rivera D. **My Art, My Life. An Autobiography with Gladis March. New York: Dover Publications, 1991.**

Rosenfeldt N.E. **Stalins Special Departments. A Comparative Analysis of Key Sources. Copenhagen: C.A. Reitzels Forlag, 1989.**

Rosenthal G. **Avocat de Trotsky. Paris: R. Laffont, 1975.**

Rosmer A. **Moscou sous Linine. Preface par Albert Camus.**

Paris: P. Horay, 1953.

Russel B. **Trotsky on Our Sins // The New Leader. 1926. February 26.**

Sacks l.M. **Marxism in Viet Nam // Marxism in Southeast Asia. A Study of Four Countries. Stanford: Stanford University Press, 1959.**

Sadoul J. **Notes sur la Revolution Bolshevique. Paris, 1920.**

Salazar Sdnchez L.A. **Murder in Mexico. The Assassination of Leon Trotsky. London: Seeker & Warburg, 1950.**

Sedov L. **Livre rouge sur le proems de Moscou: Documents reculillis et r6dig6s par L. Sedov. Paris: Editions populaires, 1937.**

Senn A.E. **The Russian Revolution in Switzerland. 1914–1917. Madison: The University of Wisconsin Press, 1971.**

Serge V. **16 fusi!16s ou va le R6volution: Zinoviev, Kamenev, Smirnov. Paris: Spartacus, 1937.**

Serge V., Sedova-Trotsky N. **The Life and Death of Leon Trotsky. New York: Basic Books, Inc. Publishers, 1975.**

Service R. **Trotsky. Biography. London: Macmillan, 2009.**

Shachtman M. **The Moscow Trial — the Greatest Frame-Up in History. New York: Pioneer Publishers, 1937.**

Shachtman M. **The Reminiscences. Columbia University Oral History Project, 1963.**

Shapiro L. **The Origin of the Communist Autocracy. Political Opposition in the Soviet State. First Phase, 1917–1922. Frederick A. Praeger. New York; Washington, 1965.**

Sheridan C. **Naked Truth. New York; London: Harper & Brothers Publishers, 1928.**

Sinclair L. **Trotsky. A Bibliography. Brookfield: Gover Publishing Company, 1989. Vol. 1–2.**

Souvarine B. **Stalin. A Critical Survey of Bolshevism. New York: Longman, Green and Co, 1939.**

Souvarine B. **Staline. Aper<ju historique du bolch0visme. Paris: G6rard Lebovici, 1985.**

Stobnicer M. **Le Mouvement Trotskyist Allemand sous la Republique de Weimar. Paris: University of Paris Thesis, 1980.**

Strong A.L. **First Time in History. Two Years of Russias New Life. New York: Boni & Liveright, 1924.**

Strong A. L. **Stalin «The Voice of the Party» Breaks Trotsky // Gateaway. 1925. December.**

Swain G. **Russian Social Democracy and the Legal Labour Movement. 1906—14. Basingstoke, 1983.**

Tarkhova N.S. **Trotsky's Train. Unknown Page in the History of the Civil War // The Trotsky Reappraisal. Edinburgh: Edinburgh**

University Press, 1992.

Thatcher I.D. **Leon Trotsky and World War One. August 1914 — February 1917. New York: St. Martin's Press, 2000.**

Thatcher I.D. **Trotsky. London; New York: Pontledge, 2003.**

Thatcher I.D. **Trotsky and «Bor'ba» // Historical Journal. 1994.**

Thatcher I.D. **Trotsky, the Soviet Union and the World Economy // Coexistence. 1993. Vol. 30.**

Thatcher I.D. **Uneven and Combined Development // Revolutionary Russia. 1991. № 2.**

*Tucker R.G.***The Emergency of Stalins Foreign Policy // Slavic Review.1977. Vol. 36. № 4.**

Worth R. **Soviet Russia in World Politics. New York; Twayne, 1963.**

Weinstein A., Vassiiev A. **The Haunted Wood. Soviet Espionage in America. The Stalin Era. New York: Random Hause, 1999.**

Wheeler Bennett J.W. **Brest-Litovsk: The Forgotten Peace, March 1918. London: Macmillan and Co, 1938.**

Wheeler Bennett J.W. **German-Soviet Relations between the Two World Wars 1919–1939. London: 1952.**

Wheeler Bennett J. W. **Hindenburg: The Woolen Titan. London, Macmillan and Co, 1936.**

Wolfe B. **Three Who Made a Revolution. New York: Dial Press, 1948.**

Woytinsky W.S. **Stormy Passage. A Personal Story through Two Russian Revolutions to Democracy and Freedom. 1905–1960. New York: The Vanguard Press, 1961.**

Zeman Z.A.B., Scharlau W.B. **The Merchant of Revolution. The Life of Alexander Israel Helphand (Parvus). London: Oxford University Press, 1965.**

Дорошко М. **Органи ВУЧК— ГПУ— НКВД у здійсненні контролю над компартійно-державною номенклатурою УСРР у 1920—1930-ті роки // З архівів ВУЧК, ГПУ, НКВД, КДБ. 2003. № 1.**

Кабакчиев Х. **Към Балканската федерация! София: Партийна социа-листическа книжарница и печатница, 1914.**

Марков Г. **България в Балканския съюз срещу Османската империя. 1912–1913. София: Наука и изкуство, 1989.**

Тошев А. **Балкански войни. София: Факел, 1929. Т. 1.**

Шаповал Ю., Прибайко В., Золотарьов В. **ЧК — ГПУ — НКВД в Україні: Особи, факти, документи. Київ: Абрис, 1997.**

Bolsheviks Propaganda. Hearings before a Subcommittee of the Judiciary Committee of the United States Senate. Sixty Fifth Congress. Washington.

Bor'ba, A Workers' Journal in St. Petersburg on the Eve of World War One // The English Historical Review. Vol. 113. №. 450 (Feb. 1998).

Cahiers Ldon Trotsly. 1980. № 5. Cartes et lettres d'Andrds Nin a Trotsky (1928).

Cahiers Ldon Trotsky. 1982. № 10. Schafranek H. Kurt Landau.

Christopher Andrew and Vasili Mitrokhin. The Mitrokhin Archive: The KGB in Europe and the West — Gardners Books, 2000.

The Case of Leon Trotsky. Report of Hearing on the Charges Made Against Him in the Moscow Trials. New York: Merit Publishers, 1968.

The Case of Leon Trotsky. Report of Hearing on the Charges Made Against Him in the Moscow Trials by the Preliminary Commission in Inquiry. New York; London, 1937.

The Communist International 1919–1943. Documents. Selected and edited by Jane Degras. London: Oxford University Press, 1960. Vol. 2.

Die Zimmerwalder Bewegung. Protokolle und Korrespondenz. Heraus-gegeben von Horst Landemacher. The Hague — Paris: International Institute of Social History, 1967. T. 1.

Documents of the Fourth International. The Formative Years (1933—40) / Ed. by Will Reisner. New York: Pathfinder Press, 1973.

Encyclopaedia Britannica. London: The Encyclopaedia Britannica Co, Ltd, 1926. Vol. 13.

Germany and the Revolution in Russia 1915–1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry / Ed. by Z.A.B. Zeman. London: Oxford University Press, 1958.

L'Allemagne et les problemes de la paix pendant la premiere guerre mondiale. Documents extraits des archives de l'Office allemand des Affairs etran-geres. Pub. etann. par A. Schereret J. Grunewald. Liv. III. De la revolution Sovietique a la paix de Brest-Litovsk (9 novembre 1917 —3 mars 1918). Paris, 1976.

Les Congrˆs de la Quatri6me Internationale. Paris: Editions La Br6che, 1978. Vol. 1.

Not Guilty! Report of the Dewey Commission of Inquiry into the Charges Made Against Leon Trotsky in the Moscow Trials. New York: Harper & Brothers, 1938.

Platfotm der russischen Opposition. Eingereicht nicht veroffentlich vom stalinistischen ZK. [Berlin, 1927].

Scope of Soviet Activity in the United States: Hearing before

the Subcommittee to Investigate the Administration of the Internal Security Act. February 29. March 2. 1956. Washington. 1956.

The Real Situation in Russia. New York: Harcourt, Brace & Co, 1928.

The Serge — Trotsky Papers / Ed. and published by D.J. Cotterill. London: Pluto Press, 1994.

The Transitional Program for Socialist Revolution. New York: Pathfinder Press, 1974.

The Trotsky Reappraisal. Ed. by T. Brotherstone and P. Dukes. Edinburth University Press, 1992.

Доклад на парламентарната изпитателна комисия. София: Държав-на печатница, 1918. Т. 1.

Коминтерны и България (март 1919 — септември 1944 г.). София: Главно управление на архивите при Министерския съвет на РБ, 2005. Т. 1.

Материали за историята на Балканската война. Шумен: Ив. Лесников, 1913.

Периодика (без указания статей)

Русская

Борьба. 1914. № 2.

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1929. № 2; 1930. № 9, 14; 1931. № 25–26; 1932. № 27, 32; 1933. № 33; 1935. № 44–46; 1936. № 47, 51–53; 1937. № 54–55, 58–61; 1938. № 64, 66–67, 69; 1939. № 73. Возрождение (Париж). 1929. 2 марта.

Вопросы истории. 1988. № 4; 1989. № 2.

Вопросы истории КПСС. 1991. № 1.

Восточное обозрение. 1900. 15 октября; 1901. 14–15 февраля, 29 марта, 30 мая, 4–9 августа, 26 сентября; 1902. 19 апреля.

Газета Временного рабочего и крестьянского правительства. 1917. 30 ноября.

Голос. 1914. 10, 20, 21 ноября, 13 декабря.

Голос Киева. 1918. 21 июня.

Голос народа. 1917. 29 октября.

Голос солдата. 1917. 25 октября.

День. 1912. 9 ноября.

Знамя. 1990. № 3.

Знание — сила. 1989. № 7.

Известия. 1917. 9 апреля, 6 мая, 22 июля, 12, 13, 21, 26

сентября, 19 октября, 5, 9, 11, 14, 19, 25 ноября, 1, 6 декабря; 1918. 5, 16, 21, 23, 24 апреля, 22 мая, 8, 22, 27 июня, 12 июля; 1919. 24 января, 25 февраля, 21 ноября; 1920. 2, 24 марта, 29 мая; 1921. 16 марта, 5 апреля; 1922. 30 августа; 1924. 7 ноября; 1927. 13 августа.

Известия Совета рабочих депутатов. 1905, 18 октября, 3, 5, 7 ноября.

Известия ЦК КПСС. 1989. № 7; 1990. № 1, 5–7, 10–12; 1991. № 3, 8.

Иллюстрированная Россия. 1927. № 49; 1929. № 8.

Искра. 1902. 15 ноября, 1 декабря, 15 декабря; 1903. 1, 15 февраля, 3 июля, 25 ноября, 15 декабря; 1904. 10, 25 февраля, 5 марта, 20 октября; 1905. 3, 10, 17 марта.

Киевская мысль. 1908. 18 августа, 23 ноября; 1911. 19, 22 мая; 1912. 4, 12 марта; 1913. 8 февраля, 7 марта, 8, 10, 31 июля, 2 августа, 3, 5, 6, 12 сентября, 17 октября, 2 ноября; 1915. 9 января; 1916. 3, 15, 22 января, 20 февраля, 27 марта, 7 июня, 12, 28, 29 июля, 19 ноября.

Комсомольская правда. 1988. 22 октября.

Красная газета. 1918. 12, 27 августа.

Красная звезда. 1924. 11 мая.

Красная новь. 1924. № 4.

Красноярский рабочий. 1936. 22 августа.

Луч. 1913. 13 января, 19, 21, 22 февраля, 5 марта.

Мир. 1940. 30 август.

На посту. 1923–1925.

Начало. 1916. 2 декабря.

Наш голос. 1915. 4 июня, 30 июля.

Наша заря. 1911. № 11.

Наше слово. 1915. 3, 9 июля, 14 февраля, 5 октября; 1916. 25 января, 13 мая, 27 июля.

Новая жизнь. 1905. 7, 8, 15, 30 ноября; 1917. 6 июня, 5, 13, 25, 30 июля, 22, 26 сентября, 16, 19, 25 октября, 7 (20) ноября.

Новейшая история. 1988. № 5.

Новое время (Белград). 1929. 10 февраля.

Новый мир. 1917. 16 января, 22 марта.

Огонек. 1989. № 51.

Печать и революция. 1923. № 7; 1924. № 3, 4.

Полярная звезда. 1906. № 1.

Последние новости. 1918, 11 июня; 1921. 2 марта; 1929. 26 января, 14, 15 февраля; 1938. 18 февраля.

Правда. 1909. 9 апреля, 20 сентября (3 октября) 1910. (14) января, 25 февраля; 1911. 8 июля, 23 декабря; 1912. 27 марта;

1917. 16 апреля, 10, 13, 25, 27 ноября, 13 декабря; 1918. 22 февраля, 7, 12 марта, 24 мая, 25 декабря; 1919. 25 февраля, 30 октября, 9 ноября; 1920. 16 января, 14 октября; 1921. 18 января, 16 марта; 1922. 14 мая, 6 декабря; 1923. 14 марта, 7 июня, 26 июля, 7, 11, 18 декабря; 1924. 30 января, 2, 17 ноября, 9 декабря; 1925. 28 мая, 3, 4, 11, 17 июня, 23 сентября; 1926. 7 октября; 1927. 12 января, 26 июня, 28 июля, 10, 11, 24 августа, 1, 15 ноября, 20, 27 декабря; 1928. 19 января, 18 апреля, 4 мая, 3 июня; 1929. 19 февраля, 20 сентября; 1932. 21 января; 1936. 21, 24 августа; 1937. 21, 22, 29, 31 марта; 1988. 26 февраля, 25 марта.

Правительственный вестник. 1905, 6 ноября.

Пролетарская революция. 1931. № 6.

Рабочая газета. 1917, 10 сентября.

Рабочий путь. 1917, 4, 12, 20, 24 сентября, 8, 13, 17, 19, 22, 24—

26 октября, 8 ноября.

Речь. 1913. 4 октября; 1917. 7 июня, 8, 24 октября.

Русский голос (Киев). 1918. 5 ноября.

Слово (Одесса). 1998. 20 ноября.

Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1920. 10, 26 февраля.

Советский Юг. 1924. 16 апреля.

Социал-демократ. 1909. 17 июня; 1918. 20 февраля.

Социалистический вестник. 1924. № 11; 1927. № 13; 1928. № 1.

Торгово-промышленная газета. 1925. 8 октября; 1926. 10 января.

Уральский рабочий. 1920. 19 февраля.

Экономическая жизнь. 1923. 1 октября; 1925. 29 июля.

Иностранная

Arbeiterzeitung. 1929. 3 Marz.

Chicago Tribune. 2009. May 7.

Drezdener Nachrichten. 1929. 23 February.

Jewish Daily Forward. 1917. Jan. 16.

La Verite. 1930. 19 Decembre.

Life. 1956. April. № 17. Vol. 40 Manchester Guardian. 1925. September 15.

Militant. 1930. March 29.

Nation. 1926. March 10; 1928. February 1.

New Leader. 1925. May 1.

New York Times. 1917. March 5; 1925. September 26; 1932. February 27; 1933. August 24; 1938. March 4; 1939. April 15; 1958. April 22.

Paris soir. 1933. 16, 17 juin. Rheinisch-Westfalische Zeitung. 1929. 21 Marz. St.-Louis Post-Dispatch. 1940. March 10.

Time. 1937. January. Vol. XXIX. № 4.

Vorwarts. 1910. 28 August; 1912. 26 Marz. Беломорец (Солун). 1912. 4 ноември. Празнични вести. 1940. 29 август. Работнически вестник. 1915. 15, 16 июля.

ВРАГ №1

1929
1940

Издание рассматривает жизнь и деятельность Л.Д. Троцкого в эмиграции, где он со временем стал признанным и единоличным руководителем мирового оппозиционного коммунистического движения «большевиков-ленинцев». Книга создана на основе документальных фондов Троцкого в архивах Гарвардского университета и Гуверовского института войны, революции и мира (США) и на материалах архивов других стран, где существовали и действовали группы последователей Троцкого. Особое внимание уделено пребыванию Троцкого в Турции, Франции, Норвегии и, наконец, в Мексике, где Троцкий жил с 1937 г.

Авторы исследуют историю связей Троцкого с альтернативным коммунистическим движением в Европе, Азии и Америке, взаимодействие с левыми оппозиционерами различных политических группировок. Наибольшее внимание уделено переходу Троцкого от оппозиции в рамках существовавших компартий к курсу на создание независимых оппозиционных коммунистических партий «большевиков-ленинцев» и их объединение в новый 4-й Интернационал. Рассмотрены также роль Троцкого в разоблачении сталинского «большого террора» 1936—1939 гг., описание Троцким истории становления и упрочения тоталитарной системы в СССР и жизненного пути Сталина от провинциального революционера до кровавого советского диктатора. Подробно освещены эпизоды личной жизни Троцкого в эмиграции.

ЛЕВ ТРОЦКИЙ

SCAN IT!
1079465651
в приложении OZON.ru

notes

Примечания

1

Хогтонская библиотека Гарвардского университета (Бостон). Архив Троцкого. Фонд bMs Russ 13-I (далее: Архив Троцкого. Фонд 13.IJ. Т-3165.

2

Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций: Поправки и дополнения к литературе эпигонов. Берлин: Гранит, 1932.

3

Serge V., Sedova — Trotsky N. The Life and Death of Leon Trotsky. New York: Basic Books, Inc. Publishers, 1975. P. 165.

4

Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Берлин: Гранит, 1930. Т. 1. С. 5.

5

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 481. Л. 129; Лев Троцкий, Константинополь, 1929 год / Публ. М.М. Пантелеева // Исторический архив. 1993. № 1. С. 219.

Sinclair L. Trotsky. A Bibliography. 2 vol. Brookfield: Gover Publishing Company, 1989. Vol 2. P. 1250–1255.

Ibid. P. 7.

Nation. 1928. February 1. P. 113.

O'Neil W.L. The Last Romantic. A Life of Max Eastman. New York: Oxford University Press, 1978. P. 121.

10

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-820.

11

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-2329.

12

К а у н Александр Давидович (1889–1944) — американский историк литературы. Будучи студентом Петербургского университета, участвовал в революционных событиях 1905 г. В 1909 г. эмигрировал в США. Окончил Чикагский университет. Стал профессором Калифорнийского университета, плодотворно занимался историей русской литературы. Автор ряда монографий, в том числе о М. Горьком и Л. Андрееве. Входил в авторские коллективы ряда изданий, посвященных истории России. Придерживался леволиберальных взглядов.

13

См.: *Kaun A.* Maxim Gorky and His Russia. New York: J. Cape & H. Smith, 1931.

14

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-2173, Т-2174.

15

Там же. Т-2180.

16

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-2172.

17

Там же. Т-2184.

18

Там же. Т-2174-2181.

19

Здесь и далее квадратными скобками отмечены уточнения, сделанные авторами книги.

20

РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Ед. хр. 373. Л. 16.

21

Там же. Ед. хр. 446. Л. 2–6.

22

Троцкий Л. Что и как произошло? Шесть статей для мировой буржуазной печати. Париж, 1929. С. 25–26.

Большевик. 1929. № 5. С. 67.

Там же. № 9—10. С. 30.

25

Дмитриевский С. Советские портреты. Берлин: Стрела, 1932. С. 151.

26

Л.Д. Троцкий. После высылки из СССР. Начало третьей эмиграции. Турция. Принцевы острова. 1929–1932 гг. / Публ. А.М. Плеханова // Исторический архив. 1992. № 1. С. 34–35. Обширная переписка Троцкого с Куроедовым и сопроводительные материалы были после смерти Куроедова изъяты сотрудниками советского посольства и пересланы полпредом СССР в Норвегии А.А. Бек-задяном секретарю ЦИКа СССР А.С. Енукидзе. У Енукидзе они были обнаружены, в свою очередь, при обыске после ареста Енукизде. Конверт с письмами (всего 75 листов) был затем похищен сотрудником НКВД, который сохранил его и в 2001 г. передал Агентству журналистских расследований Андрея Константинова, а последний — в санкт-петербургский Музей политической истории России. Сотрудник НКВД, похитивший письма Троцкого, журналистам представился как Василий Михайлович, без фамилии (*Травинский Я.* Письма Троцкого продолжают приходить // Фонтанка-ру. Петербургская интернетгазета. 2001. 16 апреля).

27

Serge V., Sedova-Trotsky N. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 166.

Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 68.

29

См., например: Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-15821.

Andrew CИ., Mitrokhin V. The Mitrokhin Archive. The KGB in Europe and the West. London: Penguin Group, 1999. P. 52.

31

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1929. № 1–2. С. 10–14.

Там же. С. 14.

33

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 458. Л. 1–2.

Правда. 1929. 20 сентября; Большевик. 1929. № 18. С. 73–75.

35

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Ед. хр. 80. Л. 24; *Лев* Троцкий, Константинополь, 1929 год / Публ. М М. Пантелеева // Исторический архив. 1993. № 1. С. 218.

36

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1929. № 3–4. С. 5—11.

37

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Ед. хр. 96. Л. 152–156.

38

ГДА СБУ. Ф. 9. Од. зб. 610. Т. І. Арк. 257–262.

Там же. Арк. 257, 259.

ГДА СБУ. Ф. 9. Од. зб. 610. Т. 1. Арк. 261.

41

Шаповал Ю., Прибайко В., Золотарьов В. ЧК — ГПУ — НКВД в Україні: Особи, факти, документи. Київ: Абрис, 1997. С. 283–284.

Вопкогонов Д.А. Троцкий: Политический портрет. М.: Агентство печати «Новости», 1992. Т. 2. С. 136.

43

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-861.

Об этом свидетельствуют переписка, адресные книги, финансовые документы и другие многочисленные имевшие отношение к изданию журнала материалы (Архив Гуверовского института. Коллекция Б.И. Николаевского. Ящик 372).

Л.Д. Троцкий: После высылки из СССР… // Исторический архив. 1992. № 1. С. 36.

The Serge — Trotsky Papers / Ed. and published by D.J. Cotterill. London: Pluto Press, 1994. P. 73.

47

Library of Congress. Alexander Vassilev's Papers. 0438 N. Yellow Notevook. № 3. P. 42. Manuscript Division. Бумаги А. Васильева — уникальный источник по истории советской разведдеятельности в США. До 1990 г. Васильев служил в КГБ, а затем перешел в «действующий резерв» и стал журналистом, задумав написать книгу о советской разведке в США. Он был допущен в Архив Службы внешней разведки России, где ему разрешили делать выписки из самых секретных документов. Постепенно, однако, руководство СВР охладело к этому проекту, а сам Васильев почувствовал себя в опасности. В 1996 г. он принял предложение поехать в Лондон в качестве журналиста, но с собой смог взять только записанные на компакт-диски некоторые из своих выписок (главным образом их резюме). Он отказался возвратиться в СССР, получил подданство Великобритании и вскоре опубликовал в соавторстве книгу: *Weinstein A., Vassilev A.* The Haunted Wood. Soviet Espionage in America. The Stalin Era. New York: Random Hause, 1999. В 2001 г. нелегальным путем Васильеву удалось получить из Москвы свои блокноты с выписками. Их обследовали эксперты, проведшие перекрестную проверку известных фактов и пришедшие к выводу о подлинности документов и достоверности выписок из них. После этого была подготовлена книга: *Haynes J.E., Klehr H., Vassilev A.* Spies. The Rise and Fall of the KGB in America. New Haven: Yale University Press, 2009. В 2009 г. А. Васильев передал в Отдел рукописей Библиотеки Конгресса США свои выписки в виде восьми блокнотов и одной папки, которые значатся в каталоге отдела как четыре Yellow Notebooks, три White Notebooks, одна Black Notebook, а также одна папка Odd Papers. Все эти материалы также помещены на веб-сайте Международного проекта изучения холодной войны Центра имени Вудро Вильсона в Вашингтоне.

Медведев Р., Медведев Ж. Неизвестный Сталин. М.: Время, 2007. С. 586.

XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б): Стенографический отчет. М.: Партиздат, 1934. С. 32.

50

Е ж о в Николай Иванович (1895–1940) — член большевистской партии с 1917 г. В 20—30-х гг. занимал различные посты в партийном аппарате. С 1934 г. — секретарь ЦК ВКП(б), председатель Комиссии партийного контроля. В 1936–1938 гг. — нарком внутренних дел, генеральный комиссар государственной безопасности СССР. Смещенный с этих постов в декабре 1938 г., недолгое время занимал пост наркома водного транспорта. Ежов был одним из главных приспешников Сталина в деле организации Большого террора, который по его фамилии (и в этом смысле необоснованно) часто называли ежовшиной, хотя он не был инициатором кампании, только ответственным ее исполнителем. В апреле 1939 г. Ежов был арестован. В феврале 1940 г. приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к смертной казни и тотчас расстрелян.

51

Троцкий Л. Рабочее государство, термидор и бонапартизм (историко-теоретическая справка) // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1935. № 41. С. 2–13.

Getty J.A., Naumov O. V. The Road to Terror: Stalin and Self-Destruction of the Bolsheviks. 1931–1939. New Haven: Yale University Press, 1999. P. 164–165.

Мы ставим «открытый» в кавычки, так как открытыми в общепринятом (во всем остальном мире) смысле слова эти процессы, разумеется, не были. В зале заседаний была собрана подобранная НКВД публика, выполнявшая поставленные перед нею НКВД задачи.

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 340.

55

Каховская Ирина Константиновна (1888–1960) — участница революционного движения с 1905 г. Примыкала к большевикам, однако в 1906 г. перешла в партию эсеров-максималистов. В 1907 г. арестована и приговорена к 20-летней каторге. В 1914 г. по амнистии переведена на поселение. В 1917 г. освобождена и приехала в Петроград. Присоединилась клевому крылу эсеров, а затем вошла в партию левых эсеров. В 1918 г. — член Боевой организации при ЦК партии. Готовила покушение на командующего германскими войсками на Украине генерала Г. Эйхгорна и гетмана П.П. Скоропадского. Эйхгорн был убит, Каховская арестована и приговорена к смертной казни. Освобождена после свержения гетманства и установления власти Директории в конце 1918 г. После этого не участвовала в политической деятельности, однако подвергалась преследованиям со стороны большевистских властей. Последние годы жизни жила в г. Малоярославце.

Fischer F. Germany's Aims in the First Wold War. New York, 1967. P. 567.

57

Подробнее см.: *Максимов Г.* Суд над Я. Блюмкиным в 1919 // Память: Сборник. Вып. 3. М., 1978; Париж, 1980. С. 379–381.

Свердлова К.Т. Яков Михайлович Свердлов. М., 1976. С. 357.

59

См.: *Мандельштам Н.* Воспоминания. Нью-Йорк, 1970. С. 109.

Александрович (настоящая фамилия Дмитриевский) Вячеслав Александрович (1886—1918) — эсер с начала второго десятилетия XX в. В 1912 г. был арестован и сослан в Иркутскую губернию, откуда бежал и продолжал революционную работу. В 1917 г. стал одним из руководителей левой фракции в партии эсеров, а в ноябре 1918 г. — одним из основателей ПЛСР. С декабря 1917 г. — заместитель председателя ВЧК. После убийства германского посла в России Мирбаха 6 июля 1918 г. был обвинен в том, что от имени председателяВЧК Дзержинского подписал документ о выделении будущим убийцам Блюмкину и Андрееву автомобиля, однако никаких доказательств, что он знал о подготовлявшемся покушении, нет. Во время волнений, последовавших за убийством Мирбаха, Александрович был инициатором кратковременного задержания Дзержинского, после чего пытался бежать, но был арестован. 7 июля он был приговорен ВЧК к смертной казни и в ночь на 9 июля расстрелян, по некоторым сведениям — лично Дзержинским.

61

Спиридонова Мария Александровна (1884–1941) — участница революционного движения с 1902 г. Примкнула к организации эсеров и вошла в их боевую организацию. В январе 1906 г. смертельно ранила советника тамбовского губернатора. Согласно одной из версий, была его любовницей, и покушение не имело отношения к политике, а было совершено по личным мотивам. Была схвачена на месте и приговорена к смертной казни, замененной пожизненной каторгой. Освобождена после Февральской революции 1917 г. Приехав в Петроград, примкнула к левому крылу партии эсеров и вскоре стала его лидером. Выступала за сотрудничество с большевиками. Явилась инициатором создания партии левых эсеров в ноябре 1917 г. и фактически возглавила эту партию. В апреле 1918 г. перешла в политическую оппозицию. В начале июля 1918 г. была обвинена в подготовке мятежа левых эсеров против большевистской власти, арестована и приговорена к одному году заключения, однако вскоре выпушена на свободу. В следующие годы подвергалась многочисленным арестам и ссылкам. Арестованная в 1937 г., была приговорена к 25 годам заключения. Расстреляна в сентябре 1941 г. под Орлом по личному приказу Сталина, оформленному постановлением Государственного комитета обороны СССР.

62

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-564.

63

См.: *HilgerG., Meyer A.G.* The Incompatible Allies. A Memoir-History of German-Soviet Relations 1918–1941. New York, 1953. P. 9.

По сведениям 1-го издания Большой советской энциклопедии.

См. *HilgerG., Meyer A.G.* The Incompatible Allies. P. 9.

Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. Париж, 1980. С. 258.

67

А. Солженицын пишет, что в 1925 г. Блюмкин «написал так называемое предсмертное письмо Савинкова, по заданию ГПУ. Оказывается, когда Савинков был в заключении, Блюмкин был постоянно допущенное к нему лицо — он «развлекал» его вечерами… Это и помогло Блюмкину войти в манеру речи и мысли Савинкова…» *(Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Париж, 1973. Т. I. С. 374).

68

Троцкий Л. Материалы и документы по истории Красной армии: В 3 т. Как вооружалась революция (на военной работе). Т. 1. Тысяча девятьсот восемнадцатый год. М., 1923. С. 7.

Там же. С. 8.

70

Трилиссер Меер Абрамович (псевдоним в Коминтерне Москвин Михаил Александрович) (1883–1940) — социал-демократ с 1901 г. Позже — большевик. После 1917 г. руководил большевистской разведывательной службой на Дальнем Востоке. В 1921 г. — комиссар Дальневосточной республики по Амурской области. С 1922 г. — руководитель Иностранного отдела ГПУ. С 1926 г. — заместитель председателя ОГПУ. В 1930–1934 гг. — заместитель наркома рабоче-крестьянской инспекции РСФСР. С 1935 г. работал в Исполкоме Коминтерна, являлся членом Президиума и кандидатом в члены Секретариата. Курировал работу спецслужб Коминтерна. Арестован в 1938 г. и расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

71

Орлов Александр Михайлович (настоящие фамилия, имя и отчество Фельдбин Лев Лазаревич; имел множество псевдонимов) (1895–1973) — член РКП(б) с 1920 г. В 1921–1924 гг. учился в Московском университете. С 1926 г. служил в Иностранном отделе ОГПУ (затем НКВД). Выполнял разведывательные задания в различных европейских странах. С 1936 г. — резидент НКВД в Испании. Руководил кровавым подавлением волнений в Барселоне в 1937 г. В 1938 г. через Францию и Канаду выехал в США. В 1953 г. опубликовал книгу «Тайная история сталинских преступлений», переведенную на многие языки. В России книга вышла в 1991 г. в издательстве «Автор».

72

Розенцвейг Е Ю. (Горская — псевдоним в разведке, 1900–1987) — член компартии Австрии с 1923 г. С 1925 г. сотрудница советской разведки в Австрии, затем во Франции. С 1928 г. работала в Москве. В 1930 г. вышла замуж за советского разведчика В.М. Зарубина (Василия Зубилина (Максима), в США — Питер) и вместе с ним прошла долгий путь зарубежных разведок и резидентур, в том числе и в США (под псевдонимом Элен) в годы Второй мировой войны. После войны работала в центральных органах внешней разведки СССР. Погибла в автомобильной катастрофе.

73

Тот факт, что советская разведка следила за Блюмкиным в Константинополе и знала о его встречах, подтверждается и другими источниками (см.: *Andrew CИ., Mitrokhin У.* The Mitrokhin Archive. P. 53).

Serge V., Sedova-Trotsky N. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 166—167.

75

Центральная часть Константинополя (Стамбула).

Документация Центрального архива ФСБ РФ, предоставленная авторам без выходных данных.

77

The Case of Leon Trotsky. Report of Hearing on the Charges Made Against Him in the Moscow Trials by the Preliminary Commission in Inquiry. New York; London, 1937. P. 105–106.

Документация Центрального архива ФСБ РФ, предоставленная авторам без выходных данных.

79

Харин — агент ОГПУ, представившийся Троцкому симпатизировавшим ему сотрудником советского полпредства в Париже.

80

Урбане Гуго (1890–1946) — участник социал-демократического движения в Германии с начала второго десятилетия XX в. Коммунист с 1920 г. Один из руководителей коммунистического восстания в Гамбурге в октябре 1923 г. В 1925 г. подверг резкой критике руководство компартии. В марте 1926 г. был из партии исключен. Через два года совместно с Р. Фишер и А. Масловым основал альтернативную коммунистическую организацию Ленинбунд, вначале поддерживавшую Троцкого, а затем порвавшую с ним. В 1933 г. эмигрировал в Швейцарию.

81

Фрей Йозеф (1882–1957) — деятель австрийского рабочего движения, журналист. В социалистическом движении со студенческих лет, участвовал в создании Социал-демократического союза студентов Австрии. Перед Первой мировой войной редактировал центральный орган Социал-демократической партии Австрии «Арбайтер цайтунг». В годы войны — капитан австро-венгерской армии. После революции 1918 г. — председатель Исполкома Совета солдатских депутатов Вены, командующий городской Красной гвардией. Выступал за провозглашение Австрии советской республикой. В 1919 г. из-за разногласий с партийным руководством ушел со своих постов, возглавил крайне левое течение в социал-демократии. В 1920 г. исключен из СДПА, в 1921 г. присоединился к коммунистам и вскоре вошел в руководство Коммунистической партии Австрии. В КПА стал во главе фракции, поддерживавшей контакты с объединенной оппозицией в ВКП(б). В 1927 г. был исключен из КПА и участвовал в создании альтернативной партийной структуры, которая, однако, не примкнула к международному движению сторонников Троцкого. В 1934 г. основал Союз борьбы за освобождение рабочего класса. После присоединения Австрии в 1938 г. к нацистской Германии эмигрировал в Швейцарию.

82

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-3164.

83

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1930. № 9. С. 9.

Муратов И.А. Яков Григорьевич Блюмкин (1900–1929) (Интернет).

85

Атабеков (настоящая фамилия Арутюнов) Георгий (Григорий) Сергеевич (1895–1937) — советский разведчик, невозвращенец. В 1918–1920 гг. служил в Красной армии. С 1920 г. — член РКП(б). С 1921 г. — в ВЧК, затем в ОГПУ. Вел разведывательную работу в Афганистане, Иране, Турции. В 1930 г. перебрался из Константинополя в Париж и объявил себя невозвращенцем, недовольным методами работы советских властей. Автор двух мемуарных книг, изданных в Германии в 1930 и 1931 гг. Убит агентами НКВД.

Agabekov G. OGPU. The Russian Secret Terror. New York, 1931. P. 220. Орлов считал, что Блюмкина арестовали сразу же по возвращении в Москву, по дороге в столицу, куда Блюмкина вызвали для доклада *(Orlov A.* The Secret History of Stalin's Crimes. New York, 1953. P. 192–193), но в данном случае, видимо, следует верить Агабекову.

Agabekov G. OGPU. The Russian Secret Terror. P. 221; *Старков Б.* «Не ради временной славы и честолюбия…» // *Орлов А.* Тайная история сталинских преступлений. М.: Автор, 1991. С. 348.

См.: *Остряков С.З.* Военные чекисты. М., 1979. С. 124.

89

Велидов А. Похождения террориста: Одиссея Якова Блюмкина. М.: Современник, 1998; *Orlov A.* The Secret History of Stalin's Crimes. P. 193.

90

The Case of Leon Trotsky. Report of Hearing on the Charges Made Against Him in the Moscow Trials by the Preliminary Commission in Inquiry. New York; London. 1937. P. 105–106, 537–538.

91

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1930. № 9. С. 9—II.

92

См.: *Троцкий Л.* Портреты / Сост. Ю. Фельштинский. США, 1984. С. 276–285.

93

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1930. № 9. С. 8.

В результате в объемистом справочнике, созданном американским историком Робертом Александером, не нашлось даже места для «русской секции», которая в действительности так и не была создана (Alexander R.J. International Trotskyism. 1929—1985. A Documented Analysis of the Movement. Durham and Londom: Duke University Press, 1991).

95

Кун М. Бухарин, его друзья и враги. М.: Республика, 1992. С. 328, 332.

96

С е м а р Пьер (1887–1942) — секретарь ЦК французской компартии в 1924–1930 гг. С 1924 г. являлся членом Политбюро ЦК этой партии. В 1940 г. он был арестован французскими властями, а во время оккупации Франции выдан нацистам и казнен.

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1929. № 1–2. С. 17.

Shachtman M. The Reminiscences — Columbia University Oral History Project, 1963. P. 309–310.

99

Навилль Пьер (1904–1993) — деятель французского социалистического и коммунистического движения, писатель. В первой половине 20-х гг. участвовал в движении сюрреалистов, возглавлял журнал «Сюрреалистическая революция». С 1926 г. — член организации коммунистической молодежи, затем французской компартии. Редактировал журнал «Кларте». В 1928 г. исключен из ФКП за поддержку Троцкого. С 1929 г. соредактор еженедельника «Ла веритэ» («Правда»), издававшегося французскими последователями Троцкого. В 1930 г. — один из основателей Коммунистической лиги Франции. В 1934 г. в соответствии с указанием Троцкого вступил в Социалистическую партию, образовав в ней группу «коммунистов-интернационалистов». С 1936 г. — один из лидеров Интернационалистической рабочей партии и редактор ее теоретического органа «4-й Интернационал». В 1938 г. участвовал в учредительной конференции 4-го Интернационала, был избран в его Исполком. После Второй мировой войны отошел от организаций сторонников Троцкого, возвратился в Социалистическую партию, затем состоял в нескольких левосоциалистических организациях, входил в руководство Объединенной социалистической партии. Автор многих художественных произведений, ряда трудов по истории и психологии.

Naville P. L'Entre-Deux Guerres: La Lutte des Classes en France 1926–1939. Paris: Etudes de Documentacion Internationales, 1975. P. 62.

101

Хейженоорт Жан ван (1912–1986) — участник французского коммунистического молодежного движения с 1932 г. В том же году стал сторонником Троцкого. Являлся его секретарем, помощником и телохранителем в 1932–1939 гг. До 1947 г. продолжал участвовать в организациях сторонников Троцкого, затем от политической деятельности отошел. Работал в архиве Гарвардского университета (приводил в порядок фонд Троцкого). В 1949 г. защитил докторскую диссертацию по математической логике. Преподавал в Колумбийском (Нью-Йорк) и других университетах. Автор фундаментальных работ по математической логике и воспоминаний о сотрудничестве с Троцким. Был убит в Мексике своей четвертой женой, которая после этого покончила жизнь самоубийством.

Heijenoort J. With Trotsky in Exile: From Prinkipo to Coyoacйn. Cambridge: Harvard University Press, 1978. P. 96.

103

Молинье Раймон (1904–1994) — французский коммунист с 1922 г. В середине 20-х гг. был исключен из партии за поддержку позиций Троцкого. В 1930 г. один из основателей Коммунистической лиги Франции, объединившей сторонников Троцкого. В 1936 г. после раскола Лиги основал Международную коммунистическую партию, не связанную с движением сторонников Троцкого. Затем был деятелем ряда мелких партий и организаций, которые создавались и распадались одна за другой. Продолжал поддерживать тесные личные связи с Троцким. В 1940 г. эмигрировал в Великобританию, затем в Бразилию. После Второй мировой войны возвратился во Францию. Участвовал в деятельности 4-го Интернационала.

104

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-9480.

105

Heijenoort J. With Trotsky in Exile: From Prinkipo to Coyoacйп. P. 21.

Ibid.

107

Heijenoort J. With Trotsky in Exile: From Prinkipo to Coyoacйп. P. 24.

108

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-7286.

109

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-3351; La Verity, 1930, 19 Decembre.

110

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-3219; Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1929. № 3–4. С. 29–30.

111

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-3220; Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1929. № 3–4. С. 30–33. Курсив Троцкого.

112

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-3235.

113

Heijenoort J. With Trotsky in Exile: From Prinkipo to Coyoacйn. P. 96.

Heijenoort J. With Trotsky in Exile: From Prinkipo to Coyoacdn. P. 56.

115

Glotzer A. Trotsky. Memoir & Critique. Buffalo, New York: Prometheus Books, 1989. P. 29.

Alexander R.J. International Trotskyism. P. 347–348.

117

Ibid. P. 346.

118

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-9205.

119

Там же. Т-4805.

Stobnicer M. Le Mouvement Trotskyist Allemand sous la Republique de Weimar. University of Paris Thesis. Paris, 1980. P. 54–73.

121

Stobnicer M. Le Mouvement Trotskyist Allemand sous la Republique de Weimar. University of Paris Thesis. Paris, 1980. P 20.

122

ГДА СБУ. Ф. 13. Од. зб. 282. Арк. 25.

123

РГАСПИ. Ф 325. Оп. 1. Ед. хр. 332.

124

ГДА СБУ. Ф. 13. Од. зб. 282. Арк. 26.

125

Leon Trotsky — Alfred et Margueritte Rosmer: Correspondence 1929–1939 / Ed. by P. Broué. Paris: Gallimard, 1982. P. 40–43.

126

Ландау Курт (1903–1937) — деятель австрийского и международного рабочего движения. Член Коммунистической партии Австрии с 1921 г., руководитель агитпропотдела ЦК КПА, редактор центрального печатного органа партии газеты «Роте фане» по вопросам культуры. В середине 20-х гг. солидаризовался с Троцким и его сторонниками. В 1927 г. исключен из компартии. В 1929 г. по предложению Троцкого выехал в Германию с целью способствовать объединению немецких оппозиционных коммунистических групп. В 1930 г. вошел в руководство Объединенной левой оппозиции КПГ (болыдевиков-ленин-цев). В 1931 г. возглавил группу марксистов-интернационалистов, отколовшуюся от нее. После прихода к власти в Германии нацистов эмигрировал во Францию, стал редактором независимого коммунистического журнала на немецком языке. Разоблачал сталинские репрессии в СССР. После начала в 1936 г. Гражданской войны в Испании выехал в Барселону, где вошел в состав секретариата ПОУМ, являлся координатором по работе с иностранными добровольцами и журналистами. В 1937 г. похищен и убит агентами НКВД.

Schafranek H. Kurt Landau // Cahiers Leon Trotsly. 1980. № 5. P. 74.

128

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1930. № 9. С. 22–26; The Militant. 1930. March 29; *Trotsky L.* Writings (1930). New York: Pathfinder Press Inc., 1975. P. 87–95.

Leon Trotsky — Alfred et Margueritte Rosmer. P. 42.

130

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-9441.

Trotsky L. Writings (1930). P. 214.

Stobnicer M. Le Mouvement Trotskyist Allemand sous la Republique de Weimar. P. 115.

133

Соболевичус Рувелис (псевдоним Соблен Роберт) (1900–1962) — агент советской разведки, брат А. Соболевичуса, тоже советского агента. Вместе с ним эмигрировал в Германию, участвовал в движении немецких сторонников Троцкого. С 1931 г. выполнял разведывательные и провокаторские задания ОГПУ. В 1941 г. эмигрировал в США, где по заданию советской разведки вел наблюдение за коммунистами-оппозиционерами. В 1960 г. был арестован, выпушен на поруки, бежал в Израиль, затем оказался в Великобритании. При попытке депортации в США покончил жизнь самоубийством.

134

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-3364.

Stobnicer M. Le Mouvement Trotskyist Allemand sous la Republique de Weimar. P. 117.

Ibid. P. 124–125.

137

Горкин Хулиан (настоящие фамилия и имя Гомес Гарсиа Рибера) (1902–1987) — деятель испанского и международного социалистического и коммунистического движения, журналист, историк. В социалистическом движении с 1917 г. Член компартии с 1921 г. Работал в испанском отделе Исполкома Коминтерна, затем участвовал во французском коммунистическом движении. В 1929 г. исключен из партии за связь с троцкистами. В 1929–1931 гг. — член Коммунистической оппозиции Испании, затем один из организаторов и лидеров Рабоче-крестьянского блока в Валенсии. С 1935 г. — секретарь Рабочей партии марксистского объединения (ПОУМ), один из ведущих публицистов партии. В 1938 г. на инспирированном сталинистами процессе ПОУМ приговорен к 15 годам заключения. В 1939 г. бежал из тюрьмы. Эмигрировал во Францию, затем в Мексику; способствовал расследованию обстоятельств убийства Троцкого. В 1948 г. переехал в Париж, где вступил в Испанскую социалистическую рабочую партию. Автор ряда трудов по истории рабочего и революционного движения в Испании.

138

Н и н Перес Андрес (1892–1937) — деятель испанского рабочего и социалистического движения. С 1911 г. (по другим сведениям — с 1913 г.) — социалист, член социалистической партии Испании. В 1917 г. организовал Союз работников свободных профессий, вошедший в Национальную конфедерацию труда (НКТ). С 1920 г. — член секретариата Национального Комитета НКТ. В 1921 г. участвовал как представитель НКТ в учредительном конгрессе Красного интернационала профсоюзов, избран в Исполком Профинтерна. С 1921 г. жил и работал в Москве, в 1923 г. вступил в РКП(б), являлся депутатом Моссовета. Входил в состав Исполкома Коминтерна, выезжал на нелегальную работу в Германию и Италию. В 1926 г. присоединился к объединенной оппозиции в ВКП(б), после чего был выведен из руководства Профинтерна и Коминтерна. В 1928 г. исключен из ВКП(б) и компартии Испании. В 1930 г. выслан из СССР, возвратился в Испанию, где стал одним из лидеров движения сторонников Троцкого. С 1932 г. — генеральный секретарь организации «Левые коммунисты Испании». В 1935 г. один из основателей Рабочей партии марксистского объединения (ПОУМ); член ее ЦК и Исполкома, затем — политический секретарь ПОУМ, подвергнутой острой критике Троцким и отошедшей от движения после создания 4-го Интернационала. В сентябре 1936 г. занял пост министра юстиции в региональном правительстве Каталонии, в декабре — смешен под нажимом испанских сталинистов. В 1937 г. задержан и убит агентами НКВД.

Cartes et lettres d’Andres Nin a Trotsky (1928) // Cahiers I_éoη Trotsky. 1982. № 10. P. 35–45.

Троцкий Л. Испанская революция // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1931. № 19. С. 3—13.

141

Троцкий Л. Испанская революция и угрожающие ей опасности // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1931. № 21–22. С. 2—11.

Там же. С. 17.

143

Маурин Хулиа Хоакин (1896–1973) — деятель испанского рабочего движения. Первоначально активист Национальной конфедерации труда, член руководящего комитета НКТ в Каталонии. В 1921 г. вступил в Коммунистическую партию, с 1923 г. — член ЦК КПИ. В 1925–1927 гг. — политзаключенный. После освобождения эмигрировал во Францию. С середины 20-х гг. боролся против бюрократизации КПИ, в 1931 г. был исключен из партии. После революции 1931 г. вернулся в Испанию, основал и возглавил Рабоче-крестьянский блок. После объединения в 1935 г. этой организации с «Левыми коммунистами Испании» в Рабочую партию марксистского объединения (ПОУМ) — член ЦК, Исполкома и генеральный секретарь партии. С 1936 г. — депутат парламента. В начале Гражданской войны в Испании захвачен франкистами в Галисии. Находился в заключении до 1946 г. В 1947 г. эмигрировал в США.

Alexander R.J. International Trotskyism. P. 683.

145

Bonamusa F. Andreu Nin y el movimento comunista en Espaca (1930–1937). Barcelona: Editorial Anagrama, 1977. P. 100–101.

146

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-8065.

Alexander R.J. International Trotskyism. P. 686.

148

Оверстратен Эдуард (1891–1981) — один из основателей компартии Бельгии в 1921 г. Был исключен из нее в 1928 г. за поддержку объединенной оппозиции в ВКГ1(б). Возглавил группу бельгийских сторонников Троцкого, в которой сразу же возникли острые разногласия. В 1930 г. Оверстратен порвал с последователями Троцкого, а затем отошел от политической деятельности.

149

Trotsky L. Writings (1929). New York: Pathfinfer Press, Inc., 1975. P. 332.

Trotsky L. Writings (1930). P. 294.

151

О деятельности болгарской группы и ее связях с Троцким см.: *Станчев М., Чернявский Г.* Троцкий, Болгария и болгары. София: Академическое изд-во им. проф. М. Дринова, 2008. С. 247–348.

O'Neil W.L. The Last Romantic. A Life of Max Eastman. New York: Oxford University Press, 1978. P. XVII.

Glotzer A. Trotsky. Memoir & Critique. P. 22.

154

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1929. № 1–2. С. 27–28.

155

«Американская Лига издает прекрасную еженедельную газету и ставит брошюрное издательство», — писал Троцкий в написанной для «Бюллетеня оппозиции» передовице «Крупный шаг вперед» (Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1930. № 11. С. 2].

Alexander RJ. International Trotskyism. P. 765–766.

157

Свабек Арне (1890–1986) — участник основания Коммунистической рабочей партии США и Коммунистической лиги. В 30-х гг. являлся национальным секретарем Лиги. С 1935 г. член Социалистической рабочей партии. В 60-х гг. порвал с этой партией, заявив о поддержке курса Мао Цзэдуна.

158

Скокглунд Карл (1884–1960) родился в Швеции. Эмигрировал в США. Был железнодорожным рабочим. Участвовал в основании Коммунистической рабочей партии США и Коммунистической лиги. В 1944 г. за участие в руководстве забастовкой в г. Миннеаполисе был приговорен к тюремному заключению.

159

Глоцер Альберт (1908–1999) родился в Белоруссии и в возрасте 4 лет эмигрировал вместе с родителями в США. Участвовал в коммунистическом молодежном движении, с 1923 г. член Юношеской коммунистической лиги. Один из основателей Коммунистической (Рабочей) партии США. В 1928 г. исключен из партии за пропаганду идей Троцкого. В 1929 г. один из основателей Коммунистической лиги Америки, член Национального совета лиги. По профессии судебный репортер, участвовал в освещении работы комиссии Джона Дьюи, расследовавшей в 1937 г. обвинения, предъявленные Троцкому на судебных процессах в Москве. В 1940 г. порвал с компартией из-за советской агрессии в Восточной Европе и союза Сталина с Гитлером, перешел на социал-демократические позиции. Придерживался позиции Шахтмана о вырождении СССР в государство «бюрократического коллективизма». С 1958 г. являлся членом Социалистической партии (в 1972 г. переименованной в Социал-демократическую партию). Автор воспоминаний о Троцком (1989).

Glotzer A. Trotsky. Memoir & Critique. P. 23–24.

161

Cannon J.P. The History of American Trotskyism from Its Origins (1928) to the Founding of the Socialist Workers Party (1938). New York: Pathfinder Press, 1979. P. 79.

Цит. по: *Alexander R.J.* International Trotskyism. P. 767.

Cannon J.P. The History of American Trotskyism. P. 90.

Glotzer A. Trotsky. Memoir & Critique. P. 69.

165

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-7594.

167

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-10856.

Trotsky L. Writings (1932). New York: Pathfinder Press Inc., 1973. P. 366.

Cannon J.P. The History of American Trotskyism. P. 78.

170

Не путать с известным шпионом Джулиусом Розенбергом, который вместе со своей женой Этель был приговорен в США за шпионаж в пользу СССР. Джулиус Розенберг тоже имел кличку Либерал.

171

Alexander Vassilev's Papers. 0438 N. Black Notebook. P. 120.

Ibid. P. 105.

Ibid. P. 111–112, 114, 119.

Trotsky L. Oeuvres. Janvier — Juin 1935. Paris: Etudes et Documentacion Internationales, 1979. Vol. 5. P. 358.

Alexander R.J. International Trotskyism. P. 37–38.

Alexander R.J. International Trotskyism. P. 131–132.

177

Эту проблему добросовестно изучил историк А.В. Панцов в книге «Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и Китайская революция (1919–1927)». М.: Муравей-Гайд, 2001. С. 227–292.

Там же. С. 240–241, 244–245.

179

Там же. С. 249.

180

Цзян Цзиго (в СССР Елизаров Николай Владимирович) (1910–1988) — старший сын Чан Кайши. В 1925 г. был направлен на учебу в СССР. Был слушателем Военно-политической академии. Вступил в ВКП(б). В 1931–1932 гг. участвовал в проведении насильственной коллективизации в Московской области. Затем работал на Урале. В 1937 г. арестован, но вскоре освобожден и возвратился в Китай. Стал деятелем Гоминьдана. После победы коммунистов и образования Китайской Народной Республики бежал на остров Тайвань. После смерти отца в 1975 г. был избран председателем Центрального исполнительного комитета Гоминьдана, а в 1978 г. президентом Китайской Республики Тайвань (был президентом два срока до 1988 г.).

181

Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений. С. 252–255.

Miller J. T. The Politics of Chinese Trotskyism. The Role of Permanent Opposition in Communism. Urbana: University of Illinois, 1979. P. 124.

183

Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений. С. 255–257.

Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений. С. 259.

185

Там же. С. 263–264.

Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений. С. 278–279.

187

Там же. С. 283.

Там же. С. 289-291.

189

Мао Цзэдун (1893—1976) — китайский политический деятель. С 1915 г. — член и руководитель национально-патриотических кружков и обществ. В 1921 г. был инициатором создания коммунистической организации в г. Чанша. В том же году стал секретарем Хунаньского комитета компартии. С 1923 г. работал в аппарате Центрального исполнительного комитета компартии, а затем и Гоминьдана (Национальной партии), в котором в это время участвовала компартия. С 1927 г. — кандидат в члены Политбюро компартии. В 1930 г. создал партизанскую базу в провинции Цзянси под названием Центральный советский район. С 1934 г. — член Политбюро и председатель ЦИКа Советской республики. В 1934—1935 гг. участвует в так называемом «великом походе» в северную часть провинции Шэньси, после чего становится фактически единоличным лидером компартии. В 1945 г. стал председателем Военного совета ЦК КПК, а с 1946 г. руководил вооруженными силами компартии в Гражданской войне с Гоминьданом. С 1949 г. — глава правительства Китайской Народной Республики, с 1954 г. — председатель КНР. С этого времени сформировавшийся ранее культ Мао приобретает характер его обожествления. С 1960 г. по его инициативе начинается публичная полемика с руководством КПСС, которое подвергается обвинениям в «ревизионизме». В 1966 г. Мао объявил «великую пролетарскую культурную революцию», направленную на перетасовку партийных и государственных кадров и устранение неугодных ему деятелей. Оставался диктатором до конца жизни.

Панцов А.В. Сталин и китайская левая оппозиция // Революция и реформы в современном Китае. В поисках парадигмы развития: Сборник. М.: Институт стран Азии и Африки, 2004. С. 213.

Isaaks H.R. The Tragedy of the Chinese Revolution. Stanford: Stanford University Press, 1981. P. 328.

Dowson R. Chinese Revolutionists in Exile // International Socialist Review. New York, Summer 1963. P. 79.

193

Бюллетень оппозиции (болыпевиков-ленинцев). 1931. № 19. С. 27.

194

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1931. № 19. С. 27–30.

195

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-7578.

Miller J.T. The Politics of Chinese Trotskyism. The Role of Permanent Opposition in Communism. P. 172; *Панцов А.В.* Сталин и китайская левая оппозиция // Революция и реформы в современном Китае: Сборник. С. 220.

Miller J.T. The Politics of Chinese Trotskyism. The Role of Permanent Opposition in Communism. P. 175–177.

Ibid. P. 182–183.

Isaaks H. The Tragedy of the Chinese Revolution. London: Seeker & Warburg, 1938.

Панцов А.В. Мао Цзэдун. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 257, 321.

201

Sacks J.M. Marxism in Viet Nam // Marxism in Southeast Asia. A Study of Four Countries. Stanford: Stanford University Press, 1959. P. 128.

202

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Ед. хр. 96. Л. 167–170.

203

Ярославский Е.М. К вопросу об изучении истории партии // Пролетарская революция. 1930. № 2–3. С. 155.

Троцкий Л. История Октябрьской революции. Б. м., 1918.

205

Так назывался первый том «Истории русской революции» Троцкого (М.: Терра, Республика, 1997. В 2 т.).

The New York Times. 1932. February 27.

Eastman M. Einstein, Hamingway, Freud, and Others. Great Companions. Critical Memoirs of Some Famous Friends. New York: Farrar, Straus, and Cudahy, 1959. P. 153–157.

Ibid. P. 155–156.

209

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-9072.

Eastman M. Einstein, Hemingway, Freud, and Others. P. 143.

211

А м Т о р г (по-английски Amtorg Trading Corporation) являлся частным акционерным обществом, созданным в 1924 г. для посредничества при осуществлении экспортно-импортных операций советских торговых объединений на Американском континенте. Амторг проводил закупки оборудования, принимал товары, организовывал их отправку в СССР. Базировался он в Нью-Йорке. Его широко использовали советские разведывательные службы. Прекратил свою деятельность Амторг после Второй мировой войны.

212

Alexander Vassilev's Papers. 0438 N. Odd Papers. P. 1, 5, 6. В цитатах из этого документа уточнены искаженные фамилии персонажей.

213

Парижанин (настоящая фамилия Донзель) Морис (1885–1945) — французский журналист, поэт, переводчик. В 1917–1920 гг. жил в России, работал переводчиком в Исполкоме Коминтерна, затем вернулся во Францию. В середине 20-х гг. литературный редактор газеты ФКП «Юманите». В 30-х гг. отошел от компартии, сотрудничал в независимом левом журнале «Эмбль» («Отверженные»). Перевел на французский язык ряд работ Л.Д. Троцкого.

Indiana University, Lilly Library. **L.** Trotsky — M. Eastman Collection.

215

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-3425.

Trotsly L. The Histoty of the Russian Revolution. London: Golanncz, 1932.

Trotsky L. The Histoty of the Russian Revolution. New York: Simon & Schuster, 1932–1933.

Sinclair L. Trotsky. Vol. 2. P. 1229.

219

Троцкий Л. История русской революции: В 2 т. (т. 2 был издан в двух частях, как и в первоиздании).

220

Троцкий Л. История русской революции. Т. 1. С. 32. Предисловие Троцкого датировано 14 ноября 1930 г.

221

Троцкий Л. История русской революции. Т. 2. Ч. 1. С. 84.

Там же. Т. 2. Ч. 2. С. 381–384.

Троцкий Л. Перманентная революция. Берлин: Гранит, 1930. В следующем году работа была издана в США сторонниками Троцкого *(Trotsky L.* The Permanent Revolution. New York: Pioneer Publishers, 1932).

Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций: Поправки и дополнения к литературе эпигонов. Берлин: Гранит, 1932.

225

Там же. С. 9.

226

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1930. № 14. С. 6—12.

227

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1930. № 14. С. 24–37.

Это предположение тем более основательно, что, согласно исследованию А.Н. Сахарова, «коренной перелом» к насильственной коллективизации начался не в 1929, а в 1930 г. *(Сахаров А.Н.* 1930: Год коренного перелома и начала большого террора // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 40–69). Именно в 1930 г. начались «раскулачивание» и связанные с ним кровавые ужасы в деревне, массовая расправа с крестьянством, результатом которых явился «голодомор».

229

Троцкий Л. Сталин и Китайская революция: Факты и документы // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1930. № 15–16. С. 7—19.

Пролетарская революция. 1931. № 6; *Стопин И.* Сочинения. М.: Госполит-иадат, 1951. Т. 13. С. 84–102.

231

Сталин И В. Историческая идеология в СССР в 1920—1950-е годы. Переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений: Сборник документов и материалов. Ч. I. СПб., 2006. С. 113–117.

Сталин И.В. Историческая идеология в СССР в 1920—1950-е годы. Ч. 1. С. 139.

233

Сталин И. Сочинения. Т. 13. С. 126–130.

Andrew Ch., Gordievsky O. KGB. The Inside Story of Its Foreign Operations from Lenin to Gorbachev. New York: Harper & Collins Publishers, 1990. P. 134.

235

Собрание законов СССР. 1932. Ст. 70. Постановление президиума ЦИК СССР, за подписью М.И. Калинина, февраль 1932 г.

236

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1932. № 27. С. 1–6.

237

Туркул Антон Васильевич (1892—1957) был одним из наиболее видных организаторов вооруженного Белого движения. Командовал рядом частей и соединений Добровольческой армии Деникина. Последний командующий Дроздовской дивизией. С 1920 г. находился в эмиграции в Болгарии, Франции и Германии. Во время Второй мировой войны сотрудничал с нацистами, но к ответственности не был привлечен, может быть именно потому, что являлся советским агентом. После войны опубликовал книгу воспоминаний. Туркул похоронен под Парижем на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

238

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1932. № 27. С. 6–8.

Die Rote Fahne, 1931, 31. Oktober.

240

Был ли Сталин агентом Охранки?: Сборник статей, материалов и документов / Ред. — сост. Ю. Фельштинский. М.: Терра — Книжный клуб, 1999. С. 52 (в издании 2012 г. — с. 54). Через несколько лет, в декабре 1938 г., на суде в Париже над разоблаченной советской шпионкой русской эмигранткой певицей Н.В. Плевицкой, женой другого советского агента — генерала Н.В. Скоблина, комиссар Судебной палаты Франции Рош заявил, что среди имеющихся у него документов есть и материал, указывающий на то, что Туркул готовил покушение на Троцкого. Может ли это означать, что Плевицкая и Скоблин знали о том, что Туркул был советским агентом?

241

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-5762.

242

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-5757, Т-5763.

243

Там же. Т-5756.

Там же. Т-5758.

245

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-5759.

Там же. Т-5765, Т-5768, Т-5767, Т-5760.

247

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-13558, Т-13568.

248

Там же. Т-13233, Т-5769, Т-5770.

249

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-10094.

250

Там же. Т-10103, Т-13593.

251

Там же. Т-10101.

Там же. Т-10104.

253

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1933. № 33. С. 30.

254

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-13552.

255

Троцкий писал, что Сева находился в детском саду *(Троцкий Л.* Дневники и письма / Под ред. Ю. Фельштинского. М.: Изд-во Гуманитарной литературы, 1994. С. 109).

Trotsky in Exile: From Prinkipo to Coyoacan. P. 37). Историк С.В. Тюткжин ошибается, утверждая, что Зинаида покончила жизнь самоубийством, «когда фашисты потребовали от нее немедленно покинуть Германию» *(Тюткжин С.В.* Лев Давидович Троцкий // Исторические силуэты. М.: Наука, 1991. С. 203). Зина свела счет с жизнью до прихода к власти нацистов, хотя усиление нацизма политизированная Зинаида переносила очень болезненно.

257

Речь идет о родной сестре А.Л. Соколовской.

258

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-13040; «Милая моя Ресничка!..» Сергей Седов: Письма из ссылки. СПб.: Научно-информационный центр «Мемориал», 2006. С. 95.

259

Л.Д. Троцкий: После высылки из СССР… // Исторический архив. 1992. № 1. С. 36.

260

Цит. по книге: *Дойчер И.* Изгнанный пророк. 1929–1940. М.: Центрполиграф, 2006. С. 208.

261

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-8891, Т-9790.

Там же. Т-3499; Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1933. № 33. С. 29–30.

263

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-2330.

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 108–109.

265

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-5738—5739.

266

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1930. № 9. С. 1–8.

267

Соболевичюс Абрамас (псевдонимы Сенин, Соубл) (1903–1974) — агент советских спецслужб. Родился в Литве, в подростковом возрасте вместе с семьей эмигрировал в Германию. В 1921 г. вступил в Коммунистическую партию Германии. В 1929 г. исключен из КПГ за принадлежность к левой оппозиции. В 1931 г. (по другим данным, уже в 1927 г.) завербован в качестве агента органами ОГПУ. Будучи одним из лидеров немецкой организации сторонников Троцкого, способствовал расколу в ее рядах и в 1933 г. перешел в КПГ. Переехав в том же году в СССР, занимался провокаторской работой в кругах потенциальных оппозиционеров. В 40—50-х гг. один из организаторов советской шпионской сети в США. Разоблачен и арестован в 1956 г. В 1957 г. осужден к 7 годам тюремного заключения за шпионаж.

271

Trotsky L. Writings (1929). P. 247–249, 271–303.

Если сопоставлять события в России с тем, что произошло во Франции во время революции 1789–1799 гг., правильнее было бы считать советским «термидором» переход к НЭПу в 1921 г., что отмечали западные социал-демократы, например К. Каутский, и эмигранты-меньшевики, например Ю. Мартов (см.: *Daniels R.V.* Trotsky, Stalin and Socialism. Boulder: Westview Press, 1991. P. 16–17). Троцкий, однако, решительно отвергал такую оценку.

275

Термин «тоталитаризм» был впервые использован итальянскими левым политиком и журналистом Джованни Амендолой в 1924 г. для характеристики системы, созданной лидером Национальной фашистской партии Италии Бенито Муссолини. Вскоре этот термин был подхвачен самим итальянским диктатором и использован им для восхваления этой системы. «Ничего против государства, ничего без государства, ничего вне государства» — таково было определение тоталитаризма, данное Муссолини *(Laqueur W.* The Dream That Failed: Reflection on the Soviet Union. New York: Oxford University Press, 1994. P. 14).

Троцкий Л. Советско-китайский конфликт и задачи оппозиции // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1929. № 3–4. С. 1–5.

277

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-3412.

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1931. № 25–26. С. 1–9.

Наиболее упорные оппозиционеры Х.Г. Раковский и Л.С. Сосновский. находившиеся в сибирской ссылке, в начале 1934 г. заявили об отказе от своих взглядов и о признании «генеральной линии» партии правильной, мотивируя собственную «капитуляцию» именно приходом к власти нацистов.

280

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-10117.

Leon Trotsky — Alfred et Marguerite Rosmer. P. 17–18.

Leon Trotsky — Alfred et Marguerite Rosmer. P. 34–47.

283

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1929. № 1–2. С. 19–20.

284

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-3201.

285

Имелся в виду написанный Троцким в виде тезисов текст, который позже был опубликован в виде статьи «Поворот Коминтерна и положение в Германии» (Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1930. № 17–18. С. 45–54). В этой статье «поворот Коминтерна» в свете германских событий рассматривался как авантюризм; делался вывод, что «фашизм» стал в Германии реальной опасностью; определялись задачи компартии, как их себе представлял автор.

286

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-9840.

Leon Trotsky — Alfred et Marguerite Rosmer. P. 96.

Les Congr6s de la QuatriSme Internationale. Paris: Editions La Br6che, 1978. Vol. 1. P. 34–36.

289

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1930. № 11. С. 1.

Там же. С. 2.

291

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1930. № 11. С. 3.

Les Congrts de la Quatrifeme Internationale. Vol. 1. P. 47.

293

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-3322.

Les Congrts de la Quatri6me Internationale. Vol. 1. P. 34.

295

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-8399, Т-8400.

Там же. Т-7954.

297

Там же. Т-3322.

298

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1930. № 11. Т-3323; *Trotsky L.* Writings (1930). P. 302.

299

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-7960.

Во время Второй мировой войны он участвовал во французском движении Сопротивления, а после войны, возвратившись на родину, стал членом компартии.

301

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-9703.

302

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-9081.

303

Там же. Т-9008.

304

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-9092.

305

Там же. Т-9094, Т-9105, Т-9118.

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-9120.

307

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1932. № 32. С. 36.

308

Кобецкий Михаил Вениаминович (1881–1937), секретарь Исполкома Коминтерна в 1920–1921 гг. В 1921–1923 гг. являлся заместителем председателя Исполкома Коминтерна. С 1924 г. на дипломатической работе. Был Полпредом СССР в Эстонии, а вслед за этим — в Дании. В 1933–1937 гг. служил представителем Совнаркома СССР в Закавказской Федерации. Арестован и расстрелян без суда во время Большого террора.

309

Trotsky L. Writings (1932). P. 335–336; Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1932. № 32. С. 39.

310

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1932. № 32. С. 36–37.

311

Serge V., Sedova-Trotsky N. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 188; Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1932. № 32. С. 37.

312

Последние новости. 1932. 18 ноября.

313

Serge V., Sedova-Trotsky N. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 188; Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1932. № 32. С. 37.

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-3469—3472.

315

Имелся в виду конгресс 2-го Интернационала 1910 г.

316

Малапарте Курцио (настоящие фамилия и имя Зуккерт Курт Эрих) (1898–1957) — итальянский писатель, журналист, кинорежиссер немецкого происхождения. С 1920 г. член Итальянской фашистской партии. В 1922 г. участвовал в организованном Б. Муссолини «походе на Рим». С 1925 г. печатался под псевдонимом Малапарте (точный перевод: «плохая доля»), противопоставляя этот псевдоним фамилии Бонапарте (точный перевод: «хорошая доля»). После опубликования в 1931 г. памфлета «Техника государственного переворота» (русское издание: М.: Аграф, 1988) был исключен из фашистской партии и сослан. Находился в ссылке до 1938 г., затем несколько раз подвергался арестам. В 1943 г. перешел на сторону американских войск, высадившихся в Италии, и сотрудничал в антифашистской печати. После окончания войны вступил в итальянскую компартию. С 1947 г. жил в Париже. Перед смертью от злокачественной опухоли принял католичество.

317

Малапарте К. Техника государственного переворота. С. 18, 31.

Serge У, Sedova-Trotsky N. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 188.

319

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1932. № 32. С. 37–38.

320

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-3481.

321

Les Congrfes de la Quarti6me Internationale. Vol. 1. P. 50.

322

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-3481.

323

Незадолго перед этим в «Бюллетене оппозиции» появилась за подписью Г. Г., т. е. Г. Гурова, т. е. Троцкого, статья «Милль в качестве «боевого» сталинца» (Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1932. № 31. С. 28), в которой сообщалось, что Милль возбудил ходатайство о возвращении в СССР. «Обиженный чем-то на сталинцев сталинец, временно затесавшийся в оппозицию и изгнанный из ее рядов возвращается к своим. Там он будет вполне на месте!» — писал Троцкий с нескрываемой обидой, делая вид, что Милля исключили из рядов троцкистов до его возвращения в СССР.

324

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1932. № 32. С. 37–38.

325

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-3475.

326

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1932. № 32. С. 37.

327

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-3464—3466, Т-3468, Т-3476.

328

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1932. № 32. С. 39–40.

329

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1932. № 32. С. 40–41.

330

Эррио Эдуар (1872–1957) — французский политический деятель, лидер партии радикалов. С 1916 г. неоднократно занимал министерские посты. В 1924–1925, 1926, 1932 гг. был премьер-министром. Правительство Эррио в 1924 г. установило дипломатические отношения с СССР. В 1942 г. Эррио направил главе вишистского режима маршалу Петену письмо с протестом против отмены конституционных свобод, был подвергнут домашнему аресту. В августе 1944 г. отклонил предпожение возглавить «переходное» марионеточное правительство. Вскоре после этого был выдан вишистами немцам и отправлен в концлагерь в Германию. Освобожден советской армией в апреле 1945 г. и возвратился во Францию. В 1947–1954 гг. был председателем Национального собрания, до 1955 г. — мэром Лиона.

331

Монзи Анатоль де (1876–1947) — французский политический деятель, дипломат. Сенатор (1920–1929). Занимал ряд министерских постов. В 1924 г. председатель парламентской комиссии по русским делам. Выступал за признание СССР. В 1925–1927 гг. глава французской делегации на переговорах с СССР по вопросам о долгах и кредитах (советскую делегацию возглавлял полпред во Франции Х.Г. Раковский). В рассматриваемый период министр просвещения и национального воспитания.

332

Архив Гуверовского института. Коллекция Б.И. Николаевского. Ящик 349.

333

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-13663.

Alexander R.J. International Trotskyism. P. 256.

Ibid. P. 258.

Les Congas de la Quarˆme Internationale. Vol. 1. P. 52.

Станчев М., Чернявский Г. Л.Д. Троцкий, Болгария и болгары. С. 312–351.

Les Congr`s de la Quartteme Internationale. Vol. 1. P. 50.

Documents of the Fourth International. The Formative Years (1933—40) / Ed. by Will Reisner. New York: Pathfinder Press Inc., 1973. P. 23–25.

340

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-3508.

341

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-3563.

342

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1933. № 34. С. 7—11.

Там же. С. 12–13, 13–17.

Documents of the Fourth International. The Formative years 1933—40. P. 51–55.

345

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-3522.

Trotsky L. Writings (1932—33). New York: Pathfinder Press, 1978. P. 141–143, 343.

Getty J.A. Trotsky in Exile. Founding of the Fourth International // Soviet Studies. 1986. № 1. P. 24–35.

Trotsky L. Writings (1932—33). P. 343.

349

Так, Пьер Навилль вспоминал, что он получил в Париже письмо от Ра-ковского из ссылки для передачи Троцкому. Письмо было написано на нескольких кусочках картона, которые были вшиты в лацканы пальто. Мемуары Навилля были опубликованы в 60-х гг.; он не указал, кто был владельцем этого пальто *(Navill P.* Trotski vivant. Paris: Juillard, 1962. P. 25).

350

Архив Гуверовского института. Коллекция Б.И. Николаевского. Яшик 374.

Getty J.A. Trotsky in Exile…// Soviet Studies. 1986. № 1. P. 27–28, 34.

352

Гольцман Эдуард Соломонович (1882–1936) — социал-демократ с 1903 г., большевик. После 1917 г. занимал различные должности в центральных административных органах. В начале 30-х гг. работал в Наркомате внешней торговли СССР. Поддерживал связи с бывшими оппозиционерами, в частности с И.Н. Смирновым. Был подсудимым на первом московском судебном процессе в августе 1936 г. Отказался признать свое участие в террористической Деятельности. Был приговорен к смертной казни и расстрелян.

Вгоuё P. Trotsky et le bloc des oppositions de 1932. — Cahiers Leon Trotsky. 1980. № 5. P. 5—37; *Getty J.A.* Trotsky in Exile… // Soviet Studies. 1986. № 1. P. 28–29.

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-4782.

355

Там же. Т-8114.

Getty J.A. Trotsky in Exile… // Soviet Studies. 1986. № 1. P. 29.

357

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-3362.

358

Подлинник письма с резолюцией Сталина был обнаружен Д.А. Волкого-новым *(Волкогонов Д.* Троцкий. Политический портрет. М.: Новости, 1992. Т. 2. С. 297).

359

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-350.2.

360

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1933. № 36–37. С. 19–22.

361

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-350.35; Les Congres de la Quatri6me Internationale. Vol. 1. P. 92.

362

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-3582; Les Congres de la Quatri £me Internationale. Vol. I. P. 95–98.

363

Les Congres de la Quatrifime Internationale. Vol. 1. P. 90.

364

Даладье Эдуар (1884–1970) — французский политический деятель, лидер партии радикалов. Неоднократно занимал министерские посты, в 1933–1934 и 1938–1940 гг. — премьер-министр. Являлся сторонником народного фронта, затем, после подписания советско-германского договора 1939 г., отказался от союза с коммунистами. От имени Франции подписал Мюнхенское соглашение 1938 г. о передаче Германии Судетской области Чехословакии, что ускорило развязывание Второй мировой войны. В 1939 — июне 1940 г. Даладье был также министром иностранных дел. В сентябре 1940 г. арестован коллаборационистскими властями Виши. Был подвергнут тюремному заключению сначала во Франции, а затем в Германии. В 1945 г. освобожден союзниками, в 1946 г. — избран в Законодательное собрание, а затем в сменившее его Национальное собрание. Оставил политическую деятельность в 1958 г.

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 72–73.

366

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-4786.

Serge V., Sedova-Trotsky N. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 191–192.

368

Клемент Рудольф (Адольф) (1910–1938) — деятель международного движения сторонников Троцкого. С начала 30-х гг. входил в руководство организации «Немецкие коммунисты-интернационалисты». Член Международного секретариата Движения за 4-й Интернационал в Париже. Занимался Подготовкой учредительной конференции 4-го Интернационала, незадолго до которой был убит агентами НКВД.

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 73.

Седов Л. Переезд во Францию // *Троцкий Л.* Дневники и письма. С. 77–78.

371

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-4786.

372

Дорио Жак (1895—1945) вступил во французское социалистическое движение в 1916 г. С 1920 г. был членом руководства компартии, а с 1922 г. — членом Исполкома Коминтерна. С 1923 г. являлся секретарем Федерации молодых коммунистов. С 1931 г. — депутатом Национального собрания и членом Политбюро компартии. В 1934 г. Дорио разошелся с М. Торезом, отказавшись поддержать курс на создание единого фронта с социалистами, вышел из компартии и в том же году образовал Французскую народную партию, носившую антипарламентский, антикоммунистический и антисемитский характер. С момента оккупации северной части Франции нацистской Германией в 1940 г. партия Дорио и он сам стояли во главе сил, сотрудничавших с гитлеровцами. Дорио был инициатором создания Антибольшевистского легиона, воевавшего на Восточном фронте. В 1944 г., когда был открыт второй фронт, Дорио ушел в подполье, чтобы продолжать борьбу против союзников. В феврале 1945 г. он был убит во время воздушной атаки американского самолета на автомобиль, в котором он ехал на очередную тайную встречу.

L’Humanite. 1933. Juillet 23.

Serge V., Sedova-Trotsky N. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 192.

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 76.

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-4787.

377

Мальро Андре (1901–1976) — французский писатель, искусствовед, общественный и государственный деятель. В 30-х гг. симпатизировал коммунистам и СССР. В годы Гражданской войны в Испании организатор и командир авиационной эскадрильи, воевавшей на стороне республиканцев. В период оккупации Франции участник движения Сопротивления. В 1945 г. отказался от коммунистических симпатий и присоединился к сторонникам генерала де Гол-ля. В 1945–1946 гг. — министр информации. Член голлистского Объединения французского народа. В 1959–1968 гг. — министр культуры в правительстве де Голля. Автор романов о революционном движении в Китае, Гражданской войне в Испании, движении Сопротивления в годы Второй мировой войны.

Trotsky L. Writings (1936—37). New York: Pathfinder Press, 1978. P. 234.

379

Архив Гуверовского института. Коллекция Б.И. Николаевского. Ящик 351.

Вопреки тому, что пишут американские издатели собрания сочинений Троцкого (см.: *Trotsky L.* Writings (1936—37). P. 535).

Heijenoort J. With Trotsky in Exile: From Prinkipo to Coyoacan. P. 52.

382

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-4836.

Heijenoort J. With Trotsky in Exile: From Prinkipo to Coyoacan. P. 4.

384

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-4791. Левое увлечение продолжалось у Спаака недолго. В 1935 г. он стал министром, а после Второй мировой войны в течение некоторого времени был генеральным секретарем Организации Североатлантического договора (НАТО). К Спааку Троцкий относился с недоверием с самого начала их знакомства. В январе 1934 г. он писал: «Пусть левые социал-демократы используют масло и мед (в духе Спаака). Мы будем вместо этого пользоваться уксусом и перцем» *(Trotsky L.* Writings (1933—34). New York: Pathfinder Press, 1975. P. 193).

385

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-5560.

Там же. Т-5562, Т-5563, Т-5565, Т-5566, Т-5569

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 104–105.

Там же. С. 99.

389

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 99.

390

Латинское выражение, означающее «одно вместо другого», «путаницу», «неразбериху».

391

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 98.

Serge K, *Sedova-Trotsky N.* The Life and Death of Leon Trotsky. P. 193.

393

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 108.

Там же. С. 90.

395

Уже в то время в Ленинграде ходили слухи, в наши дни получившие подтверждение, об увлечениях Кирова юными балеринами Мариинского театра, о кутежах, которые он устраивал с женщинами, в частности в особняке, принадлежавшем до 1917 г. балерине М. Кшесинской *(Ефимов Н.А.* Каким был подлинный С.М. Киров // Вопросы истории. 2002. № 5. С. 143). Имеются довольно убедительные, подтверждаемые экспертизой крови, сведения о том, что Киров был убит Николаевым в кабинете первого секретаря обкома в Смольном на диване во время полового акта с Мильдой Драуле (Гибель Кирова: Факты и версии // Родина. 2005. № 3. С. 57–65).

Evans R.J. The Coming of the Third Reich. New York: The Penguin Press, 2004. P. 328–349.

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 109.

Меэин И.С., Седов С.Л., Черномордик Б.М. Легкие газогенераторы автотракторного типа. М.: Госмашметиздат, 1934. Книга вышла в качестве т. 33 «Трудов Научного авто-тракторного института».

399

«Милая моя Ресничка!..» С. 44 (анкета арестованного С. Седова, заполненная 3 марта 1935 г.).

400

Рунин Б.М. Мое окружение. Записки случайно уцелевшего. М.: Возвращение, 1995. С. 135.

401

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-13039; «Милая моя Ресничка!..». С. 106–107.

402

«Милая моя Ресничка!..» С. 12. Полностью сохранены стиль и пунктуация этого документа.

403

Рунин Б.М. Мое окружение. Записки случайно уцелевшего. С. 138.

Там же. С. 19.

Бирюков А. Неудаленные корни, или Джоконда из Ягодного // Мир Севера. 2004. № I. С. 26–35.

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 109, 111, 115, 119 и др.

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 139.

408

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1935. № 44. С. 11–12.

Там же. № 46. С. 6.

410

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-10133.

411

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1935. № 46. С. 11–14.

412

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-10129.

413

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 130–131.

Там же. С. 138.

415

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-3674.

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 141.

Alexander R.J. International Trotskyism. P. 633.

Через много лет Ж. Розенталь выпустил мемуары о своих взаимоотношениях с Троцким *(Rosenthal G.* Avocat de Trotsky. Paris: R. Lafiont, 1975).

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 143.

420

Беседа с Эстебаном Волковым, записанная Г.И. Чернявским 16 февраля 2008 г. в столице Мексики г. Мехико, где проживает Всеволод (Сева) Волков.

421

Речь идет о революционном романе-сказке Ю. Олеши «Три толстяка» (1924), очень популярном в 30-х гг., причем не только у детей.

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 143.

423

Шефло Олав (1883–1943) был одним из основателей компартии Норвегии. В 1921–1927 гг. являлся членом Исполкома Коминтерна. В 1928 г. вышел из компартии и вступил в Рабочую (социал-демократическую) партию.

В крохотном поселке, где и сейчас стоит двухэтажный дом Кнудсена, вряд ли кто-либо знает имя Троцкого. Нет и указаний на то, что в доме жил Троцкий, например мемориальной доски.

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 150.

426

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-10135; *Trotsky L.* Writings 1935—36. New York: Pathfinder Press Inc., 1977. P. 220.

427

Цилига Анте (Антон) (1898–1992) — хорватский общественный деятель. Член Социалистической партии с 1918 г. С 1920 г. — коммунист. Член ЦК компартии Югославии. В 1926 г. эмигрировал в СССР. Преподавал в Ленинградском коммунистическом университете. В 1930 г. был арестован за участие в подпольном оппозиционном кружке. Отправлен в ссылку. В 1935 г. депортирован из СССР. Жил во Франции и Италии. Недолгое время сотрудничал с Троцким, но затем разошелся с ним, так как выступал за совместные действия с социалистическими партиями в деле борьбы со Сталиным. Затем отошел от политической деятельности, опубликовал ряд публицистических работ. В конце жизни возвратился в Югославию.

428

С е р ж (настоящая фамилия Кибальчич) Виктор Львович (1890–1947) — участник российского и международного революционного движения. Родился в семье русских революционных эмигрантов в Брюсселе. В юности участвовал в зарубежных российских организациях эсеров и анархистов, подвергался арестам во Франции за анархизм. В 1918 г. приехал в Россию. Вступил в РКП(б) и работал в Коминтерне. Участвовал в объединенной оппозиции 1926–1927 гг. В 1928 г. был исключен из ВКП(б), в 1933 г. — арестован и сослан в Оренбург. Благодаря заступничеству иностранных деятелей, прежде всего Р. Роллана, был освобожден и получил разрешение в 1936 г. покинуть СССР. Жил в Бельгии. Краткое время поддерживал связь с Троцким (сохранилась обширная переписка между ними), но в руководимые Троцким организации не входил. Затем их политические пути разошлись. В 1940 г. Серж эмигрировал в Мексику. Совместно с вдовой Троцкого Н.И. Седовой написал книгу о Троцком. Автор ряда публицистических и художественных произведений, в том числе романов.

Ciliga A. Au pays du grand mensonge… Paris: Gallimard, 1938; *Idem.* Russian Enigma. London: G. Routledge and Sons, 1940.

The Serge — Trotsky Papers. P. 59–60.

431

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-4831.

Heijenoort J. With Trotsky in Exile: From Prinkipo to Coyoacйn. P. 83.

Serge У., Sedova-Trotsky N. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 201.

434

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1934. № 40. С. 1–3.

435

Троцкий Л. Что означает капитуляция Раковского? // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1934. № 40. С. 12–15.

436

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1936. № 47. С. 4—10.

437

Куда сталинская бюрократия ведет СССР? // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1935. № 42. С. 1–5.

Там же. С. 4.

Троцкий Л. Сталинская бюрократия и убийство Кирова: Ответ американским друзьям // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1935. № 41. С. 1 — 10; *Троцкий Л.* Обвинительный акт //Там же. С. 10–12.

Там же. № 45. С. 2–5.

441

Троцкий Л. Сталинская бюрократия и убийство Кирова: Ответ американским друзьям // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1935. № 41. С. 1 — 10; *Троцкий Л.* Обвинительный акт // Там же. С. 9—10.

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-570.

Там же. Т-571, Т-572.

Там же. Т-574.

445

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1935. № 46. С. 7—12.

Sinclair L. Trotsky. Vol. 2. P. 1280–1283.

447

Троцкий Л. Что такое СССР и куда он идет. Paris: IV Internationale-Rouge, 1971. См. современное издание: *Троцкий Л.* Преданная революция. М.: НИИ Культуры, 1991. Вып. 1–2.

Троцкий Л. Преданная революция. Вып. 1. С. 4.

The New York Times. 1933. August 24.

Троцкий Л. Преданная революция. Вып. 1. С. 5.

451

Там же. С. 93.

Там же. С. 41–42.

Троцкий Л. Преданная революция. Вып. 1. С. 239.

Там же. С. 35

Троцкий Л. Преданная революция. Вып. 1. С. 81.

Троцкий Л. Преданная революция. Вып. 1. С. 96–97.

Там же. С. 109.

Там же. С. 209.

459

Там же. С. 223.

Там же. С. 230. Во многих статьях этого периода Троцкий использовал и термин «тоталитаризм» применительно к сталинскому режиму в СССР и гитлеровскому режиму в Германии. Но он не вкладывал какой-либо научно-социологический смысл в этот термин, который оставался для него лишь хлестким определением жестокого, диктаторского, репрессивного режима.

Троцкий Л. Преданная революция. Вып. 1. С. 238–239.

Там же. Вып. 2, С. 4.

Троцкий Л. Преданная революция. Вып. 1. С. 76–77.

См. подробнее: *Alexander R.J.* International Trotskyism. P. 260–261.

Documents of the Fourth International. The Formative Years 1933—40. P. 56–59.

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1934. № 38–39. С. 28.

467

Вейль Симона (1909–1943), окончившая парижскую Высшую нормальную школу, уже в юности стала известным публицистом и обществоведом. Во второй половине 20-х гг. примыкала к компартии, затем сочувствовала идеям Троцкого. В 1934–1935 гг. работала чернорабочей на автомобильных заводах и публиковала статьи в левой прессе об условиях труда в промышленности. Участвовала в Гражданской войне в Испании 1936–1939 гг. на стороне республиканцев. Вмешательство СССР вход Гражданской войны и победа Франко привели Вейль к тяжелейшему духовному кризису и психическому расстройству. В 1938 г. она объявила о переходе в христианство. Во время германской оккупации Франции находилась в монастыре в Марселе, оказывала помощь движению Сопротивления, ограничила прием пиши размером рациона в гитлеровском концлагере. Скончалась от туберкулеза и истощения.

Trotsky L. Ouevre Novembre 1933 / Avril 1934. Paris: Etudes et Documentation Internationales, 1978. Vol. 3. P. 140–141.

Вальтер Гельд позже недолгое время работал секретарем Троцкого в Норвегии и остался в этой стране и позже. После оккупации Норвегии гитлеровцами он перебрался в Швецию, где получил визу на въезд в США и транзитные визы СССР и Турции. После того какой пересек на поезде советскую границу, он был арестован и вскоре расстрелян.

470

Брандт Вилли (настоящие фамилия и имя Фрам Херберт Эрнст Карл) (1913–1992) — германский политический деятель. С 1929 г. — участник социал-демократического молодежного движения, затем — член Социал-демократической партии. После прихода к власти нацистов эмигрировал в Норвегию, где продолжал выступать как политик и журналист. Недолгое время сотрудничал с Троцким, но связь между ними прервалась из-за принципиальных политических расхождений. В 1940 г. в качестве норвежского военнослужащего Брандт был взят в плен немцами, но идентифицирован не был и смог бежать в Швецию. В 1945 г. возвратился в Германию и стал одним из ведущих политиков. В 1957–1966 гг. — бургомистр Западного Берлина. Затем входил в правительства ФРГ. В 1969–1974 гг. — федеральный канцлер. Лауреат Нобелевской премии мира (1971).

Glotzer A. Trotsky. Memoir & Critique. P. 193–194.

472

Архив Троцкого. Фонд 13.1. V-134; *Trotsky L.* Writings (1934—35). New York: Pathfinder Press Inc., 1974. P. 232—234

473

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-8269; *Trotsky L.* Writings. Supplement (1934—40). New York: Pathfinder Press, 1979. P. 448–454.

Архив Троцкого. Фонд 13.1. N-352.29; *Trotsky L.* Writings (1934—35). P. 21–32.

475

Архив Троцкого. Фонд 13.1. V-111; *Trotsky L.* Writings (1934—35). P. 33–38.

Там же. V-112b; *Trotsky L.* Writings (1934—35). P. 39–44.

477

Les Congres de la Quatrteme Internationale. Vol. 1. P. 87.

Cannon J.P. The History of American Trotskyism. P. 126–137.

Trotsky L. Oeuvres Juin 1935 — September 1935. Paris: Etudes et Documentation Internationales, 1979. Vol. 6. P. 54.

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1935. Ме 44. С. 1–5.

Alexander R.J. International Trotskyism. P. 265.

482

Documents of the Fourth International: The Formative Years 1933—40. P. 81–82.

483

Негус — титул императора Эфиопии (буквально — царь царей).

Documents of the Fourth International: The Formative Years 1933—40. P. 89–91, 102–106.

Истмен писал, что Троцкий и его окружение понимали сущность тоталитарного правления, «но обещали, что в значительно более передовой стране и в том случае, если группа будет иметь хороших лидеров и будет проводить подлинно пролетарскую политику, возникнет, как кролик из шляпы, общество свободных и равных» *(Eastman M.* Stalin's Russia and the Crisis in Socialism. New York: W.W.Norton & Company, 1940. P. 155).

Сталин и Каганович. Переписка 1931–1936 гг. М.: РОССПЭН, 2001. С. 489.

Там же. С. 403.

488

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 20. Ед. хр. 753. Л. 99-101.

489

Там же. Л. 101.

490

Косарев Александр Васильевич (1903–1939) — большевик с 1918 г., один из руководителей комсомола. В 1929–1938 гг. генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ. Был верным сталинистом. Во время Большого террора снят со своего поста в ноябре 1938 г.; вслед за этим арестован и расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

491

Чемоданов Василий Тарасович (1904–1937) — член компартии с 1924 г. В 1928–1930 гг. секретарь Московского горкома комсомола. С 1930 г. — секретарь Исполкома Коммунистического интернационала молодежи (КИМ). В 1931–1935 гг. — член Президиума Исполкома Коминтерна, в следующие годы кандидат в члены Исполкома Коминтерна. Арестован и расстрелян по «сталинскому списку».

492

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 15. Ед. хр. 128. Л. 296–297.

493

Heijenoort J. With Trotsky in Exile. From Prinkipo to Coyoacdn. P. 83.

494

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 15. Ед. хр. 128. Л. 298–299.

495

Там же. On. 20. Ед. хр. 750. Л. 3–4; Ед. хр. 751. Л. 236–239.

496

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1935. № 46. С. 10–11.

497

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1935. № 46. 1936. N? 51. С. 4–5.

Alexander R.J. International Trotskyism. P. 693.

499

Архив Троцкого. Фонд 13.16. Т-3898; *Sinclair J.* Trotsky. Vol. 2. P. 812.

500

Франко Франсиско (1892—1975) — испанский военный и политический деятель. С 1925 г. — генерал, с 1928 г. — начальник Военной академии в Сарагосе. С 1934 г. — командующий испанскими войсками в Марокко. Когда в июне 1936 г. в стране произошло восстание правых сил с целью свержения правительства Народного фронта, Франко стал его активным участником, а после гибели в авиационной катастрофе руководителя восстания генерала Х. Санхурхо был избран советом генералов каудильо (вождем) и получил звание генералиссимуса. В Гражданской войне 1936—1939 гг. опирался на помощь фашистской Италии и нацистской Германии. После разгрома республиканского лагеря в 1939 г. установил в стране диктатуру. Оказывая поддержку Германии в годы Второй мировой войны, Франко в то же время уклонялся от навязываемых ему действий, которые считал вредными для национальных интересов Испании. Он не объявил войну странам антигитлеровской коалиции, отказался захватить британский пролив Гибралтар, не подвергал преследованию евреев, как того требовала Германия. После окончания войны диктатура формально была сохранена, но постепенно смягчалась и плавно перешла в авторитарный политический режим Франко. Согласно распоряжению Франко после его смерти королем Испании должен был стать принц Хуан-Карлос (пост короля до этого времени сохранялся, но считался вакантным). В 1973 г. Франко покинул должность премьер-министра, а после его смерти в Испании был восстановлен демократический строй.

501

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-4103; *Sinclair L.* Trotsky. Vol. 2. P. 874.

Подробнее см.: *Durgan A.* Trotsky, the POUM and the Spanish Revolution — Journal of Trotsky Studies (Glasgow). 1994. № 2. P. 35–60.

503

Alba V. El Marxismo en Espaca (1919–1939). Mexico: B. Costa-Amic Editor, 1973. Vol. 1. P. 390–391.

504

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-4825.

505

Пикель Ричард Витольдович (1896—1936) — большевик с 1917 г. В 1918—1919 гг. занимал ряд административных должностей в Западной области. В 1919—1922 гг. — начальник политотделов армий, затем — войск Украины и Крыма. В 1924—1926 гг. заведовал секретариатом председателя Исполкома Коминтерна Г.Е. Зиновьева. В конце 1925 г. входил в существовавшую краткое время «новую оппозицию» Зиновьева и Каменева. В 1926–1927 гг. — участник объединенной оппозиции. В конце 1927 г. исключен из партии и сослан. В 1929 г. после подачи покаянного заявления возвращен из ссылки и восстановлен в партии. Член Союза советских писателей, директор Московского камерного театра. В 1934–1935 гг. работал на острове Шпицберген начальником советского учебного комбината. Арестован в 1936 г. Был одним из подсудимых на первом московском судебном процессе по делу троцкистско-зиновьевского центра. Приговорен к смертной казни и расстрелян.

Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 627.

507

Берия Лаврентий Павлович (1899—1953) — большевик с 1917 г. В годы Гражданской войны находился на подпольной работе в Закавказье. С 1921 г. работал в ЧК Азербайджанской ССР, с 1922 г. — заместитель председателя ЧК Грузинской ССР. С 1926 г. — председатель ГПУ республики. Одновременно с 1927 г. — нарком внутренних дел. С 1931 г. являлся первым секретарем ЦК КП(б) Грузии, а со следующего года — первым секретарем Закавказского крайкома ВКП(б). В 1935 г. выступил с докладом «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», который затем был издан отдельной книгой и объявлен важнейшим трудом по истории партии, так как он представлял собой полностью фальсифицированную версию истории революционного движения в регионе путем выдвижения на первый план личности Сталина. С 1938 г. Берия являлся наркомом внутренних дел СССР. При нем репрессивный курс несколько смягчился, Большой террор сменился «меньшим террором», хотя массовые репрессии продолжались. После нападения Германии на СССР Берия являлся членом Государственного комитета обороны СССР. Он утратил пост наркома внутренних дел, но полностью сохранил влияние. С 1944 г. под его руководством осуществлялись работы в области атомного оружия. В конце 40-х — начале 50-х гг. его влияние еще более возросло, он фактически стал вторым человеком в советской иерархии, хотя в последние месяцы жизни Сталин относился к нему с недоверием и, возможно, готовил над ним расправу. После смерти Сталина Берия был назначен министром внутренних дел и стал одним из претендентов на высшую власть в стране. Он был инициатором некоторых мероприятий по десталинизации (освобождение арестованных врачей, амнистия части осужденных, запрещение физических мер воздействия на заключенных, инициативы в области смягчения международной напряженности, улучшение отношений с Югославией и др.). В конце июня 1953 г. в ходе борьбы за высшую власть в стране Берия был ложно обвинен в подготовке заговора и арестован. По приговору Специального судебного присутствия Верховного суда СССР под председательством маршала И.С. Конева Берия и ряд его сотрудни-ков были обвинены в «предательских действиях», приговорены к смертной казни и немедленно расстреляны. По другим сведениям, он был сначала убит, а смертный приговор

был оформлен задним числом.

Правда. 1936. 21, 24 августа.

509

Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 642.

Правда. 1936. 21 августа.

511

Бюллетень оппозиции (болыиевиков-ленинцев). 1936. № 52–53. С. 5.

Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 642.

Реабилитация. Политические процессы 30—50-х годов. М.: Политиздат, 1991. С. 221.

514

РГАСПИ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 64. Л. 94; *Антология* сатиры и юмора XX века. Исаак Бабель. М.: Эксмо, 2005. С. 438.

515

Якубович Игнатий Моисеевич — сотрудник Наркоминдела СССР, в 1936–1937 гг. — полпред в Норвегии.

Serge Y, Sedova-Trotsky N. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 208.

517

Находясь в Мексике, Троцкий подготовил показания о своем пребывании в Норвегии и обстоятельствах отъезда из этой страны для комиссии, которая расследовала предъявленные Троцкому на московских процессах обвинения. Эго свидетельское показание — единственный достоверный источник того, что происходило в норвежском суде.

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 163.

519

Суд приговорил вломившихся в дом Троцкого правых экстремистов, сторонников Видкуна Квислинга, который всего через несколько лет стал гитлеровским наместником в Норвегии, к незначительным штрафам.

520

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 749. Л. 21.

521

Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 650.

Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 653.

523

Там же. С. 667.

Там же. С. 159.

525

В 1946–1953 гг. Ли был генеральным секретарем ООН.

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 149, 158.

Там же. С. 158.

528

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-3976.

529

Выражение из письма Льва Седова отцу (Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-4870).

530

Эстрина или Эстрин (девичья фамилия Гинзберг) Лилия Яковлевна (1898–1981) — член Социал-демократической партии с 1914 г., меньшевик. В 1923 г. эмигрировала в Германию, где вышла замуж за меньшевика С.Э. Эстрина. В 1933 г. переехала в Париж. Работала секретарем Б.И. Николаевского в Парижском филиале Международного института социальной истории. Затем круто изменила взгляды, стала сторонницей Троцкого и сотрудницей редакции «Бюллетеня оппозиции (большевиков-ленинцев)». В 1940 г. эмигрировала в США, где после развода с Эстриным вышла замуж за известного историка и политолога Д. Далина. Возвратившись к меньшевистским позициям, участвовала в работе по изучению истории социал-демократического движения в России под руководством Николаевского и американского историка Л. Хейм-сона.

531

Kronenbitter R.T. Leon Trotsky. Dupe of the NKVD. Опубликовано в Интернете. Работа автора была написана как аналитическая записка для ЦРУ, носила гриф «Секретно», была рассекречена в 1996 г.

Dallin D. Economics of Slave Labor. Chicago: H. Regnery Co, 1949; *Idem.* New Soviet Empire. New Haven: Yale University Press, 1951; *Idem.* Changing World of Soviet Russia. New Haven: Yale University Press, 1956; *Idem.* Soviet Foreign Policy after Stalin. Philadelphia: Lippincott, 1961 \ *Долин Д.* Шпионаж по-советски: Объекты и агенты советской разведки. М.: Центрполиграф, 2001.

533

Зборовский Марк Григорьевич (1908–1990) — советский разведчик. Родился в России (Умань). В 1921 г. переехал в Польшу. С 1926 г. — коммунист. С 1933 г. сотрудничал с советскими разведорганами. С 1935 г. жил во Франции. В декабре 1941 г. эмигрировал в США, где продолжал шпионскую работу в пользу СССР. Получив образование в области антропологии, опубликовал ряд работ и пользовался авторитетом в кругах специалистов. Разоблаченный в 50-х гг. в США как советский агент, он был предан суду и приговорен к пяти, а после пересмотра приговора — к трем годам заключения. Был освобожден досрочно и работал в различных учреждениях США антропологом.

17-страничная стенограмма показаний Орлова о Зборовском была опубликована в США только в 1962 г., после принятия министерством юстиции решения о возбуждении очередного уголовного дела против советского агента Зборовского, который неоднократно был под следствием американских органов правосудия, но каждый раз ухитрялся выходить сухим из воды и в общей сложности отсидел за шпионаж в пользу СССР чисто символическое время.

535

Антонов В. Казнен и оправдан: Одна из жертв «большого террора» — резидент внешней разведки // Курьер (Нью-Йорк). 2008. 4 января.

536

Серебрянский Яков Исаакович (1892–1956) — видный советский разведчик и киллер. В 1907–1917 гг. был эсером-максималистом. С 1918 г. участвовал в нескольких авантюрных зарубежных операциях Блюмкина. С 1920 г. работал в ВЧК, затем в ОГПУ. С 1924 г. был одним из руководителей «закордонных операций». В 1925–1928 гг. — резидент во Франции и Бельгии, затем — руководитель специальной группы («группы Яши»), перед которой ставились особые, наиболее ответственные шпионско-диверсионные и террористические задачи. В 1930 г. Серебрянский был организатором похищения белого эмигранта генерала А.П. Кутепова. С 1936 г., находясь в Париже, Серебрянский руководил тайными операциями, связанными с гражданской войной в Испании, и борьбой против «троцкизма». В 1938 г. при возвращении в СССР был арестован и приговорен к 10 годам заключения. В 1941 г. освобожден и выполнял разведывательные задания, связанные с ходом войны. Вновь был арестован в 1953 г. как один из сообщников Л.П. Берии. Подвергался истязаниям, но отказывался давать показания. Умер во время допроса.

Официальный материал В. Старосадского, опубликованный в Интернете Службой внешней разведки РФ.

Andrew CH., Mitrokhin V. The Mitrokhin Archive. P. 52.

539

Ibid. P. 91. В своих показаниях, данных комиссии ЦК КПСС по вопросам реабилитации, созданной при Хрущеве, в связи с версией о том, что высшие советские военные, в частности М.Н. Тухачевский и В.К. Путна, встречались с Л. Седовым в Париже, Афанасиев дал разъяснения о том, что эти обвинения абсурдны: «Я возглавлял нелегальную резидентуру в Париже, которая занималась главным образом разработкой деятельности сына Троцкого Седова и его окружения… Мы были в курсе дела самой засекреченной конспиративной деятельности Троцкого и Седова. Поэтому, когда ставится вопрос, могли ли иметь место встречи Седова с Тухачевским, Путной и другими военными деятелями Советского Союза, о чем говорилось на процессах, имевших место в Москве с 1936 по 1938 год, то можно утверждать, что это не соответствует действительности» *(Соколов Б.* Тухачевский. М.: Молодая гвардия, 2008).

Poretsky E. Our Own People. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1970. P. 254.

Об этом разоблаченный в США Зборовский давал показания сенатской подкомиссии в 1956 г.

Scope of Soviet Activity in the United States: Hearing before the Subcommittee to Investigate the Administration of the Internal Security Act. February 29. March 2. 1956. Washington, 1956. P. 89–90.

Очерки истории российской внешней разведки. М.: Международные отношения, 1997. Т. 3. 1933–1941 годы. С. 80–82.

544

Скоблин Николай Владимирович (1894–1937 или 1938) — российский военный деятель, генерал-майор (1920). Участник Первой мировой и гражданской войн. С 1920 г. — в эмиграции. С 1930 или 1931 г. — сотрудник советской разведки.

545

Плевицкая Надежда Васильевна (1884–1940) — певица, исполнительница русских народных песен. Пользовалась популярностью, в частности в Царской семье и среди придворных. Снималась в кино. После 1917 г. — в эмиграции. Умерла на каторге.

Costello J., TsarevO. Deadly Illusions. New York: Crown Publishers, Inc., 1993. P. 297–298.

547

Alexander Vassilev's Papers. 0438 N. White Book. № 1. P. 39.

Ibid. P. 57.

549

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1929. № 6. С. 20.

Heijenoort J. With Trotsky in Exile: From Prinkipo to Coyoacan. P. 94.

551

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-8814.

552

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1929. № 1–2. С. 39–40.

553

Греф Я. «Большевики отменяют Воскресенье» // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1929. № 6. С. 23–25.

554

Греф Я. Коллективизация деревни и относительное перенаселение. (Об одной недооцененной проблеме) // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1930. № и. с. 19–24.

Там же. С. 24.

Heijenoort J. With Trotsky in Exile: From Prinkipo to Coyoacйn. P. 94–95.

Trotsky L. Oeuvres. Avril 1934 — Decembre 1934. Sous la direction de Pierre Broud. Paris: Etudes et Documentacion Internationales. 1979. Vol. 4. P. 236 (см. примеч. П. Бруэ).

558

Alexander Vassilev's Papers. 0438 N. Black Notebook. P. 70.

Ibid. P. 70–71.

Costello J.. Tsarev O. Deadly Illusions. P. 361.

Levine I D. The Mind of an Assassin. New York: Fairer, Straus, and Cudohy, 1959. P. 41.

New York Times. 1958. April 22.

563

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-10160, Т-10165, Т-10167, Т-10170, Т-10173, Т-10178, Т-10180, Т-10185, Т-10189.

Serge V., Sedova-Trotsky N. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 206.

565

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1936. № 52–53; *Sedov L.* Livre rouge sur le proc6s de Moscou: Documents reculillis et r6dig6s par L. Sedov. Paris: Editions populates, 1937. Почти одновременно появились книги, посвященные истинной сущности этого процесса, написанные В. Сержем и американским сторонником Троцкого М. Шахтманом (*Serge V.* 16 fusilles ou va le Revolution: Zinoviev, Kamenev, Smirnov. Paris, 1937; *Shachtman M.* The Moscow Trial — the Greatest Frame-Up in History. New York: Pioneer Publishers, 1937).

М.В. Зеленое ошибается, утверждая, что директором этого филиала с 1935 по 1940 г. был профессор Амстердамского университета Н. Постумус (см.: *Сталин И.В.* Историческая идеология в СССР. С. 266) и что именно ему были переданы документы Седова-Троцкого.

Andrew Ch., Mitrokhin V. The Mitrokhin Archive. P. 92–93.

Официальный материал В. Старосадского, опубликованный в Интернете Службой внешней разведки РФ.

569

Alexander Vassilev's Papers. 0438 N. White Book № 1. P. 39.

570

Архив Гуверовского института. Коллекция Б.И. Николаевского. Ящик 208. Папка 5. С.Э. Эстрин. Из воспоминаний. Записано на пленку в 1974 г.

571

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 9.

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 1-189.

Эту версию вслед за Седовым повторяли Дойчер и другие авторы.

Andrew CH., Mitrokhin V. The Mitrokhin Archive. P. 93.

Serge V., Sedova-Trotsky N. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 209

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1936. № 52–53. С. 2.

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1936. № 52–53. С. 5.

578

Борджиа Цезарь (Чезаре) (1476–1507) — итальянский религиозный и политический деятель испанского происхождения. Совершил головокружительную карьеру в Ватикане и в юном возрасте получил сан епископа. Был кардиналом Валенсии и ушел в отставку с этого поста после убийства его брата, в котором, видимо, участвовал сам. Являлся затем правителем ряда итальянских провинций и городов. Стал генерал-капитаном Святой церкви. В литературе (ему посвящено множество художественных и исторических произведений) Борджиа представлен как личность коварная, жестокая и вероломная, не останавливавшаяся ни перед какими препятствиями на пути к достижению поставленных Целей. Борджиа действительно был известен многочисленными хладнокровными Убийствами своих врагов. Считается, что по его образу Н. Макиавелли создал произведение «Государь».

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-9437—9442.

580

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 20. Ед. хр. 751. Л. 236–239.

581

Архив Гуверовского института. Коллекция Б.И. Николаевского. Ящик 208-Папка 5. С.Э. Эстрин. Из воспоминаний. Записано на пленку в 1974 г.

Mamham P. Dreaming with His Eyes Open. A Life of Diego Rivera. New York: Alfred A. Knopf, 1999. P. 276.

Craven D. Diego Rivera as Epic Modernist. New York: Simon & Schuster Macmillan, 1997. P. 147.

584

Карденас Ласаро (1895–1970) — мексиканский политический и государственный деятель. Дивизионный генерал (1928). В 1930–1931 гг. — председатель Исполкома Национально-революционной партии. В 1934–1940 гг. — президент Мексики. В 1942–1945 гг. — министр национальной обороны. До конца своей жизни возглавлял правящую Национально-революционную партию (с 1946 г. — Институционно-революционная партия).

Mamham P. Dreaming with His Eyes Open. A Life of Diego Rivera. P. 277.

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 161–162.

587

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-4870.

Serge V., Sedova-Trolsky N. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 210.

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 151.

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 152.

591

Sinclair L. Trotsky. Vol. 2. P. 855–856, 931. Русское издание: *Л.Д. Троцкий.* Преступления Сталина / Под ред. Ю.Г. Фельштинского. М.: Изд-во Гуманитарной литературы, 1994.

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 163.

593

Serge У, Sedova-Trotsky N. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 211.

594

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-3969; *Trotsky L.* Writings (1936—37). P. 85–87.

Serge V., Sedova-Trotsky N. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 211. ‘«Голубой дом» — ныне Дом-музей Фриды Кало.

По другим сведениям, Диего специально покинул больницу, чтобы на пригородной станции ворваться в поезд и заключить Троцкого в свои объятия, а затем возвратился в больницу (*Herrera H.* Frida. A Biography of Frida Kahlo. New York: Harper & Row, Publishers, 1983. P. 205; *Дотер И.* Троцкий. Изгнанный пророк. 1929–1940. М.: Центрополиграф, 2006. С. 361).

597

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-825—827, Т-831. Истмен просил Троцкого дать интервью корреспонденту либеральной газеты The St. Louis Post Dispatch и принять британского историка Джона Вилера-Беннетта, написавшего биографию фельдмаршала Гинденбурга, а теперь работавшего над книгой о Брестском мире. Указаний на то, что эта встреча произошла, нет. Вилер-Беннетт являлся крупным специалистом по истории Германии и международных отношений, автором нескольких десятков монографий. В данном случае речь идет о книгах: *Wheeler-Bennett J.*H. Hindenburg: The Woolen Titan. London, Macmillan and Co, 1936; *Idem.* Brest-Litovsk: The Forgotten Peace, March 1918. London: Macmillan and Co, 1938.

598

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-4870.

Martin K. Trotsky in Mexico // New Statesman, 2007. Vol. 136. Jan. 29.

Herrera H. Frida. A Biography of Frida Kahlo. P. 47–61.

Ibid. P. 16–40; *Alcdntara Egnoff S.* Frida Kahlo and Diego Rivera. New York: Prestel, 2005. P. 7–20.

Rivera D. My Art, My Life. An Autobiography with Gladis March. New York: Dover Publications, 1991. P. 25–57; *Alcantara /.*, *Egnoff S.* Frida Kahlo and Diego Rivera. P. 20–26.

603

Rivera D. My Art, My Life. P. 60; *Mamham P.* Dreaming with His Eyes Open. A Life of Diego Rivera. P. 200–201.

604

Сикейрос Хосе Давид Альфаро (1896–1974) — мексиканский художник и общественный деятель. Участник гражданской войны в Мексике во втором десятилетии XX в. Офицер. С 1924 г. — один из руководящих деятелей компартии. Участник гражданской войны в Испании в 1937–1939 гг. на стороне республиканцев, полковник. Был связан с советскими разведывательно-диверсионными службами, по заданию которых участвовал в первом покушении на жизнь Троцкого. Был арестован, но вскоре освобожден. Автор многих монументальных художественных композиций. Лауреат Международной ленинской премии мира (1967).

Alexander R.J. International Trotskyism. P. 608.

Mamham P. Dreaming with His Eyes Open. A Life of Diego Rivera. P. 276.

Craven D. Diego Rivera as Epic Modernist. P. 126.

608

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-10198, Т-10205, Т-10207, Т-10208, Т-10216, Т-10220.

Heijenoort J. van. The Histoty of Trotsky's Papers // Harvard Library Bulletin, 1980, July. P. 296.

Heijenoort J. With Trotsky in Exile: From Prinkipo to Coyoacin. P. 105.

611

Marnham P. Dreaming with His Eyes Open. A Life of Diego Rivera. P. 279.

Mamham P. Dreaming with His Eyes Open. A Life of Diego Rivera. P. 281.

613

Эта кровать до сих пор остается экспонатом Дома-музея Ф. Кало.

Alcantara I., Egnoff S. Frida Kahlo and Diego Rivera. P. 54.

Heijenoort J. With Trotsky in Exile: From Prinkipo to Coyoacйn. P. 111–112.

Ibid. P. 112.

617

См. документальную публикацию: *Фельштинский Ю., Чернявский Г.* Письма Л.Д. Троцкого жене Н И. Седовой (Мексика, 1937–1938) // Чернявский Г. Притчи о Правде и Лжи. С. 190–214.

618

Архив Троцкого. Фонд 13. Т-10619.

619

В письме Троцкого все слова написаны полностью. Здесь и далее во всем абзаце буквы заменены точками нами. (*Авт.*)

620

Толстая София Андреевна (девичья фамилия Берс) (1844–1919) — жена Л.Н. Толстого. Троцкий цитирует дневники С.А. Толстой (см.: *Толстая С.А.* Дневники. М., 1928–1936. Т. 1–4).

621

Имеется в виду писатель Л.Н. Толстой.

622

Отточие документа.

623

Ф а в н — в римской мифологии бог плодородия, покровитель скотоводства, полей и лесов.

624

Отточие документа.

625

Речь идет о Фриде Кало.

626

Рукописный оригинал писем и первая машинописная копия хранятся в архиве Троцкого. Фонд 13.1. Т-10598—10631. Папка 8. Вторая машинописная копия писем хранится в Международном институте социальной истории (Амстердам), в фонде бумаг Троцкого и его сына Льва Седова «Социалистический интернационал большевиков-ленинцев» (SIBL).

627

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-5574.

628

Там же. Т-5575.

629

Там же. Т-5576.

Там же. Т-5575.

Heijenoort J. With Trotsky in Exile: From Prinkipo to Coyoacйn. P. 113.

Herrera H. Frida. A Biography of Frida Kahlo. P. 212.

Heijenoort J. With Trotsky in Exile: From Prinkipo to Coyoacan. P. 114.

634

Отточие документа.

635

Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891–1922. М.: РОССПЭН, 1999. С. 151. Письмо Ленина Арманд от 23 июня (6 июля по н. ст.) 1914 г.

Там же. С. 121–122, 196–199. До 1999 г. Эти письма Ленина были впервые опубликованы в 1999 г.

Heijenoort J. With Trotsky in Exile: From Prinkipo to Coyoacйn. P. 112.

Mamham P. Dreaming with His Eyes Open. A Life of Diego Rivera. P. 281.

Alcantara /., Egnoff S. Frida Kahlo and Diego Rivera. P. 56–57.

Herrera H. Frida. A Biography of Frida Kahlo. P. 212–213.

641

Heijenoort J. With Trotsky in Exile: From Prinkipo to Coyoacan. P. 114.

642

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-4356.

643

Бретон Андре (1896–1966) — французский писатель, поэт, эссеист, литературный критик, общественный деятель. Теоретик и один из основоположников сюрреализма. С 1927 г. — член французской компартии, в 1933 г. исключен за поддержку сторонников Троцкого. В 1938 г. один из основателей Федерации революционного независимого искусства, связанной с идеями Троцкого.

Mamham P. Dreaming with His Eyes Open. A Life of Diego Rivera. P. 282–283.

645

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-4394.

Sinclair L. Trotsky. Vol. 2. P. 974.

647

Толедано Ломбардо Висенте (1894–1968) — деятель мексиканского и латиноамериканского профсоюзного движения, юрист. В 1919–1933 гг. — профессор факультета права Мексиканского национального университета. В 1936–1940 гг. — генеральный секретарь Конфедерации трудящихся Мексики, в 1938–1963 гг. — председатель Конфедерации трудящихся Латинской Америки. Основатель Социалистической народной партии Мексики в 1948 г. С 30-х гг. выступал в качестве «агента влияния» СССР в Латинской Америке.

The Letters of Frida Cahlo. San Francisco: Chronide Books, 1995. P. 83.

Heijenoort J. With Trotsky in Exile: From Prinkipo to Coyoacan. P. 116–117.

650

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-10529, Т-10630. Т-10631, Т-10628, Т-10629; *Serge K, Sedova-Trotsky N.* The Life and Death of Leon Trotsky. P. 228; см. также публикацию всех четырех писем Троцкого Седовой из дома Гидальго в кн.: *Чернявский Г.* Притчи о Правде и Лжи. С. 211–214.

651

Mamham P. Dreaming with His Eyes Open. A Life of Diego Rivera. P. 285.

652

В интервью, данном корреспонденту газеты «Нью-Йорк тайме» 14 апреля 1939 г., Ривера выражал чувство глубокого уважения к Троцкому, но считал именно его виновником разрыва. Он приписывал разрыв случайным разногласиям по частным вопросам текста совместного документа о революционном искусстве, который готовили втроем он сам, Троцкий и А. Бретон, но главным образом депрессивному состоянию Троцкого в связи со смертью сына и собственным положением изгнанника (The New York Times. 1939. April 15; *Rivera D.* Ma rapture avec Trotsky // Cahiers Leon Trorsky. 1986. № 26. P. 86–87).

Serge V., Sedova-Trotsky N. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 211.

Marnham P. Dreaming with His Eyes Open. A Life of Diego Rivera. P. 287.

655

Одна из центральных мексиканских газет «Эль футуро» («Будущее») в первомайском номере за 1938 г. поместила даже карикатуру, изображавшую, как Ривера выгонял Троцкого из своего дома за невнесение квартирной платы в положенный срок. В американском кинофильме «Фрида» это «заявление» приписано самому Ривере. Вслед за фильмом его повторяют и некоторые авторы статей, принимающие киноленту за исторический источник.

656

Данн Винсент (1890–1970) был профсоюзным деятелем из г. Миннеаполиса, был членом Социалистической рабочей партии со времени ее основания до конца жизни.

Карснер Роз (1889–1968), жена Кэннона, участвовала в Коммунистической лиге США в начале 30-х гг., а затем была деятельницей СРП.

Trotsky L. Writings (1937—38). New York: Pathfinder Press, 1976. P. 283–309.

659

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1938. № 66–67. С. 1 — 18; Documents of the Fourth International: The Formative years (1933—40). P. 180–220; The Transitional Program for Socialist Revolution. New York: Pathfinder Press, 1974. В утвержденном конференцией варианте к слову «агония» было добавлено «смертельная».

Trotsky L. Writings (1937-38). P. 16–17.

661

В 1939 г. была издана небольшая книга итальянца Бруно Рицци *(Rizzi B.* La bureaucratisation du monde. Paris, 1939), автор которой, разъездной торговец обувью, в прошлом коммунист, назвал в качестве основной черты социальнополитического строя СССР, Германии и Италии «бюрократический коллективизм». Этим термином позже широко пользовались многие деятели, считавшие себя последователями Троцкого, хотя сам он решительно отвергал такое определение.

Alexander R.J. Trotskyism in Latin America. Stanford: Hoover Institution Press, 1973. P. 37.

Alexander R.J. International Trotskyism. P. 268–269.

Documents of the Fourth International: The Formative years (1933—40). P. 284.

Ibid. P. 284-302.

Documents of the Fourth International: The Formative years (1933—40). P. 300.

667

Рейсс Игнатий Станиславович (настоящие фамилия, имя и отчество Порецкий Натан Маркович) (1899—1937) — советский разведчик. Родился в Галиции (Австро-Венгрия). Участвовал в молодежном социалистическом движении в Вене, затем входил в польскую секцию Коммунистической партии Австрии. С 1919 г. член Коммунистической рабочей партии Польши. Связник Коминтерна. С 1920 г. — член РКП(б). В том же году был послан на нелегальную работу в Польшу. С 1921 г. — сотрудник Разведуправления РККА. В 1923–1925 гг. работал в Германии, участвовал в подготовке вооруженного коммунистического восстания. В 1925–1927 гг. — сотрудник венской резидентуры ГРУ. В 1928–1929 гг. работал в Чехословакии, затем — глава резидентуры в Голландии. С 1929 г. — начальник архивного отдела ГРУ в Москве. В 1931 г. перешел в Иностранный отдел ОГПУ. В том же году командирован на нелегальную работу в Берлин; с 1933 г. — сотрудник резидентуры во Франции и Швейцарии. В 1937 г., в обстановке массовых репрессий в СССР, отказался возвратиться в Москву, объявил о своем разрыве со сталинизмом и присоседился к движению за создание 4-го Интернационала. Убит агентами НКВД в Швейцарии.

Costello J., Tsarev O. Deadly Illusions. P. 297.

669

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1937. № 58–59. С. 23.

Гучкова-Трейл Вера Александровна (1906–1987) — дочь А.И. Гучкова. Активная участника Союза возвращения на родину, созданного во Франции в начале 30-х гг. советской разведкой. С 1932 г. — член компартии. Одновременно стала агентом советских разведывательных служб. С 1935 г. замужем за английским коммунистом Робертом Трейлом, вместе с которым оказывала помощь испанским коммунистам во время гражданской войны 1936–1939 гг. В 1939 г. была интернирована и заключена в концлагерь, откуда бежала в Португалию, а затем перебралась в Великобританию. Работала на радиостанции Би-би-си. В 60-х гг. посещала СССР.

671

Шпигельглас Сергей Михайлович (1897–1941) — ответственный работник ВЧК — ОГПУ — НКВД. Член РКП(б) с 1918 г. С начала 20-х гг. служил в разведке. Вел шпионскую и диверсионную работу в Монголии, затем во Франции. С 1936 г. — заместитель начальника Иностранного отдела ГУГБ НКВД СССР. Руководил операциями по убийству и похищению российских и советских (по приказу Сталина) политических деятелей за рубежом. После смерти А.А. Слуцкого в феврале 1938 г. стал исполняющим обязанности начальника Иностранного отдела. Арестован осенью 1938 г. и через два с половиной года расстрелян.

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1937. № 58–59. С. 21–22.

673

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-4915.

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1937. № 60–61. С. 14–15.

675

Жид Андре (1869–1951) — французский писатель, автор ряда популярных романов. В середине 30-х гг. увлекся «созиданием нового строя» в СССР, неоднократно посещал Москву, однако постепенно разочаровался в советском социализме. После поездки в СССР в 1936 г. выпустил книгу «Возвращение из СССР», в которой подверг критике отсутствие свободы мысли в СССР, жесткий контроль за литературой и общественной жизнью, пугающие черты «нового советского человека». Имя писателя после официальной разгромной статьи в «Правде» попало в СССР под запрет, его книги более не издавались. Книгу осудила и часть левой интеллигенции Запада, поддерживавшая Сталина, в частности Р. Роллан и Л. Фейхтвангер. После оккупации Франции нацистами Жид переехал в Тунис. В 1944 г. он возвратился в Париж. В 1947 г. ему была присуждена Нобелевская премия.

676

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Ед. хр. 1156. Л. 47.

677

Фейхтвангер Лион (1884–1958) — немецкий писатель. Автор многих романов на исторические и современные сюжеты. Решительно разоблачал германский нацизм. В 1933 г. эмигрировал во Францию, в 1940 г. — в США. В 1937 г. посетил СССР и написал хвалебную книгу о советском режиме и Сталине. После Второй мировой войны в Германию не возвратился.

678

Бармин (настоящая фамилия Графф) Александр Григорьевич (1899–1987) — советский дипломат и разведчик. Член РКП(б) с 1919 г. В 1920–1921 гг. учился на восточном отделении Военной академии Красной армии. С 1923 г. — на дипломатической работе в Иране, Афганистане, Франции, Греции. Во Франции являлся резидентом Главного разведывательного управления Красной армии. В 1937 г., работая в Греции, выехал во Францию и стал невозвращенцем. С 1940 г. жил в США. Во время Второй мировой войны рядовой солдат армии США. С 1953 г. заведующий русской службой радиостанции «Голос Америки».

679

Кривицкий Вальтер Германович (настоящие фамилия, имя и отчество Гинзберг Самуил Гершевич) (1899–1941) — советский разведчик. Родился в Галиции (Австро-Венгрия). Участвовал в молодежном социалистическом движении в Вене. С 1919 г. — член Коммунистической рабочей партии Польши, затем вступил в РКП(б). Во время советско-польской войны 1920 г. вел работу по дезорганизации тылов польской армии. С 1921 г. — сотрудник Разведуправления РККА. С 1923 г. — на нелегальной работе в Германии, Франции, Италии, Голландии. В 1933–1934 г. директор Института военной промышленности в Москве. В 1935 г. вновь направлен на нелегальную работу в Голландию, где стал руководителем резидентуры Иностранного отдела НКВД. В 1937 г. в обстановке массовых репрессий в СССР отказался возвратиться в СССР, попросил политического убежища во Франции и опубликовал в социалистической прессе заявление о разрыве со сталинизмом. В 1938 г. выехал в США, опубликовал книгу «Я был агентом Сталина» (1939). После заключения в 1939 г. советско-германского договора о ненападении и начала советско-нацистского сотрудничества передал британской разведке более 100 имен советских агентов в Западной Европе. В 1941 г. убит агентами НКВД в Вашингтоне в гостинице. Внешне убийство походило на самоубийство.

680

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1937. № 60–61. С. 10–11·

681

Там же. С. 9—10.

682

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-7711.

683

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1937. № 60–61. С. 4–5.

684

Красноярский рабочий. 1936. 22 августа; «Милая моя Ресничка!..». С. 23.

685

Пухов К. Сын Троцкого Сергей Седов пытался отравить рабочих // Правда. 1937. 27 января.

АП РФ. Оп. 24. Ед. хр. 411. Л. 18В (опубликовано в Интернете).

687

«Милая моя Ресничка!..» С. 27.

Бармин А. Соколы Троцкого. М.: Современник, 1997. С. 31.

689

Архив Троцкого. Фонд 13.16. Т-4808.

Andrew Ch., Gordievsky O. KGB. The Inside Story of Its Foreign Operations from Lenin to Gorbachev. P. 164.

691

Рузвельт Теодор (1858–1919), 26-й президент США (1901–1909) от Республиканской партии.

Бармин А. Соколы Троцкого. С. 6. Нельзя не отметить, что изданные впервые на английском языке еще в 1938 г. воспоминания Бармина носили совсем иное название *(Barmin A.* Memoirs of a Soviet Diplomat. Twenty Years in the Service of the USSR. London: L. Dickson, LTD, 1938). Русское название, данное издательством в 1997 г., не соответствует содержанию книги, так как ни о каких «соколах Троцкого» Бармин не рассказывает.

Heijenoort J. With Trotsky in Exile: From Prinkipo to Coyoacйn. P. 27.

694

Архив Гуверовского института. Коллекция Б.И. Николаевского. Ящик 366.

695

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-4887.

Там же. Т-4881.

Правда. 1937. 21, 22, 29, 31 марта.

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1937. № 60–61. С. 12.

699

Слуцкий Абрам Аронович (1898–1938) — работник советской разведки, комиссар госбезопасности 2-го ранга (1935). С 1917 г. — член РСДРП(б). С 1920 г. работал в ВЧК, затем в ОГПУ и НКВД. В 1931–1933 гг. — резидент советской разведки в странах Европы. В 1935–1938 гг. — начальник 5-го (иностранного) отдела (ИНО) ГУГБ НКВД СССР. Умер, по официальной версии, от сердечной недостаточности, однако, по свидетельству ряда очевидцев, был отравлен.

Кривицкий В. Я был агентом Сталина. М.: Терра, 1991. С. 195–196.

701

Alexander R.J. International Trotskyism. P. 233; Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1937. № 60–61. С. 15–17.

Trotsky L. Writings (1936—37). New York: Pathfinder Press, 1978. P. 327.

703

Григулевич Иосиф Ромуальдович (научный псевдоним Лаврецкий, имел много псевдонимов в период нелегальной деятельности) (1913–1988) — советский разведчик, а позже ученый. С 1926 г. участвовал в работе нелегальной комсомольской организации в г. Вильно, с 1930 г. — член компартии Польши. Отсидел небольшой срок в польской тюрьме. В 1931 г. выехал во Францию, где учился и одновременно установил связь с советской разведкой. С 1937 г. находился в Испании, где выполнял не только советские разведзадания, но и занимался, по приказу НКВД, убийствами. Был направлен в Латинскую Америку для подготовки и организации убийства Троцкого. После неудачного покушения на жизнь Троцкого переведен в Аргентину, затем в Бразилию, потом в другие латиноамериканские страны. С 1952 г. являлся послом Коста-Рики в Италии, Ватикане и Югославии. Использовал дипломатическое прикрытие для разведывательной деятельности, готовил ликвидацию президента Югославии И.Б. Тито (исполнителем должен был быть лично Григулевич), но в связи со смертью Сталина операция была отменена. После смерти Сталина был отозван в Москву. С 1960 г. работал в Институте этнографии АН СССР. Специализировался по Латинской Америке и истории католической церкви. Автор многочисленных научных и научно-популярных книг по этим проблемам. Член-корреспондент Академии наук СССР (1979).

704

Чиков В.М. Суперагент Сталина. Тринадцать жизней разведчика. М.: Вече, 2006. С. 75–77. Много лет спустя старик Абрамович встретился с убийцей своего сына Орловым. Разумеется, Орлов не сказал отцу убитого, что в Испании участвовал в операции по устранению его сына. Вот как описывает эту встречу друг Абрамовича С.Э. Эстрин: «Как известно, сын Абрамовича, который был членом немецкой группировки «Ной бегинэн», поехал к жене в Мадрид, чтобы помогать республиканской армии. Большевики его убили, а тело, я думаю, увезли в Москву. Абрамович пытался что-нибудь узнать об этом, всех расспрашивал. И когда узнал об Орлове, то поехал к нему в Вашингтон» (Архив Гуверовского института. Коллекция Б.И. Николаевского. Ящик 208. Папка 5. С.Э. Эстрин. Из воспоминаний. Записано на пленку в 1974 г. Машинописная копия).

705

Вольф Эрвин (1902–1937) — деятель международного движения сторонников Троцкого. В начале 30-х гг., будучи студентом в Берлине, вступил в компартию Германии, затем примкнул к оппозиции. После прихода к власти Гитлера эмигрировал во Францию. В 1935–1936 гг. — секретарь Троцкого в Норвегии. С 1936 г. — член Международного секретариата Движения за 4-й Интернационал. Участвовал в гражданской войне в Испании. Похищен и убит советскими агентами в Барселоне.

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1937. № 60–61. С. 17–18; *Вгоиё Р.* La Mission de Wolf en Espagne // Cahiers Leon Trotsky. 1982. № 10. P. 75–84.

Poretsky E. Our Own People: A Memoir of «Ignace Reiss» and His Friends. London: Oxford University Press, 1969. P. 238.

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1937. № 60–61. С. 18—20

709

Последние новости. 1938. 18 февраля.

Deriabin P., Bagley T.H. KGB. Masters of the Soviet Union. New York: Hip-pocrene Books, 1990. P. 262.

711

Официальный материал В. Старосадского, опубликованный в Интернете Службой внешней разведки РФ.

712

Судоплатов Павел Анатольевич (1907–1996) — советский разведчик и организатор террористических операций, генерал-лейтенант НКВД. Убийца лидера Организации украинских националистов Е. Коновальца. Курировал операцию по убийству Троцкого. Во время Второй мировой войны руководил разведывательными и террористическими операциями в германском тылу. После войны руководил советским атомным шпионажем. В 1953 г. арестован и осужден на 15 лет заключения как пособник Берии. Полностью отбыв наказание, занялся литературным трудом, написал две книги воспоминаний.

713

Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М.: ТОО «Гея», 1996. С. 95.

Serge У., Sedova-Trotsky N. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 228.

715

Аввакум Петрович (1620 или 1621–1682) — протопоп, идеолог и глава раскола Русской церкви. Выступал против церковных реформ патриарха Никона. Несколько раз подвергался ссылке. В 1667 г. сослан в Пустозерск, где 15 лет провел в подземной тюрьме. Там он написал свое «Житие» и другие сочинения. Был сожжен по царскому указу.

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 141.

717

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-9018, Т-4260; Бюллетень оппозиции (боль-Шевиков-ленинцев). 1938. № 64. С. 2–8.

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-861, Т-863.

719

Там же. Т-861.

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1938. № 68–69. С. 28–30.

721

По крайней мере в письмах к Эстриной и Зборовскому этого вопроса Троцкий ни разу не коснулся (см.: Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-7711. Т-9891, Т-9892).

722

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1938. № 68–69. С. 24.

723

Архив Троцкого. Фонд 13.16. Т-4402а; Бюллетень оппозиции (большеви-ков-ленинцев). 1938. № 68–69. С. 25–28.

724

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1939. № 73. С. 16.

725

Эта официальная публикация американского правительства носила следующее название: «Подготовлено Подкомиссией по наблюдению за исполнением закона о внутренней безопасности и прочих актов, касающихся внутренней безопасности, Юридической комиссии Сената Соединенных Штатов Америки. 93-й Конгресс. 1-я сессия. Август 1973 г. Напечатано для Юридической комиссии. Типография правительства США, Вашингтон, 1973».

Life, Vol. 40. 1956. № 17. April 23. Цит. по: *Плимак Е., Антонов В.* Был ли заговор против Сталина? По материалам зарубежной печати // Октябрь. 1994. № 3. С. 168–178.

727

Тер-Петросян Симон Аршакович (псевдоним Камо) (1882—1922) — социал-демократ с 1901 г. С 1904 г. — большевик. Организатор подпольных типографий, организатор и участник экспроприаций денежных средств путем вооруженного ограбления (в том числе знаменитого ограбления почтового экипажа в Тифлисе в июне 1907 г.), организатор доставки пропагандистской литературы из-за границы в Россию. Неоднократно подвергался арестам. Несколько раз бежал из заключения, симулировал сумасшествие. В 1912 г. был приговорен к смертной казни, замененной 20-летней каторгой. После Октябрьского переворота 1917 г. участвовал в подпольной деятельности в Баку и Тифлисе. В 1921 г. работал во внешнеторговых организациях, в 1922 г. в Наркомате финансов Грузии. Трагически погиб (ехал на велосипеде и был сбит грузовиком).

728

Розенберг Марсель Израилевич (1896–1938) — советский дипломат. Член РКП(б) с 1918 г. Работал в Афганистане, Италии, Франции. В 1936— 937 гг. — полпред в Испании. Затем являлся уполномоченным наркоминдела при правительстве Грузинской ССР. Арестован и расстрелян во время Большого террора.

729

Люшков Генрих Самойлович (1900—1945) — член РСДРП(б) с 1917 г. С 1918 г. служил в ВЧК, где занимал все более высокие посты. В 1931 г. — глава секретно-политического отдела ГПУ Украины. Один из организаторов голодомора на Украине. В том же году переведен в центральный аппарат ОГПУ. В 1936—1937 гг. — начальник УНКВД по Азово-Черноморскому краю. Руководил развертыванием Большого террора в Черноморье. В 1937—1938 г. — полномочный представитель НКВД по Дальнему Востоку. Под его руководством были репрессированы глава местного НКВД Т.Д. Дерибас, глава лагерного треста «Дальстрой» Э.П. Берзин и другие руководители НКВД. Люшков был главным практическим организатором депортации корейцев с Дальнего Востока, а также репрессий против других народов. Однако в июле 1938 г., получив вызов в Москву, Люшков счел, что его ожидает арест. 13 июня 1938 г. он явился на пограничный мост на границе с Маньчжоу-Го, потребовал встречи с высшим японским пограничным начальником, заявил, что сбегает из СССР и был переправлен в Японию. Побег Люшкова использовали как один из поводов для отстранения Н.И. Ежова от должности наркома внутренних дел СССР. Люшков раскрыл японцам известную ему информацию о сталинском терроре и методах деятельности НКВД. Люшков в Японии интересовался сочинениями Троцкого и его последователей, приобретал соответствующую литературу, говорил своим кураторам из японской разведки, что идеология троцкизма необходима, чтобы отвратить русский народ от сталинизма (см.: Соколов Б.В. Охота на Сталина. Охота на Гитлера. Тайная борьба спецслужб. М.: Вече, 2000). В 1945 г. Люшков был направлен в Дайрен (Маньчжоу-Го) и, по одним сведениям, был убит в этом городе в августе 1945 г. начальником японской военной миссии Ю. Такеокой перед вступлением в город советских войск. Есть и другие версии смерти Люшкова, в частности, что Люшков был убит советскими спецслужбами.

Not Guilty! Report of the Dewey Commission of Inquiry into the Charges Made Against Leon Trotsky in the Moscow Trials. New York: Harper & Brothers, 1938.

The Case of Leon Trotsky. Report of Hearing on the Charges Made Against Him in the Moscow Trials by the Preliminary Commission in Inquiry. New York; London, 1937.

732

Дается в обратном переводе с английского. В архиве Троцкого в Хогтон-ской библиотеке Гарвардского университета обнаружить оригинал письма Орлова не удалось. Курсив документа.

733

Alexander Vassilev's Papers. 0438 N. White Book № 1. P. 39.

Бережков В.И., Пехтерева С.В. Женщины-чекистки. СПб.: Нева, 2003. С. 222–223.

Costello J., Tsarev O. Deadly Illusions. P. 321–322.

736

Архив Гуверовского института. Коллекция Б.И. Николаевского. Ящик 208. Папка 5. С.Э. Эстрин. Из воспоминаний. Записано на пленку в 1974 г.

Там же.

Похоже, что американские правоохранительные органы тоже подозревали Эстрину в шпионаже в пользу СССР. Трудно иначе объяснить, каким образом и почему ее биографическая справка, составленная с использованием тогда еще закрытой части архива Троцкого — переписки эмиграционного периода, в частности, переписки Троцкого с сыном Львом Седовым — составлялась с грифом «Секретно» (*Kronenbitter R.T.* Leon Trotsky. Dupe of the NKVD).

739

Вышинский Андрей Януарьевич (1883–1954) — социал-демократ с 1903 г., меньшевик. Получил образование на юридическом факультете Киевского университета. В 1917 г. комиссар милиции Якиманского района Москвы. Уже тогда стал известен изданием распоряжения о розыске Ленина как немецкого шпиона. С 1920 г. — член РКП(б). С этого же года работал преподавателем Московского университета. В 1923–1925 гг. — прокурор по уголовным делам Верховного суда СССР. В 1925–1928 гг. — ректор Московского университета. В следующие годы, работая в прокуратуре, выступал обвинителем на сфабрикованных политических процессах. С 1931 г. прокурор РСФСР, в 1935–1939 гг. — прокурор СССР. Был государственным обвинителем на всех трех московских судебных процессах 1936–1938 гг. В 1937–1941 гг. — директор Института права АН СССР. С 1940 г. работал в Наркоминделе, был заместителем наркома (затем министра). В 1949–1953 гг. — министр иностранных дел СССР. После смерти Сталина смещен с поста министра (этот пост занял В.М. Молотов) и назначен постоянным представителем СССР в Организации Объединенных Наций. Умер в Нью-Йорке. Согласно одной из версий, был убит в Нью-Йорке советскими спецслужбами.

740

Ульрих Василий Васильевич (1889–1951) — социал-демократ с 1908 г., большевик. С 1918 г. служил в ВЧК. В 1926–1948 гг. председатель Военной коллегии Верховного суда СССР, с 1935 г. — одновременно заместитель председателя Верховного суда. Председательствовал на всех открытых (а также на ряде закрытых) судебных процессах периода Большого террора и на других политических судебных процессах. В 1948 г. был снят с должности за «недостатки в работе» и «злоупотребление служебным положением» его подчиненными. Согласно одной из версий, был арестован и умер в тюрьме.

Судебный отчет по делу антисоветского троцкистского центра. М.: Юриз-дат НКЮ СССР. 1937. С. 91.

742

Ярков И.П. Моя жизнь: Автобиография. Самиздат. Библиотека И.П. Яркова, № 1. Куйбышев, б. г. С. 103.

Либов Л. Сталин, Троцкий и я // Урал. 2005. № 1. С. 96.

744

АПРФ. Оп. 24. Ед. хр. 410. Л. 34 (список опубликован в Интернете).

Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 124–125.

Там же. № 1. С. 130.

7 47

Поскребышев Александр Николаевич (1891–1965) — большевик с 1917 г. С 1921 г. недолгое время был на партийной работе в Уфе, затем переведен в Москву в аппарат ЦК РКП(б). В 1923–1924 гг. заведовал управлением делами ЦК. В 1924–1929 гг. — помощник генерального секретаря, с 1930 г. — заведующий Особым отделом ЦК (секретариатом Сталина). Отдел неоднократно менял названия, при этом Поскребышев постоянно оставался его руководителем. После смерти Сталина отправлен на пенсию.

ГДА СБУ. Ф. 13. Од. зб. 31. Т. 1. Арк. 1-85.

749

Голубенко Николай Васильевич (1897–1937) — социал-демократ с 1914 г., большевик. После 1917 г. занимал различные хозяйственные должности. В середине 20-х гг. был секретарем Днепродзержинского горкома партии. Участник объединенной оппозиции 1926–1927 гг. Был исключен из партии и сослан. После покаяния восстановлен в ВКП(б). В середине 30-х гг. — начальник строительства Боголепского коксохимического комбината в Донбассе. Арестован во время Большого террора и расстрелян.

750

Логинов Владимир Федорович (1897–1937) — большевик с 1917 г. Депутат Харьковской городской думы в 1919 г. В дальнейшем занимал различные ответственные хозяйственные посты. Участвовал в объединенной оппозиции 1926–1927 гг. Был исключен из партии и сослан. После покаяния восстановлен в ВКП(б). В 1932–1936 гг. — управляющий трестом «Кокс» (Харьков). Арестован в 1936 г. и выставлен свидетелем на судебном процессе по делу параллельного антисоветского троцкистского центра (январь 1937 г.). Дал показания против Г.Л. Пятакова. Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

751

Коцюбинский Юрий Михайлович (1896–1937) в 1913 г. вступил в РСДРП, стал большевиком. В 1916 призван в армию, служил в Петрограде. Участник Первой мировой войны, прапорщик. В 1917 г. — член Военной организации при Петроградском комитете РСДРП(б), во главе сводного отряда был направлен на подавление выступления генерала П.Н. Краснова после Октябрьского переворота. С декабря 1917 г. — заместитель народного секретаря по военным делам Украины, с января 1918 г. — главнокомандующий советскими войсками на Украине. В январе — июне 1919 г. — член Реввоенсовета Украинского фронта. В 1921–1922 гг. — дипломатический представитель Украины в Австрии. С 1930 г. — заместитель наркома земледелия Украины. С 1933 г. — заместитель председателя Совнаркома и председатель Госплана Украины. В 1935 г. Коцюбинский был обвинен в «троцкизме», хотя никогда не поддерживал Троцкого, и снят с партийных и правительственных постов. Подвергся шельмованию в прессе как руководитель всеукраинского троцкистского центра, связанного с подпольными националистическими организациями (ГДА СБУ. Ф. 13. Од. зб. 7. Т. 1. Арк. 1—20). В марте 1937 г. Коцюбинский был приговорен к смертной казни и расстрелян.

752

ГДА СБУ. Од. зб. 44406. Фп. Арк. 113.

Другого подследственного (И.Я. Покрасова) обвинили в том, что он участвовал в организации «подпольной троцкистской техники» в Одессе в 1922 г., то есть во время, когда Троцкий был наркомом и вторым человеком в государстве. Дело готовилось в такой спешке, что даже прокурор Вышинский, утверждавший обвинение, не заметил нелепой ошибки.

ГДА СБУ. Ф. 13. Од. зб. 259. Т. 1.

755

ГДА СБУ. Ф. 6. Од. зб. 33399 фп. Арк. 1—71.

Там же. Спр. 4962 фп. Арк. 1.

Там же. Ф. 6. Од. зб. 3667 фп. Арк. 2—84.

758

ГДА СБУ. Од. зб. 31245 фп. Т. 3. Арк. 1214.

759

Там же. Арк. 14; ЦДАГОУ. Ф. 7. Оп. 12. Од. зб. 560. Арк. 1 — 11.

Арестованного Андреева жестоко избивали руками и ногами, пока он не Упал; после того как тот упал, продолжали избивать (ГДА СБУ. Од. зб. 31245 фп. Т. 3. Арк. 1214).

761

ГДАСБУ. Од. эб.31245 фп. Т. 1, арк. 1,5, 15–17,21,24–25,32,37,56,57; т. 3. Арк. 114.

762

Там же. Од. зб. 45140 фп. Арк. 3, 10–14, 17–18, 50–51, 83, 251, 254.

763

У Косиора, с точки зрения сталинской «юстиции», имелось одно «черное пятно» — его родной брат Владимир Викентьевич Косиор был одним из видных участников объединенной оппозиции 1926–1927 гг. Он был расстрелян в Воркуте в 1938 г.

ГДА СБУ. Од. зб. 49834 фп. Т. 1–4.

765

ГДА СБУ. Од. зб. 44406 фп. Арк. 252–253.

Байтальский М. Троцкисты на Колыме // Минувшее. Paris: Atheneum, 1986. Т. 2. С. 347.

Там же. С. 355–357.

История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. М.: РОССПЭН, 2004. Т. 6. Восстания, бунты и забастовки заключенных. С. 182–184.

Там же. С. 184–186.

770

Название книги с материалами независимого расследования, проведенного общественной Комиссией в США (см.: The Case of Leon Trotsky. Report of Hearing on the Charges Made Against Him in the Moscow Trials. New York: Merit Publishers, 1968).

771

Alexander Vassilev's Papers. 0438 N. Yellow Book № 2. P. 70.

772

Ахмеров Исхак Абдулович (имел много псевдонимов) (1901–1975 или 1976) — член РКП(б) с 1919 г. В 1930 г. окончил факультет международных отношений Московского университета. С того же года работал в ОГПУ. С 1932 г. — на разведывательной службе в Иностранном отделе ОГПУ. В 1935 г. был направлен в США, где быстро легализовался и смог завербовать ряд сотрудников Государственного департамента, министерства финансов и других государственных учреждений. В 1942–1945 гг. руководил советской агентурой в США. С 1946 г. — заместитель начальника внешней разведки СССР. Выезжал в ряд стран с краткосрочными заданиями. С 1955 г. в отставке.

773

Alexander Vassilev's Papers. 0438 N. Yellow Book № 2. P. 83.

Ibid. P. 94–95.

775

Андерсен Мартин (псевдоним Нексе, обычно подлинная фамилия псевдоним употребляются как двойная фамилия Андерсен-Нексе) (1869—1954) — датский писатель, один из основателей компартии Дании в 1919 г. Автор ряда социальных романов. Был арестован во время германской оккупации в 1941 г., но в 1943 г. бежал, пробрался в СССР, где вел радиопропаганду на Данию и Норвегию. После войны жил в Восточной Германии. Многократно посещал СССР и восхвалял сталинизм.

Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. М.: Демократия, 2004. С. 54–55.

777

Притт Денис Ноуэл (1887–1972) — британский общественный деятель, юрист и публицист. Окончил Лондонский университет. Был членом Лейбористской партии. Фактический агент влияния СССР. В 1933–1969 гг. — председатель британского Общества культурных связей с СССР. Лауреат Сталинской премии мира (1954). Притт так старался, что даже написал специальные книги в поддержку обвинений, выдвинутых на московских судебных фарсах *(Pritt D.N.* Moscow Trial (1936). London: Anglo-Russia Parliamentary Committee, 1936; *Idam.* At the Moscow Trial. New York: Soviet Russia Today, 1937).

778

Розенмарк Герман Раймон (1885–1950) — французский юрист, адвокат. Сочувствовал коммунистам. Был деятелем Французской лиги прав человека, через которую организовал кампанию в поддержку обвинений, выдвинутых на московских судебных процессах 1936–1938 гг.

779

Запись беседы товарища Сталина с германским писателем Лионом Фейхтвангером // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. И. Ед. хр. 820. Л. 3-22.

Правда. 1937. 6 февраля.

781

См.: *Максименков Л.* Очерки номенклатурной истории советской литературы: Западные пилигримы у сталинского престола (Фейхтвангер и другие) // Вопросы литературы. 2004. № 2–3; *Чернявский Г.* Высокоинтеллектуальные слуги Сталина // Чернявский Г. Притчи о Правде и Лжи. С. 302–304.

782

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-3976; *Sinclair L.* Trotsky. Vol. 2. P. 859; *Trotsky L.* Writings (1936—37). P. 110–113.

783

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1937. № 54–55. С. 128.

Имелся в виду VIII съезд Советов СССР, принявший 5 декабря 1936 г. псевдодемократическую конституцию, названную «сталинской».

785

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1937. № 54–55. С. 13.

Об этом сообщала германская пресса (см., например: Berliner Tageblatt. 1935, 21. Dezember).

787

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1937. № 54–55. С. 27.

Heijenoort J. With Trotsky in Exile: From Prinkipo to Coyoacdn. P. 105.

GlotzerA. Trotsky. Memoirs & Critique. P. 238–239.

The Chicago Tribune. 2009. May 7.

791

Профессор Дьюи в свое время окончил Университет имени Джонса Гопкинса в Балтиморе, затем преподавал в ряде американских университетов, а с 1904 г. — в Колумбийском университете в Нью-Йорке. Он получил заслуженную популярность в академических и общественных кругах своей философскопедагогической теорией прагматизма и инструментализма (она исходила из того, что о различных идеях следует судить на основании степени их практической полезности и что эти идеи способны стать инструментами социальных изменений), разработкой теории функциональной психологии и прогрессивных методов обучения. Он настаивал, что средняя школа должна сконцентрировать свое основное внимание не столько на преподавании предметов (хотя и ими никак не следовало пренебрегать), сколько на формировании личности ученика. Согласно его прогрессивным педагогическим взглядам, школьникам надо было не просто преподавать основы демократии, а школа сама по себе должна была стать демократически ориентированным учреждением. Дьюи стремился распространить свои экспериментальные методы в области педагогики на исследование социальных и этических проблем. Он был автором многочисленных монографий, среди которых выделялась изданная в 1925 г. фундаментальная книга «Эксперимент и природа».

Вполне возможно, что Дьюи согласился возглавить Комитет под влиянием своего бывшего ученика Макса Истмена, преподававшего на кафедре философии и психологии Колумбийского университета, которую в свое время возглавлял Дьюи. Он неоднократно встречался со своим шефом в неформальной обстановке (*O'Neil W.L.* The Last Romantic. A Life of Max Eastman. P. 16–18).

793

Столберг Бенджамин (1891–1951) — американский журналист. Специализировался в области трудовых отношений. Сотрудничал в газете «Нью-Йорк ивнинг пост» и других изданиях. Переписывался с Троцким. Участвовал в международной Комиссии по расследованию обвинений, выдвинутых против Троцкого на московских процессах.

Лафоллет Сюзанна (1893–1983) — американская писательница, журналистка либерального направления. В 1936 г. — член американского Комитета в защиту Троцкого. В 1937 г. — секретарь международной Комиссии по расследованию обвинений, выдвинутых против Троцкого на московских процессах.

795

Билс Карлтон (1893–1979) — американский леворадикальный журналист. Специализировался по проблемам Латинской Америки. Автор многих книг и статей. Участвовал в международной Комиссии по расследованию обвинений, выдвинутых против Троцкого на московских процессах, но демонстративно вышел из нее. В 60-х гт. активно поддерживал коммунистический режим на Кубе.

796

Чемберлен Джон (1903–1995) — американский журналист, историк, искусствовед. Сотрудничал во многих газетах и журналах. В 30-х гг. поддерживал связь с социалистическими организациями. Участвовал в международной Комиссии по расследованию обвинений, выдвинутых против Троцкого на московских процессах. После Второй мировой войны перешел на консервативные позиции. Автор ряда книг, в которых, в частности, подвергал острой критике тоталитарную систему в СССР, как неизбежное порождение социалистической идеи.

797

Треска Карло (1879–1943) — деятель итальянского и американского рабочего движения. Анархо-синдикалист, правозащитник. В начале века эмигрировал в США, с 1909 г. участвовал в деятельности организации «Индустриальные рабочие мира», руководил рядом забастовок. Активно выступал в защиту прав человека, против фашизма и сталинизма. В 20-х гг. защищал Сакко и Ванцетти; в 1937 г. — входил в международную Комиссию по расследованию обвинений, выдвинутых против Троцкого на московских процессах. Во второй половине 30-х гг. выступал с разоблачениями террористической деятельности НКВД за границей. Во время Второй мировой войны основал Общество Мадзини с целью объединить итальянских рабочих и активистов демократического движения в США. В январе 1943 г. убит в Нью-Йорке.

798

Рюле Отто (1874–1943) — деятель германского рабочего движения. До Первой мировой войны — левый социал-демократ. Будучи депутатом рейхстага, в марте 1915 г. голосовал вместе с К. Либкнехтом против военных кредитов. Один из лидеров Ноябрьской революции 1918 г. в Саксонии. Был избран председателем Дрезденского рабочего совета. Вступив в Коммунистическую партию Германии, стал одним из лидеров внутрипартийной левой оппозиции. В 1920 г. принял участие в создании ультралевой Коммунистической рабочей партии Германии. В 1921 г. совершил поездку в Советскую Россию, после которой объявил большевистскую систему государственно-капиталистической. Один из родоначальников и главных представителей так называемого «коммунизма советов», отрицавшего парламентаризм, профсоюзы, политические партии и признававшего в качестве революционного инструмента только рабочие советы. После выхода в 1921 г. из КПГ пытался создавать коммунистические организации непартийного типа. В 1933 г. эмигрировал в Мексику. В 1937 г. — член международной Комиссии по расследованию обвинений, выдвинутых против Троцкого на московских процессах. От политической деятельности впоследствии отказался. Автор ряда работ по экономическим и социальным вопросам, биограф К. Маркса.

O'Neil W.L. The Last Romantic. A Life of Max Eastman. P. 238–239.

800

Архив Гуверовского института. Коллекция Б.И. Николаевского. Ящик 354.

801

The Case of Leon Trotsky. Report of Hearing on the Charges Made Against Him the Moscow Trials. New York: Merit Publishers, 1968. P. 464–465.

802

Архив Гуверовского института. Коллекция Б.И. Николаевского. Ящик 370.

803

Многочисленные данные свидетельствуют о том, что книги иностранных авторов, выражавших симпатии к сталинской власти, издавались миллионными тиражами, причем гонорары в полтора-два раза превышали вознаграждение советских авторов и выплачивались не из расчета реализованной части, а от всего тиража, немедленно по выходе книги из печати. Речь шла конечно же о замаскированной под гонорар взятке.

Ранее Макс Истмен написал письмо Драйзеру и попросил его выступить в защиту Троцкого. Драйзер решил предварительно посоветоваться с советским торговым представителем в США П.А. Богдановым, который предостерег, что такое его выступление будет оценено как переход в стан «троцкистов» и явится «большим разочарованием для ваших друзей по всему миру*. В результате испугавшийся Драйзер написал Истмену, что, хотя он сочувствует мукам заключенных последователей Троцкого, не предпримет ничего, что повредило бы позициям Советской России.

805

Alexander Vassilev's Papers. 0438 N. Black Notebook. P. 119.

Wolfe B. Three Who Made a Revolution. New York: Dial Press, 1948.

Glotzer A. Trotsky. Memoir & Critique. P. 256.

808

Слова «и денег» были затем вычеркнуты.

809

Имелось в виду, что, кроме работы на Седова, еще и ходят на работу.

810

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-4887.

811

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-4870.

812

The Case of Leon Trotsky. Report of Hearing on the Charges Made Against Him in the Moscow Trials. P. 151–152.

Glotzer A. Trotsky. Memoir & Critique. P. 259.

814

The Case of Leon Trotsky. Report of Hearing on the Charges Made Against Him in the Moscow Trials. P. 358–359.

815

The Case of Leon Trotsky. Report of Hearing on the Charges Made Against Him in the Moscow Trials. P. 411–414.

Ibid. P. 415–417.

817

GlotzerA. Trotsky. Memoir & Critique. P. 267. Следует отметить, что Глоцер цитирует дискуссию между Троцким и Билсом по своим записям, которые в значительной части не совпадают с официальным стенографическим отчетом (ibid. P. 266–267). Кроме того, Глоцер, как и Троцкий, употребляет термин «ГПУ», в то время как с 1934 г. существовал НКВД. Использование «ГПУ» вместо «НКВД» применительно к событиям, происходившим в 1934 г. и позже, всегда является указанием на то, что автор — троцкист. Это некий «пароль», лакмусовая бумажка троцкизма (за исключением тех случаев, когда авторы подменяют НКВД ГПУ по незнанию, небрежности или ошибке, разумеется). Глоцер, конечно, к моменту написания мемуаров троцкистом уже не был, но «ГПУ» продолжал писать по инерции. Это был своеобразный атавизм прошлой жизни.

O'Neil W.L. The Last Romantic. A Life of Max Eastman. P. 153.

819

The Case of Leon Trotsky: Report of Hearing on the Charges Made Against Him in the Moscow Trials. P. XII.

Gloizer A. Trotsky. Memoir & Critique. P. 271.

821

Not Guilty! Report of the Dewey Commission of Inquiry into the Charges Made Against Leon Trotsky in the Moscow Trials. P. 14–15.

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-767—771.

823

Там же. Т-4900.

824

Троцкий Л. Ответы на вопросы Венделина Томаса // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1937. № 56–57. С. 12–14. Американский историк М. Фокс по ошибке назвал Томаса членом «комиссии наблюдателей на московских процессах» *(Фокс М.С.* Троцкий и его критики о природе СССР при Сталине // Вопросы истории. 1992. № 11–12. С. 39). Такой комиссии конечно же не было. Томас был участником контрпроцесса в Койоакане.

825

Троцкий Л. Еше об усмирении Кронштадта // Бюллетень оппозиции. 1938. № 70. С. 10. Перед этим Троцкий опубликовал в том же журнале статью «Шумиха вокруг Кронштадта» (Бюллетень оппозиции. 1938. № 66–67. С. 22–26).

826

Рузвельт Франклин Делано (1882–1945) — государственный деятель США. В 1929–1933 гг. губернатор штата Нью-Йорк. В 1933–1945 гг., президент США (избирался четыре раза). В предвоенный период проводил политику «нового курса», предусматривавшую многочисленные меры по стабилизации социально-экономического положения страны. В начале Второй мировой войны правительство Рузвельта придерживалось курса нейтралитета, в то же время оказывая военно-экономическую помощь Великобритании, СССР и другим странам, участвовавшим в войне против Германии. После нападения Японии на американский флот в бухте Перл-Харбор (Гавайские острова) в декабре 1941 г. США вступили в войну, и Рузвельт стал Верховным главнокомандующим воюющей страны. Участвовал в Тегеранской и Ялтинской конференциях глав трех союзных держав (США, Великобритании и СССР), на которых были заложены основы послевоенной мировой системы. Скончался скоропостижно 12 апреля 1945 г.

Time. Vol. XXIX. № 4 (1937. January).

National Archives of the United States, Records of U.S. State Department 59.

829

Государственный секретарь К. Хэлл заявил, в частности, что американское правительство отвергает просьбу Троцкого именно ввиду усиливающейся агрессии Японии на Дальнем Востоке, так как не желает раздражать Сталина — возможного будущего союзника в войне с Японией *(Чейз У.* Троцкий в Мексике. К истории его нелегальных контактов с правительством США (1937–1940) // Отечественная история. 1995. № 4. С. 84).

830

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-84717.

831

Подробнее см.: *Чейз У.* Троцкий в Мексике. К истории его негласных контактов с правительством США (1937–1940). Опубликовано в Интернете.

832

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-10101, Т-10103.

833

Архив Гуверовского института. Коллекция Б.И. Николаевского. Ящик 354.

834

Там же. Ящик 305.

Trotsky L. The Young Lenin / Transl. from the Russian by M. Eastman. Doubleday, 1972.

836

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-4792.

Daniels R.V. Trotsky, Stalin, and Socialism. Boulder: Westview Press, 1991. P. VII.

Gill G. Stalinism. New York: St. Martin's Press, 1998. P. 52.

839

Первое издание вышло в Париже в 1935 г. Первый английский существенно дополненный перевод вышел в 1939 г. и тут же оказался на рабочем столе Троцкого (см.: *Souvarine B.* Stalin. A Critical Survey of Bolshevism. New York: Longman, Green and Co, 1939).

Serge V., Sedova-Trotsky N. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 252.

841

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-7712.

842

Архив Троцкого. Фонд 13.1 Т-7715. Письмо Троцкого Эстриной от 26 мая 1938 г.

843

Стецкий Алексей Иванович (1896–1938) — социал-демократ с 1915 г., большевик. С 1918 г. находился на политической работе в Красной армии. В 1921–1923 гг. учился в Институте красной профессуры, а затем работал в органах партконтроля. С 1925 г. — редактор газеты «Комсомольская правда*. В 1930–1938 гг. заведовал отделами ЦК ВКП(б), в том числе агитпропотделом. Одновременно с 1934 г. — главный редактор журнала «Большевик». Являлся одним из ближайших приближенных Сталина в травле «троцкистов», «зиновьевцев» и других «врагов народа» в период Большого террора. Был арестован в 1938 г. и расстрелян по приговору военной коллегии Верховного суда СССР.

844

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-8700.

Iremaschwili 1. Stalin und die Tragodie Georgiens. Berlin, 1932.

846

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-7716.

Alexander R.J. International Trotskyism. P. 933.

848

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-7717.

849

Там же. Т-7718, Т-7720, Т-7721, Т-7722, Т-7725.

850

Речь идет о сталинском кратком курсе «Истории ВКП(б)», изданном в 1938 г.

851

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-7727.

852

Там же. Т-7728.

853

Шумяцкий Я. Туруханка. Очерки из жизни ссыльных Туруханского края. 1908–1916. М„1925.

854

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-7731.

855

Там же. Т-7732, Т-7734.

Serge V., Sedova-Trotsky N. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 252.

857

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-7740.

858

Там же. Т-8982.

859

Подробнее о сборе материалов для книги о Сталине, о работе над рукописью, о встречавшихся проблемах и попытках их разрешения см.: *Фельштинский Ю.* Троцкий о Сталине // Новый журнал. 1984. № 155. С. 219–234.

860

Русское издание «Сталина», в двух томах, впервые было подготовлено и издано по хранившейся в архиве Троцкого в Бостоне рукописи и незаконченным черновикам одним из авторов этой книги, Ю Г. Фельштинским, в издательстве Чалидзе в США в 1985 г. С 1990 г. в СССР и России книга выдержала несколько факсимильных изданий, в том числе и пиратских, и стала бестселлером. Последнее научно подготовленное нами издание «Сталина», вместе с рядом новых дополнительных статей и материалов, касающихся Сталина, вышло в двух книгах (трех томах) в издательстве «Эксмо» в Москве в 2011 г.

861

Trotsky L. Stalin: An Appraisal of the Man and His Influence / Ed. and transl. from the Russian by C. Malamuth. New York and London: Harper & Brothers Pub-ˆshers, 1941. P. IX.

Таким образом, в выходных данных книги в качестве даты выпуска сохранился 1941 г., тогда как крохотная заметка от издателей, которую почти никто не замечал, была датирована 15 марта 1946 г. Из-за этого вплоть до наших дней происходит распространенная путаница с годом выхода первого издания «Сталина» на английском языке, и многие полагают, что книга вышла в 1941 г.

Мы говорим об исходной русской рукописи Троцкого, а не об английском переводе, в котором переводчик допустил массу искажений в стремлении сделать текст более доступным для иностранного читателя.

Илизаров Б.С. Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. К историософии сталинизма. М.: Вече, 2002. С. 18.

Trotsky L. Stalin. P. 269, 306.

866

История гражданской войны в СССР. М.: ОГИЗ, 1935. Т. 1; М.: Госполит-издат, 1947–1960. Т. 2–5. К такого же рода работам следует отнести «Историю великого Октября» академика-фальсификатора, лауреата Сталинской и Ленинской премий И.И. Минца (М.: Наука, 1967–1973. Т. 1–3).

867

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1938. № 68–69. С. 6—19.

868

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-860.

869

Там же. Т-4287; Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1938. № 64. С. 14–15.

870

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-4293; The New York Times. 1938. March 4.

871

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-4299.

872

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-4328; Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1938. № 65. С. 1–2.

873

Кречинский — герой комедии А. В. Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинского» (1854).

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-4552а; Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1939. № 75–76. С. 3–4; *Sinclair L.* Trotsky. Vol. 2. P. 1014.

875

См.: СССР — Германия, 1939–1941. Секретные документы / Сост. — переводчик Ю. Фельштинский. М.: Эксмо, 2011.

876

Архив Троцкого. Фонд I3. 1. Т-4586, Т-4587, Т-4588; Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1939. № 79–90. С. 10–14.

877

Троцкий Л. Сталин — интендант Гитлера // Бюллетень оппозиции (боль-шевиков-ленинцев). 1939. № 79–80. С. 14–16; *Он же.* Германо-советский союз // Там же. С. 17–18; *Он же.* Двойная звезда: Гитлер — Сталин // Там же. 1940. № 81. С. 1–7.

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1939. № 79–80. С. 4.

Там же. С. 7.

880

Риббентроп Иоахим (1893–1946) — германский государственный деятель, один из ближайших помощников и советников Гитлера. С 1933 г. штандартенфюрер СС. Создал так называемую Службу Риббентропа, которая осуществляла наблюдение за иностранными дипломатами. В 1938–1945 гг. — министр иностранных дел. По завещанию Гитлера был лишен министерского поста. Арестован в июне 1945 г. американцами в Гамбурге и предан суду Международного военного трибунала в Нюрнберге. Приговорен к смертной казни и повешен.

881

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-4833, Т-4824; St.-Louis Post-Dispatch. 1940. March 10, 17, 24; Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1940. № 82–83. С. 1–3, 4-12.

882

Троцкий Л. Портреты революционеров / Сост. Ю. Фельштинский. М.: Московский рабочий, 1991. С. 65.

883

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-2793, Т-2799.

Там же. Т-2800.

885

Там же. Т-8318, Т-8918, Т-8919, Т-8922, Т-8923, Т-8924, Т-8978.

886

Alexander Vassilev's Papers. 0438 N. Yellow Notebook № 3. P. 19–21.

Trotsky L. Writings (1939—40). New York: Pathfinder Press, 1977. P. 135.

888

Alexander Vassilev's Papers. 0438 N. Yellow Notebook № 3. P. 90–92.

Frank P. The Fourth International. The Long March of the Trotskyists. London: Ink Links, 1979. P. 62.

Д. Бернхем еще в 1937 г. внес предложение отказаться от оценки СССР как рабочего государства, но продолжать защищать СССР от «империалистических атак» до тех пор, пока там сохраняется государственная собственность. Это предложение было отвергнуто конференцией СРП.

891

Frank P. The Fourth International. P. 63; *Alexander R.J.* International Trotskyism. P. 793–804. Подробно об этом конфликте с позиции так называемого «большинства» СРП, то есть группы Кэннона, рассказано в его книге, где приведены многие документы: *Cannon J.P.* The Struggle for a Proletarian Party. New York: Pioneer Publishers, 1943.

892

Фитин Павел Михайлович (1907–1971) — член ВКП(б) с 1927 г. В 1934–1935 гг. служил в Красной армии. Затем работал в Государственном издательстве сельскохозяйственной литературы. В 1938 г. был направлен на работу в НКВД, кадры которого были вычищены во время Большого террора. С 1939 г. возглавлял внешнюю разведку Управления госбезопасности, где служил до 1946 г. В связи с тем, что он впал в немилость у высшего руководства ведомства, был отправлен на периферию (заместителем начальника Управления госбезопасности Свердловской области, затем министром внутренних дел Казахстана). В 1953 г. уволен без пенсии.

893

Это очевидная описка. Имелось в виду «в мире».

894

Речь идет о Григории Рабиновиче, работавшем в США в 1937–1939 гг.

895

Alexander Vassilev's Papers. 0438 N. Black Notebook. P. 165.

Ibid.

897

Alexander Vassilev's Papers. 0438 N. Black Notebook. P. 173.

898

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-4847; Бюллетень оппозиции (болыневиков-ленинцев). 1940. № 84. С. 11–28.

Alexander R.J. International Trotskyism. P. 286–287.

Trotsky L. In Defense of Marxism. New York: Pioneer Publishers, 1942.

901

Биограф Истмена Уильям О’Нейл ошибочно утверждал, что издание сборника «В зашиту марксизма» было осуществлено самим Троцким *(O'Neil W.L.* The Last Romantic. A Life of Max Eastman. P. 192–193).

902

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-4819; *Trotsky L.* In Defense of Marxism-P. 72–94.

Burnham J. Science and Style: A Reply to Comrade Trotsky. New York, 1940.

Trotsky L. Writings. Supplement 1934—40. New York: Pathfinder Press, 1979P. 672.

Trotsky L. Stalin. P. 421.

Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. С. 77.

907

Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. С. 77–78.

Стечкин В. Павел Судоплатов — терминатор Сталина. М.: Яуза, 2005. С. 133.

909

Эйтингон Наум Исаакович (1899—1981) — советский разведчик, Диверсант, террорист, генерал-майор НКВД. В 1917 г. был левым эсером. С 1918 г. — в Красной армии. Член РКП(б) с 1920 г. С 1925 г. на оперативной и Диверсионной работе в Китае, Турции, Франции, Испании, Мексике и других странах. Во время гражданской войны в Испании в 1936—1939 гг. был вместе с А.М. Орловым организатором вывоза испанского золотого запаса в СССР. Участвовал в разведывательных операциях, связанных с ядерным шпионажем.Начиная с 1951 г. брался под домашний арест, снимался с должности, в 1957 г. был арестован, приговорен к 12 годам заключения. Освобожден в 1964 г. по амнистии, но в должности восстановлен не был (см.: *Шарапов Э.П.* Наум Эйтингон — карающий меч Сталина. СПб.: Нева, 2003).

910

Стечкин В. Павел Судоплатов — терминатор Сталина. М.: Яуза, 2005. С. 137-138.

911

Залесский К.А. Империя Сталина: Биографический энциклопедический словарь. М.: Вече, 2000. С. 310; *Торчинов В.А., Леонтюк А.М.* Вокруг Сталина: Историко-биографический справочник. СПб.: Санкт-Петербургский государственный ун-т, 2000. С. 330.

912

Чернявский Г. Иосиф Григулевич: Ученый и убийца // В кн.: Чернявский Г. притчи о Правде и Лжи. С. 232.

913

На научных конференциях в 70-х — первой половине 80-х гг. один из авторов этой книги — Г.И. Чернявский — неоднократно встречался с Григулевичем, когда тот стал известным специалистом по истории стран Латинской Америки и католической церкви, членом-корреспондентом АН СССР. У него была репутация «свободомыслящего» — не отказываясь от марксистско-ленинских догматов, он порой позволял себе неортодоксальные суждения, причем не только во время «кухонных разговоров», но и на публике. Отмечали, правда, его странности. Никто не знал его биографии до 40-летнего возраста. Известно было, правда, что Григулевич женат на мексиканке (его супруга иногда приезжала с ним на конференции), но это только давало поводы для кривотолков. Участники конференций обращали внимание, что Григулевич решительно отказывался фотографироваться: отходил в сторону при групповом фотографировании и отворачивался, когда пытались сфотографировать его самого. В 1974 г. его коллега Е.К. Андреевская сделала его карандашный портретный набросок. Григулевич страшно рассердился и отобрал рисунок, который вскоре оказался в архиве КГБ. Копию этого портрета перебежчик В.Н. Митрохин вывез на Запад.

Никандров Н. Григулевич. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 76.

Чиков В.М. Суперагент Сталина. С. 110–112.

Никандров Н. Григулевич. С. 76–78.

917

Лаборде Герман (1896–1955) — мексиканский коммунист, генеральный секретарь компартии в 1937–1940 гг. Был отстранен от должности по обвинению в «оппортунистических ошибках». В дальнейшем прекратил активную политическую деятельность.

918

Через много лет об этом рассказал в своих воспоминаниях тогдашний член ЦК Валентин Кампа *(Campa V.* Mi testimonio. Memorias de un communista mexi-cano. Mexico, F.D.: Ed. de cultura popular, 1985. P. 161–162).

919

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1938. № 62–63. С. 24.

920

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-4284.

921

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1938. № 66–67. С. 32.

Никандров Н. Григулевич. С. 79–80.

923

Фриновский Михаил Петрович (1898—1940) — член РКП(б) с 1918 г. С 1919 г. служил в органах ВЧК на периферии. С 1930 г. возглавлял ГПУ Азербайджанской ССР. С 1933 г. начальник Главного управления пограничной охраны ОГПУ (затем НКВД) СССР. В 1936—1938 гг. заместитель (затем первый заместитель) наркома внутренних дел. Один из главных практических организаторов Большого террора. В 1938 г. был назначен наркомом Военно-морского флота СССР, однако вскоре был арестован и расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

924

Кокурин А Н., Петров Н.В. Лубянка: ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД — КГБ. 1917–1960. М.: Демократия, 1997. С. 19.

925

Alexander Vassilev's Papers. 0438 N. Yellow Notebook № 2. P. 74.

926

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-9019, Т-9021, Т-9022, Т-9817, Т-9824, Т-9825, Т-9892, Т-9896, Т-9897, Т-9898, Т-9900, Т-10739.

927

Всеволод прочно врос в мексиканскую среду. Испанский язык стал для него почти родным. Он рано увлекся естественными науками, стал химиком и долго, до самого пожилого возраста сохранял работоспособность, энергию и жизнерадостность. Но хотя Сева, ставший на мексиканский манер Эстебаном Волковым, интересовался политическими взглядами Троцкого и его последователей, к троцкистам он не примкнул. Он помнил своего деда как родного человека; он многое сделал для создания Дома-музея Троцкого в Мехико, для превращения музея в общественно-государственное учреждение, где сам Сева долгие годы был его куратором. По данным администрации Дома-музея Троцкого в Мехико, музей еженедельно посещает около 2 тысяч человек. Две трети посетителей составляют туристы, среди которых много приезжих из России и Других стран бывшего СССР (Воспоминания Эстебана Волкова, записанные Г.И. Чернявским в беседе в Мехико 16 февраля 2008 г.).

928

Архив Троцкого. Фонд 13.1. T-4828a, 4828b, 4828c; *Троцкий Л.* Дневники и письма. С. 193–194.

Стечкин В. Павел Судоплатов — терминатор Сталина. С. 144.

Haynes J.E., Klehr H. Venona. Decoding Soviet Espionage in America. New Haven: Yale University Press, 1999. P. 277.

931

Воспоминания Эстебана Волкова, записанные Г.И. Чернявским в беседе в Мехико 16 февраля 2008 г.; *Serge У, Sedova-Trotsky N.* The Life and Death of Leon Trotsky. P. 256.

932

Архив Троцкого. Фонд 13.1. T-4878b.

933

Стечкин В. Павел Судоплатов — терминатор Сталина. С. 146.

934

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-4899, Т-8451.

Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. С. 80; *Никандров Н.* Григулевич. С. 103; *Чиков В.М.* Суперагент Сталина. С. 209–210 и др.

Никандров Н. Григулевич. С. 107; *Стечкин В.* Павел Судоплатов — терминатор Сталина. С. 146–147. В тексте донесения, приводимом обоими авторами, связанными с российскими спецслужбами, имеются небольшие расхождения, не меняющие его смысла. Следует отметить, что имя Харта не упоминается в качестве «сотрудника» в секретных донесениях советских резидентур, которые подробно информировали Центр об операциях против Троцкого. О Харте говорится только как о жертве первого покушения *(Haynes J.E., Klehr H.* Venona. Decoding Soviet Espionage in America. P. 277).

937

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-4892.

Позже Санчес написал достоверную книгу о расследовании первого покушения и об убийстве Троцкого: *Sdnchez Salazar L.A.* Murder in Mexico. The Assassination of Leon Trotsky. London: Seeker & Warburg, 1950.

939

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-4876.

940

Карикатура сохранена в экспозиции Общественной художественной галереи жизни и творчества Д.А. Сикейроса в Мехико.

Никандров Н. Григулевич. С. 117. Той же версии Сикейрос придерживался в своих мемуарах *(Сикейрос Д.А.* Меня называли Лихим Полковником. М.: Политиздат, 1986).

942

Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. С. 87.

943

Стечкин В. Павел Судоплатов — терминатор Сталина. С. 147.

Никое В.М. Суперагент Сталина. С. 367–368.

945

Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. С. 87.

Heijenoort J. van. The History of Trotsky's Papers // Harvard Livrary Bulletin. 1980. July. P. 292, 294.

947

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т-8277.

После гибели супруга Н.И. Седова перевела из мексиканского банка в Гарвардский университет документы 1937–1940 гг. на депозитарное хранение. В 1946 г. Седовой был подписан договор о продаже этих материалов Гарварду. В 1953 г. она дополнительно передала Гарвардскому университету большую коллекцию материалов, собранных ею. Согласно договору, документы периода изгнания находились на закрытом хранении до 1980 г., когда с них был снят этот гриф и они были предоставлены для использования всем заинтересованным лицам. 7 января 1980 г. состоялось торжественное открытие секретной секции архивного фонда, включающей примерно 17,5 тысячи документов (Harvard Library Bulletin. 1980. July. P. 291). Документация Троцкого, как и другие материалы Хочтонской библиотеки Гарвардского университета, свободно доступны исследователям, которые получают их почти немедленно на основании тщательно разработанных аннотированных каталогов и другого справочного материала. В то же время документы тщательно охраняются от порчи, вплоть до того, что в читальном зале не разрешается писать ручками, можно использовать только карандаши.

949

Alexander Vassilev's Papers. 0438 N. White Notebook № 1. P. 18.

Andrew Ch., Gordievsky O. KGB. The Inside Story of Its Foreign Operations from Lenin to Gorbachev. P. 168–169.

951

Владимир Петров на допросе в США в 1955 г. сообщил, что, согласно делу, с которым ему удалось ознакомиться в 1948 г., операция по убийству Троцкого «находилась в руках резидентуры НКВД в советском генеральном консульстве в Нью-Йорке» *(Andrew CИ., Gordievsky O.* KGB. The Inside Story of Its Foreign Operations from Lenin to Gorbachev. P. 681). Скорее всего, нью-йоркская резидентура курировала операцию, но Эйтингон отчитывался только перед высшим руководством НКВД.

Стечкин В. Павел Судоплатов — терминатор Сталина. С. 150, 152; *Andrew CИ, Gordievsky O.* KGB. The Inside Story of Its Foreign Operations from Lenin to Gorbachev. P. 170; *Судоплатов П.А.* Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. С. 90.

953

Стечкин В. Павел Судоплатов — терминатор Сталина. С. 152–153.

Andrew Ch., Gordievsky O. KGB. The Inside Story of Its Foreign Operations from Lenin to Gorbachev. P. 170; *Судоплатов П.А.* Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. С. 90.

Serge V., Sedova-Trotsky N. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 271.

Serge V., Sedova-Trotsky N. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 266–267.

957

Воспоминания Эстебана Волкова, записанные Г.И. Чернявским в личной беседе в Мехико 16 февраля 2008 г.

Стечкин В. Павел Судоплатов — терминатор Сталина. С. 154.

959

Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. С. 90–91.

Стечкин В. Павел Судоплатов — терминатор Сталина. С. 154–155.

961

Serge Y, Sedova-Trotsky N. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 268.

Стечкин В. Павел Судоплатов — терминатор Сталина. С. 153.

Serge У, Sedova-Trotsky N. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 268, 271.

Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. С. 91; *Стечкин В.* Павел Судоплатов — терминатор Сталина. С. 157.

965

Стечкин В. Павел Судоплатов — терминатор Сталина. С. 158. И.Р. Григулевич впоследствии выполнял ряд других шпионско-диверсионных и прочих специальных заданий. После смерти Сталина он был отозван в Москву, а с 1960 г. работал в Институте этнографии Академии наук СССР, где стал заведующим отделом и членом-корреспондентом Академии наук СССР. Он опубликовал большое число книг по истории стран Латинской Америки и истории католической церкви, имел положительные отзывы. В каталоге Библиотеки Конгресса США названы 58 работ Григулевича, вышедшие отдельными изданиями (Чернявский Г. Иосиф Григулевич — ученый и убийца / / Чернявский Г. Притчи о Правде и Лжи. С. 239). Нелегко пришлось редакциям журналов, когда отмечалось 75-летие Григулевича, а затем — когда он скончался. Юбилейные статьи, а затем некрологи были полны искажений. «Вопросы истории» писали: «За успешную боевую, научную и общественную деятельность Иосиф Ромуальдович награжден орденами» (далее следовал перечень четырех советских орденов и указывалось на наличие ряда иностранных наград) (Вопросы истории. 1988. № 4. С. 91) «Новая и новейшая история» написала в некрологе: «После боев в Испании И.Р. Григулевич впервые приезжает в СССР и последующие годы работает в различных странах Европы и Латинской Америки, выполняя ответственные задания» (Новая и новейшая история. 1988. № 5. С. 237—238).

966

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1124. Л. 63–66; Правда. 1940. 28 августа; Лубянка: Сталин и НКВД — НК.ГБ — ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946 / Под Ред. Н.С. Плотниковой, В.Н. Хаустова, В.П. Наумова. М.: Материк, 2006. с. 182–184.

967

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1940. № 84. С. 2.

Serge V., Sedova-Trotsky N. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 271.

969

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1940. № 84. С. 5—10.

Alexander Vassilev's Papers. 0438 N. White Notebook № I. P. 16.

Ibid. P. 17–18.

Основанный Троцким 4-й Интернационал существует по настоящее время, оставаясь незначительной организацией, претерпевающей все новые и новые расколы, слияния и перегруппировки. В послевоенный период наряду с Интернациональным секретариатом образовался оппозиционный ему орган — Интернациональный комитет. Позже произошло их временное объединение, которое затем сменилось новыми реорганизациями и появлением новых международных органов. На 2001–2003 гг. существовали девять основных международных организаций, провозглашавших свою приверженность «троцкизму», который они понимали по-разному. О своем существовании объявили также еще около 30 мелких и крохотных организаций и движений. Общая численность всех этих объединений и течений, по некоторым данным, составляет не более 30 тысяч человек.

Об этом Меркадер рассказывал через много лет в Москве *(Зенькович Н.* Покушения и инсценировки. От Ленина до Ельцина. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1998. С. 175).

Haynes J.E., Klehr H. Venona. Decoding Soviet Espionage in America. P. 277–278.

Стечкин В. Павел Судоплатов — терминатор Сталина. С. 161–164.

Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. С- 93; *Стечкин В.* Павел Судоплатов — терминатор Сталина. С. 164.

977

Ибаррури Долорес (псевдоним Пасионария — страстная) (1895–1989) — политическая деятельница Испании. Член компартии с начала 20-х гг. С 1932 г. — член ее Политбюро, в 1932–1942 гг. — секретарь ЦК. В период гражданской войны 1936–1939 гг. проводила курс, продиктованный советским руководством, стремившимся превратить Испанию в сателлита СССР. С 1939 г. находилась в эмиграции в СССР. В 1942–1960 гг. — генеральный секретарь испанской компартии (партия пребывала в подполье, сама Ибаррури продолжала оставаться в эмиграции). С 1960 г. — председатель партии. Лауреат международной Ленинской премии (1964). После смерти Ф. Франко возвратилась в Испанию в 1975 г. В 1977 г. была избрана в кортесы (парламент). Солидаризовалась с курсом еврокоммунизма (приспособления политики компартии к современным реалиям и отхода от подчинения воле руководителей СССР), проводимого молодым поколением партийных деятелей.

В 2005 г. внук Троцкого Эстебан Волков сообщил журналистам, что к нему и к дирекции Дома-музея Троцкого обратилась некая Анна Алисия Салас, дочь офицера полиции, который участвовал в расследовании убийства Троцкого. Она предложила купить оставшийся ей по наследству ледоруб, которым был убит Троцкий. Музей Троцкого от покупки ледоруба отказался *(Макарычев М.* На память о Троцком // Российская газета. 2005. 14 июня).

979

Воспоминания Ф.И. Фирсова, записанные в личной беседе Г.И. Чернявским 5 марта 2008 г.

980

Каррильо Сантьяго (род. 1915) — политический деятель Испании. Член Испанской социалистической рабочей партии с начала 30-х гг. XX в. С 1933 г. генеральный секретарь молодежной организации партии. В 1936 г. возглавил «Объединенную социалистическую молодежь» (организацию, образованную в результате слияния коммунистической и социалистической молодежных организаций) и в том же году вступил в компартию. В 1939 г. эмигрировал во Францию. Во время Второй мировой войны нелегально возвратился в Испанию и возглавлял партизанский отряд, ведший борьбу против режима Ф. Франко. После войны находился в эмиграции в разных странах, в том числе в СССР. С 1960 г. — генеральный секретарь компартии. В 1968 г. осудил вторжение советских войск в Чехословакию и призвал компартии к проведению самостоятельной политики, положив этим начало движению еврокоммунизма. В 1975 г. возвратился в Испанию, где постепенно отошел от коммунистической идеологии. В 1985 г. был исключен из компартии и основал свою партию, которая позже вступила в Социалистическую рабочую партию. Сам Каррильо от этого воздержался, от активной политической деятельности отошел, но продолжал выступать с заявлениями общедемократического характера.

981

Людвиг Эмиль (1881–1948) — немецкий писатель и журналист, биограф политических, общественных деятелей, мастеров культуры и пр. (О. Бисмарка. Н. Бонапарта, Ф. Рузвельта, З. Фрейда, И. Гёте и др.). В 1931 г. посетил СССР и встретился со Сталиным, который дал ему большое интервью, рассчитывая, видимо, на апологетическую биографию. Биографию Сталина (в основном позитивную) Людвиг написал только в 1942 г. С 1932 г. жил в Швейцарии, с 1940 г. — в США. После Второй мировой войны возвратился в Швейцарию.

Ludwig E. Roosevelt: Studie iiber Gluck und Macht. Amsterdam: Querido Ver-lag, 1938.

Roosevelt Library. Hyde Park. Official File 4295.

984

Письмо Натальи Седовой-Троцкой Исполнительному Комитету IV Интернационала; *Alexander R.J.* International Trotskyism. P. 315–316.

Life. 1956. Vol. 40. № 17. April 23.

986

Международный институт социальной истории в Амстердаме. Архив Якобс-Вебер. Ящик 1. Папка 1. Письмо Н.И. Седовой, без даты, Саре Якобс-Вебер (1900–1976), в 1933–1934 гг. — секретарю Троцкого в Турции и Франции, в 1938 г. — в Мексике.

Ныне этот музей находится на балансе государства, хотя отчасти окупает себя за счет платных экскурсий. Музей состоит из мемориальных помещений (дома, в котором жил Троцкий с женой и внуком и где также останавливались посетители, и здания для секретарей и охраны), сохраненных в том виде, в каком они существовали в 1940 г., ряда выставочных экспозиций, содержащих как подлинные памятники, так и многочисленные копии, фотографии, а также произведения изобразительного искусства. В музее имеются лекционный зал и библиотека, фонды которой включают в себя главным образом работы Троцкого и литературу о нем на многих языках, а также издания, над которыми работал Троцкий. Прямыми потомками Троцкого, которые остались в живых после советских кровавых чисток, являются его внук, сын дочери Зинаиды Эстебан Волков, живущий в Мехико, и внучка — дочь Сергея Седова — Юлия Аксельрод, живущая в Иерусалиме. Правнуки и праправнуки вечного революционера разбросаны ныне по разным городам России, Мексики, США и Израиля. Известным ныне потомком Троцкого является его правнучка Нора Волкофф, дочь Эстебана, внучка Зинаиды, возглавляющая крупный медицинский наркологический центр — Национальный институт США по борьбе с наркоманией, расположенный в Вашингтоне. Она родилась в доме, где был убит ее прадед.

988

Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. С. 163.

Eastman M. Since Lenin Died. London: Labour Publishing Company, LTD, 1925. P. 17.

990

Сталин И. Сочинения. Т. 9. М.: Госполитиздат, 1948. С. 283.

991

Американский исследователь А. Виллнер дает такое обоснованное определение: «Харизматическая власть не основана ни на должности, ни на статусе, а вытекает из способности конкретной личности вызывать и поддерживать веру в себя как источник легитимности» *(Willner A.R.* The Spellbinders. Characteristic

Political Leadership. New Haven: Yale University Press, 1984. P. 4). В отличие от харизматичности личности Троцкого Ленин, а тем более Сталин обладали качеством, которое можно определить как псевдохаризму. Речь идет об обожествлении лидеров, которое было предопределено не их личными качествами и действиями, а навязано систематической, однообразной, бьющей в одну точку пропагандой, сочетавшейся с карами по отношению к несогласным, что в конечном итоге порождало синдром толпы, материально и духовно порабощенной властелином. У толпы возникало понимание, что любое сомнение окончится плохо, масса начинала верить или, скорее, давала уговорить себя поверить в наличие у них гениальных способностей, которых в действительности эти люди не имели. Некая черная аура, которой обладали Ленин и Сталин, раздуваемая средствами коммуникаций, вызывала страх и вытекавшее из него поклонение толпы.

993

Авторханов А. Происхождение партократии // Посев. 1983. № 2. С. 37.

994

Природа. 1999. № 8. С. 97.